

Библиотека всемирной литературы

Серия третья * * *

Литература XX века

ДЖОН РИД

ВОССТАВШАЯ МЕКСИКА

●

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР

●

АМЕРИКА 1918

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1968

Вступительная статья

И. Анисимова

И (Амер)
Р 49

Иллюстрации

А. Бустоса и В. Шаранговича

7—3—4
подп. изд.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЖОНА РИДА

1

Как ни старались капиталистические Соединенные Штаты Америки отгородиться от влияния Великой Октябрьской социалистической революции, это влияние было могучим и несокрушимым. Ни интервенция, в которой весьма активно участвовали Соединенные Штаты, ни политика непризнания, в которой твердолобые реакционеры упорствовали до последней возможности, ни бешеная антисоветская пропаганда — ничто не могло остановить этого влияния. О пробуждении масс свидетельствовали забастовки такого размаха, которого они еще никогда не достигали в Америке, рост народных симпатий к Советской России и эпидемия «красного страха», охватившая американскую буржуазию [1].

Широкие массы рабочих в США отнеслись к Октябрьской революции с таким же горячим сочувствием, как и во всем мире. Совершавшееся повсюду духовное раскрепощение передовой интеллигенции происходило и в Америке. «Революция в умах» шла здесь полным ходом и находила самые разнообразные формы своего выражения. Эптон Синклер принимает участие в движении «Клартэ», и самый злободневный из его романов — «Джимми Хиггинс» — повествует о том, что простые люди Америки принимают близко к сердцу дело советской рево-

[1] Понятие «красного страха» так прочно вошло в обиход американской реакции, что в 1955 г. Р.-К. Мэррей выпустил книгу под названием «Красный страх. Исследование в области национальной истории 1919—1920 гг.» и, таким образом, поставил целый период современной истории США под знак паники перед угрозой революционного взрыва.

люции. Линкольн Стеффенс выражает свое восхищение Советской Россией, уверенно прокладывающей путь в будущее. Среди писателей все шире распространяются революционные настроения.

Все больший размах приобретают литературные явления, в которых отражены социальные потрясения, произведенные первой мировой войной, а также тем воздействием, которое оказала Великая Октябрьская социалистическая революция, до глубин всколыхнувшая народные массы во всем мире.

О масштабе совершавшихся в американской литературе сдвигов можно судить по публицистике Драйзера конца десятых годов. Впервые автор «Гения» вступает в такую ожесточенную схватку. Все написанное им ранее, бесспорно, подводило к выводам, которые он теперь делает, но сделать эти смелые выводы ему помогли великие события. Они озарили новым светом творчество Драйзера. Он открывает такие образы, как Джон Парадизо — человек, который уже «не может мириться с окружающей действительностью», которого «покидает спокойствие».

Конец десятых годов — замечательно плодотворное время для американской литературы. Достаточно сказать, что это время Джона Рида. Жизнь этого писателя, трагически оборвавшаяся так рано, с ее неповторимым духовным богатством и сложными перипетиями, была отдана будущему. Джон Рид указал передовой американской литературе предстоящий ей путь.

За свою короткую жизнь Джон Рид создал очень много. Он был удивительно разносторонним: поэт, драматург, мастер короткого рассказа и очерка, автор произведений нового жанра — своеобразных социальных эпопей, в которых были запечатлены такие события современного мира, как революция в Мексике, первая мировая война и, наконец, Великая Октябрьская социалистическая революция. Эти произведения, убедительно выражающие то новое, что внес Джон Рид в литературу, составляют своеобразную трилогию — «Восставшая Мексика», «Война в Восточной Европе», «Десять дней, которые потрясли мир». Две первые части этой трилогии, очень не схожие между собой, подготовляют грандиозную заключительную часть, которая является в полном смысле этих слов «делающим эпоху» произведением.

Внутреннее развитие трилогии, которая никогда не задумывалась автором как цельное произведение, но так сложилась в силу определенных исторических обстоятельств, отчетливо обозначает основную линию развития Джона Рида; все другие произведения находятся если не в прямой связи, то в зависимости от этой главной магистрали. Поэтому важно прочертить именно это решающее направление.

Коренной американец, выходец из состоятельной буржуазной семьи, воспитанник привилегированного Гарвардского университета,

Джон Рид блестяще начал свою литературную карьеру, осыпаемый восторженными похвалами критики. Он быстро достиг славы и больших гонораров. Появление Рида в Нью-Йорке, где он вел жизнь литературной богемы, успех, которым он пользовался в знаменитом тогда литературном салоне Мэбель Додж, производили впечатление бесшабашности, о чем его старший друг и наставник Линкольн Стеффенс свидетельствует, вспоминая, что иногда ему приходилось испытывать тревогу за будущее молодого таланта.

Впрочем, даже самое раннее творчество Джона Рида, например, его рассказ «Куда влечет сердце» (1913), опубликованный на страницах незадолго до того возникшего радикального журнала «Мессиз», свидетельствует о резко критическом отношении писателя к капиталистической действительности. Мишурный блеск американской цивилизации не обманывал молодого писателя, и то пристальное, напряженное внимание, с которым он присматривается к еще далекому от него миру трудящихся, говорит о том, что Рида рано начали интересовать основные социальные противоречия буржуазного общества.

В «Мессиз» Рид, естественно, должен был встретиться с литераторами социалистической ориентации, правда, это был туманный и очень абстрактный социализм. Зато наглядные примеры борьбы рабочего класса, подобные знаменитой стачке в Патерсоне, как магнит, притягивали к себе внимание Джона Рида. Он едет на место действия, и в своей великолепной корреспонденции «Война в Патерсоне» (1913) не прикрывается объективностью стороннего наблюдателя: он за тех, кто борется, защищая свои права, он против тех, кому принадлежат фабрики, охваченные забастовкой.

Это было первое настоящее знакомство Джона Рида с жизнью и борьбой трудящихся. Он убедился на собственном опыте, какие отвратительные формы принимает социальное угнетение, не останавливающееся ни перед какой жестокостью. Он сам на себе испытал мертвую хватку классового «правосудия», являющегося, подобно полиции, прямым орудием угнетения. Он увидел народ в страданиях и борьбе. Неизгладимое впечатление на него произвело то, что в тюремной камере, куда его бросили вместе с забастовщиками, которых морили голодом и избивали, «ни на одном лице не было заметно разочарования, колебания или страха».

Он понял, что попал в гущу большого сражения. Он так и назвал свой очерк — «Война в Патерсоне». Он увидел решимость на лицах людей, вступавших в борьбу. Он проникается симпатией и восхищением к этим людям. Он пишет с увлечением о Хейвуде, который был среди заключенных, но особенно привлекают его безымянные герои рабочего движения — «именно они являлись душою стачки...».

Он делает из событий в Патерсоне очень важный вывод, он видит в этих событиях яркое свидетельство того, что «сами массы поднялись на борьбу...». «Нет, вы представьте себе это! Двенадцать лет они терпели поражение в стачечной борьбе, двенадцать долгих лет разочарований и неисчислимых страданий. Они не должны опять проиграть, они не могут проиграть».

События в Патерсоне были значительной вехой не только в формировании революционных взглядов Джона Рида, но и в том, что литературное его творчество начинает связываться с народной жизнью.

В Нью-Йорке у Джона Рида возникает идея агитационного театрального представления, в котором были бы запечатлены оставившие такой глубокий след в народной памяти события стачки в Патерсоне. Ему удается осуществить свое намерение и поставить один-единственный спектакль, который, однако, история народного театра в Америке внесет в свои анналы как исключительно важное событие. Сохранилось интереснейшее свидетельство об этом народном представлении, записанное в «Книге Билла Хейвуда» [1] — автобиографии выдающегося деятеля американского рабочего движения, знакомство с которым оказало огромное влияние на духовное развитие Джона Рида. Вот что там говорится:

«В день представления тысяча двести стачечников перешли через Гудзон. С пристани мы отправились в зал Мэдисон-сквера, в котором уже целую неделю зажигались по вечерам красные лампочки, составлявшие гигантскую надпись: «Индустриальные рабочие мира». Мы пригласили принять участие в представлении восемьдесят или девяносто человек ньюйоркцев, известных своими радикальными взглядами. Бобби Джонс, теперь знаменитый театральный художник, вместе с Джоном Ридом нарисовали плакат: героическую фигуру рабочего на фоне фабрики и дымовых труб. В Мэдисон-сквере была построена громадная сцена, на которой была установлена декорация, изображающая шелковые фабрики. Режиссером был Джон Рид.

Когда открыли ворота, перед ними образовались огромные очереди. В эту ночь стачечники собирались показать свою жизнь в Патерсоне многолюдной заинтересованной аудитории под аккомпанемент новых песен, написанных стачечниками.

Первая сцена показывала заводы на полном ходу. Рабочие гуляли по улицам — центр аудитории — группами и поодиночке: одни читали газеты, другие напевали песенки. У всех в руках или под мышкой были корзинки и пакеты с завтраками. Вдруг раздался гудок. Послышались стук, шум, грохот машин. Потом широкое пространство —

---

[1] Издана в Москве в 1932 г. (ГИХЛ).

улица опустела. Все ушли на работу. Вдруг раздались голоса: «Стачка! Стачка!» Рабочие выбегали толпами, крича, смеясь, толкая друг друга. И все торжественным хором запели «Интернационал», подхваченный аудиторией.

Во втором действии заводы были мертвы: ни огня, ни звука. Они стояли, как чудовищные привидения. Это было утро после объявления стачки. Появились рабочие пикеты. Они пели песню стачки. Жизнерадостный итальянец весело перебирал струны гитары. Несколько полисменов смешалось со смеющейся, поющей толпой, расхаживающей перед заводом. И вдруг без всякого предупреждения полиция набросилась на стачечников. Началась битва. Раздались выстрелы. Один из стачечников упал. Его убила полиция. Другой, раненный, вырвался из толпы. Убитого унесли. Стачечники проводили его до дому. День был закончен.

Третья сцена представляла похороны убитого рабочего. По сцене пронесли гроб, за которым следовали стачечники с пением похоронного марша. Гроб опустили посредине сцены. Стачечники выстроились по обе стороны его, и каждый опустил на гроб зеленую ветвь и красную гвоздику. Элизабет Герли Флинн, Карло Треска и я произнесли речи, так же, как если бы это было в действительности, над гробом убитого стачечника в Патерсоне. Мы призывали стачечников бороться до тех пор, пока не будет свергнуто проклятое иго эксплуатации, пока рабочие не вступят во владение тем, что им принадлежит по праву.

В четвертом действии стачечники отправляли своих детей в другие города на время стачки. Эти дети также объявили забастовку в школе, потому что учителя называли бастующих рабочих и их организаторов «анархистами и тунеядцами из разных стран». Дети прощались с родителями и уезжали под пение «Красного флага». Они должны были остаться у своих новых друзей — «стачечных родителей» — на все время стачки.

Последняя сцена изображала митинг в Терн-Холле в Патерсоне. У задней стены была устроена платформа, вокруг которой столпились рабочие. Я обратился к ним с речью и говорил так серьезно и так сильно, как только может говорить человек, вложивший в дело душу и вдохновленный тысячами сочувствующих слушателей.

Представление закончилось общим пением «Интернационала».

В этой записи Билла Хейвуда необходимо исправить только одну неточность: Джон Рид был автором сценария и всего замысла патерсоновского «карнавала», а не только режиссером.

Трудно переоценить значение этого выступления Джона Рида, явившегося смелым поиском драматургической формы, в которую могла быть облечена «борьба между рабочим классом и классом капиталистов... столкновение между двумя социальными силами», как гласила

программа, напечатанная для зрителей «карнавала». Оно свидетельствовало о том, что между писателем и рабочим классом уже существовали прочные связи.

Вот почему Рид начинает вызывать раздражение Гертруды Стейн, которая была непререкаемым авторитетом в кругах американского декадентства. И вот почему сам Рид испытывает чувство глубокого удовлетворения. «Я никогда не был так счастлив»,— пишет он своему другу Эдварду Хенту. С растущей симпатией он отзывается о Хейвуде, Элизабет Флинн и других массовиках, с которыми он сблизился во время «карнавала». «Мне нравится, что их всегда понимают рабочие,— писал он,— нравится их революционная мысль, смелость их мечты, нравится то, как воспламеняются необъятные толпы народа, воодушевленные их руководством. Это была подлинная драма, делавшая наглядной демократию в движении».

Если обратиться к рассказам Джона Рида этой поры, напечатанным в журнале «Мессиз» (в 1913 г. он становится одним из редакторов этого издания), то они дают основание говорить о нарастающей остроте социальной критики. «Еще один случай неблагодарности», «Игра Правосудия», «Увидеть — значит поверить» — все эти рассказы 1913 года сдирают позолоту с капиталистического фасада, все они посвящены отверженным большого города и все проникнуты возмущением против двуличия, ханжества и цинизма буржуазного общества. Все эти лейтмотивы ридовского рассказа уже полностью складываются здесь, так что его более поздние рассказы, и в том числе потрясающая «Ночь на Бродвее», где показана с такой трагической силой судьба маленького человека в Америке, представляют только дальнейшее развитие и углубление одного, отчетливо наметившегося направления.

И так как основные произведения Джона Рида, которые мы называем его эпической трилогией, не изображали американской действительности, то значение рассказов, преимущественно рисующих американскую жизнь, особенно велико: эти небольшие реалистические произведения отличаются социальной насыщенностью и духом гуманизма, что было воспринято молодым писателем от демократической литературной традиции его родины и что наложило отпечаток на все его творчество.

Из рассказов Рида надо сделать не только тот вывод, что реализм их, часто приобретающий сатирический характер, служит обличению американского капитализма, но и тот, что у автора глубокие корни, ушедшие в американскую почву, в демократическую литературную традицию. Подобно тому как его поэзия проникнута духом Уитмена, его проза остается американской прозой независимо от того, что описывается в книгах Рида.

2

В конце 1913 года Джон Рид отправляется как корреспондент газеты «Уорлд» в Мексику, где тогда шла ожесточенная гражданская война. Из его корреспонденций в журнал «Метрополитен», получивший к тому времени социалистическое направление, а также в «Мессиз» составилась книга «Восставшая Мексика» (1914). Это была первая книга Джона Рида, и она привлекла к себе широкое внимание. В ней отчетливо проявляются такие особенности литературного метода Джона Рида, без которых уже не обходится ни одно его произведение. Он идет здесь дальше своих рассказов, где встречались лишь жертвы капиталистического строя, и смело вступает в бурный поток народной жизни, где его окружают люди нового склада, люди, защищающие свою свободу.

То, что именно здесь Рид искал своих героев, резко противопоставляло его современной американской литературе. Это отразилось, например, в той оценке, которую дал «Восставшей Мексике» Уолтер Липпман (мы теперь знаем его как реакционного журналиста, и трудно поверить, что было время, когда он отдавал дань социалистическим симпатиям, а именно так и было). «Он не выступает как судья,— писал Липпман,— он отождествляет себя с борьбой, и все, что он видит, связано с тем, на что он надеется, и когда симпатии его соответствуют фактам, Рид гордится этим».

Как видим, это двойственная, противоречивая оценка, стремящаяся противопоставить правду фактов симпатиям автора. Липпману не нравилось, что Рид открыто становится на сторону восставшего народа, а это и было самым замечательным и самым новым в книге. Мы еще вернемся к статье Липпмана, из которой взяты эти фразы, но даже сквозь брюзжание здесь чувствуется, что книга Рида воспринималась как произведение крупного масштаба. Этого никто не мог отрицать.

Самым большим и многозначительным открытием, которое делает Джон Рид в книге «Восставшая Мексика», было открытие народа. И надо представить себе все значение этого открытия.

Джон Рид верил в массы. Он старался слиться с восставшей Мексикой, с ее неграмотными крестьянами, с ее малообразованными вожаками, и понять, что приносит победу этим оборванным, но беззаветно преданным своей цели простым людям. Он очень быстро понял, что мексиканская революция — это не схватка тех или иных претендентов на власть, а народная революция.

Он понял, какую силу в этой народной революции имеет голос обезземеленной крестьянской бедноты, которая никогда не примирится со своими угнетателями — помещиками. Он понял, что восставшая бед-

нота изо всех сил борется за жизнь, землю и хлеб. Он увидел, что мужицкая армия располагает неисчерпаемыми резервами. Вот что он говорит о встрече с одним из pacíficos — мирных жителей.

«Не скрою, я не скоро забуду истощенное тело и босые ноги старика с лицом святого, который сказал медленно:

— Революция — это хорошо! Когда она победит, мы, с божьей помощью, больше никогда, никогда, никогда не будем голодать. Но это будет не скоро, а сейчас нам нечего есть, нечего надеть. Хозяин уехал из асиенды, у нас нет рабочего скота, и нам нечем обрабатывать землю, а солдаты забирают последний хлеб и угоняют скотину...

— А почему же pacíficos не идут на войну?

Он пожал плечами.

— Мы им не нужны. У них для нас нет ни оружия, ни лошадей. Они сами справляются. А кто будет кормить их, если мы перестанем сеять кукурузу? Нет, сеньор. Но если революции будет грозить опасность, тогда больше не останется pacíficos. Тогда мы все встанем на ее защиту с ножами и хлыстами... Революция должна победить!..»

А вот что думает о происходящем «грязный человечек, которого все называли доктором и который раньше был аптекарем в Паррале, а теперь носил чин майора: «Наша революция... Вы должны правильно судить о ней. Это борьба бедных против богатых...»

«Вот это и есть мексиканская революция!» — восклицает подружившийся с автором храбрый воин Мартинес, после того как было прочитано перед отрядом кавалеристов на отдыхе «воззвание губернатора штата Дуранго, в котором заявлялось, что земли крупных асиенд будут поделены между бедняками».

Постепенно развертывающаяся перед нами картина событий состоит из множества частиц, иногда очень мелких, но всегда целеустремленных, как бы намагниченных, что и делает книгу цельной. Стремясь проникнуть в глубины народного движения, автор возлагает все надежды на правду, и это вполне соответствует духу народной революции.

«Пишите обо всем, но только правду»,— говорит автору крестьянский генерал Урбина.

Идя путем правды, Джон Рид показывает без всяких искусственных приемов величие, грандиозность борьбы народа за свободу и счастье. Ему так глубоко удалось ощутить бурную пульсацию действительности и с такой увлекательной естественностью передать в своих описаниях пафос мексиканской революции только потому, что он был полностью с нею, с ее простыми героями, с ее идеалами.

Прекрасную убедительность, покоряющую силу приобрел в этой книге образ Франсиско Вильи. Человек, находившийся «вне закона» в

течение двадцати двух лет, стремительно поднялся в годы народной революции. Джон Рид показал в образе Панчо, как характернейшие черты революции могут воплотиться в определенной личности и как это делает подобного человека настоящим народным вождем.

«Пеон-политик» и, «несомненно, величайший полководец, которого когда-либо видела Мексика», Франсиско Вилья привлек к себе пристальное внимание Рида. Наблюдая его деятельность, Рид нащупывает очень важный узел своего кажущегося разбросанным повествования: в решениях и поступках Панчо проявляется, как всем существом своим он понимает, что «мексиканская революция — революция народная»,— это и есть сердцевина событий. Джон Рид стремится особенно приблизить к читателю образ Панчо со свойственной ему пеонской «прямотой и стремительностью», чтобы он мог повнимательнее рассмотреть характерные черты вожака мексиканской революции. Эти черты встречаются и в других действующих лицах народной драмы, но в Панчо они выступают особенно резко. И хотя композиция книги так свободна, что можно предположить намерение автора подчеркнуть этим бурную изменчивость действительности, образ Панчо, несомненно, является центром всей книги.

Небольшая, очень трогательно написанная глава «Мечты Панчо Вильи» заканчивается таким признанием «необразованного рубаки»: «Хорошо помогать Мексике стать счастливой страной».

Разве это не мечта всех героев «Восставшей Мексики» до единого?

И если какими-то своими чертами Панчо Вилья напоминает нашего Чапаева, то это свидетельствует о том, что и в первой книге Джона Рида, и в первой книге нашего Фурманова проявляла себя сложная и многообразная действительность народной революции, в которой перерастание стихийного начала в организованную революционную борьбу является столь острой и столь важной проблемой.

Многим читателям «Восставшей Мексики» импонировала изумительная многоцветность прозы Джона Рида, запечатлевшей необыкновенные краски мексиканской природы. Очень чуткое, изощренное зрение Джона Рида проявилось и в том, что множество выведенных в книге лиц, очерченных лишь немногими чертами, отличалось удивительной жизненностью.

В этом характерная особенность ридовской литературной манеры того времени. С цветистостью, которая иногда у него появлялась, он впоследствии расстается, а редкостная способность делать каждый характер живым — совершенствуется. Впрочем, значение книги «Восставшая Мексика» заключено не в тех или иных особенностях формы, а в том, что здесь с глубокой убедительностью была раскрыта народность бурного, пестрого и многоликого движения, свидетелем и другом которого стал Джон Рид.

Как драма народа, который взялся за оружие, чтобы добыть себе свободу и землю, обрело силу это произведение. В этом секрет его поразительного единства и того глубокого впечатления, которое оно оставляет. Джон Рид отдавал себе отчет в том, что встреча с революционной Мексикой духовно обогатила его: «Я снова нашел себя и пишу лучше, чем когда-либо».

Характерно, что книга кончается главой «Los pastores», в которой описан спектакль народного театра в Эль-Оро, причем действие средневековой мистерии обогащается вполне современными репликами зрителей, и это придает традиционному зрелищу совершенно новый смысл: давным-давно окостеневшие образы и несложный сюжет мистерии причудливо переплетаются с темами сегодняшнего дня, интересующими революционно настроенную аудиторию. Получается очень интересно, и Джон Рид заканчивает свою книгу о крестьянской революции словами: «Мексиканскому театру придется обойтись без своего золотого века», желая этим сказать, что преображаемая революцией Мексика, минуя эпоху Возрождения и много других эпох, прямо из средневековья бросается в «бушующие волны современной жизни».

Мы назвали эту концовку характерной потому, что она напоминает о патерсонском «карнавале» и о том, какое огромное значение придавал Джон Рид литературе и театру, их неразрывной связи с народной жизнью, их способности выразить народные чаяния. Всякая народная революция втягивает в свой бурный водоворот литературу и театр — это излюбленная мысль Рида.

Как известно, Эйзенштейн и Александров в своем фильме о Мексике исходили из книги Джона Рида, и тот, кому удалось познакомиться хотя бы с фрагментами этого, так и не увидевшего свет фильма, обязательно должен был заметить, что великий советский кинематографист Эйзенштейн воспринял в книге Джона Рида отнюдь не ее экзотическую сторону, а ее народную природу, ее подлинную сущность, что и позволило с такой силой раскрыть в сценарии образ Панчо Вильи и показать всесокрушающую силу народного движения, опрокидывающего все препятствия.

3

Находясь в Мексике, Джон Рид не мог забыть об Америке. Она постоянно напоминала о себе той ненавистью, которую питал восставший народ к американским трестам, грабившим и разорявшим страну. Эта тема проходит сквозь всю книгу. Она возникает и в рассказе «Мак-американец» (1914), в котором показано, как прочна броня предрассудков, прикрывающая заносчивого американского обывателя, пре-

зрительно третирующего мексиканское простонародье. Рассказ показывает пустоту и аморальность спесивого янки.

Вскоре после возвращения из Мексики Джон Рид становится свидетелем нового преступления Уолл-стрита — зверской расправы над горняками Ладлоу в Колорадо. Его восхищает мужественное сопротивление, которое оказали горняки полиции и войскам, направленным для подавления стачки. «Война в Колорадо» — называется корреспонденция Джона Рида, напечатанная в «Метрополитене» (1914, июль).

Он приехал на место действия «примерно через десять дней после массовых убийств в Ладлоу». Внешне все уже было спокойно. «Ничто не напоминало о том, что три ночи назад по улицам мчалась разъяренная толпа вооруженных людей, готовых к отчаянной схватке на этих улицах...»

Ему пришлось восстанавливать картину событий, добывая материал, подобно исследователю. Документы, анализ социально-экономических данных, свидетельские показания легли в основу очерка, который точнейшим образом воспроизводит все перипетии разыгравшейся в Ладлоу трагедии. Это всесторонне аргументированное обвинение в чудовищном преступлении, предъявленное не только Рокфеллеру, который держит в руках всю угольную промышленность Колорадо, но и всему капиталистическому строю.

Очерк разоблачает капиталистическое рабство в Америке. Чтобы закрепить систему самой свирепой эксплуатации, хозяева стали «умышленно ввозить для работы на шахтах иностранцев» — итальянцев, поляков, греков и др., «тщательно подбирая на каждой шахте людей, говорящих на разных языках, чтобы рабочим труднее было объединиться». Были заведены «феодальные» порядки, ставившие шахтера и его семью в полную зависимость от хозяйского произвола... «повсюду укрепления и патрули, как в государстве, находящемся на военном положении». Рабочему было предоставлено только одно право — повиноваться и терпеть.

Джон Рид тщательно и глубоко изучает действительность. Он показывает, что забастовка в Ладлоу возникла стихийно, в поисках выхода из той «отчаянной нищеты», до которой были доведены колорадские горняки. Стихийным было и то сопротивление, которое оказали забастовщики брошенным против них карательным отрядам.

Разнузданность капиталистической тирании в полной мере проявилась в тех кровавых зверствах, которые были содеяны в Ладлоу, в том презрении к людям труда, с которым действовали агенты компании и государства. Возмущение охватило даже самых «скромных и терпеливых», даже тех, кого обычно было «легко прибрать к рукам». На сторону забастовщиков становятся люди, обычно не вмешивающиеся в такие события: «врачи, священники... аптекари и фермеры».

«С оружием в руках»,— подчеркивает Джон Рид. И в другом месте приводит еще один, также очень показательный перечень — «чиновники, извозчики, шоферы, школьные учителя и даже банковские служащие...». Вот эта невыносимость социального гнета, достигшего предела, неизбежность возмущения, охватившего широкие общественные слои, и является внутренней темой очерка «Война в Колорадо».

«Казалось, что зажженное в Ладлоу пламя охватило всю страну»,— пишет Джон Рид, имея в виду пожары, во время которых погибло в огне множество женщин и детей. Этой страшной расправой каратели думали подавить сопротивление забастовщиков, но они сделали его лишь более отчаянным и вызвали бурную реакцию ненависти к угнетателям со стороны всей трудящейся Америки.

Начало войны в Европе Джон Рид встречает без всяких колебаний, заявляя: «Это не наша война».

Статья «Война торговцев» (1914), заканчивающаяся этой выразительной фразой, была попыткой обнажить подлинные причины разгоревшейся бойни: столкновение интересов империалистических держав, погоня германских, английских, французских и прочих капиталистов за прибылями, засилье милитаризма. Он считает необходимым заявить, что выступает как социалист, и резко осуждает либеральную «газетную болтовню», перекрашивающую «войну торговцев» в «священную войну против тирании».

С таким убеждением он и отправляется на фронт, чтобы увидеть войну воочию. В рассказе «Так принято» (1914), описывающем интересную встречу во время путешествия, Рид с сарказмом изображает человека, который принимает войну, послушный морали своего класса. Это удивительно глубокий этюд социальной психологии.

Относящийся к этому же времени рассказ «Кок — отважный капитан» (1914) не связан с какими-либо злободневными проблемами. Но это важный момент в развитии писателя. Джек-лондоновский тип «морского волка» представлен здесь в ироническом освещении, и эта полная дискредитация «сверхчеловека» произведена беспощадно и мастерски.

Но это была все же интермедия между гораздо более актуальными, существенными произведениями, в которых Рид пытался дать ответ на самые мучительные вопросы времени.

Очерк «Вместе с союзниками» (1914) начинается описанием сверкающей огнями нейтральной Женевы, где «немцы, англичане, французы вместе обедают, вместе танцуют, толпятся по ночам в курзале у игорных столов» как ни в чем не бывало. А на фронтах другие немцы, англичане, французы убивают друг друга. Эти гримасы, эту чудовищную бессмысленность войны Джон Рид все время старается обнажить. Он побывал в опустевшем во время немецкого наступления

Париже, в Кале, на полях только что закончившейся битвы на Марне. Он разговаривал с французскими и английскими солдатами, спрашивал их, за что же они воюют, и каждый раз убеждался в том, что солдат либо не знает, что сказать в ответ, либо отвечает, как затверженный урок, что цель войны составляет защита родины, уничтожение прусского милитаризма. Очерк Джона Рида разоблачает обман, профанирующий все священное для человека, обман, которым пользуются капиталистические правительства, чтобы держать массы в повиновении.

Вскоре после этого очерка, напечатанного в «Метрополитене», появляется в журнале «Мессиз» один из лучших рассказов Рида — «Дочь революции» (1915), навеянный парижскими впечатлениями и повторяющий обычную для Рида тему капиталистического варварства в тонах трагического гротеска. Это грозный рассказ. И то, что свободой Марселлы остается только свобода проститутки, и то, что эта дочь французского рабочего решилась растоптать благородные традиции своей семьи (дед ее был расстрелян у стены Пер-Лашез), не только обличают человеконенавистнический строй жизни, порождающий подобные уродства, но и требуют возмездия.

Американец, слушающий в кафе «Ротонда» горькую нервическую исповедь Марселлы, не скрывает своих революционных симпатий.

«Послушайте, Марсель! Разве вы счастливы вот в этом нашем мире? За что вы можете его любить — уж не за то ли, что вам приходится выходить на улицу продавать свое тело? — Фред со всем жаром бросился в кипящий поток пропаганды.— Когда придет великий день, я знаю, по какую сторону баррикады мне стоять».

Введение в рассказ такого противопоставления, по-видимому имеющего автобиографический характер, дает возможность показать значение и несокрушимость боевых традиций рабочего класса, от которых отреклась сбившаяся с дороги женщина, подчеркнуть накаленность социальных противоречий. Рид любит резкие тона.

После того как Рид побывал во Франции, в Италии, в Германии, побывал в столицах воюющих государств, в штабах воюющих армий, в траншеях, где умирали солдаты, он возвращается в США, и уже высказанное им отрицательное отношение к войне крепнет. «Это не моя война»,— повторяет он.

Буржуазная печать и респектабельные литературные круги начинают все более подозрительно относиться к Джону Риду. Ему не могут простить разоблачений капиталистического варварства, ненависть к которому нарастает в его творчестве.

В то время, когда Джон Рид находился еще в Европе, Уолтер Липпман, доктринерство которого Рид высмеивал, выступает в одном из первых номеров журнала «Нью-Рипаблик» со статьей «Легендарный

Джон Рид», в которой пытается уличить смело идущего вперед писателя в поверхностности и легкомыслии.

«Он утверждает, что все капиталисты жирны, лысы и скупы, что Виктор Бергер и социалистическая партия, Самуэль Гомперс и профсоюзы обманывают трудящихся. Он старается уверить нас, что рабочий класс это не горняки, водопроводчики и представители других видов труда, а величественный гигант, который, подобно статуе, возвышается на высокой горе, лицом к солнцу. Он сочиняет рассказы о ночных приключениях и забавах, о женщинах в кимоно. Он разглагольствует с интеллигентской терпимостью о динамите, и кажется, что он может объяснить истинную связь между кубистами и ИРМ. Он даже прочел несколько страниц Бергсона».

Хотя этот выпад и очень огорчил Джона Рида, теперь, в перспективе времени, он свидетельствует лишь о том, что стремительный рост таланта и рост революционного сознания в творчестве Рида очень напугали «социалистов», подобных Липпману, и что пропасть между Ридом и такими людьми уже образовалась.

Отметим, что к этому времени относится интереснейший замысел написать комедию в духе Шоу, которая должна была бы сатирически изобразить находящихся в тупике американских интеллигентов, неспособных определить свое отношение к войне, к бурным событиям современности.

По предложению журнала «Метрополитен», Джон Рид снова отправляется в Европу. На этот раз его интересуют восточные плацдармы войны. Он посещает истерзанную Сербию, Грецию, Турцию, а также Болгарию, Румынию. Без разрешения пробирается на русский фронт, после очень сложных и опасных приключений попадает в Петроград, откуда его выдворяют в США.

Результатом этого путешествия является вторая книга Джона Рида — «Война в Восточной Европе» (1916). В ней нет той цельности, которая отличает «Восставшую Мексику», в ней Риду не удалось показать трагедию народов, брошенных в бойню, но контуры замысла именно таковы, и если эта книга не сложилась как единое, целеустремленное произведение, обвиняющее капитализм в чудовищном преступлении, то это все же остается основой ее неосуществившейся композиции.

Это, скорее всего, материалы к большому произведению, которое могло бы возникнуть, материалы, богатство и многообразие которых нельзя переоценить.

В этой книге много метких характеристик и глубоких наблюдений, о чем говорит хотя бы выдержка из главы, которая называется «Лицо России» и которая интересна тем, что представляет своеобраз-

ный переход к великой книге «Десять дней, которые потрясли мир». В этой главе есть много наивного, но вместе с тем в ней передано ощущение того, что Россия 1915 года, которую он увидел, была уже чревата великими потрясениями. Именно за это и полюбил он так страстно «суровую, великолепную, необъятную, сбивающую с толку, непостижимую для себя самой» страну.

Вот что говорит впервые очутившийся в России американец: «Русская фантазия — самая живая, русская жизнь — самая свободная, русское искусство — самое великолепное, русская еда и питье, на мой вкус, самые лучшие, а сами русские, возможно, самые интересные существа на свете».

Вернувшись в конце 1915 года из своего восточноевропейского путешествия, Джон Рид печатает ряд рассказов — «Ночь на Бродвее» (1916), «Капиталист» (1916), в которых он продолжает показывать Америку обездоленных; его внимание по-прежнему привлекают люди дна большого города, искромсанные человеческие судьбы, жертвы капитализма, вызывающие в нем глубокую симпатию.

То, что в Европе бушует война, не интересует ни старика, торгующего «Брачной газетой» на Бродвее, ни уличную проститутку. Это люди, выброшенные за борт, грязная изнанка того самого Бродвея, который с фасада залит ослепляющими огнями реклам. Этот резкий контраст постоянно встречается в рассказах Рида, которые являются последовательно антикапиталистическими произведениями.

Полный сарказма и гнева очерк «Рузвельт их продал» (1916), в котором показана изнанка буржуазной демократии с ее бесчестными выборными махинациями, служит как бы обостряющим продолжением этих рассказов. Здесь выведены «зловещие фигуры, боровшиеся с народом не на жизнь, а на смерть». Эти «заклятые реакционеры» часто прикидываются сторонниками социальной справедливости. Теодор Рузвельт был одним из циничнейших демагогов такого рода и умел носить свою маску: «В нем воплощались демократия, справедливость и честность, он был защитником бедных...»

Срывая эту маску, уличая такого «героя» в продажности, аморальности и двуличии, Джон Рид обнажал лицо господствующего класса.

Он уже имел возможность близко познакомиться с европейской войной, и он резко осуждает эту «войну торговцев», развязанную империалистами к их выгоде. Он выступает против участия Соединенных Штатов в этой войне, против заигрывания своих соотечественников с русским царем. В статьях «Миф об американской тучности», «Милитаризм и игра», напечатанных в «Мессиз», он клеймит империалистические махинации Уолл-стрита, прикрываемые всевозможными ханжескими соображениями.

В известной статье Ромена Роллана «Свободные голоса Америки» (1917) «Мифу об американской тучности» уделено большое внимание. Подробно излагая аргументацию автора, который ему ранее не был известен и в котором он угадывает новую силу передовой американской литературы, Роллан сочувственно цитирует особенно понравившиеся ему вещие слова Рида, обращенные к поджигателям войны: «Терпение народа имеет границы. Берегитесь восстаний!»

В этот период Рид пишет и много стихов, в некоторых поэтических его произведениях ясно чувствуется влияние Уитмена. Он выпускает единственный за всю свою короткую жизнь стихотворный сборничек, своеобразную антологию под названием «Бубен» (1917).

Недолго просуществовавший, но оставивший заметный след в истории американской литературы, журнал «Семь искусств» (в нем сотрудничали многие передовые американские писатели, и среди них — Уолдо Фрэнк, Ван Вик Брукс, Шервуд Андерсон, Теодор Драйзер, О'Нил, Карл Сэндберг) стремился сплотить прогрессивные силы[1], и естественно, что Джон Рид тоже участвовал в этом издании. Из двух произведений, которые он хотел напечатать в журнале «Семь искусств», было опубликовано только одно — «Непопулярная война» (1917 г., август).

Предельно сжатый обзор впечатлений, которые автор вынес, побывав на многих фронтах войны, разрастается в грозное обвинение против капитализма, обрекшего народы на страдания и муку. «Ни в одной стране мира, в том числе даже в Германии, эта война не была популярна». Народы ненавидят ее. Очень интересны строки, посвященные России: «Если кто-нибудь думает, что русский народ хотел этой войны, то ему стоит лишь приложить ухо к земле теперь, когда массы русских прервали свое вековое молчание, и он услышит приближающуюся поступь мира».

Нельзя не сопоставить это выступление Рида с тем, что он писал в очерке «Непопулярная война». Здесь есть даже повторение (разговор в Кале, танцующий на вулкане Лондон, заменивший веселящуюся Женеву из первого очерка), но в целом второй очерк отличается и нарастанием возмущения, и большей политической зрелостью. Рид уже «перешагнул» через многих, он глубже проникал в суть событий. Он воспринимал их, исходя из «предвзятой идеи социализма, согласно которой правящие капиталистические классы цинично и злонамеренно, обманом втянули свои народы в войну», и это помогало ему нащупывать правильную оценку явлений.

[1] Ромен Роллан приветствовал появление нового журнала в статье «Писателям Америки» и напутствовал его словами Уитмена: «Поднимись и действуй», что, к сожалению, осталось недостижимым для этого издания.

Отметим его выводы о «неистребимой живучести интернационализма», который не могла задушить война, ибо это — могучий «инстинкт, присущий человечеству». Отметим, что Рид старается взглянуть на войну глазами простого человека. И он показывает, что «позиция» и «программа» этого «простого человека» была решительно антивоенной позицией и программой. Шла «непопулярная война», возмущавшая массы.

Осталась неопубликованной интереснейшая автобиография Джона Рида, которой он дал название «Почти тридцать». В этой исповеди рассказана история его духовных исканий [1].

«Мне исполнилось двадцать девять лет, и я чувствую, что окончилась определенная часть моей жизни, окончилась моя молодость. В то же время мне кажется, что окончилась и молодость мира и, конечно, большая война кое-чему нас всех научила. Вместе с тем это начало новой фазы жизни, и мир, в котором мы живем, так стремительно меняет свои краски и мнения, что я едва сдерживал себя, чтобы не размечтаться о прекрасных и пугающих возможностях грядущего времени».

«Я должен найти самого себя. Некоторые люди, по-видимому, рано нащупывают свою дорогу, растут естественно, изменяясь понемногу. Я не представляю себе, что будет со мной через месяц. Когда я пытался достичь чего-либо, я терпел неудачу исключительно благодаря тому, что я плыл по течению, но я нашел себя и с радостью погрузился в новую роль. Я сделал открытие, что я счастлив только тогда, когда много работаю и чем-нибудь увлечен...»

«Я люблю людей, кроме пресыщенных и самодовольных, и мне интересно все новое и все по старинке красивое, что является делом их рук. Я люблю красоту, успех, перемены, но теперь их происходит меньше во внешнем мире, чем в моем сознании. Кажется, что я всегда был романтиком».

«Я видел и описал несколько стачек, большинство из них были отчаянной, борьбой против голой нужды; и все, чему я был свидетель, только подтверждало первоначально усвоенную мною идею классовой борьбы и ее неизбежности. Всем сердцем я хочу, чтобы пролетариат поднялся и захватил свои права,— я не знаю, как иначе он может получить их. Политическая помощь приходит так медленно, а возможности мирного протеста и допускаемых законом действий год от года сокращаются. Но я не уверен, что рабочий класс способен осуществить мирную или какую-либо иную революцию, настолько рабочие разобщены и резко враждебны друг к другу, настолько плохо их руковод-

[1] Только в 1936 г. этот замечательный документ был напечатан полностью в «Нью-Рипаблик» (15 и 29 апреля).

ство и так еще слепы они в отношении классовых интересов. Война оказалась страшным разрушителем веры в экономический и политический идеализм. И все же я не могу отказаться от мысли, что из демократии родится новый мир, который будет богаче, лучше, будет красивее существующего. И я не знаю, чем я должен помочь, все еще не знаю. Зато я знаю, что мое благополучие построено на несчастье других людей; я хорошо ем потому, что другие голодают; я одет, тогда как другие полураздетыми бредут зимой по промерзшему городу; и это отравляет мне жизнь, нарушает мое спокойствие, заставляет меня писать пропаганду в то время, как я предпочитал бы развлечься».

Джон Рид говорит о продолжающейся империалистической войне: «Это прекращение жизни и брожение человеческой эволюции. Я жду, жду, пока все это кончится и жизнь возобновится, тогда я найду себе дело».

Эту исповедь Джона Рида нельзя читать без глубокого волнения. Ее искренность предельна, и благодаря этому она так полно и так глубоко отражает путь духовных исканий молодого человека, задумывающегося над целью своей жизни. Мы видим, как постепенно совершался его разрыв с прошлым, с той буржуазной средой, из которой он вышел, как перед ним постепенно раскрывалось ханжеское двуличие американской цивилизации, которое он так настойчиво выставлял напоказ в своих рассказах. Автобиография «Почти тридцать» свидетельствовала о том, что Рид уже тогда был близок к рабочему классу и уже тогда не страшился революционных взглядов. Он уже накопил огромный социальный опыт, который помогал ему ориентироваться в сложной действительности.

Таков был Рид накануне своей поездки в революционную Россию.

4

Он прибыл в Петроград в сентябре 1917 года и сразу же окунулся в бурное море событий. Он приехал как корреспондент американских прогрессивных изданий, но у него был замысел книги, к осуществлению которого он был уже подготовлен двумя предшествовавшими частями большой социальной эпопеи, в особенности книгой о Мексике.

В одном из писем к художнику Робинзону, с которым вместе они были на фронте и который замечательно иллюстрировал его книгу «Война в Восточной Европе», он пишет о впечатлении, произведенном революционной Россией: «Мы находимся в центре событий, и, поверь мне, это потрясает. Так много драматического предстоит описать, что

я не знаю, с чего начать. По силе цвета, по ужасающему величию это заставляет побледнеть Мексику».

Исполненный доверия к революционным классам России, убежденный в том, что их борьба поведет к «установлению нового человеческого общества во всем мире», Рид сразу же постигает логику совершающихся перед его глазами событий. Несмотря на свое плохое знание русского языка, несмотря на то, что он попал в водоворот поистине ошеломляющих событий («возможно, что пролетариат в конце концов потеряет терпение и восстанет; возможно, что генералы выступят с огнем и мечом»), он без особых колебаний приходит к выводу, что власть Керенского обречена и что будущее за большевиками. Их сила, пишет он, «восходит как солнце».

Он аккуратно выполняет свои обязанности корреспондента, и «Мессиз» начинает печатать серию его статей, которым он сам дал название «Восстание пролетариата», а журнал, которому к тому времени пришлось переменить название и превратиться в «Либерейтор», напечатал первую корреспонденцию Рида под заголовком «Красная Россия — триумф большевиков».

Как он сам говорит в предисловии к книге «Десять дней, которые потрясли мир», Джон Рид не был пассивным наблюдателем событий. За отдельными фактами он стремился различить очертания и смысл целого, и «установление истины», что являлось его задачей, вылилось не в хронику, а в цельное эпическое произведение. Он показал величие социалистической революции так искренне, глубоко, полно, ибо он был всем сердцем с массами, осуществившими ее.

После того как совершилась Октябрьская революция, Джон Рид, естественно, стал очень близким новой России человеком. Он принимал участие в первых пропагандистских советских изданиях на иностранных языках, выпускавшихся Бюро Международной Революционной Пропаганды. Эта его работа совпадала с первыми шагами советской литературы. Исключительный интерес представляют небольшие, но очень броские тексты, которые помещались в еженедельном иллюстрированном приложении к газете «Факел», выходившей на немецком языке и через окопы переправлявшейся в части германской армии. Оно называлось: «Die russische Revolution in Bildern» («Русская революция в картинах»). Можно сопоставить это очень еще скромное начинание с тем, что впоследствии вылилось в такое важное явление советской литературы, как «Окна ТАСС».

Приведем некоторые примеры, которые можно найти в монографии Гренвила Хикса «Джон Рид. Становление революционера» (1936). В этой книге сосредоточен большой и очень важный материал, поскольку автор имел возможность пользоваться архивом вдовы Рида — Луизы Брайант.

Под фотографией, изображающей членов Революционного трибунала, был помещен текст: «Эта группа, в ней четыре рабочих и три солдата, представляет в настоящее время Верховный Суд Российской республики. Большинство из них насчитывает долгие годы тюрьмы за революционную деятельность. Теперь эти рабочие и солдаты стали судьями тех, кто ранее притеснял народ».

Многократно помещались вместе с соответствующими агитационными текстами фотографии, изображающие солдат и моряков на уличных баррикадах и в момент празднования победы. Фотография, изображающая рабочего, срывающего императорских орлов с фронтона здания, сопровождалась надписью: «Вот как легко сбросить самодержавие! Самодержавие — ничто, как только солдаты выходят из слепого повиновения».

Под фотографией, изображающей солдат в Зимнем, давался текст: «Здесь вы можете видеть, как в России рабочие и солдаты, чьим потом и трудом воздвигнут этот дворец, проливали за него свою кровь, впервые чувствуют себя как дома в этом дворце».

Трудно переоценить значение этих первых набросков, которые принадлежат перу американского писателя, породнившегося и с советским народом, и с советской литературой в великие дни Октябрьской революции.

Работу над книгой Джон Рид ведет неустанно и в России, и во время затянувшейся остановки в Скандинавии по пути на родину. В частности, он пишет предисловие к будущей книге, которое не вошло в ее окончательный текст и сохранилось только в архивах. Оно многозначительно уже по одному тому, что свидетельствует, какое значение придавал Рид убедительному раскрытию «идей, которые овладевают русскими массами». Неодолимое движение масс, поднявшихся до революционной сознательности, он стремился уловить и показать в своей книге. Здесь ключ к ней.

Подчеркивая, что «в России все атрибуты буржуазно-демократического государства заменены новой идеологией», Рид делает важные и глубокие наблюдения и выводы: «Это патриотизм, но и верность интернациональному братству рабочего класса; это долг, и люди с радостью умирают во имя него, но долг революционный; это честь, но новый вид чести, основанный на человеческом достоинстве и счастье, а не чудовищная честь аристократии крови и денег, выражающаяся в правилах, рассчитанных на «джентльменов»; это дисциплина, революционная дисциплина, которую я надеюсь показать на этих страницах; и русские массы сами показали, что они способны не только руководить собой, но и открыть новую, всеобъемлющую форму цивилизации».

Характерно, что в этот период горячей работы над книгой, которую Джон Рид считал делом своей жизни, он пишет много стихов, посвященных его родине, которую он так хорошо, так глубоко знал. В частности, он работает над поэмой «Америка 1918», которая так и осталась недоконченной. Это превосходное, чисто уитменовское по духу произведение увидело свет только в 1935 году (журнал «Нью-Мессиз»). «Уже не любимая, не любимая, не любимая...»,— говорил Рид об Америке и жил уверенностью, что начавшаяся мировая революция захватит «стянутую сталью, жестокоблещущую мощью» Америку и разрушит этот последний оплот капиталистического рабства.

В конце апреля 1918 года Джон Рид возвращается в Соединенные Штаты. Его задерживает полиция, у него конфискуют рукописи и уникальную коллекцию материалов, на которых базируется вся его книга. Из-под ареста ему удается освободиться, но работа над книгой задержана тем, что он лишен необходимых ему материалов.

В отчаянье он пишет Линкольну Стеффенсу: «Я до сих пор не имею возможности написать ни одного слова для величайшей в моей жизни повести и одной из величайших во всем мире. Я заперт. Может быть, вы знаете что-либо относительно того, когда мои бумаги будут возвращены мне? Если я не получу их в ближайшее время, будет поздно. Мак-Миллан не издаст книгу.

Недавно я был арестован в Филадельфии за попытку произнести речь на улице, и в сентябре меня будут судить по обвинению в «побуждении к бунту, побуждении к грабежу и разбою и побуждении к мятежным суждениям» (1918 г., 9 июня).

Уже это письмо показывает, что в Америке Джон Рид попадает сразу в накаленную политическую обстановку. Страна бурлила, митинги, массовые рабочие собрания, на которых симпатии к революционной России проявляются с великой силой, прокатываются по всей стране. Нередко по нескольку раз в день Джон Рид выступает на этих собраниях. Его имя приобретает популярность, и она все ширится. Особенное значение имеют выступления Рида против интервенции, которую начала империалистическая Америка, стремясь удушить советскую революцию.

Арестами, тяжелыми штрафами реакция старается принудить его к молчанию. Но разве можно укротить бурю! «Если у нас сажают в тюрьму людей, которые протестуют против интервенции в России и защищают республику рабочих в России, я буду счастлив и горд тем, что буду привлечен к суду». Джон Рид клеймит сибирский набег американских войск, называя его «настоящей разбойничьей авантюрой», он разоблачает как преступление высадку американских войск в Архангельске.

Как известно, интервенция вызвала возмущение широких масс в Америке, что нашло живой отклик и в литературе. Мы уже упоминали нашумевший тогда роман Эптона Синклера «Джимми Хиггинс» (1919), в котором интервенция американских войск на Севере России была осуждена. Автор убедительно показал, что это преступление империалистов в одинаковой мере является преступлением против русского и против американского народов. «Джимми Хиггинс» принадлежит к самым значительным произведениям Эптона Синклера, нечасто достигавшего в своем творчестве такой силы и глубины. Его подняла так высоко волна народного возмущения.

Что же касается Джона Рида, то он все время находится в самой середине этого разбушевавшегося моря.

Когда прекратилась первая мировая война, Рид выразил создавшееся положение в сжатой формуле: «Вот теперь кончилась война, но другая война началась, и на этот раз война между двумя идеологиями». Он выступает как пламенный защитник социализма, проповедник социалистического пути для Америки, как друг Советской России.

Он разъясняет колебавшемуся Эптону Синклеру, что ни один социалист не может «сомневаться в спаянности большинства советских лидеров, в великолепии большевистской мечты и в возможности ее практического осуществления». Он ссылается на то, что он был свидетелем Октябрьской революции. «И я не мечтал, я изучал, и я исследовал...»

Он постоянно связывает в своих выступлениях судьбы русской революции и судьбы революционного движения в Америке. Как художник, он находит для раскрытия этой связи незабываемые образы и слова.

В очерке «Социальная революция под судом» («Либерейтор», сентябрь 1918 г.), который по достоинству может быть назван образцом революционной публицистики, он описывает большой судебный процесс «Индустриальных Рабочих Мира» в Чикаго. Он разоблачает инсценировку суда над передовыми рабочими и фальшивость буржуазной демократии, которая кичится своими «свободами», а на деле прикрывает безграничную власть денег, подчинивших себе цивилизацию.

Очерк пронизывает превосходно переданный контраст между судьей Лэндисом («на долю этого человека выпала историческая роль — судить социальную революцию»), всем своим видом олицетворяющим смерть и тление, и подсудимыми — великолепной когортой людей, которым принадлежит будущее. «Что же до подсудимых, то я не думаю, чтобы когда-либо в истории Америки можно было наблюдать подобное зрелище. Их сто один человек — лесорубы, батраки, горняки, журналисты. Сто один человек, убежденные в том, что богатства мира принадлежат тем, кто их создает».

Великолепно появление подсудимых в зале. «Вот идет большой Билл Хейвуд в своей черной фетровой шляпе, закрывающей лицо, напоминающее обветренную скалу; Раль Чаплин, похожий на Джека Лондона в молодости; Редди Дорен с добродушным и энергичным лицом, с копной ярко-рыжих волос, падающих на зеленый козырек, который он всегда носит; Гаррисон Джордж, чей лоб изборожден глубокими морщинами...» И так далее. Целая портретная галерея лучших представителей американского народа.

«Во всей Америке нельзя найти другой сотни людей, которые были бы более достойны представлять социальную революцию. Все, побывавшие в этом зале, говорят: «Это больше походит на собрание, чем на суд».

Если сопоставить это полное драматизма, брызжущее энергией изображение классового сражения, развернувшегося на процессе ИРМ в Чикаго, с очерком «Война в Патерсоне», становятся наглядными и те изменения, которые произошли за истекшие годы в действительности, и изменения в творчестве Джона Рида. Билл Хейвуд, которого мы видели в Патерсоне среди масс, только начавших пробуждаться, теперь окружен закаленными бойцами. Война классов вступила в новую, более ожесточенную фазу. И если судья Кэррол, который, не считаясь ни с чем, приговаривал к тюремному заключению забастовщиков в Патерсоне, еще оставался господином положения и его лицо еще могло казаться «умным, жестоким и неумолимым», то судья Лэндис выглядит уже иначе. У него «лицо Эндрью Джексона[1] через три года после смерти», и он уже совсем не является господином положения в «отделанном мрамором, бронзой и строгим темным деревом» зале Федерального суда в Чикаго. В этот зал ворвалась буря, которую не может укротить никакой Лэндис.

В очерке «Социальная революция под судом» подсудимые обвиняют капиталистический строй, и их приговор беспощаден.

Вот почему так логична кажущаяся совершенно неожиданной, освещающая всю картину светом грозной молнии концовка.

«Мне, только что приехавшему из России, сцена показалась странно знакомой. Я долго вспоминал, где я уже видел все это. И внезапно меня осенило.

Судебный процесс индустриальных рабочих мира в Федеральном суде в Чикаго напоминал заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета рабочих депутатов в Петрограде. И я никак не мог привыкнуть к мысли, что этих людей судят. Они держали себя независимо, не заискивая,— они были уверены в себе, решительны, мудры... как большевистский трибунал.

---

[1] Эндрью Джексон — президент США в 1829—1837 гг.

И на мгновенье мне показалось, что я вижу Центральный Комитет Советов Америки, который судит судью Лэндиса за... ну, скажем, за контрреволюцию».

Вот как писал Джон Рид.

Непосредственно примыкает к этому замечательному произведению социалистической литературы очерк «С Джином Дебсом в день Четвертого июля», написанный в ответ на арест выдающегося революционера. Это было выражение народной любви к нему и восхищение его мужеством. Дебс — это подлинный народный герой Америки, и в словах его: «Социализм приближается, и врагам не удастся преградить ему путь, как бы они ни старались» — была заключена мысль, овладевавшая массами.

Джон Рид становится во главе журнала «Революционный век», в котором теперь печатается большинство его статей. Сенатская комиссия требует его к ответу, и на вопрос сенатора Юма, призывал ли он в своих выступлениях совершать в США революцию, подобную русской революции, он без колебания отвечает: «Да, я постоянно призываю к революции в Соединенных Штатах».

Реакция ведет бешеную травлю Джона Рида. Выходят газеты с призывом к расправе над писателем-коммунистом. В одной из них появляется набранный крупным шрифтом заголовок: «Человек, по которому соскучилась виселица» [1].

Буржуазная Америка круто изменила свое отношение к писателю, которого еще недавно называли надеждой и гордостью американской литературы, которому предсказывали самое блестящее будущее.

В конце концов документы были Джону Риду возвращены, он смог закончить свою книгу, и она появилась в свет 19 марта 1919 года, получив свое крылатое заглавие: «Десять дней, которые потрясли мир». Началось ее триумфальное шествие по всему миру, которого не могли остановить никакие препятствия. Реакцию она, конечно, взбесила, но народные массы от всего сердца приняли эту книгу, которая доныне производит неотразимое впечатление.

5

«Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран». Так писал Ленин в предисловии к американскому изданию. Он подчеркивал, что книга Рида «дает правдивое и необыкновенно живо написанное изобра-

[1] Эптон Синклер рассказывает в «Искусстве Мамоны», как неистовствовала реакционная американская печать при одном только упоминании имени Джона Рида.

жение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата»[1].

Эта оценка выделяет художественные достоинства книги и ее идейную глубину, обе стороны эти соединяются в ее подлинной эпичности. Эта книга могла стать эпосом, что подчеркивала в свое время Н. К. Крупская в своем предисловии к первому русскому изданию, благодаря тому, что в ее основе лежит понимание великого исторического смысла событий, проносившихся перед взглядом Рида. Он был подготовлен всей своей жизнью, всем опытом своего творчества к тому, чтобы понять, ощутить народность советской революции, он понял также и то, что Октябрьская революция имела всемирно-историческое значение.

В основу книги положены простые, предельно простые контрасты действительности: буржуазное Временное правительство и партия большевиков, борющаяся за победу социализма; Зимний дворец и Смольный; Петроградская городская дума и Военно-Революционный комитет. Это была сама историческая действительность. Сама жизнь вылилась в эти контрасты, и они раскрываются у Джона Рида так естественно, с такой полнотой реализма, что перед нами не только вырисовывается обстановка, в которой совершались великие события народной жизни, но и обнажен смысл их. Эти контрасты ведут вас в глубь событий, и то, что они настойчиво, упорно, на каждом повороте событий повторяются, означает предельную напряженность борьбы, полную антагонистичность противоречий, революционность сложившейся ситуации. Не существует никаких возможностей компромисса, произошла поляризация социальных сил, исключающая какую-либо третью возможность.

Джон Рид приехал в Россию, которая вынашивала социалистическую революцию, не как сторонний наблюдатель. Сердце его было с народом. «Он отождествлял себя с революцией целиком и полностью». И потому именно, что он был подлинный художник, он дает отнюдь не одностороннюю картину событий, его взор охватывает всю сложность действительности. Его убежденность в том, что народ прав, его страстная симпатия к лагерю социалистической революции позволяют ему так прозорливо показать лагерь врагов, который живет, борется с лихорадочным напряжением всех своих сил, в котором сосредоточена грозная опасность.

Контрасты книги — это глубоко реалистические контрасты, в них выражена вся напряженность происходящего столкновения социальных сил. Это борьба не на жизнь, а на смерть.

---

[1] В США предисловие Ленина было опубликовано лишь в издании 1926 г. Печатается в русских изданиях, включая издание 1957 г.

Проникновенно и восхищенно показан титанический труд народа, усилиями которого была совершена социалистическая революция, труд масс и труд руководителей, труд, сочетающийся с невиданным дерзанием, смелостью, самозабвением.

Книга Джона Рида — это безграничное море лиц, событий, случаев, документов. И вместе с тем это необычайно цельное и целеустремленное произведение, в котором великие исторические события находят художественное отражение, выливаясь в образы эпического характера. Эти образы становятся открытиями, мимо которых уже никто не может пройти, обращаясь к задаче изобразить Октябрьскую революцию. Характерно, что Эйзенштейн и Александров в постановке фильма «Октябрь» исходили из книги Джона Рида, и великолепно воплощенный контраст Смольный — Зимний в этом кинематографическом произведении играет, как известно, важнейшую роль.

Конечно, книга Джона Рида не является историей Октябрьского переворота. В ней есть только то, что видел и чувствовал художник, в ней нет многого, что он не мог увидеть и почувствовать и что было бы обязательно для историка. Но, как художник, он увидел и почувствовал то, без чего нельзя создать соответствующее правде представление о таком событии,— народ в движении, в борьбе, в победе. И это делает книгу Джона Рида такой потрясающей, такой увлекательной для каждого честного человека на земле.

Пафос этой книги, которая совершенно утратила мексиканскую цветистость, отличающую первую книгу Рида, и приобрела взамен безукоризненную точность [1], еще более совершенную простоту и благородную сдержанность, пафос этой книги заключен в великолепно угаданной логике победы масс, в могучей логике неизбежного нарастания сил революции, в торжестве великих идей, воодушевляющих массы.

В книге множество лиц, и, хотя они очерчены несколькими словами, мы их помним. Эти мгновенно зафиксированные портреты представляют исключительно интересную особенность произведения Рида.

Героическое является здесь в самом простом, жестоко-обыкновенном. Ничего показного. Полное отсутствие позы, экзальтированности, и очень большая внутренняя сила. Неотвратимо нарастающую энергию революции Рид все время воспроизводит такими чертами и достигает подлинной эпичности художественного изображения.

---

[1] Сопоставление этих двух произведений напрашивается само собой: в предисловии Джона Стюарта к «Воспитанию Джона Рида» различие в отношении автора «Десяти дней» к революции в Мексике и Октябрьской революции в России определяется как «различие между глубокой симпатией и прямым участием».

С огромной силой написана в этой книге фигура Ленина. «Во всех его словах была какая-то спокойная власть, глубоко проникавшая в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин».

Мы ощущаем, насколько Ленин неотделим от могучего движения масс, мы видим, что сила этих масс воплощена в его гении, что благодаря этому единству, слитности, неразделимости и победила революция. Вот почему две сцены из книги Джона Рида — Ленин на трибуне II съезда Советов и на Крестьянском съезде — являются вершиной всей эпопеи.

Подлинно эпическим является финал книги, изображающий народную демонстрацию, которой завершился Крестьянский съезд, поддержавший в конце концов позицию большевиков, демонстрацию единства рабочего класса и крестьянства, демонстрацию единства советского народа, демонстрацию непобедимого величия. Это сцена такой силы, что очень продуманно построенное и очень органично развивающееся повествование завершается без какой-либо заключительной фразы, абзаца или картины. И в самом деле, это могло быть лишним. Автор не подводит последней черты. Пафос этих страниц, запечатлевших присоединение к рабочим, которые совершили великий переворот, крестьян, еще недавно настороженных против большевистской революции и только теперь понявших ее великий смысл, так захватывает и потрясает, что действительно уже нельзя прибавить ни одного слова.

К книге «Десять дней, которые потрясли мир» надо относиться как к историческому повествованию, описывающему события по их горячему следу. В этом неповторимая прелесть книги, но именно поэтому не могли не утратить соответствия с дальнейшим ходом событий некоторые ее детали. В качестве действующих лиц социалистической революции мы встречаем здесь людей, которые впоследствии сделались ее яростными врагами. Современный читатель сразу обнаруживает этот диссонанс некоторых — правда, очень немногих — страниц книги с современностью. Джон Рид в силу объективных условий, в которых ему приходилось собирать материал для своей книги, не мог с необходимой достоверностью изучить деятельность большевистских партийных центров в период подготовки восстания и во время восстания, так как она протекала подпольно вплоть до победы восстания. Это не могло не сказаться на освещении некоторых фактов в книге Рида. Но сила книги «Десять дней, которые потрясли мир» в великой правде целого, в глубокой ее народности, в понимании роли Ленина в социалистической революции. Это и делает произведение Джона Рида неувядающим эпосом великого времени.

Это вершина его революционного творчества, которое оказало огромное влияние на всемирную литературу, помогло многим писате-

лям во всех странах мира найти себя, подобно тому как когда-то нашел себя сам Джон Рид, и стать на сторону своего народа. Трудно переоценить значение той революционной традиции, которая заключена в творчестве Джона Рида и которая остается вечно живой и вечно плодотворной традицией, получающей все более и более широкое развитие в прогрессивной литературе нашего времени.

Его смелые творческие искания и сделанные им художественные открытия имеют важное значение не только для настоящего и будущего американской литературы, но и для всех литератур, избирающих социалистический путь.

И. АНИСИМОВ

ПЕРЕВОД П. ОХРИМЕНКО

Профессору Гарвардского университета
Чарльзу Таунсенду Копленду

Дорогой Копи!

Я помню, вы находили странным, что после моего первого путешествия за границу у меня не появилось желания писать о том, что я там видел. С тех пор я посетил страну, которая произвела на меня такое впечатление, что я не мог не написать о ней. И когда я работал над этой книгой о Мексике, я невольно думал, что никогда не увидел бы того, что увидел там, если бы вы не научили меня, как надо смотреть и понимать.

Я могу только повторить то, что многие писатели уже говорили вам: слушать вас значит учиться, как надо подмечать скрытую красоту зримого мира; быть вашим другом значит стараться быть интеллектуально честным.

И потому я посвящаю эту книгу вам, с условием, что вы примете в ней, как свое собственное, то, что вам понравится, и простите меня за остальное.

Ваш, как всегда,
Джек

Нью-Йорк, 3 июля 1914 г.

НА ГРАНИЦЕ

Федеральная армия Меркадо после сдачи Чиуауа и трагического четырехсотмильного отступления через пустыню три месяца стояла в Охинаге, на реке Рио-Гранде.

В Пресидио, на американском берегу, взобравшись на плоскую глиняную крышу почтовой конторы, можно было увидеть заросшие кустарником пески, в миле за ними — мелкую мутную реку и на плоском холме — городок Охинагу, четко рисующийся на фоне сожженной солнцем пустыни, окаймленной голыми, дикими горами.

Охинага — это квадратные глинобитные домики, над которыми там и сям возвышаются восточные купола старинных испанских церквей. Унылая, пустынная местность — нигде ни деревца. Так и кажется, что сейчас увидишь минарет. Днем повсюду суетились федеральные солдаты в потрепанных белых гимнастерках, роя окопы: носились упорные слухи, что Вилья со своими победоносными конституционалистами направляется сюда. Иногда что-то ярко вспыхивало на солнце — это были стволы полевых орудий; в тихом воздухе густые облака дыма поднимались прямо в небо.

К вечеру, когда солнце заходило, пылая, словно доменная печь, на горизонте мелькали темные фигуры — кавалерийские патрули отправлялись в дозор. А когда наступала ночь, в городке пылали таинственные костры.

В Охинаге находилось три с половиной тысячи солдат. Это было все, что осталось от десятитысячной армии Меркадо и тех пяти тысяч, которые послал на север из Мехико в подкрепление ему Паскуаль Ороско. На эти три с половиной тысячи солдат приходилось сорок пять майоров, двадцать один полковник и одиннадцать генералов.

Мне хотелось проинтервьюировать генерала Меркадо, но какая-то газета напечатала заметку, обидевшую генерала Са-

ласара, и он издал приказ не пускать репортеров в город. Я послал генералу Меркадо записку с просьбой дать мне интервью. Записка была перехвачена генералом Ороско, который прислал мне следующий ответ:

«Уважаемый и почтенный сэр!

Если вы только осмелитесь сунуть свой нос в Охинагу, я поставлю вас лицом к стенке и буду иметь честь собственной рукой прошить вам спину пулями».

Но, несмотря на это, в один прекрасный день я перешел вброд Рио-Гранде и отправился в городок. К счастью, я не встретил генерала Ороско. На мое появление никто, казалось, не обратил внимания. Все часовые, которых мне довелось увидеть, спокойно отдыхали на теневой стороне улиц. Впрочем, я скоро встретил очень вежливого офицера по имени Эрнандес, которому я заявил, что хотел бы повидать генерала Меркадо.

Не поинтересовавшись, кто я, он нахмурился, скрестил руки на груди и гневно крикнул:

— Я начальник штаба генерала Ороско, и я не поведу вас к генералу Меркадо!

Я промолчал. Через несколько минут он добавил:

— Генерал Ороско ненавидит генерала Меркадо! Он не снисходит до того, чтобы посещать генерала Меркадо, а генерал Меркадо не смеет прийти к генералу Ороско. Он трус! Он бежал из-под Тьера-Бланки, а после из Чиуауа!

— А еще какие генералы вам не нравятся? — спросил я.

Он спохватился, бросил на меня сердитый взгляд, а затем широко улыбнулся:

— Quién sabe?.. [1]

Я все-таки увиделся с генералом Меркадо — тучным, жалким, задерганным, нерешительным человеком, который долго негодовал и плакался, рассказывая, как войска Соединенных Штатов перешли реку и помогли Вилье одержать победу при Тьера-Бланке.

Белые, пыльные улицы городка, замусоренные, заваленные сеном, старинная церковь без окон, с тремя огромными испанскими колоколами, висящими на балке снаружи, дым ладана, голубыми облаками плывущий из дверей церкви, где следующие за армией женщины день и ночь молятся о победе, — все изнывало под нещадно палящим солнцем. Пять раз Охинага переходила из рук в руки, и на домах не сохранилось

[1] Кто знает?.. (*исп.*)

почти ни одной крыши, а в стенах зияли огромные пробоины, оставленные снарядами. В этих пустых, выпотрошенных домиках помещались солдаты, их жены, лошади, свиньи и куры, добытые набегами на окрестные деревни. Винтовки были составлены в козлы по углам, седла кучами навалены на земляные полы. Солдаты разгуливали в лохмотьях, почти ни у кого не сохранилось полной формы. Они сидели на корточках вокруг небольших костров у своих дверей и варили кукурузную шелуху и вяленое мясо — они голодали.

По главной улице проходила бесконечная вереница больных, измученных, голодных людей, бежавших из глубины Мексики в страхе перед наступающими повстанцами,— чтобы добраться сюда, им приходилось восемь дней идти по самой ужасной пустыне в мире. На улицах их останавливали федеральные солдаты и отнимали все, что приходилось им по вкусу. Затем беженцы достигали реки. На американском берегу им приходилось проходить сквозь строй таможенных и иммиграционных чиновников Соединенных Штатов, а также пограничной стражи, которая обыскивала их,— нет ли оружия.

Беженцы переходили реку сотнями, — некоторые верхом на лошадях гнали свой скот, другие ехали в фургонах, остальные брели пешком. Чиновники обходились с ними не слишком любезно.

— Ну-ка вылезай из фургона! — кричал кто-нибудь из них женщине-мексиканке с узлом в руках.

— Но, синьор, скажите, почему...— начинала она.

— Слезай, не разговаривай! А не то стащу! — рявкал он.

И мужчин и женщин, неизвестно зачем, тщательно и бесцеремонно обыскивали.

Стоя на берегу, я видел, как какая-то женщина переходила вброд реку, спокойно подняв юбку по самый пояс. Она была закутана в огромную шаль, которая пузырилась на животе, словно под ней что-то было.

— Эй, ты! Что это у тебя там под шалью? — закричал таможенник.

Женщина медленно расстегнула платье спереди и сказала добродушно:

— Не знаю, сеньор. Может быть, девочка, а может быть, и мальчик.

То были бурные дни для Пресидио, глухой и невыразимо унылой деревушки, состоявшей из пятнадцати — шестнадцати глинобитных хижин, разбросанных без всякого плана в глубо-

ких песках речной долины посреди поросли виргинского тополя. Немец Клейнман, хозяин лавчонки, каждый день наживал большие барыши, снабжая беженцев одеждой, а федеральную армию на том берегу — продовольствием. У старика были три молоденькие красавицы дочери, которых он держал взаперти на чердаке своей лавки, так как целые толпы влюбчивых мексиканцев и пылких ковбоев, привлеченные сюда слухами о прекрасных девицах, шатались вокруг его дома. Половину суток Клейнман, обнаженный по пояс, как безумный метался по лавке, отпуская товары покупателям, а другую половину с огромным револьвером на бедре сторожил дом, отгоняя непрошеных поклонников.

Во всякое время дня и ночи целые толпы невооруженных солдат федеральной армии являлись сюда из-за реки и толклись в лавке и в бильярдной. Среди них важно расхаживали темные личности зловещего вида — тайные агенты повстанцев и федералистов. В зарослях кустарника расположились лагеря сотен несчастных беженцев, и ночью, куда ни ступи, непременно натолкнешься на какой-нибудь заговор или контрзаговор.

И еще в Пресидио можно было видеть и техасских пограничников, и американских кавалеристов, и агентов различных корпораций, пытавшихся переслать тайные инструкции своим служащим в глубине страны.

Некто Маккензи, крича и возмущаясь, как сумасшедший метался по почтовой конторе. Ему нужно было послать письмо с важными бумагами на рудники Американской горнорудной компании в Санта-Эулалия.

— Проклятый Меркадо приказал просматривать все письма, проходящие через линию расположения его войск! — кричал он в негодовании.

— Но ведь он их не задерживает,— сказал я.

— Да, не задерживает,— ответил он.— Но неужели вы думаете, что Американская горнорудная компания позволит, чтобы ее письма вскрывал и просматривал какой-то черномазый мексиканец? Да где это слыхано, чтобы американская компания не могла послать частного письма своим служащим! Если это не приведет к интервенции,— закончил он загадочно,— то уж не знаю, чего им еще надо!

В Пресидио, кроме того, всюду мелькали всевозможные агенты оружейных компаний и контрабандисты — как американские, так и мексиканские. А еще там был низенький хвастливый человечек, коммивояжер фотографической фирмы, который «увеличивал и ретушировал портреты», беря пять дол-

ларов за штуку. Он сновал среди мексиканцев, получал тысячи заказов на портреты с уплатой денег по исполнении заказа, которые никогда, конечно, не будут выплачены. Он впервые имел дело с мексиканцами, и такое множество заказов пришлось ему очень по вкусу. Но дело в том, что мексиканец всегда готов сделать заказ на портрет, рояль или автомобиль, лишь бы при этом не требовали задатка. Это создает у него иллюзию богатства.

Низенький агент фотографической фирмы только однажды высказал свое мнение по поводу мексиканской революции. Он сказал, что генерал Уэрта, несомненно, прекрасный человек, ибо, насколько ему известно, со стороны матери он находится в дальнем родстве с весьма почтенным виргинским семейством Кэри.

По американскому берегу дважды в день проезжали кавалерийские патрули, причем по другому берегу за ними добросовестно следовали мексиканские всадники. Обе стороны зорко следили друг за другом через границу. Время от времени какой-нибудь мексиканец, не совладав со своими нервами, стрелял в американцев. Начиналась перестрелка, и оба отряда рассыпались по кустам.

Выше по течению реки за Пресидио стояли два эскадрона девятой негритянской дивизии. Однажды, когда негр-кавалерист поил свою лошадь, сидевший на другом берегу мексиканец насмешливо закричал ему:

— Эй ты, черномазый! Когда вы, проклятые гринго, думаете перейти границу?

— Дружище! — отозвался негр.— А чего нам ее переходить? Мы ее просто возьмем да отнесем к Большой Канаве!

Иногда какой-нибудь богатый беженец, ускользнув от бдительности федеральных войск, перебирался на другую сторону реки с порядочным запасом золота, зашитым в седле. В Пресидио в ожидании такой жертвы всегда стояло наготове шесть огромных автомобилей. С беженца сдирали сто долларов золотом за доставку к ближайшей железнодорожной станции, а по дороге где-нибудь в пустынных просторах южнее Марфы его обычно встречали замаскированные бандиты и обирали дочиста. В таких случаях в городок шумно врывался главный шериф округа Пресидио, восседая на пегой лошадке,— фигура, словно сошедшая со страниц романа «Девушка с Золотого Запада». Шериф, несомненно, прочитал все романы Оуэна Уистера и прекрасно знал, как должен выглядеть шериф с Дальнего Запада: два револьвера на боку, один на ремне под мыш-

кой, большой нож в левом голенище и громадная винтовка поперек седла. Его речь уснащают самые отборные ругательства, и ему ни разу еще не удалось поймать ни одного преступника. Вся его энергия тратится на проведение в жизнь закона, запрещающего ношение оружия и игру в покер в округе Пресидио, но по вечерам его всегда можно застать за этой мирной игрой в комнате позади лавочки Клейнмана.

Война и всяческие слухи поддерживали в Пресидио лихорадочное возбуждение. Все знали, что рано или поздно армия конституционалистов нагрянет из Чиуауа и атакует Охинагу. И действительно, генералы армии федералистов, желая обеспечить ей отход из Охинаги, уже начали вести по этому поводу переговоры с майором, командовавшим пограничной стражей. Они заявили, что, когда их атакуют повстанцы, они, разумеется, будут оказывать им сопротивление в течение какого-нибудь вполне приличного срока — скажем, часов двух, а для дальнейшего хотели бы получить разрешение перейти реку.

Мы знали, что примерно в двадцати пяти милях на юг, в горном проходе Ла-Мула, пятьсот повстанцев-добровольцев охраняют единственную дорогу из Охинаги через горы. Однажды через расположение федеральных войск на наш берег перебрался курьер с весьма важным известием. Он сообщил, что военный оркестр федеральной армии, репетировавший где-то в окрестностях городка, был захвачен конституционалистами, которые отвели музыкантов на рыночную площадь и, направив на них дула винтовок, заставили играть двенадцать часов подряд. «Таким образом,— говорилось в донесении,— тяготы жизни в пустыне были до некоторой степени облегчены». Мы так и не узнали, почему оркестр отправился из Охинаги за двадцать две мили репетировать в пустыне.

Целый месяц еще федералисты стояли в Охинаге, и Пресидио процветал. Наконец на пустынном горизонте показался Вилья со своей армией. Федералисты вполне приличное время оказывали сопротивление — как раз два часа, или, более точно, до тех пор, пока сам Вилья во главе батареи не ворвался в их расположение и не захватил их пушки, и потом панически бежали на американский берег, где американские патрули согнали их в огромный загон, откуда они впоследствии были переведены в концентрационный лагерь при форте Блисс, в штате Техас.

Но к этому времени я был уже в Мексике и пробирался через пустыню к фронту с сотней оборванных кавалеристов-конституционалистов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОЙНА В ПУСТЫНЕ

ГЛАВА I
ОБЛАСТЬ ГЕНЕРАЛА УРБИНЫ

Из Парраля приехал на муле торговец с грузом macuche,— когда нет табаку, курят macuche,— и все жители селения, а с ними и мы, отправились к нему узнать, что нового. Это произошло в Магистрале, горной деревушке в штате Дуранго, откуда до ближайшей железной дороги верхом приходится добираться три дня. Кто-то купил себе macuche, мы все поспешили одолжить у него на затяжку и тут же послали мальчика за листьями, заменяющими папиросную бумагу. Мы закурили и уселись вокруг торговца в три ряда. Много дней уже мы ничего не слышали о революции. Он, захлебываясь, делился с нами крайне тревожными слухами: федералисты прорвались из Торреона и направляются сюда, по пути предавая огню ранчо и убивая pacíficos;[1] войска Соединенных Штатов перешли Рио-Гранде; Уэрта вышел в отставку; Уэрта направляется на север, чтобы лично стать во главе федеральных войск; Паскуаль Ороско убит в Охинаге; Паскуаль Ороско направляется на юг с десятью тысячами colorados[2]. Он рассказывал все это, отчаянно жестикулируя и расхаживая взад и вперед крупными шагами, так что его тяжелое коричневое с

[1] Мирное население *(исп.)*.
[2] Нерегулярные части мексиканской федеральной армии *(исп.)*.

золотом сомбреро плясало на голове. То и дело, забрасывая свой полинявший голубой плащ на плечо, он стрелял из воображаемой винтовки, потрясал в воздухе воображаемой саблей, а его слушатели вскрикивали от удивления. Но самым интересным был слух, что генерал Урбина через два дня выступает на фронт.

Весьма неприветливый араб, некий Антонио Свайдста, который на следующее утро отправлялся в Парраль в своей двуколке, согласился подвезти меня до Лас-Нивес, где живет генерал Урбина. К полудню мы оставили горы позади и покатили по ровному плато северного Дуранго — выгоревшей желтой прерии, протянувшейся на такое расстояние, что пасущиеся стада, по мере того как мы удалялись, становились все меньше и меньше, превращались в чуть заметные точки и, наконец, сливались с подножием изрезанных лиловых гор, до которых, казалось, можно было добросить камень. Неприветливый араб оттаял и принялся излагать мне историю своей жизни, из которой я не понял ни слова. Однако, насколько мне удалось уловить, она сводилась к бесконечным торговым операциям. Однажды он побывал в Эль-Пасо и считал его самым красивым городом в мире. Зато в Мексике торговать было выгоднее. Говорят, что в Мексике так мало евреев потому, что они не могут выдерживать конкуренции с арабами.

За весь день мы не встретили ни души, если не считать оборванного старика верхом на ослике, закутанного в клетчатое красно-черное серапе, но без штанов. Он крепко прижимал к груди поломанный ствол винтовки. То и дело сплевывая, старик по собственной инициативе сообщил нам, что он солдат, что после трехлетнего размышления он решил стать на сторону революции и бороться за свободу. Но в первом же сражении кто-то выстрелил из пушки — первый раз в жизни он услышал этот звук и тотчас отправился к себе домой в Эль-Оро, где намеревается спуститься в какую-нибудь шахту на золотых приисках и сидеть там, пока не кончится война...

Мы замолчали, Антонио и я. Иногда он что-то говорил мулу на чистейшем кастильском наречии, не преминув объяснить мне, что его мул — «чистое сердце» (pura corazon).

Солнце на мгновение повисло на вершине красных порфировых гор, а затем скользнуло за них; в бирюзовой чаше неба плыли оранжевые облачка. А бесконечные просторы пустыни, озаренные мягким светом, словно подступили ближе. Впереди

внезапно возникла глухая крепостная стена — огромное ранчо, какие попадаются на пути не чаще раза в день, когда едешь по этой беспредельной равнине,— угрюмое квадратное здание без окон, с башнями, зияющими бойницами по углам, и воротами, обитыми железом. Ранчо стояло на небольшом голом холме, мрачное и неприступное, как замок, окруженное загонами для скота, а внизу в сухом овражке блестело озерцо,— в этом месте пересыхающая речка вырвалась из песка, прежде чем снова в нем скрыться. По внутренним дворам ранчо поднимались тонкие струйки дыма, уходя в небо, озаренное последними лучами солнца. От речки к воротам двигались крохотные женские силуэты с кувшинами на головах, два бесшабашных всадника гнали скот к загонам. Горы на западе теперь казались синим бархатом, а бледное небо — балдахином из голубого шелка, усеянного кровавыми пятнами. Но к тому времени, когда мы достигли огромных ворот ранчо, небеса уже рассыпались звездным ливнем.

Антонио сказал, что нам нужно видеть дона Хесуса. Приехав на незнакомое ранчо, непременно спрашивайте дона Хесуса, и вы не ошибетесь: управляющих всегда зовут именно так. Вскоре к нам вышел необычайно высокий человек, в узких брюках, лиловой шелковой рубахе и сером сомбреро с тяжелым серебряным позументом, и пригласил нас войти. С внутренней стороны к стене со всех сторон были пристроены домики. Вдоль их стен и поперек дверей висели гирлянды нарезанного тонкими ломтиками мяса и красного перца, а также сохнущее белье. Три девушки гуськом шли по двору, придерживая на головах ollas[1] с водой и перекликаясь между собой резкими голосами, обычными для мексиканских женщин. Возле одного дома сидела женщина, убаюкивая ребенка; у соседней двери другая женщина, стоя на коленях, молола кукурузу ручным жерновом — труд долгий и тяжелый. Мужчины сидели вокруг небольших костров из сухих стеблей кукурузы, закутавшись в выцветшие плащи, курили hojas[2] и спокойно глядели, как работают женщины. Пока мы выпрягали нашего мула, они встали и подошли к нам, мягко произнося: «Buenas noches»[3], и разглядывая нас с дружелюбным любопытством. Откуда мы приехали? Куда держим путь? Какие новости? Неужели мадеристы еще не взяли Охинаги? Правда ли, что Ороско уби-

[1] Глиняные горшки *(исп.)*.
[2] Папиросы, свернутые из кукурузных листьев *(исп.)*.
[3] Добрый вечер *(исп.)*.

вает всех pacíficos? Не знаем ли мы Панфило Сильвейра? Он sargento[1] в армии генерала Урбины. Он здешний, двоюродный брат вот этого человека. И когда только придет конец войне!

Антонио пошел добывать кукурузы для мула.

— Tantito — совсем немножечко! — скулил он.— Неужто дон Хесус захочет потребовать за это платы... Ну, много ли съест один мул!

Я подошел к одной из дверей узнать, не накормят ли они нас обедом. Хозяйка развела руками.

— Мы все теперь так бедны,— сказала она,— вода, бобы, tortillas[2] — вот и вся наша пища...— Есть ли у них молоко? — Нет.— Яйца? — Нет.— Мясо? — Нет.— Кофе? Valgame, Díos![3] — Нет!

Я намекнул, что за эти вот деньги они могли бы купить что-нибудь у соседей.

— Quién sabe,— протянула женщина задумчиво.

В эту минуту к нам подошел ее муж и набросился на нее с упреками за негостеприимное к нам отношение.

— Мой дом к вашим услугам,— сказал он торжественно и попросил папиросу.

Затем он присел на корточки, а его жена пододвинула нам два парадных стула. Комната показалась мне довольно большой. Пол был земляной, а сквозь тяжелые балки потолка просвечивала глинобитная крыша. Стены и потолок были выбелены и невооруженному глазу казались безупречно чистыми. Один угол занимала большая железная кровать, другой — швейная машина «Зингер», которую я видел в каждом мексиканском доме. На точеном столике стояла открытка с изображением Гваделупской божьей матери, и перед ней горела свеча. На стене над этим изображением в посеребренной рамке висела непристойная картинка, вырезанная из журнала «Le Rire»[4] — по-видимому, предмет глубочайшего почитания.

В комнате один за другим появлялись всяческие дядюшки, двоюродные братья и compadres[5], мимоходом осведомляясь, не найдется ли у нас папироски. По приказу мужа, хозяйка принесла горящий уголек прямо в пальцах. Мы закурили.

---

[1] Сержант *(исп.)*.
[2] Лепешки из кукурузной муки *(исп.)*.
[3] Господи, помилуй! *(исп.)*.
[4] «Смех» *(франц.)*.
[5] Приятели *(исп.)*.

Дело шло к ночи. Поднялся горячий спор, кому идти покупать провизию для нашего обеда. Выбор пал на женщину; и вскоре мы с Антонио уже сидели в кухне, а в углу на глиняном возвышении, похожем на алтарь, наша хозяйка, скорчившись, что-то стряпала на костре. Дым клубами повалил за дверь. Время от времени со двора к нам забредал поросенок или заходили куры, а иногда стремительно вбегала овца и бросалась к кукурузному тесту, но тут сердитый голос хозяина дома напоминал жене, что она не так уж по горло занята. И она устало вставала и горящей головней прогоняла надоедливую скотину.

Во время нашего ужина, состоявшего из ломтиков сушеного мяса, сдобренного огненным перцем, яичницы, tortillas, fríjoles[1] и черного, горького кофе, все мужское население ранчо, толпившееся в комнате и у дверей, составляло нам компанию. Многие пылали ненавистью к церкви.

— У попов нет ни стыда, ни совести,— кричал кто-то,— раз они, при нашей бедности, берут у нас десятую часть всего, что мы имеем!

— А ведь мы отдаем четвертую часть правительству на поддержку этой проклятой войны!..

— Заткни глотку! — закричала женщина.— Это ведь для бога. Бог должен есть, как и мы...

Ее муж снисходительно улыбнулся. Он когда-то ездил в Хименес и считался сведущим человеком.

— Бог — он ничего не ест,— сказал он безапелляционно.— А вот попы жиреют на нашем горбу.

— А зачем вы даете? — спросил я.

— Таков закон,— ответило сразу несколько человек.

И никто из них не поверил мне, что этот закон был отменен в Мексике еще в 1857 году!

Я спросил, какого они мнения о генерале Урбине.

— Прекрасный человек, чистое сердце! — сказал один.

— Очень храбрый! Пули отскакивают от него, как дождевые капли от сомбреро,— добавил другой.

— Он bueno para los negocios del campo (то есть удачливый бандит и грабитель),— сказал третий.

И, наконец, последний гордо заключил:

— А ведь всего несколько лет назад он был простым пеоном, как и мы, а теперь стал генералом и богачом.

Но не скрою, я не скоро забуду истощенное тело и босые ноги старика с лицом святого, который сказал медленно:

[1] Мексиканских бобов *(исп.)*.

— Революция — это хорошо! Когда она победит, мы, с божьей помощью, больше никогда, никогда, никогда не будем голодать. Но это будет не скоро, а сейчас нам нечего есть, нечего надеть. Хозяин уехал из асиенды, у нас нет рабочего скота, и нам нечем обрабатывать землю, а солдаты забирают последний хлеб и угоняют скотину...

— А почему же pacíficos не идут на войну?

Он пожал плечами.

— Мы им не нужны. У них для нас нет ни оружия, ни лошадей. Они сами справляются. А кто будет кормить их, если мы перестанем сеять кукурузу? Нет, сеньор. Но если революции будет грозить опасность, тогда больше не останется pacíficos. Тогда мы все встанем на ее защиту с ножами и хлыстами... Революция должна победить!..

Когда мы с Антонио, завернувшись в одеяла, легли спать на полу в амбаре, наши хозяева начали петь. Кто-то из молодежи раздобыл гитару, и два голоса, сливаясь в визгливой мексиканской мелодии, громко завывали что-то о «trista historia de amor» [1].

Это ранчо, как и многие другие, входило в асиенду Эль-Канотильо, и на следующий день мы до самого вечера ехали по ее землям, занимавшим, как мне сказали, более двух миллионов акров. Асиендадо, богатый испанец, бежал из страны два года назад.

— А кто же теперь здесь хозяин?

— Генерал Урбина,— ответил Антонио.

И это было верно, как я вскоре убедился. Огромные асиенды северного Дуранго, по площади превосходившие штат Нью-Джерси, были конфискованы генералом от имени конституционного правительства, и теперь он управлял ими через своих агентов и, поговаривали, изымал пятьдесят процентов доходов, предназначавшихся «на революцию», в свою пользу.

Мы ехали целый день без отдыха, сделав лишь один короткий привал, чтобы проглотить несколько tortillas. На закате далеко впереди у подножия горы мы увидели красную глиняную стену, окружавшую Эль-Канотильо,— целый город маленьких домишек, и возвышавшуюся под деревьями аламо розовую колокольню старинной церкви. А перед нами лежала деревушка Лас-Нивес — разбросанные в беспорядке хижины цвета глины, из которой они были построены, казавшиеся

[1] Печальной истории любви *(исп.)*.

каким-то странным наростом на поверхности пустыни. Деревушка стояла в излучине сверкающей на солнце речушки. На ее берегах не было и следа зелени, и они ничем не отличались от сожженной солнцем равнины. Когда мы переходили речку вброд, пробираясь между женщинами, стиравшими белье, солнце вдруг скрылось за западными горами. Тотчас землю затопил поток оранжевого света, густой как вода, и кругом заколебался золотистый туман, в котором плавал безногий скот.

Я знал, что за такую поездку нужно было заплатить Антонио не меньше десяти песо,— и ведь он был араб до мозга костей. Но когда я предложил ему деньги, он бросился мне на шею и залился слезами...

Да благословит тебя бог, великодушный араб! Ты прав — в Мексике торговать выгоднее.

ГЛАВА II
ЛЕВ ДУРАНГО У СЕБЯ ДОМА

У дверей дома генерала Урбины сидел старик пеон, опоясанный четырьмя патронными лентами, и мирно начинял порохом бомбы из гофрированного железа. Он ткнул пальцем в сторону внутреннего двора. Дом генерала, разные службы и склады образовывали четырехугольник, внутри которого поместился бы целый квартал. Там кишели свиньи, куры и полуголые дети. Два козла и три пышных павлина задумчиво глядели на меня с крыши. Куры вереницами входили и выходили из гостиной, где граммофон терзал «Принцессу долларов». Из кухни вышла старуха и вылила на землю ведро помоев; к ним с визгом бросились свиньи. В углу за домом сидела маленькая дочка генерала и посасывала патрон. У колодца посреди двора стояли и лежали мужчины. В центре этой группы в поломанном плетеном кресле сидел сам генерал и кормил лепешками ручного оленя и хромую черную овцу. Стоя на коленях перед ним, пеон вытряхивал на землю из полотняного мешка сотни маузеровских патронов.

На мои объяснения генерал ничего не сказал. Даже не привстав, он протянул мне вялую руку и сразу же отдернул ее. Это был широкоплечий мужчина среднего роста, с медно-красным лицом, по самые скулы заросшим жидкой черной бородой, которая не могла скрыть узкогубый, невыразительный рот и

вывернутые ноздри. В его блестящих маленьких глазках животного прятался смешок. Добрых пять минут их взгляд не отрывался от моих глаз. Я протянул ему свои документы.

— Я не умею читать,— вдруг сказал генерал и подозвал своего секретаря.— Так, значит, вы хотите ехать со мной на фронт? — рявкнул он затем на простонародном испанском диалекте.— Пули там так и свистят (я промолчал). Muy bien! [1] Но не знаю, когда я поеду туда. Может быть, дней через пять. А сейчас ешьте!

— Благодарю вас, генерал, я уже ел.

— Идите есть! — повторил он невозмутимо.— Andale [2].

Грязный человек, которого все называли доктором, проводил меня в столовую. Когда-то он был аптекарем в Паррале, а теперь имел чин майора. Он сказал мне, что эту ночь я буду спать с ним. Но не успели мы дойти до столовой, как раздались крики: «Доктор!» Прибыл раненый крестьянин, державший свое сомбреро в руке,— голова его была завязана окровавленным платком. Маленький доктор сразу засуетился. Одного мальчугана он послал за ножницами, обыкновенными домашними ножницами, другому приказал принести ведро воды. Подняв с земли палочку, он начал заострять ее ножом. Затем, усадив раненого на ящик, он снял повязку, под которой зияла резаная рана дюйма в два, покрытая грязью и запекшейся кровью. Сначала он остриг волосы вокруг раны, то и дело задевая ее концами ножниц. Раненый тяжело дышал, но сидел неподвижно. Затем доктор, весело насвистывая, *срезал ножницами всю запекшуюся кровь с раны.*

— Да, интересная, знаете, жизнь доктора,— заметил он, пристально вглядываясь в густую струю крови. Крестьянин сидел как изваяние мученика.— Благородная профессия! — продолжал доктор.— Облегчать людские страдания...

При этих словах он взял заостренную палочку, *засунул в рану и принялся медленно выскабливать ее по всей длине.*

— Тьфу! Это животное потеряло сознание! — сказал доктор.— Ну-ка придержите его, пока я буду ее промывать.

Он взял ведро и вылил его содержимое на голову раненому. Вода, смешанная с кровью, стекала по одежде на землю.

— Эти невежественные пеоны совсем лишены мужества,— продолжал доктор, накладывая на рану прежнюю повязку.— Только разум придает человеку храбрость, а, сеньор?

---

[1] Отлично! *(исп.)*
[2] Быстро *(исп.)*.

Когда крестьянин пришел в себя, я спросил его:

— Вы солдат?

Раненый улыбнулся мягкой, виноватой улыбкой и сказал:

— Нет, сеньор. Я всего только pacífico... Я живу в Канотильо, и дом мой всегда к вашим услугам...

Спустя некоторое время — изрядное время — мы сели ужинать. Среди моих сотрапезников был подполковник Пабло Сеанес — бесхитростный, веселый молодой человек лет двадцати шести, носивший в теле пять пуль, заработанных за три года войны. Он уснащал свою речь крепкими солдатскими словечками, но произносил их довольно невнятно — одна из пуль засела у него в челюсти, а язык был разрублен сабельным ударом. О нем говорили, что он демон в бою и жестокий мститель (muj matador) после боя. При первом взятии Торреона Пабло и еще два офицера, майор Фиерро и капитан Борунда, собственноручно расстреляли из револьверов восемьдесят безоружных пленных и продолжали это занятие до тех пор, пока не устали спускать курок.

— Oiga [1], — обратился ко мне Пабло. — Вы не знаете, где в Соединенных Штатах самый лучший институт по изучению гипнотизма? Как только кончится эта проклятая война, я буду учиться на гипнотизера.

Тут он повернулся к лейтенанту Боррега и начал делать гипнотические пассы. Лейтенант, прозванный в насмешку «Сиеррским Львом» за необыкновенную склонность к хвастовству, судорожно схватился за револьвер.

— Не желаю иметь дело с дьяволом! — взвизгнул он, и все кругом оглушительно захохотали.

Сидел за столом и капитан Фернандо, седой великан в узких брюках, участвовавший в двадцати двух сражениях. Мой ломаный испанский язык приводил его в неистовый восторг, и при каждом моем слове он разражался таким хохотом, что дрожали стены. Он никогда не выезжал из штата Дуранго и утверждал, что Мексику от Соединенных Штатов отделяет огромное море и что вся остальная земля залита водой. Рядом с ним сидел Лонгинос Герека, чье круглое доброе лицо то и дело расплывалось в улыбке, открывавшей гнилые зубы, и чье простодушие и храбрость славились по всей армии. Ему исполнился двадцать один год, и он уже был в чине капитана. Он рассказал мне, что накануне ночью его собственные солдаты пытались убить его... Дальше сидел Патричио, лучший объезд-

---

[1] Послушайте *(исп.)*.

чик диких лошадей во всем штате, а рядом с ним — Фиденчио, чистокровный индеец, семи футов росту, который всегда сражался стоя. И наконец Рафаэль Саларсо, горбатый карлик, которого Урбина всегда возил с собой для забавы, словно какой-нибудь средневековый итальянский герцог.

Когда мы обожгли свои глотки последними каплями enchilada и выловили последний боб с помощью последней лепешки — вилки и ложки здесь неизвестны,— каждый офицер прополоскал рот и выплюнул воду на пол. Выйдя после ужина во двор, я увидел генерала. Слегка пошатываясь, он появился из дверей своей комнаты. В руке у него был револьвер. Постояв минуту в луче света, падавшем из другой двери, он вдруг вошел в нее и захлопнул за собой.

Я уже лежал в постели, когда пришел доктор. На другой кровати лежал Сиеррский Лев с очередной случайной подругой. Они уже громко храпели.

— Да,— сказал доктор,— произошла маленькая неприятность. Два месяца генерал совсем не может ходить из-за ревматизма. Когда боль становится особенно сильной, генерал находит забытье в aguardiente[1]. Сейчас он хотел застрелить свою мать. Он часто пытается застрелить ее... потому что он крепко ее любит.

Доктор посмотрелся в крохотное зеркальце и покрутил усы.

— Наша революция... Вы должны правильно судить о ней. Это борьба бедных против богатых. Я был очень беден до революции, а теперь я очень богат.

Подумав минуту, он начал раздеваться. Стаскивая заскорузлую от грязи нижнюю рубашку, доктор в первый и последний раз почтил меня ломаной английской фразой:

— У меня много вошей.

Я проснулся на рассвете и отправился осматривать Лас-Нивес. Все здесь принадлежит генералу Урбине — дома, животные, люди и их бессмертные души. Только он чинит здесь суд и расправу. Единственная лавочка в деревне находится в его доме, и я купил там папиросы у Сиеррского Льва, который в тот день исполнял обязанности приказчика. Во дворе генерал разговаривал со своей любовницей — аристократического вида красавицей, чей голос напоминал визг пилы. Заметив меня, он пошел мне навстречу, пожал руку и сказал, что ему хотелось

[1] Крепкой водке *(исп.)*.

бы, чтобы я его сфотографировал. Я ответил, что это как раз цель моей жизни, и спросил, когда он отправляется на фронт.

— Деньков через десять,— сказал генерал.

Это меня сильно смутило.

— Я очень ценю ваше гостеприимство, генерал,— заявил я,— но я обязан как можно скорее отправиться туда, чтобы присутствовать при наступлении па Торреон. Если это возможно, я хотел бы вернуться в Чиуауа к генералу Вилье, который скоро отправляется на юг.

Урбина, не меняя выражения лица, закричал:

— А что вам тут не нравится? Ведь вы здесь как в собственном доме! Вам нужны папиросы? Aguardiente, sotol[1] или коньяк? Женщина, которая согревала бы вашу постель по ночам? Говорите, что нужно,— все получите. Вам нужен пистолет? Лошадь? Деньги?

Он сунул руку в карман, вынул горсть серебряных долларов и швырнул их мне под ноги.

— Нигде в Мексике меня не принимали так хорошо, как в вашем доме,— ответил я и решил ждать.

Весь следующий час я фотографировал генерала Урбину: генерал Урбина стоит с саблей и без сабли; генерал Урбина на трех разных лошадях; генерал Урбина в кругу своей семьи и без семьи; трое детей генерала Урбины на лошадях и без лошадей; мать генерала Урбины и его любовница; вся семья, вооруженная саблями, револьверами, с граммофоном посредине, один из сыновей держит плакат, на котором чернилами выведено: «Генерал Томас Урбина».

ГЛАВА III
ГЕНЕРАЛ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОЙНУ

Мы кончили завтракать, и я уже примирился с тем, что мне придется еще десять дней провести в Лас-Нивес, как вдруг генерал изменил решение. Он вышел из своей комнаты, громовым голосом выкрикивая приказания. Через пять минут в доме уже царила невообразимая суматоха — офицеры бежали укладывать свои серапе, кавалеристы седлали лошадей, пеоны метались взад и вперед, таская охапки винтовок. Патричио

---

[1] Сорт водки *(исп.)*.

запряг пять мулов в огромную карету — как две капли воды похожую на старинный дилижанс. В Канотильо, где стоял эскадрон, помчался гонец с известием о выступлении в поход. Рафаэлито таскал в карету багаж генерала: пишущую машинку, четыре сабли — одна из них с эмблемой рыцарей Пифии, три мундира, генеральское тавро и огромную бутыль aguardiente.

Вдали на дороге показалось облако бурой пыли — это скакал эскадрон. Впереди летел на лошади маленький коренастый черный кавалерист с мексиканским флагом; на голове у него красовалось огромное сомбреро, украшенное пятью фунтами потемневшего золотого галуна, некогда составлявшего гордость какого-нибудь асиендадо. Вслед за ним скакал Мануэль Паредес в сапогах с голенищами до бедер, застегнутыми серебряными пряжками величиной с доллар, колотивший своего коня саблей плашмя. Исидро Амайо заставлял своего жеребца гарцевать, хлопая его шляпой по глазам; Хосе Валиенте звенел огромнейшими серебряными шпорами с бирюзовой инкрустацией; у Хесуса Манчилла на шее сверкала медная цепь; на сомбреро Хулиана Риеса красовались все самые известные изображения Христа и богородицы. За ними тесной кучкой неслись еще шесть всадников, над которыми то и дело взлетало лассо Антонио Гусмана, старавшегося их заарканить. Эскадрон мчался во весь опор, испуская воинственные вопли и стреляя из револьверов. Не замедляя скачки, всадники приблизились на сто шагов и вдруг круто остановили лошадей, разрывая им губы,— вихрь из людей, лошадей и пыли.

Таков был эскадрон генерала Урбины, когда я увидел его впервые,— человек сто, одетых в живописные и невообразимо потрепанные костюмы: тут были и комбинезоны, и куртки пеонов, и узкие ковбойские брюки. Кое-кто был обут в сапоги, большинство щеголяло в сандалиях из сыромятной кожи, остальные разгуливали босиком. Сабас Гутирес облачился в старомодный фрак, разрезанный сзади до пояса, чтобы удобнее было сидеть в седле. Винтовка, притороченная к луке, четыре-пять патронных лент, крест-накрест пересекавших грудь, высокие сомбреро с широченными полями, огромные шпоры, звенящие на ходу, и пестрые серапе — такова была их форма.

Генерал прощался с матерью. Перед дверью, скорчившись на земле, плакала его любовница, окруженная тремя своими детьми. Мы прождали почти целый час, как вдруг Урбина стремительно выбежал из дома. Даже не взглянув на семью, он вскочил на своего огромного серого коня и бешено его при-

шпорил. Хуан Санчес затрубил в разбитую трубу, и эскадрон во главе с генералом понесся к Канотильо.

Тем временем мы с Патричио погрузили в карету три ящика динамита и ящик с бомбами. Я уселся рядом с Патричио, пеоны отпустили мулов, и длинный бич полоснул животных по брюху. Мы выехали из деревушки галопом и помчались по крутому берегу реки со скоростью двадцати миль в час. Эскадрон скакал по другому берегу, выбрав более прямой путь. Мы миновали Канотильо, не останавливаясь.

— Arre, mulas! Hijas de la puta!..[1] — вопил Патричио, размахивая длинным кнутом.

Camino Real[2] представляла собой обыкновенную проселочную дорогу, изрытую ухабами; каждый раз, когда мы спускались в овраг, ящики с динамитом угрожающе стучали. Вдруг лопнула веревка, и один ящик свалился на камни. Но утро было прохладное, и мы благополучно водворили его на место...

Через каждые сто ярдов мы проезжали кучки камней, увенчанные деревянными крестами,— память об убитом на дороге. На перекрестках торчали высокие побеленные кресты, охранявшие затерянное в пустыне ранчо, к которому вела боковая тропа, от посещения дьявола. Черный блестящий чапарраль, вышиной с мула, царапал стенку кареты; испанский штык и огромные кактусы-питайа высились на горизонте, как часовые. А над ними кружили могучие мексиканские грифы, словно знавшие, что мы едем на войну.

К вечеру слева показалась каменная стена, окружающая миллион акров асиенды Торреон де Каньяс и, подобно Великой китайской стене, протянувшаяся по пустыне и по горам больше чем на тридцать миль. Затем мы увидели асиенду. Перед господским домом расположился эскадрон. Нам сообщили, что генерал Урбина внезапно серьезно заболел и ему, вероятно, придется с неделю пролежать в постели.

Каса-гранде (господский дом), великолепный дворец с портиками, но всего в один этаж, занимал всю вершину оголенного холма. Перед его фасадом расстилалось пятнадцать миль желтой холмистой равнины, за которой протянулись цепи громоздящихся друг на друга гор. Позади каса-гранде были расположены конюшни и огромные загоны для скота. Там уже вились столбы желтого дыма — это солдаты эскадрона разожгли свои вечерние костры. Дальше в лощине хижины пеонов — их

---

[1] Пошли, животные! Сукины дети! *(исп.)*
[2] Широкая проезжая дорога *(исп.)*.

было больше сотни — отгораживали квадратную площадку, где резвились дети и животные, а женщины, как всегда, стоя на коленях, мололи кукурузу. По равнине медленно ехали возвращающиеся домой вакеро, а от реки, находившейся в миле от поселка, бесконечной вереницей брели женщины, закутанные в черные шали, с огромными кувшинами на головах.

Трудно себе даже представить, как близко к природе живут пеоны на этих огромных асиендах. Даже их хижины построены из той же обожженной солнцем глины, на которой они стоят, их пища — кукуруза, которую они выращивают; их питье — вода, которую зачерпывают из пересыхающей реки и тащат домой на головах усталые женщины; их одежда соткана из шерсти, сандалии вырезаны из шкуры только что зарезанного быка. Животные — самые близкие их друзья. Свет и тьма их день и ночь. Когда мужчина и женщина влюбляются, они бросаются друг другу в объятия без всяких предварительных формальностей; надоев друг другу, они расходятся. Венчание стоит дорого (целых шесть песо священнику) и считается излишней роскошью, но и оно ни к чему не обязывает случайно сошедшуюся пару. Ревность, конечно, приводит к поножовщине.

Мы обедали в одной из величественных пустых зал дворца — огромной комнате высотой в восемнадцать футов и с чудесными стенами, оклеенными дешевыми американскими обоями. Одну сторону залы занимал гигантский буфет красного дерева, но ножей и вилок в нем не оказалось. В крохотном камине никогда не зажигался огонь, хотя в помещении веяло холодом смерти. В соседней комнате стены были обиты тяжелой цветной парчой, но на бетонном полу не было ковра. Ни водопровода, ни канализации — за водой приходилось ходить к колодцу или к реке. Свечи — единственное освещение. Конечно, владелец асиенды давно бежал, но даже при нем дворец, наверное, был так же пышен и неуютен, как средневековый замок.

Cura — священник асиенды — занимал почетное место за столом. Ему подавались лучшие кушанья, которые он, отложив себе на тарелку, иногда передавал своим любимцам. Мы пили sotol и aguamiel, а cura осушил целую бутылку где-то похищенной анисовки. Развеселившись после этого, его преподобие начал превозносить прелести исповедальни — особенно когда исповедуются молодые девушки. Он также намекнул нам, что обладает неким феодальным правом, касающимся новобрачных.

— Здешние девушки, — сказал он, — очень страстные...

Я заметил, что сидевшие за столом не засмеялись на это, хотя внешне все были очень почтительны с cura. Когда мы

вышли из залы, Хосе Валиенте, весь дрожа от злобы, процедил сквозь зубы:

— Я знаю этих... Мою сестру... Революция еще скажет свое слово по поводу этих curas!

Впоследствии два видных конституционалиста в мало известном проекте предложили изгнать духовенство из Мексики, а ненависть к попам генерала Вильи хорошо всем известна.

Когда на следующее утро я вышел во двор, Патричио уже запрягал мулов в карету, а кавалеристы седлали коней. Доктор, остававшийся с генералом в асиенде, подошел к моему приятелю, кавалеристу Хуану Валехо.

— Славная у тебя лошадка, и винтовка не плоха,— сказал он.— Одолжи-ка их мне.

— Но у меня ведь нет другой...— начал было Хуан.

— Я старше тебя чином,— возразил доктор, и больше мы не видели ни его, ни лошади, ни винтовки.

Я пошел проститься с генералом, который мучительно корчился в постели, каждые четверть часа передавая своей матери по телефону бюллетень о состоянии своего здоровья.

— Желаю вам счастливого пути! — сказал он.— Пишите правду. Отдаю вас на попечение Паблито.

ГЛАВА IV
ЭСКАДРОН В ПОХОДЕ

Я сел в карету вместе с Рафаэлито, Пабло Сеанес и его подругой. Это было странное создание. Молодая, стройная, красивая, она обдавала холодом и злобой всех, кроме Пабло. Я ни разу не видел, чтобы она улыбнулась, не слышал, чтобы она сказала хоть одно ласковое слово. С нами она обходилась с тупым равнодушием, а иногда мы вызывали у нее вспышки бешеной ярости. Но за Пабло она ухаживала, как за маленьким ребенком. Когда он укладывался на сидении и клал голову ей на колени, она крепко прижимала ее к своей груди, взвизгивая, как тигрица, играющая с детенышами.

Патричио достал из ящика свою гитару и передал ее Рафаэлито. Под его аккомпанемент Пабло начал петь хриплым голосом любовные баллады. Каждый мексиканец знает наизусть сотни этих баллад. Они нигде не записаны, часто сочи-

няются экспромтом и передаются из уст в уста. Некоторые из них прекрасны, другие безобразны, третьи по едкой сатире не уступают французским народным песням. Он пел:

Меня правительство сослало,
Пришлось по свету побродить,
Но год прошел, и я вернулся —
Любимую не мог забыть.

Когда ушел я на чужбину,
Не думал возвращаться вновь.
Меня заставила вернуться
Одна лишь женская любовь [1].

И затем: «Los Hijos de la Noche» [2].

Я — сын ночи, на других похожий,
И во тьме ночной брожу без цели.
И печаль мою со мною делит
Лишь луна в сребристой колыбели.

От тебя уйти себя заставлю,
Обессилевший от слез и горя,
Я пустые берега покину,
Уплыву от них далеко в море.

— Только изменить мне не пытайся,—
Говорю, с тобою расставаясь.—
А не то лицо тебе попорчу,
Крепко я с тобою рассчитаюсь.

Я уйду, американцем стану,
Поселюсь у самого кордона,
И — господь, Антония, с тобою,
Передай друзьям по два поклона!

Только бы меня американцы
Поселиться у себя пустили,
Только бы у самой Рио-Гранде
Кабачок открыть мне разрешили.

Мы позавтракали на асиенде Эль-Гентро, и тут Фиденчио предложил мне поехать дальше на его лошади.

Эскадрон был уже далеко, всадники, растянувшись на полмили, мелькали среди кустов черного мескита. Впереди них колыхался крохотный красно-бело-зеленый флаг. Горы скрылись за горизонтом, и мы ехали теперь по огромной чаше пустыни, края которой задевали раскаленную синеву мексиканского

---

[1] Перевод стихов Д. Самойлова.
[2] «Сыновья ночи» *(исп.)*.

неба. Теперь, когда я расстался с каретой, глубокая тишина, невыразимый покой окружили меня. На пустыню нельзя смотреть со стороны — вы сливаетесь с нею, становитесь ее частью.

Пришпорив лошадь, я скоро догнал эскадрон.

— Эгей, мистер! — вопили всадники.— Гляди, мистер наш верхом! Qué tal, мистер? Как дела? Хочешь воевать вместе с нами?

Но капитан Фернандо, ехавший впереди колонны, обернулся ко мне и рявкнул:

— Сюда, мистер! — Он весь сиял от радости.— Поедем вместе! — кричал он, хлопая меня по спине.— Пей! — И он протянул мне бутылку sotol, наполовину опорожненную.— Пей до дна, докажи, что ты мужчина.

— Как будто многовато,— засмеялся я.

— Пей! — закричали кавалеристы, и почти весь эскадрон сгрудился вокруг меня.

Я осушил бутылку до дна. Раздался взрыв хохота и рукоплесканий. Фернандо перегнулся и крепко пожал мне руку.

— Здорово пьешь, compañero! [1] — заорал он, покатываясь со смеху.

Меня принялись расспрашивать, буду ли я драться вместе с ними. Откуда я приехал? Чем я занимаюсь? Большинство никогда не слыхало слова «репортер», а один, мрачно взглянув на меня, высказал мнение, что я гринго и порфирист и меня нужно расстрелять.

Остальные, однако, с этим не согласились. Ни один порфирист не выпьет одним залпом столько sotol. Исидро Амайо заявил, что он в первую революцию служил в бригаде, при которой был репортер, и его называли «Corresponsal de Guerra» [2]. Нравится ли мне Мексика? Я ответил, что очень люблю Мексику и мексиканцы тоже мне нравятся. И еще мне нравятся sotol, aguardiente, mescal, tequilla, pulque [3] и разные мексиканские обычаи. Это вызвало настоящий взрыв восторга.

Капитан Фернандо наклонился в седле и похлопал меня по плечу.

— Значит, ты заодно с народом. Когда революция победит, у нас будет народное правительство — правительство бедноты. Вот эта земля, по которой мы проезжаем, раньше принадлежала богачам, а теперь принадлежит мне и моим compañeros.

— А вы будете служить в армии? — спросил я.

[1] Товарищ, приятель *(исп.)*.
[2] Военный корреспондент *(исп.)*.
[3] Названия разных алкогольных напитков *(исп.)*.

— Когда революция победит, тогда совсем не будет армии,— ответил он к моему изумлению.— Народ ненавидит армию. Ведь дон Порфирио грабил нас с помощью армии.

— А если Соединенные Штаты вторгнутся в Мексику?

Поднялась настоящая буря.

— Мы храбрее американцев. Проклятые гринго дальше Хуареса не продвинутся... Мы им покажем!.. Мы их сразу прогоним обратно, а на другой день сожжем их столицу!..

— Да,— сказал Фернандо,— у вас больше денег и больше солдат. У нас встанет весь народ. Нам не нужна армия. Народ будет сражаться за свои семьи, за своих жен.

— А вы за что сражаетесь? — спросил я.

Хуан Санчес, знаменосец, удивленно посмотрел на меня.

— Да ведь сражаться хорошо. Не надо работать в рудниках...

— Мы сражаемся за то, чтобы Франсиско Мадеро опять был президентом,— сказал Мануэль Паредес.

Это необычайное требование значится в программе революции. И повсюду солдат-конституционалистов называют мадеристами.

— Я знал его,— продолжал Мануэль.— Всегда он был такой веселый, всегда смеялся.

— Да,— начал другой,— бывало, когда кто-нибудь провинится и его хотели убить или посадить в тюрьму, Мадеро говорил: «Подождите, дайте мне с ним поговорить. Я думаю, он исправится».

— Он любил bailes [1],— сказал индеец.— Не раз я видел, как он плясал всю ночь напролет, и еще день, и еще ночь. Он приезжал в большие асиенды и произносил речи. Когда он начинал речь, пеоны с ненавистью смотрели на него, когда кончал — все плакали...

Тут кто-то затянул монотонно и заунывно, как всегда, соблюдая мотив, каким поются народные баллады, возникающие тысячами по всякому поводу:

В феврале десятого года,
Восемнадцатого числа,
Был заперт в тюрьму Мадеро,
Хоть совесть его чиста.

Четыре дня он томился,
Жестокие муки терпел,
Потому что от президентства
Отречься не захотел.

---

[1] Танцы *(исп.)*.

Феликс Диас и Бласкет
Пытали его с утра.
Так крепко его ненавидели
Заплечных дел мастера.

Ломали руки и ноги,
От боли он был чуть живой,
Чтоб он поскорей отрекся,
Пытали огнем и водой.

Клеймили каленым железом,
Под ногти вгоняли иглу.
Когда ж он лишился сознанья —
Оставили на полу.

Но все это было напрасно,
Хоть близился смертный миг,
Не сломлен был дух Мадеро,
Он был могуч и велик!

Вот так покинул Мадеро
Сей мир на веки веков —
Глава Индейской республики,
Защитник всех бедняков.

Они сказали, что в драке,
Он сам наткнулся на нож.
Какая бесстыдная наглость,
Какая подлая ложь!

Ах, улица Лекумберри,
Веселье свое забудь —
Здесь по тебе проследовал
Мадеро в последний путь.

Индейцы навеки запомнят
Двадцать второе число.
Дева, прости Мадеро,
Господь, помилуй его!

Прощай, прекрасный Мехико,
Прощай, Мадеро, наш друг,
Прощай, каземат дворцовый,
Откуда вынесли труп!

Сеньоры, ничто не вечно,
Погибли правда и вера:
Глядите, что они сделали
С доном Франсиско Мадеро.

К тому времени, когда он дошел до половины баллады, весь эскадрон уже подпевал ему, а когда он кончил, на минуту наступила звенящая тишина.

— Мы бо́ремся за Libertad [1],— сказал Исидро Амайо.

— А что вы подразумеваете под словом «Libertad»?

— Когда я смогу делать то, что хочу, вот это и будет Libertad.

— Но, быть может, это будет во вред другим людям?

На это Исидро ответил мне великолепным изречением Бенито Хуареса:

— Мир — это уважение к правам других!

Этого я не ожидал. Меня поразило такое определение свободы в устах этого босоногого mestizo [2]. Я должен признать, что оно — единственно правильное,— *делать то, что я хочу*. Американцы с торжеством ссылаются на эту фразу, чтобы доказать безответственность мексиканцев. Но я считаю, что это определение лучше нашего: свобода — это право делать то, что хотят законодательные органы. Каждый мексиканский школьник знает определение слова «мир» и прекрасно разбирается, что оно означает. Однако существует мнение, что мексиканцы не хотят мира. Это ложь, и очень глупая ложь. Пусть-ка американцы, которые так думают, отправятся в мадеристскую армию и спросят, хотят солдаты мира или нет. Все бесконечно устали от войны.

Однако во имя беспристрастности я должен привести здесь замечание Хуана Санчеса.

— А что, в Соединенных Штатах сейчас нет никакой войны? — спросил он.

— Нет,— сказал я, покривив душой.

— Никакой, никакой войны? — Он на минуту задумался.— Как же вы в таком случае проводите время?..

Как раз в эту минуту в кустах показался койот, и весь эскадрон с гиканьем бросился вслед за ним. Всадники с веселыми возгласами рассыпались по пустыне, заходящее солнце играло на их шпорах и патронных лентах, позади них развевались пестрые серапе. А впереди спаленная равнина уходила в небо, и в жарком мареве далекая гряда сиреневых гор танцевала, словно вставший на дыбы конь. Здесь, если предание не лжет, проходили закованные в железо испанцы в поисках золота — вспышка пурпура и серебра, и с тех пор пустыня

[1] Свободу *(исп.)*.
[2] Метиса *(исп.)*.

стала тусклой и холодной. Поднявшись на возвышенность, мы увидели асиенду Ла-Мимбрера — лепившиеся по склону холма домики, окруженные крепкой стеной, способной выдержать осаду, и великолепный каса-гранде на самой его вершине.

Перед каса-гранде, который в предыдущем году был разграблен и сожжен Че Че Кампа, генералом армии Ороско, стояла наша карета. Десяток compañeros, разложив огромный костер, уже резали овцу. Багровые отблески ложились на их лица, на овцу, которая, блея, билась у них в руках, а стекавшие на землю струи крови, попадая в полосы огненного света, казалось, начинали светиться изнутри.

Я обедал с офицерами в доме управляющего дона Хесуса — более совершенного образца мужественной красоты мне еще не приходилось видеть. Он был выше шести футов ростом, стройный, с молочной кожей — самый чистый, самый благородный испанский тип. В одном конце его столовой висело полотенце, на котором красным, белым и зеленым было вышито: «Да здравствует Мексика!», а в противоположном конце — другое, с надписью: «Да здравствует Иисус!»

Когда после обеда я остановился у костра, раздумывая, где бы устроиться на ночь, кто-то тронул меня за локоть. Это был капитан Фернандо.

— Хотите спать с compañeros?

Мы пересекли огромный квадратный двор, озаренный слепящим блеском звезд пустыни, и подошли к каменному складу, стоявшему в стороне от других зданий. Внутри горело несколько свечей, освещая составленные в углах винтовки и седла, сваленные на пол, на которых покоились головы завернувшихся в одеяла compañeros. Двое-трое из лежавших еще не спали и разговаривали, дымя папиросами. В одном углу, закутавшись в серапе, три человека играли в карты, в другом пять-шесть голосов напевали под гитару балладу «Паскуаль Ороско», начинавшуюся так:

Говорят, Паскуаль Ороско подлым предателем стал,
Дон Террассас с компанией совесть его купили,
Он взялся свергнуть правительство за презренный металл,
Так ему приказали, за то ему заплатили.

Ороско взялся за дело,
Выехал он на фронт.
Но мадеристские пушки
Ему нанесли афронт.

Если Порфирио Диас придет к твоему окну,
Яви к нему милосердие, подай ему кус лепешки;
Если генерал Уэрта придет к твоему окну,
Плюнь ему прямо в морду, не подавай ни крошки.

Если Инес Саласар придет к твоему окну,
Запри покрепче сундук и не пускай в жилище,
Если Макловио Эррера придет к твоему окну,
Скатертью стол накрой, выставь побольше пищи.

Сперва они меня не заметили, потом один из игроков в карты сказал:

— Глядите, мистер пришел!

Все засуетились и разбудили остальных.

— Правильно!.. Нужно спать с народом... Ложись здесь, amigo...[1] Вот мое седло... Сразу видно, что честный человек,— не стал как-нибудь...

— Спокойной ночи, compañero! — закричали мне несколько человек.— До утра!

В скором времени кто-то закрыл дверь. Стало тяжело дышать. От табачного дыма воздух стал невыносимо спертым. В те редкие перерывы, когда затихал храп, пение, не прекращавшееся до самой зари, звучало особенно громко. В одеялах compañeros, видимо, ютились блохи...

Но я, лежа на цементном полу, чувствовал себя очень счастливым, и спал я крепче, чем во все предыдущие ночи, проведенные в Мексике.

На рассвете мы были уже в седлах и мчались во весь опор вверх по обрывистому склону холма, чтобы согреться. Было ужасно холодно. Кавалеристы по самые глаза закутались в сарапе, а огромные сомбреро довершали их сходство с ярко расцвеченными грибами. Первые идущие параллельно земле лучи солнца обжигали мне лицо и наделяли сарапе совсем уже ослепительными красками. Сарапе Исидро Амайо вспыхивало ярко-синими и желтыми спиралями; у Хуана Санчеса — пылало кирпичным оттенком, у капитана Фернандо — переливалось зеленым и вишневым цветом. Рядом сверкали лиловые и черные зигзаги.

Оглянувшись назад, мы увидели, что наша карета остановилась и Патричио усиленно машет нам руками. Два мула, совсем загнанные за последние два дня, отказывались идти даль-

[1] Друг *(исп.)*.

ше. Их плечи были стерты в кровь постромками. Эскадрон рассыпался во все стороны в поисках мулов. Вскоре кавалеристы вернулись, гоня перед собою двух красавцев, никогда еще не ходивших в упряжке. Как только мулы почуяли карету, они сделали отчаянную попытку вырваться на свободу. И тут все кавалеристы вспомнили прошлое и мгновенно превратились в вакеро. Это была чудесная картина: кольцами, словно змеи, замелькали в воздухе лассо, маленькие лошади крепко упирались в землю всеми четырьмя ногами, чтобы удержать несущегося во всю прыть мула. Но это были не мулы, а черти. Раз за разом они обрывали волосяные веревки и даже бросили двух всадников на землю вместе с конями. На выручку поспешил Пабло. Вскочив на лошадь Сабаса, он вонзил ей шпоры в бока и погнался за мулом. В три минуты он набросил ему лассо на ногу, повалил на землю и крепко связал. Затем он с такой же быстротой расправился и с другим. Недаром Пабло в двадцать шесть лет был уже подполковником. Он не только умел сражаться лучше других, но и верхом ездил лучше, и лассо бросал и стрелял лучше, и дрова рубил лучше, и танцевал лучше.

Мулов со связанными ногами подтащили к карете и, несмотря на их неистовое сопротивление, впрягли, лежачих. Когда все было готово, Патричо взобрался на козлы, схватил кнут и крикнул, чтобы все отошли в сторону. Дикие животные вскочили на ноги и принялись, визжа, бить задом. Патричо, заглушая весь шум, щелкал кнутом и кричал: «Andale! Hijos de la...» Мулы наконец рванулись вперед и понеслись по оврагу с быстротой курьерского поезда. Вскоре карета скрылась из виду за облаком пыли, и мы только через несколько часов увидели ее снова — далеко впереди она взбиралась на холм...

Панчито еще не исполнилось двенадцати лет, но он уже был настоящим кавалеристом, имел свою винтовку, которую с трудом поднимал, и лошадь, на которую его всегда подсаживали. Его закадычным другом был Викториано, четырнадцатилетний ветеран. В эскадроне было еще семеро кавалеристов моложе семнадцати лет, а также хмурая, похожая на индианку женщина, перепоясанная двумя патронными лентами. Она ездила верхом наравне с мужчинами и спала вместе с ними в бараках.

— Почему вы пошли воевать? — спросил я ее.

Она кивнула в сторону суровой фигуры Хулиана Рейеса.

— Потому что он пошел, — сказала она. — Кто стоит под хорошим деревом, того защищает хорошая тень.

— Хороший петух будет кукарекать в каком угодно курятнике,— заметил Исидро.

— Попугай весь зеленый, от головы до хвоста,— добавил еще кто-то.

— Лица мы видим, но сердец постигнуть не можем,— сентиментально резюмировал Хосе.

В полдень мы поймали быка и тотчас закололи его; раскладывать костер было некогда, и мы отрезáли куски мяса от туши и ели сырыми.

— Oiga, мистер! — закричал Хосе.— А американские солдаты едят сырое мясо?

Я ответил, что вряд ли.

— А это хорошо для солдат. В походе у нас нет времени готовить, и мы едим carne cruda[1]. Оно придает храбрости.

К вечеру мы догнали карету, пересекли вместе с ней русло высохшей речки и подъехали к асиенде Ла-Сарка. В отличие от асиенды Ла-Мимбрера, каса-гранде стоит здесь на ровном месте, а хижины пеонов тянутся по обе его стороны. Перед каса-гранде расстилается двадцать миль голой пустыни, где нет даже чапарраля. Генерал Че Че Кампа побывал и здесь: от господского дома остались только обуглившиеся руины.

ГЛАВА V
БЕЛЫЕ НОЧИ В САРКЕ

Я, конечно, расположился на ночлег вместе с солдатами. И здесь я хочу упомянуть об одном факте. Американцы считают мексиканцев в высшей степени нечестным народом, и мне говорили, что у меня в первый же день украдут мою походную сумку со всеми вещами. Но вот уже две недели я жил среди самых отчаянных головорезов, подобных которым трудно было найти во всей мексиканской армии. Они были совершенно невежественны, не признавали никакой дисциплины. Почти все они ненавидели гринго. Им уже полтора месяца не выплачивали жалованья, и многие из них были настолько бед-

[1] Сырое мясо *(исп.)*.

ны, что не могли купить себе ни сандалий, ни серапе. А я был чужой, хорошо одет и не вооружен. При мне было сто пятьдесят песо, которые я на глазах у всех клал себе под подушку, когда ложился спать. И у меня ни разу ничего не пропало. И даже больше — мне не разрешали платить. И хотя у них не было денег, а табак считался драгоценностью, compañeros снабжали меня всяческим куревом. А любая моя попытка заплатить воспринималась как оскорбление. И мне было разрешено только нанять музыкантов для baile.

Мы с Хуаном Санчес давно уже завернулись в наши одеяла, а музыка и громкие возгласы танцующих по-прежнему не затихали. Была, должно быть, уже полночь, когда кто-то открыл дверь и закричал:

— Мистер! Oiga, мистер! Вы спите? Идемте танцевать! Arriba! [1] Andale!

— Я хочу спать! — ответил я.

После некоторого пререкания посланный ушел, но минут через десять вернулся.

— Капитан Фернандо приказывает вам явиться немедленно. Vámonos! [2]

Теперь проснулись и остальные.

— Идите плясать, мистер! — кричали они.

Хуан Санчес уже натягивал сапоги.

— Мы идем,— сказал он.— Мистер будет танцевать! Капитан приказывает. Идемте, мистер!

— Я пойду, если пойдет весь эскадрон,— сказал я.

Мои слова были встречены дружными воплями и хохотом. Все начали одеваться.

Всей толпой, человек в двадцать, мы подошли к дому. Пеоны, сгрудившиеся у дверей и окон, расступились, чтобы дать нам дорогу.

— Мистер! — слышались крики.— Мистер будет плясать!

Капитан Фернандо обхватил меня за плечи и закричал:

— Пришел, пришел, compañero! Давай танцуй! Давай, давай! Сейчас сыграют хоту!

— Но я ведь не умею танцевать хоту!

Патричио, весь раскрасневшись и тяжело дыша, схватил меня за руку.

— Идемте! Это не трудно. Я познакомлю вас с лучшей девушкой в Сарке!

---

[1] Поднимайтесь! *(исп.)*

[2] Идем! *(исп.)*

Мне ничего больше не оставалось. Окно было залеплено любопытными, человек сто толпились у дверей. Танцы были устроены в хижине пеона — обыкновенная выбеленная комната, с неровным земляным полом. Две свечи освещали музыкантов. Раздались звуки «Puentes a Chihuahuá»[1]. Наступила тишина, полная затаенных усмешек. Я обнял девушку и начал с ней ходить вокруг комнаты, что всегда предшествует танцам. Мы неловко провальсировали с ней минуты две, как вдруг раздались крики:

— Ого! Ого! Пора!

— Что нужно делать теперь?

— Vuelta! Vuelta![2] Отпусти ее! — оглушительно кричали все.

— Я ведь не умею.

— Этот дурак не умеет танцевать! — взвизгнул кто-то.

Другой затянул насмешливую песенку:

Гринго все — обиралы,
В Соноре их не бывало.
Они говорят: «Доллары»,
Когда надо сказать: «Реалы».

Вдруг на средину пола выскочил Патричио, а за ним — Сабас, и каждый выхватил себе партнершу из ряда женщин, сидевших в одном конце комнаты. И когда я отвел свою даму на место, они начали выделывать «vueltas». Сделав несколько па вальса, мужчина завертелся один, отступив от девушки, закрыв лицо одной рукой и щелкая пальцами другой; девушка, упершись одной рукой в бок, приплясывая, шла за ним. Они подходили друг к другу, отступали, кружились. Все девушки были коренасты и неуклюжи, с тупыми лицами и плечами, сгорбленными от вечной стирки и перемалывания кукурузы. Некоторые мужчины были обуты в сапоги, другие — босы, почти при всех были револьверы и патронные ленты, а у некоторых за плечами висели винтовки.

Перед каждым танцем пары обходили вокруг комнаты, делали два тура и опять начинали обход. Помимо хоты, танцевали еще тустеп, вальс и мазурку. Все девушки упорно глядели в землю, не говорили ни слова и тяжело прыгали вслед за своими партнерами. Прибавьте к этому земляной пол с выбоинами на каждом шагу, и вы поймете, что это была утон-

[1] «Мосты в Чиуауа» *(исп.)*.
[2] Поворот! *(исп.)*.

ченнейшая пытка. Мне казалось, что я танцую уже вечность, подгоняемый хором голосов:

— Пляши, мистер! Держись! No gloje! Не отставай!

Потом опять танцевали хоту, и тут я чуть не попал в беду. На этот раз я танцевал удачно — с другой дамой. Потом, когда я пригласил мою первую партнершу на тустеп, она пришла в бешенство.

— Ты опозорил меня перед всеми,— сказала она.— Ты... ты сказал, что не умеешь плясать хоту!

Когда мы начали обычный обход кругом, она вдруг крикнула своим друзьям.

— Доминго! Хуан! Отнимите меня у этого гринго! Он не посмеет дать сдачи.

С полдюжины молодцов бросились ко мне, а остальные с интересом ждали, что будет дальше. Момент был щекотливый. Но вдруг меня заслонил милейший Фернандо с револьвером в руке.

— Американец — мой друг! — воскликнул он.— А ну, назад! Убирайтесь на свои места!..

Лошади наши были измучены переходом, и мы остались в Сарке на день. Позади каса-гранде лежал заброшенный сад, в котором росли серебристые деревья аламо, инжир, виноград и кактусы-питайа. Сад с трех сторон был окружен высокой глинобитной стеной, за которой в синее небо поднималась древняя белая колокольня. С четвертой стороны к саду примыкал пруд с желтой водой, а за ним до самого горизонта тянулась унылая бурая пустыня. Я лежал под фиговым деревом рядом с кавалеристом Марино и следил за парившими в небе грифами. Внезапно тишина была нарушена громкой быстрой музыкой.

Пабло отыскал в церкви пианолу, которую в прошлом году там не заметил генерал Че Че Кампа, при ней был только один валик — вальс из «Веселой вдовы». Разумеется, пианолу немедленно вытащили во двор, и все по очереди запускали ее. Рафаэлито сообщил мне, что «Веселую вдову» в Мексике любят больше всего остального и что ее написал мексиканец.

Находка пианолы подала мысль устроить вечером еще одно baile на террасе каса-гранде. К колоннам были прикреплены свечи, слабый свет, мерцая, освещал разбитые стены, черные зияющие провалы дверей и окон, дикий виноград, без помехи вившийся по балкам потолка. Внутренний дворик был забит пеонами, которые, несмотря на праздничное настроение, чувствовали себя неловко в господском доме, куда им раньше

не разрешалось и ногой ступить. Как только оркестр кончал танец, немедленно начинала играть пианола, и танцы следовали один за другим без малейшего перерыва. Sotol, которого притащили целый бочонок, добавил жару. Настроение повышалось с каждым часом. Сабас, ординарец Пабло, открыл танцы с его подругой, потом ее пригласил я. Едва мы кончили, как Пабло ударил девушку по голове рукояткой револьвера и сказал, что он застрелит ее и всякого, кто теперь пригласит ее. Сабас после некоторого размышления вдруг вскочил, вынул револьвер и закричал арфисту, что он взял фальшивую ноту. Затем он выстрелил в арфиста. Несколько compañeros разоружили Сабаса, и он, свалившись на пол посредине террасы, мгновенно заснул.

Танцы «мистера» уже не вызывали любопытства. Зато оказалось, что он интересен и в других отношениях. Я сидел рядом с Хулианом Рейесом, солдатом, у которого на сомбреро были изображения богоматери и Христа. Он был сильно пьян, глаза его горели фанатическим огнем.

Он вдруг повернулся ко мне.

— Ты будешь воевать вместе с нами?

— Нет,— сказал я.— Я корреспондент. Мне запрещено сражаться.

— Врешь! — закричал он.— Ты просто трусишь. Как перед богом — наше дело правое.

— Да, я знаю. Но мне приказано не принимать участия в боях.

— Какое мне дело до того, что тебе приказано! — закричал он.— Нам не нужно корреспондентов. Не нужно, чтобы о нас писали в книгах. Нам нужны винтовки, нужно убивать, а если мы погибнем, то станем святыми в раю! Трус! Уэртист!..

— Хватит! — сказал кто-то, и, подняв взгляд, я увидел, что надо мной наклонился Лонгинос Герека.— Хулиан Рейес, ты ничего не понимаешь. Этот compañero приехал за тысячи миль по суше и по морю, чтобы рассказать своим землякам правду о том, как мы боремся за свободу. Он идет в сражение безоружным, значит, он храбрее тебя, потому что у тебя есть винтовка. Уходи отсюда и оставь его в покое!

Он сел на то место, где сидел Хулиан, улыбнулся своей простой, мягкой улыбкой и взял меня за руки.

— Будем compadres, хорошо? — сказал Лонгинос Герека.— Будем спать под одним одеялом и всегда будем вместе. А когда приедем в Кадену, я поведу тебя к своим, и мой отец назовет тебя моим братом... Я покажу тебе золотые прииски

испанцев, богатейшие в мире, о которых никто, кроме меня, не знает... Вместе мы начнем их разрабатывать, хорошо? Мы разбогатеем, да?

С этой минуты и до конца Лонгинос Герека и я всегда были вместе.

Baile становился все шумнее и беспорядочнее. Оркестр и пианола беспрерывно сменяли друг друга. Теперь уже все были пьяны. Пабло громко хвастался, как он убивал беззащитных пленных. Изредка один бросал другому оскорбительное слово, и тогда во всех углах залы раздавалось щелканье затворов винтовок. Измученные женщины начинали потихоньку уходить, но тут же слышался грозный окрик: «No vaya! Не уходить! Сейчас же возвращайтесь и пляшите!»

И женщины, пошатываясь, брели на прежнее место. В четыре часа утра, когда кто-то пустил слух, что среди них находится гринго — шпион уэртистов, я решил пойти спать. Но baile продолжался до семи утра.

ГЛАВА VI
QUIEN VIVE?[1]

На рассвете меня разбудили стрельба и дикие завывания разбитой трубы. Хуан Санчес стоял перед домом и трубил побудку, но, не зная, какой именно это сигнал, он сыграл все сигналы подряд.

Патричио заарканил на завтрак быка. Мыча, животное бросилось бежать в пустыню, Патричио скакал рядом. Остальные кавалеристы, по самые глаза закутанные в серапе, припав на одно колено, подняли винтовки. Трах! Утренняя тишина нарушилась трескотней частых выстрелов. Бык пошатнулся, до нас слабо донеслось его жалобное мычание. Трах! Он уткнулся мордой в землю. Его ноги судорожно задергались в воздухе. Лошадка Патричио, рванув лассо, сразу остановилась, его серапе захлопало, как знамя. В это мгновение из-за восточных гор выплыло огромное солнце, и на бесплодную равнину хлынул океан света...

На пороге каса-гранде показался Пабло. Он с трудом передвигал ноги, опираясь на плечо жены.

---

[1] Кто идет? *(исп.)*

— Мне скоро будет очень плохо,— простонал он, подтверждая свои слова делом.— Пускай Хуан Рид поедет на моем коне.

Он сел в карету, ослабевшими руками взял гитару и запел:

Внизу у горы зеленой остался я недвижим,
Меня покинула милая, она сбежала с другим.
Утром я пробудился — жаворонок поет.
Трещит голова с похмелья — трактирщик в долг не дает.

Господи милосердный, вместилище доброты,
Неужто ты позволишь, чтоб я умер от тошноты!
Святая дева виски, спаси меня, голубица!
Так трещит голова и нечем опохмелиться!..

От Сарки до асиенды Ла-Кадена, будущих квартир эскадрона, примерно шестьдесят пять миль. Это расстояние мы проехали в один день, ни разу не остановившись, чтобы поесть или напиться. Карета скоро оставила нас далеко позади. Голая равнина не замедлила смениться колючими зарослями кактусов и мескитового кустарника. Мы ехали гуськом по тропинке между гигантскими кустами чапарраля, задыхаясь в облаках солончаковой пыли, а острые шипы царапали нас и рвали одежду. Иногда, выехав на поляну, мы видели впереди прямую дорогу, уходящую по холмам пустыни к самому горизонту, но мы знали, что до нее еще далеко, далеко. Воздух был неподвижен. Солнце, стоявшее в зените, с такой яростью обрушивало на нас свои вертикальные лучи, что начинала кружиться голова. Кавалеристы, пьянствовавшие всю прошлую ночь, невыносимо страдали. Губы их пересыхали, трескались, становились синими. Я не слышал ни одной жалобы, но не было и намека на то оживление и шутки, которыми сопровождалось наше путешествие в другие дни. Хосе Валиенте научил меня жевать веточки мескита, но это мало помогало.

Так мы ехали уже несколько часов, как вдруг Фиденчио, указав рукой вперед, произнес хрипло: «Вот едет cristiano» [1]. Вспоминая, когда именно слово «христианин», которое теперь означает здесь просто «человек», проникло в язык индейцев, и слыша, как его произносит человек, который, возможно, как две капли воды похож на Гуатемосина, испытываешь странное чувство. Этот «cristiano» оказался дряхлым индейцем, гнавшим перед собой ослика. Нет, сказал старик, у него с собой нет воды. Но Сабас соскочил на землю и снял вьюк с осла.

[1] Христианин *(исп.)*.

— Ага! — вскричал он.— Прекрасно. Tres piedras! — И он поднял вверх корень, из которого гонят sotol, напоминающий столетник и полный опьяняющего сока. Мы поделили его между собой, словно артишок. Вскоре все почувствовали себя лучше...

Под вечер, перевалив через отрог, мы увидели впереди огромные серые деревья аламо, окружающие родник асиенды Санто-Доминго. Над загоном, где вакеро ловили лошадей, поднимался столб бурой пыли, словно дым над пожарищем. В стороне виднелись мрачные руины каса-гранде, год назад сожженного Че Че Кампа. Возле родника, под деревьями аламо, сидели у костра бродячие торговцы — человек десять. Их ослы стояли рядом, жуя кукурузу. Между родниками и глинобитными хижинами двигалась бесконечная вереница женщин с кувшинами на головах — символ Северной Мексики.

— Вода! — радостно закричали мы и галопом понеслись с холма в долину. Патричио со своей каретой и лошадьми уже был у родника. Соскочив с коней, весь эскадрон улегся плашмя на берегу. Люди и лошади вместе окунали губы в воду и пили, пили без конца... Это было самое восхитительное ощущение, какое мне когда-либо пришлось испытать.

— У кого есть закурить? — крикнул кто-то. Несколько блаженных минут мы лежали на спине и курили. Но вдруг звуки музыки — веселой музыки — заставили меня подняться. Невдалеке проходила удивительно странная процессия. Впереди всех выступал оборванный пеон, неся усыпанную цветами ветку какого-то дерева. За ним другой пеон нес на голове небольшой ящик, похожий на гроб, покрытый синими, красными и серебряными полосами. Дальше четверо мужчин несли нечто вроде балдахина, сшитого из разноцветных тряпок. Под этим балдахином шла женщина, голова и грудь которой были скрыты балдахином, а на нем лежало тело босоногой девочки, маленькие ручки были скрещены на груди. Волосы покойницы были украшены венком из бумажных цветов, и все ее тело было засыпано этими цветами. Шествие замыкал арфист, игравший популярный вальс «Recuerdos de Durango» [1]. Погребальное шествие медленно подвигалось вперед и, миновав открытую площадку возле каса-гранде, где игроки в мяч и не подумали прервать игры, направились к кладбищу.

— Тьфу! — злобно сплюнул Хулиан Рейес.— Это же надругательство над усопшими!

---

[1] «Воспоминания о Дуранго» *(исп.)*.

На закате пустыня пылала огнем. Мы проезжали по безмолвной, волшебной земле, чем-то похожей на подводное царство. Вокруг высились огромные кактусы, залитые красным, голубым, пурпуровым и желтым светом, напоминая кораллы на дне океана. Позади нас на западе, в облаке золотистой пыли, катилась наша карета, словно колесница пророка Илии... На востоке под темным небом, на котором уже загорались звезды, виднелись гребни гор; за ними лежала Ла-Кадена — аванпост мадеристской армии. Это была земля, которую можно было любить, за которую можно было сражаться. Эскадронные певцы затянули вдруг бесконечную песню «Бой быков», в которой федеральные полководцы сравниваются с быками, мадеристские генералы — с тореадорами, и, глядя на этих веселых, милых, простых ребят, готовых отдать за революцию все, вплоть до жизни, я невольно вспомнил ту небольшую речь, которую произнес Вилья перед иностранцами, покидавшими Чиуауа в первом поезде для беженцев.

— Я вам сообщу последние новости,— сказал Вилья,— и прошу передать их всем у себя на родине. В Мексике больше не будет дворцов. Лепешки бедняков лучше хлеба богачей. Поезжайте!..

Было уже поздно, около полуночи, когда на каменистой дороге между высокими горами у нашей кареты сломалась ось. Я остановился, чтобы достать свое одеяло; когда я опять двинулся дальше, compañeros уже скрылись за изгибом дороги. Я знал, что Ла-Кадена была где-то поблизости. Каждую минуту из кустов чапарраля мог вынырнуть часовой. Примерно с милю я спускался по крутой дороге, которая в большей своей части была руслом пересохшей речки, извивавшейся среди высоких гор. Царил глубокий мрак, на небе не было ни звездочки, и веяло ледяным холодом. Наконец горы кончились, дальше расстилалась широкая равнина, за которой я с трудом разглядел крутые отроги Кадены и горный проход, который предстояло охранять эскадрону. В каких-нибудь пяти милях от этого прохода был расположен город Мапими, где находились тысяча двести федералистов. Но асиенда все еще была скрыта за возвышенностью.

Я увидел ее, когда подъехал уже совсем вплотную,— маячившие во мраке белые постройки на другой стороне глубокого оврага. И тем не менее я все еще не встретил ни одного часового. «Странно,— подумал я.— Они тут, по-видимому, не очень бдительны». Я нырнул в овраг и перебрался на другую сторону. В одной из зал каса-гранде виден был свет, и

оттуда доносились звуки музыки. Подойдя ближе и заглянув в дверь, я увидел неутомимого Сабаса, кружившегося в хоте, а с ним — Исидро Амайо и Хосе Валиенте. Опять baile! Как раз в эту минуту на пороге освещенного входа показался человек с винтовкой в руках.

— Quién vive? — лениво крикнул он.

— Мадеро! — прокричал я в ответ.

— Да не коснется его смерть! — ответил часовой и вернулся в залу...

ГЛАВА VII

АВАНПОСТ РЕВОЛЮЦИИ

В Ла-Кадене, авангарде мадеристской армии на западе, нас было сто пятьдесят человек. На нашей обязанности лежало охранять горный проход Пуэрта-де-ла-Кадена; но войска были расквартированы в асиенде, в десяти милях от прохода. Асиенда стояла на небольшом плоскогорье, по одну сторону которого был глубокий овраг; на дне этого оврага, на протяжении примерно ста ярдов, выходила на поверхность подземная речка и затем опять исчезала. Кругом расстилалась угрюмая пустыня — высохшие русла речек и заросли чапарраля, кактусов и испанского штыка.

Прямо на восток лежал горный проход Пуэрта, пробивший высокую горную цепь, которая, наполовину заслонив небо, уходила в бесконечность на север и на юг, вся в огромных складках, словно одеяло великана. Пустыня поднималась до самого прохода, а за ним была видна лишь яростная синева безоблачного мексиканского неба. Но с Пуэрты открывался вид на Llano de los Gigantes [1] — так испанцы назвали огромную безводную равнину, прорезанную невысокими горными кряжами и тянувшуюся миль на пятьдесят. Примерно в шести милях от прохода виднелись низкие серые домики Мапими. Там находился неприятель — тысяча двести colorados или федеральных нерегулярных войск, которыми командовал недоброй славы полковник Аргумедо. Colorados — бандиты, устроившие переворот генерала Ороско. Назвали их так потому, что у них был красный флаг, а их руки были к тому же красны от крови. Они ураганом пронеслись по Северной Мексике, грабя бедноту,

[1] Равнина гигантов *(исп.)*.

отмечая свой путь поджогами и убийствами. В Чиуауа они срезали подошвы на ногах одному бедняку и гнали его по пустыне несколько миль, пока он не умер. И я видел городок в котором после налета colorados из четырех тысяч населения в живых осталось всего пять человек. Когда Вилья взял Торреон, его солдаты не давали пощады colorados — их всех до одного расстреливали.

В первый же день нашего прибытия в Ла-Кадену мы встретились с конным разъездом colorados — их было двенадцать человек. Двадцать пять человек наших кавалеристов охраняли проход. Они захватили одного colorado, отобрали у него лошадь, винтовку и раздели его донага. Затем приказали ему бежать между кустами чапарраля и кактусами, посылая ему вслед пули. Наконец Хуан Санчес положил его на месте и получил винтовку убитого, которую подарил мне. Colorado был оставлен на съедение огромным мексиканским грифам, весь день лениво кружащимся над пустыней.

В тот же день мой compadre — капитан Лонгинос Герека, кавалерист Хуан Валехо и я, попросив у полковника карету, отправились на маленькое пыльное ранчо Брукилья, принадлежащее родителям Лонгиноса. Ранчо это было расположено в пяти милях на север, где из небольшого мелового холма каким-то чудом бил подземный ключ. Старик Герека оказался седовласым пеоном, обутым в сандалии. Когда-то он был крепостным богатого асиендадо, но многие годы невообразимо тяжелого труда сделали его независимым владельцем маленького ранчо, что случалось в Мексике очень редко. У него было десятеро детей — кроткие смуглые дочери и сыновья, чем-то напоминавшие батраков на фермах Новой Англии. И еще одна дочь умерла.

Члены семейства Герека показались мне гордыми, уважающими себя и добросердечными людьми. Лонгинос сказал:

— Это мой любимый друг и брат Хуан Рид.

Старик и его жена крепко обняли меня и принялись хлопать по спине — мексиканская манера выражать нежность и любовь.

— Моя семья ничем не обязана революции,— гордо сказал Гино.— Другие брали деньги, лошадей, фургоны. Армейские jefes[1] разбогатели, захватывая имущество на больших асиендах. А Гереки все отдали мадеристам, не взяв себе ничего,— только вот я получил чин.

---

[1] Начальники *(исп.)*.

Однако старик сердито проворчал, показывая мне лассо из конского волоса:

— Три года назад у меня было четыре таких riatas. А теперь осталось одно. Одно забрали colorados, другое — солдаты Урбины, а третье — Хосе Браво... Какая разница, кто тебя грабит?

Но он говорил не вполне серьезно. Он очень гордился своим младшим сыном, храбрейшим офицером в армии.

Мы сидели в большой глинобитной хижине, ели вкуснейший сыр и лепешки со свежим козьим маслом. Глухая старуха мать громко извинялась за столь скудное угощение, а ее воинственный сын рассказывал свою эпопею — девятидневное сражение под Торреоном.

— Мы подошли так близко к неприятелю,— повествовал он,— что нам порохом обжигало лица. Стрелять было уже нельзя, и мы пустили в ход приклады.

Внезапно громко залаяли все собаки. Мы вскочили на ноги. В то время в Ла-Кадене можно было ожидать всего. К хижине подскакал мальчуган, крикнул, что colorados занимают проход, и помчался дальше.

Лонгинос закричал, чтобы мулов запрягали в карету. Вся семья яростно взялась за дело, и через пять минут Лонгинос, упав на одно колено и поцеловав руку отцу, вскочил в карету, и мы понеслись.

— Да минует тебя пуля, сынок! — донеслось до нас причитание матери.

Нам повстречался фургон, нагруженный кукурузными стеблями, целой кучей женщин и детей, двумя жестяными сундучками и железной кроватью, привязанной кверху. Глава семейства ехал верхом на осле. Да, colorados наступают — тысячи их ворвались в горный проход. При последнем налете colorados убили его дочь. Вот уже три года ведется война в этой долине, но он терпел и не жаловался. Потому что все это для родины. А теперь он думает бежать с семьей в Соединенные Штаты, где...

Но тут Хуан жестоко хлестнул мулов, и мы не дослушали фразы. Дальше нам повстречался босоногий старик, спокойно гнавший стадо коз. Слыхал ли он о colorados? Да, как будто что-то о них болтали. А не знает ли он, заняли они проход и сколько их?

— Pues, quién sabe, señor? [1]

Наконец крича на шатавшихся от усталости мулов, мы подъехали к лагерю — как раз в ту минуту, когда наш побе-

[1] Ну кто может сказать, сударь? *(исп.)*

доносный эскадрон возвращался по пустыне, расстреливая в воздух гораздо больше патронов, чем они потратили в бою. Всадники на маленьких лошадках мчались между кустами мескита, все в высоких сомбреро, в пестрых развевающихся серапе, и последние лучи солнца сверкали на поднятых вверх винтовках.

Вечером того же дня от генерала Урбины прискакал гонец с извещением, что генерал очень болен и немедленно требует к себе Пабло Сеанеса. Огромная карета тотчас пустилась в путь. В ней разместились Пабло с подругой, горбун Рафаэлито, Фиденчио и Патричио. Пабло сказал мне:

— Хуанито, если хочешь вернуться, то будешь сидеть рядом со мной в карете.

Патричио и Рафаэлито упрашивали меня ехать с ними. Но я, добравшись наконец до фронта, не хотел возвращаться. А на следующий день мои друзья-кавалеристы, с которыми я так близко сошелся во время перехода в пустыне, получили приказ отправиться в Харралитос. На месте остались лишь Хуан Валехо и Лонгинос Герека.

Новый гарнизон Кадены состоял из людей совсем другого рода. Бог знает откуда они явились, но, во всяком случае, их там буквально морили голодом. Таких бедняков пеонов мне еще не приходилось встречать,— половина из них не имели даже серапе. Среди них было около пятидесяти nuevos [1], никогда не нюхавших пороха; приблизительно столько же сражалось раньше под командой в высшей степени бездарного майора Саласара, а остальные пятьдесят человек были вооружены старыми карабинами с очень ограниченным количеством патронов. Начальником гарнизона был подполковник Петронило Эрнандес, который в течение шести лет служил майором в федеральной армии, пока убийство Мадеро не заставило его перейти на другую сторону. Это был храбрый и честный человек со сгорбленными плечами, но многие годы армейской канцелярщины сделали его непригодным командовать тем войском, во главе которого его теперь поставили. Каждое утро он издавал приказ, устанавливавший распорядок на день: кто должен быть дежурным офицером, где должны быть расставлены часовые, патрули и т. д. Но никто не читал его приказов. Офицеры в этой армии не занимаются приучением солдат к дисциплине и порядку. Они стали офицерами потому, что показали свою храбрость в деле, и их обязанность — драться

---

[1] Новобранцев *(исп.)*.

в первых рядах, вот и все. Солдаты считают генерала, под команду которого они завербовались, своим феодальным сеньором. Они называют себя его gente — его людьми, и офицер чужих gente для них не авторитет. Петронило был gente генерала Урбины, но две трети гарнизона в Кадене принадлежали к дивизии генерала Арриета. Вот почему не было часовых ни на западе, ни на севере. Подполковник Альберто Редондо охранял другой проход в шести милях к югу, и поэтому в этом направлении мы считали себя в безопасности. Правда, двадцать пять человек несли сторожевую службу в проходе Пуэрта, и Пуэрта была укреплена...

ГЛАВА VIII
ПЯТЬ МУШКЕТЕРОВ

Каса-гранде в Ла-Кадене, конечно, была разграблена генералом Че Че Кампа в предыдущем году. Внутренний двор каса-гранде был превращен в конюшню для офицерских лошадей. Мы спали на черепичных полах в комнатах, прилегавших ко двору. В огромной зале, когда-то обставленной с варварской пышностью, в стены были вбиты деревянные колышки, на которых висели седла и уздечки; винтовки и сабли стояли у стен, по углам кучками лежали скатанные грязные одеяла. По вечерам прямо на полу раскладывался костер из обмолоченных кукурузных початков; расположившись вокруг него, мы слушали рассказы Аполлинарио и четырнадцатилетнего Хиля Томаса, бывшего colorado, о кровавой борьбе последних трех лет.

— При взятии Дуранго,— начал как-то Аполлинарио,— я был gente капитана Борунда — его еще прозвали Матадором за то, что он всегда убивал пленных. Но когда Урбина взял Дуранго, то пленных почти не оказалось. Тогда Борунда, жаждая крови, начал обходить все трактиры. В каждом он тыкал пальцем в какого-нибудь безоружного человека и спрашивал, не федералист ли он. «Нет, сеньор»,— отвечал тот. «Ты заслуживаешь смерти, потому что ты лжец!» — кричал Борунда, вытаскивая револьвер,— и трах!

Мы все расхохотались, выслушав этот анекдот.

— А вот когда я воевал под командой Рохаса,— перебил Хиль,— во время переворота Ороско (да будет проклята его

мать!) старый офицер-порфирист перебежал на нашу сторону, и Ороско приказал ему обучать colorados (зверье!). В нашей роте был один чудак. Он здорово умел шутить. Так вот он притворялся таким чудачком и словно не понимал команды. И вот этот проклятый старый уэртист (чтоб его черти зажарили в аду!) начал обучать его одного. «На плечо!» — тот сделал все так, как нужно. «На караул!» — лучше и не надо. «В штыки!» — он начал ворочать винтовкой и так и этак, будто не знал, что нужно делать. Тогда старый дурак подошел к нему и ухватился за дуло его винтовки. «Сюда!» — сказал он и потянул винтовку на себя. «Ага! Сюда!» — ответил парень и всадил ему штык в грудь...

Затем Фернандо Сильвейра, казначей, рассказал несколько анекдотов про curas, то есть про попов. Эти анекдоты напомнили мне Турень тринадцатого века, а также некоторые феодальные привилегии, которыми обладали дворяне вплоть до французской революции. Фернандо, несомненно, знал, о чем говорил, так как в свое время сам готовился стать священником. У костра сидело человек двадцать, без разбора звания и чина — и самый бедный пеон в эскадроне, и капитан Лонгинос Герека, но ни один из них не был религиозен, хотя раньше все были правоверными католиками. Три года войны многому научили мексиканский народ. Никогда больше в Мексике не будет другого Порфирио Диаса, не будет другого переворота генерала Ороско, и католическая церковь никогда больше не будет считаться гласом божьим.

Затем Хуан Сантильянес, двадцатидвухлетний subteniente[1], который совершенно серьезно сообщил мне, что он ведет свою родословную от испанского героя Жиль Бласа, пропел старинную, не совсем пристойную песенку, начинающуюся словами:

Я — граф Оливерос,
Артиллерист испанский...

Хуан с гордостью показал мне четыре пулевые раны. Он утверждал, что собственной рукой застрелил несколько беззащитных пленных; можно было ожидать, что он со временем станет muy matador (большой охотник убивать). Он хвастал, что он самый сильный и самый храбрый солдат во всей армии. Он не представлял себе шутки остроумней, чем, засунув в карман моего пиджака сырое яйцо, раздавить его там. Хуан казался моложе своих лет и был чрезвычайно привлекателен.

[1] Младший лейтенант *(исп.)*.

Но самым лучшим моим другом, помимо Гино Герека, был subteniente Луис Мартинес. Его прозвали «Gachupin» — презрительная кличка испанцев, потому что можно было подумать, что он сошел с портрета юного испанского дворянина, написанного Эль Греко. Луис был чистокровный испанец; гордый, веселый, горячий. Ему было всего двадцать лет, и он никогда еще не был в бою. Его скулы и подбородок покрывал черный пушок.

Он, улыбаясь, теребил его.

— Я и Никанор держали пари, что не станем бриться, пока не будет взят Торреон!..

Мы с Луисом спали в разных комнатах. Но ночью, когда затухал костер и все уже храпели, мы сидели на постелях друг у друга — одну ночь у него, другую — у меня — и болтали обо всем на свете: и о наших девушках, и о том, кем мы станем и что будем делать после войны. Луис собирался тогда приехать в Соединенные Штаты навестить меня, а затем мы оба вернемся в Мексику и навестим его семью в городе Дуранго. Он показал мне фотографию младенца, гордо похваставшись, что он уже — дядя.

— А что ты намерен делать, когда вокруг начнут жужжать пули? — спросил я.

— Quién sabe? — рассмеялся он.— Убегу, наверное.

Было очень поздно. Часовой у дверей давно уже заснул.

— Посиди еще,— сказал Луис, ухватив меня за рукав.— Поболтаем еще немножко...

Гино, Хуан Сантильянес, Сильвейра, Луис Хуан Валехо и я отправились верхом на поиски озерца, которое, по слухам, находилось где-то в овраге. Мы ехали по раскаленному песку русла пересохшей речки, окаймленной зарослями мескита и кактусов. Каждый километр подземная речка выходила на поверхность, но через несколько метров снова исчезала под растрескавшейся белой коркой солончака. Мы проехали лужу, где кавалеристы поили измученных лошадей: два-три человека, присев на корточки на краю лужи, черпали воду тыквенными бутылками и выплескивали ее на спины своих коней... У следующей — коленопреклоненные женщины были заняты на камнях вечной стиркой. Дальше тянулась древняя тропинка, ведшая к асиенде; по ней бесконечной вереницей двигались женщины в черных платках с кувшинами воды на головах. Еще дальше на отмели купались обмотанные голу-

бым или белым ситцем женщины и голые детишки. И наконец мы подъехали к голым бронзовым мужчинам с сомбреро на головах и с накинутыми на плечи пестрыми серапе. Рассевшись на камнях, они курили свои hojas. Тут мы вспугнули койота и погнали лошадей вверх по обрывистым склонам оврага в пустыню, на ходу вытаскивая револьверы. Как он мчался! Мы неслись вслед за ним по зарослям чапарраля, стреляя и улюлюкая, но он, конечно, удрал. А потом — гораздо позже мы отыскали мифическую глубокую каменную чашу среди скал, наполненную прохладной водой, сквозь которую виднелись зеленые водоросли на дне.

Когда мы вернулись, Гино Герека пришел в страшное волнение. Отец прислал ему жеребца-четырехлетку, которого специально вырастил, чтобы Гино скакал на нем во главе своей роты.

— Если он с норовом,— заявил Хуан Сантильянес, когда мы бежали посмотреть этот подарок,— то я хочу сесть на него первым. Я обожаю укрощать бешеных коней.

Высоко в неподвижном воздухе над загоном стояло огромное облако желтой пыли. В клубах пыли виднелись неясные, беспорядочные силуэты бегущих лошадей. Топот копыт напоминал отдаленный гром. С трудом можно было рассмотреть людей: напряженные ноги, взлетающие кверху руки, лица, завязанные платками. Над их головами развертывались спирали брошенных лассо. Крупный серый жеребец почувствовал, что петля сжимает его шею. Он громко заржал и ринулся вперед; вакеро захлестнул конец лассо вокруг бедер и откинулся назад чуть не до земли, крепко-крепко упираясь пятками в землю. Другая петля обвилась вокруг задних ног коня, и он повалился на бок. Его оседлали и взнуздали.

— Хочешь прокатиться на нем, Хуанито? — ухмыльнулся Гино.

— После тебя,— ответил Хуан с достоинством.— Это ведь твой конь...

Но Хуан Валехо был уже в седле и кричал, чтобы лассо сняли. С пронзительным визгом жеребец вскочил на ноги, и земля задрожала от ударов его копыт.

Мы обедали в старинной кухне асиенды, сидя на табуретках вокруг дощатого ящика. Потолок покрывала жирная бурая копоть, оседавшая на нем в течение бесчисленных лет варения и жарения. Почти половину кухни занимали глиняные

печи, плиты и очаги, у которых хлопотало несколько старух, помешивая в горшках и переворачивая лепешки. Огненные блики — другого освещения в кухне не было — причудливо плясали на спинах старух, озаряя черную стену, вдоль которой поднимался дым, клубившийся под потолком и тянувшийся наружу через окно. Среди обедавших были полковник Петронило, его возлюбленная, удивительно красивая крестьянка с оспинами на лице, которая, казалось, все время чему-то улыбалась про себя; дон Томас, Луис Мартинес, полковник Редондо, майор Саласар, Никанор и я. Подруга полковника чувствовала себя за столом неловко — мексиканская крестьянка у себя в доме находится на положении служанки. Но дон Петронило всегда обходился с ней так, как будто она была знатная дама.

Редондо рассказывал мне о девушке, на которой собирался жениться. Он показал мне ее портрет. Оказалось, что она недавно уехала в Чиуауа, чтобы купить там подвенечное платье.

— Мы поженимся,— сказал Редондо,— как только будет взят Торреон.

— Oiga, señor! — дернул меня за локоть Саласар.— Я узнал, кто вы. Вы агент американских дельцов, имеющих крупные интересы в Мексике. Мне все прекрасно известно об американских дельцах. Вы агент трестов. Вы приехали сюда, чтобы следить за передвижением наших войск и тайно передавать сведения своим. Правда ведь?

— Как я могу тайно передавать какие бы то ни было сведения отсюда? — спросил я.— Ведь мы в четырех днях езды от ближайшего телеграфа?

— О, я знаю,— хитро подмигнул он и погрозил мне пальцем.— Я знаю много кое-чего; у меня недаром голова на плечах.

Майор встал. Его подагрические ноги были обмотаны огромным количеством шерстяных бинтов и напоминали огромные tamales [1].

— Мне прекрасно известно, что такое американские дельцы. В молодости я много учился. Эти американские тресты проникают в Мексику, чтобы грабить мексиканский народ...

— Вы ошибаетесь, майор! — резко прервал его дон Петронило.— Этот сеньор — мой друг и гость.

[1] Мясные пироги *(исп.)*.

— Послушайте, что я вам скажу, mi coronel! [1] — воскликнул Саласар с неожиданной злобой.— Этот сеньор — шпион. Все американцы — порфиристы и уэртисты. Послушайтесь предупреждения, пока еще не поздно. У меня недаром голова на плечах. Я вижу всех насквозь. Возьмите этого гринго, выведите в пустыню и расстреляйте немедленно. А не то потом пожалеете.

Все остальные заговорили разом, их голоса были приглушены выстрелами и криками.

В кухню вбежал кавалерист.

— Солдаты взбунтовались! — закричал он.— Не хотят повиноваться приказам.

— Кто не хочет? — спросил Петронило.

— Gente Саласара!

— Дрянной народ! — объяснил Никанор, когда мы кинулись наружу.— Бывшие colorados, попавшие в плен при взятии Торреона. Присоединились к нам, чтобы мы их не расстреляли. Сегодня им было приказано охранять Пуэрту.

— До завтра! — вдруг перебил его Саласар.— Я иду спать!

Хижины пеонов в Ла-Кадене, где были расквартированы солдаты, тянулись с внутренней стороны большого четырехугольного двора, куда вело двое ворот. Мы насилу пробились в первые ряды сквозь толпу женщин и пеонов, которые, отталкивая друг друга, старались выбежать наружу. Внутри двора горело два-три маленьких костра, да из открытых дверей падали полосы тусклого света. Напуганные лошади сбились кучей в дальнем углу. Солдаты с винтовками в руках как безумные бегали взад и вперед. Посредине двора стояла группа солдат, человек в пятьдесят, почти все с оружием наготове, словно собираясь отразить атаку.

— Охранять ворота! — закричал полковник.— Никого не выпускать без моего разрешения!

Бегущие солдаты начали скапливаться у ворот. Дон Петронило один вышел на середину двора.

— В чем дело, compañeros? — спокойно спросил он.

— Они хотели всех нас перебить! — закричал кто-то в темноте.— Они хотели бежать! Они хотели предать нас colorados.

— Врешь! — закричали те, что стояли посреди площади.— Мы gente Мануэля Арриета, дон Петронило нам не начальник.

---

[1] Полковник *(исп.)*.

Внезапно мимо нас скользнул Лонгинос Герека. Безоружный, он начал выхватывать у восставших винтовки и отшвыривать их далеко в сторону. Минуту казалось, что взбунтовавшиеся набросятся на него, но они не стали сопротивляться.

— Разоружить! — приказал дон Петронило.— И всех взять под стражу!

Арестованных согнали в одну большую комнату и поставили у дверей часовых. Далеко за полночь было слышно, как они распевали веселые песни.

У Петронило остался теперь отряд всего в сто человек, несколько лишних лошадей с язвами на спинах и тысячи две патронов. Саласар на следующее утро уехал, предварительно посоветовав расстрелять всех его gente; он был, видимо, доволен, что отделался от них. Хуан Сантильянес тоже стоял за немедленную казнь, но дон Петронило решил всех мятежников отправить к генералу Урбине для суда.

ГЛАВА IX
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Дни в Ла-Кадене были пестры и своеобразны. На заре, когда вода была подернута льдом, в огромный двор влетал галопом кто-нибудь из солдат, таща за собой на лассо упирающегося быка. Человек пятьдесят оборванных солдат, в нахлобученных на самые глаза сомбреро и по уши закутанные в серапе, устраивали импровизированный бой быков под аккомпанемент веселого хохота остальных compañeros. Они размахивали одеялами, выкрикивая то, что обычно кричат участники боя быков. Кто-нибудь начинал крутить хвост взбешенному животному. Другой, менее терпеливый, бил быка саблей плашмя. Вместо бандерилей животному всаживали в плечи кинжалы — горячая кровь струей била в лицо нападавшим, когда бык устремлялся на них. Когда же наконец милосердный нож вонзался быку в мозг и он падал, солдаты гурьбой набрасывались на его тушу, резали и рвали животное на части, унося куски горячего мяса в свои казармы. Внезапно из-за Пуэрты выплывало раскаленное добела солнце и сразу начинало жечь лицо и руки. Лужи крови, линялые серапе, огромное бурое пространство пустыни начинали переливаться радужными красками.

Дон Петронило за время кампании конфисковал несколько карет. Мы часто пользовались ими во время своих экскур-

сий — мы пятеро. Однажды мы съездили в Сан-Педро-дель-Гальо смотреть бой петухов, другой раз мы вдвоем с Гино Герека отправились осматривать баснословно богатые золотые прииски испанцев, которые были известны только ему одному. Но мы доехали только до Брукильи и там целый день валялись в тени деревьев и ели сыр.

Каждый вечер отряд, охранявший проход Пуэрта, быстрой рысью направлялся к своему посту; заходящее солнце играло на дулах винтовок и патронташах, смененный отряд уже совсем в темноте возвращался на ночь в Ла-Кадену.

Приехало четверо бродячих торговцев, которых я видел в Санто-Доминго. Они привели с собой четырех ослов, нагруженных macuche, чтобы торговать с солдатами.

— Это мистер! — вскричали они, когда я подошел к их костру.— Qué tal? Как дела? Неужто не боитесь colorados?

— Как идет торговля? — спросил я, принимая от них в подарок полную пригоршню macuche.

Они громко расхохотались.

— Торговля! Было бы лучше, если бы мы остались в Санто-Доминго. У ваших солдат не хватит денег даже на одну сигару!..

Один из них запел знаменитую балладу «Утренняя песнь Франсиско Вильи». Он пропел один куплет, его сосед пропел еще куплет — и так дальше по кругу. Каждый певец по-своему воспевал подвиги Великого генерала. Полчаса я лежал у их костра, глядя, как они сидят, уткнув голову в колени, и багровые отблески костра играют на их простых смуглых лицах. Пока один пел, остальные глядели в землю, увлеченно сочиняя свои строки:

Вот он сам, Франсиско Вилья
В окруженье генералов.
Он пришел смирить быков —
Тупорылых федералов.

Ну, готовьтесь, colorados,
Час расплаты наступает,
Вилья и его солдаты
С вас все шкуры посдирают!

Он пришел, ваш укротитель,
Скоро будет все в порядке,
Скоро вы из Торреона
Побежите без оглядки.

Богачи и толстосумы
Получили для примера —
Так им всыпали Урбина
И Макловио Эррера.

Ты лети во все пределы,
Расскажи, мой голубь чистый,
Что пришел Франсиско Вилья
И бегут федералисты.

Скоро встанут над неправдой
Справедливости знамена.
Вилья хищников карает,
Он стоит у Торреона.

Ты, орел, венец лавровый
Вознеси над нашим Вильей,
Он пришел покончить с Браво
И с проклятой камарильей.

Знайте, вы, сыны москитов,
Наша воля непреклонна!
Видно, хватит сил у Вильи,
Раз он встал у Торреона!

Вива, Вилья и солдаты!
Вива, воины Герреры!
Вот что может сделать храбрость!
Вам понятно, изуверы?

А теперь скажу: «Прощайте!»
И клянусь цветком Кастильи.
Здесь кончается покуда
Песнь о генерале Вилье!

Тут я потихоньку ушел, но они этого даже не заметили. Они пели у своего костра еще часа три.

В нашей казарме меня ожидало еще одно развлечение. В клубах дыма от костра на полу, заполнявшего все помещение, я с трудом мог различить человек сорок кавалеристов, сидевших и лежавших на полу. В глубоком молчании они слушали, как казначей Сильвейра читает вслух воззвание губернатора штата Дуранго, в котором заявлялось, что земли крупных асиенд будут поделены между бедняками.

Он читал:

«Принимая во внимание, что главной причиной недовольства в штате, побудившей народ взяться в 1910 году за оружие, является полное отсутствие личной собственности; что сельское население не имеет никаких средств к существова-

нию в настоящее время и никаких надежд на будущее и вынуждено работать в качестве пеонов на асиендах крупных землевладельцев, захвативших в свои руки всю землю в штате;

принимая во внимание, что главным источником нашего национального богатства является земледелие и что не может быть действительного прогресса в земледелии там, где большинство крестьян не заинтересовано в земле, на которой они работают...

принимая во внимание, наконец, что провинциальные города дошли до полного обнищания благодаря тому, что те общественные земли, которыми они когда-то владели, при диктатуре Диаса отошли к ближайшим асиендам, вследствие чего население штата утеряло свою экономическую, политическую и социальную независимость и из свободных граждан превратилось в рабов, и правительство не в состоянии поднять их нравственный уровень посредством образования, так как асиенды, на которых они живут, являются частной собственностью...

Вследствие этого правительство штата Дуранго объявляет общественной необходимостью, чтобы все пахотные земли отошли к сельскому и городскому населению в полную собственность...»

Когда казначей наконец, спотыкаясь, прочел все параграфы, в которых указывалось, как можно получить земельный надел и т. д., наступило молчание.

— Вот это и есть мексиканская революция! — воскликнул Мартинес.

— Это как раз то, что делает Вилья в Чиуауа,— сказал я.— Это великолепно. Теперь каждый из вас будет иметь свою ферму.

Раздались веселые смешки. Потом с пола поднялся какой-то маленький лысый человек с грязными рыжими бакенбардами и сказал:

— Только не мы — не солдаты. Когда революция окончится, в солдатах минует нужда. А землю получат pacificos — те, кто не ходил воевать. И будущее поколение...

Он остановился и протянул свои рваные рукава к огню.

— До войны я был школьным учителем и знаю, что революции и республики всегда неблагодарны. Я сражаюсь вот уже три года. После первой революции великий Мадеро, наш

отец, пригласил всех своих солдат в столицу. Он наградил нас всех одеждой, хорошо угощал, устраивал для нас бои быков. Мы разъехались по домам, и оказалось, что у власти опять стоят хищники и грабители.

— Когда я вернулся с войны, у меня было сорок пять песо в кармане,— сказал кто-то.

— Ты еще счастливец,— продолжал школьный учитель,— нет, выгоду от революции получают не солдаты, не голодные, оборванные, простые солдаты. Офицеры — другое дело. Те нередко жиреют на крови родины. Но мы — никогда.

— А за что же вы боретесь в таком случае? — воскликнул я.

— У меня растут два сына,— ответил он.— Вот они получат землю. А у них будут свои сыновья. Те тоже не будут голодать...— Маленький человечек скривил рот в улыбку.— У нас в Гвадалахаре есть поговорка: «Не носи сорочку длиной в одиннадцать ярдов, ибо тот, кто хочет быть спасителем, будет распят».

— А у меня нет сына,— сказал четырнадцатилетний Хиль Томас, и все покатились со смеху.— Я сражаюсь за то, чтобы достать себе новенькую винтовку у какого-нибудь убитого федералиста и хорошую лошадь, которая прежде принадлежала миллионеру.

Шутки ради я спросил кавалериста, у которого к мундиру был приколот портрет Мадеро, кто это такой.

— Pues, quien sabe, señor? — ответил он.— Мой капитан говорит, что это был великий святой. Я сражаюсь потому, что это гораздо легче, чем работать.

— А часто ли вам платят за службу?

— Мы получили по три песо ровно девять месяцев назад,— сказал учитель, и все кивнули, подтверждая его слова.— Мы настоящие добровольцы. Вот gente Вильи — профессионалы.

Затем Луис Мартинес принес гитару и пропел прелестную любовную песенку, которую, по его словам, как-то вечером сложила проститутка в борделе.

Последнее, что я припоминаю о той памятной ночи, это слова Гино Герека, когда мы болтали с ним, лежа рядом в темноте.

— Завтра я покажу тебе золотые прииски испанцев. Они в глухом каньоне среди Западных гор. Никто не знает о них, кроме индейцев и меня. Индейцы иногда ножами откапывают там самородки. Мы станем с тобой богачами...

ГЛАВА X
НАБЕГ

На следующее утро, еще до восхода солнца, Фернандо Сильвейра, уже совсем одетый, вошел в нашу комнату и начал спокойно будить нас, объявляя, что наступают colorados. Хуан Валехо рассмеялся.

— Сколько их там, Фернандо?

— Да не меньше тысячи,— отвечал Сильвейра все тем же спокойным голосом, ища свои патронные ленты.

Во дворе царила необыкновенная суета. Солдаты поспешно седлали лошадей. Дон Петронило стоял полуодетый возле своей двери; его подруга пристегивала ему саблю. Хуан Сантильянес с лихорадочной поспешностью натягивал на себя брюки. Повсюду щелкали затворы винтовок. Десятка два солдат бесцельно бегали взад и вперед, расспрашивая всех, не видели ли они того-то и того-то.

И все-таки, казалось, никто не верил, что colorados в самом деле наступают. Бледный квадрат неба над внутренним двориком обещал еще один жаркий день. Кукарекали петухи. Где-то мычала корова. Мне вдруг страшно захотелось есть.

— А где они сейчас? — спросил я.

— Совсем близко.

— А наш аванпост — отряд у Пуэрты?

— Спит! — сказал Фернандо, опоясываясь патронной лентой.

В комнату, путаясь в своих огромных шпорах, вошел Пабло Арриола.

— Сперва показалась небольшая кучка кавалеристов, человек в двенадцать. Наши ребята в Пуэрте думали, что это обычный разъезд. Отогнав их, они принялись за завтрак. И вдруг — сам Аргумедо, а с ним сотни и сотни...

— Но ведь двадцать пять человек в этом проходе могли бы задержать целую армию, пока не подоспела бы помощь...

— Они уже прошли Пуэрту,— сказал Пабло, забрасывая седло на плечо, и вышел.

— Разбойники! — выругался Хуан Санчес, вращая барабан револьвера.— Пусть только попадутся мне!

— Ну вот, мистер! — закричал Хиль Томас.— Теперь увидишь войну. Ты давно хотел. Небось трусишь, мистер?

По-прежнему не верилось, что все это серьезно и реально. Я сказал себе: «Значит, повезло тебе — сейчас ты увидишь на-

стоящий бой. Будет о чем писать». Я зарядил свой фотоаппарат и выбежал наружу.

Все, казалось, было как обычно. Из самой Пуэрты вставало ослепительное солнце. Утренний свет разливался по темным пространствам пустыни на востоке. И все. Ни движения. Ни звука. И тем не менее где-то там горсточка солдат пыталась задержать целую армию.

Над хижинами пеонов высоко в тихое небо поднимались дымки печных труб. Было так тихо, что можно было расслышать скрежет ручных жерновов, размалывавших кукурузу, и еще грустную протяжную песню женщины, работавшей где-то за каса-гранде. Блеяли овцы, просясь на волю из загонов. По дороге в Санто-Доминго, так далеко, что они казались лишь чуть заметными точками, брели позади своих осликов четыре торговца. Перед асиендой небольшими кучками стояли пеоны, размахивая руками и поглядывая на восток.

Изредка из двора каса-гранде выезжали два-три всадника с винтовками в руках и галопом скакали по направлению к Пуэрте. Я видел, как они то скрывались за холмами, то снова появлялись, становясь все меньше и меньше, пока наконец не исчезли за последним холмом: белая пыль, поднятая ими, засверкала на солнце, слепя глаза. Они забрали мою лошадь, а у Хуана Валехо ее давно уже не было. Он стоял рядом со мной и щелкал пустым затвором винтовки.

— Гляди! — закричал он вдруг.

Западный склон гор, сходившихся у Пуэрты, все еще был в тени. У его подножия зазмеились узкие полоски пыли и стали медленно-медленно удлиняться. Сперва в каждом направлении было только по одной такой полоске, потом появилась вторая, третья... беспощадно удлиняясь, как спускающаяся петля на чулке, как трещинки в тонком стекле. Враги заходили нам с флангов!

Наши всадники все еще выезжали со двора и скакали по направлению к Пуэрте. Вот промчались Пабло Арриола и Никанор, весело помахав мне рукой. Стрелой пролетел Лонгинос Герека на своем огромном жеребце, еще не совсем объезженном.

— На прииски — завтра! — крикнул он мне через плечо.— Сегодня некогда... будем богаты... прииски никому не известны...— Но он был уже далеко, и больше я ничего не расслышал.

За ним следовал Мартинес. Улыбаясь, он крикнул мне, что напуган до смерти. Затем — другие. Всего их ускакало туда

человек тридцать. Я заметил, что большинство из них надели шоферские очки. Дон Петронило, сидя на коне, смотрел в полевой бинокль. Я взглянул опять на полосы пыли,— медленно загибаясь, они шли на сближение, золотясь на солнце, словно ятаганы.

Мимо проскакал дон Томас, по пятам за ним — Хиль Томас. И кто-то мчался им навстречу. На гребне холма показались маленькая лошадка и всадник в нимбе спящей пыли. Он приближался с головокружительной быстротой, то появляясь на вершинах холмов, то исчезая за ними... Когда он, пришпоривая коня, взлетел на холмик, где мы стояли, перед нами открылось ужасное зрелище. Из раны на его груди веерообразно растекались струи крови. Нижняя челюсть была почти оторвана разрывной пулей. Осадив лошадь возле полковника, он с огромным напряжением пытался что-то сказать,— это было страшно. Но из изуродованного рта вырывались лишь нечленораздельные звуки. По щекам бедняги катились слезы. Он что-то неясно прохрипел и, пришпорив коня, помчался по дороге в Санто-Доминго. Вслед за ним карьером мчались другие — те, кто охранял Пуэрту. Двое или трое проскочили через асиенду, даже не придержав коней. Остальные, вне себя от бешенства, набросились на дона Петронило.

— Еще боеприпасов! Еще патронов! — кричали они.

Дон Петронило растерянно отвел глаза.

— Ничего нет.

Солдаты неистовствовали, громко ругались и швыряли винтовки на землю.

— Еще двадцать пять человек к Пуэрте! — закричал полковник.

Через несколько минут новый отряд выехал из ворот асиенды и поскакал по дороге на восток. Ближайшие концы пылевых полос теперь скрылись из виду за гребнями дальних холмов пустыни.

— Отчего вы не пошлете всех солдат сразу, дон Петронило? — крикнул я.

— Оттого, мой милый друг, что вот по тому оврагу движется целая рота colorados. Вы их не видите оттуда, а я вижу.

Не успел он договорить, как из-за угла дома выскочил всадник, показывая рукой назад, на юг, откуда он прискакал.

— Они заходят и отсюда! — кричал он.— Тысячи! Пробрались другим проходом. У Редондо было всего пять человек на посту! Они взяли их в плен и ворвались в долину, прежде чем он разобрал, в чем дело.

— Válgame, Dios! — пробормотал дон Петронило.

Мы посмотрели на юг. Над бурой поверхностью пустыни колыхалось огромное облако белой пыли, сверкавшее на солнце подобно библейскому огненному столпу.

— Ребята! Встретить их и задержать! — скомандовал полковник. Остальные двадцать пять человек вскочили на коней и помчались в южном направлении.

Внезапно большие ворота поселка стали извергать солдат на лошадях — солдат без винтовок. Разоруженные gente Саласара! Они кружились вокруг нас, охваченные паникой.

— Отдайте нам наши винтовки! — кричали они.— Где наши патроны?

— Ваши винтовки в казарме,— ответил полковник,— но вашими патронами угощают colorados.

Поднялся страшный шум.

— У нас отняли оружие! Нас хотят погубить!

— Как же мы можем теперь сражаться? Что нам делать без оружия? — кричал один солдат, наступая на дона Петронило.

— За мной, compañeros! За мной, мы их задушим голыми руками, этих... colorados! — закричал кто-то.

Человек пять пришпорили лошадей и понеслись к Пуэрте — без оружия, без надежды! Это было великолепно!

— Нас всех перебьют! — сказал другой.— Нам нужно бежать!

И остальные сорок пять бешено помчались по дороге в Санто-Доминго.

Те двадцать пять человек, которым было приказано задержать неприятеля на юге, отъехали с полмили и затем остановились, видимо растерявшись, и тут они увидели безоружных солдат, скакавших по направлению к горам.

— Compañeros бегут! Compañeros бегут!

Этот крик продолжался несколько секунд. Они глядели на приближавшееся облако пыли. Они думали об огромном отряде безжалостных дьяволов, которые подняли ее. Они дрогнули, рассыпались — и понеслись во весь опор к горам через заросли чапарраля.

Я неожиданно заметил, что давно уже прислушиваюсь к треску выстрелов. Звуки доносились откуда-то издалека и напоминали стук пишущей машинки. Но с каждой секундой они казались все более четкими. Безобидное потрескивание нарастало, становилось зловещим, сливалось в один звук, напоминавший громкий рокот барабанов.

Дон Петронило чуть-чуть побледнел. Он подозвал Аполлинарио и велел запрягать мулов в карету.

— В случае, если нас разобьют,— спокойно сказал он, обращаясь к Хуану Валехо,— позови мою жену и поезжай вместе с ней и с Ридом в карете. За мной, Фернандо, Хуанито!

Сильвейра и Хуан Сантильянес пришпорили лошадей. Вскоре все трое скрылись из виду на дороге, ведущей к Пуэрте.

Теперь мы уже ясно видели неприятеля: сотни маленьких черных фигур на лошадях пробирались по зарослям чапарраля. Пустыня, казалось, кишела ими. До нас доносились злобные крики. Над головой просвистела пуля на излете, за ней другая, затем третья — далеко не на излете, и, наконец, уже целый рой их яростно жужжал в воздухе. «Кляк! Кляк! Кляк!» — щелкали пули о глиняную стену. Пеоны и женщины метались из хижины в хижину, потеряв голову от ужаса. Мимо проскакал наш кавалерист, крича, что все потеряно... Его закопченное пороховым дымом лицо было искажено яростью и ужасом...

Аполлинарио торопливо привел мулов и начал запрягать их в карету. Руки его дрожали. Он уронил постромки, схватил их, опять уронил. Его била дрожь. Внезапно он бросил упряжь и со всех ног пустился бежать. Мы с Хуаном ринулись к карете. И в ту же минуту случайная пуля задела плечо головного мула. И без того испуганные, животные рванулись в сторону. Дышло кареты лопнуло с таким треском, словно выстрелили из винтовки. Мулы как бешеные помчались по пустыне.

И тут мимо нас, охваченные дикой паникой, в полном беспорядке пронеслись кавалеристы, беспощадно нахлестывая напуганных лошадей. Они миновали нас, не останавливаясь, не замечая, все в крови, в поту, в грязи. Дон Томас, Пабло Арриола, а потом мальчишка Хиль Томас,— его лошадь зашаталась и упала мертвой рядом с нами. Кругом нас в стену впивались бесчисленные пули.

— Бежим, бежим, мистер! — кричал Хуан.— Скорей, не отставай!

И мы пустились бежать. Когда я, задыхаясь, поднялся на противоположный склон оврага, я оглянулся. Хиль Томас бежал за мной по пятам, закутавшись в черно-красное клетчатое серапе. Вдали на коне показался дон Петронило, стрелявший через плечо; рядом с ним скакал Хуан Сантильянес, а впереди, припав к шее лошади,— Фернандо Сильвейра. Повсюду вокруг асиенды скакали, стреляли и кричали всадники, и, насколько хватал глаз, ими были усеяны все окрестные холмы.

ГЛАВА XI
БЕГСТВО МИСТЕРА

Хуан Валехо бежал уже далеко впереди, не выпуская винтовки из рук. Я закричал, чтобы он свернул в сторону от дороги, и он повиновался, не оглянувшись. Я побежал вслед за ним по прямой тропинке, которая вела через пустыню в горы. Пустыня здесь была голая, как бильярдный стол. Нас могли увидеть на много миль кругом. Мой фотоаппарат запутался у меня между ног. Я бросил его. Пальто тяжелым грузом давило плечи. Я стряхнул его на землю. Мы видели, что compañeros мчатся как безумные по дороге в Санто-Доминго. Впереди них неожиданно вынырнула группа всадников — отряд, заходивший с юга. Опять завязалась перестрелка, преследователи и преследуемые скрылись за небольшим холмом. Слава богу, тропинка увела нас уже далеко от дороги.

Я бежал, бежал, бежал и бежал, пока хватало сил бежать. Потом шел несколько метров шагом и снова бежал. Я уже не дышал, а хрипел. Страшные судороги сводили мои ноги. Теперь кругом попадались кусты чапарраля, и Западные горы были совсем близко. Но с востока вся тропинка была еще на виду. Хуан Валехо, опередивший меня на полмили, был уже у подножия гор. Я видел, как он стал подниматься на холм. Внезапно за ним погнались три вооруженных всадника. Он оглянулся вокруг, швырнул винтовку в кусты и бросился бежать во всю прыть. Всадники открыли по нему огонь, но вдруг остановились и начали искать винтовку. Он скрылся за вершиной холма, а вслед за ним скрылись и всадники.

Я снова побежал. Мне вдруг захотелось узнать, который час. Я был не особенно испуган. Все происходившее казалось нереальным, словно страница из книги Ричарда Хардинга Дэвиса. В голове вертелась мысль: «Ну, во всяком случае, это что-то новое. Будет о чем писать».

И вдруг сзади послышались крики и топот копыт. Примерно в ста ярдах за мной бежал маленький Хиль Томас, концы его пестрого серапе развевались в воздухе. А в ста ярдах за ним мчались верхом два негра с винтовками в руках. Они выстрелили. Хиль Томас повернул ко мне бронзовое, искаженное ужасом лицо и продолжал бежать. Опять раздались выстрелы. З-з-з-з-с — просвистела пуля над моей головой. Мальчик зашатался, остановился, закружился на месте и затем кубарем покатился в кусты. Всадники бросились за ним. Я увидел, как

первая лошадь ударила его копытом. Colorados, подняв лошадей на дыбы, расстреливали лежащее на земле тело...

Я бросился в кусты, взобрался на холм, зацепился за корень мескита, упал, покатился по песчаному склону и очутился в неглубоком овраге, заросшем кустами мескита. Не успел я пошевелиться, как colorados появились на склоне холма.

— Вот он! Вот он! — закричали они и, вонзив шпоры в бока лошадей, перелетели через овраг всего в десяти шагах от меня и помчались по пустыне. А я вдруг заснул.

Я спал, должно быть, совсем недолго, потому что, когда проснулся, солнце было примерно на том же месте, а на западе, по направлению к Санто-Доминго, все еще изредка слышались выстрелы. Сквозь густые ветви кустов я глядел в раскаленное небо. Над головой у меня медленно кружился огромный гриф, недоумевая, мертв я или нет. Шагах в двадцати от меня босоногий индеец, с винтовкой в руках, неподвижно сидел на коне. Он посмотрел на грифа, затем устремил взгляд вдаль. Я затаил дыхание. Я не мог определить, из наших он или нет. Постояв минуту на месте, он медленно въехал на северный склон холма и исчез.

Я подождал еще с полчаса, потом стал ползком выбираться из оврага. В направлении асиенды все еще слышались выстрелы. Как я потом узнал, colorados на всякий случай стреляли в мертвецов. Но сам я видеть этого, конечно, не мог.

Небольшая долина, в которой я теперь находился, простиралась с востока на запад. Я направился на запад, к горам. Но я все еще был недалеко от роковой тропинки. Пригнувшись и не оглядываясь, я стал быстро взбираться на холм. За этим холмом лежал другой, повыше, а дальше — третий. Быстро пробегая вершины, проходя шагом ложбины, я держал путь на северо-запад, к горам, которые все приближались и приближались. Теперь кругом царила тишина. Солнце жгло нещадно, и длинные гряды унылых холмов дрожали в жарком мареве. Высокий чапарраль рвал на мне одежду и царапал лицо. Под ногами у меня были кактусы, столетники и убийственные espadas, длинные, крепкие колючки которых пробивали ботинки, раздирая ноги в кровь, а под ними был песок и острые камни. Идти было невыносимо трудно. Огромные, застывшие в неподвижном воздухе силуэты испанского штыка, издали удивительно похожие на людские фигуры, четко рисовались на фоне неба. Я устало остановился среди них, когда поднялся на вы-

«Восставшая Мексика»
С линогравюры А. Бустоса

сокий холм, и оглянулся. Асиенда была уже так далеко, что казалась белым пятном в необъятных просторах пустыни. Тонкая полоска пыли двигалась от нее в сторону Пуэрты — colorados увозили своих убитых в Мапими.

И вдруг мое сердце бешено забилось. По долине тихо пробирался человек. На одной руке у него висело зеленое серапе, а голова была обвязана носовым платком, пропитанным запекшейся кровью. Espadas изодрали его босые ступни. Неожиданно заметив меня, он замер на месте, а потом поманил к себе пальцем. Я подошел к нему. Не говоря ни слова, он пошел обратно, я последовал за ним. Пройдя ярдов сто, он остановился и обернулся ко мне. На песке, задрав кверху закоченевшие ноги, лежала убитая лошадь, а возле нее — человек с распоротым ножом или саблей животом, вероятно, colorado, так как в его патронташе было еще много патронов. Человек с зеленым серапе вытащил из-за пояса кинжал, весь в крови, стал на колени и начал копать яму между espadas. А я стал таскать камни. Из ветки мескита мы сделали крест и похоронили убитого.

— Ты куда, compañero? — спросил я.

— В горы,— ответил он.— А ты?

Я указал на север, где, по моим расчетам, находилось ранчо старого Герека.

— Пелайо — вон там, отсюда милях в двенадцати.

— А что такое Пелайо?

— Асиенда... Я думаю, там есть наши...

Мы попрощались и разошлись.

Много часов шел я, быстро пробегая через холмы, лавируя между беспощадными espadas, спускаясь и поднимаясь по крутым берегам высохших речек. Нигде не попадалось ни капли воды. Я давно уже ничего не ел и не пил. Было невыносимо жарко.

Часам к одиннадцати я обогнул горный отрог и увидел вдали небольшое серое пятно — то было ранчо Брукилья. Здесь проходила широкая дорога, пустыня была ровная и открытая. В миле от меня виднелась маленькая фигурка всадника. Мне показалось, что всадник заметил меня,— он остановился и долго смотрел в мою сторону. Я замер на месте. Скоро он поехал дальше, становясь все меньше и меньше, и наконец превратился в облачко пыли. На целые мили вокруг не было больше никаких признаков жизни. Я пригнулся и побежал по обочине дороги, чтобы не поднимать пыли. Примерно в миле на западе находилась Брукилья, скрытая рощицей гигантских деревьев

аламо, окаймляющей берег ручья. Еще издали я заметил красное пятно на вершине небольшого холмика; подойдя ближе, я увидел, что это был старик Герека, глядевший на восток. Заметив меня, он побежал мне навстречу, ломая руки.

— Что случилось? Что случилось? Неужели правда, что colorados заняли Ла-Кадену?

Я вкратце рассказал ему, как было дело.

— А Лонгинос? — вскрикнул он, вцепляясь в мой локоть.— Вы видели Лонгиноса?

— Нет,— сказал я.— Compañeros отступили в Санто-Доминго.

— Вам нельзя оставаться здесь,— сказал старик, дрожа всем телом.

— Дайте мне воды, я с трудом могу говорить.

— Да, да, напейтесь, напейтесь. Вон там ручей. Colorados не должны застать вас здесь.— Старик обвел испуганным взглядом маленькое ранчо, которое он приобрел ценой такого тяжкого труда.— Они тогда всех нас перебьют.

В это время в дверях показалась старуха.

— Идите сюда, Хуан Рид! — закричала она.— Где мой сын? Почему он не пришел? Убит! Скажите мне правду!

— Нет, я думаю — им всем удалось спастись,— ответил я.

— А вы? Вы что-нибудь ели? Успели вы позавтракать?

— Я ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера. И всю дорогу от Ла-Кадены я прошел пешком.

— Бедный мальчик! Бедный мальчик! — причитала старуха, обнимая меня.— Садись, я тебе сейчас что-нибудь приготовлю.

Старик Герека кусал губы, мучимый опасениями. Наконец чувство гостеприимства одержало верх.

— Мой дом к вашим услугам,— пробормотал он.— Но только спешите! Спешите! Вас не должны застать здесь. А я пойду на холм и буду следить, не поднимается ли пыль!

Я выпил несколько литров воды, съел яичницу из четырех яиц и порядочное количество сыру. Старик вернулся и принялся беспокойно шагать по комнате.

— Я отправил всех детей в Хараль Гранже,— сказал он.— Мы узнали сегодня утром... Все здешние жители бежали в горы. Ну, вы готовы?

— Оставайся у нас,— сказала старуха.— Мы тебя спрячем от colorados, пока не вернется Лонгинос.

— Ты с ума сошла! — закричал муж.— Ему нельзя здесь оставаться. Вы готовы? Идемте!

Хромая, я побрел за ним через спаленное солнцем поле кукурузы.

— Теперь идите по этой тропинке вон через те поля и чапарраль. Выйдете на дорогу, которая ведет в Пелайо. До свидания, счастливого пути!

Мы пожали друг другу руки, и он, шлепая сандалиями, заковылял обратно по холму.

Я пересек огромную долину, поросшую мескитом в рост человека. Два раза я видел всадников — возможно, это были просто pacificos, но я не стал рисковать. За первой долиной лежала другая, длиной миль в семь. По сторонам высились огромные голые горы, а впереди маячила цепь белых, красных и желтых холмов. Прошло примерно четыре часа, прежде чем я обогнул эти холмы и увидел деревья аламо и низкие глинобитные стены асиенды дель Пелайо. Мои окровавленные ноги совсем одеревенели, спина невыносимо болела, перед глазами все плыло.

Как только я подошел к асиенде, меня окружили пеоны, внимательно слушая мой рассказ.

— Qué caray! [1] — бормотали они. — Да разве возможно за один день дойти сюда из Ла-Кадены? Pobrecito! [2] Ну и устал же ты, иди скорее есть. Сегодня ты будешь спать в постели.

— Мой дом к вашим услугам,— сказал дон Фелипе, кузнец.— Но скажите, уверены ли вы, что colorados сюда не придут? Последний раз, когда они были здесь,— он указал рукой на обгоревшие стены каса-гранде,— они убили четырех pacificos за то, что те отказались присоединиться к ним.— Он взял меня под руку.— Идем, amigo, тебе надо подкрепиться.

— Эх, если бы раньше можно было где-нибудь выкупаться!

При этих словах все кругом заулыбались, а дон Фелипе повел меня за угол асиенды вдоль небольшого ручья, над которым свисали тенистые ивы, а берега были покрыты удивительно яркой зеленью. Вода вырывалась из-под высокой стены, над которой свисали искривленные ветви великана аламо. Мы вошли в калитку, и тут меня оставили.

Внутри почва круто поднималась вверх так же, как и выкрашенная в бледно-розовую краску степа. Посредине этого огороженного пространства находился небольшой бассейн с кристально чистой водой. Дно устилал белый песок. В дальнем

[1] Какой ужас! *(исп.)*
[2] Бедняга! *(исп.)*

конце бассейна со дна бил фонтан. Над поверхностью воды поднимался легкий пар. Вода была *горячей*.

В воде по шею стоял какой-то человек. На макушке у него был выбрит кружок.

— Сеньор,— спросил он,— вы католик?

— Нет.

— Слава богу,— сказал он быстро.— Мы, католики, часто бываем нетерпимы. Вы мексиканец?

— Нет, сеньор.

— Это очень хорошо.— Он печально улыбнулся.— Я священник, и я испанец. Мне дали понять, что я лишний в этой прекрасной стране. Бог милостив, сеньор. Но в Испании он более милостив, чем в Мексике.

Я потихоньку начал опускаться в прозрачную теплую глубину. Боль, усталость, уныние сразу как рукой сняло. Я чувствовал себя бесплотным духом. Лежа на спине, мы нежились в теплых объятиях этого чудесного бассейна; над нашими головами склонялись кривые сучья аламо, и мы говорили о философии. Раскаленное небо постепенно охлаждалось, закатные лучи солнца скользили все выше и выше по розовой стене.

Дон Филипе настоял, чтобы я ночевал у него в доме, на его кровати. Кровать эта состояла из железного остова, поперек которого были уложены доски, покрытые старым, рваным одеялом. Укрылся я своей одеждой. Дон Филипе, его жена, взрослый сын, и дочь, и двое маленьких детей — все те, кто обычно спал на кровати, устроились на земляном полу. Кроме них, на полу лежало еще двое больных — дряхлый старик, покрытый красной сыпью, у которого уже не было сил говорить, и мальчик с необыкновенно распухшими железами на шее. Время от времени в хижину входила какая-то столетняя ведьма и начинала лечить своих пациентов. Лечение ее было очень простое. Старика она лечила так: нагревала на свече обломок железного прута и проводила им по сыпи. Для мальчика она приготовляла тесто из кукурузной муки и сала и мазала ему локти, громко читая молитву. Это продолжалось с перерывами всю ночь. А в промежутки просыпались дети и плакали, пока мать не начинала их кормить... Дверь в хижине была плотно закрыта еще с вечера, а окон в ней не было совсем.

Надо помнить, что, оказывая мне такое гостеприимство, дон Фелипе приносил тяжелую жертву, особенно потчуя меня ужином и завтраком, во время которых он отпирал жестяной сундучок, благоговейно доставая для меня драгоценный сахар и кофе. Он был, как и все пеоны, невероятно беден и безмерно

гостеприимен. Уступая мне на ночь свою кровать, он также оказал мне величайшую честь. А когда я на следующее утро хотел заплатить ему, он не пожелал даже слышать об этом.

— Мой дом к вашим услугам,— повторил он.— Принимая гостя, принимаешь бога, как у нас говорится.

Наконец я попросил его купить мне табаку, и тогда он взял деньги. Я знал, что они попадут туда, куда надо, ибо нет мексиканца, который выполнил бы поручение такого рода. Они упоительно безответственны.

В шесть утра я выехал в Санто-Доминго в двуколке, которой правил старик пеон по имени Фройльян Мендарес. Мы не решились держаться главной дороги и тряслись по боковой тропинке, пролегавшей позади длинного ряда холмов. Мы ехали около часа, как вдруг мне в голову пришла неприятная мысль.

— Что, если compañeros бежали еще дальше, а в Санто-Доминго теперь colorados?

— Да, действительно,— пробормотал Фройльян и прикрикнул на мула.

— Ну, а если в самом деле так, что нам тогда делать?

Фройльян на минуту задумался.

— А мы просто скажем, что мы родственники президента Уэрты,— сказал он совершенно серьезно.

Фройльян был босоногий пеон, возраст и тяжелый труд наложили неизгладимую печать на его лицо и руки; а я был одет в лохмотья гринго...

Так мы тряслись несколько часов. В одном месте из кустов выбежал вооруженый человек и крикнул, чтобы остановились. Его губы потрескались и запеклись от жажды. Espadas изрезали ему ноги до кости. Ему удалось спастись, и всю ночь он брел по горам. Мы отдали ему всю воду и продовольствие, которые у нас были, и он пошел по направлению к Пелайо.

День уже склонялся к вечеру, когда наша двуколка поднялась на гребень последнего бурого холма пустыни и перед нами открылась дремлющая в долине асиенда и рощица гигантских аламо, которые, словно пальмы в оазисе, окружали бьющий из земли ключ. Когда мы спускались вниз, мне казалось, что сердце мое выпрыгнет из груди. На большом дворе пеоны играли в мяч. От ключа к асиенде двигалась длинная вереница женщин с кувшинами на головах. От костра, разложенного среди деревьев, поднимался к небу голубоватый дымок.

Мы нагнали старика пеона, тащившего на спине вязанку хвороста.

— Нет,— сказал он,— здесь не было colorados. Мадеристы? Да, они прискакали вчера вечером — целые сотни их. Но сегодня на рассвете они вернулись обратно в Ла-Кадену «поднять землю» (похоронить убитых).

У костра между деревьями вдруг раздались веселые восклицания:

— Мистер! Глядите, приехал мистер. Que tal, compañero? Как тебе удалось спастись?

Это были мои старые друзья, бродячие торговцы. Они кинулись ко мне, забросали меня вопросами, пожимали мне руки, крепко обнимали меня.

Ну и туго же мне пришлось. Carramba! [1] Но все-таки я везучий. А знаю ли я, что Лонгинос Герека убит? Да, убит. Но прежде он успел положить на месте шестерых colorados. Мартинес тоже убит, и Никанор, и Редондо.

Мне стало невыносимо больно. Больно при мысли об их бессмысленной гибели в такой ничтожной схватке. Жизнерадостный милый Мартинес; Гино Герека, которого я так полюбил; Редондо, невеста которого в это самое время ехала в Чиуауа купить себе подвенечное платье, и весельчак Никанор.

Солдаты Редондо, заметив, что их обходят с фланга, бросили его и разбежались, а он галопом помчался в Ла-Кадену, но его настигли триста colorados и буквально изрешетили пулями. Лонгинос, Луис Мартинес и Никанор с пятью кавалеристами одни удерживали восточную часть асиенды, пока у них не кончились патроны и их не окружили непрерывно стреляющие враги. И они были убиты. Colorados увели подругу полковника.

— Но вот человек, который был в самой гуще боя,— сказал один из торговцев.— Он сражался до последнего патрона, а затем саблей проложил себе дорогу через неприятельские ряды.

Я оглянулся. Окруженный толпой завороженных пеонов и усиленно жестикулируя, чтобы точнее описать свой подвиг, стоял Аполлинарио! Увидев меня, он холодно кивнул мне — человеку, бежавшему с поля битвы, и продолжал свой рассказ.

До самого заката я и Фройльян играли с пеонами в мяч. Кругом царила мирная сонная тишина. Легкий ветерок покачивал ветки огромных деревьев; их могучие вершины золотились в лучах солнца, опускавшегося за холм позади Санто-Доминго. Это был странный закат. К вечеру небо затянулось свет-

[1] Черт возьми! *(исп.)*

лой дымкой, сначала она порозовела, потом стала красной, и вдруг все небо стало темно-алым, словно кровь.

Пьяный гигант-индеец футов семи ростом, пошатываясь, вышел на площадку рядом с полем для игры в мяч. В руках у него была скрипка. Он подсунул ее под подбородок и принялся пиликать по струнам, раскачиваясь в такт мелодии. Затем из толпы пеонов выскочил однорукий карлик и принялся плясать. Сразу образовался тесный круг, зрители громко хохотали, выражая свой восторг.

И как раз в эту минуту на фоне кровавого неба из-за гребня восточного холма показались измученные солдаты разбитого отряда. Одни ехали на лошадях, другие брели пешком — и раненые и здоровые, одинаково измученные и павшие духом, пошатываясь и хромая, приближались к Санто-Доминго.

ГЛАВА XII

ЭЛИСАБЕТТА

Итак, на фоне алого неба разбитый, измученный отряд спускался с холма. Одни солдаты ехали верхом, иногда по двое на одной лошади, которая понуро опускала голову чуть ли не до самой земли. Другие шли пешком. Головы и руки большинства были обмотаны окровавленным тряпьем. Патронные ленты были пусты, винтовок не было совсем. Лица и руки их покрывали пот, грязь и копоть от порохового дыма. Но это были только передовые — другие еще брели по безводной двадцатимильной пустыне, отделяющей Санто-Доминго от Ла-Кадены, и хотя их осталось всего пятьдесят человек, включая женщин, а остальные уцелевшие рассеялись по бесплодным горам и оврагам пустыни — печальное шествие растянулось на много миль и прошло несколько часов, прежде чем подошли отставшие.

Впереди, опустив голову и скрестив на груди руки, ехал дон Петронило, поводья свободно болтались на шее его лошади, еле передвигавшей ноги. Позади него ехал Хуан Сантильянес, худой и бледный, сразу постаревший на несколько лет. Фернандо Сильвейра, весь в лохмотьях, плелся рядом, держась за его седло. Перебираясь через мелкий ручей, они подняли головы и заметили меня. Дон Петронило слабо махнул мне рукой, Фернандо воскликнул:

— Смотрите — мистер! Как тебе удалось бежать? А мы решили, что ты убит.

— Я бежал вперегонки с дикими козами,— ответил я.

Хуан рассмеялся:

— Душа в пятки ушла, а?

Лошади протянули морды к воде и принялись жадно пить. Хуан безжалостно вонзил шпоры в бока своему коню, перемахнул через ручей, и мы упали друг другу в объятья. Но дон Петронило спешился прямо в воде и безучастно, словно спал на ходу, побрел по мелководью в нашу сторону.

Он плакал. Лицо его ничего не выражало, но по щекам медленно катились крупные слезы.

— Colorados захватили его жену! — шепнул мне на ухо Хуан.

Мне стало невыносимо жаль беднягу.

— Это ужасно, полковник,— мягко сказал я,— чувствовать ответственность за всех храбрецов, которые пали в бою. Но ведь не ваша вина...

— Не в этом дело,— тихо сказал он, глядя сквозь слезы на тех, кто, шатаясь, брел по пустыне.

— У меня тоже были друзья, которые пали в этом бою,— продолжал я.— Но они пали смертью храбрых, сражаясь за родину.

— Я не об этом плачу,— сказал дон Петронило, ломая руки.— Вчера я потерял все, что было мне дорого. Они отняли у меня жену, и мой отряд, и все мои бумаги, и все мои деньги. Но сердце мое сжимается от горести, когда я вспоминаю новые серебряные шпоры с золотой насечкой, которые я только в прошлом году купил в Мапими!

Он отвернулся, охваченный безутешным горем.

Из хижин уже бежали пеоны, выкрикивая слова сочувствия и утешения. Они обнимали солдат, помогали раненым, робко хлопая их по спине и называя «храбрецами». Отчаянно бедные сами, они предлагали им еду, постели, корм для лошадей и упрашивали остаться в Санто-Доминго до полного выздоровления.

Я уже договорился о ночлеге. Дон Педро, старший козий пастух, в порыве сердечного великодушия уступил мне свою комнату и постель, а сам с семьей перебрался в кухню. Он сделал это, надеясь на вознаграждение, так как считал, что у меня есть деньги. А теперь повсюду мужчины, женщины и дети выбирались из своих хижин, чтобы дать приют потерпевшим поражение, измученным солдатам.

Мы с Хуаном и Фернандо направились к четырем бродячим торговцам, разбившим лагерь под деревьями возле рудника, чтобы попросить у них табаку. За последнюю неделю они ничего не продали, жили впроголодь, и тем не менее они щедро оделили нас macuche. Мы растянулись на земле и, опираясь на локти, следили, как последние солдаты разбитого гарнизона спускаются с холма. Мы говорили о вчерашнем бое.

— Вы, верно, слыхали, что Гино Герека убит,— сказал Фернандо.— Я это видел сам. Он ведь в первый раз сел на своего серого коня, и тот был страшно напуган уздечкой и седлом. Но как только он попал в самую гущу боя, где беспрерывно трещали выстрелы и жужжали пули, он сразу успокоился. Вот это лошадь чистых кровей... наверное, его предки были все боевыми конями. Рядом с Гино было еще человек пять храбрецов, и у всех у них патроны уже кончались. Они все дрались, а colorados уже заходили с боков по двое в ряд. Гино стоял рядом со своим конем, как вдруг десятка два пуль поразили коня, и, вздохнув, он рухнул на землю. Тут остальные перестали стрелять, словно потеряв голову от страха. «Мы погибли! Бежим! Бежим, пока не поздно!» — кричали они. Но Гино погрозил им дымящейся винтовкой. «Нет! — отозвался он.— Мы должны задержать их, чтобы compañeros успели отступить». Тут его совсем окружили, и снова я его увидел только сегодня утром, когда мы его похоронили... Там был просто ад кромешный. Дула винтовок так нагревались, что нельзя было коснуться их рукой, от порохового дыма казалось, что все кругом качается и пляшет...

Его перебил Хуан:

— Когда началось отступление, мы поскакали прямо к Пуэрте, но сразу увидели, что дело проиграно. Colorados смели горсточку наших солдат, как морские волны. Мартинес скакал как раз впереди меня. Но он не успел даже выстрелить... а ведь это был его первый бой... Я вспомнил, как вы и Мартинес любили друг друга. Разговаривали всю ночь напролет и не пускали друг друга спать.

Солнце скрылось. Высокие голые вершины деревьев потускнели и неподвижно застыли среди роившихся в темном небе звезд. Торговцы подбросили хворосту в огонь, до нас доносились их спокойные, довольные голоса. Из открытых дверей хижин падал дрожащий свет свечей. От ручья безмолвной вереницей шли девушки в черных платках, с кувшинами на голове. Женщины мололи кукурузу, и всюду слышался монотонный скрип жерновов. Лаяли собаки. Раздался стук копыт — это

пришел на водопой табун. Перед домом дона Педро кучками расположились солдаты, они курили и заново переживали вчерашний бой. «Я схватил винтовку за дуло и двинул прикладом в его ухмыляющуюся морду, как раз в ту минуту...» — говорил кто-то, отчаянно жестикулируя. Пеоны, сидя вокруг, слушали затаив дыхание. А страшная процессия солдат разбитого гарнизона все еще двигалась по дороге, переходя вброд ручей...

Еще не совсем стемнело. Я направился к берегу ручья в надежде встретить среди проходивших тех из моих товарищей, о которых ничего не было известно. Здесь-то я и увидел Элисабетту.

В ней не было ничего примечательного. Я и обратил-то на нее внимание только потому, что она была женщина, а их с солдатами шло немного. Это была индианка лет двадцати пяти, небольшого роста, коренастая, с приятным смуглым лицом, двумя длинными косами, падавшими на спину, и большими блестящими зубами, открывавшимися в улыбке. Я так и не узнал, была ли она просто пеонка, работавшая на асиенде Ла-Кадены, или же vieja — женщина, следующая за солдатами в походе.

Сейчас она покорно тащилась позади лошади капитана Феликса Ромеро, как тащилась все тридцать миль. Он не разговаривал с ней, не оглядывался,— короче говоря, совсем не обращал на нее внимания. Когда он уставал держать винтовку, он оборачивался и говорил: «Возьми-ка!» Позднее я узнал, что, когда наши вернулись в Ла-Кадену хоронить убитых, Ромеро случайно заметил Элисабетту, которая словно помешанная бесцельно бродила по асиенде, и, нуждаясь в женщине, приказал ей следовать за собой. Она беспрекословно подчинилась, по обычаю женщин своей страны.

Капитан Феликс дал своей лошади напиться. Элисабетта тоже остановилась, стала на колени и погрузила лицо в воду.

— Иди, иди! — крикнул капитан.— Andale!

Она молча выпрямилась и побрела через ручей. На берегу капитан спешился, протянул руку за винтовкой, которую она несла, и, бросив на ходу: «Приготовь-ка ужин!» — направился к хижинам, где сидели солдаты.

Элисабетта опустилась на колени и начала собирать сухие ветки для костра. Вскоре небольшая кучка хвороста уже пылала.

— Эй, chamaco! [1] — окликнула она какого-то мальчугана, голос у нее, как у всех мексиканок, был резок и визглив.—

---

[1] Мальчик! *(мексик.)*

Принеси мне воды и кукурузы. Мне нужно покормить моего мужа.

И, стоя на коленях в красном отблеске костра, она забросила назад свои длинные прямые черные косы. На ней была свободная блуза из полинявшей светло-синей грубой материи. На груди виднелись пятна запекшейся крови.

— Какой был бой, сеньорита,— сказал я, обращаясь к ней.

Ее зубы блеснули в улыбке, но лицо сохранило прежнее отсутствующее выражение. У индейцев лица как маски. И все же я видел по ней, что она страшно устала и истерически возбуждена. Однако ответила она мне довольно спокойно.

— Да,— сказала она.— А вы, видно, тот гринго, который пробежал много миль, а colorados стреляли ему вслед?

Она рассмеялась, но сразу же поперхнулась и перестала смеяться, словно ей было больно.

Подошел мальчик, тащивший глиняный кувшин с водой и охапку кукурузных початков, которые он высыпал под ноги Элисабетте. Размотав шаль, она достала тяжелое каменное корытце, которое всегда носят с собой мексиканки, и начала машинально вылущивать в него зерна кукурузы.

— Не помню, чтобы я видел вас в Ла-Кадене,— сказал я.— Вы долго там были?

— Дольше, чем надо бы,— ответила она просто, не поднимая головы. И затем добавила: — Да, эта война для женщин не шутка!

Из темноты вдруг вынырнул дон Феликс с папиросой в зубах.

— Мой ужин! — проворчал он.— Pronto? [1]

— Luego, luego! [2] — ответила она, и он ушел.— Послушайте, сеньор, кто бы вы ни были,— быстро заговорила Элисабетта, глядя на меня.— Мой возлюбленный погиб вчера в бою. Теперь этот человек будет моим мужем, но, клянусь богом и всеми святыми, эту ночь я не могу спать с ним. Позвольте, я пойду с вами!

В ее голосе не было ни тени кокетства. Эта темная, по-детски наивная женщина оказалась в положении, которое она не в силах была выдержать, и инстинктивно избрала выход. Я даже думаю, что она сама не понимала, почему мысль о новом муже была ей так отвратительна, когда ее возлюбленный только

[1] Готов? *(исп.)*
[2] Скоро, скоро! *(исп.)*

сегодня был засыпан землей. Я был ей чужим, так же, как и она мне. Вот все, что имело для нее значение.

Я согласился, и мы вместе ушли от костра, бросив кукурузу капитана в корытце. И в темноте сразу же столкнулись с капитаном.

— Мой ужин? — сказал он раздраженно. Но вдруг его тон изменился.— Куда ты идешь?

— Я иду к этому сеньору,— испуганно ответила Элисабетта.— Я заночую у него...

— Ты...— начал было дон Феликс, задыхаясь.— Ты моя женщина! Ojga, сеньор, это моя женщина!

— Да,— сказал я,— это ваша женщина. Мне она совершенно не нужна, но она страшно устала, ей нездоровится, и я предложил ей свою постель на эту ночь.

— Это очень нехорошо, сеньор! — воскликнул капитан напряженным голосом.— Вы гость нашего эскадрона и друг нашего полковника, но это моя женщина, и я хочу, чтобы она...

— Нет! — вскрикнула Элисабетта.— До следующего раза, сеньор!

Она схватила меня за руку и потянула дальше.

Уже второй день мы жили в кошмаре сражения и смерти. По-моему, все мы были возбуждены и ошеломлены. Во всяком случае, так было со мной.

К этому времени вокруг нас уже собрались пеоны и солдаты, и, уходя, мы слышали, как капитан жалуется толпе на свою обиду.

— Я обращусь к полковнику! — повторил он.— Я расскажу ему все!

Он быстро обогнал нас и направился к хижине полковника, что-то бормоча на ходу.

— Ojga, сеньор полковник! — кричал он.— Этот гринго увел мою женщину. Это величайшее оскорбление!

— Ну что ж,— невозмутимо сказал полковник,— если они оба так хотят, я думаю, мы ничего тут не можем поделать, а?

Новость распространилась с быстротой молнии. Целая толпа мальчишек бежала за нами, выкрикивая разные веселые непристойности, которые они привыкли выкрикивать на сельских свадьбах. Мы прошли мимо солдат и раненых, которые, улыбаясь, тоже отпустили несколько свадебных шуток. В их словах не было ни грубости, ни насмешки,— только безыскусственность и веселость. Они были искренне рады за нас.

Подойдя к хижине дона Педро, мы заметили, что она ярко освещена. Сам хозяин, его жена и дочь были заняты уборкой

комнаты, тщательно выметая земляной пол и поливая его водой. Они постлали свежее белье на кровать и зажгли светильник перед столом, служившим алтарем, на котором стояло изображение богоматери. Над дверью висела гирлянда бумажных цветов, которые украшали эту дверь в сочельник,— время было зимнее, и настоящих цветов взять было неоткуда.

Дон Педро сиял улыбками. Ему было все равно, кто мы и каковы наши отношения. Но мы были мужчиной и женщиной, а это уже — брак.

— Желаю вам счастливой ночи,— тихо сказал он, закрывая за собой дверь.

Экономная Элисабетта немедля потушила все свечи, кроме одной. Почти тотчас мы услышали, как снаружи музыканты начали настраивать свои инструменты. Кто-то нанял местный оркестр, чтобы он устроил нам серенаду. И оркестр долго играл у нас под дверью. А в соседнем доме сдвигали к стенам столы и стулья, и, засыпая, я слышал, что там начались танцы,— не пропадать же музыке.

Элисабетта без малейшего смущения легла рядом со мной на кровать. Ее рука нащупала мою. Плотно прижавшись ко мне, словно ища успокоения в человеческом тепле, она пробормотала: «Спокойной ночи»,— и мгновенно заснула. Немного погодя заснул и я спокойным, сладким сном...

Когда я проснулся, Элисабетты уже не было. Я открыл дверь и выглянул наружу. Утро было ослепительно-синее с золотом. По небу неслись пушистые облака с пурпуровыми каемками, а пустыня переливалась всеми красками. Под пепельно-серыми безлиственными деревьями пламя костра торговцев стлалось по ветру. Женщины в черном с красными глиняными кувшинами на головах гуськом тянулись к речке, а ветер играл их шалями. Кричали петухи, блеяли козы, нетерпеливо ожидая доения, сотня лошадей стучала копытами по пыльной дороге, направляясь к водопою.

Элисабетта сидела на корточках перед небольшим костром за углом хижины и пекла tortillas капитану на завтрак. Она улыбнулась, когда я подошел к ней, и вежливо спросила, как мне спалось. Она, по-видимому, была теперь вполне довольна — работая, она что-то напевала про себя.

Вскоре к нам подошел угрюмый капитан и сурово кивнул мне.

— Наконец-то,— проворчал он, беря tortillas, которые она подала ему.— Как ты долго возишься с завтраком! Carramba! И почему здесь нет кофе?

Он отошел, хрустя лепешкой.

— Собирайся! — бросил он ей через плечо.— Через час уезжаем на север.

— Вы поедете? — спросил я с любопытством. Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Ну а как же? Seguro! [1] Разве он мне не муж?

Она восхищенно посмотрела на удаляющегося капитана. Мысль о нем уже не была ей отвратительна.

— Он мой муж,— сказал она.— Он очень красивый и очень храбрый. Да вы знаете, что вчера во время боя...

Элисабетта уже забыла о своем возлюбленном.

---

[1] Конечно! *(исп.)*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФРАНСИСКО ВИЛЬЯ

ГЛАВА I

ВИЛЬЯ ПОЛУЧАЕТ МЕДАЛЬ

Во время пребывания Вильи в городе Чиуауа, за две недели до наступления на Торреон, артиллерийский корпус его армии решил преподнести ему золотую медаль за героизм на поле сражения.

В приемном зале губернаторского дворца в Чиуауа, предназначенном для всяческих церемоний, украшенном огромными люстрами, тяжелыми малиновыми портьерами и кричащими американскими обоями, стоит губернаторский трон. Это позолоченное кресло, с ручками наподобие львиных лап, стоящее на возвышении под малиновым бархатным балдахином, увенчанном деревянной позолоченной шапкой, которая чем-то напоминает корону.

Артиллерийские офицеры в щегольских голубых мундирах, отделанных черным бархатом, с блестящими новенькими шпагами на боку и оплетенными золотым галуном шляпами под мышкой, плотными рядами выстроились в одном конце зала. От дверей этого зала вокруг галереи, вниз по парадной лестнице, во всю длину грандиозного внутреннего двора, до внушительных ворот и за ворота, протянулась двойная шеренга солдат, державших винтовки на караул. Четыре полковых оркестра, сведенные в один, клином вдавались в толпу. Жители столицы собрались тысячами на Пласа-де-Армас перед дворцом.

— Ya viene! Вот он идет! Да здравствует Вилья! Да здравствует Мадеро! Вилья — друг бедняков!

Рев возник где-то в задних рядах толпы, прокатился, как лесной пожар, нарастая мощным крещендо, и казалось, это он взметывает в воздух тысячи шляп. Оркестр во дворе заиграл национальный гимн Мексики, и на улице показался Вилья. Он шел пешком.

Одет он был в старый простой мундир цвета хаки, у которого не хватало нескольких пуговиц. Он давно не брился, шляпы на нем не было, и нечесаные волосы стояли копной. Он шел косолапой походкой, сутулясь, засунув руки в карманы брюк. Очутившись в узком проходе между двумя шеренгами застывших солдат, он, казалось, немного смутился и, широко ухмыляясь, то и дело кивал какому-нибудь compadre, стоявшему в рядах. У лестницы его встретили губернатор Чао и секретарь штата Террасас в парадных формах. Оркестр совсем обезумел, а когда Вилья вошел в приемный зал, то по сигналу, данному с балкона дворца, огромная толпа на Пласа-де-Армас обнажила головы, а блестящее собрание офицеров в зале вытянулось в струнку.

Это было нечто наполеоновское!

Вилья минуту колебался, покручивая ус, и вид у него был очень растерянный, затем направился к трону, покачал его за подлокотник, чтобы проверить, прочно ли он стоит, и сел. Губернатор занял место по правую его руку, секретарь штата — по левую.

Сеньор Бауче Алькальде выступил вперед, поднял правую руку, как Цицерон, изобличающий Катилину, и произнес небольшую речь, восхваляя храбрость, проявленную Вильей в шести сражениях, которые он описал подробно и красочно. Его сменил начальник артиллерии, который сказал:

— Армия вас обожает. Мы пойдем за вами, куда бы вы нас ни повели. Вы можете стать в Мексике, чем пожелаете.

Затем один за другим выступили три офицера, говорившие высокопарными длинными фразами, как это в обычае у мексиканских ораторов. Они называли Вилью «другом бедняков», «непобедимым генералом», «вдохновителем храбрости и патриотизма», «надеждой Индейской республики». Все это время Вилья сидел сгорбившись на троне, рот его был полуоткрыт, маленькие хитрые глазки внимательно оглядывали зал. Раза два он зевнул, но по большей части он, казалось, размышлял, к чему и зачем все это, и испытывал от этого огромное удовольствие, словно маленький мальчик в церкви. Он, конечно, знал, что так принято, и, быть может сознавая себя виновником всех этих церемоний, испытывал некоторое тщеславие. Тем не менее они нагоняли на него скуку.

Наконец торжественной походкой к трону подошел полковник Сервин, держа в руках картонную коробку с медалью. Губернатор Чао слегка толкнул Вилью локтем, и тот встал. Раздались громкие рукоплескания офицеров, толпа на улице разразилась радостными криками, оркестр заиграл торжественный марш.

Вилья протянул вперед обе руки, словно ребенок, тянущийся за новой игрушкой. Казалось, он хотел как можно скорее открыть коробку и посмотреть, что в ней. Выжидательная тишина воцарилась в зале, передавшись даже толпе на площади. Вилья посмотрел на медаль, почесал затылок и, нарушив благоговейную тишину, сказал громко:

— Уж больно она мала, чтобы ею наградить за весь тот героизм, о котором вы столько тут наговорили!

И мыльный пузырь империи лопнул от громовых раскатов хохота.

Все ожидали, что Вилья произнесет полагающуюся в таких случаях благодарственную речь. Но когда он окинул взглядом всех этих блестящих образованных людей, которые говорили, что готовы умереть за Вилью, за пеона, и говорили это искренне, и увидел в дверях оборванных солдат, которые давно уже вышли из рядов и забили коридоры, не сводя глаз со своего любимого compañero, он еще яснее понял, что́ несет в себе мексиканская революция.

Сморщившись, как всегда, когда он напряженно думал, он наклонился над столом, стоявшим перед ним, и сказал настолько тихим голосом, что его с трудом можно было расслышать:

— У меня нет слов. Одно могу сказать: мое сердце навсегда ваше.

Затем, толкнув в бок губернатора Чао, он сел и сплюнул. А Чао произнес требуемую обычаем речь.

ГЛАВА II
КАРЬЕРА БАНДИТА

Вилья в течение двадцати двух лет считался преступником, объявленным вне закона. Когда он был еще шестнадцатилетним юношей и развозил молоко по улицам Чиуауа, он убил правительственного чиновника, и ему пришлось бежать в горы. Говорят, что этот чиновник изнасиловал его сестру,

но, вернее, Вилья убил его за невыносимую надменность и жестокость. Однако по одной этой причине он недолго находился бы вне закона, так как в Мексике человеческая жизнь ценится дешево. Однако, скрываясь в горах, он совершил уже непростительное преступление — угнал скот богатого асиендадо. И поэтому мексиканское правительство назначило награду за его голову, и так продолжалось до революции Мадеро.

Вилья происходил из семьи неграмотных пеонов. Он никогда не ходил в школу. Он не имел ни малейшего представления о всей сложности современной цивилизации, и когда столкнулся с ней уже взрослым человеком, обладающим необыкновенным природным умом, то принес в двадцатый век наивное простодушие дикаря.

Невозможно узнать точно о действиях Вильи как бандита. Комплекты местных газет за прошлые годы и правительственные отчеты содержат много материала о совершенных им преступлениях, но они не могут служить достоверным источником, так как слава Вильи как бандита была столь велика, что всякое ограбление поезда, всякий разбой на большой дороге и всякое убийство в Северной Мексике приписывались ему. Его имя стало легендарным. Существует множество народных песен и баллад, восхваляющих его подвиги. По ночам их поют в горах пастухи у своих костров, повторяя строфы, сложенные еще их отцами, или тут же сочиняя новые. Например, они поют о том, как Вилья, разгневанный бедственным положением пеонов на асиенде Лос-Аламос, собрал своих сторонников и напал на каса-гранде, разграбил его и поделил добычу между бедняками. Он угнал несколько тысяч голов скота с ранчо Террасас и переправил их через границу. Он делал внезапные налеты на рудники и увозил весь добытый металл. Когда ему была нужна кукуруза, он захватывал амбары какого-нибудь богача. В глухих деревнях, удаленных от главных проезжих дорог и железнодорожных путей, он открыто набирал людей в свой отряд и объединял всех объявленных вне закона беглецов, скрывавшихся в горах. В его шайке состояли многие из нынешних повстанцев-солдат, а также и некоторые генералы-конституционалисты, как, например, Урбина. Область его деятельности ограничивалась по большей части южным Чиуауа и северным Дуранго, но она простиралась через всю республику от штата Коагуила до Синалоа...

Его бесшабашная и романтическая храбрость служит темой бесчисленных баллад. Поют, например, о том, как один из его бандитов, Реса, был захвачен руралес и подкуплен, чтобы

он выдал Вилью. Вилья услыхал об этом и сообщил в Чиуауа, что он явится туда для расправы над Реса. Среди бела дня он въехал в город верхом, съел на площади мороженое — в балладе особенно подчеркивается эта деталь — и стал разъезжать по улицам, встретил Ресу, гулявшего со своей возлюбленной среди праздничных толп на улице Пасео-Боливар, застрелил его и скрылся.

Во время голода Вилья кормил целые районы, а также брал под свою опеку многие деревни, согнанные с насиженного места возмутительным земельным законом Порфирио Диаса. Повсюду Вилья был известен как «друг бедняков». Это был мексиканский Робин Гуд.

За все эти годы Вилья научился никому не доверять. Нередко в своих тайных поездках по стране с каким-нибудь верным товарищем он разбивал лагерь где-нибудь в пустынном уединенном месте и отсылал своего проводника, а затем, оставив горящий костер, ехал всю ночь, чтобы скрыться от своего верного товарища. Так Вилья учился искусству войны, и теперь, когда его армия разбивает лагерь на ночь, он бросает поводья своего коня ординарцу, набрасывает на плечи серапе и один уходит в горы. Он как будто никогда не спит. В любое время ночи он вдруг появляется где-нибудь в линии расположения аванпостов, чтобы проверить часовых, а утром возвращается с совершенно противоположной стороны. Ни одна душа, даже самый доверенный офицер его штаба, ничего не знает о его планах, пока он не решает, что пора действовать.

Когда в 1910 году на сцену выступил Мадеро, Вилья все еще находился вне закона. Быть может, как утверждают его враги, он увидел возможность загладить свои грехи, а может быть, что кажется более вероятным, он просто был увлечен революцией пеонов, революцией бедноты. Как бы то ни было, но примерно через три месяца после начала вооруженного восстания Вилья внезапно появился в Эль-Пасо и предоставил себя, свою банду, свое знание страны и все свое состояние в полное распоряжение Мадеро. Огромные богатства, которые он, по всеобщему мнению, должен был нажить за двадцать лет грабежа, на деле свелись к тремстам шестидесяти трем серебряным песо, изрядно потертым. Вилья получил чин капитана в мадеристской армии и в этом чине отправился вместе с Мадеро в город Мехико, где был произведен в почетные генералы обновленных руралес. Он был прикомандирован к ар-

ми Уэрты, когда она была послана на север для подавления восстания генерала Ороско. Вилья командовал гарнизоном в Паррале и нанес поражение Ороско, на стороне которого было значительное численное преимущество, в единственном за всю войну решительном сражении.

Уэрта назначил Вилью командующим авангардом, свалив на него и на ветеранов армии Мадеро всю тяжелую и опасную работу, в то время как федеральные полки отсиживались в тылу под защитой своей артиллерии. В Хименесе Уэрта внезапно приказал арестовать Вилью, предал его военно-полевому суду, обвинив его в неподчинении приказу, который, как он утверждал, был передан Вилье в Парраль по телеграфу. Вилья отрицал это, заявляя, что он никакого распоряжения не получал. Процесс продолжался пятнадцать минут, и будущий самый грозный противник Уэрты был приговорен к расстрелу.

Альфонсо Мадеро, находившийся в штабе Уэрты, приостановил исполнение смертной казни, но президент Мадеро, будучи вынужден поддержать авторитет своего главнокомандующего, приказал посадить Вилью в главную тюрьму столицы. За все это время Вилья ни разу не поколебался в своей верности Мадеро — вещь неслыханная в истории Мексики. Он давно уже страстно стремился к образованию и теперь не стал тратить время на напрасные сожаления или политические интриги. Он с необыкновенным энтузиазмом начал учиться грамоте. У него не было ни малейшей подготовки. Он говорил лишь на грубом диалекте бедноты, известном под названием *pelado*. Он не имел ни малейшего представления об элементарной грамматике, не говоря уже о философии языкознания, но он начал именно с этого, потому что он всегда стремился узнать причины, лежащие в основе явлений. Через девять месяцев он уже очень неплохо писал и умел читать газеты. Очень интересно наблюдать или, вернее, слушать, как он читает: он бормочет слова вслух, как ребенок. Наконец правительство Мадеро устроило ему побег из тюрьмы, для того ли, чтобы спасти престиж Уэрты, так как друзья Вильи настоятельно требовали пересмотра дела, или потому, что Мадеро убедился в невинности Вильи, хотя и не осмеливался открыто освободить его.

С этого времени до начала последней революции Вилья жил в Техасе, в Эль-Пасо, и именно оттуда в апреле 1913 года он отправился завоевывать Мексику всего с четырьмя то-

варищами, тремя вьючными лошадьми, двумя фунтами сахара и кофе и фунтом соли.

Об этом рассказывают следующий анекдот. Ни у Вильи, ну и его товарищей не было денег на покупку лошадей. В течение недели он посылал двух своих приятелей в местную конюшню брать каждый день лошадей на прокат. Они исправно платили после каждой поездки, и когда однажды они попросили дать им восемь лошадей, служащий конюшни, не задумываясь, выполнил их просьбу.

Шесть месяцев спустя, когда Вилья во главе четырехтысячной армии с триумфом вступил в Хуарес, первым его общественным актом было послать хозяину конюшни сумму, равную двойной стоимости взятых у него лошадей.

Он набирал солдат в горах вблизи Сан-Андреса, и его популярность была столь велика, что в течение одного месяца у него набралась армия в три тысячи человек; через два месяца он очистил весь штат Чиуауа от федеральных гарнизонов, загнав их в город Чиуауа; через шесть месяцев он взял Торреон, а через семь с половиной месяцев — Хуарес; федеральная армия Меркадо бежала из Чиуауа, и почти вся Северная Мексика была освобождена.

ГЛАВА III
ПЕОН-ПОЛИТИК

Вилья объявил себя военным губернатором штата Чиуауа и взялся за необыкновенный эксперимент — необыкновенный потому, что он ничего не смыслил в этом деле,— за создание на пустом месте правительства для трехсот тысяч человек.

Часто приходится слышать, что Вилье это удалось потому, что его окружали образованные советники. На самом же деле он действовал почти один. Окружавшие его советники были заняты главным образом тем, что давали ответы на его пытливые вопросы и выполняли то, что он им приказывал. Я часто рано утром отправлялся в губернаторский дворец и ожидал Вилью в приемной. Примерно в восемь часов являлись секретарь штата Сильвестре Террасас, казначей штата Себастиан Варгас и Мануэль Чао, в то время временный гражданский губернатор, с кипами составленных ими отчетов, планов и декретов. Сам Вилья выходил около половины девятого, уса-

живался в кресло, и они начинали читать принесенные документы. Каждую минуту он прерывал их замечаниями, поправками или дополнениями. Иногда он, помахивая пальцем, говорил: «No sirve» [1]. Когда они кончали, он начинал быстро, без запинки развивать программу штата Чиуауа в вопросах законодательства, финансов, судопроизводства и даже образования. Когда он сталкивался с какой-нибудь трудностью, он спрашивал: «Как это делается?» — и, выслушав подробное объяснение, неизменно добавлял: «Почему?» Большинство актов и методов правительственной системы казались ему запутанными и совершенно ненужными. Например, советники предлагали ему в целях финансирования революции выпустить тридцати-сорокапроцентный заем. Вилья сказал: «Я понимаю, что штат должен платить известные проценты тем, кто одолжил ему деньги, но я не могу понять, почему мы должны выплачивать им сумму в три-четыре раза больше занятой?» Он также не мог понять, почему богатым людям отводились большие участки земли, а бедные не пользовались такой привилегией. Вся сложная структура цивилизации была для него непонятна. Только философ мог бы что-нибудь объяснить Вилье, но его советники были всего лишь практическими людьми.

Вот, например, финансы. Вилья задумался над ними при следующих обстоятельствах. Он заметил, что деньги почти исчезли из обращения. Крестьяне перестали подвозить в города мясо и овощи, потому что у горожан не на что было их покупать. Дело в том, что те, у кого было серебро или государственные банкноты, прятали их, закапывая в землю. Чиуауа никогда не был промышленным центром, да и все находившиеся там немногие фабрики во время революции закрылись, таким образом, обменивать продукты сельского хозяйства было не на что; подвоз сразу прекратился, и городское население буквально начало голодать. Я что-то смутно припоминаю о весьма сложных проектах, направленных к устранению финансового кризиса, которые предлагали советники. Сам же Вилья сказал просто: «Если дело только в деньгах, то их просто нужно напечатать». И вот в подвале губернаторского дворца установили печатный станок и напечатали два миллиона песо на прочной бумаге, с подписями правительственных чиновников и фамилией Вильи, набранной посредине крупными буквами.

[1] Не подойдет *(исп.)*.

Фальшивые деньги, которые впоследствии наводнили Эль-Пасо, отличались от оригинала тем, что подписи официальных лиц на них делались от руки, а не при помощи штампа.

Выпуск этих бумажных денег абсолютно ничем не был гарантирован, кроме подписи Франсиско Вильи. Эти деньги были выпущены исключительно для того, чтобы оживить внутреннюю торговлю штата и чтобы бедняки имели возможность покупать себе продукты. И тем не менее они были немедленно скуплены банками Эль-Пасо по цене восемнадцати и девятнадцати центов за доллар только потому, что на них стояло имя Вильи.

Он, конечно, не знал об обычных каналах, по которым деньги пускаются в обращение. Он прежде всего начал платить ими жалованье своим солдатам. Во время рождественских праздников он созвал всю бедноту в Чиуауа и распорядился выдать каждому человеку по пятнадцати долларов. Затем он издал приказ, согласно которому выпущенные им деньги должны были приниматься по всему штату по номиналу. В следующую же субботу рыночная площадь Чиуауа кишела крестьянами-продавцами и горожанами-покупателями. Вилья издал второй приказ, устанавливающий цену на мясо,— семь центов за фунт, на молоко — пять центов за кварту и на хлеб — четыре цента за буханку. Голод в Чиуауа прекратился. Однако крупные торговцы, со времени вступления Вильи в Чиуауа впервые рискнувшие открыть свои лавки, выставляли две различные цены на свои товары: одну — при уплате государственным серебром и банкнотами, другую — при уплате «деньгами Вильи». Тогда Вилья издал новый приказ, который под угрозой двухмесячного тюремного заключения запрещал делать различие между теми и другими деньгами.

Но серебро и банкноты все еще оставались закопанными в земле, а Вилье они были необходимы для закупки оружия и продовольствия для своей армии. Поэтому он просто издал постановление, согласно которому государственные серебряные и бумажные деньги после 10 февраля объявлялись фальшивыми, а до тех пор они подлежали обязательному обмену на новые деньги в казначействе штата по номиналу. Однако это не отдало в его руки капиталы богачей. Большинство финансистов заявило, что это пустые угрозы, и не обращало внимания на постановление Вильи. Но вот утром 10 февраля по всему городу был расклеен приказ, коим объявлялось, что отныне серебряные и бумажные деньги государственного выпуска считаются фальшивыми и больше не подлежат обращению среди

населения или обмену на новые деньги. Виновным в несоблюдении приказа угрожало двухмесячное тюремное заключение. Это заставило взвыть не только городских капиталистов, но и предусмотрительных скряг в отдаленных деревнях.

Недели через две после опубликования этого приказа я присутствовал на обеде у Вильи в доме, который он конфисковал у Мануэля Гомероса и сделал своей официальной резиденцией. Как раз во время обеда прибыла делегация одной из тараумарских деревень — три пеона в сандалиях,— чтобы заявить протест против декрета, объявлявшего государственные деньги фальшивыми.

— Ведь мы, mi general,— сказал глава делегации,— только теперь услышали об этом приказе. Мы все время пользовались старым серебром и бумажками у себя в деревне. Мы еще не видали ваших денег и не знали, что...

— А много у вас денег? — прервал Вилья.

— Да, mi general.

— Три, а то четыре или пять тысяч песо, а?

— Больше, mi general, больше.

— Сеньоры! — свирепо нахмурился Вилья.— Образцы моих денег были в вашей деревне через двадцать четыре часа после выпуска. Но вы решили, что мое правительство долго не продержится. Вы вырыли ямки у себя под очагами и попрятали деньги. Вам было известно о моем первом приказе через сутки после того, как он был расклеен на улицах Чиуауа, но вы не пожелали обратить на него внимания. О втором приказе вы также узнали немедленно. Но вы думали, что, в случае надобности, обменять деньги никогда не поздно. А потом вы испугались, и вот вы трое, самые богатые в своей деревне, сели на своих мулов и приехали ко мне. Сеньоры, ваши деньги фальшивые. Вы теперь бедняки.

— Valgame, Dios! — вскричал старейший из делегатов, обливаясь потом.— Мы ведь теперь разорены, mi general! Клянусь вам, мы не знали... Мы давно обменяли бы... В нашей деревне люди начинают голодать...

Главнокомандующий на минуту задумался.

— Ну, вот что,— сказал он,— не ради вас, а ради бедняков в вашей деревне, которые не могут купить себе хлеба, я попробую что-нибудь сделать. В следующую среду в полдень привозите в казначейство все свои деньги, до последнего гроша, и тогда посмотрим.

Об этом услышали и обливавшиеся потом финансисты, которые, держа шапки в руках, ждали в приемной, и в следую-

щую среду в полдень нельзя было пробиться к дверям казначейства.

Величайшей страстью Вильи было просвещение. Он верил, что все вопросы современной цивилизации можно разрешить, отдав землю народу и открыв для него школы. Нередко мне приходилось слышать, как он говорил: «Сегодня я проходил по такой-то и такой-то улице и видел там много детей. Давайте откроем там школу».

В Чиуауа насчитывается сорок тысяч населения. В разное время Вилья открыл в этом городе больше пятидесяти школ. Он мечтал о том, чтобы послать своего сына учиться в Соединенные Штаты, но когда начался учебный год, он должен был отказаться от своих планов, так как у него не хватило средств внести плату за обучение.

Как только Вилья взял власть в свои руки в Чиуауа, он тотчас же послал своих солдат работать: обслуживать электрическую станцию, конку, телефонную станцию, водопровод и мельницу Террасаса. Он также посылал своих солдат в качестве управляющих на крупные асиенды, которые конфисковал. Он поставил солдат на бойни, где они резали скот, принадлежавший имениям Террасаса, мясо продавали населению, а доход от продажи поступал в казну. Тысячу солдат он расставил по улицам в качестве гражданской милиции. Под страхом смерти запрещалось воровство и продажа спиртных напитков солдатам. Он даже пытался завести пивоварню, но среди его солдат не нашлось опытного пивовара.

— В дни мира,— сказал Вилья,— солдаты должны работать. Когда солдату нечего делать, он думает о войне.

С врагами революции Вилья расправлялся так же просто и так же эффективно. Через два часа после занятия им губернаторского дворца иностранные консулы явились к нему в полном составе просить у него защиты для тех двухсот солдат федеральной армии, которые, по ходатайству иностранцев, были оставлены в городе в качестве полицейских. Прежде чем дать ответ, Вилья спросил резко:

— А кто здесь испанский консул?

— Испанцев представляю я,— ответил Скобел, английский вице-консул.

— Так вот что! — рявкнул Вилья.— Передайте всем испанцам, чтобы они немедленно собирали свои пожитки и убирались вон. Всякий испанец, который будет пойман в пределах штата по прошествии пяти суток, считая с сего дня, будет поставлен к ближайшей стене и расстрелян.

Консулы ахнули от ужаса. Скобел начал было яростно протестовать, но Вилья сразу же перебил его.

— Это не сейчас пришло мне в голову,— сказал он.— Я думаю об этом с тысяча девятьсот десятого года. Испанцам нет места в Мексике.

Летчер, американский консул, сказал:

— Генерал, я не стану входить в ваши мотивы, но полагаю, что вы делаете крупную политическую ошибку, изгоняя испанцев. Вашингтонское правительство серьезно подумает, признавать ли правительство, прибегающее к таким варварским мерам.

— Сеньор консул,— отвечал Вилья,— мы, мексиканцы, достаточно натерпелись от испанцев в течение трех столетий. Они остались такими же, как во времена конкистадоров. Они разрушили Индейскую империю и поработили ее народ. Мы не просили их смешивать свою кровь с нашей. Два раза мы изгоняли их из Мексики и два раза разрешали им возвращаться, предоставляя им те же права, что и мексиканцам. Но они пользовались этими правами для того, чтобы отнимать у нас нашу землю, порабощать наш народ и поднимать оружие против нашей свободы. Они поддерживали Порфирио Диаса. Они оказывали пагубное влияние на нашу политику. Это испанцы устроили заговор, который сделал Уэрту президентом. Когда был убит Мадеро, испанцы во всех штатах нашей республики встретили это известие как праздник. Они навязали нам величайшее суеверие в мире — католическую религию. За одно это их следует истреблять беспощадно. Я считаю, что мы поступаем с ними еще очень мягко.

Скобел горячо настаивал на том, что за пять дней он не успеет оповестить всех испанцев в штате, и тогда Вилья продлил этот срок до десяти дней.

Богатых мексиканцев, угнетавших народ и противившихся революции, он немедленно изгнал из штата и конфисковал все их имущество. Одним росчерком пера семнадцать миллионов акров земли и многочисленные промышленные предприятия семейства Террасас стали собственностью конституционного правительства, равно как и огромные земельные богатства Крилей вместе с великолепными дворцами, служившими им городскими резиденциями. Не забыв, однако, что бежавшие за границу члены семьи Террасаса финансировали переворот Ороско, Вилья оставил заложником дона Луиса Террасаса, поместив его в собственном его доме в Чиуауа. Особенно ненавистные политические враги были немедленно рас-

стреляны в тюрьме. У революции есть своя «черная книга», в которой перечислены все имена, преступления и имущество тех, кто угнетал и грабил народ. Немцев, которые занимались особенно активной политической деятельностью, а также англичан и американцев Вилья пока не осмеливается трогать. Их страницы в «черной книге» будут рассмотрены тогда, когда в столице Мексики будет образовано конституционное правительство; и тогда же он сведет счеты мексиканского народа с католической церковью.

Вилья знал, что резерв банка Минеро, составлявший пятьсот тысяч долларов золотом, был спрятан где-то в Чиуауа. Дон Луис Террасас состоял директором этого банка. Когда Террасас отказался указать место, где были спрятаны деньги, Вилья с отрядом солдат как-то ночью вывел его из дома, посадил на мула, увез в пустыню и повесил на дереве. В самый последний момент веревку обрезали, и тогда Террасас повел Вилью к старой кузнице на сталелитейном заводе Террасаса, где и был найден золотой запас банка Минеро. Террасас, так и не оправившись от потрясения, отправился в свою тюрьму, а Вилья сообщил его отцу в Эль-Пасо, что освободит его сына за выкуп в пятьсот тысяч долларов.

ГЛАВА IV
ВИЛЬЯ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

У Вильи две жены. Одна — простая, терпеливая женщина, переносившая с ним все превратности его многолетнего изгнания из общества. Она живет в Эль-Пасо. Другая — стройная красавица, гибкая, как кошка. Она хозяйка его дома в Чиуауа. Вилья не делает секрета из своей семейной жизни, хотя в последнее время культурные мексиканцы, все больше и больше группирующиеся вокруг него и не любящие нарушения приличий, стараются всячески затушевать этот факт. Пеоны же часто, если не сказать — как правило, имеют не одну подругу, а несколько.

Мне часто приходилось слышать о том, что Вилья насилует женщин. Я спросил его, правда ли это. Он покрутил ус и минуту смотрел на меня непроницаемым взглядом, потом сказал:

— Я никогда не беру на себя труда опровергать такие россказни. Про меня говорят также, что я бандит. Ну, вам известна моя жизнь. Но скажите мне, встречали ли вы когда-нибудь мужа, отца или брата женщины, которую я изнасиловал? — Помолчав немного, он добавил: — Или хотя бы какого-нибудь свидетеля?

В высшей степени интересно наблюдать, как он воспринимает новые идеи. Не забывайте, что Вилья совершенно не разбирается во всей сложности современной цивилизации.

— Социализм,— сказал он мне как-то, когда я хотел узнать его мнение об этом предмете,— социализм... а что это такое? Вещь? Это слово попадалось мне в книгах, а я читаю мало.

Однажды я спросил его, будут ли женщины в новой республике иметь право голоса. Он в это время валялся на кровати, расстегнув мундир.

— Да нет, пожалуй,— сказал он и вдруг удивленно приподнялся.— То есть что значит «иметь право голоса»? Вы спрашиваете, будут ли они выбирать правительство и проводить законы?

Я ответил, что подразумевал именно это и что в Соединенных Штатах женщины уже пользуются таким правом.

— Ну что ж,— сказал он, почесывая в затылке,— если ваши женщины у вас выбирают, то почему бы и нашим у нас не выбирать?

Эта возможность, по-видимому, очень его позабавила, и он долго продолжал ее обдумывать, глядя то на меня, то куда-то в сторону.

— Может, и будет, как вы говорите,— сказал он наконец,— но я как-то не думал об этом раньше. По-моему, женщины созданы для того, чтобы о них заботиться и любить их. А настоящего ума у них нет. Они не могут рассудить, что хорошо и что плохо. Они слишком мягкосердечны и жалостливы. Женщина, например, не смогла бы отдать приказ расстрелять предателя.

— Ну, я в этом не совсем уверен, mi General,— сказал я.— Женщины при случае могут проявить бóльшую твердость и жестокость, чем мужчины.

Он посмотрел на меня, дергая усы. Потом взглянул в ту сторону, где его жена накрывала на стол к обеду.

— Olga,— сказал он,— поди-ка сюда. Слушай. Вчера я поймал трех предателей, которые перебирались через реку, чтобы взорвать железнодорожный путь. Как я должен поступить с ними? Нужно их расстрелять или нет?

Смутившись, она схватила его руку и поцеловала.

— Я в этом ничего не понимаю,— сказала она,— тебе лучше знать.

— Нет,— продолжал Вилья,— я предоставляю решать тебе. Эти люди хотели прервать сообщение между Чиуауа и Хуаресом. Они предатели — федералисты. Как быть с ними? Расстрелять их или нет?

— Ну что ж, расстреляй,— сказала миссис Вилья.

Он весело рассмеялся.

— А ведь в том, что вы говорите, есть правда,— заметил он, обращаясь ко мне, и много дней после этого расспрашивал горничных и кухарку, кого они хотели бы иметь президентом Мексики.

Он не пропускает ни одного боя быков, и каждый день в четыре часа его можно видеть на площадке для боя петухов, куда он выпускает своих собственных бойцов и следит за ними с увлечением маленького мальчика. По вечерам он играет в фаро в каком-нибудь игорном зале. Иногда около полудня он посылает нарочного за матадором Луисом Леоном и лично звонит на городскую бойню, спрашивая, нет ли у них свирепого быка. Такой бык почти всегда находится, и мы все быстро садимся на коней и галопом мчимся по улицам к бойням. Двадцать ковбоев отгоняют быка от стада, связывают его, бросают на землю и спиливают острые рога. Затем Вилья, Луис Леон и все желающие берут красные плащи и вступают в круг. Луис Леон движется с профессиональной осторожностью, а Вилья, упрямый и неуклюжий, как бык, ходит медленно, зато его торс и руки неимоверно подвижны. Вилья идет прямо на разъяренное животное и, сложив плащ, дерзко хлопает его по морде, и начинается получасовая забава, лучше которой мне редко приходилось видеть. Иногда бык упирается лбом в спину Вильи, бешено толкает его перед собой по арене; тогда Вилья изворачивается, хватает быка за голову и, весь обливаясь потом, борется с ним, пока человек шесть compañeros не хватают быка за хвост и не оттаскивают его назад, хотя он ревет и роет копытами землю.

Вилья не пьет и не курит, зато он может переплясать самого пылкого novio[1] в Мексике. Когда армия Вильи наступала на Торреон, то по дороге он остановился в Камарго, где был

[1] Жениха *(исп.)*.

шафером на свадьбе одного из своих старых compadres. Говорят, он проплясал там почти без перерыва всю ночь с понедельника на вторник, весь день и вечер во вторник и в среду утром прибыл на фронт с налитыми кровью глазами и крайне усталым видом.

ГЛАВА V
ПОХОРОНЫ АВРААМА ГОНСАЛЕСА

Вилья ненавидит всякие пышные и ненужные церемонии, и поэтому любое его публичное выступление производит сильное впечатление. Он обладает необыкновенной способностью выражать чувства народных масс. В феврале, в день первой годовщины убийства федералистами губернатора Авраама Гонсалеса в каньоне Бачимба, Вилья отдал приказ устроить погребальную церемонию в городе Чиуауа. Два поезда с армейскими офицерами, консулами и представителями иностранной колонии должны были отбыть из Чиуауа рано утром, чтобы привезти тело убитого губернатора, покоившееся под грубым деревянным крестом в пустыне. Вилья отдал распоряжение майору Фиерро, своему директору железных дорог, приготовить поезда, но Фиерро напился и совершенно забыл о приказе, так что когда на следующее утро на станцию прибыл Вилья со своим блестящим штабом, единственным поездом там оказался обыкновенный пассажирский поезд, через несколько минут отходивший в Хуарес. Вилья на ходу вскочил на паровоз и заставил машиниста подать состав обратно. Затем он сам прошел по вагонам, приказал пассажирам выйти, а поезд направил в Бачимбу. Как только поезд отошел, Вилья вызвал к себе Фиерро, сместил его с должности директора железных дорог и на его место назначил Кальсадо, которому приказал немедленно отправиться в Чиуауа и ко времени его возвращения узнать все, что полагается знать о железных дорогах.

В Бачимбе Вилья безмолвно стоял перед могилой, слезы текли у него по щекам. Гонсалес был его близким другом. Десять тысяч человек, несмотря на духоту и пыль, ожидали на вокзале Чиуауа траурный поезд и, когда он прибыл, со слезами на глазах провожали покойника по узким улицам. Вилья шел впереди воинских частей, рядом с катафалком. Ему был подан автомобиль, но он сердито отказался сесть в него и упрямо брел по пыли, потупив глаза в землю.

Вечером в «Театре Героев», до отказа набитом впечатлительными пеонами и их женами, состоялась velada. Кольцо лож блестело парадными мундирами офицеров, а выше все пять балконов были забиты оборваной беднотой. Velada — самобытный мексиканский обычай. Сперва произносится речь, кто-нибудь играет на рояле, потом новая речь, за которой следует патриотическая песня, исполняемая пискливым хором робеющих школьниц-индианок, затем опять речь и соло из «Трубадура» в исполнении жены какого-нибудь чиновника, потом еще речь, и так не менее пяти часов. Всякий раз, когда хоронят какое-нибудь видное лицо, во время национальных праздников в честь годовщины вступления на пост президента или еще по какому-нибудь подобному же поводу обязательно устраивается velada. Это наиболее принятый и торжественный способ отмечать важные события.

Вилья сидел в левой литерной ложе и руководил всей процедурой, позванивая колокольчиком. Сцена была великолепна в своем безобразии: черные траурные полотнища, огромные букеты искусственных цветов, отвратительные раскрашенные фотографии Мадеро, Пиньо Суареса и самого убитого губернатора, а также красные, белые и зеленые электрические лампы. И где-то внизу подо всем этим стоял маленький черный ящик, в котором покоились останки Авраама Гонсалеса.

Velada, неторопливая и утомительная, шла своим чередом около двух часов. Местные ораторы, смущаемые обращенными на них тысячами глаз, декламировали приличные случаю пышные кастильские фразы, маленькие девочки, переминаясь с ноги на ногу, убили «Прощание» Тости. Вилья сидел, устремив взгляд на черный гроб, не шевелясь и не произнося ни слова. Когда было нужно, он машинально звонил в колокольчик, но в конце концов он не выдержал. Когда какой-то тучный мексиканец огромного роста исполнял на рояле «Ларго» Генделя, Вилья вдруг вскочил, перекинул ногу через барьер ложи, спрыгнул на сцену, опустился на колени и поднял гроб. Генделевский «Ларго» смущенно смолк. Театр онемел, парализованный удивлением. Нежно, словно мать ребенка, обнимая черный гроб, не глядя ни на кого, Вилья направился по ступенькам в проход театра. Все зрители, как по уговору, встали и, когда Вилья вышел на площадь, безмолвно последовали за ним. Стуча волочившейся по земле саблей, он прошел между шеренгами ожидавших снаружи солдат и направился к губернаторскому дворцу, где и поставил гроб на приготовленный для него усыпанный цветами стол в приемном зале. Было постановлено, что

четыре генерала по очереди будут нести у гроба почетный караул, каждый по два часа. Свечи бросали слабый свет на стол, освещая лишь небольшой круг; весь остальной зал тонул во мраке. Двери были забиты безмолвной толпой, слышно было лишь дыхание множества людей. Вилья отстегнул саблю и швырнул в угол, она с лязгом упала на пол. Затем он взял со стола свою винтовку и первым встал в почетный караул.

ГЛАВА VI

ВИЛЬЯ И КАРРАНСА

Для тех, кто не знает Вилью, покажется невероятным, что этот замечательный человек, в течение трех лет из провинциального бандита ставший первым лицом в Мексике, не испытывает ни малейшего желания стать президентом. Но это находится в полном соответствии с простотой его характера. Когда его спросили об этом, он ответил с присущей ему прямолинейностью, не вдаваясь в рассуждения, может или не может он быть президентом.

— Я солдат, а не государственный деятель,— сказал он.— Я недостаточно образован, чтобы быть президентом. Я научился читать и писать только два года назад. Разве я сумею, никогда нигде не учившись, разговаривать с иностранными послами и образованными господами в парламенте? Плохо придется Мексике, если во главе ее правительства станет необразованный человек. Я никогда не займу поста, для которого не гожусь. Даже если бы мой jefe (Карранса), все приказы которого я всегда в точности выполнял и буду выполнять, приказал мне стать президентом или губернатором, я и то отказался бы.

От имени моей газеты мне пришлось задать ему этот вопрос раз пять или шесть. Наконец он вышел из себя:

— Я вам без конца повторял, что никогда не буду президентом. Может быть, газеты хотят поссорить меня с моим jefe? Запомните, я в последний раз отвечаю на этот вопрос. Следующего корреспондента, который меня об этом спросит, я прикажу отшлепать и выслать из пределов Мексики.

В течение нескольких дней после этого он шутливо ругал chatito (курносого), который приставал к нему с вопросом, хочет или не хочет он быть президентом. Такая мысль ему казалась потешной. Каждый раз, когда я приходил к нему после этого, он неизменно спрашивал меня в конце беседы:

Tú,
¿que has hecho
por defender las
conquistas por
las que nosotros
dimos la vida?

«Восставшая Мексика»
С линогравюры А. Бустоса

— А разве сегодня вы не спросите меня, хочу или не хочу я быть президентом?

Вилья всегда называет Каррансу «мой jefe» и безоговорочно повинуется малейшему приказу «первого вождя революции». Его преданность Каррансе граничит с упрямством. Он видит в Каррансе воплощение всех идеалов революции, хотя многие его советники пытались втолковать ему, что Карранса — по преимуществу аристократ и сторонник реформ, а народ борется не за простые реформы.

В политической программе Каррансы, сформулированной в Гваделупском плане, тщательно обойден вопрос разделения земли, если не считать неопределенного подтверждения выдвинутого Мадеро плана Сан-Луис-Потоси, и вполне очевидно, что Карранса не намерен отстаивать передачу земли народу, пока не будет назначен временным президентом — да и тогда он начнет действовать с большой осторожностью. А пока он предоставил земельный вопрос на усмотрение Вильи, равно как и другие частности проведения революции на севере. Но Вилья, сам пеон, как и все пеоны, безотчетно чувствовал, что главная причина революции — земля, и он начал действовать с характерной для него прямотой и поспешностью. Тотчас же после образования правительства в штате Чиуауа и назначения Чао временным губернатором он издал прокламацию, объявлявшую, что все население штата мужского пола получает из конфискованных поместий по шестьдесят два акра земли на душу и что эта земля ни под каким видом не подлежит отчуждению в течение десяти лет. В штате Дуранго Вилья разрешил земельный вопрос точно таким же образом, и нет сомнения, что он будет держаться этой политики и в других штатах, по мере очищения их от федеральных гарнизонов.

ГЛАВА VII

ПРАВИЛА ВОЙНЫ

Вилье пришлось также выработать свои собственные методы ведения войны, ибо он никогда не имел возможности познакомиться с общепринятой военной стратегией. В этом отношении он, несомненно, величайший полководец, которого когда-либо видела Мексика. Его военная тактика удивительно напоминает тактику Наполеона. Тайна, быстрота передвижения, приноравливание своих планов к характеру страны и сол-

дат, близость к рядовым и умение убедить противника в непобедимости своей армии и в том, что его жизнь заколдована,— вот что характеризует Вилью-полководца. Он совершенно незнаком с общепринятыми европейскими понятиями стратегии и дисциплины. Одна из слабых сторон мексиканской федеральной армии заключается в том, что ее офицеры до мозга костей пропитаны европейской военной теорией. Мексиканский солдат по своему духовному складу все еще воин конца восемнадцатого века. Он прежде всего свободный, своевольный партизан. Бюрократические формальности просто-напросто парализуют военную машину. Когда армия Вильи идет в бой, ей не мешают такие вещи, как отдавание чести и строгое чинопочитание, тригонометрические вычисления траекторий снарядов, теория о процентном отношении попаданий па тысячу выстрелов, распределение функций кавалерии, пехоты и артиллерии и строжайшее подчинение ничего не объясняющему командованию. Армия Вильи напоминает оборванную республиканскую армию французов, которую Наполеон повел в Италию. Сам Вилья, конечно, тоже мало разбирается во всей этой военной премудрости. Но он прекрасно понимает, что солдат-партизан нельзя слепо гнать в бой стройными рядами, что солдаты, сражающиеся каждый по-своему и по своей собственной воле, проявляют гораздо больше храбрости, чем засевшие в траншеях стрелки, которых офицеры бьют ножнами, чтобы они вовремя давали залпы. А когда бой особенно горяч, когда оборванная толпа разъяренных смуглых солдат с гранатами и винтовками в руках мчится под градом пуль по улицам только что взятого города, тогда Вилья с ними и дерется, как рядовой боец.

До того дня, когда на сцену выступил Вилья, мексиканские армии всегда возили за собой сотни солдатских жен и детей. Вилья первый ввел форсированные марши кавалерии, оставившей жен и детей в тылу. До него мексиканская армия никогда не покидала своей базы, она всегда держалась вблизи железной дороги и поездов с продовольствием. Но Вилья привел неприятеля в панику тем, что оставил поезда далеко позади и все свои силы бросил в бой, как он сделал это при Гомес-Паласио. Он первый в Мексике придумал ночную атаку — наиболее деморализующий неприятеля род боя.

В прошлом сентябре, после падения Торреона, когда Вилья, отступив перед Ороско, отвел свою армию из города Мехико и в течение пяти дней безуспешно атаковал Чиуауа, федеральный генерал был потрясен, проснувшись однажды утром и узнав, что Вилья под покровом ночи обошел город, захватил

товарный поезд в Террасасе и со всей своей армией обрушился на плохо защищенный Хуарес. Разве так делают? Вилья обнаружил, что у него не хватит паровозов и вагонов, чтобы перебросить всех своих солдат, хотя он и захватил воинский поезд федералистов, посланный на юг генералом Кастро, командующим федеральной армией в Хуаресе. И вот он посылает этому генералу за подписью полковника, начальника захваченного поезда, телеграмму следующего содержания: «Паровоз вышел из строя в Монтесуме. Пришлите другой паровоз и пять вагонов». Ничего не подозревавший Кастро немедленно послал новый поезд. Тогда Вилья телеграфировал ему: «Провода в Чиуауа перерезаны. Крупные силы повстанцев наступают с юга. Что мне делать?» Кастро ответил: «Немедленно возвращайтесь назад». И Вилья повиновался, посылая ободряющие депеши с каждой станции по пути. Командир федеральных войск спохватился всего лишь за час до прибытия Вильи и немедленно бежал из города, даже не поставив в известность об этом гарнизон, в результате чего, если не считать небольшой резни, Вилья взял Хуарес почти без единого выстрела. И так как граница была совсем близко, то ему удалось провезти контрабандным путем достаточно оружия и боеприпасов, чтобы снабдить ими свои почти безоружные части, и неделю спустя он выступил в поход и разгромил преследовавшие его силы федералистов, устроив им горячую баню в Тьерра-Бланке.

Генерал Хью Скотт, начальник американского гарнизона в форте Блисс, прислал Вилье небольшую брошюру, содержащую «Правила войны», принятые на Гаагской конференции. Вилья часами просиживал над этой брошюрой. Она страшно его интересовала и потешала.

— Что такое эта Гаагская конференция? — спрашивал он меня.— Присутствовал ли на ней представитель Мексики? Был ли там представитель конституционалистов? Я не понимаю, как это можно вести войну, руководясь правилами. Ведь это не игра. И какая вообще разница между войной цивилизованных стран и всякой другой войной? Если мы с вами подеремся в кабаке, так не станем же мы сперва заглядывать в какую-то книжечку и изучать правила. Здесь говорится, что нельзя пользоваться свинцовыми пулями, но я не могу понять почему. Это хорошие пули.

Долго еще Вилья задавал своим офицерам вопросы, вроде следующего:

— Если наступающая армия захватывает неприятельский город, то как нужно поступать с женщинами и детьми?

Насколько я мог наблюдать, «Правила войны» не оказали никакого влияния на манеру Вильи вести войну. Захваченных в плен colorados он неизменно расстреливал, потому что, говорил он, они пеоны, такие же, как и солдаты революции, а если пеон добровольно выступил против дела свободы, значит, он скверный человек.

Федеральных офицеров он также расстреливал, потому что, объяснял он, они образованные люди, а следовательно, должны понимать, какой стороны держаться. Но федеральных рядовых солдат он отпускал на все четыре стороны, потому что в большинстве случаев их мобилизовали насильно и они считали, что сражаются за отечество. Нельзя привести ни одного случая, когда он убил бы человека ради развлечения. И всякого, кто делал это, он немедленно расстреливал,— за исключением Фиерро.

Фиерро, убивший Бентона, был известен в армии под кличкой «Мясник». Это было огромное красивое животное, лучший наездник и самый неустрашимый и жестокий вояка во всей армии. Охваченный свирепой жаждой крови, Фиерро иногда расстреливал из револьвера по сто человек пленных подряд, останавливаясь лишь затем, чтобы перезарядить револьвер. Он убивал ради удовольствия убивать. За две недели моего пребывания в Чиуауа Фиерро хладнокровно расстрелял пятнадцать человек мирных жителей. И все-таки между ним и Вильей существовала какая-то странная дружба. Вилья любил его, как сына, и все прощал ему.

Но несмотря на то что Вилья никогда не слыхал о «Правилах войны», его армия — первая и единственная в Мексике, имеющая мало-мальски сносный полевой госпиталь. Этот госпиталь состоит из сорока товарных вагонов, выкрашенных внутри белой масляной краской. Он снабжен операционными столами и всеми новейшими хирургическими инструментами и обслуживается семьюдесятью докторами и медицинскими сестрами. Каждый день, во время сражения, пригородные поезда с тяжелоранеными направлялись с фронта к тыловым госпиталям в Паррале, Хименесе и Чиуауа. Раненым федералистам уделялось не меньше внимания, чем своим. Впереди интендантского поезда шел другой, с двумя тысячами мешков муки, кукурузой, сахаром, кофе и папиросами. Все это распределялось среди голодающего населения прилегающих к Дуранго и Торреону местностей.

Простые солдаты обожают Вилью за храбрость и грубоватый юмор. Не раз мне приходилось видеть, как он, лежа на койке в своем красном вагончике, обменивался дружескими шутками с двумя десятками оборванных солдат, расположив-

шихся на полу, на стульях и столах. Когда войска грузились или выгружались, Вилья всегда лично присутствовал при этом: в старом грязном мундире, без воротничка, он толкал и пинал ногой мулов и лошадей, выгружая их из вагона или втаскивая в вагон. Когда его вдруг одолевала жажда, он хватал фляжку какого-нибудь солдата и осушал ее, несмотря на гневный протест владельца, а потом говорил ему, чтобы он отправился на реку и сказал, что Панчо Вилья велел ему набрать там воды.

ГЛАВА VIII
МЕЧТА ПАНЧО ВИЛЬИ

Может быть, небезынтересно будет познакомиться со страстной мечтой этого невежественного вояки, который «недостаточно образован, чтобы быть президентом Мексики». Он однажды изложил ее мне в следующих словах:

— Когда Мексика станет новой республикой, армия будет распущена. Всякая тирания держится на армии. Ни один диктатор не может существовать без армии. Мы дадим солдатам работу. По всей республике мы учредим военные колонии из ветеранов революции. Государство даст им землю и, кроме того, создаст много крупных промышленных предприятий, чтобы им было где работать. Три дня в неделю они будут работать, и работать изо всех сил, потому что честный труд важнее всякой войны и только труд делает человека хорошим гражданином. Остальные три дня они будут сами учиться военному искусству, а также учить народ владеть оружием. И тогда, если наша родина окажется под угрозой вторжения неприятеля, нам достаточно будет позвонить из столицы по телефону во все концы страны, и весь народ, как один человек, бросив поля и фабрики, организованно, с оружием в руках, выступит на защиту своих очагов и детей. Я мечтаю о том, чтобы дожить свою жизнь в одной из таких военных колоний, среди моих compañeros, которых я люблю и которые претерпели вместе со мной столько лишений и страданий. И будет совсем хорошо, если будущее правительство откроет в нашей колонии кожевенный завод, где мы могли бы изготовлять хорошие седла и уздечки, потому что я знаком с этим делом, а остальное время мне хотелось бы работать на своей маленькой ферме — разводить скот. Хорошо помогать Мексике стать счастливой страной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ХИМЕНЕС И ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД

ГЛАВА I
ГОСТИНИЦА ДОНЬИ ЛУИСЫ

Я выехал из Чиуауа с воинским поездом, направлявшимся на юг, где вблизи Эскалона армия готовилась перейти в наступление. Позади пяти товарных вагонов, набитых лошадьми, с солдатами на крышах, был прицеплен пассажирский вагон, в котором разрешили ехать мне с сотней шумных pacificos обоего пола. Вагон этот навевал самые мрачные мысли: окна были выбиты, зеркала, лампы и плюш сорваны, стенки во многих местах походили на решето. Время отхода поезда не было установлено, и никто не знал, когда мы прибудем на место. Железную дорогу только что восстановили. В тех местах, где раньше были мосты, мы ныряли в овраги и потом взбирались на противоположный берег — паровоз пыхтел и хрипел, а только что проложенные рельсы дрожали и прогибались. По обе стороны пути на всем протяжении лежали изогнутые, изломанные рельсы, сорванные в прошлом году при помощи цепи и паровоза методичным Ороско. Разнесся слух, что бандиты Кастильо собираются взорвать наш поезд...

Все места и проходы были забиты пеонами в огромных соломенных сомбреро, закутанными в выцветшие и ставшие красивыми серапе, индейцами в синих рабочих блузах и сандалиях из сыромятной кожи, женщинами в черных шалях и орущими младенцами. Пассажиры пели, ели, плевали, болтали.

Иногда по вагону проходил, пошатываясь, пьяный оборванец в форменной фуражке, на которой потемневшими золотыми буквами было написано: «Проводник». Он то и дело обнимал своих знакомых и строго требовал билеты и пропуска у незнакомых. Я завязал с ним знакомство при помощи небольшого подарка, заключавшегося в нескольких денежных знаках американского образца. Он сказал:

— Сеньор! Теперь вы можете путешествовать бесплатно по всей республике. Хуан Альгомеро к вашим услугам.

В дальнем конце вагона сидел офицер в новеньком мундире, с саблей на боку. Он заявлял, что направляется на фронт, чтобы сложить там голову за отечество. Весь его багаж состоял из четырех деревянных клеток с жаворонками. Невдалеке от него сидели двое мужчин с полотняными мешками в руках, внутри которых что-то шевелилось и клохтало. Как только поезд тронулся, мешки были развязаны, и из них выскочили два здоровенных петуха, которые начали расхаживать по полу, подбирая крошки и окурки. Владельцы принялись выкрикивать: «Сеньоры! Бой петухов, бой петухов! Ставьте пять песо на этого прекрасного, храброго петуха! Пять песо, сеньоры!» Мужчины сразу оставили свои места и начали проталкиваться поближе к петухам. Все согласны были заплатить требуемые деньги. Через десять минут владельцы петухов, встав на колени, уже выпускали птиц друг на друга. И в то время как поезд шел вперед, покачиваясь из стороны в сторону, летя в пропасти и тяжело поднимаясь на крутые склоны, в проходе нашего вагона катался клубок перьев и блестящих стальных шпор.

Когда бой закончился, на середину вышел одноногий юноша и сыграл «Свистуна Руфуса» на жестяной дудочке. У кого-то оказалась кожаная бутылка tequila, к которой мы все приложились по очереди. В одном конце вагона закричали: «Vámonos a bailar! Давайте танцевать!» И через мгновенье пять пар — конечно, все мужчины — уже отплясывали тустеп. Слепому старику крестьянину помогли встать на сиденье, и он дрожащим голосом пропел длиннейшую балладу о подвигах великого генерала Макловио Эррера. Все, притихнув, внимательно слушали и бросали медяки в сомбреро старика. Изредка до нас доносилось пение солдат, ехавших впереди на крышах вагонов, и звуки выстрелов, когда солдаты открывали стрельбу по койоту, пробиравшемуся в кустах мескита. Тогда в нашем вагоне все тоже бросались к окнам, выхватывали револьверы и принимались рьяно палить по зверю.

Весь день мы медленно подвигались к югу; лучи вечернего солнца обжигали нам лица. Почти каждый час мы останавливались на какой-нибудь станции, разрушенной до основания снарядами той или другой армии за три года революции; тут наш поезд осаждали бесчисленные продавцы папирос, фисташек, молока, camotes и tamales, завернутых в листья кукурузы. Старухи, судача меж собой, выходили из вагона, раскладывали костры и кипятили кофе. Присев на корточки у костров, они курили папиросы, свернутые из листьев кукурузы, и рассказывали друг другу бесконечные любовные истории.

Был уже поздний вечер, когда мы наконец прибыли в Хименес. Я протолкался сквозь густую толпу горожан, высыпавших встречать поезд, прошел мимо факелов, пылавших над лотками со сладостями, и направился по улице, где гуляли под руку пьяные солдаты и накрашенные женщины, к гостинице доньи Луисы. Гостиница оказалась запертой. Я постучал в дверь. Открылось небольшое окошечко, и из него высунулась седая голова древней старухи. Посмотрев на меня сквозь очки в стальной оправе, старуха проворчала: «Ну, тебя, кажется, можно впустить!» Загремели железные засовы, и дверь открылась. Предо мной предстала сама донья Луиса с огромной связкой ключей на кожаном поясе. Она тащила за ухо здоровенного китайца, осыпая его отборной испанской бранью.

— Chango! — кричала она.— Как ты смеешь говорить гостю, что у нас нет больше горячих лепешек? А почему ты не зажарил больше? Собирай свои грязные тряпки и уходи вон отсюда, скотина!

Еще раз сильно дернув свою жертву за ухо, она отпустила его.

— Черт бы побрал этих проклятых язычников! — заявила она по-английски.— Грязные нищие! Чтобы мне дерзил какой-то паршивый китаец, который живет целый день на горсти риса!

Указав на дверь, она с виноватой улыбкой сказала:

— Сегодня тут шляется столько пьяных генералов, что мне пришлось запереть дверь. Я не хочу, чтобы ко мне заходила всякая... мексиканская сволочь!

Донья Луиса — маленькая толстая старуха. Она американка, и ей лет восемьдесят с лишним. Она живет в Мексике уже сорок пять лет. Лет тридцать назад, когда умер ее муж, она открыла гостиницу при станции. Война или мир — для нее все равно. Над дверью у нее развевается американский

флаг, и в своем доме она никому не позволяет хозяйничать. Когда Паскуаль Ороско взял Хименес, его пьяные солдаты совсем терроризировали жителей. Сам Ороско — непобедимый, свирепый Ороско, для которого убить человека пустяк, в компании двух офицеров и нескольких женщин подошел к дверям гостиницы в стельку пьяный. Донья Луиса — одна — заслонила дверь и, потрясая кулаком перед лицом Ороско, закричала:

— Паскуаль Ороско! Забирай свою беспутную компанию и убирайся отсюда! Я пускаю в свою гостиницу только приличных людей!

И Ороско ушел...

ГЛАВА II

DUELO A LA FREGADA[1]

Я бродил по длинной, невероятно запущенной улице, которая ведет в город. Проехала конка, запряженная одним мулом и набитая подвыпившими солдатами. Мимо проносились открытые коляски, в которых сидели офицеры с женщинами на коленях. Под пыльными голыми деревьями аламо в каждом окне торчала сеньорита; внизу, закутавшись в плед, стоял ее caballero. Фонарей не было. Ночь была сухая, холодная и полная неуловимой экзотики: во мраке бренчали гитары, слышался смех, обрывки песен и тихий шепот; с дальних улиц доносились крики. Изредка из тьмы появлялись группы пехотинцев или отряды всадников в высоких сомбреро и серапе, наброшенных на плечи, и тут же снова растворялись в ней,— всего вероятнее, происходила смена караулов.

Когда я проходил по тихому кварталу вблизи арены, где не было домов, я заметил автомобиль, мчавшийся из города. Навстречу ему скакал всадник, и когда он подъехал ко мне, фары машины осветили меня и всадника, молодого офицера в широкополой шляпе. Заскрипели тормоза, автомобиль остановился, и сидевший в нем закричал:

— Alto ahí! [2]

— Кто говорит? — спросил всадник, поднимая своего коня на дыбы.

— Я, Гусман! — И из автомобиля выскочил человек, оказавшийся на свету толстяком мексиканцем со шпагой на боку.

---

[1] Лихая дуэль *(исп.)*.
[2] Стой! *(исп.)*

— Cómo le va, mi capitan? [1]

Офицер мгновенно соскочил с лошади. Они обнялись, хлопая друг друга по спине обеими руками.

— Прекрасно! А вы? Куда едете?

— К Марии.

Капитан расхохотался.

— Не советую,— сказал он.— Я сам собираюсь поехать к Марии, и если застану вас там, то застрелю на месте.

— Но я все-таки поеду. Я стреляю не хуже вас, сеньор.

— Но согласитесь,— сказал капитан кротко,— что нам обоим там делать нечего!

— Несомненно!

— Oiga! — крикнул капитан своему шоферу.— Поверни машину так, чтобы свет падал ровно вдоль тротуара... А теперь мы разойдемся на тридцать шагов и станем спиной друг к другу, пока ты не сосчитаешь до трех. Потом кто из нас первый прострелит другому шляпу, тот и будет победителем...

Оба вынули огромные револьверы и начали быстро вращать барабаны.

— Listo! Готов! — закричал всадник.

— Быстрей, быстрей! — сказал капитан.— Мешать любви всегда опасно.

Спина к спине, они начали расходиться.

— Раз! — крикнул шофер.

— Два!

При дрожащем, неверном свете фар толстяк вдруг круто повернулся на каблуках, рука его мелькнула в воздухе, и в густой ночной тишине прогрохотал выстрел, широкополая соломенная шляпа всадника, который еще не повернулся, смешно запрыгала в десяти шагах от него. Всадник повернулся как ужаленный, но капитан уже садился в автомобиль.

— Bueno! [2] — весело закричал он.— Я победил. До завтра, amigo!

Автомобиль рванул и скрылся в темноте. Всадник медленно направился к тому месту, где лежала его шляпа, поднял ее и начал осматривать. С минуту он стоял, о чем-то раздумывая, затем неторопливо подошел к своему коню, спокойно сел в седло и уехал. Я уже шел своей дорогой...

---

[1] Как поживаете, капитан? *(исп.)*

[2] Хорошо! *(исп.)*

На площади полковой оркестр играл «Эль Пагаре» — песню, которой начался переворот Ороско. Это была пародия, в которой рассказывается о том, как Мадеро, сделавшись президентом, тотчас потребовал выплаты своей семье военных издержек в сумме семисот пятидесяти тысяч долларов. Песня эта пронеслась по всей республике, как лесной пожар, и потребовалось вмешательство полиции и военных властей, чтобы запретить ее. «Эль Пагаре» даже до сих пор в большинстве революционных кругов считается запретной, и я слыхал, что за нее расстреливали, но в Хименесе в то время господствовала полная свобода. Кроме того, мексиканцы, не в пример французам, совершенно равнодушно относятся ко всяческим символам. Смертельно ненавидящие друг друга противники пользуются одним и тем же флагом; почти в каждом городе на площади до сих пор стоят статуи Порфирио Диаса; даже в кругу офицеров на фронте мне часто приходилось пить из стакана с изображением бывшего диктатора, а революционные солдаты сплошь и рядом носят мундиры федералистов.

Но «Эль Пагаре» — удивительно четкая, бойкая мелодия, и при свете сотен электрических лампочек, висевших на проволоке, по площади ритмично двигались два огромных круга. В наружном, группами по четыре, шагали мужчины, по большей части солдаты. Во внутреннем, в противоположную сторону, двигались девушки, взявшись под руку. Гуляющие осыпали друг друга конфетти. При этом не разговаривали, не останавливались, но стоило девушке приглянуться мужчине, он совал ей в руку любовную записочку, и если и он нравился ей, она отвечала ему улыбкой. Так завязывалось знакомство. А потом девушка как-нибудь сообщит caballero свой адрес, за этим последуют длинные разговоры в темноте у ее окна, а потом они станут любовниками. Передача записочек — очень щекотливое дело. Каждый мужчина вооружен и ревниво охраняет свою девушку. Передать записочку чужой возлюбленной значит рисковать жизнью... Толпа весело двигалась в такт пьянящей музыке.

За площадью чернели руины магазина Маркоса Рассека, который эти солдаты разграбили всего две недели назад, а по другую сторону среди огромных деревьев и фонтанов возвышался древний розовый собор, где над входом сверкала ярко освещенная вывеска из железа и стекла: «Санто-Кристо де Бургос».

Здесь, у края площади, я заметил пятерых американцев, сбившихся в кучку на скамье. Они были оборваны до невероят-

пости — все, кроме одного, худощавого юноши в крагах и мундире федерального офицера, на голове у него была мексиканская шляпа без тульи. Из дыр в башмаках вылезали пальцы, лишь у двоих на ногах было что-то похожее на носки, все были небриты. Один из них, совсем еще мальчик, носил руку на перевязи из рваного одеяла. Они с радостью подвинулись, давая мне место на скамейке, потом окружили меня, восторженно крича, как все-таки хорошо, когда встречаешь еще одного американца среди всех этих «проклятых мексикашек».

— А что вы, ребята, делаете здесь? — спросил я.

— Мы солдаты наживы! — сказал парнишка с раненой рукой.

— Как же...— прервал его другой.— Солдаты!

— Дело вот в чем,— начал юноша с военной выправкой.— Мы сражались все время в Сарагосской бригаде... принимали участие в бою при Охинаге и так далее. А теперь Вилья вдруг издает приказ уволить всех американцев из армии и отправить их к границе. Вот какая чертовщина!

— Вчера вечером нас почетным образом уволили из армии и выбросили из бараков,— сказал рыжий солдат с одной ногой.

— И нам негде ночевать и нечего жрать,— вставил свое слово парень небольшого роста с серыми глазами, которого все величали «майором».

— Ты не вздумай еще попрошайничать у земляка! — с возмущением сказал солдат.— Разве нам не выдадут утром по пятьдесят мексиканских долларов?

Мы на время прервали беседу и отправились в ближайший ресторанчик. По возвращении я спросил их, что они намерены делать.

— Мне подавай только Соединенные Штаты! — сказал красивый смуглый ирландец, который до сих пор хранил молчание.— Я вернусь обратно во Фриско и буду опять работать шофером. Надоели мне эти черномазые мексиканцы, их дрянная жратва и их драки.

— Меня два раза с почетом увольняли из армии Соединенных Штатов,— гордо сказал юноша с военной выправкой.— Я участвовал в испанской войне. Я единственный солдат среди этого сброда.— Его товарищи насмешливо усмехнулись и выругались.— Пожалуй, я снова пойду в армию, когда доберусь до границы.

— Мне это не подходит,— сказал одноногий.— Меня обвиняют в двух убийствах. Но, клянусь богом, все было под-

строено, а я ни в чем не виноват. Но бедняку в Штатах не верят. Если меня не тянут в тюрьму по ложному обвинению, то сажают туда за «бродяжничество». А какой я бродяга,— добавил он горячо,— я рабочий человек, труженик, только никак не могу получить работу.

«Майор» повернул к нему жестокое лицо и жестокие глаза.

— Я бежал из исправительной колонии в Висконсине,— сказал он,— и в Эль-Пасо меня ждут фараоны. Мне всегда хотелось убить кого-нибудь из револьвера, и мне удалось это в Охинаге, но мне еще мало. Говорят, что нас не отправят за границу, если мы станем мексиканскими подданными. Я хочу завтра подписать прошение.

— Черта с два ты это сделаешь! — закричали его товарищи.— Это уже подлость. А вдруг Штаты объявят интервенцию, и тогда тебе придется стрелять в своих. Я ни за что на свете не согласился бы стать мексикашкой.

— А это легко поправить,— сказал «майор».— Когда для меня придет время вернуться в Штаты, я уеду туда под другим именем. Я буду жить здесь только до тех пор, пока не накоплю денег, чтобы вернуться на родину, в Джорджию и открыть фабрику с применением детского труда.

Другой вдруг заплакал.

— Мне прострелили руку во время боя в Охинаге,— всхлипнул он,— а теперь меня вышвыривают вон без гроша за душой, а я не могу работать. Когда я доберусь до Эль-Пасо, полиция арестует меня, и мне придется писать отцу, чтобы он приехал за мной и увез домой, в Калифорнию. Я сбежал оттуда в прошлом году,— пояснил он.

— Послушайте, «майор»,— сказал я,— не стоит вам оставаться здесь, если Вилья не хочет, чтобы в армии служили американцы. Если вы даже станете мексиканским подданным, это вам нисколько не поможет в случае интервенции.

— Быть может, вы и правы,— сказал «майор», подумав.— Хватит тебе реветь, Джек! Я, пожалуй, поеду в Гальвестон, а там сяду на пароход и уеду в Южную Америку. Говорят, в Перу началась революция.

Солдату было лет тридцать, ирландцу — лет двадцать пять, а остальным троим — от шестнадцати до восемнадцати.

— А зачем вы, ребята, ехали сюда? — спросил я.

— Чтобы поискать приключений! — с усмешкой ответили солдат и ирландец. Трое юношей посмотрели на меня, и их

исхудавшие от голода и перенесенных лишений лица вдруг оживились.

— Чтобы нажиться! — сказали они в один голос.

Я взглянул на их лохмотья, на гулявших по площади оборванных добровольцев, которые не получали своего содержания уже несколько месяцев, и насилу удержался от смеха.

Вскоре я расстался с ними — с расчетливыми, холодными людьми, лишними в этой стране страстей, презиравшими то дело, за которое сражались, издевавшимися над веселым характером неукротимых мексиканцев. И, уходя, я спросил:

— Между прочим, ребята, в какой части вы состоите? Как вы себя называете?

— Иностранный легион! — ответил мне рыжий.

И здесь я должен прямо сказать, что все «солдаты наживы», которых мне доводилось встречать, все, за одним исключением (а это был ученый сухарь, изучавший действие взрывчатых веществ на полевые орудия), были бы у себя на родине бродягами.

Когда я наконец вернулся к себе в гостиницу, была уже поздняя ночь. Донья Луиса пошла приготовить мне постель, а я на минуту зашел в бар. Там было трое военных, по-видимому офицеров, один из них был уже сильно пьян. На его изрытом оспой лице чернели усики, глаза дико блуждали. Увидев меня, он затянул очень приятную песенку:

Yo tengo una pistola
Con mango de marfil
Para matar todos los gringos
Que vienen por ferrocarril!

(У меня есть пистолет с ручкой из слоновой кости, чтобы убивать всех американцев, которые приедут по железной дороге.)

Я счел за благо поскорее уйти, так как трудно сказать, что может сделать мексиканец, когда он пьян. Темперамент его слишком сложен.

Донью Луису я застал у себя в номере. Таинственно приложив палец к губам, она закрыла дверь и достала из-за пазухи весьма потрепанный номер «Сатердей ивнинг пост».

— Достала это для вас из несгораемого шкафа,— сказала она.— Самая дорогая вещь в доме. Американцы, ехавшие на рудники, давали мне за этот журнал пятнадцать долларов. Вот уже больше года, как мы перестали получать американские журналы.

ГЛАВА III

ЧАСЫ-СПАСИТЕЛИ

После такого предисловия я не мог не прочитать этот драгоценный журнал, хотя и читал его раньше. Я зажег лампу, разделся и лег в постель. Но в это время в коридоре послышались чьи-то нетвердые шаги и моя дверь с шумом распахнулась: на пороге стоял офицер с изрытым оспой лицом, который пил в баре. В одной руке он держал огромный револьвер. Секунду он стоял на пороге, злобно щуря на меня глаза, потом шагнул вперед и захлопнул дверь.

— Я, лейтенант Антонио Монтойя, к вашим услугам,— сказал он.— Я слыхал, тут появился гринго, и пришел застрелить тебя.

— Садитесь,— сказал я приветливо.

Я видел, что он проникнут пьяной решимостью. Он снял шляпу, вежливо поклонился и пододвинул себе стул. Затем изпод полы своего мундира он достал другой револьвер и положил оба револьвера на стол. Они были заряжены.

— Хотите папиросу? — спросил я, протягивая ему пачку. Он взял одну папиросу, помахал ею в знак благодарности и прикурил от лампы. Потом взял оба револьвера и прицелился в меня. Пальцы его нажали на собачки, затем вдруг расслабли. Я был не в силах пошевелиться, и мне оставалось только ждать.

— Вся беда в том,— сказал офицер, опуская револьверы,— что я не могу решить, каким револьвером воспользоваться...

— Извините,— сказал я дрожащим голосом,— но мне кажется, они оба устарели. Этот кольт, безусловно, модель тысяча восемьсот девяносто пятого года, а что касается «смит-и-висона», то это не больше чем игрушка.

— Правильно,— пробормотал он, печально глядя на револьверы.— Если бы знал, я захватил бы с собой мой новый маузер. Извините, сеньор.— Он вздохнул и опять со спокойной радостью направил дула мне в грудь.— Но раз нет другого исхода, то придется как-нибудь обойтись этими.

Я уже приготовился вскочить, увернуться, закричать, как вдруг его взгляд упал на стол, где лежали мои двухдолларовые ручные часы.

— Что это? — спросил он.

— Часы! — С огромной охотой я поспешно стал показывать, как они надеваются. Он машинально опустил пистолеты.

Его рот раскрылся, он смотрел на часы горящими глазами, как ребенок на какую-нибудь новую заводную игрушку.

— Ах! — наконец перевел он дыхание.— Qué bonito! Какие красивые!

— Они ваши,— сказал я, снимая часы и протягивая ему.

Он посмотрел на часы, потом на меня; лицо его просветлело от неожиданной радости. Я положил часы в его протянутую руку. С трепетным благоговением он застегнул браслет на своей волосатой руке. Затем встал, глядя на меня сияющими глазами. Револьверы упали на пол, но он этого не заметил. Лейтенант Антонио Монтойя бросился мне на шею.

— Ах, compadre! — воскликнул он пылко.

На следующий день мы встретились с ним в лавке Валиенте Адиана. Мы попивали в задней комнате aguardiente, и лейтенант Монтойя, мой лучший друг во всей армии конституционалистов, рассказывал мне о трудностях и опасностях походной жизни. Вот уже три недели бригада Макловио Эррера в полной боевой готовности стояла в Хименесе, каждую минуту ожидая приказа наступать на Торреон.

— Сегодня утром,— рассказывал Антонио,— наши разведчики перехватили телеграмму командующего федералистами в городе Сакатекас к генералу Веласко в Торреоне. В телеграмме говорится, что, по здравому рассуждению, он пришел к мысли, что Сакатекас защищать труднее, чем брать его приступом. Поэтому он сообщает генералу Веласко, что при наступлении конституционалистов он заранее эвакуирует город, а потом возьмет его заново.

— Антонио,— сказал я,— завтра я отправлюсь в далекое путешествие по пустыне. Я еду в Магистраль. Мне нужен mozo [1]. Я буду платить три доллара в неделю.

— Está bueno! [2] — воскликнул лейтенант Монтойя.— Платите, сколько хотите, только бы я мог поехать с моим amigo!

— Но вы ведь на действительной службе,— сказал я.— Как же вы можете оставить свой полк?

— Это ничего,— махнул рукой Антонио.— Я не стану докладывать об этом своему полковнику. Я им не нужен. Ведь у них, помимо меня, еще пять тысяч человек.

[1] Слуга *(исп.)*.
[2] Отлично! *(исп.)*

ГЛАВА IV
СИМВОЛЫ МЕКСИКИ

На рассвете, когда низкие серые домишки и покрытые пылью деревья были еще объяты ночным холодом, мы хлестнули наших мулов и, прогрохотав по неровным мостовым Хименеса, выехали за город. Несколько солдат, до самых глаз закутанные в серапе, дремали возле своих фонарей. В канаве спал пьяный офицер.

Мы ехали в древней двуколке со сломанным дышлом, которое было связано проволокой. Упряжь состояла из кусков старого железа, ремней и веревок. Мы с Антонио сидели рядом на сиденье, а у наших ног клевал носом смуглый серьезный юноша по имени Примитиво Агулар. Мы наняли Примитиво, чтобы он открывал и закрывал ворота по дороге, подвязывал упряжь, когда она будет рваться, и по ночам сторожил двуколку и мулов,— по слухам, дороги кишели бандитами.

Мы проезжали по обширной плодородной равнине, прорезанной оросительными каналами, по сторонам которых высились ряды огромных деревьев аламо, безлиственных и серых, как пепел. Накаленное добела солнце слепило глаза, как жерло топки, над уходящими вдаль голыми полями поднимался легкий туман. Мы двигались, окруженные клубами белой пыли.

Мы сделали остановку возле церкви асиенды Сан-Педро, где долго торговали у старика пеона мешок кукурузы и соломы для мулов. В стороне от дороги, посреди рощи зеленых ив, виднелось изящное розовое здание.

— Что там такое?

— А ничего. Просто мельница,— сказал Антонио.

Обедали мы в бедной хижине с выбеленными стенами и земляным полом, принадлежавшей пеону с другой асиенды, название которой я забыл, но которая раньше принадлежала Луису Террасасу. Она была конфискована и теперь составляла собственность конституционного правительства. А на ночь мы разбили лагерь возле оросительного канала, вдали от какого бы то ни было жилья, в самом сердце бандитского царства.

После ужина, состоявшего из рубленого мяса с перцем, лепешек, бобов и черного кофе, мы с Антонио принялись инструктировать Примитиво. Он должен был стоять на часах с револьвером в руках неподалеку от костра и, чуть что, немедленно разбудить нас. Он ни в коем случае не должен был засыпать. Мы застрелим его, если он заснет. Примитиво очень серьезно

произнес: «Sí, señor!» [1] — широко раскрыл глаза и сжал в руке револьвер. Завернувшись в одеяла, мы с Антонио легли спать у костра.

Я, должно быть, сразу заснул, потому что, когда, приподнявшись, Антонио разбудил меня, мои часы показывали, что прошло всего полчаса. Из темноты, где на посту должен был стоять Примитиво, доносился громкий храп. Лейтенант направился туда.

— Примитиво! — окликнул он спящего.

Никакого ответа.

— Примитиво, болван, вставай!

Наш часовой зашевелился, перевернулся на другой бок и продолжал сладко храпеть.

— Примитиво! — закричал Антонио и пнул его ногой.

Спящий даже не шевельнулся.

Тогда Антонио отступил немного назад и так ударил спящего ногой в спину, что тот отлетел на несколько шагов в сторону. Тут Примитиво проснулся. Он ловко вскочил на ноги. Размахивая револьвером, он закричал:

— Quén vive?

На другой день плодородная равнина кончилась. Мы въехали в пустыню и начали кружить по пологим песчаным холмам, заросшим черным мескитом, среди которого изредка встречались кактусы. По сторонам дороги стали попадаться зловещие деревянные кресты, которые крестьяне ставят в том месте, где был найден труп человека, погибшего насильственной смертью. На горизонте теснились лиловые горы. Направо, в конце обширной сухой долины, виднелись белые, зеленые и серые строения похожей на город асиенды. Час спустя мы проехали мимо одного из тех огромных, обнесенных каменной стеной ранчо, которых столько затеряно среди холмов этой беспредельной пустыни. Высоко над головой в безоблачном зените сгустилась ночь, но горизонт все еще горел ярким светом; затем день вдруг погас, и на высоком небосводе мгновенно высыпали звезды. Мулы бежали легкой рысью. Антонио и Примитиво скрипучими мексиканскими голосами, напоминающими пиликанье на скрипке с изношенными струнами, напевали «Эсперансу». Стало холодно. На многие мили вокруг расстилалась спаленная земля, страна смерти. Прошло уже много часов с тех пор, как мы миновали последнее жилье.

---

[1] Понимаю, сеньор! *(исп.)*

Антонио уверял, что где-то впереди должен быть родник. Но к полуночи наша дорога неожиданно исчезла в густой чаще мескита. Очевидно, в темноте мы где-то свернули с большой дороги. Было уже поздно, мулы были вконец измучены. Ничего больше не оставалось, как разбить «сухой лагерь», так как воды поблизости, насколько мы знали, не было.

Когда мы выпрягли мулов и разложили костер, в густой чаще мескита послышались осторожные, крадущиеся шаги. Затем они затихли. Танцующее пламя нашего костра освещало небольшой круг, радиусом шагов в десять, дальше был полный мрак. Примитиво попятился и спрятался за двуколку. Антонио вынул револьвер, и мы застыли на месте. Снова послышались шаги.

— Кто идет? — крикнул Антонио.

Раздался какой-то шорох, затем чей-то голос несмело спросил.

— Вы какой партии?

— Мадеристы! — крикнул Антонио.— Идите!

— А pacíficos ничего не грозит? — продолжал спрашивать невидимка.

— Даю вам слово, что нет,— закричал я.— Выходите, чтобы мы могли на вас посмотреть.

И тотчас на границе света показались две смутные тени. Они двигались совершенно беззвучно. Когда они подошли ближе, мы увидели двух пеонов, закутанных в рваные одеяла. Один — сгорбленный, морщинистый старик в самодельных сандалиях, в штанах, висевших клочьями на его исхудалых ногах; другой — очень высокий босоногий юноша, с лицом настолько простым и бесхитростным, что его можно было принять за дурачка. Они подходили к нам, дружелюбно протягивая нам руки, светясь солнечной радостью и детским любопытством. Мы по очереди пожали им руки, приветствуя их с изысканной мексиканской вежливостью.

— Добрый вечер, друг. Как поживаете?

— Очень хорошо, gracias [1]. А вы?

— Хорошо, gracias. А ваши родные?

— Ничего, спасибо. А ваши?

— Ничего, спасибо. Какие у вас здесь новости?

— Nada — нет никаких. А у вас?

— Нет никаких. Садитесь.

— Спасибо. Я постою.

— Садитесь, садитесь!

---

[1] Спасибо *(исп.)*.

— Очень вам благодарны. Извините нас на минутку.

Они улыбнулись и опять скрылись в чаще. Через минуту они вернулись, неся большие охапки сухих веток для нашего костра.

— Мы — ранчеро,— сказал старик, кланяясь.— У нас есть козы, и наши хижины — к вашим услугам; найдется место и корм и для ваших мулов. Наши ранчито совсем тут близко, за чащей. Мы очень бедные люди, но все-таки надеемся, что вы окажете нам честь и воспользуетесь нашим гостеприимством.

От нас требовался неимоверный такт.

— Мы вам очень благодарны,— вежливо ответил Антонио,— но, к сожалению, мы очень спешим и должны выехать на рассвете. Нам неудобно беспокоить ваши семьи в такую пору.

Они горячо протестовали, заявляя, что их семьи и хижины всецело к нашим услугам, что это доставит им величайшее удовольствие. Не помню, как нам в конце концов удалось отклонить их приглашения, не обидев их, но я хорошо помню, что для этого потребовалось полчаса взаимных любезностей. Мы знали, что, во-первых, нам не удастся выехать от них утром, так как, по понятиям мексиканцев, торопливость гостя означает недовольство оказанным приемом; кроме того, за ночлег платить не полагалось, однако следовало сделать хозяевам хороший подарок, а нам это было не по карману.

На наше приглашение поужинать с нами они вначале ответили вежливым отказом, но после долгих упрашиваний согласились взять лепешек и мяса с перцем. Было смешно и жалко смотреть, с какой жадностью они ели, стараясь в то же время не показывать, насколько они голодны.

После ужина они по собственному почину принесли нам ведро воды, а потом некоторое время простояли у костра, грея руки и куря папиросы, которыми мы их угостили. Помню, как они распахнули серапе, чтобы благодатное тепло согрело их тощие тела, помню скрюченные, морщинистые руки старика и лицо юноши, на котором играли красноватые блики, зажигая огоньки в его больших глазах. Вокруг нас стояла черная ночь пустыни, удерживаемая лишь ярким светом костра и готовая поглотить нас, если бы он погас. Над головой, не тускнея, сверкали огромные звезды. В чаще, словно демоны, плакали и хохотали койоты. И в эту минуту эти два человека представились мне символом Мексики — гостеприимные, любящие, терпеливые, бедные, так долго томившиеся в рабстве, всегда мечтающие, наконец встречающие свободу.

— Когда мы увидели, что вы едете сюда,— сказал старик с улыбкой,— сердца наши упали. Мы уже думали, что опять едут солдаты, чтобы забрать у нас последних коз. Много солдат проходило здесь за последние годы — очень много. И всё больше федералисты; мадеристы только тогда заезжают, когда уже совсем изголодаются. Бедные мадеристы!

— Да-а,— вздохнул юноша,— мой брат, мой самый любимый брат погиб в одиннадцатидневном сражении под Торреоном. Многие тысячи уже погибли в Мексике, и многие тысячи еще погибнут. Три года войны в одной стране — долгий срок, слишком долгий.

— Válgame, Dios,— пробормотал старик и покачал головой.

— Но наступит день...— продолжал юноша.

— Говорят,— прервал его старик с дрожью в голосе,— что Соединенные Штаты там на севере жадно поглядывают на нашу родину, что в конце концов к нам придут солдаты-гринго и заберут у меня последних коз.

— Это ложь! — воскликнул юноша, оживляясь.— Только богатые американо хотят нас грабить так же, как и наши мексиканские богачи. Во всем мире богатые грабят бедных.

Старик вздрогнул и подвинул высохшее тело поближе к огню.

— Я часто задумываюсь,— тихо сказал он,— почему богатые, у которых всего так много, хотят иметь еще больше. А бедные, у которых нет ничего, довольны малым. Лишь бы несколько коз...

Его compadre гордо поднял голову и мягко улыбнулся.

— Я никогда не выезжал из наших мест,— сказал он.— Не был даже в Хименесе. Но мне рассказывали, что на севере, на юге и на востоке есть много плодородных земель. Но это моя родина, и я люблю ее. Всю жизнь и я, и мой отец, и дед видим, как богатые держат в кулаке хлеб перед нашими ртами и не дают нам есть. И только кровь заставит их разжать кулак перед своими братьями.

Костер догорал. Бдительный Примитиво спал на своем посту. Антонио задумчиво глядел на угасающие угли, чуть заметная радостная улыбка играла у него на губах, глаза горели, как звезды.

— Adiós! — сказал он внезапно, словно озаренный прекрасной мечтой.— Когда доберемся до Мехико, какой baile мы там устроим! Ох, и напьюсь же я.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СРАЖАЮЩИЙСЯ НАРОД

ГЛАВА I

«НА ТОРРЕОН!»

Кругом Йермо бесконечная песчаная пустыня, кое-где щетинящаяся кустами мескита и карликовыми кактусами. На западе она тянется до зубчатых бурых гор, а на востоке уходит за колеблющийся в мареве горизонт. Разбитая водокачка, дающая ничтожное количество грязной солоноватой воды, разрушенная железнодорожная станция, два года назад разнесенная вдребезги пушками Ороско, запасной путь — и вот и весь поселок. На сорок миль кругом воды нет и в помине. Нигде ни клочка травы для скота. В продолжение трех весенних месяцев горячие, сухие ветры гонят по пустыне тучи желтой пыли.

На единственном пути, проложенном посреди пустыни, стояли десять огромных поездов, исчезая на севере за горизонтом. Поезда эти — огненные столбы ночью и столбы черного дыма — днем. По обе стороны пути, под открытым небом, расположились лагерем девять тысяч человек; лошадь каждого солдата привязана к кусту мескита, рядом с ним на этом же кусте висит его единственное серапе и тонкие ломти сушащегося мяса. Из пятидесяти вагонов выгружали лошадей и мулов. Покрытый потом и пылью оборванный кавалерист проскальзывал в вагон с лошадьми, в гущу мелькающих копыт, вскакивал на спину первой попавшейся лошади и с диким гиканьем вонзал ей шпоры в бока. Слышался громовой топот испуганных живот-

ных, и вдруг какая-нибудь лошадь вырывалась в открытую дверь, обычно задом наперед, и вагон начинал извергать колышущуюся массу лошадей и мулов. Они быстро вскакивали на ноги и в ужасе бежали прочь, храпя и раздувая ноздри, почуяв запах пустыни. И тогда широкое кольцо зрителей-кавалеристов превращалось в вакеро, в насыщенном пылью воздухе мелькали огромные кольца лассо, и пойманные животные в панике мчались по кругу. Офицеры, ординарцы, генералы со своими штабами, солдаты с уздечками, разыскивающие своих коней, бежали и неслись галопом в полной неразберихе. Брыкающихся мулов запрягали в зарядные ящики. Кавалеристы, приехавшие с последним поездом, разыскивали свои бригады. Немного в стороне солдаты открывали стрельбу по кролику. С крыш товарных вагонов и с платформ смотрели вниз сотни soldaderas [1], окруженные выводками полуголых детишек, выкрикивая визгливые советы или спрашивая, ни к кому, собственно, не обращаясь, не видал ли кто Хуана Монероса или Хесуса Эрнандеса,— короче говоря, их мужей... Какой-то солдат, волоча за собой винтовку, бродил вокруг, громко выкрикивая, что он уже два дня ничего не ел и никак не может отыскать свою жену, которая пекла ему лепешки, и заключал свои жалобы утверждением, что она, наверное, связалась с каким-нибудь... из другой бригады... Женщины на крышах вагонов, пожав плечами, восклицали: «Valgame, Dios!» — и, кинув ему несколько черствых лепешек, стали просить во имя богоматери Гваделупской угостить их папиросой. Шумная грязная толпа осадила паровоз нашего поезда, требуя воды. Когда вооруженный револьвером машинист отогнал ее и закричал, что прибыл специальный поезд с цистернами воды, толпа быстро рассеялась, а ее место заняла другая. Возле двенадцати огромных цистерн с водой царила невообразимая толчея — люди и лошади пробивались к маленьким кранам, из которых непрерывной струей текла вода. Надо всем этим стояло огромное облако пыли, семь миль в длину и милю в ширину, вместе с черным дымом паровозов высоко поднимаясь в тихом, горячем воздухе и поражая ужасом сторожевые посты федералистов, расставленные в горах за Мапими в пятидесяти милях от нас.

Когда Вилья покидал Чиуауа, направляясь к Торреону, он прервал телеграфное сообщение с севером, приостановил движение поездов на Хуарес и под страхом смертной казни запретил передачу в Соединенные Штаты сведений о его отъезде.

---

[1] Солдатских жен *(исп.)*.

Он стремился захватить федералистов врасплох, и его план удался как нельзя лучше. Ни один человек, даже из штабных Вильи, не знал, когда он выступит из Чиуауа, армия задержалась там так долго, что мы все полагали, что она уйдет оттуда не раньше чем через две недели. И вдруг, проснувшись в субботу утром, мы узнали, что телеграфное и железнодорожное сообщение прервано и три огромных поезда с бригадой Гонсалес — Ортега уже ушли. Сарагосская бригада отправилась на следующий день, а на другое утро отбыл и Вилья со своими войсками. Двигаясь с характерной для него быстротой, Вилья уже через сутки сконцентрировал свою армию в Йермо, в то время как федералисты думали, что он все еще находится в Чиуауа.

Вокруг полевого телеграфа, установленного в разрушенной станции, собралась толпа. Внутри стучал аппарат. Солдаты и офицеры вперемежку забили окна и двери, и время от времени телеграфист выкрикивал что-то по-испански, после чего раздавался громкий хохот. Оказалось, что аппарат случайно подключили к линии, не перерезанной федералистами,— линии, соединенной с армейским проводом между Мапими и Торреоном.

— Слушайте! — кричал телеграфист.— Полковник Аргумедо, командующий colorados в Мапими, телеграфирует генералу Веласко в Торреон. Он сообщает, что видит дым и огромное облако пыли на севере, и полагает, что мятежники отходят на юг из Эскалона!

Настала ночь, тучи затянули небо, поднявшийся ветер начинал кружить пыль. На крышах товарных вагонов, протянувшихся к горизонту, пылали костры, разложенные soldaderas. В пустыне тускло сверкали солдатские костры — самые дальние из них казались крохотными огненными точками, порой совсем исчезавшими из вида в густых клубах пыли. Песчаная буря надежно заслоняла нас от глаз федеральных дозорных.

— Даже бог,— заметил майор Лейва,— даже бог на стороне Франсиско Вильи!

Мы обедали в своем товарном вагоне, и нашими гостями были молодой великан, генерал Максимо Гарсиа, с непроницаемым лицом, его брат, который был даже выше его, краснолицый Бенито Гарсиа, и майор Мануэль Акоста, человек небольшого роста, обладатель изысканнейших манер. Гарсиа командовал наступлением у Эскалона. Он и его братья, из которых один, Хосе Гарсиа, любимец армии, был убит в бою, всего лишь четыре года назад были богатыми асиендадо, владельцами огромных поместий. Они выступили на стороне Мадеро... Генерал Гарсиа принес нам в подарок бутыль и отказался раз-

говаривать о революции, заявив, что он сражается за то, чтобы в мире не было скверного виски! В ту самую минуту, когда я пишу эти строки, пришло известие, что он умер от пулевой раны, полученной в бою при Сакраменто.

На платформе в клубах пыли впереди нашего вагона вокруг костров лежали солдаты, положив головы на колени своим женам, и распевали «Кукарачу» — сотни насмешливых куплетов, рассказывающих о том, что сделают конституционалисты, когда отберут Хуарес и Чиуауа у Меркадо и Ороско.

Заглушая шум ветра, слышался глухой рокот войска, и изредка раздавались пронзительные окрики часовых: «Quién vive?» И ответ: «Chiapas!» — «Qué gente?» — Chaco!..»

Всю ночь раздавались наводившие жуть свистки десяти паровозов, сигналящих один другому.

ГЛАВА II
АРМИЯ В ЙЕРМО

На следующее утро, как только рассвело, к нам в вагон пришел завтракать генерал Торрибио Ортега — худой смуглый мексиканец, прозванный солдатами «Благородным» и «Храбрейшим». Бескорыстнее и простодушнее его нет военного во всей Мексике. Он никогда не расстреливает пленных. Он не хочет наживаться на революции и отказывается взять хотя бы грош сверх своего скудного жалованья. Вилья уважает его и доверяет ему больше всех остальных своих генералов. Ортега начал жизнь бедняком, ковбоем. Позабыв о завтраке, он сидел, положив локти на стол, и, блестя большими глазами и улыбаясь мягкой, кривой улыбкой, рассказывал нам, за что он сражается.

— Я человек необразованный,— начал он,— но я знаю, что война — самое последнее дело для любого народа. Только когда уж невозможно терпеть, народ берется за оружие, а? Раз уж мы подняли руку на своих же братьев, то нужно добиться чего-нибудь хорошего, а? Вы в Соединенных Штатах и не представляете, что видали мы, мексиканцы! Мы тридцать пять лет смотрели, как грабили наш народ — простой, бедный народ, а? Мы видели, как руралес и солдаты Порфирио Диаса расстреливали наших братьев и отцов, отказывая им в правосудии. Мы видели, как у нас отнимали последнюю землю, а самих отдавали в рабство, а? Мы мечтали о своих домашних очагах и школах,

где могли бы учиться, а над нами только смеялись. Мы ведь хотели только, чтобы нам не мешали жить и трудиться, чтобы наша родина стала великой, и нам уже надоело терпеть этот вечный обман...

Снаружи под облаками кружилась пыль, в которой маячили стремительно мчавшиеся длинные ряды конников; офицеры, проходя вдоль рядов, тщательно осматривали патронные ленты и винтовки...

— Херонимо,— сказал капитан одному из солдат,— иди-ка к поезду с боеприпасами и пополни свой запас. Ты, дурак, расстрелял свои патроны на койотов!

На запад через пустыню к отдаленным горам скакали всадники — первые отряды, уходившие на фронт. Всего их было около тысячи, они двигались десятью колоннами, расходившимися, как спицы в колесе; звенели шпоры, развевались красно-бело-зеленые флаги, тускло сверкали патронные ленты, надетые крест-накрест, подпрыгивали положенные поперек седел винтовки, мелькали тяжелые высокие сомбреро и разноцветные серапе. За каждым отрядом брели пешком десять — двенадцать женщин, тащившие кухонные принадлежности на головах и спинах, иногда они гнали мула, навьюченного мешками с кукурузой. Проезжая мимо поездов, солдаты перекликались со своими товарищами в вагонах...

— Poco tiempo California! [1] — крикнул кто-то.

— Сразу видно, colorado! — отозвался другой.— Бьюсь об заклад, что ты был в отряде Саласара при перевороте Ороско. Только Саласар, напившись, всегда кричал: «Poco tiempo California!» — а больше никто.

— А тебе что? Может, и был,— ответил первый, немного смутившись.— Но погоди, дай мне добраться до своих прежних compañeros. Тогда увидишь, мадерист я или нет!

Ехавший в арьергарде индеец громко возразил:

— Я знаю, какой ты мадерист, Луисито. При первом взятии Торреона Вилья предложил тебе на выбор: либо перейти на нашу сторону, либо получить пулю в затылок!

С песнями и шутками кавалеристы поскакали в юго-западном направлении, становясь все меньше и меньше, и наконец исчезли в облаках пыли.

Сам Вилья стоял у вагона, засунув руки в карманы. На нем была старая шляпа с обвисшими полями, грязная рубашка без воротничка и сильно потертый, лоснящийся коричневый

---

[1] Скоро Калифорния! *(исп.)*

костюм. Как по волшебству, вся окутанная пылью равнина перед ним вдруг покрылась лошадьми и людьми. Всадники поспешно седлали лошадей, надтреснутые рожки трубили сбор. Сарагосская бригада готовилась к выступлению — фланговый отряд в две тысячи человек, которому предстояло отправиться на юго-восток и атаковать Тлахуалило и Сакраменто. Сам Вилья только что прибыл в Йермо. По дороге он задержался на ночь в Камарго, чтобы присутствовать на свадьбе какого-то compadre. Вид у него был очень усталый.

— Carramba! — сказал он со смехом.— Мы начали плясать в понедельник вечером, проплясали всю ночь, весь следующий день, да и вчерашнюю ночь! Вот это был baile! А какие muchachas! Красивей девушек, чем в Камарго и Санта-Росалия, не найти во всей Мексике! Устал вконец — rendido! Легче выдержать двадцать сражений!..

Затем Вилья выслушал рапорт штабного офицера, подскакавшего к нему верхом, без запинки отдал ему подробное распоряжение, и офицер так же быстро ускакал. Потом он указал сеньору Кальсадо, директору железных дорог, в каком порядке должны двигаться на юг поезда. Сеньору Уро, главному квартирмейстеру, он отдал приказ, какие припасы надо взять из армейских поездов и распределить среди солдат. Сеньору Муносу, начальнику телеграфа, он назвал фамилию капитана армии федералистов, неделю тому назад окруженному частями Урбины вблизи Ла-Кадены и уничтоженному со всем отрядом, и приказал, подключившись к линии федералистов, послать депешу генералу Веласко в Торреон, рапорт этого капитана из Конехоса, а также запрос о дальнейших распоряжениях... Казалось, Вилья все знает и обо всем думает.

Мы завтракали с генералом Еугенио Агирре Бенавидесом, спокойным косоглазым человечком, командиром Сарагосской бригады, принадлежавшим к одному из самых образованных семейств в Мексике, примкнувшему к Мадеро в первую революцию; с Раулем Мадеро, братом убитого президента, помощником командира бригады,— он окончил американский университет и походит на уолл-стритовского маклера; с полковником Герра, тоже получившим образование в Америке, и майором Лейва, племянником Ортеги, историческим защитником из футбольной команды «Нотр-Дам»...

Огромным кругом расположилась готовая к действию артиллерия, зарядные ящики были открыты, мул привязан в центре. Полковник Сервин, командующий батареей, сидел верхом на большом гнедом коне — он был до нелепости низкого роста,

всего пять футов. Он махал рукой, здороваясь с генералом Ангелесом, военным министром в правительстве Каррансы,— высоким, худым человеком, в коричневом свитере, без шляпы и с военной картой Мексики, перекинутой через плечо, который ехал на маленьком ослике. В густых облаках пыли, обливаясь потом, трудились солдаты. Пять американских артиллеристов курили, спрятавшись от ветра за пушкой. Увидев меня, они закричали:

— Эй, дружище. Какого дьявола ввязались мы в эту кашу? Ничего во рту не было со вчерашнего вечера, работаем по двенадцать часов... Послушай, сфотографируй-ка нас!

Мимо прошел, по-дружески кивнув мне, английский солдат, когда-то служивший под командой Китченера, затем — канадец, капитан Трестон, громко звавший своего переводчика,— ему нужно было отдать приказ солдатам относительно пулеметов,— и, наконец, капитан Маринелли, толстый итальянец, «солдат наживы», обрушивал на скучающего мексиканского офицера бесконечный поток неудобоваримой смеси из французских, испанских и итальянских слов. Проехал Фиерро, безжалостно шпоря коня, у которого рот был изорван в кровь, Фиерро, красивый, жестокий, наглый, прозванный «Мясником» за то, что он собственноручно убивал беззащитных пленных и без малейшего повода расстреливал своих собственных солдат.

К вечеру Сарагосская бригада ускакала в пустыню, и еще одна ночь спустилась на землю.

В темноте ветер усиливался, и с каждой минутой становилось все холоднее и холоднее. Я посмотрел на небо, еще недавно усыпанное яркими звездами,— его заволокло тяжелыми черными тучами. В ревущих клубах пыли сверкали огненные нити — это летели на юг искры от костров. Когда где-нибудь открывали паровозную топку, над вереницей поездов вспыхивало багровое зарево. Вдруг нам показалось, что где-то вдали началась канонада. Но тут неожиданно небо ослепительно разверзлось от горизонта до горизонта, грянул гром и полил страшный ливень. На одну секунду гудение бесчисленных голосов смолкло. Костры сразу погасли. И затем воздух сотрясли сердитые крики и смех солдат, застигнутых врасплох дождем на равнине, и невероятной силы вопль женщин. Но этот концерт длился не больше минуты. Солдаты, закутавшись в серапе, укрылись в чапаррале, а сотни женщин и детей, сидевших на крышах вагонов и на открытых платформах, без всякой защиты от дождя и холода, безмолвно, с индейским стоицизмом, прижались друг к другу и стали ожидать рассвета. Впереди, в ва-

гоне генерала Макловио Эррера, слышался пьяный смех и пение под гитару...

На рассвете загремели бесчисленные трубы, и, выглянув из двери вагона, я увидел, что пустыня на многие мили кругом кишит вооруженными солдатами, седлающими лошадей. В прозрачное небо из-за восточных гор выплыло пылающее солнце. Над землей заклубился пар, и вот она снова стала сухой и пыльной. Дождя словно и не было. На крышах вагонов дымились сотни небольших костров. Готовя завтрак, женщины сушили на солнце платья, болтали и шутили. Сотни голых детишек вертелись вокруг, пока матери сушили их рубашонки. Тысячи кавалеристов весело перекликались, радуясь, что наконец-то идут в наступление; какой-то полк от восторга палил в небо. Ночью прибыли еще шесть больших поездов с войсками, паровозы свистели, подавая сигналы.

Я направился вперед, чтобы уехать с первым поездом, и, проходя мимо вагона Тринидада Родригеса, услышал резкий женский голос: «Эй, детка! Заходи, позавтракаем вместе!» Из дверей вагона высовывались Беатриса и Кармен, две известные всему Хуаресу женщины, которых увезли на фронт братья Родригес. Я вошел в вагон и уселся за стол, где уже сидело человек двенадцать: несколько докторов из полевого госпиталя, артиллерийский капитан — француз и пестрая смесь мексиканских офицеров и рядовых. Это был обыкновенный товарный вагон, но только с прорезанными в стенах окнами и перегородкой для кухни, где работал повар-китаец, и с койками по бокам и в конце вагона. Завтрак состоял из мяса с перцем, бобов, холодных пшеничных лепешек и шести бутылок шампанского. У Кармен был унылый вид и нездоровый цвет лица,— такая диета, очевидно, не шла ей на пользу,— но Беатриса, с коротко подстриженными рыжими волосами, с бледным бескровным лицом, вся светилась злокозненной радостью. Она была мексиканкой, но говорила на языке нью-йоркских притонов без малейшего акцента. Выскочив из-за стола, она закружилась по вагону, дергая мужчин за волосы.

— Здравствуй, здравствуй, проклятый гринго! — со смехом обратилась она ко мне.— Что ты тут делаешь? Так и знай: получишь пулю, если не побережешься.

Мрачный молодой мексиканец, уже порядочно пьяный, злобно бросил ей по-испански.

— Не разговаривай с ним! Поняла? Я расскажу Тринидаду, как ты пригласила гринго завтракать, и он тебя застрелит.

Беатриса откинула голову назад и расхохоталась.

— Слышите, что он говорит? Переночевал со мной раз в Хуаресе и уже думает, что я теперь его!.. Господи, до чего чудно ездить на поезде и не брать билета!

— Послушайте, Беатриса,— сказал я,— нам может прийтись там жарко. Что вы будете делать, если нас разобьют?

— Кто, я? —воскликнула она.— Ну, обо мне не беспокойтесь! Я скоро заведу дружков среди федералистов. У меня прекрасный характер.

— Что она сказала? Что ты говоришь? — спрашивали ее по-испански.

Не моргнув и глазом, Беатриса перевела свои слова. Среди поднявшегося шума я вышел из вагона.

ГЛАВА III

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Первым отошел поезд с цистернами с водой. Я ехал на передней площадке паровоза, где давно уже поселились две женщины и пятеро детей. На узкой железной площадке они разложили костер из веток мескита и пекли лепешки, над их головами ветер, свистевший по сторонам котла, трепал протянутую веревку со свежевыстиранным бельем.

День выдался чудесный. Нещадно палящее солнце время от времени скрывалось за огромными белыми облаками. Двумя густыми колоннами по обе стороны пути армия двигалась на юг. Над ними плыло огромное двойное облако пыли. Армия двигалась вперед, отряд за отрядом, иногда мелькали большие мексиканские флаги. Между колоннами медленно ползли поезда; столбы черного паровозного дыма, подымавшиеся через равные интервалы, казалось, укорачивались к горизонту на севере, где расплывались в грязный туман.

Я зашел в служебный вагон, чтобы напиться воды, и увидел проводника, который лежал на койке и читал Библию. Он был так увлечен и так смеялся, что с минуту не замечал меня. А когда заметил, закричал весело:

— Oiga, я вычитал в этой книге забавную историю об одном парне по имени Самсон, который был muy hombre — настоящий мужчина,— и о его девке. Она, наверное, была испанка — такую она с ним подлую шутку сыграла. Он сна-

чала был революционером, мадеристом, а она сделала его стриженым!

«Стриженые» — презрительная кличка федералистов, так как федеральных солдат нередко вербуют в тюрьмах.

Наш авангард с полевым телеграфом еще накануне выступил в Конехос, и теперь он встретил наш поезд в страшном волнении. Пролилась первая кровь этой кампании: несколько colorados, посланные на разведку севернее Бермехильо, были захвачены врасплох у отрога большой горы, лежащей к востоку, и все перебиты. У телеграфиста тоже были новости. Он опять подключился к проводу федеральной армии и от имени убитого капитана послал депешу федеральному командующему в Торреоне, спрашивая его распоряжений ввиду наступления с севера больших отрядов повстанцев. Генерал Веласко ответил, чтобы капитан во что бы то ни стало удержал Конехос, а также чтобы послал разведку в северном направлении — узнать, как велики силы неприятеля. Одновременно телеграфист перехватил донесение Аргумедо, командующего отрядом федералистов в Мапими. В этом донесении говорилось, что на Торреон наступают войска всей Северной Мексики вместе с американской армией!

Конехос отличался от Йермо только тем, что здесь не было водокачки. Тысячи солдат с седобородым генералом Росалио Эрнандесом, ехавшим во главе, выступили в поход сразу; за ними, на расстоянии нескольких миль, последовал ремонтный поезд, остановившись в том месте, где федералисты несколько месяцев назад сожгли два железнодорожных моста. А дальше, за последним небольшим бивуаком огромной армии, расположившейся вокруг нас, в жарком мареве спала безмолвная пустыня. Ветер стих. Солдаты со своими женами собрались на платформах, появились гитары, и всю ночь над поездами звенели сотни поющих голосов.

На следующее утро я отправился в вагон Вильи. Это небольшой красный вагон с ситцевыми занавесками на окнах, знаменитый вагончик, в котором Вилья ездит со времени падения Хуареса. Он разделен перегородкой на две половины — кухню и спальню генерала. Эта комнатушка была сердцем армии конституционалистов. Здесь происходили все военные совещания, и пятнадцать генералов, принимавшие в них участие, с трудом умещались в ней. На этих совещаниях обсуждались важнейшие вопросы кампании, генералы решали, что надо делать, а затем Вилья отдавал приказы, какие считал нужными. Стены вагона были выкрашены в грязно-серую краску, к ним

приколоты фотографии прекрасных дам в театральных позах, большой портрет Каррансы, фотография Фиерро и портрет самого Вильи. В стены были вделаны две широкие откидные полки: на одной спали Вилья и генерал Анхелес, на другой — Хосе Родригес и доктор Рашбаум — личный врач Вильи. Вот и все...

— Qué desea, amigo? (Что вам нужно, дружище?) — спросил меня Вилья, сидевший на краю полки в одном белье. Солдаты, толкавшиеся здесь без дела, лениво пропустили меня.

— Мне нужна лошадь, mi general!

— Черт возьми, нашему другу потребовалась лошадь! — саркастически улыбнулся Вилья, и все окружающие расхохотались.— Вы, корреспонденты, того гляди, потребуете себе автомобиль! Oiga, сеньор корреспондент, известно ли вам, что около тысячи солдат в моей армии не имеют коней? Вот вам поезд. Зачем вам еще лошадь?

— Затем, чтобы поехать с авангардом.

— Нет! — улыбнулся он.— Слишком много пуль летит навстречу авангарду...

Разговаривая, он быстро одевался и время от времени потягивал кофе прямо из грязного жестяного кофейника. Кто-то подал ему его саблю с золотым эфесом.

— Нет! — сказал он презрительно.— Мы идем в бой, а не на парад. Подайте мне мою винтовку!

Минуту он стоял у двери своего вагона, задумчиво глядя на длинные ряды живописных всадников, вооруженных самым различным образом, но непременно с перекрещивавшимися патронными лентами на груди. Затем он быстро отдал несколько распоряжений и вскочил на своего огромного жеребца.

— Vámonos! — крикнул Вилья. Заиграли трубы, раздалось мелодичное позвякивание, и отряды один за другим поворачивали к югу и скрывались в облаках пыли.

Наконец из виду исчезла вся армия. В течение дня с юго-запада до нас доносилась слабая канонада — там, по донесениям, Урбина, спустившись с гор, собирался атаковать Мапими. К вечеру стало известно о захвате Бермехильо, а гонец, присланный генералом Бенавидесом, сообщил, что взят Тлахуалило.

Охваченные горячкой нетерпения, мы ждали отъезда. На закате сеньор Кальсадо сказал, что ремонтный поезд отправляется через час, и я, схватив одеяло, прошел милю вдоль составов, прежде чем добрался до него.

ГЛАВА IV
В БРОНИРОВАННОМ ВАГОНЕ

Первый вагон ремонтного поезда представлял собой закрытую стальной броней платформу, на которой стояло знаменитое орудие конституционалистов «Эль Ниньо», а позади него — открытый зарядный ящик, наполненный снарядами. Дальше следовал бронированный вагон с солдатами, потом платформа с рельсами, затем четыре вагона со шпалами и, наконец, паровоз. Машинист и кочегар были обвешаны патронными лентами, винтовки были тут же у них под рукой. За паровозом шли два-три товарных вагона с солдатами и их женами.

Это было опасное предприятие. В Мапими стоял большой отряд федералистов, и всюду в окрестностях сновали их разъезды. Наша армия была уже далеко впереди, и поезда в Конехосе охраняло только пятьсот человек. Если бы неприятелю удалось захватить или вывести из строя ремонтный поезд, армия осталась бы без воды, продовольствия и боеприпасов.

Мы выехали, когда уже стемнело. Я сидел на казенной части «Эль Ниньо» и болтал с капитаном Диасом, командиром орудия, пока он смазывал замок своей любимой пушки, покручивая торчавшие кверху усы. В бронированной будочке позади орудия, где спал капитан, я услышал какой-то странный, приглушенный шорох.

— Что это там?

— А? — сказал он нервно.— Там ничего нет!

Но в эту минуту из будочки показалась молодая миловидная индианка с бутылкой в руке. На вид ей было не больше семнадцати лет. Капитан, бросив взгляд в мою сторону, быстро обернулся к ней.

— Что тебе здесь надо? — злобно спросил он ее.— Зачем ты вышла сюда?

— Мне показалось, что вы просили пить,— сказала она.

Я понял, что я здесь лишний, и поспешил ретироваться. Они даже не заметили, как я ушел. Перелезая через стенку платформы, я на минуту задержался и прислушался. Они были уже в будке, девушка плакала.

— Разве я не говорил тебе,— бушевал капитан,— чтобы ты не показывалась при других? Я не потерплю, чтобы все мужчины в Мексике пялили на тебя глаза!

Я стоял на крыше покачивавшегося бронированного вагона. Поезд медленно полз вперед. Лежа на животе на самом

краю передней платформы, двое солдат с фонарями в руках тщательно следили, нет ли где на рельсах проволоки от мин, заложенных неприятелем. У моих ног солдаты и их жены ужинали, сидя вокруг разложенных на полу костров. Дым вырывался из бойниц; слышался смех... На крышах вагонов позади тоже горели костры, вокруг них сидели загорелые оборванные люди. В безоблачном небе над головой сверкали звезды. Было холодно.

Через час мы подъехали к месту, где путь был разрушен. Поезд, дернув, остановился, засвистел паровоз, мимо промелькнуло десятка два факелов и фонарей. Бежали рабочие. Факелы сдвинулись — это десятники осматривали путь. В кустах вспыхнул костер, за ним — другой. Подошли солдаты поездной охраны, таща за собой винтовки, и образовали непроницаемую стену вокруг костров. Раздался лязг железных инструментов и крики: «Эй-гой!» — это рабочие сбрасывали рельсы с платформ. Напоминая китайского дракона, прошли рабочие, тащившие рельсы, за ними следовали другие — со шпалами. Четыреста человек с необыкновенной энергией и воодушевлением взялись за восстановление поврежденного участка: стук молотов, забивавших костыли, и крики бригад, укладывавших рельсы и шпалы, слились в один сплошной гул. Повреждение было старым, оставшимся еще от того времени, когда год назад эти самые конституционалисты отступали на север под натиском федеральной армии Меркадо, и за один час все было исправлено. Поезд двинулся дальше. Иногда мы чинили сожженные мосты, иногда укладывали новый путь там, где рельсы были сорваны и скручены, как виноградные лозы,— это проделывается с помощью цепи и паровоза, идущего задним ходом. Мы продвигались медленно. Возле большого моста, на ремонт которого требовалось не меньше двух часов, я разложил костер, чтобы согреться. Кальсадо, проходя мимо, крикнул мне:

— Сейчас мы поставили дрезину и поедем вперед посмотреть убитых. Хотите ехать с нами?

— Каких убитых?

— А вот каких. Сегодня утром отряд из восьмидесяти руралес был послан на разведку севернее Бермехильо. Мы перехватили об этом телеграмму и сообщили Беневидесу на левом фланге. Он послал отряд им в тыл и отогнал их на север. Через пятнадцать миль они наткнулись на расположение наших главных частей, и никто из них не ушел живым. Их трупы валяются по всему пути.

Спустя минуту мы уже катили на дрезине на юг. С правой и с левой стороны во мраке молча скакали два всадника —

наша охрана, державшие винтовки наготове. Вскоре огни и костры поезда остались далеко позади и нас окутала мертвая тишина пустыни.

— Да,— сказал Кальсадо,— руралес очень храбры. Они muy hombres. Это лучшие солдаты и Диаса и Уэрты. Они никогда не переходят на сторону революции. Они всегда верны существующему правительству, потому что они — полиция.

Было страшно холодно. Мы почти не разговаривали.

— Мы едем перед поездом ночью,— сказал солдат, сидевший слева от меня,— и если где-нибудь под насыпью заложены динамитные бомбы...

— Мы их обнаружим, выкопаем и нальем в них воды, carramba! — сказал другой насмешливо. Остальные рассмеялись. Я представил себе это, и меня пробрала дрожь. Мертвая тишина пустыни казалась зловещей. В десяти шагах от полотна дороги ничего не было видно.

— Oiga! — вскричал один из всадников.— Где-то тут лежал один из них.

Заскрипели тормоза, мы соскочили с дрезины и бросились вниз по крутому откосу, освещая себе путь фонарями. У телеграфного столба лежал какой-то бесформенный комок, маленький и жалкий, словно куча тряпья. Убитый, один из руралес, лежал на спине, изогнувшись. Бережливые повстанцы сняли с него все, что представляло ценность,— башмаки, шляпу, белье. Рваную куртку, обшитую почерневшим серебряным галуном, не тронули, так как она была прострелена в семи местах, не забрали и брюк, насквозь пропитанных кровью. При жизни он, очевидно, был гораздо крупнее,— ведь мертвые сильно сжимаются. Взлохмаченная рыжая борода усиливала бледность лица и делала его особенно жутким, и вдруг мы заметили, что под этой бородой, под грязью, налипшей на длинные полосы пота, оставленного часами боя и бешеной скачки, его рот был как-то мягко и умиротворенно полуоткрыт, будто он спал. Голова его была прострелена навылет.

— Черт возьми! — сказал один из кавалеристов.— Вот это выстрел. Прямо в голову!

Другие рассмеялись.

— Неужто ты, дурак, в самом деле думаешь, что пуля угодила ему в голову во время боя? — сказал его товарищ.— Ведь потом всех убитых на всякий случай...

— Сюда! Я нашел еще одного,— раздался голос в темноте.

Мы живо представили себе последние минуты этого человека. Он упал, раненный,— на земле была кровь,— в неглубокий

овражек. Мы даже нашли место, где стояла его лошадь, пока он дрожащими руками закладывал патроны в маузер и стрелял, стрелял — сначала туда, где мчались, испуская дикие вопли, его преследователи, а затем в тысячи безжалостных всадников, мчавшихся с севера, во главе с самим «дьяволом» Панчо Вилья. Он, вероятно, долго отстреливался — его окружили стеной сплошного огня, как мы догадались по сотням пустых гильз. А затем, когда вышли все патроны, он бросился бежать на восток под градом пуль; на минуту спрятался под железнодорожным мостом, потом выбежал на открытое место, где и упал. На трупе было двадцать огнестрельных ран.

С этого убитого содрали все, кроме нижнего белья. Он застыл в позе отчаянной борьбы, мускулы были напряжены, один кулак крепко сжат, словно для удара; лицо искажено свирепой, ликующей улыбкой. Сильным и диким казался убитый, но, присмотревшись поближе, можно было подметить ту еле заметную печать слабости, которой смерть отмечает все живое,— выражение бессмысленной тупости. Ему прострелили голову в трех местах — вот в какое бешенство привел он своих преследователей!

И опять мы медленно ползем на юг в холодном мраке. Несколько миль — и снова взорванный мост или поврежденный путь. Остановка, танцующие факелы, огромные костры, пронизывающие мрак пустыни, и четыреста человек, быстро выскакивающие из вагонов и с остервенением набрасывающиеся на работу... Ведь Вилья приказал торопиться...

Часа в два утра я подошел к костру, возле которого сидели две soldaderas, и спросил, не найдется ли у них для меня лепешек и кофе. Одна из них была седой старухой индианкой с застывшей на лице гримасой улыбки, другая — молодой тоненькой девушкой лет двадцати, не больше, с четырехмесячным ребенком на руках. Они устроились на самом краешке платформы, разложив огонь на куче песка. На платформе вповалку спали громко храпевшие люди. Весь поезд был погружен во мрак, и этот костер был единственным огоньком. Я жевал предложенную мне лепешку; старуха, взяв голыми пальцами горящий уголь, закурила папиросу, свернутую из кукурузного листка, и бормотала что-то о неведомо куда ускакавшей бригаде ее Пабло. Молодая мать укачивала ребенка, прижав его к груди, ее голубые эмалевые серьги поблескивали в свете костра. Мы разговорились.

— Ну и жизнь наша несчастная,— жаловалась молодая женщина.— Мы едем со своими мужьями, а сами не знаем, бу-

дут они живы через час или нет. Я хорошо помню, как мой Филадельфо пришел ко мне как-то утром, еще не совсем рассвело — мы жили в Панчуке,— и сказал: «Собирайся! Мы едем воевать, потому что сегодня убит добрый Панчо Мадеро!» Мы любили друг друга всего только восемь месяцев — еще первый ребенок не родился... Мы все верили, что мир в Мексике установился навсегда. Филадельфо оседлал осла, и мы поехали по улицам, когда только начинало светать, и выехали в поле, где никого еще не было видно за работой. И я сказала: «А почему я должна ехать?» Он сказал: «А что же, по-твоему, я должен голодать? Кто мне будет печь лепешки, как не жена?» Целых три месяца мы были в дороге, я заболела в пустыне, и тогда же родился мой первый ребенок и вскоре умер, потому что мы не могли достать воды. Это было в ту пору, когда Вилья после взятия Торреона пошел на север...

— Да, правда,— перебила старуха.— Чего только не приходится переносить нам ради своих мужчин, а тут еще эти проклятые собаки-генералы издеваются над нами. Я сама из Сан-Луис-Потоси, и мой муж служил в федеральной артиллерии, когда Меркадо пришел на север. Мы ехали до самого Чиуауа, а этот старый дурак Меркадо еще ворчал, что приходится возить за армией женщин. Потом он отдал приказ армии двинуться на север и атаковать Вилью в Хуаресе, а женщинам запретил следовать за мужьями. Так вот ты как, неблагодарная тварь, сказала я самой себе. И когда он ушел из Чиуауа и бежал в Охинагу, захватив с собой моего мужа, я осталась в Чиуауа и скоро нашла себе мужа в мадеристской армии, когда она вступила в город. И хорошего, красивого парня — гораздо лучше Хуана. Я не такая женщина, чтобы мной помыкали.

— Сколько вам следует за лепешки и кофе? — спросил я.

Женщины удивленно переглянулись. Они, вероятно, приняли меня за солдата без гроша в кармане.

— Сколько дадите,— чуть слышно произнесла молодая женщина. Я дал им песо.

Старуха разразилась целой молитвой.

— Господи боже, его пресвятая матерь, блаженный Ниньо и наша божья матерь Гваделупская послали нам этого чужестранца. У нас уже ни сентаво не было на муку и кофе.

Я вдруг заметил, что свет нашего костра побледнел, и, оглянувшись, с удивлением увидел, что уже рассветало. Вдоль поезда бежал какой-то солдат, крича что-то непонятное, а вслед ему неслись восклицания и громкий хохот. Спавшие с любопытством приподнимали головы, желая узнать, что случилось.

В один миг наша безмолвная платформа оживилась. Человек, пробегая мимо, все еще кричал что-то о «padre» [1], и лицо его расплывалось в широкой улыбке.

— В чем дело? — спросил я.

— Да вот,— сказала старуха,— у его жены в другом вагоне только что родился ребенок!

Впереди, прямо перед нами, лежал Бермехильо, его розовые, голубые и белые домики были так изящны и воздушны, словно сделаны из фарфора. На востоке, по тихой пустыне, где еще не клубилась пыль, к городу приближался небольшой отряд всадников с красно-бело-зеленым флагом...

ГЛАВА V

У ВОРОТ ГОМЕСА

Мы взяли Бермехильо вчера днем,— в пяти километрах севернее города армия перешла на бешеный галоп, пронеслась через него во весь опор и погнала застигнутый врасплох гарнизон на юг. Эта схватка продолжалась на протяжении пяти миль — до асиенды Санта-Клара, и было убито сто шесть colorados. Несколько часов спустя на высотах у Мапими показался отряд Урбины, и находившиеся там восемьсот colorados, к своему крайнему изумлению узнав, что вся армия конституционалистов обходит их с правого фланга, поспешно эвакуировали город и стремглав умчались в Торреон. По всем направлениям застигнутые врасплох федералисты в панике отступали к этому городу.

К вечеру из Мапими по узкоколейке прибыл паровозик, тащивший старые вагоны. Из них доносилось громкое треньканье десяти гитар, игравших «Воспоминание о Дуранго». Как часто я под эти звуки отплясывал с солдатами эскадрона! Крыши, двери и окна поезда были забиты солдатами, которые громко пели, отбивая такт каблуками, и стреляли в воздух, салютуя городу. Когда этот забавный поезд подполз к платформе, из него вышел не кто иной, как Патричио, боевой кучер генерала Урбины, вместе с которым мне так часто приходилось разъезжать и плясать. Он бросился мне на шею, восклицая:

— Хуанито! Глядите, mi general, здесь Хуанито!

[1] Отец *(исп.)*.

Через минуту мы уже засыпали друг друга бесконечными вопросами. Напечатал ли я его снимки? Буду ли я участвовать в наступлении на Торреон? Не знает ли он, где теперь дон Петронило? А Пабло Сеанес? А Рафаэлито? В самый разгар нашей беседы кто-то закричал: «Вива Урбина!» — и в дверях вагона показался сам старый генерал — неустрашимый герой Дуранго. Он хромал, и его поддерживали два солдата. В одной руке он держал винтовку — устаревший, негодный спрингфилд со спиленным прицелом,— две патронные ленты обвивали его талию. Несколько секунд он стоял неподвижно, с бесстрастным выражением на лице, буравя меня маленькими жесткими глазками. Я было подумал, что он меня не узнал, как вдруг услышал знакомый хриплый голос:

— У вас другой фотоаппарат! А где же старый?

Я хотел ответить, но он перебил меня:

— Я знаю. Бросили его в Ла-Кадене. А что — удирали во все лопатки?

— Да, mi general.

— А теперь вы едете в Торреон, чтобы снова удирать во все лопатки?

— Когда я решил удирать из Ла-Кадены,— ответил я, слегка задетый,— дон Петронило со своим отрядом опередил меня на целую милю.

Он ничего не сказал в ответ и, прихрамывая, начал сходить со ступенек, а солдаты кругом так и покатились со смеху. Подойдя ко мне, он обнял меня за плечи и похлопал по спине.

— Рад вас видеть, compañero,— сказал он.

В пустыне стали появляться солдаты, раненные в бою при Тлахуалило. Они направлялись к санитарному поезду, стоявшему далеко от нас вторым или третьим в длинной веренице поездов. На плоской голой равнине мне были видны только три движущиеся группы: хромающий солдат без шапки, с рукой, обвязанной окровавленным тряпьем; другой солдат, ковыляющий рядом со своей еле бредущей лошадью, и далеко позади них — мул, на котором сидели две обмотанные бинтами фигуры. Из тихой душной тьмы до нашего вагона доносились стоны и вопли.

Утром в воскресенье я уже снова сидел рядом с «Эль Ниньо» на головной платформе ремонтного поезда, который медленно подвигался вперед параллельно с армией. На второй платформе была установлена другая пушка, «Эль Чавалито», за ней были прицеплены два бронированных вагона и вагоны-мастерские. На этот раз женщин там не было. Армия, двумя

огромными змеями извивавшаяся по обе стороны пути, стала какой-то другой: не слышно было ни смеха, ни криков. Мы находились совсем близко от неприятеля, всего в восемнадцати милях от Гомес-Паласио, и никто не знал, что нам готовят федералисты. Не верилось, что они подпустят нас еще ближе, не попробовав оказать сопротивления.

Южнее Бермехильо мы сразу же вступили как будто в другую страну. Голую пустыню сменили поля с оросительными каналами, вдоль которых росли зеленые великаны аламо, представлявшие очень приятный контраст с оставшейся позади сожженной плоской равниной. Здесь тянулись плантации хлопка и кукурузы, белые коробочки хлопка не были собраны и гнили на стеблях; кукуруза только-только начинала выгонять зеленые ростки. По глубоким каналам, в тени деревьев, быстро струилась вода. Пели птицы, а голые западные горы, по мере нашего продвижения на юг, подходили все ближе и ближе...

Возле асиенды Санта-Клара густые колонны армии остановились и начали развертываться направо и налево; вереницы всадников двигались в тени огромных деревьев, среди солнечных бликов, пока, наконец, шесть тысяч человек не развернулись в одну длинную шеренгу. Ее правый фланг тянулся через орошенные поля и пустыню до самых гор; а левый терялся в мареве, окутывавшем равнину. Где-то вдали, а потом совсем рядом, загремели трубы, и могучая шеренга двинулась вперед через всю равнину. Над головами всадников, словно ореол славы, поднялось облако золотистой пыли в пять миль шириной. Развевались флаги. В центре, держась вровень с армией, шел бронированный поезд, а рядом с ним скакал Вилья со своим штабом. Жители окрестных деревушек — pacíficos — в огромных широкополых шляпах и белых блузах, с безмолвным удивлением следили за этой катящейся лавиной. Какой-то старик гнал домой стадо коз. Волна весело вопящих всадников на взмыленных конях надвинулась на него, и козы разбежались во все стороны. По шеренге на целую милю прокатился хохот, из-под тысячи копыт заклубилась пыль, и волна хлынула дальше. В деревне Бриттингэм огромная шеренга остановилась, и Вилья со штабом подскакал к пеонам, столпившимся на небольшом холмике.

— Oyes! [1] — обратился к ним Вилья.— Здесь за последние дни проходили какие-нибудь войска?

— Sí, señor! — ответило сразу несколько человек.— Вчера здесь проскакали gente дона Карло Аргумедо.

---

[1] Слушайте! *(исп.)*.

— Гм! — буркнул Вилья.— А не видали ли вы здесь бандита Панчо Вилью?

— Нет, сеньор! — хором ответили пеоны.

— А я как раз ищу его. И если захвачу этого diablo [1], ему придется туго.

— Желаем вам успеха! — вежливо проговорили pacíficos.

— А вы никогда его не видали, а?

— Нет, сохрани бог! — воскликнули они горячо.

— Так вот,— усмехнулся Вилья,— в следующий раз, когда вас спросят об этом, вам придется признаться в своем позоре! Я — Панчо Вилья!

С этими словами он пришпорил коня, и вся армия двинулась вслед за ним...

ГЛАВА VI

ВСТРЕЧА С COMPAÑEROS

Наступление Вильи для федералистов явилось такой неожиданностью, и они бежали так поспешно, что железнодорожный путь на многие мили остался неповрежденным. Но к полудню нам стали попадаться сожженные, еще дымящиеся мосты и телеграфные столбы, срубленные топором,— разрушения, сделанные наспех, которые нетрудно было исправить. Однако армия ушла далеко вперед, и к ночи, когда мы были примерно в восьми милях от Гомес-Паласио, мы достигли места, где железнодорожный путь был разрушен на протяжении всех этих восьми миль. В нашем поезде не осталось уже запасов продовольствия; на каждого солдата приходилось лишь по одному одеялу, а ночь была холодная. При свете факелов и костров ремонтная бригада принялась за починку пути. Слышались крики, звон стали, грохот падающих шпал... Ночь была темная, на небе лишь кое-где тускло мерцали звезды. Расположившись вокруг костра, мы разговаривали и дремали, как вдруг воздух прорезал новый звук, более гулкий, чем стук молотов, более низкий, чем вой ветра. Грохнуло — и опять тишина. Потом прокатился нарастающий гул, словно рокот отдаленных барабанов, и затем — бум! бум! Молоты опустились, голоса стихли, мы замерли, напряженно прислушиваясь. Где-то впереди в непроглядном ночном мраке (было так тихо, что малейший звук раз-

[1] Дьявола *(исп.)*.

носился на много миль кругом) Вилья со своей армией обрушился на Гомес-Паласио, и начался бой. Гул медленно и неотвратимо нарастал, и вот уже пушечные выстрелы слились в сплошной грохот, а ружейные выстрелы трещали так, словно там шел стальной дождь.

— Andale! — раздался хриплый голос с крыши бронированного вагона.— Что вы там копаетесь! За работу! Панчо Вилья ждет поездов!

С громкими криками четыреста человек рабочих как бешеные бросились чинить разрушенный путь.

Помню, как мы просили полковника, начальника поездов, отпустить нас на фронт. Он не разрешил. Приказ строжайшим образом запрещал кому бы то ни было покидать поезда. Мы умоляли его, предлагали ему деньги, чуть не становились перед ним на колени. Наконец он немного смягчился.

— В три часа я сообщу вам пароль и отзыв и отпущу вас,— сказал он.

Мы, несчастные, свернулись клубочками у своего маленького костра, пытаясь заснуть или хотя бы согреться. Вокруг нас и впереди, вдоль разрушенного пути, метались факелы, суетились люди, и примерно каждый час поезд продвигался шагов на сто и опять останавливался. Ремонтировать путь было нетрудно — рельсы сохранились в полной исправности. Паровоз, разрушавший путь, захватывал цепью рельс с правой стороны и срывал, переворачивал, ломал шпалы... А из мрака доносился однообразный, страшный гул яростного боя. Он был такой утомительный, такой монотонный, этот гул, и все же я не мог заснуть...

Около полуночи от заднего поезда прискакал один из наших патрульных с известием, что с севера движется большой отряд кавалерии. Когда их окликнули, всадники назвались gente Урбины из Мапими. По сведениям полковника, в этот час мимо нас не должны были проходить никакие войска. Мгновенно начались лихорадочные приготовления. Двадцать пять вооруженных всадников бешеным галопом помчались к заднему поезду с приказом полковника задержать прибывших на пятнадцать минут, если это действительно конституционалисты, а если нет, задержать их как можно дольше. Рабочие немедленно вернулись к вагонам и схватили свои винтовки. Костры были потушены, все факелы, кроме десяти, погашены. Наша охрана из двухсот человек тихонько нырнула в кусты, на ходу заряжая винтовки. Полковник с пятью солдатами, невооруженные, заняли посты по обе стороны пути, высоко над головой держа

факелы. И вот из густого мрака вынырнули передние ряды прибывшего отряда. Солдаты эти нисколько не походили на хорошо одетых, хорошо вооруженных и хорошо питавшихся солдат армии Вильи. Это были оборванные, босые, истощенные люди, закутанные в выцветшие рваные серапе, увенчанные огромными живописными сомбреро, какие носят в глухой провинции. Собранные в кольца лассо болтались у их седел. Их кони были худые, выносливые, полудикие малорослые лошадки с плоскогорий штата Дуранго. Всадники проезжали мимо с угрюмым видом, презрительно нас не замечая. Они не знали и не хотели знать ни отзыва, ни пароля. И почти все монотонно напевали сочиненные экспромтом баллады, какие импровизируют и поют пеоны, когда стерегут по ночам стада на горных северных равнинах.

Я стоял под самым факелом, и вдруг проезжавший мимо всадник осадил свою лошадь, и знакомый голос прокричал: «Эй, мистер!» Серапе полетело на землю, сам всадник мгновенно скатился с коня, и я был уже в объятьях Исидро Амайа. Позади него раздался целый хор приветствий: «Qué tal, мистер! О Хуанито, как мы рады тебя видеть! Где ты был? Говорили, что ты был убит в Ла-Кадене! А что — быстро пришлось удирать от colorados? Mucho susto [1], а?»

Они соскочили с лошадей и облепили меня со всех сторон, человек пятьдесят тянулись одновременно похлопать меня по спине. Все они были самые дорогие мои друзья — compañeros из эскадрона генерала Урбины и из Ла-Кадены!

Задние ряды задержанных в темноте подняли крик: «Проезжайте! Vámonos! В чем дело? Скорей! Не стоять же нам здесь всю ночь!» Передние кричали им в ответ: «Здесь мистер! Здесь тот гринго, о котором мы рассказывали,— он еще плясал хоту в Ла-Сарке! Который был в Ла-Кадене!» И тут ко мне бросались другие.

В отряде было тысяча двести человек. Безмолвные, угрюмые, возбужденные предстоящим боем, проезжали они между двумя рядами высоко поднятых факелов. И каждого десятого я знал в лицо. То и дело полковник рявкал:

— Знаете отзыв? Загните поля шляп впереди! Отзыв знаете?

Он выкрикивал это хрипло, раздраженно. А они спокойно проезжали мимо, с невозмутимой наглостью, не обращая на него ни малейшего внимания.

---

[1] Очень испугался *(исп.)*.

— К черту твой отзыв! — вопили они насмешливо. — Зачем еще нам отзыв! Они сразу узнают, на чьей мы стороне, когда мы пойдем в бой!..

Несколько часов, казалось, проезжали они мимо нас, растворяясь в темноте; лошади их нервно поводили ушами, прислушиваясь к орудийным выстрелам вдали, солдаты горящими глазами вглядывались во мрак, где их ожидал бой, в который они ехали со старыми винтовками спрингфилд и с самым ничтожным запасом патронов. И когда они скрылись, сражение вдали, казалось, вспыхнуло с новой силой...

ГЛАВА VII

КРОВАВЫЙ РАССВЕТ

Гул сражения не затихал всю ночь. Впереди плясали горящие факелы, звенели рельсы, гремели по костылям молоты, кричали рабочие ремонтной бригады, ни на секунду не ослаблявшие своих усилий. Было уже за полночь. С того момента как поезда подошли к разрушенному участку пути, мы продвинулись на полмили. Время от времени вдоль поездов проходил какой-нибудь отставший солдат с тяжелой винтовкой за плечом и опять скрывался во мраке, торопясь туда, где ревел и грохотал бой. Солдаты нашей охраны, разложив в поле костры, отдыхали у них от напряженного ожидания. Трое из них распевали походную песенку, начинавшуюся словами:

Я не хочу быть порфиристом,
Я не хочу быть ороскистом,
Нет, я хочу быть добровольцем
В армии мадеристов!

В страшном волнении, сгорая от любопытства бегали мы взад и вперед вдоль поездов, расспрашивая всех, что́ им известно, что́ они думают. Мне никогда еще не приходилось слышать грохот настоящего сражения, и я был вне себя от любопытства и нервного возбуждения. Мы были словно собаки, запертые во дворе, когда за оградой кипит собачья драка. Внезапно мое волнение улеглось, и я почувствовал страшную усталость. Я тут же свалился и заснул мертвецким сном на небольшой площадке под дулом пушки, куда рабочие бросали гаечные ключи, молоты и ломы, когда поезд начинал двигаться по по-

чиненному участку пути, и куда они валились сами с криками и шутками.

В предутреннем холоде я проснулся и почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо. Это был полковник.

— Можете теперь идти,— сказал он.— Пароль — «Сарагоса», отзыв — «Эрреро». Наших солдат узнаете по полям шляп, загнутым спереди. Да не случится с вами беды!

Было страшно холодно. Мы закутались в одеяла, словно в серапе, и направились мимо рабочих, с прежней энергией продолжавших чинить путь при дрожащем свете факелов, затем мимо пяти солдат, гревшихся у костра на краю полного мрака.

— Идете в бой, compañeros? — спросил один из рабочих.— Берегитесь пуль!

Все рассмеялись. Часовые кричали нам вслед:

— Adios! Не убивайте всех! Оставьте нам хоть несколько «стриженых».

Во мраке за последним факелом, где на полотне в беспорядке валялись сорванные рельсы и шпалы, к нам приблизилась какая-то тень.

— Идемте вместе,— раздался голос.— В темноте трое — это целая армия.

Спотыкаясь, мы молча брели по разрушенному пути вслед за нашим новым спутником, с трудом различая его в темноте. Это был коренастый солдатик с винтовкой и наполовину опустошенной патронной лентой. Он сказал, что только что доставил в санитарный поезд раненого и теперь возвращается обратно.

— Пощупайте,— сказал он, протягивая руку.

Рука была мокрая, но мы ничего не могли разглядеть.

— Кровь,— продолжал он безучастно.— Его кровь. Он был моим compadre в бригаде Гонсалеса — Ортега. Мы пошли сегодня ночью в наступление, и столько нас, столько... Нас просто косили...

Впервые мы услышали — или подумали — о раненых. И тут же до нас донесся гул сражения. Он не затихал ни на мгновенье, но мы как-то забыли о нем,— он был так однообразен, так однообразен. Треск отдаленных ружейных выстрелов напоминал треск рвущейся парусины, пушки ухали, как паровые молоты. До поля боя оставалось всего шесть миль.

Из мрака вынырнула кучка солдат — четыре человека несли на одеяле что-то тяжелое и неподвижное. Наш проводник поднял винтовку и окликнул их; в ответ с одеяла донесся прерывистый стон.

— Oiga, compadre,— прохрипел один из носильщиков.— Скажи, ради пресвятой девы, где санитарный поезд?

— Мили три...

— Válgame, Dios! Как же мы сможем...

— Воды! Есть ли у вас вода?

Носильщики остановились, с туго натянутого одеяла что-то падало каплями — кап, кап, кап! — на шпалы.

Страшный голос вскрикнул: «Пить!» — и замер в дрожащем стоне. Мы протянули носильщикам свои фляжки, и они безмолвно, с животной жадностью, осушили их. О раненом они забыли. Затем тяжело поплелись дальше...

Во мраке мелькали все новые — в одиночку и небольшими группами — смутные тени, спотыкавшиеся как пьяные, как люди, смертельно уставшие. Прошли двое, поддерживая третьего, крепко обхватившего их шеи,— ноги его бессильно волочились по земле. Пошатываясь, прошел юноша, почти еще мальчик, неся на спине безжизненное тело своего отца. Прошла лошадь, опустившая морду до самой земли,— к седлу были привязаны два тела, а сзади шагал солдат, бил лошадь по крупу и визгливо ругался. Его пронзительный голос долго еще слышался в темноте. Некоторые стонали — глухие стоны, вырванные невыносимой болью. Какой-то всадник, скорчившийся в седле, монотонно вскрикивал при каждом шаге, который делал его мул. Под двумя высокими тополями у оросительного канала мерцал слабый огонек. Три солдата с пустыми патронными лентами, лежа на твердой неровной земле, громко храпели, у костра сидел четвертый. Обхватив обеими руками свою ногу, он грел ее у самого огня. До самой лодыжки это была нога как нога, но дальше свисали кровоточащие лохмотья брюк и мяса. А солдат сидел и смотрел на нее. Он не пошевельнулся, когда мы подошли к нему, но дышал он ровно и спокойно, а рот был полуоткрыт, как во сне. У самой воды на коленях стоял другой раненый. Разрывная пуля попала ему в руку между средним пальцем и безымянным и разворотила всю ладонь. Намотав кусок тряпки на палочку, он беззаботно окунал ее в воду и прочищал рану.

Вскоре мы подошли к месту боя. На востоке, над обширной равниной, забрезжил рассвет. Величественные деревья аламо, стройными рядами поднимавшиеся по бокам каналов, уходивших на запад, огласились многоголосым птичьим пением. Становилось теплее, пахло землей, травой и молодой кукурузой — запахи тихой летней зари. И от этого грохот сражения казался порождением безумия. Истерический треск ружейного

огня, который как будто сопровождался непрерывным приглушенным воплем, хотя, когда вы вслушивались, это впечатление исчезало. Отрывистая смертоносная чечетка пулеметов, словно где-то долбит клювом огромный дятел. Гром орудий, подобный ударам тысячепудовых колоколов, и свист снарядов: бум! — пи-и-и-и-ю! И самый страшный из всех звуков войны — свист рвущейся шрапнели: трах! — ви-и-и-й-я!

Раскаленное солнце выплыло на востоке из легкого тумана, поднявшегося от плодородной земли, и над бесплодной восточной равниной заколебался горячий воздух. Солнечные лучи заиграли на ослепительно-зеленых верхушках высоких аламо, окаймлявших канал, тянувшийся справа от железнодорожного полотна. Ряды деревьев здесь кончались; за ними громоздились друг на друга обнаженные горные хребты, залитые розовым светом. Мы опять вступили в сожженную солнцем пустыню, густо поросшую пыльным мескитом. Если не считать еще одного ряда аламо, тянувшегося с востока на запад почти у самого города, на всей равнине больше не было деревьев, кроме двух-трех с правой стороны. До Гомес-Паласио было уже совсем близко — мили две, не больше — и часть города лежала перед нами как на ладони. Вот направо черный круглый резервуар — водокачка, позади него — железнодорожное депо; налево, по другую сторону пути, низкие глинобитные стены Бриттингэм-Корраля. Налево подымались, четко рисуясь в прозрачном воздухе, дымовые трубы, здания и деревья мыловаренного завода Ла-Эсперанца. Направо, словно совсем рядом с железнодорожным полотном, суровая каменная гора Черро-де-ла-Пилья вздымает свои отвесные склоны, увенчанные на вершине каменной цистерной; а западный склон горы понижается отлого волнистым кряжем, длиной в милю. Большая часть Гомеса лежит за этим отрогом Черро, у западного конца которого ярким пятном зелени на сером фоне пустыни выделяются виллы и сады Лердо. Высокие бурые горы на западе мощным полукругом охватывают оба города и затем уходят на юг — бесконечный ряд суровых, голых хребтов. И прямо на юг от Гомеса, у подножия этих хребтов, расположен Торреон, богатейший город Северной Мексики.

Стрельба не прекращалась ни на минуту, но теперь она занимала лишь второстепенное место в бредово-хаотичном мире. По полотну железной дороги при ярком утреннем свете медленно тянулся поток раненых — окровавленных, искалеченных, смертельно усталых людей в грязных, пропитанных кровью повязках. Они проходили мимо нас, один упал и неподвижно

застыл в пыли, а нам было все равно. Солдаты, черные от пороха, потные, грязные, израсходовав все свои патроны, выходили из кустов чапарраля, волоча за собой винтовки, бессмысленно уставив глаза в землю, и снова скрывались в кустах по другую сторону железной дороги. При каждом шаге поднимались облачка тончайшей пыли, и она стояла в тихом воздухе, обжигая горло и глаза. Из кустарника показалось несколько всадников. Они остановились у полотна железной дороги и стали всматриваться в сторону Гомеса. Один из них спешился и присел на землю возле нас.

— Это был черный ужас! — сказал он вдруг.— Carramba! Прошлой ночью мы пошли в наступление в пешем строю. Федералисты засели в железном резервуаре, в стенках которого были прорезаны дыры для винтовок. Мы подошли вплотную, засунули дула винтовок в дыры и перебили их всех до одного — в этой крысоловке! Но потом нам пришлось брать Корраль! Они прорезали два ряда бойниц: один ряд для лежачих, другой — для стоячих. Три тысячи руралес засели там с пятью пулеметами, которые простреливали дорогу. И еще железнодорожное депо с тремя рядами окопов снаружи и подземным ходом, откуда они могли заползти к нам в тыл и стрелять в спину... Наши бомбы не взрывались, а что мы могли поделать с одними винтовками? Madre de Dios! [1] Но мы налетели на них так внезапно, что они не успели и опомниться. Мы захватили депо и резервуар. Но вот сегодня утром тысячи их... тысячи... пришли на подкрепление из Торреона... с артиллерией... и погнали нас обратно. Они окружили резервуар, засунули дула винтовок в дыры и перебили всех наших... черти проклятые!

Пока он рассказывал, мы смотрели на место боя и прислушивались к вою и свисту снарядов и пуль, но нигде не было заметно ни малейшего движения, и нельзя было догадаться, откуда стреляют,— даже дымков не было заметно, только иногда в миле от нас в первом ряду деревьев с треском взрывалась шрапнель, выплевывая клубы белого дыма. Так мы и не могли разобраться, где ухают пушки и раздается треск винтовок и пулеметов. Плоская пыльная равнина, деревья, трубы и каменистая гора застыли в горячем воздухе. Справа, с ветвей аламо, доносилось беззаботное птичье пение. Казалось, что все кругом — лишь обман чувств, невероятный сон, сквозь который проходит страшная процессия раненых солдат, ковыляющих в облаках пыли, словно привидения...

[1] Матерь божия! *(исп.)*

ГЛАВА VIII
ПРИБЫТИЕ АРТИЛЛЕРИИ

Справа, вдоль ряда деревьев, густыми облаками поднималась пыль, слышны были крики, свист бичей, грохот и звон цепей. Мы свернули на тропинку, извивавшуюся среди чапарраля, и вскоре подошли к крохотной деревушке, затерявшейся в кустах на берегу оросительного канала. Она имела удивительное сходство с китайской деревней или селением Центральной Америки; пять-шесть глинобитных хижин с кровлей из глины и веток. Деревушка эта называлась Сан-Рамон. У каждой двери толпилась кучка солдат, громко требовавших кофе и лепешек, размахивая деньгами Вильи.

Pacíficos, присев на корточки у своих сарайчиков, втридорога продавали macuche; их жены потели у очагов, жаря лепешки и разливая скверный черный кофе. Повсюду прямо на голой земле мертвым сном спали солдаты; те, у кого на руках и головах запеклись кровавые раны, стонали и метались во сне. Вскоре галопом прискакал обливавшийся потом офицер и закричал:

— Вставайте, олухи! Дураки! Немедленно по своим ротам! Сейчас идем в атаку!

Три-четыре человека зашевелились и с проклятиями начали подниматься, еле держась на усталых ногах, остальные продолжали спать.

— Hijos de la!..— закричал офицер и, пришпорив лошадь, проскакал над спящими...

Они вскакивали, увертываясь и крича. Потом потягивались, зевали, все еще сонные, и лениво, нехотя, уходили по направлению к фронту... А раненые только безучастно отползали в тень кустов.

Вдоль берега канала протянулась проезжая дорога, по которой двигалась наконец прибывшая артиллерия конституционалистов. Мелькали серые головы мулов, широкополые шляпы погонщиков и извивавшиеся в воздухе бичи — остальное тонуло в облаке пыли. Передвигаясь медленнее армии, артиллерия шла всю ночь. Мимо нас с грохотом катились зарядные ящики, лафеты и длинные тяжелые орудия, покрытые желтой пылью. Погонщики и артиллеристы были в прекрасном настроении. Один из них, американец, лицо которого было скрыто под сплошной маской пота и грязи, громко закричал, спрашивая, не опоздали ли они, не взят ли уже город.

Я ответил по-испански, что colorados на их долю еще хватит, и мои слова были встречены радостными возгласами.

— Ну, теперь мы им покажем! — воскликнул великан индеец, ехавший на муле.— Раз уж вы могли ворваться в их проклятый город без пушек, то уж с пушками-то мы им покажем!

Длинный ряд аламо кончался сейчас же за деревней Сан-Рамон, и там под последними деревьями, на берегу канала, стояла кучка всадников — Вилья, генерал Анхелес и весь штаб. Канал, извиваясь по обнаженной равнине, тянулся до самого города, где его питала река. Вилья был одет в старый коричневый мундир, без воротничка, и очень старую войлочную шляпу. Он всю ночь разъезжал по линии фронта, был в грязи с головы до ног, но казался совсем свежим и бодрым.

Увидев нас, он закричал:

— Здорово, малыши! Ну, нравится вам все это?

— Очень, mi general!

Мы были измучены вконец и очень грязны. Наш вид чрезвычайно позабавил Вилью. Но надо сказать, что он вообще не принимал корреспондентов всерьез, и ему казалось очень смешным, что американская газета согласна нести такие расходы, чтобы раздобыть новости.

— Вот и хорошо,— сказал он, усмехнувшись.— Я рад, что вам это нравится,— ведь у вас впереди еще много того же!

Подъехала первая пушка и остановилась напротив штаба, орудийная прислуга начала срывать холщовые чехлы, снимать орудие с передка и открывать тяжелые зарядные ящики. Капитан батареи привинтил панорамный прицел и ручку подъемного механизма. В зарядных ящиках сверкала медь тяжелых снарядов, лежавших в ряд; два артиллериста, сгибаясь под его тяжестью, поднесли один снаряд к пушке и, опустив на землю, поддерживали его, пока капитан устанавливал дистанционную трубку. Лязгнул затвор, и мы отскочили в сторону. «Бум! Пи-и-и-и-ю!» — раздалось, затихая, и небольшое облачко дыма поднялось у подножия Черро-де-ла-Пилья, а через минуту донесся звук взрыва. На расстоянии примерно ста шагов один от другого впереди орудия неподвижно стояли оборванные артиллеристы и глядели в полевые бинокли.

— Слишком низко! Чересчур далеко вправо! Их пушки стоят вдоль кряжа! Прибавь-ка ей пятнадцать! — кричали они, перебивая друг друга.

Ружейная перестрелка на передней линии почти затихла, а пулеметы умолкли совсем. Все следили за артиллерийской

дуэлью. Было около половины шестого утра, но уже сильно припекало солнце. Позади нас на полях сухо трещали кузнечики, в легком ветерке шелестели высокие верхушки аламо, снова затянули свои песни птицы.

Еще одна пушка вышла на позицию; снова щелкнул ударник первого орудия, но выстрела не последовало. Артиллеристы открыли затвор и выбросили дымящийся снаряд на траву — негодный. Я видел, как генерал Анхелес, в выцветшем свитере, с непокрытой головой, устанавливал прицел. Вилья шпорил коня, который пятился от зарядных ящиков. Бум! — пи-и-и-и-ю! — выстрелило второе орудие. На этот раз шрапнель разорвалась уже на склоне. Затем до нас донесся звук четырех выстрелов, и неприятельские снаряды, до сих пор падавшие меж деревьями, ближайшими к городу, теперь разорвались на равнине — четыре оглушительных взрыва и каждый последующий намного ближе к нам. Подъехало еще несколько пушек; другие же были установлены вдоль диагонали деревьев, пыльную дорогу забили длинные ряды тяжелых фургонов, брыкающихся мулов, кричащих и ругающихся солдат. Тех мулов, которых выпрягали, отводили подальше, а их измученные погонщики бросались на землю в тень ближайшего куста.

Федералисты прекрасно брали прицел и стреляли великолепно; их шрапнели взрывались теперь всего в каких-нибудь ста шагах от нашей линии, и эти взрывы следовали один за другим. «Трах! Вп-и-и-й-я!» — в листьях деревьев над нашими головами зловеще зашелестел дождь свинца. Наши орудия отвечали плохо, с перебоями: самодельные снаряды, изготовлявшиеся в Чиуауа на станках, переделанных из снятого с шахт оборудования, были очень ненадежны. Мимо проскакал толстый итальянец, капитан Маринелли, «солдат наживы», и постарался поставить свое орудие как можно ближе к корреспондентам. Лицо его хранило сосредоточенное, «наполеоновское» выражение. Раза два он с любезной улыбкой взглянул на фотографа, но тот холодно отвел глаза в сторону. Деловитым жестом итальянец приказал поставить орудие на место и сам навел его. Но как раз в эту минуту, в каких-нибудь ста шагах от него, с оглушительным треском взорвалась шрапнель. Федералисты уже почти накрыли цель. Маринелли бросился в сторону, вскочил на лошадь и с драматическим видом поскакал обратно, за ним, громыхая, неслась его пушка. Все другие орудия оставались на своих местах. Осадив взмыленного коня перед фотографом, Маринелли спрыгнул на землю и, встав в позу, сказал:

— А теперь вы можете меня снять!

— Поди к черту! — ответил фотограф, и по всей линии пронесся громкий хохот.

Покрывая грохот боя, раздались визгливые звуки трубы. Тотчас же появились погонщики и мулы с передками. Зарядные ящики закрылись.

— Будем продвигаться ближе, — закричал полковник Сервин. — Плохо попадаем. Слишком далеко отсюда...

Защелкали бичи, мулы рванулись вперед, и под обстрелом неприятеля длинный ряд орудий потянулся в открытую пустыню.

ГЛАВА IX
СРАЖЕНИЕ

Мы вернулись обратно по тропинке, извивавшейся среди кустов мескита, перешли разрушенный железнодорожный путь и по пыльной равнине направились на юго-восток. Оглянувшись на железную дорогу, я увидел вдали дымок паровоза первого поезда, а перед ним — копошащиеся справа от полотна темные пятнышки, искаженные, как отражение в кривом зеркале. Над ними висело облако тончайшей пыли. Кусты мескита становились все ниже и ниже и уже едва достигали колен. Направо высокая гора и трубы города тихо плыли в горячем воздухе; ружейный огонь на время почти затих, и только иногда вспыхивавшие на кряже ослепительно-белые клубы густого дыма показывали, где рвутся наши снаряды. Мы смотрели, как наши желтовато-серые орудия катили по равнине, занимая позицию вдоль первого ряда деревьев аламо, прочесываемых неприятельской шрапнелью. Там и сям по равнине двигались небольшие отряды всадников, кое-где брели пехотинцы, таща за собой винтовки.

Старый пеон, согбенный годами и одетый в лохмотья, низко нагибаясь, собирал ветки мескита.

— Эй, друг, — обратились мы к нему, — не скажете, как нам подойти поближе к месту боя?

Старик выпрямился и пристально посмотрел на нас.

— Коли б вы пожили здесь столько времени, сколько я, — сказал он, — то у вас отпала бы охота смотреть бой. Carramba! За три года я семь раз видел, как брали Торреон. То наступление ведут со стороны Гомес-Паласио, то со стороны гор.

Но всегда одно и то же — война. Молодым, может быть, это и интересно, а нам, старикам, война надоела, дальше некуда.

Он остановился и перевел взгляд вдоль по пустынной равнине.

— Видите вон тот высохший канал? Так вот, если вы пойдете по этому каналу, то он приведет вас прямо в город.— Затем, как будто вспомнив о чем-то, он равнодушно спросил: — Какой вы партии?

— Мы конституционалисты.

— Так. Сперва были мадеристы, потом ороскисты, а теперь — как вы сказали? Я очень стар, мне уже недолго осталось жить, но эта война, мне кажется, ничего не даст нам, кроме голода. Ступайте себе с богом, сеньоры.

Он опять нагнулся и стал собирать ветки, а мы спустились в заброшенный оросительный канал, тянувшийся в юго-западном направлении; дно его было покрыто пыльными сорняками. Он уходил вдаль, прямой как стрела, но дальний конец расплывался в мареве, и казалось, что там блестит озерцо. Пригнувшись, чтобы нас не заметили с равнины, мы шли вперед, казалось, целыми часами; потрескавшееся дно и пыльные берега канала дышали таким зноем, что кружилась голова и все начинало плавать перед глазами. Один раз справа от нас совсем близко проехали всадники, звеня огромными железными шпорами; мы прижались к берегу, не желая рисковать. На дне канала грохот орудий казался очень слабым и отдаленным, но, осторожно подняв голову над краем, я увидел, что мы находимся совсем близко от первого ряда деревьев. Вдоль этого ряда рвалась шрапнель, и я даже рассмотрел дымки, вырывавшиеся из стволов наших пушек после каждого выстрела, и почувствовал удары звуковых волн. Мы находились теперь на добрую четверть мили впереди нашей артиллерии и, очевидно, продвигались прямо к резервуару на краю города. Мы снова шли, нагнувшись, и визг снарядов доносился до нас теперь только в то мгновенье, когда они прочерчивали небо над самой нашей головой, затем секунда тишины и глухой взрыв. Впереди, где канал пересекал мост боковой ветки, лежала куча трупов, вероятно оставшихся здесь после первой атаки. Крови почти не было: головы и сердца убитых пронзили стальные маузеровские пули, оставив крохотные чистые ранки. Мертвые лица с запавшими глазницами были спокойны спокойствием смерти. Кто-то, быть может их же собственные бережливые compañeros, забрали их оружие и сняли с них обувь, шляпы и всю мало-мальски уцелевшую одежду. Какой-то солдат, сидя на земле

рядом с трупами и положив винтовку себе на колени, спал тяжелым сном, сильно храпя. Его облепили мухи — рои их гудели над трупами, пока еще не тронутыми разложением. Другой солдат, прислонившись к холмику и упираясь ногами в труп, стрелял раз за разом в сторону города, целясь во что-то вдали. В тени моста сидели еще четыре солдата и играли в карты. Они играли вяло, не разговаривая друг с другом; глаза их были красны от длительной бессонницы. Жара стояла нестерпимая. Порой проносилась шальная пуля, насвистывая: «Зде-с-с-с-ъ вы?» Эта странная компания отнеслась к нашему появлению совершенно безразлично. Стрелок согнулся в три погибели и осторожно вставил новую обойму в свою винтовку.

— Нет ли у вас хоть капли воды? — спросил он, глядя на мою фляжку.— Adio! Мы не ели и не пили со вчерашнего дня.

Он жадно припал губами к фляжке, украдкой следя за игравшими в карты, боясь, что и они могут попросить воды.

— Говорят, что мы опять пойдем в атаку на резервуар и Корраль, как только артиллерия придет нам на подмогу. Мы все из Чиуауа. Ночью нам пришлось туго: они нас так и косили на улицах...

Вытерев губы тыльной стороной ладони, он опять начал стрелять. Мы лежали рядом и смотрели. Мы находились всего в двухстах шагах от смертоносного резервуара. По другую сторону пути и широкой улицы, отходившей от него, виднелись бурые, такие безобидные на вид стены Бриттингэм-Корраля, и только чуть заметные черные точки выдавали двойной ряд бойниц.

— Вон там пулеметы,— сказал наш приятель.— Вон над стеной торчат их дула.

Но мы ничего не могли разглядеть. Резервуар, Корраль и город дремали в раскаленных солнечных лучах. В воздухе легким туманом по-прежнему висела пыль. Впереди, шагах в пятидесяти от нас, протянулась неглубокая открытая канава, несомненно окоп, вырытый федералистами, так как земля была навалена с нашей стороны. Теперь в нем засели две сотни усталых, покрытых пылью солдат — пехота конституционалистов. Они растянулись на земле в позах крайней усталости: одни спали, лежа на спине, даже не закрыв лица от горячего солнца; другие, еле передвигая ноги, пригоршнями переносили землю с одной стороны канавы на другую, где уже лежали кучки камней. Надо помнить, что пехота в армии конституционалистов — это просто кавалерия без лошадей; все солдаты

Вильи — кавалеристы, за исключением артиллерийской прислуги и тех, для кого не нашлось лошадей.

Внезапно артиллерия позади нас открыла стрельбу изо всех орудий, десяток снарядов, просвистев над нашими головами, взорвался на склоне горы Черро.

— Это сигнал,— сказал стрелок. Он соскользнул на дно и пнул ногой спящего.

— Эй,— закричал он,— вставай! Сейчас пойдем в атаку на стриженых!

Спавший застонал и медленно открыл глаза; потом зевнул и молча взял винтовку. Игравшие в карты начали пререкаться из-за выигрышей. Затем они отчаянно заспорили по поводу того, кому принадлежит колода. Все еще ворча и споря, они вылезли из канала и пошли по его краю вслед за стрелком.

В окопе впереди затрещали выстрелы. Те, кто спал, переворачивались на живот и, прячась за своими невысокими укрытиями, принимались стрелять — мы видели, как движутся их локти. Пустой железный резервуар зазвенел под градом пуль; кусочки глины посыпались со стен Корраля. Мгновенно стена ощетинилась дулами винтовок и пулеметов, открывших убийственный огонь. Небо закрыл свистящий поток свинца, пули взбивали пыль, и скоро желтое клубящееся облако скрыло от нас и резервуар и Корраль. Мы видели, как наш стрелок бежал, пригибаясь к земле, сонный солдат следовал за ним, выпрямившись во весь рост и все еще протирая глаза. Позади гуськом бежали игроки, по-прежнему переругиваясь. Где-то в тылу раздался звук трубы. Стрелок, бежавший впереди, внезапно остановился, покачнувшись, словно налетел на каменную стену. Его левая нога подогнулась, он пошатнулся и упал на одно колено на открытом месте. С воплем ярости он вскинул винтовку.

— ...мерзкие обезьяны! — кричал он, стреляя в облако пыли.— Я покажу этим... Стриженые головы! Арестанты!

Он раздраженно мотнул головой, как собака, которой прокусили ухо. Во все стороны полетели капли крови. Рыча от бешенства, он расстрелял всю обойму, потом упал и с минуту катался по земле в конвульсиях. Другие, пробегая мимо, даже не взглянули на него. Траншея теперь, как потревоженный муравейник, кишела солдатами, вскакивавшими на ноги. Резко трещали выстрелы. Позади нас раздался топот бегущих ног,— солдаты в сандалиях, в серапе на плечах, кувырком скатывались в канал, затем взбирались вверх на другую сторону... сотни и сотни их... так казалось...

Они почти заслонили от нас передовую, но сквозь пыль и бегущие ноги мы успели рассмотреть, как солдаты в окопе мощной волной перекатывались через насыпь. Затем непроницаемое облако пыли сомкнулось и резкий треск пулеметов заглушил все остальные звуки. Внезапно горячий порыв ветра прорвал облако пыли, и мы увидели первый ряд солдат,— они шли и бежали, шатаясь, словно пьяные, а пулеметы на стенах выплевывали тусклое багровое пламя. Затем из облака пыли выбежал солдат без винтовки, пот градом катился у него по лицу. Он бежал без оглядки, быстро скользнул в канал и стал выбираться на другую сторону. Впереди сквозь облако пыли можно было видеть неясные очертания множества бегущих.

— В чем дело? Что происходит? — крикнул я.

Не ответив, он побежал дальше. Внезапно впереди раздался беспощадный визг шрапнели. Артиллерия неприятеля! Машинально я стал прислушиваться, стреляют ли наши пушки. Они молчали, лишь изредка раздавались одиночные выстрелы. Снова подвели самодельные снаряды. Еще две шрапнели! В огромном облаке пыли новая волна бегущих солдат метнулась назад. Они скатывались в канал по одному, по двое, кучками — и вот уже нас захлестнул охваченный паникой людской поток. «Назад, к деревьям! К поездам! — кричали они.— Федералисты наступают!» И мы побежали с толпой по полотну железной дороги... Позади ревели снаряды, нащупывая нас в облаке пыли, и трещали ружейные выстрелы. И тут мы увидели, что вся широкая дорога впереди забита всадниками, они неслись галопом, оглашая воздух индейским боевым кличем и размахивая винтовками — наша главная колонна! Мы отступили, и они, словно ураган, промчались мимо — пятьсот человек, потом пригнулись к седлам и принялись стрелять. Стук лошадиных копыт был подобен грому.

— Лучше держаться оттуда подальше! Слишком там горячо! — сказал один из пехотинцев, криво усмехнувшись.

— Ну, я еще горячее,— ответил какой-то всадник, и мы все рассмеялись. Мы спокойно пошли по полотну железной дороги, в то время как пальба позади превратилась в сплошной рев. Несколько пеонов — pacíficos — в высоких сомбреро, белых холщовых блузах и серапе, стояли возле пути. Скрестив руки на груди, они глядели в сторону Гомеса.

— Уходите-ка отсюда, приятели,— добродушно посоветовал какой-то солдат.— Не стойте здесь. Вас, того гляди, зацепит.

Пеоны переглянулись между собой и смущенно улыбнулись.

— Но, сеньор,— сказал один из них,— мы же всегда стоим здесь, когда идет бой.

Немного дальше я наткнулся на офицера-немца, который вел за узду свою лошадь.

— Я не могу ехать на нем,— сказал он мне с глубокой серьезностью.— Он вконец измучен. Если не дать ему поспать, то он издохнет.

Конь — гнедой жеребец — еле брел, пошатываясь и спотыкаясь. Крупные слезы лились из его полуоткрытых глаз и катились по морде...

Я смертельно устал, от бессонницы, голода и жары у меня мучительно кружилась голова. Пройдя полмили, я оглянулся и увидел, что неприятельская шрапнель взрывается возле ряда деревьев все чаще и чаще. Очевидно, неприятель точно рассчитал прицел. И тут же я увидел, что из-за деревьев в четырех или пяти местах выползают орудия, запряженные мулами: наша артиллерия была сбита со своей позиции... Я бросился под тень огромного куста мескита, намереваясь отдохнуть.

Почти в ту же минуту звук перестрелки изменился — словно половина винтовок разом умолкла. Одновременно загремели двадцать труб. Вскочив на ноги, я увидел кучку всадников, мчавшихся по полотну железной дороги и громко что-то выкрикивавших. За ними следовали другие; они неслись во весь опор в том месте, где железная дорога, проходя через деревья, уходит в сторону города. Атака нашей кавалерии была отбита. Мгновенно всю равнину усеяли солдаты, конные и пешие,— все они бежали назад к поездам. Один швырнул свой серапе, другой — винтовку. Число их стремительно возрастало, и скоро вся раскаленная равнина была уже покрыта ими. Прямо передо мной из кустов вынырнул всадник, вопивший: «Федералисты наступают! К поездам! Они уже рядом!» Вся армия конституционалистов была обращена в бегство! Схватив свой плащ, я бросился вслед за другими. Вскоре я наткнулся на орудие, брошенное на равнине: постромки были обрезаны, мулы уведены. Всюду под ногами валялись винтовки, патронные ленты, серапе. Это был полный разгром. Выйдя на открытое место, я увидел впереди большую толпу бегущих безоружных солдат. Внезапно дорогу им перерезали три всадника, махавшие руками и громко кричавшие:

— Назад! Ради бога, назад! Они не наступают!

Двоих я не узнал. Третий был Вилья.

ГЛАВА X
МЕЖДУ ДВУМЯ АТАКАМИ

Примерно через милю беглецы остановились. Мне попадалось все больше и больше встречных солдат. У всех на лицах было написано облегчение — словно они страшились неведомой опасности и вдруг страх исчез. В этом и заключалась сила Вильи: он всегда так умел все объяснить массе простых людей, что они сразу его понимали. Федералисты, по обыкновению, не сумели воспользоваться удобным моментом, чтобы окончательно разгромить конституционалистов. Быть может, они боялись ловушки, вроде той, какую Вилья устроил им у Мапулы, когда победоносные федералисты сделали вылазку, чтобы преследовать бегущую армию Вильи после первой атаки у Чиуауа, и были отбиты с тяжелыми потерями. Как бы то ни было, но они не вышли из своих укреплений. Наши солдаты возвращались обратно и начинали разыскивать в зарослях мескита свои винтовки и серапе, а также чужие винтовки и серапе. По всей равнине раздавались громкие возгласы и шутки:

— Oiga! Куда ты тащишь эту винтовку?.. Это моя фляжка!.. Я бросил свое серапе вот под этот самый куст, и уже его сперли!

— А что, Хуан,— кричал кто-то,— я же всегда говорил, что тебе за мной не угнаться!

— Вот и соврал, compadre! Я тебя обогнал на сто метров и летел, как ядро из пушки!

Надо помнить, что накануне солдаты провели в седлах двенадцать часов, что потом они сражались всю ночь и все следующее утро под палящими лучами, что им приходилось бросаться в атаку на окопавшегося противника под артиллерийским и пулеметным огнем, а ведь они не ели, не пили и не спали уже более суток. Не удивительно, что их нервы не выдержали. Но с той минуты, как они повернули обратно, конечный результат был предопределен. Психологический кризис миновал.

Ружейная перестрелка теперь совершенно затихла, и даже неприятельские пушки стреляли очень редко. Наши солдаты окопались у канала под первым рядом деревьев; артиллерия отошла на милю ко второму ряду, и в благодатной тени солдаты растягивались на земле и сразу засыпали. Напряжение спало. Когда солнце поднялось к зениту, пустыню, горы и город окутало знойное марево. Иногда где-нибудь на правом или

левом фланге начиналась перестрелка между аванпостами. Но вскоре и она прекратилась. На хлопковых и кукурузных полях, тянувшихся к северу, среди зеленых всходов трещали кузнечики. Птицы умолкли: слишком велика была жара. Стояла невыносимая духота и полное безветрие.

Тут и там дымились костры,— это солдаты пекли лепешки из скудных запасов муки, оказавшейся в их седельных сумках, а те, у кого муки не было, толпились вокруг, выпрашивая крохи. С ними делились щедро и просто. От десятка костров ко мне неслись приглашения: «Эй, compañero, ты уже завтракал? Вот тебе кусок лепешки — садись и ешь!»

Вдоль берега рядами лежали солдаты, черпавшие пригоршнями грязную воду. В трех-четырех милях позади нас у большого ранчо Эль-Верхель виднелся бронированный поезд и еще два головных поезда. На полотне продолжала трудиться неутомимая ремонтная бригада, не обращая внимания на палящее солнце. Поезд с провиантом еще не прибыл...

Мимо на громадном гнедом коне проехал маленький полковник Сервин, подтянутый и свежий, несмотря на страшную ночь.

— Не знаю, что мы предпримем,— сказал он.— Это знает только командующий, а он ничего не говорит заранее. Но мы не пойдем в наступление, пока не вернется Сарагосская бригада. Бенавидес выдержал горячий бой у Сакраменто — говорят, двести пятьдесят человек наших пало в бою. А командующий послал приказ генералу Роблсу и генералу Контрера, которые вели наступление с юга, идти сюда со всеми своими частями на соединение с ним. Впрочем, говорят, что мы ночью пойдем в атаку, чтобы вывести из строя неприятельскую артиллерию.

Он поскакал дальше.

Около полудня над городом в нескольких местах стали подниматься клубы грязного дыма, и днем вместе с горячим ветром до нас донесся тошнотворный запах нефти, смешанный с запахом паленого мяса. Федералисты сжигали убитых...

Мы вернулись к поездам и взяли штурмом личный вагон генерала Бенавидеса в поезде Сарагосской бригады. Начальник поезда приказал приготовить нам что-нибудь поесть на кухне генерала. С жадностью проглотив обед, мы отправились в тень деревьев и проспали там несколько часов. Сотни солдат и окрестных пеонов, томимые голодом, бродили вокруг поездов в надежде подобрать какие-нибудь объедки или отбросы. Но им было стыдно, и, когда мы проходили мимо, они сделали вид,

что просто гуляют тут. А когда мы сидели на крыше вагона, болтая с солдатами, внизу прошел какой-то юнец, перепоясанный патронными лентами. Держа винтовку наперевес, он внимательно вглядывался в землю. Вдруг он заметил черствую заплесневелую лепешку, втоптанную в пыль множеством ног. Он схватил ее и жадно откусил кусок. Потом он поднял глаза и увидел нас.

— Что я, с голоду умираю, что ли! — сказал он презрительно и небрежно отшвырнул лепешку...

В тени деревьев аламо, против Сан-Рамона, на другом берегу канала стояла пулеметная батарея канадца-капитана Трестона. Пулеметы и их тяжелые треножники были сняты с мулов и уложены под деревьями. Мулы паслись в зеленых полях, а солдаты сидели у костров или лежали, растянувшись на берегу канала. Трестон помахал мне вывалянной в золе лепешкой, которую он в это время жевал.

— Эй, Рид,— крикнул он.— Пойдите-ка сюда и помогите мне! Мои переводчики куда-то девались, и если начнется наступление, я здорово влипну. Я ведь не знаю их идиотского языка, и когда я приехал сюда, Вилья нанял двух переводчиков, чтобы они все время находились при мне. Но этих мерзавцев не дозовешься: вечно шляются неизвестно где, оставляя меня ни с чем.

Я взял кусок предложенного мне деликатеса и спросил капитана, действительно ли мы скоро пойдем в наступление.

— По-моему, мы начнем дело сегодня же, как только стемнеет,— ответил он.— Хотите идти с моей батареей и быть моим переводчиком?

Я охотно согласился.

Оборванный солдат, которого я никогда раньше не встречал, встал и, улыбаясь, подошел ко мне.

— Судя по вашему виду, вы давно уже не пробовали табака. Хотите половину моей папиросы?

Я хотел было с благодарностью отказаться, но он уже вытащил из кармана помятую папиросу и перервал ее надвое...

Ослепительное солнце спустилось за зубчатую стену лиловых гор, и несколько мгновений в небе трепетал веер светлых лучей. На деревьях встрепенулись птицы, зашуршали листья. От плодородной земли поднялся жемчужный пар. Несколько лежавших рядом оборванных солдат начали сочинять мотив и слова песни о сражении при Торреоне — рождалась новая бал-

лада... В тихих прохладных сумерках до нас доносилось пение от других костров. Я почувствовал, что весь растворяюсь в любви к этим добрым, простым людям,— такими милыми они мне казались...

Как раз когда я вернулся от канала, куда ходил напиться воды, Трестон сказал мне:

— Да, кстати, один из наших солдат выловил из канала вот эту бумажку. Я ведь не умею читать по-испански и не понял, что на ней написано. Вода во все эти каналы поступает из реки, протекающей через город, так что, может быть, эта бумажка приплыла сюда от федералистов.

Он протянул мне клочок белой мокрой бумаги, очевидно сорванной с какого-то пакетика. На ней большими черными буквами было напечатано «Arsenico», а пониже мелким шрифтом стояло: «Cuidado! Veneno!» «Мышьяк. Осторожно — яд!»

— Послушайте,— сказал я, вскакивая на ноги.— А у вас сегодня никто не заболел?

— Интересно, что вы об этом спросили. У многих солдат вдруг начались страшные колики в животе, да и мне что-то не по себе. Как раз перед вашим приходом один мул внезапно свалился и издох, а вон там, возле канала,— лошадь. От солнечного удара, или, может, их совсем загнали...

К счастью, канал оказался глубоким, а течение быстрым, и опасность была невелика. Я объяснил капитану, что федералисты отравили воду в канале.

— Ах, черт! — воскликнул Трестон.— Недаром солдаты пытались объяснить мне что-то. Человек двадцать приходили ко мне и все повторяли: envenenado [1]. Что означает это слово?

— А это самое и означает,— ответил я.— Где тут можно достать кварту крепкого кофе?

Мы нашли большую жестянку кофе у соседнего костра, и нам сразу стало легче.

— Ну, конечно, мы знали об этом,— сказали солдаты.— Вот почему мы поили своих лошадей и мулов в другом канале. Нас уж давно предупреждали. Говорят, впереди нас сегодня пало десять лошадей и очень много солдат катается в корчах по земле.

Мимо проскакал офицер, крича, что все мы должны отойти к ранчо Эль-Верхель и расположиться на ночь вблизи поездов, что командующий приказал, чтобы все, кроме передовых постов, хорошенько выспались вне зоны огня и что поезд с про-

---

[1] Отравлено *(исп.)*.

виантом прибыл и стоит за санитарным поездом. Загремели трубы, солдаты начали подниматься с земли, седлать лошадей, собирать пулеметы, ловить и запрягать мулов под аккомпанемент ругани, рева и лязга. Трестон сел на своего пони, а я шагал рядом. Значит, в эту ночь атаки не будет. Было уже почти темно. Перейдя канал, мы натолкнулись на отряд, который тоже отходил к поездам. Во мраке смутно виднелись широкополые шляпы и серапе, слышалось звяканье шпор. «Эй, compañero, а где твоя лошадь?» — закричали несколько человек, обращаясь ко мне. Я ответил, что у меня нет лошади. «Прыгай ко мне!» — сказали сразу человек пять-шесть. Один из них подъехал поближе, и я взобрался на круп его лошади. Легкой рысцой мы миновали заросли и поехали по необычайно красивому, чуть освещенному полю. Кто-то затянул песню, еще двое начали вторить ему. В ясном небе плыла полная луна.

— Послушай, как сказать по-вашему «mula»? [1] — спросил меня мой всадник.

— ...упрямый, глупый мул! — ответил я.

И в течение нескольких дней после этого совершенно незнакомые мне солдаты останавливали меня и спрашивали со смехом, как по-американски «мул».

Армия расположилась бивуаком вокруг ранчо Эль-Верхель. Мы выехали на поле, усеянное кострами, где бродили отставшие солдаты, громко спрашивая, не знает ли кто, где бригада Гонсалес — Ортега, или gente Хосе Родригеса, или ametralladoras [2]. Ближе к городу широким полукругом стала артиллерия, дула орудий были обращены на юг. На востоке пылали костры Сарагосской бригады Бенавидеса, только что прибывшей из Сакраменто. От интендантского поезда тянулась длинная вереница солдат, словно муравьи тащивших мешки с мукой и кофе и пачки папирос... Повсюду во мраке звенели песни множества хоров.

Когда я думаю о той ночи, мне особенно ярко припоминается, как бедная отравленная лошадь вдруг покатилась по земле и ноги ее судорожно задергались; как в темноте мы проходили мимо стоявшего на четвереньках солдата, которого страшно рвало; как у меня, когда я закутался в одеяло и лег, начались вдруг ужасные колики, и я отполз в кусты, и был не в силах приползти обратно. Так до самого рассвета и «катался в корчах по земле».

---

[1] Мул *(исп.)*.
[2] Пулеметы *(исп.)*.

ГЛАВА XI
АВАНПОСТ В БОЮ

Во вторник, рано утром, армия снова двинулась к фронту по железнодорожному полотну и по полям. Четыреста бешеных демонов, обливаясь потом, гремели молотами, исправляя путь; ночью головной поезд продвинулся на полмили. В это утро запасных лошадей было много, и я купил себе коня, с седлом и со всем прочим, за семьдесят пять песо — около пятнадцати долларов золотом. Проезжая мелкой рысью по Сан-Рамону, я догнал двух свирепых на вид всадников в высоких сомбреро, к тульям которых были пришиты литографии Гваделупской богоматери. Они сказали, что направляются в расположение аванпоста, занимающего позицию на правом крыле армии, вблизи гор у Лердо,— там их роте приказано удерживать холм. Почему это мне захотелось ехать с ними? Кто я такой вообще? Я показал им свой пропуск, подписанный Франсиско Вильей. Это их не смягчило.

— Франсиско Вилья для нас — ничто! — сказали они.— И почем мы знаем, его это подпись или не его? Мы из Хуаресской бригады, gente генерала Каликсто Контрера.

Однако после короткого совещания тот, кто был повыше ростом, сказал:

— Ну ладно, едем.

Мы выехали из спасительной тени деревьев и поскакали по диагонали через изрытое траншеями хлопковое поле на запад, прямо к высокому крутому холму, уже расплывавшемуся в знойном мареве. Между нами и окраинами Гомес-Паласио тянулась голая, плоская равнина, заросшая низким мескитовым кустарником и изрезанная высохшими оросительными канавами. Грозная артиллерия Черро-де-ла-Пилья была замаскирована, и вокруг царило глубокое спокойствие, однако так чист и прозрачен был воздух, что мы рассмотрели кучку людей, тащивших что-то похожее на пушку. У самого города разъезжало несколько всадников, и мы тотчас свернули к северу, предпочитая кружной путь, так как эта нейтральная полоска земли кишела пикетами и разведчиками. Проехав так милю, мы достигли подножия холма, где пролегала проезжая дорога с севера на Лердо. Прячась в кустах, мы осторожно осмотрели ее. Мимо, насвистывая, прошел крестьянин: он гнал стадо коз. На обочине дороги под кустом стояла глиняная крынка, доверху наполненная молоком. Не долго думая, пер-

вый солдат вынул револьвер и выстрелил в нее. Крынка разлетелась вдребезги — молоко расплескалось по земле.

— Отравлено,— сказал он отрывисто.— Первая рота, стоявшая здесь, напилась как-то такого молока. Четверо умерло.

Мы поехали дальше.

На вершине холма виднелось несколько темных фигур: солдаты сидели, положив на колени винтовки. Мои спутники помахали им рукой; мы свернули на север и поехали вдоль речушки, чьи зеленые берега резко контрастировали с окружающей пустыней. Аванпост расположился лагерем на обоих берегах речки, где было что-то вроде лужайки. Я спросил, где их полковник, и когда в конце концов отыскал его, оказалось, что он расположился под тентом, который соорудил из своего серапе, подвесив его на ветках куста.

— Слезайте с коня, amigo,— сказал он.— Рад приветствовать вас здесь. Мой дом,— он шутливо указал на серапе,— к вашим услугам. Вот папиросы. На костре жарится мясо.

На лугу паслись оседланные кони, их было примерно с полсотни. Солдаты валялись на траве, в тени мескита, болтая и играя в карты. Они не были похожи на хорошо вооруженных, снабженных хорошими лошадьми и сравнительно хорошо дисциплинированных солдат армии Вильи. Это были просто пеоны, взявшиеся за оружие, такие же, как мои друзья из эскадрона,— неотесанные веселые горцы и ковбои, среди которых насчитывалось немало бывших бандитов. Не получая жалованья, не получая обмундирования, не имея никакого понятия о дисциплине — их офицеры были просто самые храбрые из них,— вооруженные лишь устаревшими спрингфилдами и горстью патронов на человека, они сражались почти беспрерывно на протяжении трех лет. Четыре месяца они и нерегулярные части таких партизанских командиров, как Урбина и Роблес, вели наступление на Торреон, сражаясь почти ежедневно с федеральными аванпостами и выдерживая все тяготы кампании, в то время как главные силы армии стояли гарнизонами в Чиуауа и Хуаресе. Эти оборванцы были самыми храбрыми солдатами в армии Вильи.

Четверть часа я лежал у костра, наблюдая, как мясо шипит на углях, и объясняя охваченным любопытством солдатам, что такое моя странная профессия, как вдруг раздался топот копыт несущейся галопом лошади и крики:

— Они сделали вылазку из Лердо! По коням!

Полсотни солдат неохотно, вразвалку направились к своим лошадям. Полковник встал, зевая и потягиваясь.

— ...скоты федералисты! — проворчал он.— Только о них мы и думаем. Просто нет возможности вспомнить о более приятных вещах. Не дают даже пообедать спокойно.

Усевшись на коней, мы легкой рысью двинулись вдоль речки. Далеко впереди трещали выстрелы. Инстинктивно, без приказа, мы перешли в галоп и скоро уже проезжали по улицам какой-то деревушки, где pacíficos стояли на крышах своих хижин, поглядывая на юг и держа наготове узлы с нехитрым скарбом, чтобы сразу бежать, если схватка кончится не в нашу пользу, ибо федералисты жестоко расправляются с деревнями, которые дают приют их противникам. За деревней показался небольшой каменистый холм. Мы спешились и, забросив поводья на шею лошадям, стали взбираться на него пешком. На вершине уже лежало человек десять, то и дело стрелявших в направлении купы зеленых деревьев, за которой прятался Лердо. С пустынного поля, лежавшего между нами и Лердо, доносился треск ответных выстрелов. В полумиле от нас среди кустов мелькали какие-то темные фигуры. Легкое облако пыли указывало на то, что позади них другой отряд медленно подвигается к северу.

— Один уже готов, а другому влепили в ногу,— сказал какой-то солдат и сплюнул.

— А сколько их там, по-твоему? — спросил полковник.

— Сотни две.

Полковник выпрямился во весь рост, беспечно поглядывая на залитую солнцем равнину. И тотчас прогремел залп. Над головой прожужжала пуля. Не дожидаясь приказа, солдаты принялись за работу. Каждый выбрал себе ровное местечко, чтобы прилечь, и навалил впереди кучку камней для защиты. Они ложились, недовольно ворча, расстегнув ремни и сбросив гимнастерки, чтобы было удобнее лежать, а затем начали стрелять — неторопливо и методично.

— Еще один,— сказал полковник.— Это твой, Педро.

— Почему это Педро? — сказал какой-то солдат недовольно.— Это я влепил ему.

— Черта с два — ты,— огрызнулся Педро. Началась ссора.

Стрельба со стороны пустыни стала беспрерывной, и нам было видно, как федералисты, прячась за кустами и в овражках, подвигаются в нашу сторону. Наши солдаты стреляли медленно, долго и тщательно целясь, прежде чем спустить курок: война вокруг Торреона, когда в течение многих месяцев они испытывали нехватку в боеприпасах, научила их быть экономными. Но теперь уже за каждым холмиком и за каж-

дым кустом вдоль нашей линии засели стрелки, и, оглянувшись на широкие равнины и поля между холмом и железной дорогой, я увидел бесчисленных отдельных всадников и целые отряды, мчавшиеся через кусты. Через десять минут к нам должно было подойти подкрепление в пятьсот человек.

Ружейная перестрелка вдоль линии усилилась и распространилась дальше, почти на целую милю. Федералисты остановились; облако пыли медленно поплыло обратно в сторону Лердо. Огонь со стороны пустыни ослабел. И затем, неизвестно откуда, в голубом небе внезапно появились грифы: широко расправив огромные крылья, они парили в вышине, спокойные, неподвижные...

Полковник, его солдаты и я демократически завтракали все вместе в тени деревенских хижин. Наше жаркое, конечно, сгорело, и нам пришлось удовольствоваться вяленым мясом и pinole — смесью мелко измолотых отрубей с корицей. Никогда еще я не ел с таким наслаждением... А на прощание солдаты подарили мне две пригоршни папирос. Полковник же сказал:

— Amigo, я сожалею, что у нас не нашлось времени поговорить. Многое мне хотелось узнать о вашей стране: правда ли, например, что в ваших городах люди совсем не пользуются ногами и не ездят по улицам верхом, а только в автомобилях. У меня когда-то был брат, который работал на железной дороге близ Канзас-Сити, и он рассказывал мне чудесные вещи. Но какой-то американец назвал его «грязным мексикашкой» и застрелил, хотя брат мой ничем его не обидел. Скажите, почему ваши земляки так не любят мексиканцев? Мне нравятся многие американцы. И вы мне нравитесь. Я хочу, чтобы вы приняли от меня подарок.— Он отстегнул одну из своих громадных железных шпор, выложенных серебром, и протянул мне.— А вот поговорить нам здесь никогда не удается. Эти... не дают нам покоя, и только когда наши подстрелят двоих-троих, наступает недолгая передышка.

Под деревьями аламо я отыскал одного из фотографов и кинооператора. Они лежали на спинах у костра, вокруг которого расположилось десятка два солдат, жадно насыщавшихся лепешками, мясом и кофе. Один из солдат с гордостью показал мне серебряные ручные часы.

— Это мои часы,— пояснил фотограф.— Мы два дня ничего не ели, а эти ребята подозвали нас и накормили до отвала.

После такого угощения я, конечно, не мог не сделать им подарка.

Солдаты приняли его подарок на всех и договорились, что будут носить часы по очереди, по два часа, начиная с этого дня и до конца жизни...

ГЛАВА XII
ОТРЯД КОНТРЕРЫ ИДЕТ В АТАКУ

В среду мы с моим приятелем, фотографом, бродя по полю, встретили Вилью, ехавшего верхом. Он был весь в грязи, измучен, но казался счастливым. Движением, легким и грациозным, как движение волка, он придержал коня, потом улыбнулся нам и сказал:

— Ну, ребята, как дела?

Мы сказали, что вполне всем довольны.

— У меня нет времени беспокоиться о вас, поэтому вы сами будьте осторожны, избегайте опасности. Раненых и так слишком много. Сотни. Они храбры, эти muchachos, самый храбрый народ в мире. Вот что,— продолжал он, загораясь новой мыслью,— вы должны поглядеть санитарный поезд. Вот о чем стоит написать в ваши газеты.

И действительно, то, что мы там увидели, было великолепно. Санитарный поезд стоял теперь сразу за ремонтным поездом. Сорок товарных вагонов, выкрашенные изнутри белой эмалевой краской, с огромными синими крестами и надписью «Servicio sanitario»[1] снаружи, принимали раненых, прибывших с линии огня. Поезд был снабжен новейшими хирургическими инструментами, и его обслуживали шестьдесят опытных американских и мексиканских врачей. Каждый вечер пригородные поезда увозили серьезно раненых в базовые госпитали в Чиуауа и Паррале.

Мы миновали Сан-Рамон, оставили позади деревья и вышли в пустыню. Солнце уже пекло нещадно. Впереди разрасталась ружейная перестрелка, затем застрекотал пулемет — та-та-та-та! Когда мы выехали на открытое место, где-то справа раздался треск одинокого маузера. Сначала мы не обратили

[1] Санитарная служба *(исп.)*.

на это внимания, но скоро заметили, что вокруг нас то и дело что-то щелкает, поднимая облачка пыли.

— Черт возьми! — воскликнул фотограф.— Какой-то снайпер избрал нас мишенью.

Не сговариваясь, мы рванулись вперед бегом. Выстрелы участились. Равнина была очень широка, и вскоре мы уже трусили спокойной рысцой. Наконец мы пошли шагом, хотя вокруг нас по-прежнему поднимались облачка пыли,— мы пришли к заключению, что бегством не спасешься. Потом мы совсем перестали думать об этом...

Полчаса спустя мы пробрались через кустарник в четверти мили от окраины Гомеса и натолкнулись на небольшое ранчо из семи-восьми глинобитных хижин, разделенных улочкой. Укрывшись за одной из них, сидело и лежало около пятидесяти оборванных бойцов генерала Контреры. Они играли в карты, лениво перебрасывались словами. Немного дальше по улице, за углом крайней хижины, выходившей прямо на позиции федералистов, беспрерывно сыпались пули, поднимая клубы пыли. Эти бойцы провели на передовой всю ночь. Отзыв был — «долой шляпы», и все они разгуливали под палящим солнцем без головных уборов. Они всю ночь не смыкали глаз, есть было нечего, а воды не нашлось бы и на полмили в окружности.

— Федералисты стреляют по нас вон из той казармы,— пояснил нам мальчуган лет двенадцати.— Нам дан приказ атаковать их, как только прибудет артиллерия...

Старик, сидевший на корточках, прислонившись к стене, спросил меня, откуда я. Я сказал, что из Нью-Йорка.

— Ну, я об этом Нью-Йорке ничего не знаю,— сказал старик,— но бьюсь об заклад, что на его улицах не увидишь такого прекрасного скота, как на улицах Хименеса.

— На улицах Нью-Йорка вообще скота не бывает,— сказал я.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Как так — не бывает скота? Вы хотите сказать, что там не гонят по улицам скот? Или овец?

Я ответил, что именно это и хочу сказать. Он посмотрел на меня так, словно видел перед собой величайшего вруна; потом опустил глаза и глубоко задумался.

— Ну,— объявил он в заключение,— не хотел бы я там жить!..

Двое мальчишек затеяли игру в салки. Минут через двадцать взрослые мужчины, уже весело гонялись друг за дру-

том. У картежников была всего одна истрепанная колода. Их было человек восемь, и все они отчаянно спорили о правилах игры, а может быть, им просто не хватало карт. Человек пять, устроившись в тени хижины, напевали насмешливые любовные песенки. И все это время вдали непрерывно трещали выстрелы и пули шлепались в пыль, словно дождевые капли. Изредка какой-нибудь боец лениво переваливался на другой бок, высовывал дуло винтовки за угол и стрелял...

Мы пробыли здесь с полчаса. Потом из кустов выехали две серые пушки и заняли позицию в высохшей канаве в семидесяти пяти ярдах с левой стороны.

— Видно, сейчас пойдем в атаку,— сказал мальчик.

В эту минуту из тыла галопом промчались три всадника, по-видимому офицеры. Хотя низкие хижины не могли укрыть их от неприятельского огня, они не стали спешиваться, с презрением игнорируя свистевшие кругом пули. Первым заговорил великолепный сильный зверь Фиерро, расстрелявший Бентона. С высоты своего коня он смерил оборванных солдат насмешливым взглядом.

— Вот с такими красавчиками придется брать город! — сказал он.— Но других здесь нет. Когда услышите трубу, идите в атаку.— Жестоко рванув удила, так что его огромный конь встал на дыбы и закружился на задних ногах, Фиерро галопом помчался обратно, бросив на ходу: — Что толку в этих деревенских простаках Контреры!..

— Смерть Мяснику! — крикнул в ярости один из солдат.— Этот убийца застрелил моего compadre на улице Дуранго — ни за что ни про что! Мой compadre, очень пьяный, проходил мимо театра. Он спросил у Фиерро, который час, а Фиерро сказал: «Ах ты!.. Как ты посмел первый заговорить со мной?..»

Тут раздался звук трубы, и солдаты встали, берясь за винтовки. Играющие в салки никак не могли остановиться. Картежники обвиняли друг друга в краже колоды.

— Oiga, Фиденчио! — крикнул один солдат.— Бьюсь об заклад на свое седло, что я вернусь, а ты нет. Сегодня утром я выиграл прекрасную уздечку у Хуапа...

— Ладно! Muy bien! Мой новый крапчатый конь...

Смеясь и перебрасываясь шутками, они весело покинули укрытие и выехали под стальной дождь. Они неловко трусили по улице, словно какие-то бурые зверьки, не привыкшие бегать. Их окутало облако пыли и адский треск...

ГЛАВА XIII
НОЧНАЯ АТАКА

Мы трое разбили собственный лагерь возле канала среди деревьев аламо. Вагон с нашим продовольствием, одеждой и одеялами все еще находился в двадцати милях от фронта. По целым дням мы ничего не ели. Когда нам удавалось выпросить у начальника интендантского поезда несколько жестянок сардин или немного муки, то мы считали себя счастливцами.

В среду кому-то из нас удалось раздобыть жестянку лососины, кофе, сухари и большую пачку папирос. Пока мы готовили обед, один мексиканец за другим, проезжая мимо нас по пути на передовую, спешивались и присоединялись к нам. Следовал самый изысканный обмен любезностями — нам приходилось уговаривать нашего гостя есть без стеснения обед, который стоил нам стольких трудов. Из вежливости приняв наше приглашение, он затем садился на коня и уезжал, не испытывая ни малейшей благодарности, хотя и преисполненный дружеского к нам расположения.

Растянувшись, мы лежали на берегу канала в золотистых тихих сумерках и курили. Головной поезд, где на первой платформе стояло орудие «Эль Ниньо», теперь уже продвинулся ко второму ряду деревьев,— оттуда до Гомеса было не больше одной мили. На путях перед бронепоездом трудилась ремонтная бригада. Вдруг раздался ужасающий гул, и в небо над поездом поднялся дымок. Радостные крики пронеслись по равнине: «Эль Ниньо», любимец армии, наконец подошел вплотную к неприятелю. Теперь федералистам придется туго. Это было трехдюймовое орудие — самое мощное в армии Вильи... Впоследствии мы узнали, что из железнодорожного депо Гомеса вышел на разведку неприятельский паровоз и что снаряд, выпущенный «Эль Ниньо», попал ему прямо в котел и взорвал его...

Носились слухи, что в эту ночь мы должны пойти в атаку, и как только стемнело, я сел на своего коня Буцефала и отправился на передовую. Пароль был «Эррера», и отзыв — «Чиуауа номер четыре». Но чтобы легче различать «своих» солдат, было приказано нагнуть поля шляп сзади. Строжайше запрещалось зажигать костры в «зоне огня», и всякого, кто вздумает чиркнуть спичкой, пока не начнется сражение, часовые должны были расстреливать на месте.

Я тихо пробирался вперед на своем Буцефале. Ночь была тихая и темная. На всей обширной равнине перед Гомесом

не слышно было ни малейшего шороха, не видно было ни огонька, и только вдалеке раздавался стук молотков неутомимой бригады, работавшей на путях. Но в городе ярко горели электрические огни, мелькнул трамвайный вагон, направляющийся в Лердо, и тут же скрылся за горой Черро-де-ла-Пилья.

Вдруг возле канала впереди послышались приглушенные голоса — очевидно, там был расположен аванпост.

— Quien vive? — закричал часовой, и не успел я ответить, как над головой у меня прожужжала пуля.

— Что ты делаешь, дурень! — сердито крикнул кто-то.— Разве так можно? Надо подождать, пока он даст неправильный отзыв. Слушай, как я буду спрашивать.

На этот раз формальности были соблюдены к полному удовлетворению обеих сторон, и офицер сказал мне: «Pase usted»![1] Но до меня донеслось ворчание часового:

— А какая разница? Все равно я никогда не попадаю...

Осторожно пробираясь в темноте, я подъехал к ранчо Сан-Рамон. Я знал, что все pacíficos бежали, и был очень удивлен, когда увидел свет в щелях дверей одной из хижин. Мне страшно хотелось пить, но я больше не доверял каналу. Я громко попросил воды. Ко мне вышла женщина, за ее юбку цеплялось четверо малышей. Она принесла мне воды и вдруг спросила обеспокоенно:

— Не знаете ли вы, сеньор, где теперь стоят пушки Сарагосской бригады? Там мой муж, и я его не видела уже целую неделю.

— Значит, вы не pacíficos?

— Ну, конечно, нет,— негодующе ответила она, указывая на детей.— Мы из артиллерии.

Передовые позиции тянулись вдоль канала, под первым рядом деревьев. В абсолютной темноте солдаты перешептывались, ожидая, когда по приказу Вильи авангард, находившийся в пятистах метрах впереди, откроет огонь.

— А где же ваши винтовки? — спросил я.

— Нашей бригаде винтовки сегодня не нужны,— сказал кто-то.— Те, кто стоит слева, пойдут в атаку на окопы, и у них есть винтовки. А нам приказано взять Бриттингэм-Корраль. Мы солдаты Контреры — Хуаресская бригада. Нам приказано добраться до стен и забросить его бомбами.

Он показал мне бомбу. Это была динамитная палочка, зашитая в кожу; с одного конца торчал запал.

---

[1] Проходите! *(исп.)*

Он продолжал:

— Справа от нас — gente генерала Роблса. У них тоже есть granadas[1], а кроме того — винтовки. Они должны атаковать Черро-де-ла-Пилья...

Внезапно ночную тишину прорезали звуки частой стрельбы со стороны Лердо, где должен был наступать Макловио Эррера со своей бригадой. И почти в ту же минуту впереди нас тоже затрещали выстрелы. К нам подбежал солдат, с горящей сигарой, блестевшей, как светлячок, в изогнутой ладони.

— Скорей прикуривайте от нас,— сказал он,— но до тех пор не подносите их к шнурам, пока мы не будем у самых стен.

— Черт возьми, капитан! Это очень трудно. Ну, как мы узнаем, когда зажигать шнур?

В темноте раздался властный бас:

— Я вам скажу. За мной!

Солдаты вполголоса прокричали: «Вива Вилья!» Вилья, держа зажженную сигару в одной руке (он никогда не курил), а в другой бомбу, перебрался через канал и нырнул в кустарник. Солдаты последовали за ним...

Теперь уже по всей линии трещал ружейный огонь, хотя из-за деревьев я не мог рассмотреть, началась атака или нет. Артиллерия молчала. Враги были слишком близко друг к другу, чтобы в темноте прибегать к шрапнели. Я отъехал немного назад, затем вправо, где мой конь наконец сумел взобраться на крутой берег канала. Теперь мне были видны танцующие огоньки выстрелов в Лердо и почти сплошная лента огня вдоль нашего фронта. С левого фланга донеслись гулкие раскаты — это били по Торреону скорострельные пушки Бенавидеса. Я застыл, ожидая начала атаки.

Она началась с внезапного взрыва. Раздавшиеся в направлении скрытого темнотой Бриттингэм-Корраля отрывистый треск четырех пулеметов и грохот непрерывных винтовочных залпов сразу заглушили все другие звуки. В небе вдруг встало багровое зарево, и я услышал оглушительные взрывы динамита. Я представил себе, как солдаты с дикими криками несутся по улице при вспышках огня, колеблясь, задерживаясь, устремляясь дальше, а во главе их Вилья, то и дело бросающий им через плечо слова одобрения, как он всегда это делал. Участившийся огонь с правой стороны указывал на то, что

[1] Гранаты *(исп.)*.

части, брошенные на Черро-де-ла-Пилья, достигли подножья горы. И вдруг в отдаленном конце кряжа, у самого Лердо, вспыхнули огни. Значит, Макловио взял Лердо! Вдруг предо мной зажглась волшебная картина. По крутому склону Черро, охватывая его с трех сторон, медленно поднималось огненное кольцо — это атакующие вели непрерывный ружейный огонь. Вершина горы тоже вспыхивала огоньками, учащавшимися по мере того, как огненное кольцо, ставшее теперь зубчатым, подвигалось вверх. Вдруг огромный сноп света вырвался из вершины, за ним — другой. Через секунду до меня донеслись звуки орудийных выстрелов. По небольшому отряду, атакующему вершину, федералисты открыли огонь из пушек! Но он продолжал подниматься по черному склону. Огненное кольцо разорвалось теперь во многих местах, но движение его не замедлилось, и, наконец, оно, казалось, уже начало сливаться со вспышками страшного света на верху горы, как вдруг потухло, и теперь только отдельные светлячки скатывались вниз по склону — все, что осталось от цепи атакующих. И когда я считал уже все потерянным, удивляясь отчаянному героизму этих пеонов, которые поднимались на гору под дулами неприятельских пушек,— вверх медленно поползла новая цепь огоньков... В эту ночь конституционалисты семь раз подряд ходили в атаку на Черро, каждый раз теряя семь восьмых убитыми...

А у Корраля ни на минуту не прекращался адский гул взрывов и вспышки красных огней. На мгновенье гул вдруг затихал, но тут же возобновлялся еще с большей силой. В атаку на Корраль ходили восемь раз... В то утро, когда мы вступили в Гомес, на улицах валялось столько убитых, что с трудом можно было проехать на лошади, несмотря на то что федералисты в течение трех дней беспрерывно сжигали трупы, а на Черро можно было разглядеть семь четких валов из убитых повстанцев...

В густом мраке, окутывавшем равнину, замелькали смутные тени — это в тыл пробирались раненые. Их вопли и стоны были явственно слышны; несмотря на грохот сражения, заглушавший все другие звуки, можно было различить даже шелест кустарника, когда они пробирались по нему, и шорох передвигающихся по песку ног. Под тем местом, где я стоял, проехал всадник, отчаянно ругаясь, что ему пришлось бросить сражение из-за перебитой руки, и всхлипывая в промежутках между проклятиями. Затем у подножья холмика, на котором

я стоял, сел пехотинец и принялся перевязывать раненую руку, без умолку разговаривая сам с собой о чем попало, лишь бы не свалиться от нервного потрясения.

— Какие мы, мексиканцы, храбрые,— сказал он насмешливо.— Поглядите, как мы убиваем друг друга!..

Вскоре я вернулся назад в лагерь, томимый скукой. Война самое скучное дело в мире, если она длится более или менее продолжительное время. Все одно и то же...

Поутру я отправился в штаб узнать новости. Мы овладели Лердо, но гора Черро, Бриттингэм-Корраль и город все еще были в руках неприятеля. Вся эта ночная бойня оказалась напрасной!

ГЛАВА XIV
ВЗЯТИЕ ГОМЕСА

Платформа с «Эль Ниньо» находилась теперь в полумиле от города, и ремонтная бригада заканчивала исправление пути под частым шрапнельным огнем. Две пушки впереди поездов храбро отвечали на огонь неприятеля и стреляли так удачно, что, после того как шрапнель федералистов убила десятерых рабочих, командир «Эль Ниньо» вывел из строя два орудия, стоявшие на горе Черро. Тогда федералисты оставили поезда в покое и все свое внимание перенесли на Лердо, стараясь выбить оттуда отряды генерала Эрреры.

Потери армии конституционалистов были огромны. В четырехдневном сражении было убито около тысячи человек и почти две тысячи ранено. Даже великолепный санитарный поезд оказался недостаточным для того, чтобы всем им была оказана своевременная помощь. Обширная равнина, где мы находились, вся была пропитана трупным запахом. А в Гомесе, должно быть, творилось что-то ужасное. На следующий день дым двадцати погребальных костров заволок небо. Но Вилья был попрежнему преисполнен решимости. Гомес надо взять, и взять как можно скорее. У Вильи не было ни снарядов, ни продовольствия для длительной осады, а кроме того, его имя уже давно стало легендарным в лагере неприятеля — если Панчо Вилья сам руководит боем, значит, победа будет на его стороне. Нельзя было допустить, чтобы в этом разуверились его собственные солдаты. И поэтому он решил бросить свои войска еще в одну ночную атаку.

— Путь исправлен,— доложил Кальсадо, комиссар железных дорог.

— Прекрасно,— сказал Вилья.— В течение ночи подведите все поезда как можно ближе, потому что утром мы будем в Гомесе!

Настала ночь; тихая, безветренная ночь, звеневшая лягушиным кваканьем. Вдоль городских окраин залегли солдаты, ожидая сигнала к атаке. Раненные, измученные, с напряженными до крайности нервами, они шли на передовые позиции с отчаянной решимостью — взять город или умереть. По мере того как приближался час, назначенный для начала атаки — девять часов,— напряжение все возрастало, становясь уже опасным.

Девять часов! Четверть десятого — но нигде ни звука, ни малейшего движения. Почему-то сигнал не был подан. Десять часов. Внезапно справа из города раздался залп. По всему нашему фронту затрещали выстрелы, но после нескольких залпов федералисты совершенно прекратили огонь. Из города доносились лишь какие-то таинственные звуки. Электрические огни погасли, и в темноте чувствовалось тревожное движение. Наконец был отдан приказ идти в атаку, и когда наши солдаты поползли вперед по равнине, передние ряды вдруг начали что-то кричать, и по всей равнине прокатился радостный рев. Федералисты ушли из Гомес-Паласио! Солдаты хлынули в город. Изредка слышались выстрелы — то расстреливали отставших от своей армии федералистов, увлекшихся грабежом: федералисты, прежде чем оставить город, совершенно разграбили его. Затем принялись грабить наши солдаты. Их крики, пьяное пение и треск разбиваемых дверей доносились до нас на равнину. В некоторых местах засверкали огненные языки: это солдаты поджигали дома, где укрепились федералисты. Но повстанцы, как всегда, забирали только еду, спиртное и необходимую одежду. Домов мирных жителей они не трогали.

Старшие офицеры смотрели на это сквозь пальцы. Вилья издал специальный приказ, где говорилось, что офицер не имеет права отбирать у солдат добытые ими вещи. До сих пор в армии редко случались кражи — во всяком случае, постольку, поскольку это касалось нас, корреспондентов. Но в то утро, когда наша армия вступила в Гомес, в психологии солдат произошла странная перемена. Проснувшись в своем лагере возле канала, я не нашел Буцефала на месте. Ночью моего коня украли, и больше я его не видел. Во время завтрака к нам подсело несколько кавалеристов, а когда они ушли, мы недо-

считались револьвера и ножа. Дело обернулось так, что каждый тащил у кого мог. И поэтому и я украл то, что мне было нужно. Неподалеку от нашего лагеря на поляне пасся большой серый мул с веревкой на шее. Я надел на него мое собственное седло и поехал на передовые позиции. Это было великолепное животное, стоившее, по крайней мере, в четыре раза дороже Буцефала, как я скоро имел возможность убедиться. Кого бы я ни встречал по дороге, все претендовали на этого мула. Один кавалерист, пробегавший мимо меня с двумя винтовками в руках, крикнул:

— Oiga, compañero, где ты достал этого мула?

— Нашел его на пастбище,— ответил я неосторожно.

— Так я и думал! — воскликнул тот.— Это мой мул. Слезай с него сию минуту!

— А седло тоже твое? — спросил я.

— Клянусь божьей матерью, что и седло мое.

— Значит, ты все врешь, потому что седло — мое собственное.

Я поехал дальше, а он остался на дороге и долго кричал и ругался. Затем я повстречал старика пеона, который вдруг нежно обнял мула за шею.

— Наконец-то! Мой мул, мой замечательный мул, которого я потерял. Мой Хуанито!

Кое-как я оторвал его руки от шеи мула, невзирая на мольбы заплатить ему за мула хотя бы пятьдесят песо в виде компенсации. В городе ко мне подъехал какой-то кавалерист и, преградив дорогу, потребовал, чтобы я немедленно вернул ему «его мула». Вид у него был грозный, а в руке он сжимал револьвер. Я отделался от него, назвавшись артиллерийским капитаном и заявив, что мул этот числится за моей батареей. Через каждые пять шагов я наталкивался на нового владельца мула, который спрашивал, с какой стати я разъезжаю на его собственном драгоценном Панчито, Педрито или Томасито! Наконец, навстречу из казармы вышел солдат с письменным приказом своего полковника, увидевшего меня в окно, передать мула солдату. Я показал ему пропуск, подписанный: «Франсиско Вилья», и этого оказалось достаточно...

По широкой пустынной равнине, где так долго происходило сражение, поднимая тучи пыли, змеились длинные колонны — армия стягивалась в город. А по железнодорожному пути, насколько мог охватить глаз, один за другим двигались поезда с тысячами женщин, детей и солдат. Торжествующе гудели паровозы, воздух оглашался радостными криками. В городе,

с наступлением утра, установился полный порядок и спокойствие. С момента вступления в город Вильи с его штабом всякий грабеж прекратился, и солдаты опять начали относиться с уважением к чужой собственности. Тысяча человек занимались уборкой трупов; вывозили их за город и сжигали. Еще пятьсот человек несли охрану города. Первый приказ по армии гласил, что всякий солдат, появившийся на улице в пьяном виде, будет расстрелян.

В третьем поезде был наш вагон, специально отведенный для корреспондентов, фотографов и кинооператоров. Наконец мы добрались до своих коек, своих вещей и до своего любимого повара-китайца. Наш вагон поставили в тупике неподалеку от станции. И когда мы, измученные жарой, пылью и усталостью, наконец удобно расположились в нем, по всем рядам стала рваться шрапнель — стреляли федералисты из Торреона. В это время я стоял в дверях вагона, но, услышав пушечный выстрел, не обратил на него никакого внимания. Вдруг я заметил в воздухе какой-то предмет, похожий на большого жука, за которым тянулся дымовой хвост. Он со свистом пронесся мимо нашего вагона и шагах в сорока с леденящим трах! — ви-и-и-йя! — взорвался среди деревьев, где расположились лагерем кавалеристы со своими женами. Человек сто бросились к своим лошадям и в панике поскакали в сторону равнины, женщины кинулись за ними. Убило двух женщин и лошадь. Одеяла, пищевые припасы, винтовки — все было в панике забыто. Трах! — ви-и-и-й-я! — новый взрыв по другую сторону вагона. Теперь уже совсем рядом. Позади нас, на путях, двадцать длинных поездов, наполненных визжащими женщинами, пытались одновременно выехать со станции — истерично завывали гудки. Разорвалось еще два неприятельских снаряда, а потом мы услышали, как загремел в ответ «Эль Ниньо».

Обстрел оказал на корреспондентов и журналистов совсем особенное действие. Как только разорвался первый снаряд, кто-то достал фляжку с виски — совершенно по собственному побуждению, и мы пустили ее вкруговую. Никто ничего не говорил, но каждый, когда подходила его очередь, отхлебывал порядочный глоток. Всякий раз, как взрывался снаряд, мы вздрагивали и пригибались, но потом привыкли. Затем мы начали поздравлять друг друга и самих себя с тем, что мы такие храбрецы: вот спокойно сидим в вагоне под артиллерийским обстрелом! Наша храбрость возрастала по мере того, как виски убавлялись, а выстрелы становились все реже и, наконец, прекратились совершенно. Об обеде все забыли.

Вспоминаю, что вечером два воинственных англосакса, стоя в дверях вагона, осыпали проходящих мимо солдат насмешками и самой отборной руганью. Кроме того, мы перессорились между собой, и один корреспондент чуть не задушил «слюнявого дурня» с киноаппаратом. А поздно ночью мы с жаром убеждали двоих из нашей компании не ходить в разведку к занятому федералистами Торреону, раз им неизвестен пароль.

— А ну, чего тут бояться? — кричали они.— У всех этих грязных мексикашек нет храбрости ни на грош! Один американец может уложить пятьдесят мексиканцев! Вы что, не видели, как они удирали сегодня, когда в роще стали падать снаряды? А вот мы — ик! — спокойно сидели в вагоне...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
КАРРАНСА. ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Когда в Хуаресе был подписан мирный договор, которым закончилась революция 1910 года, Франсиско Мадеро проследовал на юг к городу Мехико. Повсюду он выступал перед толпами полных энтузиазма и торжествующих пеонов, которые приветствовали его как освободителя.

В Чиуауа он произнес речь с балкона губернаторского дворца. Когда он заговорил о тяготах, которые пришлось перенести кучке людей, навсегда свергнувших диктатуру Диаса, о принесенных ими жертвах, голос его прервался от волнения. Обернувшись назад, он притянул к себе высокого бородатого человека внушительной внешности и, обняв его за плечи, сказал со слезами на глазах:

— Вот — хороший человек! Любите и почитайте его всегда.

Это был Венустиано Карранса, человек, чья жизнь была отдана служению высоким идеалам; крупный помещик, происходивший от испанских завоевателей, унаследовавший от своих предков огромные поместья, он принадлежал к тем мексиканским аристократам, которые, подобно Лафайету и еще некоторым вельможам во времена французской революции 1789 года, душой и телом отдались борьбе за свободу. Когда началась революция Мадеро, Карранса принял в ней участие поистине средневековым образом. Он вооружил пеонов, работавших в его обширных поместьях, и отправился с ними на войну, словно какой-нибудь феодальный сеньор, а когда революция победила, Мадеро назначил его губернатором штата Коагуила.

Когда Мадеро был убит в столице и Уэрта, объявив себя президентом, разослал циркулярное письмо губернаторам шта-

тов, требуя от них признания новой диктатуры, Карранса отказался даже ответить на письмо, заявив, что он не желает иметь дела с убийцей и узурпатором. Он обратился с призывом к мексиканскому народу взяться за оружие, объявил себя «Первым вождем» революции и призвал всех друзей свободы объединиться вокруг него. Затем он выступил из столицы штата на фронт, где принимал участие в первых сражениях у Торреона.

Спустя некоторое время Карранса перебросил свои войска из Коагуилы, где кипели события, через всю республику в штат Сонору, где не было никаких событий. Вилья вел бои в штате Чиуауа, Урбина и Эррера — в Дуранго; Бланко и другие в Коагуиле, а Гонсалес — близ Тампико. Во времена больших общественных потрясений неизбежно начинается грызня из-за будущих выгод. Среди военных руководителей, однако, таких разногласий не было; незадолго до битвы за Торреон независимые партизанские руководители единогласно избрали Вилью главнокомандующим армией конституционалистов — событие, неслыханное в истории Мексики. Но в Соноре Майторена и Пескьера уже грызлись между собой из-за вопроса, кому быть губернатором штата, и угрожали друг другу восстанием. Говорили, что Карранса двинул свои войска на запад, чтобы разрешить этот спор. Однако такое объяснение представляется маловероятным.

По другой версии, Карранса намеревался обеспечить для конституционалистов морской порт на западе и хотел разрешить земельный вопрос для индейцев йяки; а кроме того, в тихой обстановке сравнительно мирного штата ему было легче организовать временное правительство новой республики. Он оставался там шесть месяцев, по-видимому совершенно ничего не предпринимая, держа в бездействии шеститысячную боевую армию, посещая банкеты и бои быков, устанавливая и празднуя бесчисленные новые праздники и обращаясь с воззваниями к народу. Его армия, в два-три раза превосходившая численностью павшие духом гарнизоны Гайямаса и Масатлана, осаждала эти города весьма лениво. Масатлан, если не ошибаюсь, пал совсем недавно, и Гайямас тоже. Всего несколько недель назад временный губернатор Майторена угрожал контрреволюцией генералу Альвардо, главнокомандующему Соноры, потому что тот отказывался гарантировать губернатору безопасность,— другими словами, он собирался свергнуть революционный режим, так как ему было неуютно в губернаторском дворце Эрмосильо. В течение всего этого времени, насколько мне известно, земельный вопрос ни разу не обсуждался. Индейцы племени йяки, экспроприация земель которых является самым черным

пятном во всей черной истории правления Диаса, не получили ничего, кроме туманных обещаний. И все-таки это племя целиком стало на сторону революции. Однако несколько месяцев спустя большинство индейцев вернулось к своим семьям и опять начало безнадежную борьбу с белым человеком.

Карранса предавался спячке вплоть до наступления весны, когда, очевидно завершив все то, ради чего ему пришлось прибыть в Сонору, он обратил свой взор на территорию, где велась настоящая борьба за революцию.

В течение этих шести месяцев положение совершенно изменилось. Кроме северной части штата Нуэва-Леон и большей части штата Коагуила, Северная Мексика была в руках конституционалистов почти от моря и до моря, и Вилья с хорошо вооруженной, хорошо дисциплинированной десятитысячной армией начинал кампанию у Торреона. Все это было осуществлено руками почти одного Вильи; Карранса только посылал поздравления. Правда, он все-таки образовал временное правительство; Первого вождя окружало огромное сборище политиков-оппортунистов, они громко выражали свою преданность делу революции, часто обращались с воззваниями к народу и были полны зависти друг к другу и к Вилье. Мало-помалу личность Каррансы была заслонена его кабинетом, хотя имя его по-прежнему пользовалось всеобщим уважением.

Создалось странное положение. Корреспонденты, все эти месяцы жившие в столице Каррансы, рассказывали мне, что в конце концов Первый вождь стал настоящим отшельником. Они его почти не видели. Им очень редко приходилось беседовать с ним. Разные секретари, чиновники, члены кабинета стояли между ними и ним — вежливые, дипломатичные, хитрые господа, которые передавали Каррансе вопросы репортеров в письменной форме и вручали им его письменные ответы, чтобы не произошло ошибки.

Но что бы ни делал Карранса, он совершенно не вмешивался в дела Вильи, предоставляя ему терпеть поражения, которых он не смог избежать, и делать ошибки. В конце концов Вилье самому пришлось вести переговоры с иностранными державами, точно он был главой государства.

Нет никакого сомнения, что политиканы в Эрмосильо всячески старались возбудить в Каррансе зависть к Вилье, к его все более возраставшему престижу на севере. В феврале Первый вождь не спеша отправился на север в сопровождении трехтысячной армии, якобы собираясь послать подкрепления Вилье и, когда Вилья отбудет к Торреону, сделать временной

столицей Хуарес. Однако два корреспондента, приехавшие из Соноры, говорили мне, что офицеры этой огромной охраны были уверены в том, что их пошлют против самого Вильи.

В Эрмосильо Карранса был далеко от новых мировых центров. Как знать, может быть, он и совершал там великие дела! Но когда Первый вождь революции стал приближаться к американской границе, мировое внимание сосредоточилось на нем, и тут же выяснилось, что мировому вниманию, собственно говоря, не на чем сосредоточиваться, и разнеслись слухи, что никакого Каррансы на самом деле нет. Так, например, одна газета заявляла, что он сошел с ума, а другая утверждала, что он вообще исчез неизвестно куда.

Я в то время находился в Чиуауа. Газета, корреспондентом которой я состоял, передала мне по телеграфу эти слухи и потребовала, чтобы я немедленно отыскал Каррансу. Это случилось как раз после убийства Бентона, когда повсюду царило необыкновенное возбуждение. Все протесты и лишь слегка завуалированные угрозы английского и американского правительств сыпались на Вилью. Но к тому времени, когда я получил распоряжение своей газеты, Карранса и его кабинет уже прибыли на границу и нарушили шестимесячное молчание самым изумительным образом. Послание Первого вождя государственному департаменту США звучало приблизительно так:

«Вы ошиблись, адресуя свое заявление по поводу дела Бентона генералу Вилье. Оно должно было быть адресовано мне, как Первому вождю революции и главе Временного конституционалистского правительства. Кроме того, Соединенным Штатам незачем было выступать ни с какими заявлениями, хотя бы даже и адресованными ко мне, так как Бентон был британским подданным. Я не получал никаких представлений от британского правительства. Пока я их не получу, я не буду отвечать на послания какого-либо другого правительства. А тем временем будет проведено тщательное расследование обстоятельств смерти Бентона, и те, на кого ложится ответственность за эту смерть, будут судимы по всей строгости закона».

Одновременно Вилья получил довольно ясное указание не вмешиваться более в международные дела, что его только обрадовало.

Так обстояли дела, когда я прибыл в Ногалес. Ногалес штата Аризона и Ногалес мексиканского штата Сонора в действительности составляют один широко раскинувшийся город.

Государственная граница проходит посредине улицы, и у небольшой таможни лениво бродят несколько оборванных мексиканских часовых, с вечной папироской в зубах. Они, по-видимому, ни во что не вмешиваются и только взимают пошлину со всего, что перевозится или переносится на американскую сторону. Обитатели американской части города переходят границу, чтобы покутить, поиграть в азартные игры, потанцевать и почувствовать себя свободными; мексиканцы переходят на американскую сторону, когда за ними кто-нибудь гонится.

Я прибыл в полночь и тотчас отправился в гостиницу в мексиканской части города, где расположились кабинет Каррансы и большинство его политических приспешников, спавшие по четыре человека в комнате, на койках в коридорах, на полу и даже на лестницах. Меня ожидали. Темпераментный конституционалистский консул на фронте, которому я объяснил цель моей миссии, по-видимому, счел ее необычайно важной, так как он телеграфировал в Ногалес, что вся судьба мексиканской революции зависит от того, сможет ли мистер Рид увидеться с Первым вождем революции немедленно по своем прибытии. Однако все уже спали, и хозяин гостиницы, извлеченный из своей комнатушки, заявил, что не имеет ни малейшего представления об именах всех этих господ и не знает, где они спят. Да, сказал он, о том, что Карранса в городе, он что-то слышал. Мы пошли по коридору, толкая ногами двери и лежавших на полу мексиканцев, пока не натолкнулись на небритого, но очень вежливого господина, который заявил, что он глава Таможенного управления в новом правительстве. Он, в свою очередь, разбудил морского министра, а тот поднял на ноги министра финансов; министр финансов вызвал министра сельского хозяйства, который в конце концов провел нас в комнату министра иностранных дел, сеньора Исидро Фабела. Сеньор Фабела сказал, что Первый вождь уже почивает и не может принять меня, но что он сам немедленно ознакомит меня с мнением Каррансы относительно бентоновского инцидента.

Я знал, что ни одной газете ничего не известно о сеньоре Фабеле. Они требовали от своих корреспондентов узнать, кто же он такой. Он, казалось, играл во Временном правительстве весьма важную роль, а между тем о его прошлом никому ничего не было известно. В разные времена он занимал в кабинете Первого вождя самые разные посты. Он оказался человеком среднего роста, державшимся с большим достоинством, любезным, внимательным, по-видимому превосходно образованным и чертами лица сильно походившим на еврея. Мы с ним долго

беседовали, сидя на краешке его кровати. Он рассказал мне о целях и идеалах Первого вождя; но из его слов я совершенно не мог составить себе представления о личности Первого вождя.

— Ну, конечно,— сказал он,— на следующее утро я непременно встречусь с Первым вождем. Он меня, безусловно, примет.

Но когда мы перешли к конкретным вопросам, сеньор Фабела заявил, что Первый вождь не может сразу ответить на них. Их надо изложить письменно и сначала представить ему, Фабеле. Он отправится с ними к Каррансе и принесет его ответ. В соответствии с этим я на следующее утро написал на листе бумаги около двадцати пяти вопросов и вручил их Фабеле. Он прочитал их с большим вниманием.

— Видите ли,— сказал он,— здесь много таких вопросов, на которые Первый вождь отвечать не станет. Я советую вам вычеркнуть их.

— Ну что ж,— сказал я,— если он не ответит на них — не беда. Но мне хотелось бы, чтобы он с ними ознакомился. Он ведь может не отвечать на них.

— Нет,— сказал Фабела любезно,— лучше вычеркните их сразу. Я знаю точно, на какие вопросы он ответит, на какие нет. Видите ли, некоторые из ваших вопросов могут так настроить его, что он не станет отвечать и на остальные, а ведь этого вы не хотели бы, не так ли?

— Сеньор Фабела,— сказал я,— а вы уверены, что знаете точно, на какие вопросы дон Венустиано не станет отвечать?

— Я знаю, что вот на эти он не ответит,— сказал Фабела, указывая на четыре или пять, которые касались некоторых специфических сторон платформы конституционалистского правительства: а именно, распределения земли, прямых выборов и предоставления права голоса пеонам.

— Я доставлю вам ответы через двадцать четыре часа,— сказал он.— Сейчас мы пойдем к вождю, но вы должны обещать мне следующее: вы не станете задавать ему никаких вопросов, вы просто войдете в комнату, поздороваетесь с ним и сразу уйдете.

Я обещал и вместе с другим репортером пошел за ним через площадь к небольшой красивой ратуше. Некоторое время мы ждали во внутреннем дворике. Там сновали толпы очень важных мексиканцев с бутоньерками в петлице, с портфелями и пачками бумаг под мышкой. Время от времени, когда открывалась дверь секретариата, воздух оглашал треск пишущих машинок. Офицеры в парадных мундирах стояли на террасе,

ожидая распоряжений. Генерал Обрегон, командующий армией штата Сонора, громким голосом излагал свои планы о продвижении на юг в районе Гвадалахары. Он начал поход в сторону Эрмосильо три дня спустя и за три месяца продвинулся со своей армией на четыреста миль, проходя по дружественной территории. Хотя Обрегон не выказал особенных полководческих талантов, Карранса назначил его главнокомандующим армией на северо-востоке, в чине, равном чину Вильи. Сейчас он беседовал с толстой рыжей дамой в черном шелковом платье, расшитом черным стеклярусом. На боку у нее висела шпага. Это была полковник Рамона Флорес, начальник штаба конституционалистского генерала Карраско, ведшего операции в Тепике. Ее муж, офицер, принимавший участие в первой революции, был убит, оставив ей золотые прииски, которые она продала и на вырученные средства создала собственный полк и отправилась с ним на фронт. У стены лежали два мешка, наполненные золотыми слитками, которые она привезла на север, чтобы приобрести на них оружие и обмундирование для своих солдат. Вежливые американцы, добивавшиеся здесь получения концессий, переступали с ноги на ногу, держа шляпу в руке. Всюду сновали агенты военных фирм, расхваливая тем, кто соглашался их слушать, свои пушки и пули.

У входа во дворец стояли на часах четыре солдата, а по дворику бродило еще несколько солдат. Кроме того, двое часовых стояло по обе стороны маленькой боковой двери. У этих солдат вид был культурнее, чем у других. Они пристально оглядывали каждого, кто проходил мимо, а тех, кто останавливался у двери, они подвергали подробному допросу. Каждые два часа эта охрана сменялась; смена производилась генералом и сопровождалась долгими переговорами.

— Что это за комната? — спросил я сеньора Фабелу.

— Это кабинет Первого вождя революции,— ответил он.

Мне пришлось ждать около часа, и я заметил, что в течение всего этого времени никто не входил в кабинет, кроме сеньора Фабелы и тех, кого он приглашал с собой. Наконец он подошел ко мне и сказал:

— Все в порядке. Первый вождь сейчас вас примет.

Мы последовали за ним. Часовые загородили вход винтовками.

— Кто эти сеньоры? — спросил один из них.

— Это друзья,— ответил Фабела и открыл дверь.

Внутри было так темно, что вначале мы ничего не могли разглядеть. Шторы на обоих окнах были спущены. У одной стены стояла кровать, все еще не убранная, а у другой — небольшой стол, заваленный бумагами, на которых стоял поднос с остатками завтрака. В углу виднелось жестяное ведерко, наполненное льдом, с двумя-тремя бутылками вина. Когда наши глаза привыкли к темноте, мы увидели в кресле гигантскую фигуру, одетую в хаки,— это был дон Венустиано Карранса. В его позе было что-то странное: он сидел, положив руки на подлокотники, как если бы его посадили сюда и приказали не двигаться. По его виду нельзя было заключить, что он о чем-то думает или что он недавно работал,— трудно было себе представить его сидящим за этим столом. Создавалось впечатление, будто перед вами громадное инертное тело,— статуя.

Карранса встал нам навстречу — великан, не менее семи футов роста. С удивлением я заметил, что, несмотря на царивший в комнате полумрак, он носил очки с темными стеклами; и, хотя на вид он был полный и краснощекий, чувствовалось, что он нездоров,— так бывает, когда смотришь на больного туберкулезом. Эта крохотная темная комната, где Первый вождь революции спал, ел и работал и из которой он почти никогда не выходил, казалась страшно маленькой и напоминала тюремную камеру.

Фабела вошел вместе с нами. Он по очереди представил нас Каррансе, и тот, улыбнувшись невыразительной улыбкой, слегка кивнул головой и пожал нам руки. Мы все сели. Указав на моего сотоварища, который не умел говорить по-испански, Фабела сказал:

— Эти господа пришли приветствовать вас от имени влиятельных газет, представителями которых они являются. Этот господин говорит, что он хочет выразить вам свои искренние пожелания успеха во всех начинаниях.

Карранса опять слегка кивнул и приподнялся, как только Фабела встал, показывая, что интервью кончилось.

— Разрешите мне заверить вас, господа,— сказал Первый вождь,— что я с благодарностью принимаю ваши добрые пожелания.

Снова мы пожали друг другу руки; но когда я взял протянутую руку Каррансы, я сказал по-испански:

— Сеньор дон Венустиано, моя газета — ваш друг и друг конституционалистов.

Карранса и бровью не повел: передо мной, как и раньше, была маска вместо человеческого лица. Но когда я произнес

эти слова, он перестал улыбаться. На его лице не появилось никакого выражения, но он вдруг заговорил:

— Соединенным Штатам я заявил, что дело Бентона их не касается. Бентон был британским подданным. Я дам ответ посланцам Великобритании, когда они явятся ко мне с представлением от их правительства. Почему их ко мне не присылают? Англия в настоящее время имеет своего посла в Мехико, который принимает приглашения Уэрты на обед, снимает перед ним шляпу и пожимает ему руку! Когда был убит Мадеро, иностранные державы сразу слетелись сюда, как коршуны на труп, и стали выслуживаться перед убийцей, потому что у них была здесь горсточка подданных, мелочных торгашей, занимавшихся грязной коммерцией.

Первый вождь закончил свою речь так же внезапно, как и начал, с тем же застывшим выражением на лице, но он все время сжимал и разжимал кулаки и кусал усы. Фабела поспешно направился к двери.

— Господа очень благодарны вам за прием,— нервно сказал он. Но дон Венустиано не обратил на него внимания. Он вдруг заговорил опять, и голос его стал громче и резче.

— Эти трусливые державы думали обеспечить себе преимущества, поддерживая правительство узурпатора. Но быстрое наступление конституционалистов показало им, что они ошиблись, и сейчас они очутились в затруднительном положении.

Фабела явно нервничал.

— Когда начнется кампания у Торреона? — спросил он, пытаясь переменить тему разговора.

— Убийство Бентона произошло из-за злобного нападения врага революционеров на Вилью,— рявкнул Первый вождь, говоря все громче и быстрее,— и Англия, эта мировая зачинщица ссор и драк, не находит возможным иметь с нами дело, боясь унизить себя посылкой своего представителя к конституционалистам, и вот она попыталась использовать Соединенные Штаты в качестве своего орудия. Позор Соединенным Штатам,— вскричал Карранса, потрясая кулаками,— что они позволили себе вступить в союз с этими бесчестными державами!

Несчастный Фабела сделал еще одну попытку запрудить опасный поток. Но Карранса шагнул вперед и, подняв руку, закричал:

— Вот что скажу я вам: если Соединенные Штаты решатся на интервенцию, воспользовавшись этим ничтожным поводом, их интервенция не даст им того, на что они рассчитывают, но вызовет войну, которая, помимо других последствий, поро-

дит глубокую ненависть между Соединенными Штатами и всей Латинской Америкой, ненависть, которая подвергнет опасности все политическое будущее Соединенных Штатов!

Его речь прервалась на высокой ноте, как если бы что-то внутри него внезапно ее оборвало. Я попытался убедить себя, что слышал речь пробужденной Мексики, обрушивающейся на своих врагов, но нет — это говорил дряхлый старик, уставший и раздраженный.

Мы вышли на солнечный свет, и сеньор Фабела взволнованно стал убеждать меня не писать о том, что услышал, или, во всяком случае, показать ему то, что я напишу.

Я оставался в Ногалесе еще два дня. На следующий день после интервью лист бумаги, на котором были напечатаны на машинке мои вопросы, был мне возвращен; ответы были написаны пятью различными почерками. Корреспонденты пользовались в Ногалесе большим почетом. Члены кабинета Временного правительства обходились с ними весьма любезно, однако им почему-то никак не удавалось добраться до Первого вождя. Я неоднократно пытался получить от членов кабинета хотя бы малейшее разъяснение того, как они собираются разрешить те важные вопросы, которые привели к революции, но у них, казалось, не было никаких планов, кроме образования Временного правительства. Во время многочисленных бесед с ними я ни разу не подметил хотя бы проблеска сочувствия к угнетенным пеонам или понимания их положения. Время от времени мне приходилось быть свидетелем ссор из-за постов в новом правительстве Мексики. Имя Вильи почти никогда не упоминалось, а если и упоминалось, то следующим образом:

«Мы не сомневаемся в лояльности Вильи и его готовности выполнять приказы».

«Как военный, Вилья сделал многое, этого отрицать нельзя. Но он не должен вмешиваться в дела правительства, потому что, как вы знаете, Вилья всего лишь невежественный пеон».

«Он часто говорит глупости и делает много ошибок, которые нам придется исправлять».

И редко проходил день без того, чтобы Карранса не выступил с заявлением, вроде следующего:

«Между мною и генералом Вильей не существует никаких разногласий. Он безоговорочно выполняет все мои приказы, как простой солдат. Немыслимо, чтобы он поступал иначе».

Я часто бродил по ратуше, но увидеть Каррансу мне довелось еще только один раз. Солнце уже садилось, и большинство генералов, коммерческих агентов и политических деятелей ушло обедать. Сидя на краю фонтана посреди внутреннего дворика, я болтал с солдатами. Внезапно дверь маленького кабинета распахнулась, и на пороге показался Карранса. Руки его бессильно висели, великолепная седая голова была откинута, и он смотрел невидящими глазами поверх наших голов и поверх стены на огненные облака на западе.

Мы встали и поклонились, но он не заметил нас. Медленно волоча ноги, он пошел по террасе ко входу в ратушу. Двое часовых взяли на караул. Когда он прошел мимо, они вскинули винтовки на плечо и последовали за ним. У входа он остановился и долго стоял на одном месте, глядя на улицу. Четверо часовых вытянулись в струнку. Солдаты, следовавшие за ним, остановились, опустив винтовки на землю. Первый вождь революции заложил руки за спину,— пальцы его судорожно дергались. Затем он повернулся и, пройдя между часовыми, возвратился в маленькую темную комнату.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

МЕКСИКАНСКИЕ НОЧИ

ГЛАВА I

Эль-Космополита — модный игорный притон в Чиуауа. Владельцем его раньше был Якоб Латуш — «турок», тучный, неуклюжий человек, который двадцать пять лет тому назад пришел босиком в Чиуауа с ученым медведем и успел с тех пор стать миллионером. На Пасео-Боливар он построил себе роскошный особняк, который прозвали «Дворцом слез», так как он был построен на доходы с игорных притонов «турка», разоривших не одну семью. Однако старый негодяй бежал с отступающей армией Меркадо, и Вилья, заняв Чиуауа, конфисковал Эль-Космополиту, а «Дворец слез» преподнес генералу Ортега в качестве рождественского подарка.

Когда у меня заводилось несколько лишних песо, мы с Джонни Робертсом заглядывали в Эль-Космополиту. Зайдя на минуту в китайский бар, где хозяйничал седой монгол Чи Ли, мы небрежной походкой русских великих князей в Монте-Карло проходили к игорным столам.

Сначала вы попадаете в длинный зал с низкими потолками, освещенный тремя коптящими фонарями, где идет игра в рулетку. На стене огромный плакат:

«Пожалуйста, не взбирайтесь с ногами на рулеточный стол».

Колесо этой рулетки не горизонтальное, а вертикальное, усаженное гвоздиками, которые при вращении цепляются об эластичную стальную пластинку, в конце концов останавливающую колесо против того или другого номера. По обе стороны колеса протянулся шестиметровый стол, у которого всегда толпятся по меньшей мере пять рядов мальчишек, солдат и пеонов, отчаянно возбужденных, жестикулирующих, швыряющих кредитки на номера и цвета и отчаянно спорящих и ругающихся из-за выигрышей. Проигравшие, глядя на то, как крупье сгребает их деньги, непременно разражаются ужасными криками и бранью, и колесо нередко стоит без движения тридцать — сорок минут, пока какой-нибудь игрок, проигравший десять центов, не выпустит весь заряд своей цветистой ругани по адресу крупье, владельца игорного дома, и всех его предков и потомков до десятого колена включительно, а также по адресу бога и всего святого семейства за то, что они допустили подобную несправедливость. Наконец, бросив многозначительное: «A ver!» (посмотрим!) — проигравшийся уходит, сопровождаемый сочувственным шепотом: «Ah! Qué mala suerte!» [1]

На столе возле крупье в одном месте сукно протерто, и там торчит небольшая кнопка из слоновой кости. Как только кому-нибудь начинает везти в игре, крупье нажимает эту кнопку, и колесо останавливается там, где он хочет. Так продолжается, пока счастливцу это не надоест. Все присутствующие считают это вполне законным приемом, поскольку — carramba! — не может же игорный дом работать в убыток!

Деньги ставятся самые разнообразные: серебро и медь давно уже исчезли из обращения в Чиуауа, но остались еще мексиканские банкноты; кроме того, в ход идут и бумажные, ничего не стоящие деньги, выпущенные Вильей, и чеки горнорудных компаний, и векселя, и долговые расписки, и всевозможные акции, и ценные бумаги.

Но рулетка нас мало интересовала. Слишком мало получаешь действия за свои деньги. Поэтому мы протолкались в другую комнату, синюю от табачного дыма, где за столом, имеющим форму подковы и застланном бязевой скатертью, идет вечная игра в покер. В небольшом углублении сидит банкомет, напротив него полукругом располагаются игроки. Когда игрок срывает банк, банкомет сгребает десятую часть себе в ящик — комиссионные игорного дома. Если кто-нибудь из игро-

[1] Ах, какое невезенье! *(исп.)*

ков начинает горячиться и выкладывает кучу денег, банкомет свистит, к столу сразу подскакивают два вежливых господина, находящихся в услужении игорного дома, и получают выигрышные карты. Ставки делаются без ограничений, пока у вас есть фишки или наличные.

Строгие правила американского покера, столь ограничивающие свободу действия, здесь не в ходу. Мы с Джонни, едва получив карты, тут же показывали их друг другу. Если моя обещала больше, Джонни с вдохновенным видом придвигал свою ставку к моей, если следующая удачная карта шла Джонни, я передвигал обе ставки к нему. К тому времени, как давалась последняя карта, все фишки лежали строго посредине между нами, и тот, у кого комбинация была лучше, ставил весь наш объединенный капитал.

Разумеется, никто не протестовал, но, чтобы положить этому конец, банкомет свистел, и «казенные» игроки получали последние карты.

И все это время официант-китаец метался между столом и буфетом, разнося сандвичи и чашки с кофе. На протяжении всей игры игроки громко прихлебывали кофе и чавкали, оставляя на картах жирные и кофейные пятна.

Иногда какой-нибудь игрок, побывавший за границей, встает из-за стола и обходит вокруг своего стула, чтобы отогнать неудачу, или же надменно требует свежую колоду карт. Банкомет вежливо кланяется, быстрым жестом сметает колоду в ящик и достает другую. На все заведение существует лишь две колоды. Каждая прослужила не меньше года, и обе они испещрены следами многочисленных трапез.

Конечно, играют в американский покер. Но случается так, что иной мексиканец не знает всех тонкостей американской колоды. В мексиканской колоде, например, нет семерок, восьмерок и девяток. Однажды к игорному столу подсел вот такой мексиканец — важный, самодовольный толстяк. Прежде чем банкомет успел свистнуть, толстяк вытащил огромную пачку кредиток — всех размеров, сортов и достоинств — и купил фишек на сто песо. Я получил три черви, забрал ставку Робертса и стал прикупать к флешу. Мексиканец долго смотрел на свои карты, точно не узнавал их. Потом, побагровев от волнения, он поставил пятнадцать долларов. Прикупив еще одну карту, он страшно побледнел и поставил двадцать пять долларов, и, наконец, взглянув на последнюю карту, он опять побагровел и поставил пятьдесят долларов.

Каким-то чудом я таки набрал свой флеш. Но огромные ставки мексиканца меня напугали. Я знал, что он вряд ли мог набрать что-нибудь выше флеша, ставить мне больше было нечего, и я предложил открыться. Это вывело его из себя.

— Что это значит — «открыться»? — кричал он, потрясая кулаками.

Ему объяснили, и он немного успокоился.

— Ну, ладно! Раз у меня только и осталось что пятнадцать долларов, а вы не позволяете мне купить еще фишек, ставлю все.

Я принял ставку.

— Ну, покажите, что тут у вас? — чуть не взвизгнул он и, весь дрожа, перегнулся ко мне. Я открыл свой флеш. Громко рассмеявшись, он хлопнул кулаком по столу.

— Стрэт! — крикнул он и открыл четверку, пятерку, шестерку, десятку и валета.

Он уже протянул руку, чтобы забрать банк, как вдруг сидевшие за столом разразились криками.

— Неправильно!

— Это не стрэт!

— Гринго должен получить деньги, гринго!

Мексиканец лежал грудью на столе, обхватив руками ящик с деньгами.

— Что такое? — взвизгнул он.— Это ли не стрэт? Смотрите — четверка, пятерка, шестерка, десятка, валет!

— Да, но после шестерки идут семерка, восьмерка и девятка,— вмешался банкомет.— В американской колоде есть еще семерка, восьмерка и девятка.

— Просто смешно! — фыркнул мексиканец.— Я всю жизнь играю в карты и никогда не видал ни семерок, ни восьмерок, ни девяток.

К этому времени толпа от рулетки успела перекочевать к нашему столу и приняла самое горячее участие в споре.

— Конечно, это не стрэт!

— Конечно, стрэт! Вот же — четверка, пятерка, шестерка, десятка, валет!

— Да, но ведь американская колода совсем другая.

— Но здесь не Соединенные Штаты, а Мексика!

— Эй, Панчо! — крикнул банкомет.— Сбегай-ка за полицией.

Положение оставалось прежним. Мой противник все еще лежал на столе, обхватив ящик с деньгами. Спор бушевал с прежней силой; кое-где спорящие перешли на личности, и руки

уже тянулись к револьверам. Я громко отодвинул свой стул к стене. Вскоре явился начальник полиции в сопровождении пяти жандармов. Он был высокий, небритый и обладал усами, которые поднимались до самых глаз. На нем был свободный грязный мундир с красными плюшевыми эполетами. Не успел он войти, как все, громко крича, принялись объяснять ему, в чем дело. Банкомет, сложив ладони в трубку, ухитрился перекрыть этот шум. Лежавший на столе игрок, повернув к нему искаженное яростью лицо, визгливо утверждал, что нечего портить хороший мексиканский покер правилами, которые напридумывали гринго.

Начальник полиции слушал, покручивая усы, и весь надувался важностью, потому что имел право решить спор, возникший из-за таких огромных денег. Он взглянул на меня. Я промолчал и любезно поклонился. Он ответил поклоном. Затем, повернувшись к жандармам, он драматическим жестом указал на лежащего на столе и сказал:

— Арестовать этого козла!

Финал, вполне достойный всего предыдущего. Несчастного мексиканца отвели, несмотря на его протесты и вопли, в угол и поставили лицом к столу.

— Деньги принадлежат этому господину,— продолжал начальник полиции.— А что касается тебя, то ты, как видно, не имеешь никакого понятия об этой игре. Я бы с радостью...

— Быть может,— любезно сказал Робертс, слегка толкнув меня локтем,— сеньор капитан покажет этому господину, как...

— Я буду счастлив одолжить вам фишки,— добавил я, копаясь в своем выигрыше.

— Oiga! — сказал начальник полиции.— С большим удовольствием. Примите мою глубочайшую благодарность, сеньор.

Пододвинув стул, он с видом знатока воскликнул:

— Abierto! [1]

Мы сыграли. Начальник полиции выиграл. Мы продолжали играть.

— Вот видите,— сказал начальник полиции,— это совсем легко, если соблюдать правила.

Он покрутил усы, щелкнул по картам и поставил двадцать пять долларов. Он выиграл опять.

Через некоторое время к столу подошел один из жандармов и почтительно сказал:

---

[1] Открыто! *(исп.)*

— Простите, mi capitan, а что нам делать с арестованным?
— Что? — удивленно спросил начальник. — Ах да! Отпустите его, а сами возвращайтесь на свои посты, — добавил он и нетерпеливо махнул рукой.

Давно уже перестало вертеться колесо рулетки, давно потухли лампы в игорном зале, и самых азартных игроков давно уже выставили за дверь, а мы все еще сидели и играли в покер. У нас с Робертсом оставалось всего по три песо. Мы все время зевали и клевали носом. Но начальник полиции, сняв мундир, как тигр припал к картам. Теперь он проигрывал раз за разом...

ГЛАВА II
СЧАСТЛИВАЯ ДОЛИНА

Был праздничный день — фиеста, и, конечно, в Валле-Аллегре никто не работал. В полдень позади кабачка Каталино Кабрера должен был состояться бой петухов — почти напротив трактира Дионисио Агирра, где отдыхают караваны ослов, отправляющиеся в далекие горные путешествия, и где погонщики за бутылкой tequila рассказывают друг другу разные небылицы. В час дня на солнечной стороне сухого оврага, который здесь зовется улицей, в два ряда расположились пеоны и молча, мечтательно покуривая папиросы, свернутые из кукурузных листьев, терпеливо ждали. Любители выпить то и дело входили в кабачок Каталино — из открытых дверей вырывались клубы табачного дыма и крепкий запах aguardiente. Ребятишки играли в чехарду с огромной рыжей свиньей, а на противоположном склоне оврага привязанные за ногу петухи-противники вызывающе кукарекали. Хозяин одного из них — деловитый, вкрадчивый профессионал в сандалиях, но только в одном вишневом носке, ходил взад и вперед и, размахивая пачкой грязных кредиток, выкрикивал:
— Diez pesos, сеньоры, только десять песо!

Как ни странно, бедняков, готовых поставить десять песо, не нашлось. Время близилось к двум часам, а никто из собравшихся не пошевелился — только время от времени они передвигались на новое место вслед за солнцем, уходя от надвигающейся черной тени. В тени было прохладно, а на солнце невыносимо жарко.

На границе тени лежал Игнасио, скрипач, закутавшись в рваное серапе. Он был пьян и теперь отсыпался. Выпив, он играл «Расставание» Тости, а напившись как следует, припоминал кое-что из «Весенней песни» Мендельсона. Кроме него, во всем штате Дуранго никто не умеет играть серьезные музыкальные произведения, и поэтому он пользуется вполне заслуженной славой. Когда-то Игнасио был блестящ и трудолюбив — его сыновьям и дочерям несть числа, но темперамент истинного художника погубил его.

Улица красная — жирная темно-красная глина, а площадка, где стоят мулы,— темно-оливковая. На крышах низеньких коричневых хижин желтеют кукурузные початки, алеют гирлянды красного перца. Все ветви гигантского зеленого мескитового дерева, чьи корни торчат, словно скрюченная куриная лапа, обвешаны пучками сена и кукурузных стеблей. Дальше по склонам оврага лепятся домики, их плоские крыши, похожие на огромные камни, поросли цветами и травой, из труб поднимаются струйки голубого дыма, кое-где между домами высится одинокая пальма. Хижины тянутся до самой равнины, где происходят скачки; за равниной в пылающее зноем небо уходят голые зубчатые горы, красно-бурые, как львиная шкура, а на горизонте — голубоватые и совсем лиловые. Овраг открывается в широкую, серую, как слоновая кожа, долину, где пляшут волны зноя.

Слышится ленивый гул людских голосов, кукареканье петухов, хрюканье свиней, тяжелые вздохи ослов, шелест кукурузных стеблей, стряхиваемых с мескита, пение женщины, крутящей ручной жернов, и плач бесчисленных младенцев.

Солнце жгло немилосердно. Мой приятель Анастасио сидел на обочине и ни о чем не думал. Его грязные ноги были обуты в сандалии, огромное сомбреро тускло-кирпичного цвета украшал потускневший золотой галун, а серапе, молочно-голубое, словно китайский коврик, пестрело желтыми солнцами. Увидев меня, он поднялся на ноги, и, сняв шляпы, мы обнялись по мексиканскому обычаю, хлопая друг друга по спине левой рукой и пожимая правую.

— Buenos tardes, amigo[1],— пробормотал он.— Как себя чувствуете?

— Очень хорошо. Благодарю. А как вы?

— Великолепно. Премного благодарен. Мне так хотелось вас видеть.

---

[1] Добрый день, дружище *(исп.)*.

— А ваша семья? (В Мексике считается более деликатным не осведомляться о жене — слишком многие не узаконивают свой брак.)

— Очень, очень благодарен за внимание. Все здоровы и чувствуют себя прекрасно. А как ваша семья?

— Очень хорошо. Я встретил вашего сына в армии в Хименесе. Он передает вам самый горячий привет. Не хотите ли папиросу?

— Спасибо. Разрешите прикурить? Вы надолго в Валле-Аллегре?

— Нет, сеньор, я приехал сюда только на время фиесты.

— Будем надеяться, что вы весело проведете время. Мой дом, сеньор, к вашим услугам.

— Очень благодарен. А почему вас не было видно на baile вчера вечером, сеньор? Вы ведь всегда так любили танцевать.

— К несчастью, моя Хуанита уехала навестить свою мать в Эль-Оро, и я теперь — platónico[1]. А для молодых сеньорит я уже стар.

— О нет, сеньор. Вы еще в самом цветущем возрасте. Скажите мне, правда ли, что мадеристы заняли Мапими?

— Да, сеньор. Говорят, Вилья скоро возьмет Торреон, а тогда еще несколько месяцев — и революция будет закончена.

— Я тоже так думаю. А теперь скажите мне,— я очень ценю ваше мнение,— на какого петуха мне лучше держать пари?

Мы подошли к петухам и начали их разглядывать, а их хозяева на все лады расхваливали своих бойцов. Они сидели на обочине, лениво поглядывая, чтобы петухи вдруг не напали друг на друга. Было уже около трех часов.

— Будет ли сегодня петушиный бой?

— Quién sabe,— протянул один.

Другой пробормотал, что, быть может, бой состоится mañana[2]. Оказывается, хозяева петухов забыли захватить стальные петушиные шпоры, и теперь за ними в Эль-Оро поехал на муле мальчишка. До Эль-Оро — шесть миль по горам.

Все спокойно ждали, мы тоже стали ждать. Из кабачка вышел его хозяин Катарино Кабрера, jefe político[3] Валле-Аллег-

---

[1] На холостом положении *(исп.)*.
[2] Завтра *(исп.)*.
[3] Политический руководитель *(исп.)*.

ре. Он был очень пьян и шел под руку с доном Присилиано Сауседес, бывшим jefe при правительстве Диаса. Дон Присилиано — красивый седовласый кастилец, прежде одалживал пеонам деньги, беря с них двадцать процентов. Дон Катарино — бывший учитель, ярый революционер; теперь он одалживает деньги все тем же пеонам, а проценты берет лишь немногим меньше. Дон Катарино не носит воротничка, но зато при нем всегда револьвер и две патронные ленты. У дона Присилиано в начале первой революции городские мадеристы отобрали почти все имущество, самого раздели догола, привязали ремнями к спине лошади и избили саблями плашмя.

— Ох, уж эта революция! — говорит он, отвечая на мой вопрос.— Я на своей спине познал, что это такое!

Пошатываясь, оба направляются к дому дона Присилиано — Катарино ухаживает за красивой дочерью своего приятеля.

Раздается громкий стук копыт. По улице скачет веселый красавец Хесус Триано, служивший капитаном в армии Ороско. Но Валле-Аллегре находится в трех днях езды от железной дороги, и политикой здесь интересуются мало — поэтому Хесус безнаказанно разъезжает по улицам на своей краденой лошади. Это рослый молодец, со сверкающими белыми зубами, винтовкой и широким кожаным поясом, в кожаных брюках, застегнутых сбоку блестящими пуговицами величиной с долларовую монету, а его шпоры в два раза больше пуговиц. Говорят, что его щеголеватый вид и великолепная выправка, а также то, что он убил Эметарио Флореса, выстрелив ему в спину, помогли ему получить руку Долорес, младшей дочери Мануэля Паредеса, угольного подрядчика. Галопом проносится он по улице, и изо рта его лошади, разорванного жестким мундштуком, бьет кровавая пена.

Из-за угла выходит Адольфо Мелендес, капитан армии конституционалистов, облаченный в новенький вельветовый зеленый мундир; на боку у него блестящая, позолоченная шпага, некогда принадлежавшая какому-то рыцарю Пифии. Адольфо приехал в отпуск на две недели, но он отсрочил свое возвращение в часть на неопределенное время, так как должен был отпраздновать свой брак с четырнадцатилетней дочкой деревенского богача. Говорят, его свадьба была обставлена с необыкновенной пышностью, венчание совершали два священника, и церемония длилась на целый час дольше обычного. Но Адольфо, пожалуй, не просчитался — ведь у него есть еще жена

в Чиуауа, другая — в Парале и третья — в Монтерес, и ему надо было умилостивить родителей невесты. Он покинул полк три месяца назад и, как он простодушно объяснил мне, считает, что о нем там уже давным-давно забыли.

В половине пятого взрыв радостных криков возвестил о том, что вернулся мальчишка, ездивший за петушиными шпорами. Выяснилось, что в Эль-Оро он сел играть в карты и на время позабыл о данном ему поручении.

Конечно, никто не стал ругать его за это,— он все-таки привез шпоры, а остальное не имело значения. Мы встали широким кругом на площадке, где дремали ослы, и хозяева петухов начали «бросать» своих бойцов. Но при первом же столкновении тот петух, на которого все мы поставили свои деньги, взмахнул крыльями и, к удивлению всех присутствующих, с громким клохтаньем перелетел через дерево и скрылся в направлении гор. Десять минут спустя хозяева петухов совершенно спокойно поделили на наших глазах свою прибыль, а мы побрели домой, вполне довольные.

Мы обедали с Фиденчио в гостинице китайца Чарли Чи. Повсюду в Мексике монополия на гостиницы и рестораны находится в руках китайцев. Чарли и его двоюродный брат Фу женаты на дочерях зажиточных мексиканцев. Никому здесь это не кажется странным — мексиканцы не знают, что такое расовые предрассудки. Капитан Адольфо, уже в ярко-желтом суконном мундире и с другой шпагой на боку, привел сюда свою молодую жену — не очень хорошенькую смуглянку с челкой и подвесками от люстры вместо серег. Чарли со стуком поставил перед каждым из нас квартовую бутылку aguardiente и, усевшись за стол, начал галантно ухаживать за сеньорой Мелендес, а его брат Фу подавал обед, все время весело болтая на ломаном испанском языке.

В этот вечер дон Присилиано давал baile, и Чарли любезно предложил жене Адольфо показать ей новое па «индюшиного танца», которое он видел в Эль-Пасо. Он учил ее до тех пор, пока Адольфо, насупившись, не заявил, что не пойдет на baile дона Присилиано, поскольку молодым женам неприлично часто показываться в обществе. Чарли и Фу, выразив свое сожаление, сказали, что они тоже не пойдут к дону Присилиано, так как ожидают гостей из Парраля — своих земляков. И конечно, будут веселиться на свой китайский лад.

Наконец мы с Фиденчио ушли, обещав непременно вернуться после танцев, чтобы присутствовать на китайском празднике.

Яркий лунный свет заливал всю деревню. Крыши в беспорядке разбросанных хижин и верхушки деревьев сверкали серебром. Овраг расстилался перед нами, словно замерзший водопад, а огромная долина в конце его была окутана нежным серебристым туманом. Мрак был пронизан журчанием жизни: взволнованный смех молодых девушек; прерывистое дыхание женщины, завороженной страстным потоком слов своего кавалера, прислонившегося к решетке ее окна; звон десяти гитар; позвякивание шпор молодого щеголя, спешащего на свидание. Было холодно. Когда мы проходили мимо кабачка Кабреры, на нас пахнуло горячим воздухом, запахом табака и алкоголя. Затем, перейдя по камням, на которых женщины стирают белье, на другой берег ручья, мы увидели ярко освещенные окна дома дона Присилиано и услышали отдаленные звуки оркестра Валле-Аллегре.

Открытые двери и окна были забиты мужчинами, по самые глаза закутанными в серапе,— высокими, смуглыми, молчаливыми пеонами в огромных сомбреро.

Фиденчио только что вернулся в Валле-Аллегре после долгого отсутствия, и едва мы подошли к группе мужчин у дверей, как какой-то высокий молодой человек, взмахнув своим серапе, словно крылом, бросился ему на шею и закричал:

— С приездом, Фиденчио! Мы ждали тебя столько месяцев!

Толпа закачалась и заволновалась, словно пшеничное поле под ветром, концы серапе разлетались в ночном сумраке. Со всех сторон послышались крики:

— Фиденчио! Фиденчио приехал! Твоя Карменсита здесь, в доме! Ты лучше посматривай за ней. Раз ты так долго не возвращался, не мог же ты ждать, что она останется тебе верна!

Те, кто был в доме, услышав крики, подхватили их, и только что начавшиеся танцы сразу приостановились. Пеоны расступились перед нами и, когда мы проходили по живому коридору, дружески хлопали нас по спине со словами приветствия; на пороге десятки друзей Фиденчио бросились к нам и стали обнимать, сияя от радости.

Карменсита, невысокая, коренастая девушка-индианка, одетая в кричащее голубое платье, плохо сидевшее на ней, стояла в углу возле своего партнера Паблито, шестнадцатилетнего ме-

тиса со скверным цветом лица. Она сделала вид, что не обращает на Фиденчио никакого внимания, и продолжала безмолвно стоять на месте, потупив глаза в землю, по обычаю всех незамужних мексиканок.

Фиденчио несколько минут стоял среди своих compadres, разговаривая с ними, хвастаясь и то и дело уснащая свою речь отборными словечками. Затем важной походкой прошел через всю комнату, подошел к Карменсите, сунул ее левую руку в изгиб своей правой и крикнул:

— А ну, давайте танцевать!

Обливавшиеся потом, ухмыляющиеся музыканты закивали головой и заиграли вовсю. Их было пятеро: две скрипки, кларнет, флейта и арфа. Они начали с «Tres Piedras» [1], пары стали в ряд и торжественным шагом пошли вокруг комнаты. Сделав два круга, они некоторое время танцевали: женщины неуклюже подпрыгивали на неровном земляном полу, мужчины звенели шпорами; потом опять перешли на шаг, затем снова танцевали, потом опять ходили вокруг комнаты — и так в течение целого часа без перерыва.

Это была большая комната с выбеленными стенами и низким потолком из огромных балок; в одном конце ее виднелась неизбежная швейная машина, которая теперь была закрыта и превращена в алтарь: на вышитой скатерти стояла неугасимая лампадка, бросавшая тусклый свет на грубую цветную литографию богоматери, которая висела на стене. Дон Присилиано и его жена, кормившая грудью ребенка, сидели в углу и с сияющими лицами смотрели на гостей. Бесчисленное множество свечей, оплавленных с одного бока, было прилеплено к стенам, и по белой штукатурке над ними теперь змеились полосы копоти. Мужчины громко притопывали, звенели шпорами и громко перекликались; женщины не отрывали глаз от пола и хранили глубокое молчание.

Я снова увидел прыщеватого Паблито; стоя в углу, он, скрестив руки на груди, не отрывал от Фиденчио горящего взгляда. До меня донеслись отрывки разговора пеонов, толпившихся у порога:

— Фиденчио не надо было отлучаться на такое долгое время.

— Carramba! Ты только погляди, как хмурится Паблито. Он ведь думал, что Фиденчио убит и Карменсита теперь его.

Затем прозвучал чей-то голос, полный надежды:

---

[1] «Три камня» *(исп.)*.

— Без драки тут не обойдется!

Танец наконец окончился, и Фиденчио провел, как полагается, свою нареченную к ее месту у стены. Музыканты прекратили игру. Мужчины высыпали во двор, где при свете факела хозяин улетевшего петуха торговал крепкими напитками. В ночной тиши мы бурно провозглашали тосты за здоровье друг друга. Горы вокруг сверкали в лунном свете. И сразу же (перерывы между танцами здесь очень коротки) снова загремела музыка — раздались вихревые огненные звуки вальса. В сопровождении свиты из двадцати восторженных и полных любопытства юнцов — ведь он повидал свет! — Фиденчио вернулся в зал. Он направился прямо к Карменсите, но когда он вывел ее на средину зала, Паблито, выхватив из кармана громадный револьвер устаревшего образца, подскочил к нему сзади. Десятки голосов огласили зал:

— Cuidado, Фиденчио! Берегись!

Быстро обернувшись, Фиденчио увидел, что прямо ему в живот направлен револьвер. На мгновенье все замерли. Фиденчио и его соперник свирепо мерили друг друга глазами. Послышалось приглушенное щелканье курков — друзья Паблито собирались поддержать своего товарища. До меня донесся тихий шепот:

— Порфирио! Сбегай домой за моим дробовиком!

— Викториано! Мою новую винтовку! Она лежит на комоде в материной комнате.

Мальчики, метнувшись, словно стайка летающих рыб, разбежались в лунном свете, торопясь за оружием. Пока сохранялось status quo [1], пеоны, присев так, что под подоконниками виднелись только их глаза,— кто знает, куда полетит шальная пуля,— с живейшим интересом наблюдали за происходившим. Музыканты тихонько пятились к ближайшему окну, все, кроме арфиста, который скорчился за своим инструментом.

Дон Присилиано и его жена, все еще кормившая ребенка, встали и величественно проследовали во внутренние комнаты. Их все это не касалось; да притом они не хотели мешать молодежи веселиться.

Одной рукой Фиденчио слегка оттолкнул Карменситу, а другую поднял, словно для удара. При гробовом молчании он сказал:

---

[1] Прежнее положение *(лат.)*.

— Эй, козел! Ну, чего ты целишься, будто боишься стрелять? Спускай курок, пока я безоружен! Я не боюсь умереть даже от руки дурачка, который не знает, когда нужно пускать в ход оружие!

Лицо Паблито передергивалось от ненависти, и мне казалось, что он вот-вот выстрелит.

— А-а! — бормотали пеоны.— Сейчас, сейчас!

Но Паблито не выстрелил. Через несколько секунд его рука дрогнула, и, выругавшись, он сунул револьвер обратно в карман. Пеоны выпрямились и разочарованно столпились у дверей и окон. Арфист вынырнул из-за арфы и начал ее настраивать. Револьверы, зашуршав, опустились в кобуры, и снова начались шумные разговоры. К тому времени, когда появились мальчишки с целым арсеналом винтовок и дробовиков, танцы уже шли полным ходом. Тогда они свалили свою ношу в углу.

Пока ему хотелось ухаживать за Карменситой и оставалась еще возможность стычки, Фиденчио разгуливал по залу, наслаждаясь вниманием женщин и превосходя в танцах всех,— с таким пылом и шумом он отплясывал.

Но скоро все это ему надоело, и волнение, вызванное встречей с Карменситой, улеглось. Тогда он опять вышел на лунный свет и проследовал вверх по оврагу, намереваясь повеселиться у Чарли Чи.

Подходя к гостинице, мы услышали странное жалобное стенание, чем-то напоминавшее музыку. Обеденный стол был выставлен на улицу; Фу и другой уроженец «Небесной империи» кружились по комнате в «индюшином танце». В углу стояли козлы с бочонками aguardiente, а под ними лежал сам Чарли, потягивая через стеклянную трубочку содержимое бочонка. Стенка огромного ящика с папиросами была выломана, и пачки рассыпались по полу. У стены, завернувшись в одеяла, пьяным сном спали еще два китайца. Танцоры распевали свой вариант некогда модной песенки «Очи нежные». С песенкой этой очень удачно сочетался «хор пилигримов» из «Тангейзера», исполнявшийся на стоявшем в кухне граммофоне. Чарли вынул стеклянную трубку изо рта, заткнул ее большим пальцем и приветствовал нас следующим песнопением:

Держи к берегу, матрос,
Держи к берегу!
Пусть вокруг ревет волна —
Держи к берегу!

Он поглядел на нас осоловелыми глазами и сказал:
— Христос сегодня с нами здесь!
И затем опять засунул трубку в рот.

Мы присоединились к веселой компании. Фиденчио предложил показать нам новый испанский fandango, как его танцуют «кузнечики» (так мексиканцы называют испанцев). Он закружился по комнате, тяжело топая ногами, рыча «La Paloma»[1] и то и дело налетая на китайцев. Наконец, совершенно запыхавшись, он свалился на ближайший стул и начал восхвалять красоту молодой жены Адольфо, которую он увидел впервые в этот день. Он считал позором, что такое юное, нежное существо оказалось связанным с человеком уже пожилым, и тут же заявил, что вот он, Фиденчио, молодой, сильный, красивый, гораздо больше ей подходит. Он заверял, что его чувство к ней растет с каждой минутой. Чарли Чи, не выпуская изо рта стеклянную трубку, понимающе кивал головой после каждого его заявления. Мне в голову вдруг пришла счастливая мысль, почему бы не послать за Адольфо и его женой и не пригласить их на наше празднество. Пинками мы разбудили китайцев, спавших на полу, и спросили их мнение. Так как они не понимали ни по-испански, ни по-английски, то очень бойко ответили нам по-китайски. Фиденчио переводил:

— Они говорят, что нужно отправить к ним Чарли с приглашением.

Все согласились с этим. Чарли встал, а его место у стеклянной трубки занял Фу. Чарли заявил, что будет приглашать их самым настоятельным образом, и, пристегнув револьвер к поясу, скрылся за дверью.

Спустя десять минут мы услышали пять выстрелов. Мы удивленно спрашивали друг друга, что за перестрелка могла быть в такую позднюю пору, и решили, что какие-нибудь молодцы, возвращаясь с baile, убивают друг друга перед отходом ко сну. Чарли не возвращался очень долго, и мы уже хотели послать экспедицию на его розыски, как вдруг он явился сам.

— Ну как дела, Чарли? — спросил я.— Придут?
— Вряд ли,— покачиваясь, ответил он с порога.
— А ты слышал стрельбу? — спросил Фиденчио.
— Да, совсем близко,— сказал Чарли.— Фу, будь так любезен, оставь в покое эту трубку.
— Так кто же стрелял? — спросили мы.

[1] «Голубка» *(исп.)*.

— Ну,— сказал Чарли,— я постучал в дверь к Адольфо и сказал, что у нас праздник и что мы его приглашаем. Он выстрелил в меня три раза, а я в него два...

Сказав это, Чарли оттащил за ногу Фу, а сам опять невозмутимо улегся под трубкой.

Мы веселились еще несколько часов. Насколько помню, под утро явился Игнасио и играл нам на скрипке «Прощальную» Тости, а китайцы торжественно кружились по комнате.

Часа в четыре явился Анастасио. Он распахнул дверь настежь и предстал перед нами страшно бледный, с револьвером в руке.

— Друзья,— заявил он,— случилась пренеприятнейшая история. Моя жена Хуанита, верхом на осле, возвращалась около полуночи от своей матери. На дороге ее остановил неизвестный мужчина, закутанный до самых глаз в poncho[1], и вручил ей анонимную записку с подробным описанием моих невинных похождений в Хуаресе, когда я последний раз ездил туда развлекаться. Я видел эту записку. В ней все точно, прямо на удивление! Рассказывается, как я ездил ужинать с Марией, а после ужина провожал ее домой. Сообщается, как я пригласил Анну на бой быков. Подробно описывается цвет лица и волос, а также характер всех остальных красоток и указывается, сколько денег я на них потратил. Carramba! Точно все до последнего гроша! Когда жена вернулась, меня не было дома: я сидел со старым другом в кабачке Катарино за стаканом вина. И этот таинственный незнакомец явился к нам на кухню с другой запиской, в которой говорится, что у меня в Чиуауа имеется еще три жены, что, как перед богом, неверно, поскольку у меня там только одна! Мне-то, amigas, все равно, но такие новости ужасно расстроили Хуаниту. Я, конечно, все это отрицал, но — Valgame, Dios! — женщину разве убедишь! Я нанял Дионисио смотреть за моим домом, но он ушел на baile; тогда я разбудил своего сынишку, чтобы он сообщил мне, в случае если мой обидчик вздумает явиться опять, а сам пришел к вам с просьбой помочь мне защитить мой дом от неслыханного позора.

Мы заявили, что согласны для Анастасио на все,— вернее, на все, что обещает новые приключения. Мы сказали, что это ужасно, что таинственного злодея надо уничтожить.

---

[1] Шерстяная накидка *(исп.)*.

— А кто бы это мог быть?

Анастасио сказал, что это, вероятно, Флорес, от которого у его жены был ребенок еще до того, как она вышла замуж за него, Анастасио, но который так и не мог добиться от нее полной взаимности. Мы чуть не силой заставили Анастасио выпить стакан aguardiente, и он подчинился с мрачным видом. Мы оторвали Чарли Чи от стеклянной трубки, под которую немедленно улегся Фу, и послали его за оружием. Через десять минут он вернулся с семью заряженными револьверами различных калибров.

И почти в ту же минуту раздался страшный стук в дверь, и в комнату ворвался малолетний сынишка Анастасио.

— Папа! — вскричал он, протягивая бумажку.— Вот еще! Какой-то мужчина постучал в кухонную дверь, и когда мама вышла посмотреть, кто бы это мог быть, она увидела лишь огромное красное серапе, в которое этот человек был закутан до самых волос. Он подал ей записку, схватил с окна ковригу хлеба и убежал.

Дрожащими руками Анастасио развернул записку и прочитал вслух:

— «Ваш муж — отец сорока пяти детишек в штате Коагуила.

Тот, кто его знает».

— Матерь божия! — вскричал Анастасио, вскакивая на ноги в припадке отчаяния и злобы.— Это ложь! Я никогда не связывался с кем попало! Вперед, друзья! На защиту наших семейных очагов!

Схватив револьверы, мы устремились в ночь. Тяжело дыша, взобрались мы на крутой холм, где стоял дом Анастасио, держась поближе друг к другу, чтобы не принять приятеля за таинственного незнакомца. Жена Анастасио лежала на кровати и истерически рыдала. Мы рассыпались по кустам, обыскали все уголки вокруг дома, но нигде не услышали даже шороха. В углу загона лежал сторож Дионисио и крепко спал; рядом валялась его винтовка. Мы прошли дальше вверх по холму, пока не очутились на краю деревни. Уже светало. Тишину нарушал только хор неугомонных петухов, да из дома дона Присилиано доносилась чуть слышная музыка — baile предстояло продолжаться весь день, а может быть, и всю следующую ночь. Огромная долина расстилалась вдали подобно гигантской географической карте — тихая, ясно видимая, беспре-

дельная. Каждый выступ стены, каждая ветка и каждый стебелек на крышах домов резко выделялись в чудесном прозрачном свете предутреннего часа.

Вдали на горном уступе показался человек, закутанный в красное серапе.

— Ага! — вскричал Анастасио.— Вот он!

И мы дружно принялись палить по красной фигуре. Нас было пятеро, и каждый выпустил по шести зарядов. Страшное эхо прокатилось между домов и загрохотало среди гор, повторяясь снова и снова. Из домов высыпали полураздетые мужчины, женщины и дети. Они, видимо, вообразили, что начинается новая революция. Какая-то древняя старуха выползла из небольшой ветхой хижины, стоявшей на краю деревни, и, протирая глаза, закричала:

— Oiga! Чего это вы стреляете?

— Мы хотим убить вон того негодяя в красном серапе, потому что он отравляет наши семейные очаги и скоро порядочной женщине нельзя будет жить в Валле-Аллегре! — прокричал ей в ответ Анастасио и выстрелил еще раз.

Водянистые глаза старухи обратились в сторону нашей мишени.

— Да разве это плохой человек? — сказала она мягко.— Это ведь мой сын — он сторожит коз.

А тем временем закутанная в красное фигура, ни разу даже не оглянувшись, спокойно продолжала свой путь и скрылась за уступом горы.

ГЛАВА III
LOS PASTORES

Романтикой золота овеяны горы северного Дуранго, словно крепким ароматом духов. Здесь, говорят, находился тот мифический Офир, из которого ацтеки и их таинственные предшественники черпали то червонное золото, что было найдено Кортесом в сокровищницах Монтесумы. Еще на заре истории Мексики индейцы ковыряли эти голые горы тупыми ножами из красной меди. До сих пор сохранились следы их разработок. После них испанцы в ярких сверкающих шлемах и стальных доспехах добывали здесь то золото, которое их гордые галеоны везли из Вест-Индии. На расстоянии почти тысячи миль от столицы, за непроходимыми пустынями и суровыми горами

среди каньонов и горных вершин, утвердилась крохотная красочная бахрома самой блестящей цивилизации в Европе и продолжала существовать, когда власть испанцев в Мексике давно исчезла. Испанцы, конечно, превратили местных индейцев в рабов, и узкие речные долины до сих пор хранят зловещие легенды. В Санта-Мария-дель-Оро можно слышать тысячи преданий о тех временах, когда в шахтах насмерть засекали рабочих-индейцев, а надсмотрщики-испанцы жили как князья.

Но сломить этих горцев было трудно. Они постоянно поднимали восстания против своих угнетателей. Существует легенда о том, как испанцы, в конце концов узнав, что они остались совсем одни в трехстах милях от морского побережья среди населения, ненавидящего их лютой ненавистью, попытались однажды ночью покинуть эти горы. Но в ту же ночь на вершинах вспыхнули сигнальные костры, в деревнях тревожно затрещали барабаны. Где-то в узких горных ущельях испанцы нашли свою гибель. С той поры, вплоть до появления иностранцев, получивших здесь концессии, у этой местности была зловещая репутация. Власть мексиканского правительства почти не достигала этой округи.

Сохранились два городка, некогда столицы испанских золотоискателей, в которых и до сих пор сильны испанские традиции: Инде и Санте-Мария-дель-Оро, обычно называемый Эль-Оро. Инде получил свое название потому, что испанцы с романтическим упорством считали эти новые земли Индией; Санта-Мария-дель-Оро был назван так по тому же принципу, по какому когда-то пели «Te Deum» [1] после кровавой победы — благодарение небу за отыскание червонного золота, «Золотой Богоматери».

В Эль-Оро до сих пор сохранились руины монастыря — теперь их называют неопределенно «Коллегией»,— трогательные сводчатые кровли над глинобитными монашескими кельями, быстро разваливающиеся под действием жаркого солнца и проливных дождей. Эти руины с двух сторон окаймляют бывший внутренний двор монастыря, и огромное мескитовое дерево возвышается здесь над давно забытым могильным камнем с гордой надписью: «Донья Изабелла Гусман». Конечно, все давно забыли, кто такая была донья Изабелла и когда она умерла. На городской площади все еще стоит красивая древняя испанская церковь с потолком из тяжелых балок. А над входом крохот-

[1] «Тебя, боже, славим» *(лат.)*.

ной ратуши еще сохранились следы герба какого-то древнего испанского рода.

Все это весьма романтично. Но местное население не чувствует никакого уважения к традициям и почти не сохранило воспоминаний о тех, кто оставил после себя эти памятники. Богатая индейская цивилизация стерла все следы, оставленные конкистадорами.

Эль-Оро считается самым веселым городком в этих горах. Что ни вечер, здесь устраиваются baile, и нигде во всем штате Дуранго нет таких красивых девушек, как в Эль-Оро. Праздники здесь также справляются пышнее, чем где-либо в этих местах. Угольщики, пастухи, погонщики мулов и батраки с ранчо наезжают сюда издалека, чтобы провести здесь праздник, и один праздничный день означает два-три нерабочих, которые уходят на поездку.

А какие представления устраиваются в Эль-Оро! Раз в год, в праздник святого Рейеса, повсюду в этой части Мексики исполняются Los Pastores. Это разновидность старинных мираклей, какие во времена Ренессанса исполнялись по всей Европе,— тех самых, которые положили начало елизаветинской драме и в настоящее время не существуют уже нигде в мире. Это представление ведет свое начало с самых отдаленных времен, передаваясь устно из поколения в поколение. Называется оно «Люзбель» — испанский вариант имени «Люцифер», и в нем изображается «Грешник, погрязший в смертных грехах, Люцифер, Великий враг человеческих Душ и Вечное Милосердие Божье, облекшееся в Плоть в Образе Младенца Иисуса».

В большинстве городишек и деревень Los Pastores исполняется только один раз в течение года. Но в Эль-Оро представление разыгрывается раза три-четыре в день святого Рейеса, а также и в другое время года, смотря по настроению. Cura, деревенский священник, по-прежнему руководит актерами. Однако представление теперь уже происходит вне церкви. Миракль увеличивался в объеме из поколения в поколение, и в него нередко вплеталась сатира на некоторых местных жителей. Он стал слишком реалистичным, слишком светским для церкви, но он все еще содержит в себе мораль средневековой религии.

В день праздника святого Рейеса мы с Фиденчио пообедали очень рано. Потом он повел меня по улице, затем по узкому закоулку между глинобитными стенами, откуда через пролом

в стене мы пролезли в крохотный дворик позади хижины, увешанной пучками красного перца. Под ногами двух задумчивых осликов бегали собаки, куры, пара поросят и целая куча голых смуглых детишек. Худая, морщинистая старуха индианка сидела на деревянном ящике, куря папиросу, свернутую из целого кукурузного листа. При нашем появлении она поднялась и, прошамкав беззубым ртом какое-то приветствие, достала из ящика кувшин со свежеприготовленным aguardiente. Перегонный куб стоял в кухне. Мы заплатили ей песо и начали пить все трое, пустив кувшин вкруговую и произнося бесконечные любезные пожелания доброго здоровья и всяческого благополучия. Вечернее небо над нашими головами пожелтело, потом стало зеленым, и на нем вспыхнуло несколько огромных горных звезд. С другого конца деревни до нас доносились громкий смех, звуки гитар и оглушительные крики угольщиков, буйно заканчивавших праздник. Старуха выпила гораздо больше того, что приходилось на ее долю...

— Скажите, матушка,— спросил Фиденчио,— где сегодня будут разыгрывать Pastores?

— Сегодня во многих местах будут Pastores,— сказала старуха, скривив рот в улыбку.— Carramba! Какой удачный год для Pastores! Будут играть в школе, и позади дома дона Педро, и в доме дона Марио, и еще в доме Пердиты, муж которой, Томас Редондо, был убит в шахтах в прошлом году,— упокой господь его душу!

— А где будет лучше всего? — спросил Фиденчио, пнув ногой козла, пытавшегося проникнуть в кухню.

— Quién sabe? — пожала она плечами.— Коли б не так ломило мои старые кости, то я пошла бы к дону Педро. Хотя и там неважно. Нет больше таких Pastores, какие бывали в дни моей молодости.

И вот по неровной улице мы отправились к дому дона Педро. Чуть не на каждом шагу нас останавливали гуляки без гроша в кармане, которые спрашивали, где можно выпить в долг.

Дом дона Педро был весьма обширен — хозяин его слыл человеком богатым. Внутренний двор, где при обычных условиях содержался бы скот, дон Педро мог позволить себе превратить в сад, и там среди душистых кустов и карликовых кактусов из старой железной трубы бил самодельный фонтан. Входом служила длинная узкая арка, в конце которой играл местный оркестр. К стене смолой был прилеплен факел, и стоявший рядом человек требовал с входящих пятьдесят центов за вход.

Мы некоторое время наблюдали за ним, но не заметили, чтобы кто-нибудь платил. Его окружала шумная толпа, и каждый доказывал, что имеет право войти бесплатно. Один был кузеном дона Педро; другой — его садовником, третий — мужем дочери его тещи по первому браку; одна женщина заявляла, что она мать кого-то из актеров. Были и другие входы, никем не охранявшиеся, и через них проникали все, кому не удавалось уговорить стража, стоявшего у главного входа. Мы уплатили требуемую сумму при благоговейном молчании толпы и вошли.

Яркий лунный свет заливал сад, расположенный на склоне горы; здесь ничто не мешало смотреть на огромную равнину, сверкавшую в лучах лунного света и сливавшуюся вдали с зеленоватым небом. К низкой кровле дома был прикреплен навес из материи, закрывавший ровную площадку и поддерживаемый наклонными шестами, словно шатер бедуинского вождя. Навес отбрасывал чернильно-черную тень. Шесть факелов, воткнутых перед ним в землю, страшно коптили. Другого света под навесом не было, если не считать мерцающих огоньков бесчисленных папирос. Вдоль стены дома стояли женщины в черных платьях, с черными платками на голове; у их ног на корточках сидели мужчины, между коленями которых жались дети. И мужчины и женщины курили папиросы, время от времени опуская их вниз малышам, чтобы и те могли разок затянуться. Собравшиеся вели себя спокойно, разговаривали тихо и мало и ждали с удовольствием, поглядывая на лунные блики кругом и прислушиваясь к музыке, доносившейся из-под арки. Где-то в кустах вдруг защелкал соловей, и сразу всеми овладел экстаз безмолвия. К музыкантам послали мальчиков сказать, чтобы они не играли, пока будет петь соловей. Это было очень трогательно.

В течение всего этого времени нигде не было заметно никаких приготовлений к представлению. Не знаю, как долго сидели мы здесь, но никто не сделал никаких замечаний по этому поводу. Они собрались сюда, собственно, не ради Pastores, а чтобы смотреть и слушать,— и все, что здесь происходило, их интересовало. Но, увы, будучи беспокойным, практичным сыном Запада, я нарушил чарующее молчание и спросил женщину, сидевшую рядом со мной, когда начнется представление.

— Кто знает? — ответила она спокойно.

Только что подошедший мужчина, поразмыслив над этим вопросом и ответом, наклонился вперед.

— Быть может, завтра,— сказал он. Я заметил, что оркестр перестал играть.— Дело в том,— продолжал он,— что в доме доньи Пердиты будут тоже играть Pastores. Говорят, что актеры, которые должны были выступать здесь, ушли туда посмотреть представление. И музыканты ушли вслед за ними. Я сам вот уже с полчаса взвешиваю, не пойти ли и мне туда.

Мы ушли, предоставив ему еще раз взвесить этот вопрос. Остальные зрители принялись болтать и, по-видимому, совершенно забыли о Pastores. Снаружи кассир, получивший от нас песо, уже созвал своих приятелей, и они дружно прикладывались к бутылке.

Мы медленно шли по улице к окраине, где оштукатуренные и хорошо выбеленные домики зажиточных горожан сменились глинобитными хижинами бедноты. Здесь кончилось даже и подобие улиц, и мы вышли на ослиную тропу, петлявшую между разбросанными в беспорядке хижинами. Миновав ряд ветхих загонов, мы подошли к хижине вдовы дона Томаса. Хижина, частично врезанная в склон горы, была построена из высушенных на солнце глиняных кирпичей и выглядела так, как, вероятно, выглядел хлев в Вифлееме. И как бы в довершение аналогии, в лунном пятне под окном лежала огромная корова, жуя жвачку и громко вздыхая. В окно и в открытую дверь, через головы толпы, мы увидели блики от свечей, играющие на потолке, и услышали визгливую песню, исполняемую девическими голосами, и стук об пол пастушеских посохов, увешанных колокольчиками.

Хижина представляла собой низкую комнату с земляным полом, выбеленными стенами и балками на потолке и была похожа на любое крестьянское жилище где-нибудь в Италии или Палестине. В дальнем конце комнаты, напротив двери, стоял небольшой стол, заваленный бумажными цветами. На нем горели две огромные восковые свечи. Над столом висела хромолитография — богоматерь с младенцем. На столе, посреди цветов, стояла крохотная деревянная колыбелька, и в ней лежала свинцовая кукла, изображавшая младенца Иисуса. Все остальное пространство, кроме небольшого местечка посредине, было заполнено народом: перед сценой, поджав ноги, сидели ребятишки, за ними на коленях стояли подростки и девушки, а позади них, до самой двери томились пеоны в серапе — головы их были обнажены, а на лицах написано оживление и любопытство. По невероятно счастливой случайности рядом с алтарем сидела женщина с открытой грудью, кормившая мла-

денца. Другие женщины с грудными детьми стояли в ряд по обе стороны от нее, вдоль всей стены, не загораживая лишь узкий, закрытый занавесом вход в другую комнату, откуда доносились голоса и смех исполнителей.

— Уже началось? — спросил я молодого парня, стоявшего рядом со мной.

— Нет,— ответил он,— они только выходили пропеть песню, чтобы узнать, хватит ли им места на сцене.

Веселая, шумная толпа зрителей перебрасывалась через головы соседей шутками и остротами. Многие мужчины под веселящим влиянием aguardiente начинали вдруг напевать непристойные песенки, обниматься, а то ни с того ни с сего и ссориться,— последнее могло привести бог знает к чему, так как все они были вооружены. Но вдруг раздался голос:

— Ш-ш-ш! Начинают!

Поднялся занавес, и пред нами предстал Люцифер, свергнутый с неба за свою неукротимую гордость. Его играла молодая девушка — все актеры здесь девушки, в отличие от исполнителей средневековых миракле́й, в которых играли только мальчики. Костюм, который был на ней, несомненно передавался из поколения в поколение с незапамятных времен. Он был, конечно, красным (из красной кожи) — цвет, которым средневековая фантазия наградила дьявола. Однако интереснее всего было то, что костюм этот удивительно походил на традиционный панцирь римского легионера: ведь римские солдаты, распявшие Христа, в средние века считались немногим лучше черта. На девушке был свободный, расширяющийся книзу дублет из красной кожи и штаны с зубцами, доходившие до самых башмаков. Здесь как будто нет особенного сходства с одеянием римского легионера, но надо помнить, что римские легионеры в Британии и в Испании носили кожаные штаны. Шлем девушки был весь закрыт перьями и цветами, но и под ними угадывалось его сходство с римским шлемом. Ее грудь и спину покрывал панцирь, сделанный, правда, не из стальных пластин, а из маленьких зеркал. На боку у нее висел меч. Выхватив меч, она начала читать монолог, стараясь говорить басом и важно расхаживая взад и вперед:

Yo soy lus; ay en mi nombre se ue!
Pues con la lus
Que bose
Todo el abismo encend,—

великолепный монолог Люцифера, свергнутого с неба.

— Я — свет, как гласит само мое имя, и свет моего падения ярко озарил великую бездну. За то, что я не хотел покориться, я, некогда первый среди небесного воинства,— да будет это всем известно,— теперь отвержен и проклят богом... Вам, о горы, и тебе, море, я жалуюсь горько, чтобы этим — увы! — облегчить тяжесть моего сердца... Жестокая судьба, почему ты так непоколебимо сурова?.. Я, вчера еще жилец звездной обители, сегодня отвергнут и лишен всего. Вчера еще я обитал в светлом чертоге, а сегодня брожу средь этих гор, немых свидетелей моей горькой и печальной судьбы. И все из-за моей зависти и честолюбия, из-за моей неразумной самонадеянности... О горы, как счастливы вы! Голые и мрачные иль покрытые яркой зеленью, вы счастливы равно! О вы, быстротекущие ручьи, свободные, как птицы, взгляните на меня!..

— Чудесно! Чудесно! — закричали зрители.

— Вот что запоет Уэрта, когда мадеристы доберутся до Мехико! — вставил какой-то неукротимый революционер среди всеобщего смеха.

— Взгляните на меня в минуту горя и страданий...— продолжал Люзбель.

В эту минуту из-за занавеса вышла огромная собака, весело помахивая хвостом. Очень довольная собой, она начала обнюхивать детей и лизать их лица. Какой-то малыш ударил собаку по морде, и она, обиженная и удивленная, шмыгнула между ног Люцифера в самый разгар возвышенного монолога. Люцифер пал вторично и, поднявшись на ноги при всеобщем хохоте, начал размахивать мечом. Человек пятьдесят зрителей набросились на собаку, которая с визгом пустилась наутек, и представление возобновилось.

Лаура, жена пастуха Аркадио, с песней показалась на пороге своей хижины, то есть вышла из-за занавеса...

— О, как чудно льется тихий свет луны и звезд в эту божественно-прекрасную ночь! Природа вот-вот должна открыть какую-то чудесную тайну. Весь мир объят покоем, и все сердца преисполнены радостью и довольством. Но... кто это здесь? Какое красивое лицо и очаровательная фигура!

Люцифер прихорашивается, подскакивает к ней и с южной пылкостью клянется ей в любви. Она говорит, что ее сердце отдано Аркадио, но Сатана долго описывает бедность ее мужа, а сам обещает ей богатство, роскошные дворцы, драгоценности и рабов.

— Мне кажется, я уже начинаю любить тебя,— говорит Лаура.— Против своей воли... я не могу обманывать себя...

В этом месте среди зрителей послышался заглушенный смех.

— Антония! Антония! — повторяли все кругом, смеясь и толкая под бок друг друга.

— Вот так точно Антония бросила Энрико! Я всегда думала, что без дьявола тут не обошлось! — заметила одна из женщин.

Однако Лауру мучает совесть, Люцифер говорит ей, что Аркадио тайно любит другую, и это решает дело.

— Чтобы ты был уверен в моей любви,— спокойно говорит Лаура,— и чтобы мне навсегда избавиться от мужа, я постараюсь выбрать удобную минуту и убью его.

Такое неожиданное заявление пугает даже Люцифера. Он говорит, что лучше подвергнуть Аркадио всем мукам ревности, и в реплике, произнесенной в сторону, с радостью отмечает, что «она уже стала на путь, который приведет ее прямо в ад».

Женщинам, по-видимому, эти слова доставили большое удовольствие. Они добродетельно кивают друг другу. Но одна девушка, наклонившись к своей подруге, говорит со вздохом:

— Ах, такая любовь — это, наверное, чудо!

Возвращается домой Аркадио, и Лаура начинает упрекать его за бедность. Аркадио привел с собой Бато — нечто среднее между Яго и Автоликом, который во время диалога между пастухом и его женой бросает в сторону иронические замечания. Аркадио, увидев у Лауры драгоценное кольцо, подаренное ей Люцифером, начинает подозревать ее в измене, и когда она гордо уходит от него, он изливает свои чувства:

— Я так был счастлив, так полагался на ее верность, а она огорчает меня своими жестокими упреками! Что же мне теперь делать?

— Подыщи себе другую,— советует Бато.

Когда Аркадио отвергает такой совет, Бато предлагает следующий скромный рецепт для разрешения всех трудностей:

— Убей ее немедля. А когда убьешь, сдери с нее кожу, сложи ее бережно и спрячь. А если женишься опять, то пусть эта кожа станет простыней твоей невесты и научит ее добродетели. А чтобы раз и навсегда избавить ее от соблазна, скажи ей спокойно, но твердо: «Милая, эта вот простыня была когда-то моей женой. Смотри же — знай, как вести себя, иначе и тебя ожидает та же участь. Помни, что я строгий и раздражительный человек и не останавливаюсь ни перед чем».

В начале этой речи мужчины хихикали, к концу они уже покатывались со смеху. Какой-то старик пеон вдруг набросился на них.

— Это самое верное средство! — сказал он. — Если бы это делалось почаще, то не было бы столько семейных разладов.

Но Аркадио не соглашается, и тогда Бато предлагает следующее философское решение вопроса:

— Перестань горевать; пусть Лаура уходит к своему любовнику. Избавившись от такой помехи, ты разбогатеешь, будешь сладко есть, хорошо одеваться и поистине наслаждаться жизнью. На все остальное махни рукой... Воспользуйся же благоприятным случаем, не упускай своего счастья. А когда станешь богатым, не забудь попотчевать мое худое брюхо хорошим угощением.

— Стыдно тебе! — закудахтали женщины. — Вранье! Desgraciado! [1]

Но тут вмешался мужской голос:

— Напрасно, сеньоры. В этом есть доля правды. Если бы нам не приходилось содержать жен и детей, то мы все были бы хорошо одеты и катались бы на лошадях.

Вокруг этого вопроса разгорелся горячий спор.

Аркадио совсем отказался слушать Бато, и тогда тот сказал жалобно:

— Если ты хоть сколько-нибудь любишь бедного Бато, пойдем поужинаем.

Аркадио с твердостью заявил, что раньше он должен открыть свое сердце.

— Сделай милость, открывай, пока не надоест, — сказал Бато. — Что до меня, то я так завяжу себе язык, что если даже ты будешь болтать, как попугай, и то я буду нем.

Он садится на большой камень и притворяется спящим, а Аркадио в течение пятнадцати минут открывает сердце горам и звездам.

— О Лаура, непостоянная, неблагодарная, бесчеловечная! Зачем ты причиняешь мне такие страдания? Ты отняла у меня веру, опозорила меня, разбила мое сердце. Зачем насмеялась ты над моей пылкой любовью? О безмолвные звезды и высокие горы, помогите мне выразить всю боль моей души! О вы, суровые, неподвижные скалы и тихие, задумчивые леса, помогите мне облегчить мое сердце...

---

[1] Несчастный! *(исп.)*

Зрители, охваченные состраданием, переживают вместе с Аркадио. Женщины громко всхлипывают.

Наконец Бато не выдерживает.

— Идем ужинать,— говорит он.— Страдать надо понемножку!..

Оглушительный взрыв хохота не дает закончить фразу.

Аркадио. Тебе одному, Бато, вверил я свою тайну.

Бато *(в сторону)*. И вряд ли сумею я сохранить ее! Уже мой язык начинает чесаться. Придется этому дураку понять, что «тайну и обет нельзя вверять никому».

С пением входит группа пастухов и пастушек. Актрисы одеты в свои лучшие праздничные наряды, на них летние шляпки, украшенные цветами; в руках у них длинные деревянные апостольские посохи, увешанные бумажными цветами и гирляндами маленьких колокольчиков.

Они поют:

Прекрасна ночь, глубок ее покой,
Как будто в мире не было похожей,
И счастлив тот, кто зрел ее такой.
Все ждет, что воплотится слово божье,
Что в Вифлееме явится дитя
И искупление получит род людской.

Затем следует диалог между девяностолетним скупцом Фабио и его бойкой молодой женой о великих добродетелях женщин и великих пороках мужчин, остальные тоже принимают в нем участие.

Зрители горячо вступают в этот спор, то и дело цитируя пьесу,— мужчины и женщины разделились на два враждебных лагеря. Женщины черпают доказательства из диалога, а мужчины ссылаются на яркий пример, преподанный Лаурой. Потом спорят уже о добродетелях и пороках некоторых мужей и жен из Эль-Оро. Представление на некоторое время приостанавливается.

...Брас, один из пастухов, стащил у Фабио сумку с провизией, когда тот спал. Начинаются пересуды и грызня. Бато заставляет Браса поделиться с ним содержимым сумки, в которой, когда ее открывают, они не находят того, что ожидали. Разочарованные, они заявляют, что за хороший обед согласны продать свои души. Люцифер, подслушав их, пытается поймать их на слове. Но после словесной перепалки — причем зрители, как один человек, возмущаются бесчестной тактикой Люцифера — пастухи и Сатана решают сыграть в кости. Сатана про-

'игрывает, и тогда он сообщает им, где можно найти много еды. Пастухи отправляются туда. Люцифер проклинает бога, который помог каким-то недостойным пастухам. Он удивляется, что «рука более могучая, нежели рука Люцифера, протянулась спасти их». Он не понимает, почему божественное милосердие изливается на недостойного человека, который грешит вот уже столько веков, в то время как он, Люцифер, постоянно чувствует на себе всю тяжесть божьего гнева. Внезапно раздается сладостное пение — поют пастухи за занавесом — и Люциферу приходят на память слова пророка Даниила, что «божественное слово облечется плотью». Песнь возвещает о рождении Христа среди пастухов. Люцифер, взбешенный, клянется, что он приложит все силы к тому, чтобы все смертные в то или другое время «испробовали ада», и затем приказывает аду разверзться и принять его в свои недра.

При рождении Христа зрители крестятся, женщины шепчут молитвы. Бессильный взрыв гнева Люцифера против бога встречается криками: «Богохульство! Святотатство! Смерть дьяволу за поношение бога!»

Брас и Бато возвращаются. Они заболели от обжорства и, боясь умереть, дико вопят о помощи. Тут входят пастухи и пастушки. Они поют, стуча посохами о пол, и обещают вылечить их.

В начале второго акта Бато и Брас, уже совершенно здоровые, сговорившись, решают украсть провизию, приготовленную для сельского праздника. Когда они отправляются воровать, появляется Лаура и начинает петь про свою любовь к Люциферу. Слышится небесная музыка, в которой Лаура упрекается за ее «прелюбодейные мысли», и тогда она отказывается от своей греховной любви и заявляет, что она возвратится к Аркадио.

Зрительницы улыбаются и кивками выражают свое одобрение. Слышатся вздохи облегчения. Все довольны ходом пьесы.

Но в это время раздается треск падающей крыши и начинается интермедия — на сцене появляются Брас и Бато с корзиной провизии и бутылкой вина. При появлении этих любимых пройдох все лица оживляются, кое-кто уже заранее смеется. Бато просит Браса постоять на страже, пока он будет есть свою долю, и когда Брас соглашается, Бато съедает и его долю. Происходит ссора. Бато и Брас не успевают скрыть следы своего преступления, как входят пастухи и пастушки в поисках вора.

Бато и Брас придумывают много самых нелепых причин, объясняющих появление на сцене корзины и бутылки с вином, и в конце концов убеждают всю компанию, что это подстроено дьяволом. И чтобы окончательно скрыть следы своей проделки, они приглашают других доесть то, что осталось.

Эту сцену — самое смешное место во всей пьесе — с трудом можно было расслышать из-за оглушительного хохота, то и дело прерывавшего речь исполнителей. Какой-то молодой парень, перегнувшись, толкнул своего compadre.

— Помнишь, как мы ловко вывернулись, когда нас поймали за доением коров дона Педро?

Возвращается Люцифер, и его приглашают принять участие в пиршестве. Он всячески старается заставить их возобновить разговор о краже и мало-помалу свалить вину на незнакомца, которого они все, по их словам, видели. Они, конечно, подразумевают под незнакомцем Люцифера, но когда им предложили описать наружность незнакомца, они изображают чудовище в тысячу раз более отталкивающее, чем есть на самом деле. Никто, конечно, не подозревает, что их приятный собеседник и есть сам Люцифер.

О том, как было открыто преступление Бато и Браса и как они были наказаны, как помирились Лаура с Аркадио, как был посрамлен Фабио за свою жадность и как он исправился, как показывали младенца Иисуса, лежащего в яслях перед лицом трех строго индивидуализированных царей с Востока, как был, наконец, изобличен Люцифер и ввергнут обратно в ад,— обо всем этом я умалчиваю за недостатком места.

Представление продолжалось три часа, целиком поглощая внимание зрителей. Бато и Брас — особенно Бато — пользовались исключительным успехом. Зрители сочувствовали Лауре, страдали вместе с Аркадио и ненавидели Люцифера с такой силой, с какой ненавидит галерка негодяя в мелодраме. Один только раз пьеса была прервана на минуту, когда в дом вбежал какой-то парень без шляпы и закричал:

— Приехал солдат, который говорит, что Урбина занял Мапими!

Даже исполнители прекратили пение — они как раз в эту минуту стучали звенящими посохами об пол — и на вестника обрушился ураган вопросов. Но спустя минуту интерес к нему пропал, и пастухи возобновили прерванное пение.

Мы покинули хижину доньи Пердиты примерно в полночь. Луна уже скрылась за горами на западе, и во всем городке ца-

рила мертвая тишина. Только где-то лаяла собака. Когда мы с Фиденчио, обнявшись, проходили по улице, мне вдруг пришло в голову, что подобные представления предшествовали золотому веку театра в Европе — расцвету Ренессанса. Было интересно размышлять, какую форму принял бы Ренессанс в Мексике, если бы он не пришел так поздно.

Но уже вокруг узких берегов мексиканского средневековья бушуют огромные волны современной жизни — индустрия, научная мысль, политические теории. Мексиканскому театру придется обойтись без своего золотого века.

ПЕРЕВОД А. РОММА

ПРЕДИСЛОВИЕ
К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида: «Десять дней, которые потрясли весь мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н. Ленин.

1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«Десять дней, которые потрясли мир» — так озаглавил Джон Рид свою замечательную книжку. В ней необычайно ярко и сильно описаны первые дни Октябрьской революции. Это — не простой перечень фактов, сборник документов, это — ряд живых сцен, настолько типичных, что каждому из участников революции должны вспомниться аналогичные сцены, свидетелем которых он был. Все эти картинки, выхваченные из жизни, как нельзя лучше передают настроение масс — настроение, на фоне которого становится особенно понятен каждый акт великой революции.

На первый взгляд кажется странным, как мог написать эту книгу иностранец, американец, не знающий языка народа, быта... Казалось, он должен был бы на каждом шагу впадать в смешные ошибки, должен был бы проглядеть многое существенное.

Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают.

Правда, очевидцами революции были очень немногие.

Джон Рид не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, понимавшим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать такой книги.

Русские тоже иначе пишут об Октябрьской революции: они или дают оценку ее, или описывают те эпизоды, участниками

которых они являлись. Книжка Рида дает общую картину настоящей народной массовой революции, и потому она будет иметь особо большое значение для молодежи, для будущих поколений — для тех, для кого Октябрьская революция будет уже историей. Книжка Рида — своего рода эпос.

Джон Рид связал себя целиком с русской революцией. Советская Россия стала ему родной и близкой. Он в ней погиб от тифа и похоронен под Красной стеной. Тот, кто описал похороны жертв революции, как Джон Рид, достоин этой чести.

Н. Крупская.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — сгусток истории, истории в том виде в каком я наблюдал ее. Она не претендует на то, чтобы быть больше чем подробным отчетом о Ноябрьской революции, когда большевики во главе рабочих и солдат захватили в России государственную власть и передали ее в руки Советов.

Естественно, бо́льшая часть книги посвящена «Красному Петрограду», столице и сердцу восстания. Но пусть читатель помнит, что все происшедшее в Петрограде — в разное время, с разной напряженностью — почти в точности повторилось по всей России.

В этой книге, первой из ряда книг, над которыми я работаю, мне придется ограничиться записью тех событий, которые я видел и переживал лично или которые подтверждены достоверными свидетельствами; ей предпосланы две главы, кратко обрисовывающие обстановку и причины Ноябрьской революции. Я сознаю, что прочесть эти главы будет не легко, но они весьма существенны для понимания последующего.

Перед читателем, естественно, встанут многие вопросы. Что такое большевизм? Какого рода политический строй создан большевиками? Если до Ноябрьской революции большевики боролись за Учредительное собрание, то почему впоследствии они разогнали его силою оружия? И если до того момента, как большевистская опасность стала явной, буржуазия выступала против Учредительного собрания, то почему же впоследствии она стала его поборницей?

На эти и многие другие вопросы здесь трудно дать ответ. Ход революции, вплоть до заключения мира с Германией, я прослеживаю в другой книге — «От Корнилова до Брест-Литовска». Там я объясняю происхождение и характер деятельности революционных организаций, рассказываю о том, как менялись настроения народных масс, почему было распущено Учредительное собрание, как организовано Советское государство, чем кончились переговоры в Брест-Литовске.

Говоря о растущей популярности большевиков, необходимо понять, что развал русской экономики и русской армии совершился не 25 октября 1917 года, а на много месяцев раньше, как неизбежное, логическое следствие процесса, начавшегося еще в 1915 году. Продажные реакционеры, державшие в своих руках царский двор, сознательно вели дело к разгрому России, чтобы подготовить сепаратный мир с Германией. Теперь мы знаем, что и нехватка оружия на фронте, вызвавшая большое летнее отступление 1915 года, и недостаток продовольствия в армии и в крупных городах, и разруха в промышленности и на транспорте в 1916 году — все это было частью гигантской кампании саботажа, прерванной в решительный момент Мартовской революцией.

В первые несколько месяцев после прихода к власти нового режима как внутреннее положение в стране, так и боеспособность ее армии безусловно улучшились, несмотря на сумятицу, неизбежную при всякой революции, неожиданно давшей свободу ста шестидесяти миллионам наиболее угнетенного народа в мире.

Но «медовый месяц» длился недолго. Имущие классы хотели всего-навсего политической революции, которая бы отняла власть у царя и передала ее им. Они хотели, чтобы Россия стала конституционной республикой, подобно Франции и Соединенным Штатам, или конституционной монархией, подобно Англии. Народные же массы желали подлинной рабочей и крестьянской демократии.

В своей книге «Благовест России» («Russia's Message»), представляющей очерк революции 1905 года, Уильям Инглиш Уоллинг прекрасно описывает умонастроение русских рабочих, впоследствии почти единодушно выступивших на стороне большевизма:

«Они (рабочие) видели, что даже при самом свободном правительстве, если оно окажется в руках других классов, им, возможно, придется по-прежнему голодать...

Русский рабочий — революционер, но он не насильник, не догматик и не лишен разума. Он готов к боям на баррикадах, но он знает, что это такое, и — единственный среди рабочих всего мира — знает это на собственном опыте. Он готов и хочет бороться со своим угнетателем, классом капиталистов, до конца. Но он не забывает и о существовании других классов. И только требует от них, чтобы в надвигающемся грозном конфликте они встали либо на ту, либо на другую сторону...

Они (рабочие) согласны, что наши (американские) политические институты предпочтительнее их собственных, но они вовсе не желают променять одного деспота на другого (то есть на класс капиталистов).

Рабочих России расстреливали и казнили сотнями в Москве, Риге и Одессе, бросали в тюрьмы тысячами, ссылали в пустыни и арктические области, и они шли на это вовсе не ради сомнительных привилегий рабочих Гольдфильдса и Криппл-Крика...»

Вот почему в России в разгар войны политическая революция переросла в революцию социальную, нашедшую свое высшее завершение в торжестве большевизма.

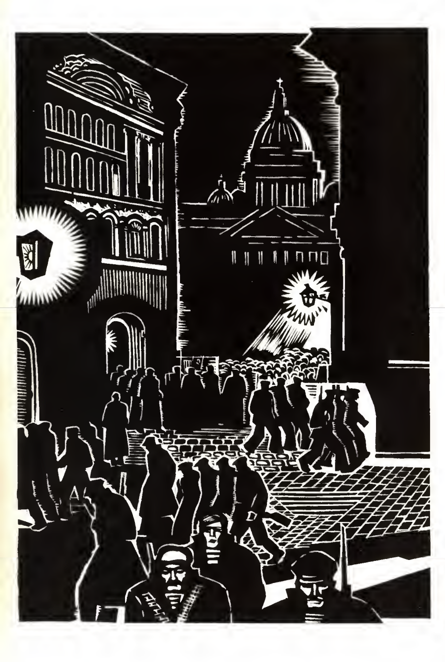
В своей книге «Рождение русской демократии» А.-Дж. Сак, директор враждебного Советскому правительству Русского информационного бюро в Америке, говорит следующее:

«Большевики создали свой собственный кабинет с Николаем Лениным — премьером и Львом Троцким — министром иностранных дел. Неизбежность их прихода к власти стала очевидной почти сразу после Мартовской революции. История большевиков после революции есть история их неуклонного роста».

Иностранцы, и особенно американцы, часто подчеркивают «невежество» русских рабочих. Верно, им не хватает политического опыта западных народов, зато они прошли прекрасную школу в своих добровольных организациях. В 1917 году русские потребительские общества (кооперативы) насчитывали свыше двенадцати миллионов членов, а Советы сами по себе являются чудесным выражением организационного гения русских трудящихся. Более того, во всем мире, вероятно, нет народа, который столь хорошо изучил бы социалистическую теорию и методы ее практического применения.

Вот как характеризует этих людей Уильям Инглиш Уоллинг:

«Большинство русских рабочих умеет читать и писать. Страна уже много лет находится в состоянии такого сильного

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

брожения, что их борьбу возглавили не только передовые представители их собственного класса, но и многочисленные революционные элементы из образованных слоев общества, обратившихся к рабочим со своими идеями политического и социального возрождения России...»

Многие авторы объясняют свою враждебность к советскому строю тем, что последняя фаза русской революции была просто борьбой «порядочных» элементов общества против жестокостей большевиков. Но в действительности именно имущие классы, увидев, как возрастает мощь революционных организаций народа, решили разгромить их и остановить революцию. Добиваясь этой цели, буржуазия в конце концов прибегла к отчаянным мерам. Для того чтобы сокрушить правительство Керенского и Советы, она дезорганизовала транспорт и спровоцировала внутренние беспорядки; чтобы сломить фабрично-заводские комитеты, были закрыты многие предприятия, уничтожалось топливо и сырье; чтобы разрушить фронтовые армейские комитеты, восстановили смертную казнь и потворствовали поражениям на фронте.

Все это было великолепной пищей для большевистского огня. Большевики в ответ на это призвали к классовой войне и провозгласили лозунг «Вся власть Советам».

Между этими двумя крайними направлениями находились группировки, целиком или частично поддерживавшие большевиков, в том числе так называемые «умеренные» социалисты — меньшевики, социалисты-революционеры и еще несколько мелких партий. Эти группировки тоже подвергались нападкам со стороны имущих классов, но сила их сопротивления была подорвана их же теориями.

В общем, меньшевики и социалисты-революционеры полагали, что экономически Россия не созрела для социальной революции, что возможна только революция политическая. По их мнению, народные массы были недостаточно подготовлены для того, чтобы взять власть в свои руки; всякая такая попытка неизбежно привела бы к реакции, и тогда какой-нибудь беззастенчивый политикан смог бы восстановить старый режим. Вот почему «умеренные» социалисты, получив власть, страшились использовать ее.

Они полагали, что Россия должна пройти через те же этапы политического и экономического развития, которые прошла Западная Европа, и лишь после этого вместе со всем остальным миром она придет к развитому социализму. Естественно поэтому, что, как и имущие классы, социалисты сначала

считали, что Россия должна стать парламентским государством, хотя и не совсем таким, как западные демократии. Поэтому они настаивали на участии в правительстве имущих классов.

А отсюда был только один шаг к их поддержке. «Умеренные» социалисты нуждались в буржуазии, но буржуазия не нуждалась в «умеренных» социалистах. В результате министры-социалисты были вынуждены мало-помалу отступать по всем пунктам своей программы, а представители имущих классов наступали все решительнее.

В конце концов, когда большевики категорически отказались от компромисса с буржуазией, меньшевики и эсеры оказались на стороне буржуазии... В настоящее время то же самое происходит почти в любой стране мира.

Большевики, представляется мне,— это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре войска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве, и Россией снова правил бы какой-нибудь царь...

После целого года существования Советской власти все еще модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из самых поразительных авантюр, на какие когда-либо отваживалось человечество,— авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради осуществления их насущных и великих устремлений. К тому времени уже был создан аппарат для раздела крупных помещичьих имений между крестьянами. Уже возникли фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, которые должны были осуществлять рабочий контроль над производством. В каждой деревне, в каждом городе, в каждом уезде и в каждой губернии существовали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, готовые заниматься вопросами местного управления.

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а победа большевиков — явление мирового значения. Подобно тому как историки разыскивают все, что связано с Парижской коммуной, точно так же они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 года, какие

идеи воодушевляли в то время народ, кто были, что говорили и как действовали вожди. Именно об этом я думал, когда писал настоящую книгу.

В этой борьбе я не был просто беспристрастным наблюдателем. Но, рассказывая историю тех великих дней, я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину.

Дж. Р.

Нью-Йорк, 1 января 1919 г.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ

Рядовому читателю будет нелегко разобраться в многочисленных русских организациях — политических группах, комитетах и центральных комитетах, Советах, думах и союзах. По этой причине я даю здесь несколько кратких определений и пояснений.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

На выборах в Учредительное собрание в Петрограде было девятнадцать списков кандидатов, а в некоторых провинциальных городах — до сорока; однако в кратком обзоре целей и состава политических партий, помещенном ниже, включены только те группы и фракции, которые упоминаются в этой книге. Здесь может быть указано лишь на самое основное в их программах и дана только общая характеристика тех социальных слоев, которые они представляли.

1. *Монархисты* разных оттенков, *октябристы* и т. д. Эти некогда сильные фракции больше не существовали открыто; они либо ушли в подполье, либо их члены вступили в партию кадетов, поскольку кадеты постепенно приняли их политическую платформу. Из представителей этих групп в книге упоминаются Родзянко, Шульгин.

2. *Кадеты*. Так названы по первым буквам наименования партии — «Конституционные демократы». Официальное название кадетской партии (после революции) — «Партия народной

свободы». При царизме партия кадетов, состоявшая из либералов — представителей имущих классов, была самой крупной партией политических реформ, в общих чертах соответствующей Прогрессивной партии в Америке. Когда в марте 1917 года разразилась революция, кадеты образовали первое Временное правительство. В апреле кадетское правительство было сброшено, потому что оно открыто выступило с защитой империалистических целей союзных держав, в том числе империалистических целей царского правительства. По мере того как революция приобретала все более ярко выраженный характер революции социальной, кадеты становились все более консервативными. Из их представителей в этой книге упоминаются Милюков, Винавер, Шацкий.

2 а. «*Группа общественных деятелей*». После того как кадеты скомпрометировали себя своими связями с корниловской контрреволюцией, в Москве была создана «Группа общественных деятелей». Представители этой группы получили министерские портфели в последнем кабинете Керенского. Группа объявила себя внепартийной, хотя ее духовными вождями были деятели типа Родзянко и Шульгина. В группу вошли самые «современные» банкиры, коммерсанты и промышленники, которые были достаточно умны и понимали, что с Советами нужно бороться их собственным оружием — экономической организацией. Типичны для этой группы — Лианозов, Коновалов.

3. *Народные социалисты*, или *трудовики*. Небольшая по численности партия, состоявшая из осторожных интеллигентов, руководителей кооперативных обществ и кулаков. Называя себя социалистами, трудовики на деле защищали интересы мелкой буржуазии — чиновников, лавочников и т. д. Прямые преемники состоявшей в основном из представителей крестьян «трудовой группы» IV Государственной думы и наследники ее соглашательских традиций. Керенский был лидером трудовиков в Государственной думе, когда в марте 1917 года вспыхнула революция. Народные социалисты — националистическая партия. В книге их представляют Пешехонов, Чайковский.

4. *Российская социал-демократическая рабочая партия*. Первоначально марксисты-социалисты. На съезде в 1903 году из-за разногласий по тактическим вопросам партия раскололась на две фракции — большинства и меньшинства. Так возникли названия — «большевики» и «меньшевики». Два крыла превратились в две отдельные партии. Каждая из них называла себя Российской социал-демократической рабочей партией и заяв-

ляла о своей приверженности марксизму. После революции 1905 года большевики фактически были в меньшинстве и стали снова большинством в сентябре 1917 года.

a. *Меньшевики.* Эта партия включает социалистов всех оттенков, которые считают, что общество должно прийти к социализму путем естественной эволюции, а рабочий класс должен сначала завоевать политическую власть. Кроме того, это националистическая партия. Фактически это была партия социалистов-интеллигентов, а поскольку все средства просвещения находились в руках имущих классов, интеллигенция, естественно, придерживалась их образа мысли и становилась на сторону этих классов. Из меньшевистских лидеров в этой книге упоминаются Дан, Либер, Церетели.

b. *Меньшевики-интернационалисты.* Радикальное крыло меньшевиков: они интернационалисты, противники всякой коалиции с имущими классами; в то же время они не желают порывать с меньшевиками-консерваторами и выступают против диктатуры рабочего класса, которой требовали большевики. Долгое время членом этой группы был Троцкий. Среди ее лидеров — Мартов, Мартынов.

c. *Большевики.* Сейчас они называют себя *Коммунистической партией,* чтобы подчеркнуть свой полный разрыв с традициями «умеренного», или «парламентарного», социализма, за который выступают меньшевики и так называемые «социалисты большинства» во всех странах. Большевики призвали к немедленному восстанию пролетариата и захвату государственной власти, с тем чтобы ускорить победу социализма путем насильственного обобществления промышленности, земли, природных богатств и финансовых учреждений. Эта партия выражает стремления главным образом промышленных рабочих, а также и значительной части беднейшего крестьянства. Слово «большевик» нельзя переводить как «максималист». Максималисты — это особая группа (см. параграф 5b).

d. *Объединенные социал-демократы — интернационалисты,* или группа «Новая жизнь» (так называлась очень влиятельная газета, издаваемая ею). Это маленькая группа интеллигентов, к которой примыкало крайне незначительное количество рабочих, если не считать личных приверженцев Максима Горького — руководителя группы. У них была почти такая же программа, как и у меньшевиков-интернационалистов, с той лишь разницей, что группа «Новая жизнь» не желала связывать себя ни с одной из двух основных фракций. Члены группы не соглашались с тактикой большевиков, но оставались в советских

органах государственной власти. Другие представители группы, которые упоминаются в этой книге,— Авилов, Крамаров.

е. *«Единство»*. Незначительная и постоянно уменьшавшаяся группа, которая состояла почти исключительно из личных последователей Плеханова, одного из пионеров русского социал-демократического движения в 80-х годах и его крупнейшего теоретика. Сейчас Плеханов уже состарился, стал крайним социал-патриотом и оказался слишком консервативен даже для меньшевиков. После большевистского переворота группа «Единство» перестала существовать.

5. *Партия социалистов-революционеров*. Их называют сокращенно «эсерами». Первоначально — революционная партия крестьян, партия «боевых организаций» — террористов. После Мартовской революции в нее вступило много людей, которые прежде никогда не были социалистами. В то время эсеры стояли за отмену частной собственности только на землю, причем ее владельцы должны были получить определенную компенсацию. В конце концов рост революционных настроений среди крестьян заставил эсеров отказаться от пункта «о компенсации». Осенью 1917 года молодые и наиболее решительные из представителей интеллигенции откололись от основной партии и создали новую партию — партию левых социалистов-революционеров. Эсеры, которых радикальные группы впоследствии всегда называли «правыми социалистами-революционерами», перешли на политические позиции меньшевиков и действовали вместе с ними. В конечном счете они представляли интересы кулаков, интеллигентов и политически отсталых слоев населения из отдаленных сельских районов. Однако среди них было значительно больше группировок с разными точками зрения на политические и экономические вопросы, чем среди меньшевиков. Из их лидеров в книге упоминаются Авксентьев, Гоц, Керенский, Чернов, «бабушка» Брешковская.

а. *Левые социалисты-революционеры*. Хотя на словах они разделяли большевистскую программу диктатуры рабочего класса, вначале они неохотно следовали решительной тактике большевиков. Однако левые социалисты-революционеры оставались в Советском правительстве, занимая министерские посты — и прежде всего пост министра земледелия. Они несколько раз выходили из правительства, но всегда возвращались. По мере того как крестьяне во все возрастающем количестве покидали ряды (правых) эсеров, они присоединялись к партии левых социалистов-революционеров, которая превратилась в большую крестьянскую партию, поддерживавшую Советскую власть. Эта

партия выступала за безвозмездную конфискацию крупных имений и передачу их в распоряжение самих крестьян. Руководители левых эсеров — Спиридонова, Карелин, Камков, Колегаев.

b. *Максималисты.* Откололись от партии социалистов-революционеров во время революции 1905 года, когда представляли мощное крестьянское движение, требовавшее немедленного осуществления социалистической программы-максимум. Сейчас — незначительная группа крестьянских анархистов.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПРОЦЕДУРА

Собрания и съезды в России организуются скорее по европейскому образцу, чем по нашему. Прежде всего они, как правило, избирают председателя, секретаря и президиум.

Президиум — это руководящий комитет, образованный из представителей групп и политических фракций, представленных на собрании пропорционально их численности. Президиум устанавливает повестку дня, и председатель поручает членам президиума поочередно вести собрание.

По каждому вопросу сначала делается общий доклад, затем следуют прения, а после прений различные фракции представляют свои резолюции, и каждая голосуется в отдельности. Порядок дня может быть нарушен,— что обычно и случается,— уже в первые полчаса. Ссылаясь на «чрезвычайную важность» вопроса, с чем почти всегда соглашаются участники собрания, каждый присутствующий может подняться с места и сказать что угодно по любому вопросу. Тон здесь задают рядовые участники, и практически единственной обязанностью председателя является поддержание порядка при помощи колокольчика и предоставление слова ораторам. Почти вся действительная работа собрания выполняется на закрытых совещаниях различных групп и политических фракций, которые почти всегда голосуют единогласно и представлены их руководителями. Поэтому, прежде чем обсуждать какой-нибудь новый важный вопрос или приступить к голосованию, председатель объявляет перерыв, с тем чтобы дать возможность различным группам и политическим фракциям устроить закрытое совещание.

Публика исключительно шумная: оратора поощряют одобрительными возгласами или прерывают критическими замечаниями, изменяя по-своему планы президиума. Среди возгласов обычны: «Просим!», «Правильно!», «Это верно!», «Довольно!», «Долой!», «Позор!», «Тише!»

1. *Совет*. Это слово в русском языке существует давно и соответствует английскому слову «council». При царе, например, существовал Государственный совет. Однако со времени революции слово «Совет» стали связывать с определенным типом представительства, избираемого трудящимися, членами производственных коллективов,— Советом рабочих, солдатских или крестьянских депутатов. Поэтому слово «Совет» я употребляю только по отношению к этим органам. Помимо местных Советов, которые избираются в каждом городе и деревне — а в больших городах избираются также районные Советы,— существуют еще областные или губернские Советы, а в столице — Центральный Исполнительный Комитет всех Советов России, который сокращенно называют ЦИК (см. ниже — Центральные комитеты).

Почти всюду Советы рабочих депутатов и Советы солдатских депутатов объединились вскоре после Мартовской революции. Однако для обсуждения специальных вопросов, затрагивающих их особые интересы, секции рабочих и солдат продолжали собираться отдельно. Советы крестьянских депутатов присоединились к остальным Советам лишь после Ноябрьской революции. Крестьянские Советы были организованы так же, как Советы рабочих и солдат, а в столице был создан Всероссийский Исполнительный Комитет крестьянских Советов.

2. *Профсоюзы*. Хотя в России рабочие союзы были организованы в большинстве случаев по производственному принципу, они назывались тем не менее профессиональными союзами и ко времени большевистской революции насчитывали от трех до четырех миллионов членов. Эти союзы также были объединены во всероссийскую организацию — нечто вроде русской Федерации труда, которая имела в столице свой Центральный Исполнительный Комитет.

3. *Фабрично-заводские комитеты*. Это были стихийно возникшие организации, созданные на предприятиях рабочими, чтобы осуществлять контроль над производством, поскольку революция парализовала всю систему управления. Эти комитеты революционным путем овладевали предприятиями и управляли ими. Фабрично-заводские комитеты тоже имели свою всероссийскую организацию с Центральным комитетом в Петрограде, которая сотрудничала с профсоюзами.

4. *Думы*. Слово «дума» приблизительно означает «совещательный орган». Старая Государственная дума, которая в де-

мократизированной форме просуществовала еще шесть месяцев после революции, умерла естественной смертью в сентябре 1917 года. Городская дума, которая упоминается в этой книге, была создана в результате реорганизации муниципального совета, или самоуправления, как его чаще называли. Городская дума избиралась прямым и тайным голосованием, и единственной причиной, по которой ей не удалось привлечь на свою сторону массы во время большевистской революции, был общий упадок влияния всякого чисто политического представительства при росте влияния организаций, основанных на классовом делении общества.

5. *Земства.* Это слово может быть приблизительно переведено как «сельские Советы». При царизме — полуполитические, полуобщественные организации с очень небольшими административными правами. Они создавались и управлялись главным образом либерально настроенными интеллигентами, выходцами из помещичьего класса. Самой важной стороной деятельности земств было народное образование и социальное обслуживание крестьян. Во время войны земства постепенно приняли на себя всю заботу о снабжении русской армии продовольствием и обмундированием. Они же производили закупки за границей и вели просветительную работу среди солдат, соответствующую той, которую вела в американской армии Христианская ассоциация молодых людей. После Мартовской революции земства были демократизированы с целью превращения их в органы местной власти в сельских районах. Но, подобно городским думам, они не были в состоянии соперничать с Советами.

6. *Кооперативы.* Это были потребительские кооперативные общества рабочих и крестьян, которые до революции насчитывали миллионы членов по всей России. Основанное либералами и «умеренными» социалистами, кооперативное движение не пользовалось поддержкой революционных социалистических групп, поскольку этот путь представлял собой суррогат полного перехода средств производства и распределения в руки рабочих. После Мартовской революции кооперативы стали быстро расширяться; в них преобладали народные социалисты, меньшевики и социалисты-революционеры, и эти кооперативы действовали как консервативная сила до самой большевистской революции. Однако именно кооперативы кормили Россию, когда старая система торговли и транспорта рухнула.

7. *Армейские комитеты.* Армейские комитеты были основаны на фронте солдатами для борьбы с реакционным влия-

нием старого офицерства. Каждая рота, полк, бригада, дивизия и корпус имела свой комитет, а над ними всеми стоял выборный комитет армии. Центральный армейский комитет (в Петрограде) сотрудничал с Генеральным штабом. Расстройство управления в армии, вызванное революцией, возложило на плечи армейских комитетов бо́льшую часть работы интендантского ведомства, а в некоторых случаях даже командование войсками.

8. *Флотские комитеты*. Соответствующие организации в военном флоте.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ

Весной и летом 1917 года в Петрограде проводились всероссийские съезды всевозможных организаций. Проходили съезды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, комитетов армии и флота (помимо съездов представителей отдельных родов войск и флота), кооперативов, национальностей и т. д. Каждый из этих съездов избирал свой Центральный комитет или Центральный исполнительный комитет для защиты своих интересов в центре. По мере того как Временное правительство становилось все слабее, эти Центральные комитеты были вынуждены брать в свои руки все бо́льшую административную власть.

Наиболее важные Центральные комитеты, упоминаемые в этой книге, таковы:

Союз Союзов. Во время революции 1905 года профессор Милюков и другие либералы организовали союзы специалистов — врачей, юристов и т. д. Они объединились в одну центральную организацию — Союз Союзов. В 1905 году Союз Союзов сотрудничал с революционной демократией; в 1917 году, однако, Союз Союзов выступал против большевистского восстания и объединил государственных служащих, которые объявили забастовку и саботировали распоряжения Советской власти.

ЦИК. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Слово получилось из первых букв полного названия.

ЦЕНТРОФЛОТ. Центральный флотский комитет.

ВИКЖЕЛ. Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников. Название составлено из начальных букв полного наименования.

Красная гвардия. Вооруженные фабрично-заводские рабочие России. Красная гвардия впервые была образована во время революции 1905 года и снова возродилась в мартовские дни 1917 года, когда нужна была сила для поддержания порядка в городе. В это время красногвардейцы были уже вооружены, и все старания Временного правительства разоружить их были безуспешными. При каждом кризисе в ходе революции отряды Красной гвардии выходили на улицы; им не хватало военной подготовки и дисциплины, но они были полны революционного энтузиазма.

Белая гвардия. Буржуазные волонтеры, которые появились на последних этапах революции для защиты частной собственности от попыток большевиков отменить ее. В отрядах белой гвардии было очень много студентов.

Текинцы. Так называемая «Дикая дивизия», состоявшая из представителей мусульманских племен Средней Азии, лично преданных генералу Корнилову. Текинцы слепо повиновались приказам и отличались дикой жестокостью.

«Батальоны смерти», или «ударные батальоны». Известен женский «батальон смерти», но было много «батальонов смерти», состоявших из мужчин. Эти батальоны были созданы Керенским летом 1917 года, с тем чтобы своим «героическим» примером они помогли укрепить дисциплину и поднять боевой дух армии. «Батальоны смерти» состояли главным образом из националистически настроенных молодых людей, большей частью выходцев из богатых семей.

Союз офицеров. Организация, созданная среди реакционных офицеров для борьбы с растущим влиянием армейских комитетов.

Георгиевские кавалеры. Георгиевским крестом награждались те, кто отличился в военных действиях. Получивший крест автоматически становился георгиевским кавалером. Преобладающим влиянием в организации георгиевских кавалеров пользовались сторонники войны до победного конца.

Крестьянский союз. В 1905 году крестьянский союз был революционной организацией крестьян. В 1917 году, однако, он стал выражать политические интересы кулаков и боролся против растущего влияния и революционных целей Советов крестьянских депутатов.

ХРОНОЛОГИЯ И НАПИСАНИЕ

В этой книге я повсюду употребляю наш календарь вместо старого русского календаря, который отставал на тринадцать дней.

В написании русских имен и слов я не пытался следовать никаким научным правилам, а старался придерживаться такого написания, которое даст говорящему по-английски читателю наиболее простое и точное представление об их произношении.

ИСТОЧНИКИ

Основным материалом для этой книги послужили мне мои собственные записи. Кроме того, я использовал сотни всевозможных русских газет, в которых отражен почти каждый день описываемого мною времени, подшивки (выходивших в Петрограде) английской газеты «Russian Daily News» («Русские ежедневные новости») и двух французских газет — «Journal de Russie» («Русская газета») и «Entente» («Согласие»). Еще более ценным, чем все эти газеты, является «Bulletin de la Presse» (Бюллетень прессы»), который издавался ежедневно французским информационным бюро в Петрограде. В нем помещались сообщения обо всех важнейших событиях, речах и комментариях русской печати. У меня есть почти полная подшивка этой газеты с весны 1917 года до конца января 1918 года.

Кроме того, мною собраны почти все воззвания, декреты и объявления, которые расклеивались на улицах Петрограда с середины сентября 1917 года до конца января 1918 года, а также официальное издание всех правительственных декретов и распоряжений и официальное правительственное издание секретных договоров и других документов, обнаруженных в министерстве иностранных дел, когда оно перешло в руки большевиков.

ГЛАВА I
ОБЩИЙ ФОН

В конце сентября 1917 года в Петрограде ко мне зашел иностранный профессор социологии, находившийся в России. В деловых и интеллигентских кругах он наслышался о том, что революция пошла на убыль. Профессор написал об этом статью и отправился путешествовать по стране, посетил фабричные города и деревни, где, к его изумлению, революция явно шла на подъем. От рабочих и крестьян постоянно приходилось слышать разговоры об одном и том же: «земля — крестьянам, заводы — рабочим». Если бы профессор побывал на фронте, он услышал бы, что вся армия толкует о мире.

Профессор был озадачен, хотя для этого не было оснований: оба наблюдения были совершенно правильны. Имущие классы становились все консервативнее, а массы — все радикальнее. С точки зрения деловых кругов и российской интеллигенции, революция уже зашла достаточно далеко и чересчур затянулась; пора было навести порядок. Это настроение разделялось и главными «умеренно»-социалистическими группами — меньшевиками-оборонцами[1]* и социалистами-революционерами, которые поддерживали Временное правительство Керенского.

27(14) октября официальный орган «умеренных» социалистов писал:

---

* Цифровые указатели в тексте книги отсылают читателя к приложениям Джона Рида. Для приложений каждой главы книги автором дана самостоятельная порядковая нумерация. *(Ред.)*

«Революция состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт тянулся достаточно долго. Теперь пора приступить ко второму, и его надо провести как можно скорее, ибо один великий революционер говорил: «Поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами...»

Рабочие, солдатские и крестьянские массы были, однако, твердо убеждены, что первый акт еще далеко не закончен. На фронте армейские комитеты постоянно имели столкновения с офицерами, которые никак не могли привыкнуть обращаться с солдатами, как с людьми; в тылу избранные крестьянами земельные комитеты попадали за решетку, так как пытались провести в жизнь постановления правительства о земле; на фабриках рабочим[2] приходилось бороться с черными списками и локаутами. Более того, желающих вернуться политических эмигрантов не пускали в страну, как «нежелательных» граждан; бывали даже случаи, когда людей, вернувшихся из-за границы в свои деревни, арестовывали и бросали в тюрьму за революционные действия, совершенные в 1905 году.

На все многочисленные и многообразные выражения недовольства народа у «умеренных» социалистов был один ответ: «Ждите Учредительного собрания, которое будет созвано в декабре». Но массам этого было мало. Учредительное собрание — вещь, конечно, хорошая. Но ведь было же нечто определенное, во имя чего была совершена русская революция, во имя чего легли в братские могилы на Марсовом поле революционные мученики и что должно быть осуществлено во что бы то ни стало, независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством. Учредительное собрание все откладывалось и откладывалось, возможно, что его отложат еще не раз до тех пор, пока народ не успокоится в такой мере, что, быть может, умерит свои требования! Как бы то ни было, революция тянется уже восемь месяцев, а результатов что-то не видно...

Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу... Вполне естественно, что предприниматели, помещики и офицерство прилагали все усилия, чтобы предотвратить какие-либо уступки массам на демократической основе.

Политика Временного правительства колебалась между мелкими реформами и суровыми репрессивными мерами. Ука-

зом социалистического министра труда рабочим комитетам было предписано впредь собираться только в нерабочее время. На фронте «агитаторы» оппозиционных политических партий арестовывались, радикальные газеты закрывались, и к проповедникам революции стала применяться смертная казнь. Делались попытки разоружить Красную гвардию. В провинцию для поддержания порядка были отправлены казаки.

Эти меры поддерживались «умеренными» социалистами и их вождями-министрами, которые считали необходимым сотрудничество с имущими классами. Народные массы отворачивались от них и переходили на сторону большевиков, которые твердо боролись за мир, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством и за создание рабочего правительства. В сентябре 1917 года разразился кризис. Керенский и «умеренные» социалисты против воли подавляющего большинства населения создали коалиционное правительство, в которое вошли представители имущих классов. В результате меньшевики и социалисты-революционеры навсегда потеряли доверие народа.

Отношение народных масс к «умеренным» социалистам отчетливо выражено в статье, появившейся около середины октября (конца сентября) в газете «Рабочий путь» и озаглавленной «Министры-социалисты» [3].

«Возьмите их послужной список:

Церетели — разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым «усмирил» революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев — начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100% прибыли, а кончил... попыткой разогнать фабрично-заводские комитеты рабочих.

Авксентьев — посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов — подписал царский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков — вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петрограда этому «спасителю» отечества только по не зависящим от него самого обстоятельствам.

Зарудный — получив согласие Алексинского и Керенского, засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат.

Никитин — выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский — по о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен...»

Съезд делегатов Балтийского флота в Гельсингфорсе принял резолюцию, которая начиналась так:

«Требовать от Всероссийских комитетов Совета Р., С. и Кр. Д. и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского, как лица, позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею и весь революционный народ...»

Прямым результатом всего этого была растущая популярность большевиков...

С тех пор как в марте 1917 года шумные потоки рабочих и солдат, затопив Таврический дворец, принудили колеблющуюся Государственную думу взять в свои руки верховную власть в России, именно массы народные — рабочие, солдаты и крестьяне определяли каждый поворот в ходе революции. Они низвергли министерство Милюкова; их Совет провозгласил перед всем миром русские мирные условия — «никаких аннексий, никаких контрибуций, право самоопределения народов»; и опять-таки в июле именно они, еще неорганизованные массы стихийно поднявшегося пролетариата, снова штурмовали Таврический дворец, требуя передать всю власть Советам.

Большевики, тогда еще небольшая политическая секта, возглавили движение. В результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и шедшие за ними народные массы, лишенные вождей, отхлынули назад, на Выборгскую сторону — Сент-Антуанское предместье Петрограда. Тогда последовала дикая травля большевиков: сотни их, в том числе Троцкий, госпожа Коллонтай и Каменев, были заключены в тюрьмы; Ленин и Зиновьев вынуждены были скрываться от ареста; большевистские газеты преследовались и закрывались. Провокаторы и реакционеры подняли неистовый вой, доказывая, что большевики — немецкие агенты, и во всем мире нашлись люди, поверившие этому.

Однако Временное правительство оказалось не в состоянии подтвердить обоснованность этих обвинений: документы, якобы доказывавшие существование германского заговора, оказались подложными *; и большевиков одного за другим освобождали из тюрем без суда, под фиктивный залог или вовсе без

* Часть пресловутых «Документов Сиссона».— *Дж. Рид.*

залога, так что в конце концов в заключении осталось всего шесть человек. Бессилие и нерешительность Временного правительства, состав которого непрерывно менялся, были слишком очевидны для всех. Большевики вновь провозгласили столь дорогой массам лозунг: «Вся власть Советам!» — и они вовсе не исходили при этом из своих узкопартийных интересов, поскольку в то время большинство в Советах принадлежало «умеренным» социалистам — их злейшему врагу.

Еще более действенным было то, что они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот, в то время как меньшевики-оборонцы и социалисты-революционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сторону. Сентябрьские муниципальные выборы в больших городах[4] были показательны: среди избранных оказалось всего только 18% меньшевиков и социалистов-революционеров против 70% в июне...

Иностранного наблюдателя мог в то время озадачить необъяснимый для него факт: Центральный Исполнительный Комитет Советов, центральные комитеты армии и флота *, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов — особенно почтово-телеграфных работников и железнодорожников — относились крайне враждебно к большевикам. Все эти центральные комитеты были избраны еще в середине лета и даже раньше, когда меньшевики и эсеры имели огромное число сторонников, теперь же они всеми силами оттягивали и срывали какие-либо перевыборы. Так, согласно уставу Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд должен был состояться в сентябре, но ЦИК не хотел созывать его на том основании, что до открытия Учредительного собрания оставалось всего два месяца, а к тому времени, как он намекал, Советы вообще должны будут сложить свои полномочия. Между тем по всей стране большевики завоевывали на свою сторону один за другим местные Советы, отделения профессиональных союзов и укрепляли свое влияние в рядах солдат и матросов. Крестьянские Советы все еще оставались консервативными, так как в темной деревне политическое сознание развивается медленно, а партия социалистов-революционеров вела агитацию среди крестьян на протяжении целого поколе-

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

ния... Но даже и в крестьянской среде начало формироваться революционное ядро. Это стало очевидным в октябре, когда левое крыло социалистов-революционеров откололось и образовало новую политическую группировку — партию левых эсеров.

В то же время всюду стали заметны признаки оживления реакционных сил [5]. Так, например, в Троицком театре в Петрограде представление комедии «Преступление царя» было сорвано группой монархистов, грозивших расправиться с актерами за «оскорбление императора». Определенные газеты начали вздыхать по «русскому Наполеону». В среде буржуазной интеллигенции стало обычаем называть Совет рабочих депутатов «советом собачьих депутатов».

15 октября у меня был разговор с крупным русским капиталистом Степаном Георгиевичем Лианозовым — «русским Рокфеллером», кадетом по политическим убеждениям.

«Революция,— сказал он,— это болезнь. Рано или поздно иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как «пролетарская диктатура» и «мировая социальная революция»... Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл...»

Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством.

«Что до большевиков, то с ними придется разделываться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей... *Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия...»*

Наступала зима — страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: «Зима всегда была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции». На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, утратившие всякий энтузиазм. Железные

дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко обвиняли буржуазию в том, что она покушается на жизнь народа, разваливая фронт. Рига была сдана непосредственно после того, как генерал Корнилов во всеуслышание заявил: «Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы возвратить страну к сознанию ее долга?»

Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты. Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитации революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в тот момент, когда они выводили локомотивы из строя...

Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции — даже Временному правительству — и открыто говорила об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих «законность и порядок...». Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца; во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают — «Вильгельма или большевиков». Десять против одного высказались за Вильгельма.

Воспользовавшись всеобщей разрухой, спекулянты наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию. В течение первых четырех месяцев революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищалось продовольствие, так что имевшийся там двухгодовой запас зерна сократился до такой степени, что его не хватило бы и на месяц. Согласно официальному сообщению последнего министра продовольствия Временного правительства, кофе закупался во Владивостоке оптом по 2 рубля за фунт, а потребитель в Петрограде платил по 13 рублей. Во всех магазинах крупных городов хранились целые тонны продовольствия и одежды, но приобретать это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло... И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: «Трусы!» — они «стыдились быть русскими»... Для них большевики, которые в конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими «грабителями».

Под всей этой внешней гнилью тайно и очень активно копошились темные силы старого режима, не изменившиеся со времен падения Николая II. Агенты пресловутой охранки все еще работали за и против царя, за и против Керенского,— словом, на всякого, кто платил... Во мраке действовали всевозможные подпольные организации, как, например, черные сотни, стараясь восстановить реакцию в той или иной форме.

В этой атмосфере всеобщей продажности и чудовищных полуистин изо дня в день было слышно звучание одной ясной ноты все крепнущего хора большевиков: «Вся власть Советам! Вся власть истинным представителям миллионов рабочих, солдат и крестьян. Хлеба, земли, конец бессмысленной войне, конец тайной дипломатии, спекуляции, измене... Революция в опасности, и с ней — общее дело народа во всем мире!»

Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Советами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочив из средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции — политическую и социальную — в смертельной схватке.

Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни»...

При взгляде назад Россия до Ноябрьского восстания кажется страной иного века, невероятно консервативной. Нам очень быстро пришлось привыкать к новому, ускоренному темпу жизни. Русские политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево, до такой степени, что кадеты были объявлены вне закона, как «враги народа», Керенский стал «контрреволюционером», «умеренные» социалистические вожди — Церетели, Дан, Либер, Гоц, Авксентьев оказались слишком реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле...

Около середины декабря 1917 года группа эсеровских вождей частным образом посетила английского посла сэра Джорджа Бьюкенена, причем умоляла его никому не говорить об этом посещении, потому что они считались «слишком правыми».

«И подумать только,— сказал сэр Джордж,— год тому назад мое правительство инструктировало меня не принимать Милюкова, потому что он слыл опасно левым!..»

Сентябрь и октябрь — наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая, чем когда-либо, ввиду полного развала городского хозяйства. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам — частью из экономии, частью из страха перед цеппелинами — горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи сто́ят по сорок центов штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Растет бандитизм и грабежи. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану с заряженными ружьями в руках. Так было при Временном правительстве.

С каждой неделей продовольствия остается все меньше. Хлебный паек уменьшился с $1^1/_2$ фунтов до 1 фунта, потом до $^3/_4$ фунта, $^1/_2$ фунта и $^1/_4$ фунта. Наконец, прошла целая неделя, когда совсем не выдавали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать, а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, то есть, по крайней мере, доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во

многих гостиницах и частных домах его не видали по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под холодным дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться *«хвост»,* главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в очередях. Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного», еще в 1915 году — и с тех пор «хвосты» появлялись время от времени, пока к лету 1917 года окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим плохо одетым людям выстаивать целые дни напролет на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму! Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства...

Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Карсавиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александринском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажеского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навытяжку лицом к пустой царской ложе, с которой уже были сорваны все орлы... Театр «Кривое зеркало» давал роскошную постановку шницлеровского «Хоровода».

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую публику...

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. Поэты писали стихи — но только не о

революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта — о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и веселые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь, или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее «товарищем»!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались, как с животными, и которой почти ничего не платили, обретала чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого. В новой России каждый человек — все равно мужчина или женщина — получил право голоса; появились рабочие газеты, говорившие о новых и удивительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты тоже создали профсоюз и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: «Здесь на чай не берут», или: «Если человеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай».

На фронте солдаты вели борьбу с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт, силу и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации — фабрично-заводские комитеты *. Вся Россия училась читать и действительно *читала* книги по политике, экономике, истории — читала потому, что люди хотели *знать*... В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каж-

---

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

дая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и деревни, заводы и городские улицы. Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу с невероятной силой. За первые шесть месяцев революции из одного только Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького...

Затем — слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи», о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи — в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов — кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах и в трамваях, повсюду...

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков — съезды Советов, кооперативов, земств *, национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское Государственное совещание, Совет Российской республики... В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...

Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измождены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь *почитать?*»

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александринского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты, хотя вместо свирепых городовых улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция,— тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с императорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармоподобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Анной на шее...

Любопытный случай произошел с сенатором Соколовым, который в самом разгаре революции как-то раз явился на заседание сената в штатском костюме. Ему не позволили принять участие в заседании, потому что на нем не было предписанной ливреи слуги царя!

На этом-то фоне брожения и разложения целой нации развернулась панорама восстания русских народных масс...

ГЛАВА II
РОЖДЕНИЕ БУРИ

В сентябре на Петроград двинулся генерал Корнилов, чтобы провозгласить себя военным диктатором России. За его спиной неожиданно обнаружился бронированный кулак буржуазии, дерзко попытавшейся сокрушить революцию. В заговоре Корнилова были замешаны некоторые министры-социалисты. Сам Керенский[1] был под подозрением. Савинков, от которого Центральный комитет его партии, социалистов-рево-

люционеров, потребовал объяснений, ответил отказом и был исключен из партии. Корнилова арестовали солдатские комитеты. Многие генералы были уволены в отставку, некоторые министры лишились портфелей, и кабинет пал.

Керенский попытался сформировать новое правительство при участии представителей партии буржуазии — кадетов. Партия социалистов-революционеров, к которой он принадлежал, приказала ему кадетов исключить. Керенский не послушался и пригрозил, что, если социалисты будут настаивать на своем, он подаст в отставку. Однако возмущение народа было настолько велико, что в это время он не посмел бороться с ним. Была образована временная директория из пяти министров с Керенским во главе, которая и взяла на себя власть впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства.

Корниловский мятеж сплотил все социалистические группы — как «умеренные», так и революционные — в страстном порыве к самозащите. Корниловых больше не должно быть. Необходимо создать новое правительство, ответственное перед всеми теми, кто поддерживает революцию. Поэтому ЦИК предложил всем демократическим организациям прислать делегатов на Демократическое совещание, которое должно было открыться в Петрограде в сентябре.

В ЦИК сразу образовалось три направления. Большевики требовали немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и передачи ему всей полноты власти. Центристы-эсеры, руководимые Черновым, вместе с левыми эсерами, возглавлявшимися Камковым и Спиридоновой, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и меньшевики-центристы *, представленные Богдановым и Скобелевым, требовали создания однородного социалистического правительства. Правые меньшевики во главе с Церетели, Даном и Либером, а также правые эсеры, которыми руководили Авксентьев и Гоц, настаивали на участии в новом правительстве представителей имущих классов.

Как раз в это время большевики завоевали большинство в Петроградском Совете, а потом и в Советах Москвы, Киева, Одессы и других городов.

Меньшевики и эсеры, господствовавшие в ЦИК, встревожились и решили, что в конце концов Ленин для них страшнее Корнилова. Они изменили порядок представительства в Демократическом совещании[2], выделив гораздо больше мест кооперативам и другим консервативным организациям. Но

---

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

даже и это специально подобранное совещание сначала высказывалось за *коалиционное правительство без кадетов.* Только открытая угроза Керенского уйти в отставку и отчаянные вопли «умеренных» социалистов, что «республика в опасности», заставила Совещание незначительным большинством принять принцип коалиции с буржуазией и санкционировать создание нечто вроде совещательного парламента без всякой законодательной власти под названием «Временного Совета Российской республики». В новом правительстве всем заправляли фактически представители имущих классов, а в Совете Российской республики они получили непропорционально большое количество мест.

ЦИК больше не представлял рядовых депутатов Советов и без всякого законного основания отказался созвать Второй всероссийский съезд, который должен был открыться в сентябре. ЦИК был весьма далек от того, чтобы созвать съезд или допустить его созыв. Его официальный орган «Известия» начал намекать, что миссия Советов уже почти закончена [3] и что, быть может, они скоро будут распущены... В то же время новое правительство также заявило, что в его программу входит ликвидация «безответственных организаций», то есть Советов.

В ответ на это большевики призвали Советы собраться на съезд 2 ноября (20 октября) в Петрограде и взять в свои руки власть в России. В то же время они вышли из Совета Российской республики, заявив, что не хотят принимать участия в «правительстве народной измены» [4].

Однако уход большевиков не принес спокойствия злополучному Совету республики. Имущие классы, стоявшие теперь у власти, явно наглели. Кадеты заявили, что правительство не имеет законного права объявлять Россию республикой. Они требовали применения суровых мер в армии и флоте с целью разгона солдатских и матросских комитетов и повели атаку на Советы. А на противоположном крыле Совета республики меньшевики-интернационалисты и левые эсеры выступали за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством — фактически за большевистскую программу.

Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле слышным голосом:

«Вы называете нас пораженцами. Но настоящие пораженцы — это те люди, которые ждут благоприятного момента

для заключения мира, которые откладывают и оттягивают мир до бесконечности, до тех пор, пока от русской армии не останется ничего, пока сама Россия не станет предметом торга между империалистическими группами... Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно... И тогда вы увидите, что не напрасно работали те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты *, которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире...»

Между этими группировками метались меньшевики и эсеры, ощущая слева давление нарастающего недовольства масс. Глубокая вражда разделила Совет республики на непримиримые группы.

Таково было положение, когда долгожданная весть о Парижской общесоюзнической конференции поставила во весь рост жгучие вопросы иностранной политики...

На словах все русские социалистические партии стояли за скорейшее заключение мира на демократических условиях. Еще в мае (апреле) 1917 года Петроградский Совет, которым тогда руководили меньшевики и эсеры, обнародовал известные русские условия мира. В них содержалось требование, чтобы союзники созвали конференцию для обсуждения целей войны. Конференция была обещана на август, потом отложена на сентябрь, потом на октябрь, и вот она была назначена на 10 ноября (28 октября).

Временное правительство намеревалось послать на эту конференцию двух представителей: генерала Алексеева, настроенного очень реакционно, и министра иностранных дел Терещенко. Советы, со своей стороны, избрали Скобелева своим представителем и составили манифест, знаменитый *наказ,* который должен был служить ему инструкцией [5]. Временное правительство не признавало ни Скобелева, ни его наказа; союзная дипломатия тоже протестовала. Кончилось тем, что Бонар Лоу холодно заявил, отвечая на вопрос в британской палате общин: «Насколько мне известно, Парижская конференция будет обсуждать не цели войны, а способы ее ведения...»

Русская консервативная пресса была в восторге, а большевики кричали: «Вот куда завела меньшевиков и эсеров соглашательская тактика!»

---

* Члены революционно-интернационалистского крыла европейского социализма. Они названы так после международной конференции, которая была созвана в 1915 г. в Циммервальде (Швейцарии).— *Дж. Рид.*

По всему фронту длиною в тысячи миль бурлила, как морской прилив, многомиллионная русская армия, высылая в столицу новые и новые сотни делегаций, требовавших: «Мира! Мира!»

Я отправился за реку, в цирк Модерн, на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до самого потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряженным вниманием, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

«Товарищи! — кричал он, и его истощенное лицо и отчаянная жестикуляция выражали самую неподдельную боль.— Люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам, а тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство...

Солдат говорит: «Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами».

Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы — рабочим, а власть — Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!»

В казармах, на заводах, на углах улиц — всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель VIII армии говорил:

«Мы слабы, у нас осталось всего по нескольку человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир или снабжение... Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию...»

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады:

«Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого пра-

вительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться...»

Между тем из Европы приходили слухи о мире за счет России...[6]

Сообщения о положении русских войск во Франции еще более усиливали недовольство. Первая бригада попыталась заменить своих офицеров солдатскими комитетами, как это было сделано их товарищами в России, и отказалась отправиться в Салоники, требуя возвращения на родину. Ее окружили, поморили голодом и, наконец, обстреляли из орудий, причем многие были убиты...[7]

26 (13) октября я отправился в Мариинский дворец, где заседал Совет республики. Мне хотелось послушать Терещенко: он должен был огласить правительственную декларацию о внешней политике, которой так долго и с таким страстным нетерпением ждала страна, истощенная войной и жаждавшая мира.

Высокий, безукоризненно одетый и выбритый молодой человек с выдающимися скулами тихим голосом читал свою тщательно составленную и ни к чему не обязывающую речь[8]. Ничего... Все те же общие места о сокрушении германского милитаризма в тесном единении с доблестными союзниками, о «государственных интересах России», о «затруднениях», созданных Скобелевским наказом. Терещенко закончил следующими словами, составлявшими суть его речи:

«Россия — великая держава. Россия останется великой державой, что бы ни случилось. Мы все должны защищать ее, мы должны показать себя защитниками великого идеала и сынами великой державы».

Никто не был удовлетворен этой речью. Реакционеры требовали «твердой» империалистической политики, а демократические партии хотели получить гарантию, что правительство будет добиваться мира. Привожу передовую статью газеты «Рабочий и солдат» — органа большевистского Петроградского Совета:

«Ответ правительства окопам.

Министр иностранных дел г. Терещенко выступил в предпарламенте с большой речью по поводу войны и мира. Что же поведал армии и народу самый молчаливый из наших министров?

Во-первых, мы тесно связаны с нашими союзниками (не народами, а их правительствами).

Во-вторых, не следует демократии рассуждать о возможности или невозможности ведения зимней кампании: решать должны союзные правительства.

В-третьих, наступление 18 июня было благодетельным и счастливым делом (о последствиях наступления Терещенко умолчал).

В-четвертых, неверно-де, будто союзные правительства о нас не заботятся. «У нас имеются определенные заявления наших союзников...» Заявления? А дела? А поведение английского флота?[9] А переговоры английского короля с высланным контрреволюционером Гурко? Об этом министр умолчал.

В-пятых, наказ Скобелеву плох, этим наказом недовольны союзники и русские дипломаты, а «на союзной конференции мы должны говорить единым языком».

И это все? Все. Где же пути выхода? Вера в союзников и в Терещенко. Когда же наступит мир? Тогда, когда позволят союзники.

Таков ответ Временного правительства окопам на вопрос о мире».

Тем временем на заднем плане российской политики начали вырисовываться очертания достаточно зловещей силы — казаки. Газета Горького «Новая жизнь» обратила внимание читателей на их деятельность:

«Во время февральских дней казаки *не* стреляли в народ, во время Корнилова они *не* присоединились к изменнику...

За последнее время их роль несколько меняется: от пассивной лояльности они переходят к активному политическому наступлению...»

Атаман донского казачьего войска Каледин был уволен Временным правительством в отставку за участие в корниловском заговоре. Он наотрез отказался покинуть свой пост и засел в Новочеркасске, окруженный тремя огромными казачьими армиями, готовил заговоры и грозил выступлением. Сила его была так велика, что правительству пришлось смириться с этим актом неповиновения. Мало того, оно было вынуждено формально признать Совет союза казачьих войск и объявить вновь образованную казачью секцию Советов незаконной.

В начале октября к Керенскому явилась делегация казаков, которая нагло потребовала прекращения нападок на Каледина и упрекала главу правительства в том, что он потакает Советам. Керенский согласился оставить Каледина в покое и, как сообщалось, при этом сказал: «Руководители Совета считают меня деспотом и тираном... Что до Временного правитель-

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

ства, то оно не только не опирается на Советы, но весьма сожалеет, что они вообще существуют».

В это же время другая казачья делегация явилась к английскому послу и в разговоре с ним прямо называла себя представителем «свободного казачьего народа».

На Дону образовалось нечто вроде казачьей республики. Кубань объявила себя независимым казачьим государством. В Ростове-на-Дону и в Екатеринославе вооруженные казаки разогнали Советы, а в Харькове разгромили помещение профессионального союза горняков. Казачье движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие, как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи, его поддерживали крупные московские коммерсанты и банкиры.

Старая Россия быстро разваливалась. На Украине и в Финляндии, в Польше и в Белоруссии усиливалось националистическое движение. Местные органы власти, руководимые имущими классами, стремились к автономии и отказывались подчиняться распоряжениям из Петрограда. В Гельсингфорсе финляндский сейм отказался брать у Временного правительства деньги, объявил Финляндию автономной и потребовал вывода русских войск. Буржуазная рада в Киеве до такой степени раздвинула границы Украины, что они включили в себя богатейшие земледельческие области Южной России, вплоть до самого Урала, и приступила к формированию национальной армии. Глава рады Винниченко поговаривал о сепаратном мире с Германией, и Временное правительство ничего не могло поделать с ним. Сибирь и Кавказ требовали для себя отдельных учредительных собраний. Во всех этих областях уже начиналась ожесточенная борьба между местными властями и Советами рабочих и солдатских депутатов.

Хаос увеличивался со дня на день. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и стали двигаться по стране огромными, беспорядочными волнами. В Тамбовской и Тверской губерниях крестьяне, уставшие ждать земли, доведенные до отчаяния репрессивными мерами правительства, жгли усадьбы и убивали помещиков. Громадные стачки и локауты сотрясали Москву, Одессу и Донецкий угольный бассейн. Транспорт был парализован, армия голодала, крупные городские центры остались без хлеба.

Правительство, раздираемое борьбой между демократическими и реакционными партиями, ничего не могло сделать. Когда оно все-таки оказывалось вынужденным что-то предпри-

нять, его действия неизменно отвечали интересам имущих классов. Высылались казаки для водворения порядка в деревнях, для подавления стачек. В Ташкенте правительственные власти разогнали Совет. В Петрограде Экономическое совещание, созданное для восстановления подорванной экономики страны, зашло в тупик: оно не могло разрешить непримиримого противоречия между трудом и капиталом и в конце концов было распущено Керенским. Старорежимные офицеры и генералы, поддерживаемые кадетами, требовали жестоких мер для восстановления дисциплины в армии и флоте. Всеми почитаемый морской министр адмирал Вердеревский и военный министр генерал Верховский напрасно твердили, что спасти армию и флот может только новая, добровольная, демократическая дисциплина, основанная на сотрудничестве командного состава с солдатскими и матросскими комитетами. Их никто не слушал.

Реакционеры, казалось, решили нарочно вызвать ярость в народе. Приближался день суда над Корниловым. Буржуазная пресса все более и более откровенно защищала его, говоря о нем, как о «великом русском патриоте». Бурцевская газета «Общее дело» требовала установления диктатуры Корнилова, Каледина и Керенского.

С Бурцевым я однажды говорил в ложе прессы Совета Российской республики. Маленький сгорбленный человечек с морщинистым лицом, с близорукими глазами за толстыми стеклами очков, с неопрятной копной волос на голове и седеющей бородой.

«Запомните мои слова, молодой человек! России нужна сильная личность. Пора бросить все думы о революции и сплотиться против немцев. Дураки, дураки допустили, что разбили Корнилова; а за дураками стоят германские агенты. Корнилов должен был бы победить...»

Крайне правые газеты, представлявшие почти откровенных монархистов, такие, как «Народный трибун» Пуришкевича, «Новая Русь» и «Живое слово», открыто призывали к искоренению революционной демократии.

23(10) октября в Рижском заливе произошло морское сражение с германской эскадрой. Под тем предлогом, что Петроград в опасности, правительство составляло планы эвакуации столицы. Сначала должны были быть вывезены и размещены по всей России крупные заводы, работавшие на оборону, а затем само правительство собиралось двинуться в Москву. Большевики немедленно объявили, что правительство покидает

красную столицу только для того, чтобы ослабить революцию. Ригу уже продали немцам, теперь предают Петроград!

Буржуазная пресса ликовала. «В Москве,— писала кадетская газета «Речь»,— правительство сможет работать в спокойной атмосфере, без помех со стороны анархистов». Лидер правого крыла кадетской партии Родзянко заявил в «Утре России», что взятие Петрограда немцами было бы великим счастьем, потому что уничтожило бы Советы и избавило Россию от революционного Балтийского флота.

«Петроград находится в опасности...— писал он.— Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т. е. Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли...

Со взятием Петрограда будет уничтожен и Балтийский флот... Но жалеть об этом не приходится: большинство боевых судов совершенно развращено».

Буря народного негодования была так велика, что планы эвакуации пришлось отложить.

А тем временем над Россией, словно грозовая туча, пронизываемая молниями, навис съезд Советов. Его созыву сопротивлялось не только правительство, но и все «умеренные» социалисты. Центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов, Советы крестьянских депутатов и особенно ЦИК изо всех сил старались предотвратить созыв съезда. Основанные Петроградским Советом, но оказавшиеся в руках ЦИК газеты «Известия» и «Голос солдата» ожесточенно выступали против съезда. Их поддерживала вся тяжелая артиллерия эсеровской печати — «Дело народа» и «Воля народа».

По всей стране были разосланы делегаты, по всем телеграфным проводам летели инструкции, требовавшие от местных Советов и армейских комитетов, чтобы они отменяли или откладывали выборы на съезд. Напыщенные резолюции против съезда, заявления о том, что демократия не допустит его открытия перед самым Учредительным собранием, протесты представителей от фронтов, от земского союза, от крестьянского союза, от союза казачьих войск, от союза офицеров, от союза георгиевских кавалеров, от «батальонов смерти»... * Совет Российской республики тоже единогласно выражал неодобрение. Весь огромный аппарат, созданный Мартовской револю-

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

цией в России, изо всех сил работал, чтобы не допустить съезда Советов.

А на другой стороне была еще не нашедшая конкретного выражения воля пролетариата — рабочих, рядовых солдат и крестьян-бедняков. Многие местные Советы уже стали большевистскими; кроме того, уже существовали организации промышленного пролетариата, фабрично-заводские комитеты и готовые к восстанию революционные организации армии и флота. Во многих местах народ, которому не давали выбрать по всем правилам своих представителей, собирался на стихийные митинги и направлял своих делегатов в Петроград. А кое-где народ смещал стоявшие на его пути старые комитеты и выбирал новые. Подземный огонь восстания прорывал кору, которая медленно затвердевала на поверхности революционной лавы, бездействовавшей в течение всех этих месяцев. Всероссийский съезд Советов мог состояться только в результате стихийного движения масс...

День за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на «правительство гражданской войны». Однажды, в воскресенье, мы отправились в битком набитом паровике, тащившемся по морям грязи мимо угрюмых фабрик и огромных церквей, на принадлежавший правительству Обуховский военный завод, около Шлиссельбургского проспекта.

Митинг состоялся в громадном недостроенном корпусе с голыми кирпичными стенами. Вокруг трибуны, задрапированной красным, сгрудилась десятитысячная толпа. Все в черном. Люди теснились на штабелях дров и кучах кирпича, взбирались высоко вверх на мрачно чернеющие брусья. То была напряженно внимательная и громкоголосая аудитория. Сквозь тяжелые, темные тучи время от времени пробивалось солнце, заливая красноватым светом пустые оконные переплеты и море обращенных к нам простых человеческих лиц.

Луначарский — худощавый, похожий на студента, с чутким лицом художника — объяснял, почему Советы должны взять власть. Только они могут защищать революцию от ее врагов, сознательно разрушающих страну, разваливающих армию, создающих почву для нового Корнилова.

Выступил солдат с Румынского фронта, худой человек с трагическим и пламенным выражением лица. «Товарищи,— кричал он,— мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться на смерть за свою революцию.

Мы будем держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира! Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию!»

Потом встал Петровский, тонкий, медлительный и беспощадный:

«Довольно слов, пора переходить к делу! Экономическое положение очень плохо, но нам придется привыкать к трудностям. Нас пытаются взять голодом и холодом, нас хотят спровоцировать. Но пусть враги знают, что они могут зайти слишком далеко; если они осмелятся прикоснуться к нашим пролетарским организациям, мы сметем их с лица земли, как сор!»

Большевистская пресса разрасталась с внезапной быстротой. Кроме двух партийных газет «Рабочий путь» и «Солдат», стала выходить «Деревенская беднота» — новая ежедневная газета для крестьян с полумиллионным тиражом, а с 30 (17) октября появился «Рабочий и солдат». Его передовая статья резюмировала большевистскую точку зрения:

«Четвертая зимняя кампания была бы гибельной для армии и страны. В то же время опасность сдачи нависла над революционным Петроградом. Контрреволюционеры подстерегают бедствия народа... Отчаявшееся крестьянство вышло на путь открытого восстания. Помещики и чиновники громят крестьян при помощи карательных экспедиций. Фабрики и заводы закрываются. Рабочих хотят смирить голодом. Буржуазия и ее генералы требуют беспощадных мер для восстановления в армии слепой дисциплины. Корниловщина не дремлет. Поддерживаемые всей буржуазией, корниловцы открыто готовятся к срыву Учредительного собрания.

Правительство Керенского...— против рабочих, солдат и крестьян. Это правительство губит страну...

Наша газета появляется в грозные дни. «Рабочий и солдат» будет голосом петроградского пролетариата и петроградского гарнизона. «Рабочий и солдат» будет непримиримо защищать интересы деревенской бедноты...

Народ должен быть спасен от гибели. Революция должна быть доведена до конца. Власть должна быть изъята из преступных рук буржуазии и передана в руки организованных рабочих, солдат и революционных крестьян...

Программа нашей газеты — это программа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Вся власть Советам — в центре и на местах!

Немедленное перемирие на всех фронтах! Честный демократический мир народов!

Помещичья земля — без выкупа крестьянам!
Рабочий контроль над производством!
Честно созванное Учредительное собрание!..»

Любопытно привести здесь еще отрывок из той же газеты, из органа тех самых большевиков, которых весь мир так хорошо знал в качестве германских агентов:

«Германский кайзер, покрытый кровью миллионов, хочет двинуть свои войска на Петроград. Призовем на помощь против кайзера немецких рабочих, солдат, матросов, крестьян, которые жаждут мира не меньше, чем мы... «Долой проклятую войну!» Как должно сделать такое предложение?

Революционная власть, подлинное революционное правительство, опирающееся на армию, флот, пролетариат и крестьянство...

Такое правительство обратилось бы через головы дипломатов, союзных и вражеских, непосредственно к немецким войскам. Оно заполнило бы немецкие окопы миллионами воззваний на немецком языке... Наши летчики распространили бы эти воззвания на немецкой земле...»

А в Совете республики пропасть между обеими сторонами с каждым днем становилась все глубже.

«Имущие классы,— восклицал левый эсер Карелин,— хотят использовать революционный аппарат государства, чтобы приковать Россию к военной колеснице союзников! Революционные партии решительно против такой политики...»

Престарелый Николай Чайковский, представитель народных социалистов, высказался против передачи земли крестьянам и стал на сторону кадетов:

«Необходимо немедленно же ввести в армии строгую дисциплину... С самого начала войны я не переставал утверждать, что заниматься социальными и экономическими реформами в военное время — преступление. Мы совершаем это преступление, хотя я не враг этих реформ, ибо я социалист...»

Выкрики слева: «Мы не верим вам!» Громовые аплодисменты справа...

Аджемов заявляет от имени кадетов, что нет никакой необходимости объяснять армии, за что она сражается, так как каждый солдат должен понимать, что ближайшая цель — это очищение русской территории от неприятеля.

Сам Керенский дважды выступал со страстными речами о национальном единстве, причем в конце одной из этих речей расплакался. Собрание слушало его холодно и часто прерывало ироническими замечаниями.

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета, находился на берегу широкой Невы, на самой окраине города. Я приехал туда в переполненном трамвае, который с жалобным дребезжанием тащился со скоростью улитки по затоптанным грязным улицам. У конечной остановки возвышались прекрасные дымчато-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, и рядом — огромный казарменный фасад Смольного института в двести ярдов длиной и в три этажа вышиной, с императорским гербом, высеченным в камне, над главным входом. Казалось, он глумится над всем происходящим...

При старом режиме здесь помещался знаменитый пансион для дочерей русской знати, опекаемый самой царицей. Революция захватила его и отдала рабочим и солдатским организациям. В нем было больше ста огромных пустых белых комнат, уцелевшие эмалированные дощечки на дверях гласили: «Классная комната № 4», «Учительская». Но над этими дощечками уже были видны знаки новой жизни — грубо намалеванные плакаты с надписями: «Исполнительный комитет Петроградского Совета», или «ЦИК», или «Бюро иностранных дел», «Союз солдат-социалистов», «Центральный совет всероссийских профессиональных союзов», «Фабрично-заводские комитеты», «Центральный армейский комитет»... Здесь же находились центральные комитеты политических партий и комнаты для их фракционных совещаний.

В длинных сводчатых коридорах, освещенных редкими электрическими лампочками, толпились и двигались бесчисленные солдаты и рабочие, многие из них сгибались под тяжестью тюков с газетами, прокламациями, всевозможной печатной пропагандой. По деревянным полам непрерывно и гулко, точно гром, стучали тяжелые сапоги... Повсюду висели плакаты: «Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту». На всех площадках и поворотах лестниц стояли длинные столы, заваленные предназначенной для продажи литературой различных политических партий.

В обширной и низкой трапезной в нижнем этаже по-прежнему помещалась столовая. За 2 рубля я купил себе талон на обед, вместе с тысячью других стал в очередь, ведущую к длинным столам, за которыми двадцать мужчин и женщин раздавали обедающим щи из огромных котлов, куски мяса, груды каши и ломти черного хлеба. За 5 копеек можно было получить жестяную кружку чая. Жирные деревянные ложки лежали в корзинке. На длинных скамьях, стоявших у столов,

теснились голодные пролетарии. Они жадно ели, переговариваясь через всю комнату и перекидываясь грубоватыми шутками.

В верхнем этаже имелась еще одна столовая, в которой обедали только члены ЦИК. Впрочем, туда мог войти, кто хотел. Здесь можно было получить хлеб, густо смазанный маслом, и любое количество стаканов чая.

В южном крыле второго этажа находился огромный зал пленарных заседаний. Раньше здесь устраивались балы. Высокий белый зал, освещенный глазурованными белыми канделябрами с сотнями электрических лампочек и разделенный двумя рядами массивных колонн. В конце зала — возвышение, по обеим его сторонам — высокие разветвленные канделябры. За возвышением — пустая золоченая рама, в которой когда-то красовался портрет императора. В дни торжеств на этом возвышении собирались вокруг великих княгинь офицеры в блестящих мундирах и духовенство в роскошном облачении.

Напротив зала находилась мандатная комиссия съезда Советов. Я стоял в этой комнате и глядел на прибывавших делегатов — дюжих бородатых солдат, рабочих в черных блузах, длиннобородых крестьян. Работавшая в комиссии девушка, член плехановской группы «Единство» *, презрительно усмехалась. «Совсем не та публика, что на первом съезде,— заметила она.— Какой грубый и отсталый народ! Темные люди...» Это была правда. Революция всколыхнула Россию до самых глубин, и теперь на поверхность всплыли низы. Мандатная комиссия, назначенная старым ЦИК, отводила одного делегата за другим под тем предлогом, что они были избраны незаконно. Но член большевистского Центрального Комитета Карахан только посмеивался. «Ничего,— говорил он,— когда начнется съезд, вы все сядете на свои места...»

«Рабочий и солдат» писал:

«Обращаем внимание делегатов нового Всероссийского съезда на попытку некоторых членов организационного Бюро сорвать съезд распространением слухов, что съезд не состоится, что делегатам лучше уехать из Петрограда... Не обращайте внимания на эту ложь... Наступают великие дни...»

Было совершенно ясно, что ко 2 ноября (20 октября) кворум еще не соберется. Поэтому открытие съезда отложили до 7 ноября (25 октября), но вся страна уже всколыхнулась, и меньшевики и эсеры, видя, что они побиты, резко переменили

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

тактику. Они принялись слать отчаянные телеграммы своим провинциальным организациям, чтобы те посылали на съезд как можно больше делегатов из «умеренных» социалистов. В то же время исполнительный комитет крестьянских Советов выпустил экстренное обращение о созыве крестьянского съезда на 13 декабря (30 ноября), чтобы парализовать какие бы то ни было действия, предпринимаемые рабочими и солдатами.

Что собирались делать большевики? По городу распространились слухи, что солдаты и рабочие готовят вооруженное выступление. Буржуазная и реакционная пресса предсказывала восстание и требовала от правительства, чтобы оно арестовало Петроградский Совет или, по крайней мере, не допустило бы открытия съезда. Листки вроде «Новой Руси» открыто призывали перебить всех большевиков.

Газета Горького «Новая жизнь» вполне соглашалась с большевиками, что реакционеры намереваются раздавить революцию и что в случае необходимости им следует оказать вооруженное сопротивление. Но она полагала, что все партии революционной демократии должны образовать единый фронт:

«Пока демократия не сплотила своих главных сил и пока сопротивление ее влиянию еще достаточно велико, ей невыгодно самой переходить в наступление. Но, если в наступление перейдут враждебные ей силы, революционной демократии придется вступить в борьбу, чтобы взять власть в свои руки. Тогда такой переход встретит поддержку самых широких слоев народа».

Горький утверждал, что как реакционные, так и правительственные газеты подстрекают большевиков к насилию. Но восстание только расчистило бы путь новому Корнилову. Горький требовал от большевиков, чтобы они опровергли слухи. Потресов напечатал в меньшевистском «Дне» сенсационную статью с приложением карты, которая якобы разоблачала секретный большевистский план операций.

Все стены Петрограда, как по волшебству, покрылись предостерегающими объявлениями, прокламациями [10] и лозунгами от центральных комитетов «умеренных» и консервативных партий и ЦИК, которые клеймили всякие демонстрации и призывали рабочих и солдат не слушать агитаторов. Вот, например, воззвание военной секции партии социалистов-революционеров:

«Снова идут по городу слухи о готовящихся выступлениях. Где источник этих слухов? Кем, какой организацией упол-

номочены говорящие о выступлении агитаторы?.. Большевики на запрос, обращенный к ним в ЦИК, ответили отрицательно...

Но эти слухи несут с собой большую опасность. Легко может случиться, что, не считаясь с настроением большинства рабочей, крестьянской и солдатской массы, отдельные горячие головы вызовут часть рабочих и солдат на улицу с призывом к восстанию.

В ужасное, тяжелое время, которое переживает революционная Россия, это выступление легко может стать началом гражданской войны и разрушения всех, созданных с таким трудом организаций пролетариата, трудового крестьянства и армии... Они (контрреволюционеры.— *Ред.*) не замедлят воспользоваться выступлением, чтобы начать контрреволюционные погромы и в кровавой междоусобице сорвать выборы в Учредительное собрание. А тем временем европейский контрреволюционер Вильгельм II готовит новые удары...

Никаких выступлений! Все на свои посты!..»

28 (15) октября я разговаривал в одном из коридоров Смольного с Каменевым, невысоким человеком с рыжеватой острой бородкой и оживленной жестикуляцией. Он был не вполне уверен, что на съезд соберется достаточно делегатов. «Если съезд состоится,— говорил он,— то он будет представлять основные настроения народа. Если большинство, как я полагаю, достанется большевикам, то мы потребуем, чтобы Временное правительство ушло в отставку и передало всю власть Советам...»

Володарский, высокий бледный болезненный юноша в очках, высказывался гораздо определеннее: «Либерданы и прочие соглашатели саботируют съезд. Но если им и удастся сорвать его, то ведь мы достаточно реальные политики, чтобы не останавливаться из-за таких вещей...»

На страничке, помеченной 29 (16) октября, в моей записной книжке можно прочитать следующие выдержки из сообщений газет:

«Могилев. (Ставка верховного главнокомандующего.) Сюда стягиваются надежные гвардейские полки, «Дикая дивизия», казачьи части и «батальоны смерти».

Правительство приказало юнкерам Павловского, Царскосельского и Петергофского училищ быть готовыми к переброске в Петроград. Ораниенбаумские юнкера уже прибывают в город.

В Зимнем дворце расквартировано одно из подразделений Петроградского броневого дивизиона.

Сестрорецкий казенный оружейный завод по приказу, подписанному Троцким, выдал делегатам петроградских рабочих несколько тысяч винтовок.

На митинге городской милиции Нижнелитейного района вынесена резолюция, требующая передачи всей власти Советам...»

И это лишь образчик беспорядочных событий тех лихорадочных дней. Все знали: что-то должно случиться, но никто не знал, что именно.

Ночью 30(17) октября на заседании Петроградского Совета в Смольном Троцкий заклеймил утверждения буржуазных газет, будто Совет готовит вооруженное восстание, как контрреволюционную попытку дискредитировать и сорвать съезд Советов. «Петроградский Совет,— говорил он,— не назначал никакого выступления. Но если выступление будет необходимо, то мы не остановимся перед ним, и мы будем поддержаны всем петроградским гарнизоном... Они (правительство) готовят контрреволюцию, и мы должны ответить на это решительным и беспощадным наступлением...»

Петроградский Совет действительно не назначал никакой демонстрации, но в Центральном Комитете большевистской партии вопрос о восстании уже обсуждался. Комитет заседал всю ночь 23 (10) октября. Здесь был представлен весь интеллектуальный цвет партии, все ее вожди, а также делегаты от петроградских рабочих и гарнизона. Из интеллигентов за восстание стояли только Ленин и Троцкий. Даже военные были против. Состоялось голосование. Восстание было отвергнуто!

Тогда встал со своего места простой рабочий. Лицо его было перекошено яростью. «Я говорю от имени петроградского пролетариата,— резко заявил он.— Мы за восстание. Делайте как знаете, но заявляю вам, что если вы допустите разгон Советов, то *нам с вами больше не по пути!»* К нему присоединилось несколько солдат. После этого снова голосовали, и вопрос о восстании был решен...

Тем не менее правое крыло большевиков, руководимое Рязановым, Каменевым и Зиновьевым, продолжало вести кампанию против вооруженного восстания. Утром 31 (18) октября в «Рабочем пути» появился первый отрывок ленинского «Письма к товарищам» [11] — одного из самых дерзновенно смелых политических выступлений, какие когда-либо видел мир. В нем Ленин основательно доказывает необходимость восстания, подробно разбирая все возражения Каменева и Рязанова:

«Либо переход к либерданам и открытый отказ от лозунга «Вся власть Советам», либо восстание. Середины нет».

В тот же день вождь кадетов Павел Милюков произнес громовую речь в Совете республики[12], клеймил скобелевский наказ, как германофильский, заявлял, что «революционная демократия» губит Россию, высмеял Терещенко и прямо объявил, что предпочитает немецкую дипломатию русской... Левые скамьи шумно выражали свое негодование...

В то же время правительство не могло не учитывать значения успехов большевистской пропаганды. 26 (16) октября соединенная комиссия правительства и Совета республики спешно провела два законопроекта, один из которых временно передавал землю крестьянам, а другой требовал энергичной мирной внешней политики. На следующий день Керенский отменил смертную казнь на фронте. В тот же вечер с большой помпой открылось первое заседание новой Комиссии по укреплению республиканского строя и борьбе с анархией и контрреволюцией, о которой в истории, впрочем, не сохранилось ни малейшего следа. На следующее утро я вместе с двумя другими корреспондентами интервьюировал Керенского[13] — последний раз, когда он принимал журналистов.

«Русский народ,— с горечью говорил он,— страдает от экономической разрухи, он разочарован в своих союзниках. Весь мир думает, что русская революция кончилась. Остерегайтесь ошибки. Русская революция еще только начинается...» Слова более пророческие, чем, быть может, он думал сам.

Необычайно бурным было затянувшееся на всю ночь заседание Петроградского Совета от 30 (17) октября, на котором я присутствовал. Явились все «умеренные» социалисты-интеллигенты, офицеры, члены армейских комитетов и члены ЦИК. Против них страстно и просто выступали рабочие, крестьяне и рядовые солдаты.

Один крестьянин рассказал о беспорядках в Твери, которые, по его словам, были вызваны арестом земельных комитетов. «Этот Керенский только покрывает помещиков! — кричал он.— Они знают, что Учредительное собрание все равно отнимет у них землю, и потому хотят сорвать его!»

Механик с Путиловского завода рассказал, как управляющие закрывали один цех за другим под предлогом отсутствия топлива и сырья. Фабрично-заводской комитет, по его словам, разыскал огромные припрятанные запасы.

«Это провокация,— заявил он.— Они хотят уморить нас голодом или вынудить к насилию!»

Один из солдат начал так: «Товарищи! Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами!»

Затем поднялся высокий худощавый молодой солдат с горящими глазами. Его встретили восторженными аплодисментами. То был Чудновский, который считался убитым в июльском наступлении, а теперь точно воскрес из мертвых.

«Солдатская масса больше не доверяет своим офицерам. Нас предают даже армейские комитеты: они отказываются созывать заседания нашего Совета... Солдатская масса требует, чтобы Учредительное собрание было открыто точно в срок, на который оно назначено, и тот, кто попробует отложить его, будет проклят — и проклят не только платонически, потому что у армии еще есть пушки...»

Он говорил о том, с каким ожесточением проходили в Пятой армии выборы в Учредительное собрание. «Офицеры, особенно меньшевики и эсеры, нарочно стараются подводить большевиков под пули. Наших газет не пропускают в окопы, наших ораторов арестовывают!..»

«Почему вы не говорите об отсутствии хлеба?» — крикнул какой-то солдат.

«Не хлебом единым жив человек!» — сурово ответил Чудновский.

Вслед за ним выступил офицер, меньшевик-оборонец, делегат Витебского Совета.

«Дело не в том, у кого власть. Беда наша не в правительстве, а в войне... но войну необходимо выиграть до всяких перемен...» Крики, иронические аплодисменты. «Эти большевистские агитаторы — демагоги!» Зал разражается хохотом. «Забудем на время классовую борьбу...» Дальше ему не дали говорить. Выкрик с места: «Да, этого вы очень хотите!»

В эти дни Петроград представлял собой замечательное зрелище. На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная гвардия... * Во всех казармах днем и ночью шли митинги, бесконечные и горячие споры. По улицам в густевшей вечерней тьме плыли густые толпы народа. Словно волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому. Газеты брались с боя... Грабежи дошли до того, что в переулках было опасно показываться... Однажды днем на Садовой я видел, как толпа в несколько сот человек избила до смерти солдата, поймап-

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

ного на воровстве... Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали несчастным женщинам, дрожавшим под холодным дождем, что евреи припрятывают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши.

В Смольном у главного входа и у наружных ворот стояли суровые часовые, требовавшие от всех приходящих пропуск. Комитетские комнаты круглые сутки гудели, как улей, сотни солдат и рабочих спали тут же на полу, занимая все свободные места. А наверху тысячи людей сгрудились в огромном зале на бурных заседаниях Петроградского Совета.

Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и дорогих мехах...

Монархические заговоры, германские шпионы, головокружительные планы спекулянтов и контрабандистов...

Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город несся все быстрее и быстрее навстречу... чему?..

ГЛАВА III
НАКАНУНЕ

В отношениях между слабым правительством и восставшим народом рано или поздно наступает момент, когда каждый шаг власти приводит массы в ярость, а бездействие возбуждает в них презрение.

Проект эвакуации Петрограда вызвал бурю негодования. Публичное заявление Керенского, что правительство вовсе не имело подобного намерения, было встречено градом насмешек.

«Припертое к стене натиском революции,— гремел «Рабочий путь»,— правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживые уверения, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу...»

В Харькове тридцать тысяч горнорабочих сорганизовались и приняли тот вводный пункт устава «Индустриальных рабочих мира», который гласит: «Класс рабочих и класс предпринимателей не имеют между собой ничего общего». Организация была разгромлена казаками, многих горняков прогнали с

работы, оставшиеся объявили всеобщую забастовку. Министр торговли и промышленности Коновалов послал своего заместителя Орлова прекратить беспорядки и снабдил его широкими полномочиями. Горняки ненавидели Орлова. А ЦИК не только поддержал это назначение, но и отказался потребовать вывода казаков из Донецкого бассейна...

За этим последовал разгром Калужского Совета. Большевики, завоевав большинство в этом Совете, добились освобождения нескольких политических заключенных. Городская дума с согласия правительственного комиссара вызвала из Минска войска, которые подвергли Совет артиллерийскому обстрелу. Большевики уступили, но в тот момент, когда они выходили из здания Совета, казаки набросились на них с криком: «Вот что будет со всеми прочими большевистскими Советами, и с Московским и Петроградским!» Этот инцидент взволновал всю Россию...

В Петрограде заканчивался съезд Советов Северной области, на котором представительствовал большевик Крыленко. Подавляющим большинством голосов съезд вынес решение о передаче всей власти Всероссийскому съезду Советов. Перед тем как разойтись, съезд послал приветствие арестованным большевикам, возвещая, что час их освобождения близок. В то же время Первая всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов [1] категорически высказалась за Советы, приняв такую резолюцию:

«Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производительной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйственного развала, созданного преступной политикой господствующих классов...»

Союз железнодорожников потребовал отставки министра путей сообщения Ливеровского.

Скобелев от имени ЦИК настаивал, чтобы наказ был представлен Общесоюзнической конференции, и формально протестовал против посылки Терещенко в Париж. Терещенко предложил свою отставку...

Генерал Верховский, не будучи в состоянии провести в жизнь задуманную им реорганизацию армии, только изредка появлялся на заседаниях совета министров...

3 ноября (21 октября) бурцевское «Общее дело» вышло со следующим воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

«Граждане! Спасайте Россию!

Я только что узнал, что вчера в заседании комиссии по обороне в Совете республики военный министр генерал Верховский, один из главных виновников гибели ген. Корнилова, предложил заключить мир с немцами тайно от союзников...

Это измена России!

Терещенко заявил, что предложение генерала Верховского даже и не обсуждалось во Временном правительстве.

Это,— сказал М. И. Терещенко,— какой-то сумасшедший дом.

Члены комиссии от слов генерала Верховского пришли в ужас...

Ген. Алексеев плакал.

Нет! Это не сумасшедший дом! Это хуже всякого сумасшедшего дома! Это — прямая измена России!

За слова Верховского должны немедленно дать нам ответ Керенский, Терещенко и Некрасов.

Граждане, все на ноги.

Россию предают!

Спасайте ее!»

Но на самом деле Верховский говорил только то, что пора поторопить союзников с мирными предложениями, потому что русская армия больше воевать не может.

Сенсация в России и за границей была колоссальная. Верховский получил «отпуск по болезни на неопределенный срок» и вышел из правительства. «Общее дело» было закрыто...

На воскресенье 4 ноября (22 октября) был назначен «День Петроградского Совета» с грандиозными митингами по всему городу. Предлогом для этих митингов были денежные сборы на советские организации и советскую печать; на самом деле они должны были стать демонстрацией силы. Вдруг появилось сообщение, что казаки назначили на тот же день крестный ход в честь чудотворной иконы, спасшей Москву от Наполеона в 1812 году. Атмосфера была насыщена электричеством; малейшая искра могла зажечь пожар гражданской войны. Петроградский Совет выпустил следующее воззвание под заголовком «Братья казаки!»:

«Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские... Нас ненавидят все ростовщики, богачи, князья, дворяне, генералы, и в их числе ваши, казачьи, генералы. Они готовы в любой час уничтожить Петроградский Совет, задушить революцию...

22 октября устраивается кем-то казачий крестный ход. Дело свободной совести каждого казака участвовать или не участвовать в крестном ходе. Мы в это дело не вмешиваемся и никаких препятствий никому не чиним...»

Крестный ход был спешно отменен...

В казармах и рабочих кварталах большевики пропагандировали свой лозунг «Вся власть Советам!», а агенты темных сил подстрекали народ резать евреев, лавочников и социалистических вождей...

С одной стороны, погромные статьи монархической печати, с другой стороны, громовой голос Ленина: «Восстание!.. Больше ждать нельзя!»

Даже буржуазная печать заволновалась[2]. «Биржевые ведомости» называли большевистскую пропаганду покушением на «основные устои общества, на неприкосновенность личности и уважение к частной собственности».

Но больше всех источали ненависть «умеренно» социалистические газеты[3]. «Большевики — это самые опасные враги революции»,— заявляло «Дело народа». Меньшевистский «День» говорил: «Правительство обязано защищаться и защищать нас». Плехановская газета «Единство»[4] обращала внимание правительства на то обстоятельство, что петроградские рабочие уже вооружились, и требовала решительных мер против большевиков.

А правительство с каждым днем становилось все беспомощней. Даже городское самоуправление разваливалось. Газетные столбцы пестрели сообщениями о самых дерзких грабежах и убийствах, а преступники оставались безнаказанными...

Но вооруженные рабочие патрули по ночам уже охраняли улицы, разгоняя мародеров и реквизируя оружие, какое только попадало им в руки.

4 ноября (19 октября) главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Полковников издал следующий приказ:

«Несмотря на тяжкие дни, переживаемые страной, в Петрограде продолжаются безответственные призывы к вооруженным выступлениям и погромам и вместе с тем с каждым днем усиливаются грабежи и бесчинства.

Такое положение дезорганизует жизнь граждан и мешает планомерной работе правительственных и общественных органов.

В сознании ответственности и долга перед родиной приказываю:

1. каждой воинской части согласно особым распоряжениям в пределах района своего расположения оказывать всемерное содействие органам городового самоуправления, комиссарам и милиции в охране государственных и общественных учреждений;

2. совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов и дезертиров;

3. всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооруженному выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение второго коменданта города;

4. уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать;

5. вооруженные выступления и погромы немедленно пресекать всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами;

6. оказывать содействие комиссарам в недопущении самочинных обысков, арестов;

7. обо всем происходящем в районе расположения частей немедленно доносить в штаб округа.

Комитеты частей и все войсковые организации призываю оказывать содействие командирам при выполнении ими возложенных на них задач».

В Совете республики Керенский заявил, что Временное правительство вполне осведомлено о большевистской пропаганде и что оно достаточно сильно, чтобы справиться с любой демонстрацией [5]. Он обвинял «Новую Русь» и «Рабочий путь» в одних и тех же преступных деяниях. «Но абсолютная свобода печати,— продолжал он,— не дает правительству возможности принять меры против печатной лжи...» * Заявляя, что большевизм и монархизм — только различные проявления одной и той же пропаганды в интересах контрреволюции, столь желанной для темных сил, он продолжал:

«Я человек обреченный, мне все равно, что со мной будет, и я имею смелость заявить, что все загадочное в событиях объясняется невероятной провокацией, созданной в городе большевиками».

Ко 2 ноября (20 октября) на съезд Советов приехало всего пятнадцать делегатов. На следующий день их было уже сто человек, а еще через сутки — сто семьдесят пять, из них

* Это заявление не вполне искренне. В июле Временное правительство закрыло большевистские газеты и теперь собиралось сделать то же самое.— *Дж. Рид.*

сто три большевика... Для кворума нужно было четыреста человек, а до съезда оставалось всего три дня...

Я проводил почти все время в Смольном. Попасть туда было уже нелегко. У внешних ворот стояла двойная цепь часовых, а перед главным входом тянулась длинная очередь людей, ждавших пропуска. В Смольный пускали по четыре человека сразу, предварительно установив личность каждого и узнав, по какому делу он пришел. Выдавались пропуска, но их система менялась по нескольку раз в день, потому что шпионы постоянно ухитрялись пробираться в здание...

Однажды, придя в Смольный, я увидел впереди себя у внешних ворот Троцкого с женой. Их задержал часовой. Троцкий рылся по всем карманам, но никак не мог найти пропуска.

«Не важно,— сказал он наконец,— вы меня знаете. Моя фамилия Троцкий».

«Где пропуск? — упрямо отвечал солдат.— Прохода нет, никаких я фамилий не знаю».

«Да я председатель Петроградского Совета».

«Ну,— отвечал солдат,— уж если вы такое важное лицо, так должна же у вас быть хотя бы маленькая бумажка».

Троцкий был очень терпелив. «Пропустите меня к коменданту»,— говорил он. Солдат колебался и ворчал о том, что нечего беспокоить коменданта ради всякого приходящего. Но наконец он кивком головы подозвал разводящего. Троцкий изложил ему свое дело. «Моя фамилия Троцкий»,— повторял он.

«Троцкий...— разводящий почесал в затылке.— Слышал я где-то это имя,— медленно проговорил он.— Ну, ладно, проходите, товарищ».

В коридоре мне попался Карахан, член большевистского ЦК. Он рассказал мне, каково будет новое правительство:

«Гибкая организация, чуткая к народной воле, выражаемой Советами, предоставляющая величайшую свободу местной инициативе. Теперь Временное правительство точно так же связывает местную демократию, как это делалось при царе... В новом обществе инициатива будет исходить снизу. Формы правления будут установлены в соответствии с уставом Российской социал-демократической рабочей партии. Парламентом будет новый ЦИК, ответственный перед Всероссийским съездом Советов, который должен будет созываться очень часто; министерствами будут управлять не отдельные министры, а коллегии, непосредственно ответственные перед Советами».

30 (17) октября я, сговорившись предварительно с Троцким, явился к нему в маленькую и пустую комнату на верх-

Военно-Революціон.
Комитеть
при
ПЕТР. С. Р. и С. Д.

Комендантскій отдѣлъ.

16 ноября 1917 г.

№ 955

Смольный институтъ.

Пропускъ.

Дано сіе Джону Риду
Корресп. амер. соц. газ.
срокомъ по 1 декабря
на право свободнаго входа въ Смольный Институтъ.

Комендантъ Ф. Дзержинский

Дѣлопроизводитель

Пропуск Джона Рида на право входа в Смольный институт

нем этаже Смольного. Он сидел посередине комнаты на жестком стуле, за пустым столом. Мне пришлось задавать ему очень мало вопросов. Он быстро и уверенно говорил больше часа. Привожу самое существенное из сказанного им, сохраняя в точности его выражения:

«Временное правительство совершенно бессильно. У власти стоит буржуазия, но ее власть замаскирована фиктивной коалицией с оборонческими партиями. На протяжении всей революции мы видим восстание крестьян, измученных ожиданием обещанной земли. Тем же самым недовольством явно охвачены все трудящиеся классы по всей стране. Господство буржуазии может осуществляться только путем гражданской войны. Буржуазия может управлять только при помощи корниловских методов, но ей не хватает силы... Армия за нас. Соглашатели и пацифисты, эсеры и меньшевики потеряли весь свой авторитет, потому что борьба между крестьянами и помещиками, между рабочими и работодателями, между солдатами и офицерами достигла небывалой ожесточенности и непримиримости. Революция может быть завершена, народ может быть спасен только объединенными усилиями народных масс, только победой пролетарской диктатуры...

Советы являются наиболее совершенным народным представительством — совершенным и в своем революционном опыте, и в своих идеях и целях. Опираясь непосредственно на солдатские окопы, на рабочие фабрики, на крестьянские деревни, они являются хребтом революции.

Мы уже видели попытки создать власть без Советов. Эти попытки создали только безвластие. В настоящую минуту в кулуарах Совета Российской республики вынашиваются всевозможные контрреволюционные планы. Кадетская партия есть представительница воинствующей контрреволюции. Советы же являются представителями народного дела. Между этими двумя лагерями нет ни одной группы, которая имела бы маломальски серьезное значение... Это *«lutte finale» — последний и решительный бой*. Буржуазная контрреволюция организует все свои силы и только ждет удобного момента для нападения. Наш ответ будет решителен. Мы завершим труд, только начатый в феврале и двинутый вперед в период корниловщины...»

Он перешел к иностранной политике будущего правительства:

«Первым нашим актом будет призыв к немедленному перемирию на всех фронтах и к конференции всех народов для обсуждения демократических условий мира. Степень демократичности мирного договора будет зависеть от степени революционной поддержки, которую мы встретим в Европе; если мы создадим здесь правительство Советов, это будет мощным фактором в пользу немедленного мира во всей Европе, ибо правительство обратится с предложением перемирия прямо и непосредственно ко всем народам через головы правительств. В момент заключения мира русская революция всеми силами будет настаивать на принципе «без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народов» и на создании *Европейской федеративной республики*...

В конце этой войны я вижу Европу, пересозданную не дипломатами, а пролетариатом. Европейская федеративная республика, Соединенные Штаты Европы — вот что должно быть. Национальная автономия уже недостаточна. Экономический прогресс требует отмены национальных границ. Если Европа останется раздробленной на национальные группы, то империализм будет продолжать свое дело. Дать мир всему миру может только Европейская федеративная республика,— он улыбнулся тонкой, чуть иронической своей улыбкой.— Но без выступления европейских масс эти цели не могут быть достигнуты пока...»

Все ждали, что в один прекрасный день на улицах неожиданно появятся большевики и примутся расстреливать всех людей в белых воротничках. Но на самом деле восстание произошло крайне просто и вполне открыто.

Временное правительство собиралось отправить петроградский гарнизон на фронт.

Петроградский гарнизон насчитывал около шестидесяти тысяч человек и сыграл в революции выдающуюся роль. Именно он решил дело в великие Февральские дни, он создал Советы солдатских депутатов, он отбросил Корнилова от подступов к Петрограду.

Теперь в нем было очень много большевиков. Когда Временное правительство заговорило об эвакуации города, то именно петроградский гарнизон ответил ему: «Одно из двух... правительство, неспособное оборонять столицу, должно либо немедленно заключить мир, либо, если оно не способно заключить мир, оно должно убраться прочь и очистить место подлинно народному правительству...»

Было очевидно, что любая попытка восстания всецело зависит от петроградского гарнизона. План правительства заключался в замене полков гарнизона «надежными» частями — казаками, «батальонами смерти». Комитеты отдельных армий, «умеренные» социалисты и ЦИК поддерживали правительство. На фронте и в Петрограде велась широкая агитация: говорили, что вот уже восемь месяцев, как петроградский гарнизон бездельничает и прохлаждается в столичных казармах, а в это время на фронте армия голодает и вымирает без смены и подкреплений.

Разумеется, в словах людей, обвинявших петроградский гарнизон в нежелании менять относительное довольство на ужасы зимней кампании, была известная доля правды. Но для отказа идти на фронт существовали и другие основания. Петроградский Совет опасался замыслов правительства, а между тем с фронта являлись сотни делегатов от рядовых солдат, которые в один голос заявляли: «Правда, нам нужны подкрепления, но еще нужнее нам знать, что здесь, в Петрограде, революция находится под надежной защитой... Держите тыл, товарищи, а мы будем держать фронт...»

25 (12) октября исполнительный комитет Петроградского Совета обсуждал при закрытых дверях вопрос об организации особого военного комитета. На следующий день солдатская секция Петроградского Совета выбрала комитет, который немедленно объявил все буржуазные газеты под бойкотом и вынес

ЦИК порицание за его борьбу против съезда Советов. 29 (16) октября Троцкий на открытом заседании Петроградского Совета предложил формально утвердить Военно-революционный комитет. «Мы должны,— сказал он,— создать специальную организацию, чтобы идти за ней в бой и умереть, если это понадобится...» Было решено послать на фронт две делегации для переговоров с солдатскими комитетами и ставкой — одну от Совета, а другую от гарнизона.

В Пскове делегация Совета была принята командующим Северным фронтом генералом Черемисовым, который коротко заявил, что он уже приказал петроградскому гарнизону занять место в окопах и что больше говорить не о чем. Делегации от гарнизона не было разрешено выехать из Петрограда...

Делегация солдатской секции Петроградского Совета просила, чтобы ее представитель был допущен в штаб Петроградского округа. Отказ. Петроградский Совет потребовал, чтобы без одобрения солдатской секции не издавалось ни одного приказа. Отказ. Делегатам грубо заявили: «Мы признаем только ЦИК. Вас мы не признаем, и, если вы нарушите какой-нибудь закон, мы вас арестуем».

30 (17) октября собрание представителей всех петроградских полков приняло следующую резолюцию: «Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство — Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-революционным комитетом». Местным военным частям было приказано ждать указаний от солдатской секции Петроградского Совета.

На следующий день ЦИК созвал свое собственное собрание, состоявшее в огромном большинстве из офицеров, создал особый комитет для совместной работы со штабом и разослал во все районы Петрограда своих комиссаров.

3 ноября (21 октября) огромный солдатский митинг в Смольном постановил:

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

Вместе с тем петроградский гарнизон заявляет: на страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон

вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят *беспощадный отпор*».

Чувствуя свою силу, Военно-революционный комитет решительно потребовал, чтобы штаб Петроградского округа подчинялся его распоряжениям. Он разослал по всем типографиям приказ не печатать без его утверждения никаких призывов или прокламаций. В Кронверкский арсенал явились вооруженные комиссары и захватили огромное количество оружия и снаряжения, приостановив отправку десяти тысяч штыков, уже наряженных в Новочеркасск, штаб-квартиру Каледина...

Внезапно очутившись перед лицом опасности, правительство обещало комитету, что не подвергнет его репрессиям, если он добровольно разойдется. Слишком поздно. В полночь 5 ноября (23 октября) Керенский сам послал в Петроградский Совет Малевского с предложением направить представителя в штаб. Военно-революционный комитет ответил согласием, но через час исполняющий обязанности военного министра генерал Маниковский взял предложение обратно...

Утром во вторник 6 ноября (24 октября) весь город был взбудоражен появившимся на улицах обращением, которое подписал «Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов»:

«*К населению Петрограда.*

Граждане! Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в близлежащую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках...»

3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был предупрежден Залкиндом и ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: «24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: «Вот власть! Что вы с ней сделаете?»

В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов, математик и шахматист. Он разрабатывал планы захвата столицы.

Со своей стороны готовилось к бою и правительство. К Петрограду незаметно стягивались самые надежные полки, выбранные из разбросанных по всему фронту дивизий. В Зимнем дворце расположилась юнкерская артиллерия. На улицах впервые с дней июльского восстания появились казачьи патрули. Полковников издавал приказ за приказом, угрожая подавить малейшее неповиновение «самыми энергичными репрессиями». Наиболее ненавистный член правительства — министр народного просвещения Кишкин был утвержден чрезвычайным комиссаром по охране порядка в Петрограде. Он назначил своими помощниками столь же мало популярных Рутенберга и Пальчинского. Петроград, Кронштадт и Финляндия были объявлены на военном положении. Буржуазное «Новое время» иронически заявляло по этому поводу:

«Почему осадное положение? Правительство уже перестало быть властью, оно не обладает ни моральным авторитетом, ни необходимым аппаратом, который дал бы ему возможность применить силу... В самом лучшем случае оно может только вести переговоры с теми, кто согласится разговаривать с ним. Другой власти у него нет...»

В понедельник 5 ноября (23 октября), утром, я заглянул в Мариинский дворец, чтобы узнать, что делается в Совете Российской республики. Ожесточенные споры о внешней политике

Терещенко. Отклики на инцидент Бурцев — Верховский. Присутствуют все дипломаты, кроме итальянского посла, о котором говорили, что он совершенно разбит катастрофой при Карсо...

В момент, когда я входил, левый эсер Карелин читал вслух передовицу лондонского «Times», в которой говорилось: «Большевизм надо лечить пулями».

Повернувшись к кадетам, Карелин кричал: «Это также ваши мысли!»

Голоса справа: «Да! Да!»

«Да, я знаю, что вы так думаете,— горячо ответил Карелин.— Но посмейте только попробовать на деле!»

Затем Скобелев, похожий на светского ухажера, с выхоленной белокурой бородкой и светлыми волнистыми волосами, извиняющимся тоном защищал советский наказ. Вслед за ним выступил Терещенко, встреченный слева криками: «В отставку! В отставку!» Он настаивал на том, что на Парижской конференции делегаты правительства и ЦИК должны защищать общую точку зрения — и именно точку зрения его, Терещенко. Несколько слов о восстановлении дисциплины в армии, о войне до победы... Совет Российской республики среди шума и бурных протестов слева переходит к порядку дня.

Большевистские скамьи были пусты, пусты с самого дня открытия Совета, когда большевики покинули его, сделав его нежизнеспособным. Спускаясь вниз, я думал о том, что, несмотря на все эти ожесточенные споры, ни один живой голос из реального внешнего мира не может проникнуть в этот высокий холодный зал и что Временное правительство уже разбилось о ту самую скалу войны и мира, которая в свое время погубила министерство Милюкова... Подавая мне пальто, швейцар ворчал: «Ох, что-то будет с несчастной Россией!.. Меньшевики, большевики, трудовики... Украина, Финляндия, германские империалисты, английские империалисты... Сорок пять лет живу на свете, а никогда столько слов не слыхал».

В коридоре мне встретился профессор Шацкий, очень влиятельный в кадетских кругах господин с крысиным лицом, в изящном сюртуке. Я спросил его, что он думает о большевистском выступлении, о котором столько говорят. Он пожал плечами и усмехнулся.

«Это скоты, сволочь,— ответил он.— Они не посмеют, а если и посмеют, то мы им покажем!.. С нашей точки зрения, это даже не плохо, потому что они провалятся со своим выступлением и не будут иметь никакой силы в Учредительном собрании...

Но, дорогой сэр, позвольте мне вкратце обрисовать вам мой план организации нового правительства, который будет предложен Учредительному собранию. Видите ли, я председатель комиссии, образованной Советом республики совместно с Временным правительством для выработки конституционного проекта... У нас будет двухпалатное законодательное собрание, такое же, как у вас, в Соединенных Штатах. Нижняя палата будет состоять из представителей мест, а верхняя — из представителей свободных профессий, земств, кооперативов и профессиональных союзов...»

На улице дул с запада сырой холодный ветер. Холодная грязь просачивалась сквозь подметки. Две роты юнкеров, мерно печатая шаг, прошли вверх по Морской. Их ряды стройно колыхались на ходу; они пели старую солдатскую песню царских времен... На первом же перекрестке я заметил, что милиционеры были посажены на коней и вооружены револьверами в блестящих новеньких кобурах. Небольшая группа людей молчаливо глядела на них. На углу Невского я купил ленинскую брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?» и заплатил за нее бумажной маркой; такие марки ходили тогда вместо разменного серебра. Как всегда, ползли трамваи, облепленные снаружи штатскими и военными в таких позах, которые заставили бы позеленеть от зависти Теодора Шонта... Вдоль стен стояли рядами дезертиры, одетые в военную форму и торговавшие папиросами и подсолнухами.

По всему Невскому в густом тумане толпы народа с бою разбирали последние выпуски газет или собирались у афиш, пытались разобраться в призывах и прокламациях, которыми были заклеены все стены [6]. Здесь были прокламации ЦИК, крестьянских Советов, «умеренно»-социалистических партий, армейских комитетов, все угрожали, умоляли, заклинали рабочих и солдат сидеть дома, поддерживать правительство...

Какой-то броневик все время медленно двигался взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу, на каждом перекрестке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа... Так всегда бывало в Петрограде перед беспорядками.

Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких внешних признаков жизни; солдаты оставались в казармах, рабочие — на фабриках... Мы зашли в кинематограф у Казанского собора. Шла итальянская картина, полная крови, страстей и интриг.

В переднем ряду сидело несколько матросов и солдат. Они с детским изумлением смотрели на экран, решительно не понимая, для чего понадобилось столько беготни и столько убийств.

Из кинематографа я поспешил в Смольный. В десятой комнате, на верхнем этаже, шло беспрерывное заседание Военно-революционного комитета. Председательствовал светловолосый юноша лет восемнадцати, по фамилии Лазимир. Проходя мимо меня, он остановился и несколько робко пожал мне руку.

«Петропавловская крепость уже перешла на нашу сторону! — с радостной улыбкой сказал он.— Мы только что получили вести от полка, посланного правительством в Петроград на усмирение. Солдаты стали подозревать, что тут не все чисто, остановили поезд в Гатчине и послали к нам делегатов. «В чем дело? — спросили они нас.— Что вы нам скажете? Мы уже вынесли резолюцию «Вся власть Советам». Военно-революционный комитет ответил им: «Братья, приветствуем вас от имени революции! Стойте на месте и ждите приказа».

«Все наши телефонные провода,— сообщил он,— перерезаны. Однако военные телефонисты наладили полевой телефон для сообщения с заводами и казармами...»

В комнату беспрерывно входили и выходили связные и комиссары. За дверями дежурило двенадцать добровольцев, готовых в любую минуту помчаться в самую отдаленную часть города. Один из них — человек с цыганским лицом и в форме поручика сказал мне по-французски: «Все готовы выступить по первому знаку».

Проходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый, в грязном воротничке, шатающийся от бессонницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв.

Внизу, в помещении фабрично-заводских комитетов, сидел Сератов. Он подписывал ордера на казенный арсенал — по полтораста винтовок каждому заводу... Перед ним выстроилось в очередь сорок делегатов.

В зале я встретил несколько менее видных большевистских деятелей. Один из них показал мне револьвер. «Началось! — сказал он. Лицо его было бледно.— Выступим ли мы или нет, но враг уже знает, что ему пора покончить с нами или погибнуть самому».

Петроградский Совет заседал круглые сутки без перерыва. Когда я вошел в большой зал, Троцкий как раз кончал свою речь.

«Нас спрашивают,— говорил он,— собираемся ли мы устроить выступление. Я могу дать ясный ответ на этот вопрос. Петроградский Совет сознает, что наступил наконец момент, когда вся власть должна перейти в руки Советов. Эта перемена власти будет осуществлена Всероссийским съездом. Понадобится ли вооруженное выступление — это будет зависеть от тех, кто хочет сорвать Всероссийский съезд.

Нам ясно, что наше правительство, представленное личным составом временного кабинета, есть правительство жалкое и бессильное, что оно только ждет взмаха метлы истории, чтобы уступить свое место истинно народной власти. Но мы еще теперь, еще сегодня пытаемся избежать столкновения. Мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов возьмет в руки власть, опирающуюся на организованную свободу всего народа. Но если правительство захочет использовать то краткое время — 24, 48 или 72 часа, которое еще отделяет его от смерти, для того чтобы напасть на нас, то мы ответим контратакой. На удар — ударом, на железо — сталью!»

Под гром аплодисментов Троцкий сообщает, что левые эсеры согласились послать своих представителей в Военно-революционный комитет.

Уходя из Смольного в 3 часа утра, я заметил, что по обеим сторонам входа стояли пулеметы и что ворота и ближайшие перекрестки охранялись сильными солдатскими патрулями. Вверх по лестнице взбегал Билль Шатов *. «Ну,— крикнул он,— мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты «Солдат» и «Рабочий путь». Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!» Он радостно похлопал меня по плечу и побежал дальше...

Утром 6 ноября (24 октября) у меня было дело к цензору, канцелярия которого помещалась в министерстве иностранных дел. На улицах все стены были заклеены прокламациями, истерически призывавшими народ к «спокойствию». Полковников выпускал приказ за приказом:

---

* Он хорошо известен участникам американского рабочего движения.— *Дж. Рид.*

«Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказа из штаба округа.

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих из различных организаций...»

Утренние газеты сообщили, что правительство запретило газеты «Новая Русь», «Живое слово», «Рабочий путь» и «Солдат» и постановило арестовать руководителей Петроградского Совета и членов Военно-революционного комитета.

Когда я пересекал Дворцовую площадь, под аркой генерального штаба с грохотом проскакали несколько батарей юнкерской артиллерии и выстроились перед дворцом. Огромное красное здание генерального штаба казалось необычайно оживленным. Перед дверями стояло несколько автомобилей; беспрерывно подъезжали и уезжали все новые автомобили с офицерами. Цензор был взволнован, как маленький мальчик, которого привели в цирк. «Керенский,— сказал он мне,— только что ушел в Совет республики подавать в отставку!» Я поспешил в Мариинский дворец и услышал конец страстной и почти бессвязной речи Керенского, целиком состоявшей из попыток оправдаться и желчных нападок на политических противников.

«Для того чтобы не быть голословным,— говорил Керенский,— я процитирую вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете «Рабочий путь». В ряде прокламаций под заглавием «Письмо к товарищам» данный государственный преступник призывал петербургский пролетариат и войска повторить опыт 3—5 июля и доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию...

Другие руководители партии большевиков, выступая на собраниях и митингах, также призывают к немедленному вооруженному восстанию. И прежде всего нужно отметить выступление председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Петербурге Бронштейна-Троцкого...

В целом ряде выступлений статьи «Рабочего пути» и «Солдата» по слогу и стилю совпадают со статьями «Новой Руси».

Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием политического невежества и преступных инстинктов части населения; мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью во

что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушения и погромов.

При теперешнем настроении масс открытое движение в Петербурге неизбежно будет сопровождаться тягчайшими явлениями погромов, которые опозорят навсегда имя свободной России.

Весьма типично, что, по признанию самого организатора восстания Ульянова-Ленина, «положение русских крайних левых социал-демократических флангов особенно благоприятно»...»

Здесь Керенский огласил следующую цитату из статьи Ленина:

«Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея *одного* Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности *всех* классов населения, вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т. е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте — с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея *большинство* в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием».

Керенский продолжал:

«Сами организаторы, таким образом, признают, что условия политические для свободы деятельности всех политических партий наиболее совершенны в настоящее время в России, при управлении настоящего Временного правительства, во главе которой стоит, по мнению партии большевиков, узурпатор и человек, продавшийся буржуазии, министр-председатель Керенский...

Организаторы восстания не содействуют пролетариату Германии, а содействуют правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей... Для Временного правительства безразличны мотивы, безразлично, сознательно или бессознательно это, но, во всяком случае, в сознании своей ответственности я с этой кафедры квалифицирую такие действия русской политической партии, как предательство и измену Российскому государству...

Я становлюсь на юридическую точку зрения: мною и предложено немедленно начать соответствующее судебное след-

ствие, предложено также произвести соответствующие аресты (шум слева не дает Керенскому говорить). Да, слушайте! — громовым голосом воскликнул Керенский.— В настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает и находится на краю гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим...»

В этот момент Керенскому передали какой-то листок.

«Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам». И он прочел вслух:

«Петроградскому Совету грозит опасность... Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов».

«В действительности,— продолжал Керенский,— это есть попытка поднять чернь против существующего порядка, сорвать Учредительное собрание и раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма. Я говорю с совершенным сознанием «чернь», потому что вся сознательная демократия и ее ЦИК, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия,— разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого...

Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу... встретит единодушную поддержку всех, за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза...

Временное правительство никогда не нарушало свободы граждан государства и их политических прав.

Но в настоящее время Временное правительство заявляет, что те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмеливаются поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации... Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную, и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились...»

На протяжении всей этой речи зал гремел и бушевал. Когда бледный и задыхающийся министр-председатель смолк

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

и вместе со своей офицерской свитой покинул зал, на трибуне стали один за другим появляться ораторы слева. Они резко и возмущенно нападали на правых. Даже социалисты-революционеры заявили устами Гоца:

«Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна. Но несомненно, что целый ряд народных требований до сих пор остается без удовлетворения.

...Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены в такой форме, чтобы ни один солдат, рабочий или крестьянин не мог питать никакого сомнения в том, что правительство твердо и неуклонно стремится к действительному разрешению этих вопросов...

Мы и меньшевики не желаем создавать министерский кризис, мы готовы всеми силами, до последней капли крови, защищать Временное правительство, но это только в том случае, если Временное правительство выскажется по всем этим жгучим вопросам теми точными и ясными словами, которых народ ожидает с таким нетерпением...»

Затем выступил Мартов, полный гнева:

«Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны». (Аплодисменты слева.)

Резолюция, предложенная левыми, была принята. Фактически она была выражением недоверия правительству:

«1) Подготовляющееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2) Почва для успеха указанной агитации создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением к союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3) Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к

их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Врем. правительством...»

Любопытно отметить, что за эту резолюцию голосовали также меньшевики и эсеры... Однако, когда Керенский узнал об этом, он пригласил Авксентьева для объяснений в Зимний дворец. «Если эта резолюция является выражением недоверия Временному правительству,— заявил он Авксентьеву,— то я предлагаю вам составить новый кабинет». Тогда соглашательские вожди Дан, Гоц и Авксентьев совершили свое последнее «соглашение»... Они разъяснили Керенскому, что эта резолюция не означает критики действий правительства...

На углу Морской и Невского отряды солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, останавливали все частные автомобили, высаживали из них седоков и направляли машины к Зимнему дворцу. На них глядела большая толпа. Никто не знал, за кого эти солдаты — за Временное правительство или за Военно-революционный комитет. У Казанского собора происходило то же самое. Машины отправлялись оттуда вверх по Невскому. Вдруг появилось пять-шесть матросов, вооруженных винтовками. Посмеиваясь, они вступили в разговор с двумя солдатами. На их матросских бескозырках были надписи «Аврора» и «Заря свободы» — названия самых известных большевистских крейсеров Балтийского флота. «Кронштадт идет!» — сказал один из матросов... Эти слова значили то же самое, что значили в Париже 1792 года слова: «Марсельцы идут!» Ибо в Кронштадте было двадцать пять тысяч матросов, и все они были убежденные большевики, готовые идти на смерть.

«Рабочий и солдат» уже вышел. Вся его первая страница была занята воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступать. Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов... Поход контрреволюционных заговорщиков направ-

лен *против Всероссийского съезда Советов* накануне его открытия, против *Учредительного собрания, против народа.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации *должны заседать непрерывно,* сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!

Военно-революционный комитет».

Петроградский Совет беспрерывно заседал в Смольном, где был центр бури. Делегаты падали и засыпали тут же на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в прениях. Троцкий, Каменев, Володарский говорили по шесть, по восемь, по двенадцать часов в день. Я спустился на первый этаж, в комнату восемнадцатую, где шло совещание делегатов-большевиков. Резкий голос оратора уверенно твердил: «Соглашатели говорят, что мы изолированы. Не обращайте на них внимания! В конце концов им придется идти за нами или остаться без последователей...»

Оратор поднял вверх клочок бумаги: «Мы уже увлекаем их за собой! От меньшевиков и эсеров только что явилась делегация; они говорят, что осуждают наши действия, но, если правительство нападет на нас, они не станут бороться против пролетарского дела!» Гром восторженных восклицаний...

С наступлением ночи огромный зал наполнился солдатами и рабочими, огромной толпой, глухо гудевшей в синем табачному дыму. Старый ЦИК наконец решился приветствовать делегатов того нового съезда, который нес ему гибель, а может быть, и гибель всему созданному им революционному порядку. Впрочем, на этом собрании имели право голоса только члены ЦИК.

Было уже за полночь, когда Гоц занял председательское место, а на ораторскую трибуну в напряженной, казавшейся мне почти угрожающей тишине поднялся Дан.

«Переживаемый момент окрашен в самые трагические тона,— заговорил он.— Враг стоит на путях к Петрограду, силы демократии пытаются организовать сопротивление, а в это время мы ждем кровопролития на улицах столицы и голод угрожает погубить не только наше правительство, но и самую революцию...

Массы измучены и болезненно настроены; они потеряли интерес к революции. Если большевики начнут что бы то ни было, то это будет гибелью революции... (Возгласы: «Ложь!») Контрреволюционеры только ждут большевиков, чтобы приступить к погромам и убийствам... Если произойдет хоть какое-нибудь выступление, то Учредительного собрания не будет... (Крики: «Ложь! Позор!»)

Совершенно недопустимо, чтобы петроградский гарнизон в районе военных действий отказывался исполнять приказания штаба... Вы должны повиноваться штабу и избранному вами ЦИК. Вся власть Советам — это смерть. Разбойники и громилы только ждут момента, чтобы начать грабежи и поджоги. Когда выставляются такие лозунги, как «вламывайтесь в дома, срывайте с буржуев сапоги и одежду!..» (Шум, крики: «Таких лозунгов не было! Ложь! Ложь!») ...Все равно, начинать можно по-разному, но кончится этим!

ЦИК имеет власть и право действовать, и все обязаны повиноваться ему. Мы не боимся штыков! ЦИК прикроет революцию своим собственным телом...» (Крики: «Он уже давно мертвое тело!»)

Страшный, непрекращающийся шум, в котором еле можно разобрать голос Дана, когда он, напрягая все силы, выкрикивал, ударяя кулаком по краю трибуны: «Кто подстрекает к этому, тот совершает преступление!»

Голос: «Вы уже давно совершили преступление! Вы взяли власть и отдали ее буржуазии!»

Гоц размахивает председательским колокольчиком: «Тише, или я удалю вас!»

Голос: «Попробуйте!» Рукоплескания и свист.

«Теперь,— продолжает Дан,— о нашей мирной политике. (Смех.) К сожалению, Россия более не может воевать. Будет мир, но мир не постоянный, не демократический... Сегодня в Совете республики мы, чтобы избежать кровопролития, приняли резолюцию, требующую передачи земли земельным комитетам и немедленного открытия мирных переговоров...» (Смех, крики: «Поздно!»)

От большевиков на трибуну поднялся Троцкий, встреченный громом аплодисментов. Все собрание встало и устроило ему овацию. Худое, заостренное лицо Троцкого выражало мефистофельскую злобную иронию.

«Тактика Дана доказывает, что масса — широкая, тупая, безразличная масса — всецело идет за ним!» Гомерический хохот... Оратор трагическим жестом поворачивается к председателю. «Когда мы говорили о передаче земли крестьянам, вы были против этого. Мы говорили крестьянам: если вам не дают земли, берите ее сами! Теперь крестьяне последовали нашему совету, а вы призываете к тому, о чем мы говорили шесть месяцев назад!

Я думаю, что если Керенский отменил смертную казнь на фронте, то этот поступок внушен ему не идейными соображениями. Я полагаю, что Керенского убедил петроградский гарнизон, который отказался повиноваться ему...

Сегодня Дана обвиняют, что он произнес в Совете республики речь, обличающую в нем скрытого большевика... Настанет такой день, когда сам Дан скажет, что в восстании 3—5 июля участвовал цвет революции... В дановской резолюции, принятой сегодня Советом республики, нет ни одного упоминания об усилении дисциплины в армии, хотя в меньшевистской пропаганде этот пункт занимает очень важное место...

Нет! История последних семи месяцев показывает, что меньшевики покинуты массами! Меньшевики и эсеры побили кадетов, а когда им досталась власть, они отдали ее тем же кадетам...

Дан говорит вам, что вы не имеете права восставать. Восстание есть неотъемлемое право каждого революционера! Когда угнетенные массы восстают, они всегда правы...»

Затем взял слово длиннолицый, злоязычный Либер, встреченный ироническим оханьем и смехом.

«Маркс и Энгельс говорили, что пролетариат не имеет права брать власть, пока он не созрел для этого. В буржуазной революции, подобно нашей... захват власти массами означает трагический конец революции... В качестве социал-демократического теоретика Троцкий сам выступает против того, к чему он теперь призывает вас...» (Крики: «Довольно! Долой!»)

Затем говорил Мартов, которого ежеминутно прерывали выкриками с мест. «Интернационалисты не возражают против передачи власти демократии, но они осуждают большевистские методы. Сейчас не время брать власть...»

Снова на трибуне Дан, яростно протестуя против действий Военно-революционного комитета, который послал комиссара для захвата редакции «Известий» и для цензурирования этой газеты. Последовал страшный шум. Мартов пытался говорить, но его не было слышно. Делегаты от армии и Балтийского флота встали со своих мест, крича, что Совет — это их правительство

Среди дикого беспорядка Эрлих предложил резолюцию, призывающую рабочих и солдат сохранять спокойствие и не слушать провокаторов, призывающих к демонстрации, вместе с тем признавалась необходимость немедленного создания Комитета общественной безопасности, а также срочного издания Временным правительством закона о передаче земли крестьянам и об открытии мирных переговоров...

Тогда вскочил Володарский, хрипло крича, что накануне съезда Советов ЦИК не имеет права брать на себя функции этого съезда. ЦИК фактически мертв, заявил Володарский, и эта резолюция — всего только маневр с целью поддержать его гаснущую власть...

«Мы, большевики, не станем голосовать за эту резолюцию!» После этого все большевики покинули зал заседания, и резолюция прошла...

Около 4 часов утра я встретил в вестибюле Зорина. За плечами у него была винтовка.

— Мы выступили! [7] — спокойно, но удовлетворенно сказал он мне.— Мы уже арестовали товарища министра юстиции и министра по делам вероисповеданий. Они уже в подвале. Один полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на

телеграф, третий — на Государственный банк. Красная гвардия вышла на улицу...

На ступенях Смольного в холодной темноте мы впервые увидели Красную гвардию — сбившуюся группку парней в рабочей одежде. Они держали в руках винтовки с примкнутыми штыками и беспокойно переговаривались.

Издали, с запада, поверх молчаливых крыш доносились звуки беглой ружейной перестрелки. Это юнкера пытались развести мосты через Неву, чтобы не дать рабочим и солдатам Выборгской стороны присоединиться к вооруженным силам Совета, находившимся по другую сторону реки, но кронштадтские матросы снова навели мосты...

За нашими спинами сверкало огнями и жужжало, как улей, огромное здание Смольного...

ГЛАВА IV

КОНЕЦ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

«Вы чьи? — спросил я.— Вы за правительство?»

«Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат.— Слава богу!» Это было все, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их висели мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены покрылись новыми прокламациями и призывами, предостерегавшими против восстания. Они обращались к крестьянам, к фронтовым солдатам, к петроградским рабочим. Одна из прокламаций гласила:

«От Петроградской городской думы.

Городская дума доводит до сведения граждан, что ею в чрезвычайном заседании 24 октября образован Комитет общественной безопасности в составе гласных центральной и районных дум и представителей революционных демократических

организаций: Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета профессионального союза и др.

Дежурства членов Комитета общественной безопасности — в здании городской думы. Телефоны для справок №№ 15-40, 223-77, 138-36».

В тот момент я еще не понимал, что эта думская прокламация была формальным объявлением войны большевикам.

Я купил номер «Рабочего пути», единственной, казалось, газеты, которая была в продаже, немного позже удалось купить у солдата за полтинник уже прочитанный номер «Дня». Большевистская газета, отпечатанная на огромных листах в захваченной типографии «Русской воли», начиналась огромным заголовком: *«Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! — Мира! хлеба! земли!»*

Передовая статья была подписана Зиновьевым, который скрывался вместе с Лениным. Вот ее начало:

«Всякий солдат, всякий рабочий, всякий истинный социалист, всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение.

Или — или.

Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, и тогда это означает... кровавую всероссийскую карательную экспедицию, которая... кровью солдат и матросов, крестьян и рабочих зальет всю страну. Тогда это — продолжение опостылевшей войны, тогда это — неизбежные смерть и голод.

Или власть перейдет в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, и тогда это означает полное уничтожение помещичьей кабалы, немедленное обуздание капиталистов, немедленное предложение справедливого мира. Тогда земля обеспечена крестьянам, тогда контроль обеспечен над фабриками, тогда хлеб обеспечен голодающим, тогда конец бессмысленной бойне...»

«День» давал отрывочные сведения о событиях бурной ночи. Большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф; петергофские юнкера не могут пробраться в Петроград; казаки колеблются; арестовано несколько министров; убит начальник городской милиции Мейер; аресты, контраресты, стычки между солдатскими патрулями, юнкерами и красногвардейцами [1]...

На углу Морской я встретил меньшевика-оборонца капитана Гомберга, секретаря военной секции своей партии. Когда я спросил его, действительно ли произошло восстание, он только устало пожал плечами: «Черт его знает!.. Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше всего дать им попробовать: на этом они сорвутся...»

Военная гостиница на углу Исаакиевской площади оцеплена вооруженными матросами. В вестибюле собралось довольно много щеголеватых молодых офицеров. Они бродили взад и вперед и перешептывались между собой. Матросы не выпускали их на улицу.

Вдруг раздался громкий выстрел, и началась частая перестрелка. Я выбежал на улицу. Вокруг Мариинского дворца, где заседал Совет Российской республики, творилось что-то необычайное. Широкую площадь пересекала по диагонали цепь солдат. Они держали ружья наизготовку и смотрели на крышу гостиницы.

«Провокация, в нас стреляют!» — крикнул один из них. Другой побежал к подъезду.

У западного угла дворца стоял большой броневик с красным флагом и свежей надписью красным «С.Р.С.Д.» (Совет рабочих и солдатских депутатов). Все его пулеметы были направлены на Исаакиевский собор. Выход на Новую улицу был перегорожен баррикадой — бочки, ящики, старый матрас, поваленный вагон. Конец набережной Мойки был забаррикадирован штабелями дров. Короткие поленья с соседнего склада были сложены вдоль здания и образовывали бруствер.

«Что же, тут будет бой?» — спросил я.

«Скоро, скоро! — беспокойно отвечал солдат.— Проходи, товарищ, как бы тебе не влетело! Вон с той стороны придут...» — И он показал в сторону Адмиралтейства.

«Да кто придет-то?»

«Этого, братишка, не могу сказать»,—ответил он, сплевывая.

У подъезда дворца стояла толпа солдат и матросов. Матрос рассказывал о конце Совета Российской республики. «Мы вошли,— говорил он,— и расставили у всех дверей своих товарищей. Я подошел к контрреволюционеру-корниловцу, который сидел на председательском месте. Нет больше вашего Совета, сказал я ему. Ступай домой!»

Все смеялись. Размахивая бумагами и документами, я добрался до двери, ведущей на галерею прессы. Здесь меня оста-

новил огромный улыбающийся матрос. Я показал ему пропуск, но он ответил: «Хоть бы вы были сам святой Михаил, прохода нет, товарищ». Сквозь дверное стекло я разглядел расстроенное лицо и жестикулирующие руки французского корреспондента, оказавшегося взаперти.

Вблизи стоял невысокий, седоусый человек в генеральской форме, окруженный кучкой солдат. Лицо его было багровым.

«Я генерал Алексеев! — кричал он.— Как ваш начальник и как член Совета республики, приказываю вам пропустить меня!»

Часовой чесал в затылке и беспокойно косил во все стороны, наконец мигнул подходившему офицеру, который очень взволновался, узнав, кто с ним говорит, и начал с того, что взял под козырек.

«Ваше высокопревосходительство,— забормотал он, как будто бы дело было при старом режиме,— вход во дворец строжайше воспрещен... Я не имею права...»

Подъехал автомобиль, в котором я разглядел смеющегося Гоца. Казалось, все происходящее очень забавляло его. Через несколько минут подкатила другая машина. На ее передней скамейке сидели вооруженные солдаты, а за ними были видны арестованные члены Временного правительства. Член Военно-революционного комитета латыш Петерс торопливо пересекал площадь.

«Я думал, что вы переловили всех этих господ еще ночью»,— сказал я ему, указывая на арестованных.

«Эх! — И в его голосе звучало разочарование.— Эти глупцы выпустили бо́льшую часть, прежде чем мы решили, как с ними быть...»

Вниз по Воскресенскому проспекту двигалась огромная толпа матросов, а за ними, покуда хватал глаз, были видны движущиеся колонны солдат.

Мы пошли по Адмиралтейскому проспекту к Зимнему дворцу. Все выходы на Дворцовую площадь охранялись часовыми, а на западном краю площади был вооруженный кордон, на который напирала огромная толпа. Кроме нескольких солдат, которые выносили из ворот дворца дрова и складывали их против главного входа, все стояли на своих местах.

Мы никак не могли добиться, чьи тут были часовые — правительственные или советские. Наши удостоверения из Смольного не произвели на них никакого впечатления. Тогда мы зашли с другой стороны и, показав свои американские паспорта, важно заявили: «По официальному делу!» — и проскользнули внутрь. В подъезде дворца от нас вежливо приня-

ли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей. У двери кабинета Керенского похаживал, кусая усы, молодой офицер. Мы спросили его, можно ли нам будет проинтервьюировать министра-председателя. Он поклонился и щелкнул шпорами.

«К сожалению, нельзя,— ответил он по-французски.— Александр Федорович крайне занят...— Он взглянул на нас.— Собственно, его здесь нет...»

«Где же он?»

«Поехал на фронт. И знаете, ему не хватило бензина для автомобиля. Пришлось занять в английском госпитале».

«А министры здесь?»

«Да, они заседают в какой-то комнате, не знаю точно».

«Что же, придут большевики?»

«Конечно! Несомненно, придут! Я каждую минуту жду телефонного звонка с сообщением, что они идут. Но мы готовы! Дворец охраняется юнкерами. Они вон за той дверью».

«А можно нам пройти туда?»

«Нет, разумеется, нет! Запрещено...» Вдруг он пожал нам руки и ушел. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучавший в важной тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик швейцар:

«Нельзя, барин, туда нельзя!»

«Почему дверь заперта?»

«Чтоб солдаты не ушли»,— ответил он.

Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Множество солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Тяжелый запах табачного дыма и грязных человеческих тел. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина,

очевидно украденную из дворцовых погребов. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев, окна которых, высокие, но грязные, выходили на площадь. На стенах висели огромные полотна в тяжелых золотых рамах — все исторические и батальные сюжеты: «12 октября 1812 г.», «6 ноября 1812 г.», «16/28 августа 1813 г.». У одной из таких картин был прорван весь правый верхний угол.

Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах.

Мы разглядывали картины, когда на меня вдруг пахнуло запахом спирта и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: «По тому, как вы разглядываете картины, я вижу, что вы иностранцы...» Перед нами был невысокий, одутловатый человек. Когда он приподнял фуражку, мы увидели лысину.

«Американцы? Очень рад!.. Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам...» Казалось, он не видел решительно ничего странного в том, что четверо иностранцев, в том числе одна женщина, расхаживают по месту расположения отряда, ожидающего атаки. Он начал жаловаться на положение дел в России.

«Дело не только в большевиках,— говорил он.— Беда в том, что пропали благородные традиции русской армии. Взгляните кругом: вот это все юнкера, будущие офицеры... Но разве это джентльмены? Керенский открыл военные училища для всех желающих, для каждого солдата, который может выдержать экзамен. Понятно, здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом...»

И вдруг без всякой последовательности заговорил о другом. «Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула? Я дам вам свой адрес».

Несмотря на наши протесты, он написал несколько слов на клочке бумаги и, кажется, сразу почувствовал себя гораздо веселее. Его записка сохранилась у меня: «2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. Старый Петергоф».

«Сегодня утром у нас был смотр,— продолжал он, водя нас по комнатам и давая разъяснения.— Женский батальон постановил остаться верным правительству».

«Значит, во дворце есть солдаты-женщины?»

«Да, они в задних комнатах. Если что-нибудь случится, они там будут в безопасности». Он вздохнул. «Какая тяжелая ответственность!»

Мы немного постояли у окна, глядя на Дворцовую площадь, где выстроились три роты юнкеров в длинных серых шинелях. Ими командовал высокий, по виду очень энергичный офицер, в котором я узнал главного военного комиссара Временного правительства Станкевича. Через несколько минут две из этих трех рот с резким стуком взяли на плечо, и их колыхающиеся ряды, печатая шаг, пересекли площадь, прошли под красной аркой и скрылись, уходя по направлению к молчаливому городу.

«Пошли брать телефонную станцию!» — сказал чей-то голос. Около нас стояло трое юнкеров. Мы разговорились с ними. Они сказали нам, что они из солдат, и назвали свои имена: Роберт Олев, Алексей Василенко и эстонец Эрни Сакс. Теперь они уже не хотели быть офицерами, потому что офицерство было крайне непопулярно. По-видимому, они попросту не знали, что им делать. Было ясно, что им очень не по себе. Но скоро они расхвастались: «Пусть большевики только сунутся, мы им покажем, как драться! Они не посмеют напасть на нас, они все трусы... Но если они и задавят нас, ну что ж, каждый оставит последнюю пулю для себя...»

В этот момент где-то неподалеку началась перестрелка. Все, кто был на площади, бросились врассыпную. Многие ложились на землю ничком. Извозчики, стоявшие на углах, поскакали во все стороны. Поднялась страшная суматоха. Солдаты бегали взад и вперед, хватались за ружья и кричали: «Идут! Идут!» Но через несколько минут все снова успокоилось. Извозчики вернулись на свои места, люди, лежавшие на земле, встали на ноги. Под красной аркой появились юнкера. Они шли не совсем в ногу, и одного из них поддерживали под руки двое товарищей.

Было уже довольно поздно, когда мы покинули дворец. С площади исчезли все часовые. Огромный полукруг правительственных зданий казался пустынным. Мы зашли пообедать в Hôtel de France. Только мы принялись за суп, к нам подбежал страшно бледный официант и попросил нас перейти в общий зал, выходивший окнами во двор: в кафе, выходившем на улицу, было необходимо погасить свет. «Будет большая стрельба!» — сказал он.

Мы снова вышли на Морскую. Было уже совсем темно, только на углу Невского мигал уличный фонарь. Под ним

стоял большой броневик. Его мотор был заведен и выбрасывал струю бензинового дыма. Рядом стоял какой-то мальчишка и заглядывал в дуло пулемета. Кругом толпились солдаты и матросы; они, видимо, чего-то ждали. Мы пошли к арке генерального штаба. Кучка солдат смотрела на ярко освещенный Зимний дворец и громко переговаривалась.

«Нет, товарищи,— говорил один из них.— Как мы можем стрелять в них? Ведь там женский батальон! Скажут, что мы расстреливаем русских женщин...»

Когда мы вышли на Невский, из-за угла выкатил еще один бронированный автомобиль. Из его башенки высунулась голова какого-то человека.

«Вперед! — прокричал он.— Пробьемся — и в атаку!»

Подошел шофер другого броневика и закричал, покрывая треск машины:

«Комитет велел ждать! У них за штабелями дров спрятана артиллерия!..»

Здесь трамваи не ходили, прохожих было мало, а света не было вовсе. Но, пройдя всего несколько домов, можно было снова видеть трамвай, толпы людей, ярко освещенные витрины и электрические вывески кинематографов. Жизнь шла своим чередом. У нас были билеты в Мариинский театр, на балет (все театры были открыты). Но на улице было слишком интересно.

Мы наткнулись в темноте на штабеля дров, загородившие Полицейский мост, а у Строгановского дворца мы видели, как несколько солдат устанавливали трехдюймовки. Другие солдаты, одетые в форму различных частей, бесцельно слонялись взад и вперед...

На Невский, казалось, высыпал весь город. На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. На перекрестках дежурили группы солдат с винтовками и примкнутыми штыками. Краснолицые старцы в богатых меховых шубах показывали им кулаки, а богато одетые женщины осыпали их бранью. Солдаты отвечали очень неохотно и смущенно улыбались. По улице разъезжали броневики, на которых еще были видны старые названия: «Олег», «Рюрик», «Святослав» — имена древнерусских князей. Но поверх старых надписей уже краснели огромные буквы «РСДРП» («Российская социал-демократическая рабочая партия»). На Михайловском проспекте появился газетчик. Толпа бешено набросилась на него, предлагая по рублю, по пять, по десять рублей за номер, вырывая друг у друга газеты. То был «Рабочий и солдат», возвещавший победу пролетарской революции и осво-

бождение арестованных большевиков, призывавший фронтовые и тыловые армейские части к поддержке восстания... В этом номере было всего четыре страницы, набранные огромным шрифтом. Новостей не было никаких.

На углу Садовой собралось около двух тысяч граждан. Толпа глядела на крышу высокого дома, где то гасла, то разгоралась маленькая красная искорка.

«Гляди,— говорил высокий крестьянин, указывая на нее,— там провокатор, сейчас он будет стрелять в народ...» По-видимому, никто не хотел пойти узнать, в чем там дело.

Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему шли люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы, охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костер, при свете которого часовые медленно прочли наши пропуска и оглядели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулеметы со снятыми чехлами, и с их казенных частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали. Огромные, плохо освещенные залы гудели от топота тяжелых сапог, криков и говора... Настроение у всех было решительное. Лестницы были заняты толпой: тут были рабочие в черных блузах и черных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папахах. Куда-то торопились, протискиваясь, Луначарский и Каменев... Все они говорили одновременно, лица их были озабочены, у каждого под мышкой переполненный бумагами портфель. Закончилось заседание Петроградского Совета. Я остановил Каменева, невысокого человека с быстрыми движениями, живым широким лицом и низко посаженной головой. Он без всяких предисловий перевел мне на французский язык только что принятую резолюцию:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму — единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый, демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками вместе с превращением их в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы».

«Значит, вы думаете, дело выиграно?..»

Он пожал плечами: «Надо еще очень много сделать. Страшно много!.. Дело только еще начинается...»

На площадке лестницы я увидел заместителя председателя совета профессиональных союзов Рязанова. Он мрачно глядел перед собой, покусывая свою седеющую бороду. «Это безумие, безумие! — восклицал он.— Европейский пролетариат не поднимется! Вся Россия...» Он рассеянно махнул рукой и побежал дальше.

Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской аргументации.

То было очень важное заседание. Троцкий от имени Военно-революционного комитета заявил, что Временного правительства больше не существует.

«Специфика буржуазных и мелкобуржуазных правительств,— сказал он,— состоит в том, что они обманывают массы.

Нам в настоящее время,— нам, Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме того, что нужно солдатам, рабочим и крестьянам».

На трибуне появился Ленин. Его встретили громовой овацией. Он предвозвестил мировую социалистическую революцию... После него выступил Зиновьев, заявивший: «Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму».

После этого Троцкий сообщил, что на фронт уже отправлены телеграммы, извещающие о победе восстания, но ответ еще не пришел. По слухам, на Петроград движутся войска. Необходимо отправить к ним делегацию, чтобы рассказать им всю правду.

Голоса с мест: «Вы предрешаете волю Всероссийского съезда Советов!»

Троцкий (холодно): «Воля Всероссийского съезда Советов предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, теснящуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: «Товарищи, не курите!» И курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода, анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва.

На возвышении сидели лидеры старого ЦИК, в последний раз доводилось им вести заседание непокорных Советов, которыми они правили с первых дней революции. Теперь Советы восстали против них. Кончился первый период русской революции, который эти люди старались вести на тормозах. Трех крупнейших из них не было в президиуме: не было Керенского,

бежавшего на фронт через города и села, уже охваченные волнением; не было старого орла Чхеидзе, с презрением удалившегося в родные грузинские горы и там свалившегося в чахотке; не было и прекраснодушного Церетели, тоже тяжело больного, но впоследствии вернувшегося и истощившего все свое лощеное красноречие на защиту погибшего дела. На трибуне сидели Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бройдо, Филипповский — все бледные и негодующие, с ввалившимися глазами. Под ними кипел и бурлил II Всероссийский съезд Советов, а над их головами лихорадочно работал Военно-революционный комитет, державший в руках все нити восстания и наносивший меткие и сильные удары... Было 10 часов 40 минут вечера.

Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа...

«Власть в наших руках,— печально начал Дан. Он остановился на мгновение и тихо продолжал: — Товарищи, съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК (смутный шум). Объявляю первое заседание II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым».

Президиум избирался среди общего шума и движения. Аванесов заявил, что по соглашению между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами решено составить президиум на основе пропорционального представительства. Несколько меньшевиков, громко протестуя, повскакали с мест. «Вспомните,— крикнул им какой-то бородатый солдат,— вспомните, что вы делали с нами, большевиками, когда мы были в меньшинстве!» Результаты выборов: четырнадцать большевиков, семь эсеров, три меньшевика и один интернационалист (из группы Горького). Гендельман заявляет от имени правых эсеров и эсеров центра, что они отказываются от участия в президиуме. Хинчук делает такое же заявление от имени меньшевиков. Меньшевики-интернационалисты тоже не могут войти в президиум до выяснения некоторых обстоятельств. Жидкие аплодисменты и крики. Голос с места: «Ренегаты!

И вы называете себя социалистами!» Представитель делегатов Украины просит и получает место в президиуме. После этого старый ЦИК покидает трибуны и его место занимают Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин... Весь зал встает, гремя рукоплесканиями. Как высоко взлетели они, эти большевики,— от непризнанной и всеми гонимой секты всего четыре месяца назад и до величайшего положения рулевых великой России, охваченной бурей восстания.

В порядке дня, сообщает Каменев, значится: во-первых, вопрос об организации власти, во-вторых, вопрос о войне и мире и, в-третьих, вопрос об Учредительном собрании. Лозовский встает и объявляет, что по соглашению между бюро всех фракций предлагается сначала заслушать и обсудить отчет Петроградского Совета, затем дать слово членам ЦИК и представителям партий и, наконец, перейти к порядку дня.

Но неожиданно послышался новый шум, более тяжелый, чем шум толпы, настойчивый, тревожный шум — глухой гром пушек. Все нервно повернулись к темным окнам, и по собранию пронеслась какая-то дрожь. Мартов попросил слова и прохрипел: «Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев! В тот момент, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора, организованного одной из революционных партий...— Крик и шум на мгновение покрыли его слова.— Все революционные партии обязаны смотреть фактам прямо в лицо! Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти, и этот вопрос уже поставлен на улицах, он уже разрешается оружием! Мы должны создать власть, которая будет пользоваться признанием всей демократии. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет вспышка контрреволюции. Возможностей мирного выхода надо искать в создании единой демократической власти... Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями...»

Отдаленный гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов... Так под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия.

Левые эсеры и объединенные социал-демократы поддержали предложение Мартова. Оно было принято. Какой-то солдат объявил, что Всероссийский исполнительный комитет крестьянских Советов отказался прислать на съезд своих делегатов; он предложил отправить туда комиссию с формальным приглашением. «Здесь присутствует несколько крестьянских депутатов,— сказал он.— Предлагаю предоставить им право голоса». Предложение принимается.

Слова попросил капитан Харраш. «Политические лицемеры, возглавляющие этот съезд,— страстно кричал он с места,— говорят нам, что мы должны поставить вопрос о власти, а между тем этот вопрос уже поставлен за нашей спиной еще до открытия съезда! Расстреливается Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической партии, которая решилась на подобную авантюру!» Общее возмущение. Слово берет Гарра: «Пока здесь вносится предложение о мирном улажении конфликта, на улицах идет бой... Эсеры и меньшевики считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и призывают все общественные силы оказать сопротивление попыткам захватить власть...» Трудовик Кучин, делегат XII армии: «Я послан сюда только для информации. Я немедленно возвращаюсь на фронт, где все армейские комитеты твердо уверены, что захват власти Советами за три недели до открытия Учредительного собрания есть нож в спину армии и преступление перед народом!» Яростные крики: «Ложь! Лжете!» Снова слышен голос оратора: «Необходимо покончить с этой петроградской авантюрой! Во имя спасения родины и революции призываю всех делегатов покинуть этот зал!» Он сошел с трибуны. Рев возмущения. Многие с угрожающим видом встают к нему навстречу... Выступает Хинчук — офицер с рыжеватой острой бородкой, с мягкой и убедительной речью: «Я говорю от имени фронтовых делегатов. Армия недостаточно представлена на этом съезде, и, кроме того, она не считает съезд Советов необходимым в настоящий момент, то есть всего за три недели до открытия Учредительного собрания...» Бурные, все нарастающие крики и топот. «Армия считает, что съезд Советов не имеет необходимой власти...» Солдаты, бывшие в зале, вскочили с мест.

«От чьего вы имени говорите? Кого вы представляете?» — кричали они.

«Центральный исполнительный комитет Пятой армии, второй Ф-ский, первый Н-ский, третий С-ский стрелковые полки...»

«Когда вас избрали? Вы представляете не солдат, а офицеров! А солдаты что говорят?» Протестующие крики.

«Мы, фронтовая группа, слагаем с себя всякую ответственность за то, что происходит сейчас и еще произойдет в будущем, и считаем необходимым мобилизовать все сознательные революционные силы для спасения революции! Фронтовая группа покидает съезд... Место для боя — на улицах».

Громкий выкрик: «От штаба вы говорите, а не от армии!»

«Призываю всех благоразумных солдат покинуть съезд!»

«Корниловец! Контрреволюционер! Провокатор!» — неслось из зала.

Затем Хинчук от имени меньшевиков заявляет: единственная возможность мирного выхода состоит в том, чтобы съезд начал переговоры с Временным правительством об образовании нового кабинета, который опирался бы на все слои общества. В течение нескольких минут страшный шум не давал ему говорить. Возвысив голос до крика, он огласил декларацию меньшевиков:

«Поскольку большевики организовали военный заговор, опираясь на Петроградский Совет и не посоветовавшись с другими фракциями и партиями, мы не считаем возможным оставаться на съезде и поэтому покидаем его, приглашая все прочие группы и партии следовать за нами и собраться для обсуждения создавшегося положения».

«Дезертиры!»

Гендельман, ежеминутно прерываемый общим шумом и криком, еле слышным голосом протестует от имени социалистов-революционеров против бомбардировки Зимнего дворца. «Мы не признаем подобной анархии...»

Не успел он замолчать, как на трибуну взбежал молодой солдат с худощавым лицом и горящими глазами. Он драматическим жестом поднял руку:

«Товарищи! — воскликнул он, и наступила тишина.— Моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени второго латышского стрелкового полка. Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии...» (Бурные аплодисменты.) «Они не представляют солдат...— Оратор потрясает кулаком.— Двенадцатая армия давно настаивает на перевыборах Совета и Искосола, но наш комитет точно так же, как и ваш ЦИК, отказался созывать представителей масс до конца (середины) сентября, так что эти реакционеры смогли послать на настоя-

щий съезд своих лжеделегатов. А я вам говорю, что латышские стрелки уже неоднократно заявляли: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!» Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!»

Зал разразился бурей рукоплесканий. В первые минуты заседания делегаты, ошеломленные стремительностью событий, оглушенные пушечной пальбой, заколебались. В течение целого часа с этой трибуны на них раз за разом падали удары молота, сбивая их в единую массу, но в то же время подавляя. Не останутся ли они в одиночестве? Не поднимется ли против них Россия? Верно ли, что на Петроград уже идут войска? Но заговорил этот светлоглазый молодой солдат, и все сразу поняли, что в его словах, сверкнувших, как молния, была правда... *Его голос был голосом солдат* — миллионов одетых в шинели рабочих и крестьян, охваченных тем же порывом, теми же мыслями и чувствами, как и сами они, делегаты...

На трибуне снова солдаты... Гжельщак заявляет от имени фронтовых делегатов, что вопрос об уходе со съезда был решен лишь весьма незначительным большинством голосов, причем *делегаты-большевики даже не принимали участия в голосовании,* считая, что решение надо принимать по фракциям, а не по группам. «Сотни делегатов с фронта,— сказал он,— избраны без участия солдат, потому что армейские комитеты уже давно перестали быть истинными представителями массы рядовых...» Лукьянов кричит, что офицеры вроде Харраша или Хинчука представляют на съезде не солдат, а высшее командование. «Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов». Настроение стало меняться...

Затем от имени Бунда (Еврейской социал-демократической партии) выступил Абрамович. Он дрожал от гнева, глаза его сверкали из-под толстых стекол очков:

«События, происходящие в настоящий момент в Петрограде, являются величайшим несчастьем! Группа Бунд присоединяется к декларации меньшевиков и социалистов-революционеров и покидает съезд! — Он возвысил голос и поднял руку.— Наш долг перед русским пролетариатом не позволяет нам остаться здесь и принять на себя ответственность за это преступление. Так как обстрел Зимнего дворца не прекращается, то городская дума вместе с меньшевиками, эсерами и исполнительным комитетом крестьянских Советов постановила погибнуть вместе с Временным правительством. Мы присоединяемся к ним! Безоружные, мы открываем свою грудь пулеметам тер-

рористов... Мы призываем всех делегатов съезда...» Остаток речи потонул в буре криков, угроз и проклятий, превратившихся в адский грохот, когда пятьдесят делегатов поднялись со своих мест и стали пробираться к выходу.

Каменев размахивал председательским звонком, крича: «Оставайтесь на местах! Приступим к порядку дня!» Троцкий встал со своего места. Лицо его было бледно и жестоко. В сильном голосе звучало холодное презрение. «Все так называемые социал-соглашатели, все эти перепуганные меньшевики, эсеры и бундовцы пусть уходят! Все они просто сор, который будет сметен в сорную корзину истории!..»

Рязанов сообщил от имени большевиков, что Военно-революционный комитет по просьбе городской думы отправил делегацию для переговоров с Зимним дворцом. «Таким образом, мы сделали все возможное, чтобы предупредить кровопролитие...»

Нам было пора уходить отсюда. На минутку мы задержались в комнате, где, принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая во все уголки города комиссаров, облеченных чрезвычайными полномочиями, лихорадочно работал Военно-революционный комитет. Беспрерывно жужжали полевые телефоны. Когда дверь открылась, навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух, и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром... Товарищ Иосифов-Духвинский, улыбающийся юноша с целой копной белокурых волос, выдал нам пропуска.

Мы вышли в холодную ночь. Перед Смольным — огромное скопление подъезжающих и уезжающих автомобилей. Сквозь их шум были слышны глухие раскаты отдаленной канонады. Огромный грузовик весь трясся, пыхтя мотором. Какие-то люди подавали в кузов связки печатных листов, а другие принимали и укладывали их, держа под рукой винтовки.

«Куда вы поедете?» — спросил я.

«По всему городу!» — ответил мне, улыбаясь, маленький рабочий. Он широко и восторженно взмахнул рукой.

Мы показали свои удостоверения. «Едемте с нами! — пригласили нас.— Но, возможно, в нас будут стрелять...» Мы вскарабкались на грузовик. С резким скрежетом сдвинулся рычаг сцепления, огромная машина рванулась вперед, и мы все попадали на людей, еще взбиравшихся на наш грузовик. Промчавшись мимо костров у внутренних и внешних ворот, освещавших красным светом сгрудившихся у огня рабочих с винтовками, машина, подпрыгивая и мотаясь из стороны в сторо-

ну, вылетела на Суворовский проспект. Один из наших спутников сорвал обертку с одной связки и принялся пачками разбрасывать какие-то листки. Мы стали помогать ему. Так неслись мы по темным улицам, оставляя целый хвост разлетавшихся белых бумажек. Запоздалые прохожие останавливались и подбирали их. На перекрестках патрули оставляли свои костры и, подняв руки, ловили листки. Иногда навстречу нам выскакивали вооруженные люди. Они вскидывали винтовки и кричали: «Стой!» Но наш шофер кидал несколько непонятных слов, и мы мчались дальше. Я взял одно из воззваний и при свете редких уличных фонарей кое-как разобрал:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете
рабочих и солдатских депутатов».

Мой сосед, человек с раскосыми глазами и монгольскими чертами лица в кавказской папахе из козьего меха, проговорил: «Смотрите! Провокаторы всегда стреляют из окон!..» Мы завернули на темную и почти пустую Знаменскую площадь, обогнули нелепый памятник работы Трубецкого и вылетели на широкий Невский, причем трое из нас стояли с ружьями наготове, приглядываясь к окнам. Улица была полна народа. Огромные толпы, пригибаясь, двигались в разные стороны. Пушек мы больше не слышали, и чем ближе мы подвигались к Зимнему дворцу, тем тише и пустыннее становились улицы. Городская дума сверкала всеми окнами. Дальше виднелась густая масса народа и цепь моряков, которые яростно кричали, требуя, чтобы мы остановились. Машина замедлила ход, и мы соскочили на мостовую.

То было удивительное зрелище. Как раз на углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооруженных матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу колонне людей, построенных по четыре в ряд. Здесь было триста — че-

тыреста человек: мужчины в хороших пальто, изящно одетые женщины, офицеры — самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей. Здесь был и худощавый рыжебородый председатель исполнительного комитета крестьянских Советов Авксентьев, и сподвижник Керенского Сорокин, и Хинчук, и Абрамович, а впереди всех — седобородый петроградский городской голова старый Шрейдер и министр продовольствия Временного правительства Прокопович, арестованный в это утро и уже выпущенный на свободу. Я увидел и репортера газеты «Russian Daily News» Малкина. «Идем умирать в Зимний дворец!» — восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из ее передних рядов неслись громкие крики. Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом, который, казалось, командовал цепью.

«Мы требуем, чтобы нас пропустили! — кричали они.— Вот эти товарищи пришли со съезда Советов! Смотрите, вот их мандаты! Мы идем в Зимний дворец!..»

Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал в затылке своей огромной рукой. «У меня приказ от комитета — никого не пускать во дворец,— бормотал он.— Но я сейчас пошлю товарища позвонить в Смольный...»

«Мы настаиваем, пропустите! У нас нет оружия! Пустите вы нас или нет, мы все равно пойдем!» — в сильном волнении кричал старик Шрейдер.

«У меня приказ...» — угрюмо твердил матрос.

«Стреляйте, если хотите! Мы пойдем! Вперед! — неслось со всех сторон.— Если вы настолько бессердечны, чтобы стрелять в русских, в своих товарищей, то мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулеметами!»

«Нет,— заявил матрос, упрямо глядя на них.— Не могу вас пропустить».

«А что вы сделаете, если мы пойдем? Стрелять будете?»

«Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей...»

«Мы идем! Что вы можете сделать?»

«Что-нибудь да сделаем,— отвечал матрос, явно поставленный в тупик.— Не можем мы вас пропустить! Что-нибудь да сделаем...»

«Что вы сделаете? Что сделаете?»

Тут появился другой матрос, очень раздраженный. «Мы вас прикладами! — решительно крикнул он.— А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!»

Раздались крики гнева и негодования. Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь.

«Товарищи и граждане! — сказал он.— Против нас применяют грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были запятнаны нашей невинной кровью! Быть расстрелянными этими стрелочниками — ниже нашего достоинства. (Что он понимал под словом «стрелочники», я так и не понял.) Вернемся в думу и обсудим наилучшие пути спасения страны и революции!»

После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому все еще по четыре в ряд. Мы воспользовались замешательством, проскользнули мимо цепи и направились к Зимнему дворцу.

Здесь была абсолютная тьма. Никакого движения, встречались только солдатские и красногвардейские патрули. Напротив Казанского собора посреди улицы стояла полевая трехдюймовка, немного сдвинутая отдачей после последнего выстрела, направленного поверх крыш домов. У всех дверей стояли солдаты. Они потихоньку переговаривались, поглядывая в сторону Полицейского моста. Я разобрал слова: «Может быть, мы допустили ошибку...» На всех углах проходящих останавливали патрули. Характерным был состав этих патрулей: солдатами повсюду командовали красногвардейцы... Стрельба прекратилась.

В тот момент, как мы выходили на Морскую, кто-то крикнул: «Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пришли и выгнали их!» Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков, прокатились мы под красной аркой. Человек, шедший передо мной, тихо сказал: «Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять...» Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны.

«А много ваших убито?» — спросил я.

«Не знаю, верно, человек десять...»

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказания снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести — триста человек были все красногвардейцы. Солдат

среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука.

Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходивший в огромную и пустую сводчатую комнату — подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Один взвалил на плечо бронзовые часы. Другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но, как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стой! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, возле которых стали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: «Революционная дисциплина! Народное достояние!»

Мы пошли к левому входу, то есть к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. «Очистить дворец! — кричали красногвардейцы из внутренних дверей.— Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Все вон из дворца, кроме комиссаров! Поставить часовых!..»

Двое красногвардейцев — солдат и офицер — стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: «Всех вон! Всех вон!» — и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря. Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причем солдат, сидевший за столом, записывал отобранные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски

мыла, всевозможное платье, одеяла. Один красногвардеец притащил три винтовки и заявил, что две из них он отобрал у юнкеров. Другой принес четыре портфеля, набитых документами. Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличенных сами помогали обыскивать остальных товарищей [2].

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием, сопровождая обыск восклицаниями: «Провокаторы! Корниловцы! Контрреволюционеры! Палачи народа!» Хотя никаких насилий произведено не было, юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи и отправил их в соседнюю комнату... Юнкеров обезоружили. «Ну что, будете еще подымать оружие против народа?» — спрашивали громкие голоса.

«Нет!» — отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу.

Мы спросили, можно ли нам пройти во внутренние комнаты. Комитет колебался, но какой-то внушительного роста красногвардеец заявил, что это воспрещено. «И вообще кто вы такие? — сказал он.— Почем я знаю, что вы все не от Керенского?» (Нас было пятеро, в том числе две женщины.)

«Пожалуйста, товарищи! Дорогу, товарищи!» В дверях появились солдат и красногвардеец. Они раздвигали толпу, расчищая дорогу, а позади них шло еще несколько рабочих, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. За ними гуськом брели с полдюжины штатских: то были члены Временного правительства. Впереди шел Кишкин, бледный, с вытянутым лицом; дальше Рутенберг, мрачно глядевший себе под ноги; Терещенко, сердито посматривавший по сторонам. Его холодный взгляд задержался на нашей группе. Они проходили молча. Победители сдвигались поглядеть на них, но негодующих выкриков было очень мало. Позже мы узнали, что на улице народ хотел расправиться с арестованными самосудом и что даже были выстрелы, но солдаты благополучно доставили их в Петропавловскую крепость...

Между тем мы беспрепятственно прошли внутрь дворца. Множество людей приходило и уходило, обыскивая все новые комнаты огромного здания, ища спрятавшихся юнкеров, которых на самом деле вовсе не было. Мы поднялись вверх по лестнице и стали обходить комнату за комнатой. Эта часть дворца была занята другим отрядом, наступавшим со стороны

Невы. Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов остались не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей были сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь. Самой ценной добычей считалось платье, в котором так нуждался рабочий народ. В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги...

Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: «Сюда, барин, нельзя... воспрещается...» Наконец мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и красными парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь беспрерывно шло заседание совета министров и куда дорогу красногвардейцам показали швейцары. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Перед каждым пустым стулом на этом столе находились чернильница, бумага и перо. Листы бумаги были исписаны какими-то планами, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались в безнадежности своих планов... Вся остальная бумага была исчерчена какими-то геометрическими фигурами. Казалось, заседавшие машинально чертили их, безнадежно слушая, как выступавшие предлагали все новые и новые химерические проекты. Я взял на память один из этих листков. Он был исписан рукой Коновалова. «Временное правительство, — прочел я, — обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство...»

Надо заметить, что хотя Зимний дворец и был окружен, однако Временное правительство ни на минуту не теряло сообщения с фронтом и провинциальными центрами. Большевики захватили военное министерство еще утром, но они не знали, что на чердачном этаже находится телеграф, не знали и того, что здание министерства связано секретным проводом с Зимним дворцом. А между тем на чердаке весь день сидел молодой офицер и рассылал по всей стране целый поток призывов и прокламаций. Узнав же, что Зимний дворец пал, он надел фуражку и спокойно покинул здание...

Мы так увлеклись, что совершенно не обращали внимания на солдат и красногвардейцев, а между тем их поведение как-

то странно изменилось. Небольшая группа уже давно ходила за нами из комнаты в комнату. Наконец, когда мы пришли в огромную картинную галерею, в которой мы еще днем разговаривали с юнкерами, вокруг нас столпилось около сотни человек. Перед нами стоял огромный солдат. Лицо его было мрачно и выражало недоверие.

«Кто вы такие? — крикнул он.— Что вы здесь делаете?» Вокруг нас собиралось все больше людей. Нас пристально разглядывали. Начался ропот. До меня донеслось: «Провокаторы!», «Громилы!» Я показал наши удостоверения, выданные Военно-революционным комитетом. Солдат схватил их, перевернул вверх ногами и уставился на них непонимающим взглядом. Он явно не умел читать. Подержавши документы, он вернул их мне и сплюнул на пол. *«Бумаги!»* — презрительно проговорил он. Толпа стала все теснее сжиматься вокруг нас, как дикие лошади смыкаются вокруг пешего ковбоя. Я заметил вдали офицера, глядевшего очень беспомощно, и окликнул его. Он стал проталкиваться к нам.

«Я комиссар,— сказал он мне.— Кто вы такие, в чем дело?»

Толпа отодвинулась и стала выжидать. Я снова показал бумаги.

«Вы иностранцы? — быстро спросил офицер по-французски.— Плохо дело...— Он повернулся к толпе и замахал в воздухе нашими документами.— Товарищи,— закричал он,— эти люди — наши иностранные товарищи, американцы! Они явились сюда, чтобы после рассказать своим землякам о храбрости и революционной дисциплине пролетарской армии!..»

«А вы почем знаете? — ответил высокий солдат.— Говорю вам, это провокаторы. Говорят, что пришли сюда смотреть на революционную дисциплину пролетарской армии, а сами расхаживают по всему дворцу. Почем мы знаем, что они тут не награбили полные карманы?»

«Правильно!» — закричала толпа, надвигаясь на нас.

На лбу офицера выступил пот. «Товарищи, товарищи! — воскликнул он.— Я комиссар Военно-революционного комитета. Вы что, не верите мне? Так вот я вам говорю, что эти мандаты подписаны теми же именами, что и мой собственный!»

Он провел нас по дворцу и открыл перед нами дверь, выходившую на набережную Невы. Перед этой дверью находился все тот же комитет, обыскивавший карманы.

«Ну, счастливо вы отделались»,— прошептал он, вытирая лицо.

«А что с женским батальоном?» — спросили мы.

«Ах, эти женщины!..— Он улыбнулся.— Они все забились в задние комнаты. Нелегко нам пришлось, пока мы решили, что с ними делать: сплошная истерика и так далее... В конце концов мы отправили их на Финляндский вокзал и посадили в поезд на Левашево: там у них лагерь...» [3]

И мы снова вышли в холодную беспокойную ночь, полную приглушенного гула неведомых движущихся армий, наэлектризованную патрулями. Из-за реки, где смутно чернел огромный массив Петропавловской крепости, доносились хриплые возгласы... Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с «Авроры». Других повреждений бомбардировка не причинила.

Был четвертый час утра. На Невском снова горели все фонари, пушку уже убрали, и единственным признаком военных действий были красногвардейцы и солдаты, толпившиеся вокруг костров. Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем когда бы то ни было. В эту ночь не было совершено ни одного грабежа, ни одного налета.

Здание городской думы было освещено сверху донизу. Мы вошли в Александровский зал, окруженный галереями и увешанный затянутыми красной материей царскими портретами в тяжелых золотых рамах. Вокруг трибуны столпилось около ста человек. Говорил Скобелев. Он настаивал на том, чтобы Комитет общественной безопасности был расширен с целью объединить все антибольшевистские элементы в одну организацию — Комитет спасения родины и революции. Пока мы находились в зале, комитет был сформирован. Это был тот самый комитет, который впоследствии стал самым могущественным врагом большевиков, выступая на протяжении последующей недели то под собственным именем, то в качестве строго непартийного Комитета общественной безопасности.

Здесь были Дан, Гоц, Авксентьев, несколько отколовшихся делегатов съезда, члены исполкома крестьянских Советов, старик Прокопович и даже члены Совета республики, в том числе Винавер и другие кадеты. Либер кричал, что съезд Советов незаконен, что старый ЦИК еще сохраняет свои полномочия... Тут же набрасывалось воззвание к стране.

Мы вышли и подозвали извозчика. «Куда ехать?» Когда мы сказали «в Смольный», извозчик отрицательно затряс головой. «Нет! — заявил он.— Там эти черти...» Только после долгих и утомительных поисков удалось нам найти извозчика,

который согласился довезти нас. Но он потребовал тридцать рублей и остановился за два квартала до Смольного.

Окна Смольного все еще сверкали огнями. Подъезжали и отъезжали автомобили. Вокруг костров, продолжавших гореть ярким пламенем, толпилась охрана, жадно выспрашивая у всех последние новости. Коридоры были переполнены куда-то спешащими людьми, с глубоко запавшими глазами. В некоторых комитетских комнатах люди спали на полу. Около каждого лежала его винтовка. Несмотря на уход отколовшихся делегатов, зал заседания был набит народом и шумел, как море. Когда мы вошли, Каменев оглашал список арестованных министров. Имя Терещенко было покрыто громовыми аплодисментами, радостными криками и смехом. Рутенберг произвел меньшее впечатление, но при имени Пальчинского разразилась буря криков и рукоплесканий... Было объявлено, что комиссаром Зимнего дворца назначен Чудновский.

Тут случился истинно драматический эпизод. На трибуну взбежал высокий крестьянин. Его бородатое лицо было искажено гневом. Он ударил кулаком по столу президиума.

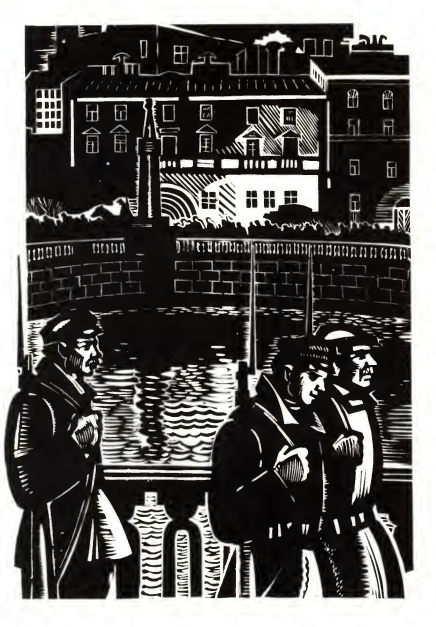
«Мы, социалисты-революционеры, настаиваем на немедленном освобождении министров-социалистов, арестованных в Зимнем дворце! Товарищи! Известно ли вам, что четверо наших товарищей, жертвовавших жизнью и свободой в борьбе с царской тиранией, брошены в Петропавловскую крепость, историческую могилу русской свободы?!»

Поднялся общий шум. Крестьянин продолжал кричать и стучать кулаками. На трибуну взобрался другой делегат, встал рядом с ним и, указывая рукой в сторону президиума, закричал:

«Могут ли представители революционных масс спокойно заседать здесь в тот момент, когда большевистская охранка пытает их вождей?»

Троцкий жестом потребовал тишины. «Мы поймали этих «товарищей» в тот момент, когда они вместе с авантюристом Керенским составляли заговор с целью разгрома Советов. С какой стати нам церемониться с ними? Разве они церемонились с нами после третьего — пятого июля? — в его голосе появились торжествующие ноты.— Теперь, когда оборонцы и малодушные ушли и задача защиты и спасения революции целиком возложена на наши плечи, особенно необходимо работать, работать и работать! Мы решили скорее умереть, чем сдаться!..»

На трибуну взошел задыхающийся, покрытый дорожной грязью комиссар из Царского Села. «Царскосельский гарнизон

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Ш а р а н г о в и ч

стоит на подступах к Петрограду, в полной готовности защищать съезд Советов и Военно-революционный комитет!» Грохот рукоплесканий. «Корпус самокатчиков, присланный с фронта, прибыл в Царское и перешел на нашу сторону. Он признает власть Советов, признает необходимость немедленной передачи земли крестьянам и контроля над производством — рабочим. Пятый батальон самокатчиков, расположенный в Царском, наш...»

Выступил делегат от третьего батальона самокатчиков. Под громкие крики восторга он рассказал, как корпус самокатчиков всего три дня назад получил приказ двинуться с Юго-Западного фронта на «защиту Петрограда». Однако солдаты заподозрили, что смысл приказа несколько иной. На станции Передольск они были встречены представителями пятого батальона из Царского. Собрался общий митинг, и оказалось, что «среди самокатчиков нет никого, кто согласился бы проливать братскую кровь или поддерживать правительство помещиков и капиталистов».

Капелинский предложил от имени меньшевиков-интернационалистов создать особую комиссию для изыскания мирного выхода и предупреждения гражданской войны. «Нет никакого мирного выхода! — гремел весь зал.— Единственный выход — победа!» Предложение было отвергнуто подавляющим большинством, и меньшевики-интернационалисты под градом насмешек и оскорблений покинули съезд. Среди делегатов не было и тени страха. Каменев кричал с трибуны вслед уходящим: «Меньшевики-интернационалисты внесли свое предложение о мирном выходе в порядке внеочередного заявления. Но ведь они всегда голосовали за нарушение порядка дня ради деклараций тех фракций, которые хотели уйти со съезда! Совершенно ясно, что уход всех этих ренегатов был предрешен заранее!..» Собрание решило не считаться с уходом ряда фракций и заслушало воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам всей России:

«Рабочим, солдатам и крестьянам!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов... Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих
и солдатских депутатов
Делегаты от крестьянских Советов».

Было ровно 5 часов 17 минут утра, когда Крыленко, шатаясь от усталости, поднялся на трибуну и показал собранию какую-то телеграмму.

«Товарищи, с Северного фронта! Двенадцатая армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-рево-

люционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом!..» Началось нечто совершенно неописуемое. Люди плакали и обнимали друг друга. «Генерал Черемисов признал комитет. Комиссар Временного правительства Войтинский подал в отставку!»

Свершилось...

Ленин и петроградские рабочие решили — быть восстанию, Петроградский Совет низверг Временное правительство и поставил съезд Советов перед фактом государственного переворота. Теперь нужно было завоевать на свою сторону всю огромную Россию, а потом и весь мир. Откликнется ли Россия, восстанет ли она? А мир, что скажет мир? Откликнутся ли народы на призыв России, подымется ли мировой красный прилив?

Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный, словно неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией.

ГЛАВА V

НЕУДЕРЖИМО ВПЕРЕД!

Четверг, 8 ноября (26 октября). Утро застало город в неистовом возбуждении. Целый народ поднимался под грохот бури. На поверхности все было спокойно. Сотни тысяч людей легли спать в обычное время, рано встали и отправились на работу. В Петрограде ходили трамваи, магазины и рестораны были открыты, театры работали, выставки картин собирали публику... Сложная рутина повседневной жизни, не нарушенная и в условиях войны, шла своим чередом. Ничто не может быть более удивительным, чем жизнеспособность общественного организма, который продолжает все свои дела, кормится, одевается, забавляется даже во время величайших бедствий.

Город был полон слухов о Керенском. Говорили, что он добрался до фронта и ведет на столицу огромную армию. «Воля народа» опубликовала приказ, выпущенный им в Пскове:

«Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для

выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания.

В настоящее время впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной Родиной. Нужно помнить, что малейшее нарушение существующей организации армии может повлечь за собой непоправимые бедствия, открыв фронт для нового удара противника. Поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность армии, поддерживая полный порядок, охраняя армию от новых потрясений, и не поколебать взаимное полное доверие между начальниками и подчиненными. Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства республики...»

В ответ на это на всех стенах появилось воззвание:

«От Всероссийского съезда Советов.

Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и др. арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться, как тяжкое государственное преступление».

Обретя полную свободу действий, Военно-революционный комитет, словно искры, рассыпал во все стороны приказы, воззвания и декреты...[1] Было приказано доставить Корнилова в Петроград. Члены крестьянских земельных комитетов, арестованые Временным правительством, были выпущены на свободу. Отменили смертную казнь на фронте. Государственным служащим приказали продолжать работу, угрожая за неповиновение строгими наказаниями. Погромы, беспорядки и спекуляция были запрещены под страхом смертной казни. Во все министерства назначили временных комиссаров: в министерство иностранных дел — Урицкого и Троцкого, в министерства внутренних дел и юстиции — Рыкова, в министерство труда — Шляпникова, в министерство финансов — Менжинского, в министерство социального обеспечения — Коллонтай, в министерства торговли и путей сообщения — Рязанова, в морское

ведомство — матроса Корбира, в министерство почт и телеграфов — Спиро, в управление театров — Муравьева, в управление государственных типографий — Дербышева, комиссаром Петрограда назначили лейтенанта Нестерова, комиссаром Северного фронта — Позерна.

Армию призывали выбирать военно-революционные комитеты. Железнодорожников призывали поддерживать порядок и, главное, не задерживать подвоза продовольствия к городам и фронтам. За это им обещали допустить в министерство путей сообщения их представителей.

«Братья казаки! — говорилось в одной из прокламаций.— Вас ведут на Петроград. Вас хотят столкнуть с революционными солдатами и рабочими столицы...

Не верьте ни одному слову наших общих врагов — помещиков и капиталистов.

На нашем съезде представлены все организованные рабочие, солдаты и сознательные крестьяне России. Съезд хочет видеть в своей семье и трудовых казаков. Черносотенные генералы, слуги помещиков, слуги Николая Кровавого — наши враги...

Вам говорят, что Советы хотят отнять у казаков землю. Это ложь. Только у казаков-помещиков революция отнимет земли и передаст их народу.

Организуйте Советы казацких депутатов! Присоединяйтесь к рабочим, солдатским и крестьянским Советам!

Покажите черной сотне, что вы не станете изменниками народа, что вы не пожелаете накликать на себя проклятие всей революционной России!..

Братья казаки! Не исполняйте ни одного приказания врагов народа!..

Присылайте в Петроград ваших делегатов для сговора с нами...

Казаки петроградского гарнизона, к их чести, не оправдали надежд врагов народа...

Братья казаки! Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку.

Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!»

А с другой стороны, какой бурный поток воззваний, афиш, расклеенных и разбрасываемых повсюду, газет, протестующих, проклинающих и пророчащих гибель! Настало время борьбы печатных станков, ибо все остальное оружие находилось в руках Советов.

Первым появилось воззвание Комитета спасения родины и революции, широко распространенное по всей России и Европе:

«Гражданам Российской республики.

25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Вр. правительства, разогнан Временный Совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии.

Всероссийский комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане:

Не признавайте власти насильников!

Не исполняйте их распоряжений!

Встаньте на защиту родины и революции!

Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции!

Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции в составе представителей: Петроград. гор. думы, Временного Совета Российской Республики, Централ. Исп. Ком. Всер. Сов. Крест. Деп., Центр. Исп. Ком. Сов. Раб. и Сол. Д., фронтовых групп, представителей II съезда Сов. Раб. и Сол. Д., фракций с.-р., с.-д. (меньш.), народ. социал., группы «Единство» и др.».

Воззвания эсеровской партии, меньшевиков-оборонцев, исполкома крестьянских Советов, армейских комитетов, от Центрофлота...

«Голод задавит Петроград,— кричали они все.— Германские армии растопчут нашу свободу. Черносотенные погромы захлестнут Россию, если все мы, сознательные рабочие, солдаты, граждане, не сплотимся...

Не верьте обещаниям большевиков! Обещание немедленного мира — ложь! Обещание хлеба — обман! Обещание земли — сказка!..»

И все в этом же роде.

«Товарищи!.. Вас подло и преступно обманули! Захват власти был произведен одними большевиками... Большевики скрывали свой план от других социалистических партий, входящих в Советы...

Вам обещали землю и волю, но контрреволюция использует посеянную большевиками анархию и лишит вас земли и воли...»

Столь же резки были и газеты.

«Наш долг,— восклицало «Дело народа»,— разоблачить этих предателей рабочего класса. Наш долг — мобилизовать все силы и встать на защиту дела революции».

«Известия», в последний раз говорившие от имени старого ЦИК, грозили страшным возмездием...

«А что касается съезда Советов, то мы утверждаем, что не было съезда Советов, мы утверждаем, что имело место лишь частное совещание большевистской фракции. В этом случае они не имели права лишать полномочий ЦИК».

«Новая жизнь», высказываясь за новое правительство, которое объединило бы все социалистические партии, резко критиковала действия эсеров и меньшевиков, ушедших со съезда, и утверждала, что восстание большевиков с непреложной ясностью установило одно основное обстоятельство — полную беспочвенность всех иллюзий относительно сотрудничества с буржуазией.

«Рабочий путь» опять превратился в «Правду» — ленинскую газету, закрытую в июле месяце. Она резко заявляла:

«Рабочие, солдаты, крестьяне! Вы сломили в феврале самодержавие дворянской клики. Вы сломили вчера самодержавие буржуазной шайки...

И первая задача теперь — охранить все подступы к Петрограду.

Вторая задача — разоружить и окончательно обезвредить контрреволюционные элементы в Петрограде.

Третья задача — окончательная организация революционной власти и обеспечение осуществления народной программы...»

Те немногие кадетские и вообще буржуазные газеты, какие еще продолжали выходить, относились ко всему происходившему со спокойной иронией, как бы презрительно говоря всем

прочим партиям: «А что мы вам говорили?» Влиятельные члены кадетской партии все время вертелись вокруг городской думы и Комитета спасения родины и революции. В целом буржуазия помалкивала, выжидая своего часа, который, казалось ей, был недалек. Быть может, никто, кроме Ленина, Троцкого, петроградских рабочих и простых солдат, не допускал мысли о том, что большевики удержат власть дольше трех дней...

В этот день я видел в огромном амфитеатре Николаевского зала бурное заседание городской думы, объявленное беспрерывным. Здесь были представлены все силы антибольшевистской оппозиции. Величественный, седобородый и седовласый городской голова Шрейдер рассказывал собравшимся, как прошлой ночью он отправился в Смольный, чтобы заявить протест от имени городского самоуправления. «Дума, являющаяся в настоящий момент единственной в городе законной властью, созданной на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, не признает новой власти!» — заявил он Троцкому. В ответ Троцкий сказал: «Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать...» Рассказ Шрейдера вызвал бурю негодования.

«Если вообще признавать правительство, созданное штыками,— продолжал старик, обращаясь к думе,— то такое правительство у нас есть. Но я считаю законным только такое правительство, которое признается народом, большинством, а не такое, которое создано кучкой узурпаторов». Неистовые рукоплескания на всех скамьях, кроме большевистских. Городской голова среди шума и криков сообщает, что большевики уже нарушили права городского самоуправления, назначив в ряд отделов своих комиссаров.

Большевистский оратор, стараясь покрыть шум, кричит, что поддержка, оказанная большевикам съездом Советов, есть поддержка всей России. «Вы не истинные представители населения Петрограда!» — восклицает он. Голоса с мест: «Оскорбление! Оскорбление!» Городской голова с достоинством напоминает, что дума была избрана на основе самого свободного избирательного права, какое только может быть. «Верно,— отвечает оратор-большевик.— Но дума избрана давно, так же давно, как ЦИК и армейские комитеты...» — «Нового съезда Советов еще не было!» — кричат ему в ответ.

«Фракция большевиков отказывается оставаться в этом гнезде контрреволюции...» Шум. «Мы требуем переизбрания думы!..» Большевики уходят из зала заседания. «Германские агенты! — кричат им вслед.— Долой изменников!»

Кадет Шингарев потребовал, чтобы все служащие городского самоуправления, согласившиеся быть комиссарами Военно-революционного комитета, были смещены и преданы суду. Шрейдер встал и внес предложение протестовать против угрозы большевиков распустить думу. Дума в качестве законной представительницы населения должна отказаться оставить свой пост.

Александровский зал был тоже набит битком. Шло заседание Комитета спасения. Выступал Скобелев. «Никогда,— сказал он,— положение революции не было так остро, никогда вопрос о самом существовании Российского государства не возбуждал столько тревоги. Никогда еще история так резко и так категорически не ставила перед Россией вопрос — быть или не быть. Настал великий час спасения революции, и, сознавая это, мы охраняем тесное единение всех живых сил революционной демократии, организованная воля которой уже создала центр для спасения родины и революции. Мы умрем, но не покинем нашего славного поста...» И так далее, в том же роде.

Под гром аплодисментов было сообщено, что союз железнодорожников присоединяется к Комитету спасения. Через несколько минут явились почтово-телеграфные чиновники. Затем вошло несколько меньшевиков-интернационалистов; их встретили рукоплесканиями. Железнодорожники заявили, что они не признают большевиков, что они взяли весь железнодорожный аппарат в свои руки и отказываются передавать его узурпаторской власти. Делегаты от телеграфных служащих объявили, что их товарищи наотрез отказались работать, пока в министерстве находится большевистский комиссар. Работники почты отказались принимать и отправлять почту Смольного... Все телефонные провода Смольного выключены. Собрание с огромным удовольствием выслушало рассказ о том, как Урицкий явился в министерство иностранных дел требовать тайных договоров и как Нератов попросил его удалиться. Государственные служащие повсюду бросали работу...

То была война — сознательно обдуманная война чисто русского типа, война путем стачек и саботажа. Председатель огласил при нас список поручений. Такой-то должен обойти все министерства, такой-то — отправиться в банки; десять — двенадцать человек были назначены в казармы убеждать солдат сохранять нейтралитет: «Русские солдаты, не лейте братской крови!» Была выделена особая комиссия для совещания с Керенским. Несколько человек было разослано по провинциальным городам для организации местных отделов Комитета

спасения и для объединения всех антибольшевистских элементов.

Настроение было приподнятое: «Эти большевики хотят попробовать диктовать свою волю интеллигенции?.. Ну, мы им покажем!..» Поразителен был контраст между этим собранием и съездом Советов. Там огромные массы обносившихся солдат, измазанных грязью рабочих и крестьян — все бедняки, согнутые и измученные жестокой борьбой за существование; здесь меньшевистские и эсеровские вожди, Авксентьевы, Даны, Либеры, бывшие министры-социалисты Скобелевы и Черновы, а рядом с ними кадеты вроде елейного Шацкого и гладенького Винавера. Тут же журналисты, студенты, интеллигенты всех сортов и мастей. Эта думская толпа была упитанна и хорошо одета; я заметил здесь не больше трех пролетариев...

Получены новые вести. Верные Корнилову текинцы перебили в Быхове стражу, и Корнилов бежал. Каледин двигался на север. Московский Совет организовал Военно-революционный комитет и вступил в переговоры с комендантом города, требуя от него сдачи арсенала. Совет хотел вооружить рабочих.

Эти факты перемежались массой всевозможных слухов, сплетен и явной лжи. Так, например, один молодой интеллигент-кадет, бывший личный секретарь Милюкова, а потом Терещенко, отвел нас в сторону и рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца.

«Большевиков вели германские и австрийские офицеры!» — утверждал он.

«Так ли это? — вежливо спрашивали мы.— Откуда вы знаете?»

«Там был один из моих друзей. Он рассказал мне».

«Но как же он разобрал, что это были германские офицеры?»

«Да они были в немецкой форме!..»

Такие нелепые слухи распространялись сотнями. Мало того что их печатала вся антибольшевистская пресса, им верили даже такие люди, как меньшевики и эсеры, которые вообще отличались несколько более осторожным отношением к фактам.

Но гораздо серьезнее были рассказы о большевистских насилиях и жестокостях. Так, например, повсюду говорилось и печаталось, будто бы красногвардейцы не только разграбили дочиста весь Зимний дворец, но перебили обезоруженных юнкеров и хладнокровно зарезали нескольких министров. Что до женщин-солдат, то большинство из них было изнасиловано и

даже покончило самоубийством, не стерпя мучений... Думская толпа с готовностью проглатывала подобные россказни... Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших, и в результате думу с самого вечера осаждала толпа обезумевших от горя и ужаса граждан...

Очень характерен случай с князем Тумановым, чей труп, как утверждали многие газеты, был выловлен в Мойке. Через несколько часов это сообщение было опровергнуто семейством самого князя, которое заявило, что он арестован. Тогда было напечатано, что утопленник не князь Туманов, а генерал Денисов. Но генерал тоже оказался жив и здоров. Мы произвели расследование, но никаких следов якобы выловленного из Мойки трупа не обнаружили...

Когда мы выходили из думы, двое бойскаутов раздавали прокламации[2] огромной толпе, запрудившей Невский. Толпа эта состояла почти исключительно из дельцов, лавочников, чиновников, конторских служащих. Вот что говорилось в прокламации:

«От городской думы.

Городская дума в своем заседании от 26 октября ввиду переживаемых событий постановила объявить неприкосновенность частных жилищ и через домовые комитеты призывает население гор. Петрограда давать решительный отпор всяким попыткам врываться в частные квартиры, не останавливаясь перед применением оружия в интересах самообороны граждан».

На углу Литейного пятеро красногвардейцев и двое матросов окружили газетчика и требовали, чтобы он отдал им пачку экземпляров меньшевистской «Рабочей газеты». Газетчик яростно кричал на них и грозился кулаком, когда один из матросов все-таки отнял у него газеты. Кругом собралась большая толпа, осыпавшая патруль бранью. Какой-то маленький рабочий упрямо старался переубедить газетчика и толпу, беспрерывно повторяя: «Здесь напечатана прокламация Керенского, он говорит, что мы стреляем в русский народ. Будет кровопролитие...»

В Смольном атмосфера была еще напряженнее, чем прежде, если это только было возможно. Все те же люди, бегающие по темным коридорам, все те же вооруженные винтовками рабочие отряды, все те же спорящие и разъясняющие, раздающие отрывочные приказания вожди с набитыми портфелями. Эти люди все время куда-то торопились, а за ними бегали друзья

и помощники. Они были положительно вне себя, казались живым олицетворением бессонного и неутомимого труда. Небритые, растрепанные, с горящими глазами, они полным ходом неслись к намеченной цели, горя воодушевлением. У них было так много, так бесконечно много дела! Надо было создать правительство, навести порядок в городе, удержать на своей стороне гарнизон, победить думу и Комитет спасения, удержаться против немцев, подготовиться к бою с Керенским, информировать провинцию, вести пропаганду по всей России, от Архангельска до Владивостока. Правительственные и городские служащие отказывались повиноваться комиссарам, работники почты и телеграфа лишили Смольный сообщения с внешним миром, железнодорожники упрямо отвечали отказом на все его просьбы о поездах, а тут надвигался Керенский, на гарнизон не вполне можно было положиться, казаки готовились к выступлению... За врагами стояла не только организованная буржуазия, но и все социалистические партии, за исключением левых эсеров и нескольких меньшевиков-интернационалистов и новожизненцев, да и те колебались, не зная, на что решиться. Правда, за большевиками шли широкие массы рабочих и солдат; правда, отношение крестьянства еще недостаточно определилось, но ведь в конце концов партия большевиков была далеко не богата образованными и подготовленными людьми...

Рязанов, поднимаясь по лестнице, с комическим ужасом говорил, что он, комиссар торговли и промышленности, решительно ничего не понимает в торговых делах. Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во Французском банке... А вот те четверо товарищей, которые бегут по коридору из помещения Военно-революционного комитета, на лету что-то записывая на лоскутках бумаги,— это комиссары, рассылаемые по всей России, чтобы они рассказали обо всем происшедшем, чтобы они убеждали и боролись теми аргументами и тем оружием, какие удастся найти...

Заседание съезда должно было открыться в час дня, и обширный зал был уже давно переполнен делегатами, было уже около семи часов, а президиум все еще не появлялся... Большевики и левые эсеры вели по своим комнатам фракционные

заседания. Весь этот бесконечный день ушел у Ленина и Троцкого на борьбу со сторонниками компромисса. Значительная часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства. «Нам не удержаться! — кричали они.— Против нас слишком много сил! У нас нет людей. Мы будем изолированы, и все погибнет...» Так говорили Каменев, Рязанов и др.

Но Ленин, которого поддерживал Троцкий, стоял незыблемо, как скала: «Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело».

В пять минут восьмого левые эсеры послали сказать, что они остаются в Военно-революционном комитете.

«Так и есть,— говорил Ленин.— Они тянутся за нами!»

Несколько позднее, когда я сидел в большом зале за столом прессы, один анархист, сотрудничавший в буржуазных газетах, предложил мне пойти вместе с ним посмотреть, что с президиумом. Ни в комнате ЦИК, ни в бюро Петроградского Совета не оказалось никого. Мы обошли весь Смольный. Казалось, никто не имел понятия о том, где находятся руководители съезда. По дороге мой спутник рассказывал мне о своей прежней революционной деятельности, о том, как ему пришлось бежать из России и с каким удовольствием он довольно долго прожил во Франции... Большевиков этот человек считал грубыми, пошлыми и невежественными людьми, без всякого эстетического чутья. Он был очень типичным экземпляром русского интеллигента... Наконец мы дошли до комнаты № 17, где помещался Военно-революционный комитет, и остановились перед его дверью. Мимо нас беспрерывно сновали люди... Дверь открылась, и из комнаты вышел коренастый, широколицый человек в военной форме без погон. Казалось, он улыбался, но, присмотревшись, можно было догадаться, что его улыбка — это просто гримаса бесконечной усталости. То был Крыленко.

Мой спутник, изящный молодой человек, радостно вскрикнул и шагнул вперед.

«Николай Васильевич! — воскликнул он, протягивая руку.— Разве вы забыли меня? Мы с вами вместе сидели в тюрьме».

Крыленко сделал над собою усилие, сосредоточился и вгляделся. «Ах да,— ответил он наконец, глядя на собеседника с самым дружеским выражением.— Вы С... Здравствуйте!» Они поцеловались. «Ну, что вы здесь делаете?» — и Крыленко сделал рукой широкий жест.

«О, я только наблюдаю... Вы, кажется, пользуетесь большим успехом?»

«Да,— ответил Крыленко твердо.— Пролетарская революция — это большой успех! — Он улыбнулся.— Впрочем... впрочем, может быть, мы снова встретимся с вами в тюрьме!..»

Мы пошли по коридору, и мой приятель принялся разъяснять мне положение: «Видите ли, я последователь Кропоткина. С нашей точки зрения, революция закончилась огромной неудачей: она не подняла патриотизма масс. Конечно, это доказывает только то, что наш народ еще не созрел для революции...»

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая, коренастая фигура с большой лысой, крепко посаженной головой и выпуклым лбом. Маленькие глаза, широкий нос, крупный благородный рот, массивный подбородок, чисто выбритый, но с уже проступающей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, немного не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

Каменев читал отчет о действиях Военно-революционного комитета: отмена смертной казни в армии, восстановление свободы агитации, освобождение солдат и офицеров, арестованных за политические преступления, приказы об аресте Керенского и о конфискации запасов продовольствия на частных складах... Бурные аплодисменты.

Снова представитель Бунда. Непримиримая позиция большевиков губит революцию, поэтому делегаты Бунда вынуждены отказаться от дальнейшего участия в съезде.

Выкрики с мест: «Мы думали, что вы ушли еще прошлой ночью. Сколько раз вы будете уходить?»

Затем представитель меньшевиков-интернационалистов. Крики: «Как! Вы еще здесь?» Оратор разъясняет, что со съезда ушла только часть меньшевиков-интернационалистов, а часть осталась на съезде.

«Мы считаем передачу власти Советам опасной и, быть может, даже гибельной для революции... (Шум.) Но мы считаем своим долгом оставаться на съезде и голосовать против этой передачи».

Выступили и другие ораторы, по-видимому получившие слово без предварительной записи. Делегат от донецких углекопов призывал съезд принять меры против Каледина, который мог отрезать столицу от угля и хлеба. Несколько солдат, только что прибывших с фронта, передали собранию восторженное приветствие от своих полков.

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за край трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»

Ленин говорил, широко открывая рот и словно улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания.

«Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире.

Справедливым, или демократическим, миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию,— все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,— не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

«Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним *народам* воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим...»

«Революция 24—25 октября,— закончил он,— открывает собою эру социалистической революции... Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение...»

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

Было внесено и открытым голосованием немедленно принято предложение предоставить слово только представителям фракций и ограничить время ораторов пятнадцатью минутами.

Первым выступил Карелин от имени левых эсеров: «Наша фракция не имела возможности предложить поправки к тексту обращения, поэтому оно исходит от одних большевиков. Но мы все-таки будем голосовать за него, потому что вполне сочувствуем его общему направлению...»

От социал-демократов интернационалистов говорил Кмаров, длинный, узкоплечий и близорукий человек, которому суждено было стяжать не вполне лестную известность шута оппозиции. Только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, заявил он, может обладать достаточным авторитетом, чтобы решаться на столь важное выступление. Если такая социалистическая коалиция образуется, то наша фракция поддержит всю программу, если же нет, то она поддержит ее только частично. Что до обращения, то интернационалисты всецело присоединяются к его основным пунктам...

После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, Польской и Латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию... Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», другой — о «новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью...». Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: «Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом говорите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть значит принять...»

Ленин сейчас же вскочил с места: «Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом... Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция...

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну... Но главное — мы хотим покончить с войной...»

Было ровно 10 часов 35 минут, когда Каменев предложил всем, кто голосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

Ленин оглашал декрет о земле:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ[3], составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются».

«Это,— добавил Ленин,— не проект бывшего министра Чернова, который говорил, что надо «строить леса», и пытался провести реформу сверху. Вопрос о переделе земли будет разрешен снизу, на местах. Крестьянский надел будет варьироваться в зависимости от местности...

При Временном Правительстве помещики наотрез отказывались слушаться приказаний земельных комитетов,— тех самых земельных комитетов, которые были задуманы Львовым, проведены в жизнь Шингаревым и управлялись Керенским!»

Дебаты еще не начались, когда какой-то человек силой проложил себе путь, расталкивая толпу, забивавшую проход, и взобрался на трибуну. То был Пьяных, член исполнительного комитета крестьянских Советов. Он был вне себя от ярости.

«Исполнительный комитет Всероссийских Советов крестьянских депутатов протестует против ареста наших товарищей, министров Салазкина и Маслова! — резко бросил он в лицо делегатам.— Мы требуем их немедленного освобождения! Они сидят в Петропавловской крепости. Нужно действовать немедленно. Нельзя терять ни минуты!»

За ним последовал солдат с растрепанной бородой и горящими глазами. «Вы сидите здесь и разговариваете о передаче земли крестьянам, а сами в это время расправляетесь с выборными представителями этих крестьян, как тираны и узурпаторы! Говорю вам,— он поднял кулак,— говорю вам, что, если хоть волос упадет с их головы, вы будете иметь дело с восстанием!» Толпа смущенно загудела.

На трибуну поднялся спокойный и ядовитый, уверенный в своей силе Троцкий. Собрание встретило его приветственным гулом. «Вчера Военно-революционный комитет принял принципиальное решение освободить эсеровских и меньшевистских министров: Маслова, Салазкина, Гвоздева и Малянтовича. Если они все еще сидят в Петропавловской крепости, то это только потому, что мы слишком заняты... Разумеется, они останутся под домашним арестом, пока не будет окончательно выяснено их участие в предательских действиях Керенского во время корниловщины».

«Никогда,— кричал Пьяных,— никогда ни в одной революции не было того, что мы видим сейчас!»

«Ошибаетесь,— отвечал Троцкий.— Подобные вещи видела даже наша революция. В июльские дни были арестованы сотни наших товарищей... Когда товарищ Коллонтай по требованию врача была освобождена из тюрьмы, то Авксентьев приставил к ее дверям двух агентов бывшей царской охранки!» Крестьянские представители ушли, ругаясь. Собрание проводило их насмешками.

Представитель левых эсеров высказался о земельном декрете. Вполне соглашаясь с декретом принципиально, левые эсеры, однако, смогут голосовать за него только после обсуждения. Необходимо узнать мнение крестьянских Советов.

Меньшевики-интернационалисты тоже настаивали на обсуждении вопроса внутри своей партии.

Затем выступил вождь максималистов, то есть анархистского крыла крестьянства: «Мы не можем не отдать должное той политической партии, которая в первый же день без всякой болтовни проводит в жизнь такое дело!..»

На трибуне появился типичный крестьянин — длинноволосый, в высоких сапогах и овчинном тулупе. Он кланялся на все стороны. «Здравствуйте, товарищи и граждане,— говорил он.— Тут все бродят кругом кадеты. Вот вы арестуете наших крестьян-социалистов, а что же вы кадетов этих не арестуете?»

Это был сигнал к возбужденным крестьянским спорам. Точно так же спорили солдаты прошлой ночью. Здесь были истинные пролетарии земли...

«Члены нашего исполнительного комитета Авксентьев и другие, которых мы считали защитниками крестьянства,— это те же кадеты! Арестовать их! Арестовать их!»

Чей-то другой голос: «Кто они, все эти Авксентьевы и Пьяных? Они вовсе не крестьяне! Они только языком болтают!»

Как потянулась к этим ораторам толпа делегатов, чувствуя в них своих братьев!

Левые эсеры предложили получасовой перерыв. Когда делегаты стали выходить из зала, Ленин поднялся со своего места:

«Нам нельзя терять времени, товарищи! Завтра утром вся Россия должна узнать новости колоссального значения! Никаких задержек!»

Среди оживленных споров, разговоров и топота сотен ног слышен был голос представителя Военно-революционного комитета, кричавший:

«В семнадцатую комнату нужно пятнадцать агитаторов! Для отправки на фронт!..»

Два с половиной часа спустя делегаты отдельными группами вернулись в зал, президиум занял свое место, и заседание возобновилось. Началось чтение телеграмм от различных полков, обещавших Военно-революционному комитету свою поддержку.

Собрание постепенно раскачивалось. Делегат от русских войск на Македонском фронте с горечью рассказывал об их положении. «Нам больше приходится терпеть от дружбы наших «союзников», чем от неприятеля»,— говорил он. Представители X и XII армий, только что спешно прибывшие с фронта, заявили: «Мы обещаем вам всемерную поддержку!» Какой-то солдат из крестьян протестовал против освобождения «социал-предателей Маслова и Салазкина». Что до исполнительного комитета крестьянских Советов, то его надо поголовно арестовать! Да, это были истинно революционные слова... Делегат от русских войск в Персии заявил, что ему поручено требовать пере-

дачи всей власти Советам... Офицер-украинец кричал на своем родном языке: «В момент такого кризиса не может быть никакого разделения по национальностям... Да здравствует диктатура пролетариата во всех странах!» Так бурлил этот поток возвышенных и горячих мыслей, и было ясно, что Россия уже никогда не сможет снова онеметь.

Каменев заявил, что антибольшевистские силы повсюду стремятся создавать беспорядки, и огласил воззвание съезда ко всем Советам на местах:

«Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и каких бы то ни было *погромов*. Честь рабочей, крестьянской и солдатской революции требует, чтобы никакие *погромы* не были допущены.

Красная гвардия в Петрограде, революционный петроградский гарнизон и матросы обеспечили в столице полный порядок.

Рабочие, солдаты и крестьяне всюду на местах должны поступить по примеру петроградских рабочих и солдат.

Товарищи солдаты и казаки, на вас в первую очередь ложится обязанность обеспечить подлинно революционный порядок. На вас смотрят вся революционная Россия и весь мир!»

В два часа ночи декрет о земле был поставлен на голосование и принят всеми голосами против одного. Крестьянские делегаты были в неистовом восторге...

Так большевики неудержимо неслись вперед, отбрасывая все сомнения и сметая со своего пути всех сопротивляющихся. Они были единственными людьми в России, обладавшими определенной программой действий, в то время как все прочие целых восемь месяцев занимались одной болтовней.

На трибуну поднялся изможденный, оборванный, но красноречивый солдат. Он протестовал против той статьи наказа, в которой говорится, что дезертиры лишаются земельного надела. Сначала его встретили шиканьем и свистом, но под конец его простые и трогательные слова заставили всех замолчать: «Несчастный солдат, насильно загнанный в окопную мясорубку, весь бессмысленный ужас которой вы сами признаете в декрете о мире,— кричал он,— встретил революцию как весть о мире и свободе. Мир? Правительство Керенского заставило его снова наступать, идти в Галицию, убивать и погибать. Он умолял о мире, а Терещенко только смеялся... Свобода? При Керенском он увидел, что его комитеты разгоняются, его газеты закрываются, ораторов его партии сажают в тюрьму... А дома,

в родной деревне, помещики борются с земельными комитетами и сажают за решетку его товарищей... В Петрограде буржуазия в союзе с немцами саботировала снабжение армии продовольствием, одеждой и боеприпасами... Солдат сидел в окопах голый и босый. Кто заставил его дезертировать? Правительство Керенского, которое вы свергли!» Под конец ему даже аплодировали.

Но тут выступил с горячей речью другой солдат: «Правительство Керенского — не ширма, за которой может укрываться такое грязное дело, как дезертирство! Дезертир — это негодяй, который бежит домой и покидает товарищей, умирающих в окопах! Каждый дезертир — предатель и должен быть наказан...» Шум, крики: «Довольно! Тише!» Каменев поспешно предлагает передать вопрос на рассмотрение правительства [4].

В 2 часа 30 минут ночи наступило напряженное молчание. Каменев читает декрет об образовании правительства:

«Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров [5].

Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету...»

В зале тишина; затем, при чтении списка народных комиссаров, взрывы аплодисментов после каждого имени, особенно Ленина и Троцкого.

«Председатель Совета — *Владимир Ульянов (Ленин);*
Народный комиссар по внутренним делам — *А. И Рыков;*
Земледелия — *В. П. Милютин;*
Труда — *А. Г. Шляпников;*
По делам военным и морским — комитет в составе: *В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко* и *П. Е. Дыбенко;*
По делам торговли и промышленности — *В. П. Ногин;*
Народного просвещения — *А. В. Луначарский;*

Финансов — *И. И. Скворцов (Степанов);*
По делам иностранным — *Л. Д. Бронштейн (Троцкий);*
Юстиции — *Г. И. Оппоков (Ломов);*
По делам продовольствия — *И. А. Теодорович;*
Почт и телеграфа — *Н. П. Авилов (Глебов);*
Председатель по делам национальностей — *И. В. Джугашвили (Сталин).*

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным».

Вдоль стен зала тянулась линия штыков; штыки торчали и над стульями делегатов. Военно-революционный комитет вооружил всех. Большевизм вооружался для решительного боя с Керенским, звуки труб которого уже доносились с юго-востока... Никто не хотел уходить домой. Наоборот, в зал пробирались все новые и новые сотни людей. Огромное помещение было битком набито солдатами с суровыми лицами и рабочими. Долгими часами стояли они здесь, неутомимо внимая ораторам. Тяжелый, спертый воздух был полон табачного дыма; пахло пóтом, человеческим дыханием и грязной одеждой.

Авилов из редакции «Новой жизни» говорил от имени социал-демократов интернационалистов и оставшихся меньшевиков-интернационалистов. У него было молодое тонкое лицо; его изящный сюртук резко дисгармонировал с окружающей обстановкой.

«Мы должны отдать себе ясный отчет в том, что происходит и куда мы идем... Та легкость, с которой удалось свалить коалиционное правительство, объясняется не тем, что левая демократия очень сильна, а исключительно тем, что это правительство не могло дать народу ни хлеба, ни мира. И левая часть демократии сможет удержаться только в том случае, если она сможет разрешить обе эти задачи.

Может ли она дать народу хлеб? Хлеба в стране очень мало. Большинство крестьянской массы не пойдет за вами, потому что вы не можете дать крестьянам машины, в которых крестьяне так нуждаются. Топлива и других предметов первой необходимости почти невозможно достать...

Так же трудно, и даже еще труднее, добиться мира. Правительства союзных держав отказались говорить даже со Скобелевым, а предложения мирной конференции, исходящего от вас, они не примут ни в коем случае. Вас не признает ни Лондон, ни Париж, ни Берлин.

Пока нельзя рассчитывать на активную поддержку пролетариата союзных стран, ибо он в своем большинстве пока очень далек от революционной борьбы. Вспомните, что союзной демократии не удалось даже созвать Стокгольмскую конференцию. Что же до германской социал-демократии, то я только что говорил с нашим стокгольмским делегатом товарищем Гольденбергом. Представители крайней левой заявляют ему, что во время войны революция в Германии невозможна...» Выкрики с мест становились все более частыми и озлобленными, но Авилов продолжал:

«Будет ли русская армия разбита немцами, так что австро-германская и англо-французская коалиция помирятся за наш счет, заключим ли мы сепаратный мир с Германией, в результате все равно получится полная изоляция России.

Я только что узнал, что союзные послы собираются уезжать и что по всем городам России организованы комитеты спасения родины и революции...

Ни одна партия не может в одиночку справиться с такими невероятными трудностями. Только настоящее большинство народа, поддерживающее правительство социалистической коалиции, может завершить дело революции...»

Затем он огласил резолюцию обеих фракций:

«Признавая, что для спасения завоеваний революции необходимо немедленное образование правительства, опирающегося на революционную демократию, организованную в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, признавая, далее, что задачей этого правительства является: скорейшее достижение демократического мира, передача земли в распоряжение земельных комитетов, организация контроля над производством и созыв в назначенный срок Учред. собрания, съезд постановляет: выбрать временный исполнит. комитет для создания правительства по соглашению с теми группами революционной демократии, которые действуют на съезде».

Спокойные и холодные рассуждения Авилова привели делегатов в некоторое смущение, несмотря на весь их революционный энтузиазм. К концу речи крики и свист смолкли, а когда Авилов кончил говорить, кое-где даже раздались аплодисменты.

За Авиловым последовал Карелин, тоже молодой и бесстрашный, в искренности которого никто не сомневался, и притом представитель партии левых эсеров, то есть партии Марии Спиридоновой, единственной партии, последовавшей за большевиками, той партии, которая вела за собой революционное крестьянство.

«Наша партия отказалась войти в Совет Народных Комиссаров, потому что мы не хотим навсегда порвать с той частью революционной армии, которая ушла со съезда. Такой разрыв лишил бы нас возможности быть посредниками между большевиками и другими демократическими группами. А именно такое посредничество и является в настоящий момент нашей основной обязанностью. Мы не можем поддерживать никакого правительства, кроме правительства социалистической коалиции...

Кроме того, мы протестуем против деспотического поведения большевиков. Наши комиссары прогнаны со своих постов. Вчера запрещен наш единственный печатный орган «Знамя труда».

Городская дума создает для борьбы с вами могущественный Комитет спасения родины и революции. Вы уже изолированы. Ни одна демократическая группа не поддерживает вашего правительства...»

На трибуну поднялся уверенный и владеющий собой Троцкий. На его губах блуждала саркастическая улыбка, почти насмешка. Он говорил звенящим голосом, и огромная толпа подалась вперед, прислушиваясь к его словам.

«Все эти соображения об опасности изоляции нашей партии не новы. Накануне восстания нам тоже пророчили неминуемый провал. Против нас были решительно все; Военно-революционному комитету оказала поддержку только фракция левых эсеров. Но каким же образом нам все-таки удалось почти без кровопролития сбросить Временное правительство?.. Этот факт является самым ярким доказательством того, что мы не были изолированы. В действительности изолированным оказалось Временное правительство; были изолированы демократические партии, идущие против нас, они и сейчас изолированы и навсегда порвали с пролетариатом!

Нам говорят о необходимости коалиции. Возможна только одна коалиция — коалиция с рабочими, солдатами и беднейшим крестьянством. И честь осуществления этой коалиции принадлежит нашей партии... Какую коалицию имеет в виду Авилов? Коалицию с теми, кто поддерживал правительство измены народу? Коалиция не всегда увеличивает силы. Например, могли бы мы организовать восстание, если бы в наших рядах находились Дан и Авксентьев?» Взрывы смеха.

«Авксентьев давал мало хлеба. Но разве коалиция с оборонцами даст больше? Когда надо выбирать между крестьянами и Авксентьевым, который арестовывал земельные комитеты, мы

выбираем крестьян! Наша революция останется классической в истории...

Нас обвиняют в отказе от соглашения с другими демократическими партиями. Но мы ли виновны в этом? Или, быть может, виновно, как думает Карелин, «недоразумение»? Нет, товарищи. Когда в самом разгаре революции партия, еще окутанная пороховым дымом, приходит и говорит: «Вот власть, берите ее!» — а те, кому эта власть предлагается, переходят в стан врагов, то это не недоразумение... Это объявление беспощадной войны! И объявили эту войну не мы...

Авилов грозит, что если мы останемся «изолированными», то наши усилия добиться мира останутся безуспешными. Повторяю, я не вижу, каким образом коалиция со Скобелевым или даже с Терещенко может помочь нам добиться мира. Авилов пытается запугать нас опасностью мира за счет России. На это я отвечаю, что если Европа и впредь будет возглавляться империалистической буржуазией, то революционная Россия все равно неизбежно погибнет...

Одно из двух: либо русская революция вызовет революционное движение в Европе, либо европейские державы задушат русскую революцию!»

Делегаты бурно аплодировали, они горели дерзанием, чувствуя себя борцами за все человечество. И с этих пор во всех действиях восставших масс появилась и осталась навсегда какая-то осознанная и твердая решимость.

Но и другая сторона уже начинала борьбу. Каменев дал слово представителю союза железнодорожников. То был коренастый человек с жестким лицом, не скрывавший своей непримиримой враждебности. Его речь подействовала на собрание, как разорвавшаяся бомба:

«Я прошу слова от имени сильнейшей организации в России и заявляю вам: Викжель поручил мне довести до вашего сведения решение нашего союза по вопросу об организации власти. Центральный комитет безусловно отказывается поддерживать большевиков, если они и впредь останутся во вражде со всей русской демократией». В зале поднимается страшный шум.

«В тысяча девятьсот пятом году и в корниловские дни железнодорожные рабочие показали себя лучшими защитниками революции. Но вы не пригласили нас на свой съезд». Крики: «Вас не пригласил старый ЦИК!» Оратор не слушает и продолжает: «Мы не признаем этого съезда законным: после ухода меньшевиков и эсеров здесь не осталось необходимого

кворума... Наш союз поддерживает старый ЦИК и заявляет, что съезд не имеет права избрания нового ЦИК...

Власть должна быть социалистической и революционной властью, ответственной перед авторитетными органами всей революционной демократии. Впредь до создания такой власти союз железнодорожников, отказываясь перевозить контрреволюционные отряды, направляемые в Петроград, в то же время воспрещает своим членам исполнять какие бы то ни было приказания, не утвержденные Викжелем. Викжель берет в свои руки все управление российскими железными дорогами».

Конец этой речи почти потонул в яростной буре общего негодования. Но все-таки это был тяжелый удар. Чтобы убедиться в этом, достаточно было поглядеть на озабоченные лица членов президиума. Каменев кратко ответил, что никаких сомнений в правомочности съезда не может быть, так как, несмотря на уход меньшевиков и эсеров, на съезде осталось даже больше членов, чем требует кворум, установленный старым ЦИК...

Затем подавляющим большинством голосов был избран Совет Народных Комиссаров.

Избрание нового ЦИК, нового парламента Российской республики, заняло не больше четверти часа. Троцкий огласил результаты: сто членов, из них семьдесят большевиков... Что до крестьян и ушедших со съезда партий, то для них оставлены свободные места. «Мы с радостью примем в правительство все партии и группы, которые примут нашу программу»,— так заключил Троцкий свое сообщение.

Тотчас же после этого II Всероссийский съезд Советов был закрыт, чтобы его делегаты могли поскорее разъехаться по всем уголкам России и рассказать о происшедших великих событиях...

Было почти семь часов утра, когда мы разбудили спящих кондукторов и вагоновожатых в стоящих перед Смольным трамваях. Эти трамваи были присланы союзом трамвайных рабочих для доставки делегатов по домам. Атмосфера в переполненных вагонах, мне показалось, была уже не такой радостной и беззаботной, как в прошлую ночь. У многих был встревоженный вид. Может быть, в душе они говорили: «Ну вот мы и стали хозяевами... Как-то нам удастся провести свою волю?..»

Около нашего дома мы были задержаны и тщательно обысканы патрулем вооруженных обывателей. Думская прокламация делала свое дело...

Хозяйка услыхала нас и выбежала навстречу в розовом шелковом капоте.

«Домовый комитет снова требует, чтобы вы дежурили наравне с прочими мужчинами!»

«А для чего нужны эти дежурства?»

«Надо же защищать женщин и детей».

«От кого?»

«От разбойников и громил».

«А если придет комиссар от Военно-революционного комитета и будет искать оружие?»

«Да, они все себя так называют... Да и потом не все ли это равно?»

Я официально заявил, что консул воспретил всем американским гражданам иметь при себе оружие в тех районах, где проживает русская интеллигенция...

ГЛАВА VI

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ

Пятница, 9 ноября (27 октября)...

«Новочеркасск. 8 ноября (26 октября).

Ввиду выступления большевиков с попытками низвержения Временного Правительства и захвата власти в Петрограде и в других местах Войсковое Правительство, считая такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному Правительству. Ввиду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщения с центральной государственной властью Войсковое Правительство временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и порядка в России, с 25 сего октября приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области.

Председатель Войскового Правительства
Войсковой атаман *Каледин*».

Приказ министра-председателя Керенского, подписанный в Гатчине:

«Объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства и Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.

Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумию и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах.

Министр-председатель Временного Правительства
и Верховный Главнокомандующий *А. Керенский*».

Телеграмма Керенского командующему Северным фронтом:

«Город Гатчина взят войсками, верными правительству, и занят без кровопролития.

Роты кронштадтцев, семеновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам Правительства.

Предписываю всем назначенным в путь эшелонам быстро продвигаться вперед.

От военно-революционного комитета войска получили приказание отступить...»

Гатчина, находящаяся километрах в тридцати к юго-западу от Петрограда, была захвачена ночью. Части двух упомянутых полков (не моряков), блуждавшие по окрестностям без командиров, были действительно окружены казаками и сложили оружие. Но к правительственным войскам они не присоединились. В этот самый момент целые толпы солдат, растерянных и пристыженных, находились в Смольном и пытались объясниться. Они не знали, что казаки так близко... Они пытались войти с казаками в переговоры...

На революционном фронте явно господствовала полнейшая неразбериха. Гарнизоны маленьких городков, лежащих к югу от Петрограда, резко и безнадежно раскололись на две или, точнее, на три части: высшее командование за неимением ничего лучшего было на стороне Керенского, большинство солдат стояло за Советы, а все прочие мучились сомнениями и колебались.

Военно-революционный комитет спешно назначил командующим обороной Петрограда честолюбивого кадрового капитана Муравьева, того самого Муравьева, который летом создавал «батальоны смерти» и, говорят, однажды заявил правительству, что оно «слишком церемонится с большевиками: их надо просто стереть в порошок». Это был человек военной складки, преклонявшийся перед силой и смелостью. Возможно, что его преклонение было вполне искренним.

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

Выйдя утром на улицу, я увидел на стене по обе стороны нашего подъезда два новых приказа Военно-революционного комитета о том, что все лавки и магазины должны быть открыты, как всегда, а все пустующие помещения сданы в распоряжение комитета.

Уже тридцать шесть часов большевики были отрезаны от русской провинции и от всего внешнего мира. Железнодорожники и телеграфисты отказывались передавать их телеграммы, почтовые чиновники не принимали от них почты. Только царскосельская правительственная радиостанция каждые полчаса посылала во все концы страны бюллетени и заявления. Комиссары Военно-революционного комитета мчались в поездах по всей стране наперегонки с комиссарами городской думы. На фронт вылетели два аэроплана с агитационным материалом.

Но волна восстания неслась по России быстрей, чем все средства сообщения. Гельсингфорсский Совет вынес резолюцию о поддержке революции, в Киеве большевики захватили арсенал и телеграф, откуда их выбили делегаты казачьего съезда, заседавшего тут же в городе; в Казани Военно-революционный комитет арестовал штаб местного гарнизона и комиссара Временного правительства; из Красноярска пришла весть, что Советы захватили органы городского самоуправления; в Москве, где положение осложнялось забастовкой кожевников, с одной стороны, и угрозой общего локаута — с другой, Совет подавляющим большинством высказался за поддержку выступления петроградских большевиков... Здесь уже действовал Военно-революционный комитет.

Повсюду происходило одно и то же. Рядовые солдаты и промышленные рабочие почти поголовно поддерживали Советы; офицеры, юнкера и мелкая буржуазия, точно так же как представители буржуазии — кадеты и умеренные социалисты, стояли за Временное правительство. Во всех городах формировались и готовились к гражданской войне комитеты спасения родины и революции...

Огромная Россия распадалась. Этот процесс начался еще в 1905 году. Мартовская революция ускорила его и, породив вначале смутную надежду на новый порядок, кончила тем, что сохранила давно изжитые формы старого режима. Теперь же большевики в одну ночь разрушили все эти формы, и они исчезли, как дым. Старой России не стало. Бесформенное общество растаяло, потекло лавой в первозданный жар, и из бурного моря пламени выплыла могучая и безжалостная классовая

борьба, а вместе с ней еще хрупкие, медленно застывающие ядра новых образований.

В Петрограде шестнадцать министерств бастовали под руководством двух министерств, созданных однородным социалистическим правительством,— министерств труда и продовольствия.

В это серое, холодное утро «горсточка большевиков» была, казалось, так одинока, как только можно быть одиноким на свете. Море вражды бушевало вокруг них [1]. Прижатый к стене, Военно-революционный комитет нанес ответный удар, отчаянно защищая свою жизнь. «De l'audace, encore de l'audace, et toujours de l'audace!» В пять часов утра в типографию городского самоуправления явились красногвардейцы, конфисковали тысячи экземпляров думского воззвания-протеста и закрыли официальный орган думы «Вестник городского самоуправления». Все буржуазные газеты были сброшены с печатных машин, в том числе и газета старого ЦИК «Голос солдата», которая, однако, переменив это название на «Солдатский голос», появилась в ста тысячах экземпляров, сея вокруг себя ярость и негодование:

«Люди, нанесшие свой предательский удар ночью, люди, закрывшие газеты, недолго удержат страну во мраке. Страна узнает истину! Она оценит вас, господа большевики! Мы все увидим это!»

В первом часу дня мы шли вниз по Невскому. Перед думой вся улица была забита толпой. То там, то здесь попадался красногвардеец или матрос с винтовкой и примкнутым штыком. На каждого из них напирало не меньше сотни мужчин и женщин — конторщики, студенты, лавочники, чиновники. Все эти люди потрясали кулаками, изрыгая проклятия и угрозы. На ступеньках стояли бойскауты и офицеры и раздавали экземпляры «Солдатского голоса». Рабочий с красной повязкой на рукаве и с револьвером в руке стоял, дрожа от гнева, среди враждебной толпы и требовал, чтобы ему отдали газеты... Думается мне, история никогда не видала ничего подобного. На одной стороне — горсточка вооруженных рабочих и солдат, олицетворяющих победоносное восстание и глубоко беспомощных; на другой стороне — разъяренная толпа, состоящая из таких же людей, какие в полдень заполняют тротуары Пятой авеню, толпа, которая издевалась, проклинала и кричала: «Предатели! Провокаторы! Опричники!»

Двери охранялись студентами и офицерами. На их рукавах были белые повязки с красной надписью: «Милиция Комитета

общественной безопасности». Полдюжины бойскаутов сновало взад и вперед. Внутри здание кишело народом. По лестнице спускался капитан Гомберг. «Они хотят распустить думу! — сказал он.— Сейчас у головы сидит большевистский комиссар...» Когда мы поднялись наверх, то увидели Рязанова, быстро уходившего прочь. Он явился сюда требовать от думы признания Совета Народных Комиссаров, и городской голова ответил ему решительным отказом.

Во всех думских помещениях кричала, шумела и жестикулировала огромная толпа — чиновники, интеллигенты, журналисты, иностранные корреспонденты, французские и английские офицеры... Городской инженер торжествующе указывал на них. «Все посольства признают думу единственной правомочной властью,— заявлял он.— Что до этих большевиков, то они просто разбойники и грабители, и вообще их конец — это вопрос нескольких часов! Вся Россия — за нас...»

В Александровском зале шло многолюдное расширенное заседание Комитета спасения. Председательствовал Филипповский, а на трибуне ораторствовал все тот же Скобелев. Под шум аплодисментов он перечислял организации, вновь примкнувшие к Комитету спасения: исполком крестьянских Советов, старый ЦИК, Центральный армейский комитет, Центрофлот, меньшевистская, эсеровская и фронтовая группы съезда Советов, центральные комитеты меньшевистской, эсеровской и народно-социалистической партий, группа «Единство», крестьянский союз, кооперативы, земства, городские самоуправления, почтово-телеграфный союз, Викжель, Совет Российской республики, Союз Союзов *, Торгово-промышленный союз...

«Власть Советов,— говорил он,— это не власть демократии, а диктатура, и притом не диктатура пролетариата, а диктатура *против* пролетариата. Всякий, кто жил и живет революционным воодушевлением, должен встать теперь вместе с нами на защиту революции...

Задачей дня является не только обезвреживание безответственных демагогов, но и борьба с контрреволюцией... Если верны слухи, утверждающие, будто бы в провинции находятся генералы, которые хотят воспользоваться происходящими событиями и идти на Петроград с контрреволюционными целями, то это только лишний раз доказывает, что мы обязаны создать крепкое демократическое правительство. Иначе за беспорядками слева последуют беспорядки справа...

* См. «Вступительные замечания и пояснения».— *Дж. Рид.*

Петроградский гарнизон не может оставаться равнодушным, когда на улицах арестуют граждан, покупающих «Голос солдата», и мальчиков-газетчиков, продающих «Рабочую газету»...

Время резолюций прошло... Пусть те, кто потерял веру в революцию, отойдут в сторону... Чтобы восстановить единую демократическую власть, необходимо снова поднять престиж революции...

Поклянемся же, товарищи, что революция будет спасена, или мы погибнем вместе с ней!..»

Собрание встало и покрыло эту речь громом аплодисментов. Все глаза сверкали. В зале не было видно ни одного пролетария...

Слово взял Вайнштейн:

«Мы должны сохранять спокойствие и воздерживаться от каких-либо действий, пока общественное мнение решительно не сплотится вокруг Комитета спасения. Только тогда мы сможем перейти от обороны к нападению...»

Представитель Викжеля заявил, что пославшая его организация берет на себя инициативу создания нового правительства. Ее делегаты уже отправились в Смольный для соответствующих переговоров... Начался горячий спор: допускать ли большевиков в новое правительство? Мартов считал, что их надо допустить; в конце концов, доказывал он, большевики представляют очень важную политическую партию. Мнения разделились: правое крыло меньшевиков и эсеров, а также народные социалисты, кооператоры и представители буржуазии решительно возражали...

«Они предали Россию! — говорил один из ораторов.— Они начали гражданскую войну и открыли фронт перед немцами! Большевики должны быть беспощадно раздавлены...»

Скобелев высказался за исключение как большевиков, так и кадетов.

Мы разговорились с одним молодым эсером, который в свое время вместе с большевиками ушел с Демократического совещания. Это было в ту ночь, когда Церетели и другие соглашатели навязали русской демократии коалиционную политику.

«Вы здесь?» — спросил я его.

В его глазах вспыхнул огонь. «Да! — воскликнул он.— В среду ночью я вместе со своими партийными товарищами ушел со съезда. Не для того я двадцать лет рисковал жизнью, чтобы теперь подчиниться тирании темных людей. Их методы

нетерпимы. Но они не подумали о крестьянах... Когда поднимется крестьянство, их конец станет вопросом минуты!»

«Но крестьяне — выступят ли они? Разве декрет о земле не удовлетворил крестьян? Чего же им еще желать?»

«Ах, этот декрет о земле! — в бешенстве закричал он.— А знаете вы, что такое этот декрет о земле? Это *наш* декрет, целиком эсеровская программа! Моя партия выработала основы этой политики после самого тщательного исследования крестьянских требований! Это неслыханно...»

«Но если это ваша собственная политика, то против чего же вы возражаете? Если таковы желания крестьянства, то с какой же стати оно будет выступать против?»

«Как же вы не понимаете! Разве вам не ясно, что крестьяне немедленно поймут, что это просто обман, что эти узурпаторы обокрали нашу эсеровскую программу?»

Я спросил его: «Верно ли, что Каледин двигается к северу?»

Он кивнул головой и стал потирать руки с каким-то ожесточенным удовлетворением. «Совершенно верно!.. Теперь вы видите, что натворили эти большевики. Они подняли против нас контрреволюцию. Революция погибла. Погибла революция».

«Но ведь вы будете защищать революцию?»

«Конечно, мы будем защищать ее до последней капли крови! Но сотрудничать с большевиками мы ни в коем случае не станем...»

«Ну а если Каледин подступит к Петрограду, а большевики встанут на защиту города. Разве вы не присоединитесь к ним?»

«Разумеется, нет! Мы тоже будем защищать город, но только не вместе с большевиками! Каледин — враг революции, но и большевики — такие же ее враги».

«Кого же вы предпочитаете — Каледина или большевиков?» — «Да не в этом дело! — нетерпеливо крикнул он.— Я говорю вам, революция погибла. И виноваты в этом большевики. Но послушайте, зачем нам толковать об этом? Керенский идет... Послезавтра мы перейдем в наступление... Смольный уже послал к нам делегатов с предложением сформировать новое правительство. Но теперь они в наших руках: они абсолютно бессильны... Мы не будем сотрудничать...»

На улице раздался выстрел. Мы побежали к окнам. Красногвардеец, окончательно выведенный из себя нападками толпы, выстрелил и ранил в руку какую-то девушку. Мы видели, как ее посадили на извозчика, окруженного взволнованной толпой; до нас доносились ее крики. Вдруг из-за угла Михай-

ловского проспекта появился броневик. Его пулеметы поворачивались из стороны в сторону. Толпа немедленно обратилась в бегство. Как обычно бывает в этих случаях в Петрограде, люди ложились на землю, прятались в канавах и за телефонными столбами. Броневик подъехал к дверям думы. Из его башенки высунулся человек и потребовал, чтобы ему отдали «Солдатский голос». Бойскауты засмеялись ему в лицо и юркнули в подъезд. Автомобиль нерешительно покружился около дома и двинулся вверх по Невскому. Люди, лежавшие на мостовой, встали и начали отряхиваться...

Внутри здания поднялась невероятная беготня. Люди с пачками «Солдатского голоса» шныряли во все стороны, выискивая, где бы припрятать газету.

В комнату вбежал журналист, размахивая в воздухе какой-то бумагой.

«Прокламация Краснова!» — кричал он. Все бросились к нему: «Сдайте в печать, скорей в печать и немедленно в казармы!»

«Волею верховного главнокомандующего я назначен командующим войсками, сосредоточенными под Петроградом.

Граждане, солдаты, доблестные казаки — Донцы, Кубанцы, Забайкальцы, Уссурийцы, Амурцы, Енисейцы, вы, все оставшиеся верными своей солдатской присяге, вы, поклявшиеся крепко и нерушимо держать клятву казачью, к вам обращаюсь я с призывом идти и спасти Петроград от анархии, насилий и голода, а Россию — от несмываемого пятна позора, наброшенного темною кучкой невежественных людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма. Временное правительство, которому вы присягали в великие мартовские дни, не свергнуто, но насильственным путем удалено из своего помещения и собирается при великой армии с фронта, верной своему долгу.

Совет союза казачьих войск объединил все казачество, и оно, бодрое казачьим духом, опирается на волю всего русского народа, поклялось послужить родине так, как служили наши деды в страшное смутное время 1612 г., когда донцы спасли Москву, угрожаемую со стороны шведов, поляков, Литвы и раздираемую внутренней смутой. [Ваше правительство еще существует...]

Боевой фронт с невыразимым ужасом и презрением смотрит на врагов и изменников. Их грабежи, убийства и насилия, их чисто немецкие выходки над побежденными, но несдавшимися отшатнули от них всю Россию.

Граждане, солдаты и доблестные казаки петроградского гарнизона, немедленно присылайте своих делегатов ко мне, чтобы я мог знать, кто изменник свободе и родине и кто — нет, и чтобы не пролить случайно невинной крови...»

Почти в тот же момент разнесся слух, что здание окружено красногвардейцами. Вошел офицер с красной повязкой на рукаве и спросил городского голову. Через несколько минут он прошел обратно, а за ним быстро вышел из своего кабинета старик Шрейдер.

«Экстренное заседание думы! — кричал он, то краснея, то бледнея.— Немедленно!»

Заседание, шедшее в большом зале, было прервано: «Всех членов думы на экстренное заседание!»

«В чем дело?»

«Не знаю... Нас хотят арестовать!.. Хотят распустить думу... Всех членов думы арестовывают у дверей...» — таковы были взволнованные комментарии.

В Николаевском зале негде было даже стоять. Городской голова заявил, что у всех дверей размещены войска, которые никого не пропускают ни в здание, ни из здания, и что комиссар угрожает арестовать и разогнать городскую думу. Посыпались страстные речи не только с трибуны, но и из публики. Свободно избранное городское самоуправление не может быть распущенно *никакой* властью; личность городского головы и всех членов думы неприкосновенна; никогда не будут признаны насильники, провокаторы и германские агенты; они грозят разогнать нас, пусть попробуют; только переступив через наши трупы, войдут они в этот зал, где с достоинством древнеримских сенаторов ждем мы прихода вандалов...

Резолюция: немедленно по телеграфу информировать о происходящем городские думы и земства всей России... Резолюция: ни городской голова, ни председатель думы не могут входить в какие бы то ни было сношения с представителями Военно-революционного комитета или так называемого Совета Народных Комиссаров. Резолюция: немедленно обратиться к населению Петрограда с новым призывом встать на защиту избранного им самоуправления. Резолюция: заседание думы объявляется непрерывным...

Тут в зал вошел один из членов думы и сообщил собранию: он телефонировал в Смольный, и Военно-революционный комитет заявил, что не отдавал приказов об окружении думы и что войска будут убраны...

Когда мы спускались вниз по лестнице, в подъезд влетел крайне взволнованный Рязанов.

«Вы намерены распустить думу?» — спросил я.

«Да нет же, боже мой! — ответил он. — Тут какое-то недоразумение... Я еще утром заявил городскому голове, что думу никто не трогает...»

По Невскому в надвигающихся сумерках мчалась двойная цепь самокатчиков с винтовками за плечами. Они остановились. Толпа окружила их и закидала вопросами:

«Кто вы такие? Откуда?» — спрашивал какой-то полный старик с сигарой в зубах.

«Из Двенадцатой армии, с фронта. Мы приехали поддерживать Советы против проклятой буржуазии».

Раздались злобные крики:

«А-а! Большевистские жандармы! Большевистские казаки!»

По ступенькам сбегал маленький офицер в кожаной тужурке.

«Гарнизон колеблется! — зашептал он мне на ухо. — Для большевиков это начало конца. Хотите посмотреть, как меняется настроение? Пошли!» Он почти бегом двинулся по Михайловскому, мы — за ним.

«А какой это полк?»

«Броневики». Это было действительно серьезное осложнение. Броневики держали в руках ключ к положению: за кого были броневики, тот мог распоряжаться всем городом. «К ним отправились для переговоров комиссары от Комитета спасения и от думы. У них идет митинг, который должен решить...»

«Что решить? На какой стороне драться?»

«О нет! Так дела не делаются. Драться против большевиков они не станут никогда. Они просто решат оставаться нейтральными, а тогда юнкера и казаки...»

Дверь огромного Михайловского манежа зияла черной пастью. Двое часовых попытались остановить нас, но мы быстро прошли мимо, не обращая внимания на их негодующие крики. Манеж был тускло освещен единственным фонарем, висевшим под самым потолком огромного помещения. В темноте смутно маячили высокие пилястры и окна. Кругом были видны неясные чудовищные очертания броневых машин. Одна из них стояла в самом центре помещения под фонарем. Вокруг нее столпилось до двух тысяч одетых в серовато-коричневую форму солдат, почти терявшихся в огромном пространстве величественного здания. На броневике стояло человек десять:

офицеры, председатель солдатского комитета, ораторы. Какой-то военный, взобравшись на центральную башню броневика, говорил речь. То был Ханжонов, председатель Всероссийского съезда броневых частей, состоявшегося летом. Гибкая, изящная фигура в кожаной тужурке с погонами поручика. Он красноречиво и убедительно выступал за нейтралитет.

«Страшно русскому,— говорил он,— убивать своих же братьев, русских. Между солдатами, которые плечом к плечу выступали против царя, плечом к плечу били внешнего врага в боях, которые войдут в историю, не должно быть гражданской войны! Что нам, солдатам, до всей этой свалки политических партий? Не стану говорить вам, что Временное правительство было правительством демократическим; мы не хотим коалиции с буржуазией, нет, не хотим. Но нам необходимо правительство объединенной демократии, в противном случае Россия погибла! При таком правительстве не понадобится гражданской войны и братоубийства».

Это звучало очень убедительно. Огромный зал огласился аплодисментами и одобрительными возгласами.

На башенку взобрался бледный и взволнованный солдат. «Товарищи! — закричал он.— Я приехал с Румынского фронта, чтобы настойчиво сказать всем вам: необходимо заключить мир! Немедленный мир! Кто даст нам мир, за тем мы и пойдем, будут ли то большевики или новое правительство. Дайте нам мир! Мы на фронте больше не можем воевать, мы не можем воевать ни с немцами, ни с русскими...» С этими словами он спустился вниз. Огромная масса слушателей смутно загудела. Гул этот перешел во что-то напоминавшее гнев, когда следующий оратор, меньшевик-оборонец, попытался сказать, что война должна продолжаться до победы союзников.

«Вы говорите, как Керенский!» — крикнул чей-то резкий голос.

Затем выступил делегат думы. Он советовал солдатам оставаться нейтральными. Его слушали, как-то неуверенно перешептываясь, не чувствуя в нем своего. Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмуря брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов...

Теперь заговорил большевик, один из солдат этой части. Речь его была яростна и полна ненависти. Собрание слушало

его не более сочувственно, чем других. Его слова не соответствовали настроению этих людей. В этот момент все они были выбиты из повседневной колеи своих обычных дум. Им приходилось теперь думать о России, социализме, о всем мире, как будто бы от их броневиков зависела жизнь и смерть революции.

В напряженной тишине выступал оратор за оратором. Крики одобрения сменялись криками негодования. Выступать или нет? Снова говорил убедительный и симпатичный Ханжонов. Но ведь сколько бы он ни говорил о мире, разве он не офицер и не оборонец? Выступил василеостровский рабочий. Его встретили выкриком: «Что же *вы*, рабочие, дадите нам мир»? Поблизости от нас собралось несколько человек, главным образом офицеров. Они шумно приветствовали всех сторонников нейтралитета. «Ханжонов! Ханжонов!» — кричали они и освистывали всех выступавших большевиков.

Вдруг между комитетчиками и офицерами, стоявшими на броневике, начался горячий спор. Они оживленно жестикулировали и, очевидно, никак не могли прийти к соглашению. Собравшиеся заметили этот спор. Огромная толпа загудела и заволновалась, желая узнать, в чем дело. Солдат, которого удерживал офицер, вырвался и высоко поднял руку.

«Товарищи! — закричал он.— Здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!» Раздались возгласы одобрения, аплодисменты и свистки: «Просим! Просим!» «Долой!» Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, огляделся. Приземистая фигура на коротких ногах, в военной форме, без погон и с непокрытой головой.

Офицеры, стоявшие близ меня, подняли отчаянный крик: «Ханжонов! Просим Ханжонова! Долой его! Заткнись! Долой предателя!» Вся толпа закипела и загудела, и вдруг началось какое-то движение. На нас, словно снеговая лавина, надвигалась группа дюжих чернобровых солдат. Они пробивали себе дорогу, расталкивая толпу.

«Кто здесь срывает собрание? — кричали они.— Кто здесь шумит?» Офицеры немедленно рассыпались в стороны и больше уже не собирались.

«Товарищи солдаты! — начал Крыленко хриплым от усталости голосом.— Я не могу как следует говорить, прошу извинить меня, но я не спал целых четыре ночи...

Мне незачем говорить вам, что я солдат. Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть кровожадной буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию,— что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!» Гром аплодисментов...

«Вас уговаривают оставаться нейтральными, оставаться нейтральными в тот момент, когда юнкера и ударники, *никогда* не знающие нейтралитета, стреляют в нас на улицах и ведут на Петроград Керенского или еще кого-нибудь из той же шайки. С Дона наступает Каледин. С фронта надвигается Керенский. Корнилов поднял текинцев и хочет повторить свою августовскую авантюру. Меньшевики и эсеры просят вас не допускать гражданской войны. Но что же давало им самим возможность держаться у власти, если не гражданская война, та гражданская война, которая началась еще в июле и в которой они постоянно стояли на стороне буржуазии, как стоят и теперь?

Как я могу убеждать вас, если ваше решение уже принято? Вопрос совершенно ясен. На одной стороне — Керенский, Каледин, Корнилов, меньшевики, эсеры, кадеты, городские думы, офицерство... Они говорят вам, что их цели очень хороши. На другой стороне — рабочие, солдаты, матросы, беднейшие крестьяне. Правительство в ваших руках. Вы хозяева положения. Великая Россия принадлежит вам. Отдадите ли вы ее обратно?»

Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами. Кончив свою речь, он пошатнулся и чуть не упал. Сотни рук поддержали его, и высокий, темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков.

Ханжонов попытался еще раз взять слово, но собрание ничего не хотело слушать и кричало: «Голосовать! Голосовать!» Наконец он уступил и прочел резолюцию: «Бронеотряд отзывает своих представителей из Военно-революционного комитета и объявляет себя нейтральным в разразившейся гражданской войне».

Всем, кто за эту резолюцию, предложили отойти направо, всем, кто против,— налево. Сначала был момент сомнения и как бы выжидания, но затем толпа стала все быстрее и быст-

рее перекатываться влево. Сотни дюжих солдат с топотом двигались по грязному, еле освещенному полу, натыкаясь друг на друга... Около нас осталось не больше пятидесяти человек. Они упрямо стояли за резолюцию, а когда под высокими сводами манежа загремел восторженный клич победы, они повернулись и быстро вышли из здания. Многие из них ушли и от революции...

Вообразите, что такая же борьба шла в каждой казарме по всем городам, по всем округам, по всему фронту, по всей России! Вообразите себе этих бессонных Крыленко, бодрствующих над каждым полком, торопящихся с места на место, уговаривающих, спорящих и грозящих! И затем представьте себе, что то же самое происходило в помещениях всех профессиональных союзов, на фабриках и заводах, в деревнях, на боевых кораблях далеко разбросанных русских флотов; подумайте о сотнях тысяч русских людей, пожирающих глазами ораторов по всей огромной России, о рабочих, крестьянах, солдатах, матросах, так мучительно старающихся понять и решить, так напряженно думающих и в конце концов решающих с таким беспримерным единодушием. Такова была русская революция!

А там, в Смольном, новый Совет Народных Комиссаров не дремал. Первый декрет был уже на печатных машинах и должен был в тысячах экземпляров разлететься в ту же ночь по всем улицам города и быть доставлен поездами по всей стране — на юг и на восток:

«Именем правительства республики избранный Всероссийским Съездом Рабочих и Солдатских Депутатов с участием крестьянских депутатов Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября.

2. Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное Собрание в назначенный срок.

Именем правительства Российской республики

Председатель Совета Народных комиссаров
Владимир Ульянов-Ленин».

В здании городской думы все кипело и гремело. Когда мы вошли в зал заседания, говорил один из членов Совета республики. Совет, заявлял он, считает себя не распущенным, а только временно, впредь до подыскания нового помещения, лишенным возможности продолжать свои занятия. Его комитет старейшин постановил in corpore * присоединиться к Комитету спасения... Замечу в скобках, что это — последнее в истории упоминание о Совете Российской республики.

Затем последовала обычная череда делегатов: от министерств, от Викжеля, от союза почтовых и телеграфных служащих. Все они уже в сотый раз заявляли о своей непоколебимой решимости не работать для большевистских узурпаторов. Один из юнкеров, защищавших Зимний дворец, рассказывал сильно приукрашенную легенду о героизме его самого и его товарищей, а также о бесчестном поведении красногвардейцев. Собрание, безусловно, верило каждому его слову. Кто-то прочел отчет эсеровской газеты «Народ», в котором подробно говорилось о разгроме и разграблении Зимнего дворца и о том, что причиненный ему ущерб исчисляется в 500 миллионов рублей.

Время от времени появлялись связные и приносили новости, переданные им по телефону. Большевики выпустили из тюрьмы четырех министров-социалистов. Крыленко отправился в Петропавловскую крепость и сказал адмиралу Вердеревскому, что морской министр дезертировал и что он, Крыленко, уполномочен Советом Народных Комиссаров просить его ради спасения России взять на себя управление министерством. Старый моряк согласился... Керенский наступает к северу от Гатчины, большевистские гарнизоны отступают перед ним. Смольный издал новый декрет, расширяющий полномочия городских дум в продовольственной области.

Последнее было воспринято как дерзость и вызвало необычайный взрыв негодования. Он, Ленин, узурпатор, насильник, чьи комиссары захватили городской гараж, ворвались в городские склады и вмешались в дела комитета снабжения и в распределение продовольствия, смеет устанавливать пределы полномочий свободного, независимого и автономного городского самоуправления! Один из членов думы, потрясая кулаками, внес предложение вовсе прекратить доставку в город продовольствия, если только большевики посмеют вмешиваться в дела комитетов снабжения... Другой представитель особого комитета снабжения сообщил, что продовольственное положе-

* В полном составе *(лат.)*.

ние очень тяжелое, и просил разослать комиссаров для ускорения подвоза.

Дедоненко с большим апломбом заявил, что гарнизон колеблется. Семеновский полк уже постановил подчиняться всем приказаниям партии эсеров; моряки миноносцев, стоящих на Неве, колеблются. Немедленно семь членов комитета были назначены для ведения дальнейшей пропаганды...

Тут взошел на трибуну престарелый городской голова: «Товарищи и граждане! Я только что узнал, что все заключенные в Петропавловской крепости находятся в величайшей опасности. Большевистская стража раздела донага и подвергла пыткам четырнадцать юнкеров Павловского училища. Один из них сошел с ума. Стража угрожает расправиться с министрами самосудом». Раздались крики ужаса и возмущения, которые стали еще громче, когда слово попросила невысокая коренастая женщина в сером. То была Вера Слуцкая, старая революционерка и член думы от большевиков.

«Это ложь и провокация! — сказала она своим резким металлическим голосом, не обращая внимания на поток оскорблений.— Рабоче-крестьянское правительство, отменившее смертную казнь, не может допустить подобных действий. Мы требуем немедленного расследования этого сообщения; если в нем есть хоть малейшая доля истины, правительство примет самые энергичные меры!»

Тут же была назначена особая комиссия из представителей всех партий во главе с городским головой. Она отправи-

Комиссаръ
Главнаго Управленія домовъ заключенія
«6» Ноября 1917 г.
№ 213
Петроградъ Смольный Институтъ, комн. № 56.

ПРОПУСКЪ

Представителю Американскихъ Соціалистическихъ газетъ ДЖОНУ РИДУ во всѣ мѣста заключенія гг. Петрограда и Кронштата, для общаго ознакомленія положенія заключенныхъ и широкаго общественнаго освѣдомленія въ цѣляхъ прекращенія газетной травли противъ демократіи.

Главный Комиссаръ
Секретарь

Пропуск Джона Рида во все места заключения.

лась в Петропавловскую крепость. Мы пошли вслед за комиссией, а в это время дума избирала другую комиссию — для встречи Керенского. Она должна была попытаться предотвратить кровопролитие при его вступлении в столицу...

Была уже полночь, когда мы кое-как проскочили мимо стражи, охранявшей ворота Петропавловской крепости, и пошли по огромному двору, еле освещенному редкими электрическими фонарями. Мы шли вдоль собора, где под стройным золотым шпилем и под курантами, которые все еще каждый полдень играли «Боже, царя храни», находятся могилы русских императоров... Кругом было пустынно; в большинстве окон не было света. Время от времени мы натыкались на дюжую фигуру, медленно подвигавшуюся в темноте и отвечавшую на все наши вопросы обычным: «Я не знаю».

Слева маячил низкий темный силуэт Трубецкого бастиона, той самой могилы для живых людей, в которой при царском режиме умерло или сошло с ума так много самоотверженных борцов революции. В мартовские дни Временное правительство посадило сюда царских министров. А теперь большевики посадили сюда министров Временного правительства.

Какой-то моряк с готовностью проводил нас в комендантскую, находившуюся в маленьком домике около монетного двора. В теплой и прокуренной комнате вокруг весело кипящего самовара сидело человек двенадцать красногвардейцев, матросов и солдат. Они очень сердечно встретили нас, предложили чаю. Коменданта не было. Он сопровождал комиссию думских саботажников, утверждавших, что юнкера перебиты. Казалось, это очень забавляло солдат и матросов. В углу комнаты сидел невысокий лысый человек в сюртуке и богатой шубе. Он кусал усы и поглядывал исподлобья, как загнанный зверь. Его только что арестовали. Кто-то, небрежно взглянув на него, сказал, что это какой-то министр или что-то в этом роде... Человечек, казалось, не слышал этих слов. Он был явно перепуган, хотя никто не проявлял к нему никакой враждебности.

Я подошел к нему и заговорил по-французски. «Граф Толстой,— ответил он мне, чопорно кланяясь.— Не могу понять, за что меня арестовали. Я спокойно возвращался по Троицкому мосту домой, а двое из этих... з-з... личностей задержали меня. Я был комиссаром Временного правительства при генеральном штабе, но министром ни в какой мере не был...»

«Отпусти его,— сказал один из матросов.— Что его бояться?..»

«Нет,— ответил солдат, приведший арестованного.— Надо спросить коменданта».

«Коменданта? — усмехнулся матрос.— Для чего же мы революцию делали? Уж не для того ли, чтобы снова слушаться офицеров?»

Прапорщик Павловского полка рассказал нам, как началось восстание: «В ночь на шестое ноября (двадцать четвертое октября) полк был на дежурстве в Генеральном штабе. Я был в карауле вместе с несколькими товарищами. Иван Павлович и еще один товарищ — не помню его имени — спрятались за оконными занавесями в комнате, где заседал штаб, и подслушали там очень много серьезных вещей. Например, они слышали приказ: ночью же привезти в Петроград гатчинских юнкеров, и приказ казакам к утру быть готовыми к действиям... Все главные пункты города должны были быть заняты еще до рассвета. После этого штабные собирались развести мосты. Но, когда они стали говорить, что надо окружить Смольный, тогда Иван Павлович не выдержал. В это время входило и выходило очень много народу, так что ему удалось выскользнуть из комнаты и пробраться в дежурную, а подслушивать остался другой товарищ.

Я уже подозревал, что тут что-то замышляется. К штабу все время подъезжали автомобили с офицерами, тут же были и все министры. Иван Павлович рассказал мне все, что слышал. Было половина третьего утра... С нами был секретарь полкового комитета. Мы все рассказали ему и спросили, что делать.

«Арестовывать всех входящих и выходящих»,— ответил он нам. Так мы и сделали. Через час мы уже поймали несколько офицеров и двоих министров и отправили их прямо в Смольный. Но Военно-революционный комитет еще не был готов: он не знал, что делать, и скоро оттуда пришел приказ всех отпустить и больше никого не задерживать. Мы бросились в Смольный — всю дорогу бегом. Пока мы им втолковали, что война уже началась, прошло, я думаю, не меньше часу. Мы вернулись в штаб только к пяти часам, а за это время почти все арестованные уже разошлись. Но кое-кого мы все-таки задержали, а весь гарнизон был уже на ходу...»

Красногвардеец с Васильевского острова очень подробно рассказал, как прошел великий день восстания в его районе. «У нас не было ни одного пулемета,— говорил он, улыбаясь,— и из Смольного тоже никак не могли получить. Товарищ Залкинд, член районной управы, вспомнил, что у них в управе, в зале заседаний, стоит пулемет, отобранный у немцев. Мы

с ним прихватили еще одного товарища и пошли туда. Там заседали меньшевики и эсеры. Ну ладно, открыли мы дверь и пошли прямо на них, а они сидят себе за столом — их человек двенадцать — пятнадцать, а нас трое. Увидели они нас — сразу все замолчали, только смотрят. Мы прямо прошли через комнату и разобрали пулемет. Товарищ Залкинд взвалил на плечо одну часть, а я другую, и пошли... И никто нам ни слова не сказал!»

«А знаете, как был взят Зимний дворец? — спросил какой-то матрос.— Часов в одиннадцать мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группами. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята все подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них...»

Тут вошел комендант — веселый молодой унтер-офицер с рукой на перевязи. Под глазами у него были глубокие круги от бессонницы. Он поглядел на арестованного, который сразу начал объясняться.

«Да, да,— прервал он его речь.— Вы член того комитета, который в среду отказался сдать нам штаб. Впрочем, вы нам не нужны, гражданин. Примите извинения...» Он открыл дверь и движением руки показал графу Толстому, что он свободен. Некоторые из присутствующих, особенно красногвардейцы, слабо запротестовали, а матрос торжествующе заявил: «Вот!.. А я что говорил?»

К коменданту обратились двое солдат. Они протестовали от имени крепостного гарнизона. «Заключенные,— говорили они,— получают тот же паек, что и охрана, а между тем досыта поесть никому не хватает. С какой нам стати нежничать с контрреволюционерами?»

«Товарищи, мы революционеры, а не разбойники»,— ответил им комендант. Он повернулся к нам. Мы сказали ему, что по городу ходят слухи, будто бы арестованные юнкера подвергаются пыткам, а министры находятся в смертельной опасности. Не будет ли нам разрешено навестить заключенных, чтобы потом иметь возможность заявить всему миру...

«Нет! — сердито ответил молодой солдат.— Больше я не могу беспокоить заключенных. Мне только что уже пришлось разбудить их, так они думали, что их сейчас всех перебьют... Впрочем, ведь большинство юнкеров уже выпущено, а остальные будут освобождены завтра». И он резко отвернулся.

«В таком случае нельзя ли нам поговорить с думской комиссией?»

Комендант, наливавший себе в этот момент стакан чаю, кивнул головой. «Они еще там, в зале», — сказал он небрежно.

И в самом деле, они стояли тут же, за дверями, в слабом свете керосиновой лампы и возбужденно говорили о чем-то, окружая городского голову.

«Господин городской голова,— сказал я.— Мы американские корреспонденты. Не будете ли вы любезны официально сообщить нам результаты вашего расследования?..»

Он повернул ко мне свое исполненное глубокого достоинства лицо.

«Во всех этих сообщениях нет ни малейшей доли истины,— медленно сказал он.— За исключением тех инцидентов, которые имели место во время доставки министров сюда, с ними все время обращаются как нельзя лучше. Что до юнкеров, то ни одному из них не нанесено ни малейшего вреда...»

По Невскому сквозь ночную тишину и мрак шли бесконечные и молчаливые колонны солдат, шли на бой с Керенским. По темным боковым улицам шныряли во все стороны автомобили с погашенными фонарями; на Фонтанке, 6, в штаб-квартире Совета крестьянских депутатов, в некоторых квартирах огромного дома на Невском и в Инженерном замке шла активная тайная работа. Городская дума была освещена снизу доверху...

А в Смольном институте работал Военно-революционный комитет, и искры летели от него, как от перегруженной током динамо-машины...

ГЛАВА VII

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФРОНТ

Суббота, 10 ноября (28 октября)...

«Граждане!

Военно-революционный комитет заявляет, что он не потерпит никаких нарушений революционного порядка...

Воровство, грабежи, налеты и попытки погромов будут строго караться...

Следуя примеру Парижской коммуны, комитет будет беззалостно уничтожать всех грабителей и зачинщиков беспорядков...»

В городе было спокойно: ни беспорядков, ни грабежей, ни даже пьяных драк. Ночью по молчаливым улицам ходили вооруженные патрули, а на всех перекрестках дежурили вокруг костров смеющиеся и поющие солдаты и красногвардейцы. Днем на тротуарах собирались большие толпы, прислушивавшиеся к беспрерывным и горячим спорам между студентами и солдатами, между торговцами и рабочими.

Граждане останавливали друг друга на улицах.

«Идут казаки?»

«Нет...»

«Какие новости?»

«Ничего не знаю... Где Керенский?»

«Говорят, всего в восьми верстах от Петрограда... А правда, что большевики убежали на «Аврору»?»

«Говорят...»

Все стены заклеены, но газет мало. Разоблачения, воззвания, декреты...

На огромном плакате истерический манифест исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов:

«Они (большевики) осмеливаются говорить, будто они опираются на советы крестьянских депутатов. Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов кр. депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство — Исполнительный Комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов — с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся».

От военной секции партии социалистов-революционеров:

«Безумная попытка большевиков накануне краха. Среди гарнизона раскол, подавленность. Министерства не работают. Хлеб на исходе. Все фракции, кроме кучки максималистов, покинули съезд. Партия большевиков изолирована...

Предлагаем... объединиться вокруг Комитета спасения родины и революции... и быть наготове, дабы в нужный момент по призыву Центрального Комитета оказать активное противодействие...»

Совет республики перечислял свои обиды в следующей прокламации:

«Временный Совет Российской республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами «свобода и социализм» на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в том числе и министров-социалистов. Они закрыли газеты, захватили типографии...

Такая власть должна быть признана врагом народа и революции, с ней необходимо бороться, ее необходимо свергнуть...

Временный Совет республики до возобновления своих работ призывает граждан Российской республики сплачиваться вокруг местных комитетов спасения родины и революции, организующих низложение власти большевиков и воссоздание правительства, способного довести измученную страну до Учредительного собрания».

«Дело народа» говорило:

«Революция есть восстание *всего народа...*

Кто признал «вторую революцию» гг. Ленина, Троцкого и им подобных? Обманутые ими небольшие группы рабочих, солдат и матросов и *больше никто...»*

А «Народное слово» (орган народных социалистов):

«Рабоче-крестьянское правительство? Фантазия! Этого «правительства» не признает никто ни в России, ни в союзных, ни даже во враждебных странах!..»

Буржуазная печать на время исчезла вовсе...

«Правда» поместила отчет о первом заседании нового ЦИК, парламента Российской Советской республики. Народный комиссар земледелия Милютин отметил, что крестьянский исполнительный комитет назначил на 13 декабря Всероссийский крестьянский съезд.

«Но мы не можем ждать,— говорил он.— Нам необходима поддержка крестьянства. Я предлагаю, чтобы мы собрали крестьянский съезд, и немедленно...» Левые эсеры приняли это предложение... Был спешно набросан призыв к крестьянам и избрана комиссия из пяти лиц для проведения проекта в жизнь.

Подробности нового закона о распределении земли и вопрос о рабочем контроле над производством были отложены впредь до представления отчета комиссии экспертов.

Было заслушано и принято три декрета: [1] во-первых, предложенное Лениным «Общее положение о печати», предписывающее закрытие всех газет, призывающих к сопротивлению или неповиновению новому правительству, подстрекающих к преступным деяниям или преднамеренно искажающих факты;

во-вторых, декрет об отсрочке взноса квартирной платы и, в-третьих, декрет о создании рабочей милиции. Издан ряд приказов: один из них давал городской думе право реквизиции пустых домов и помещений, другой предписывал разгружать все товарные вагоны, находящиеся в конечных пунктах железных дорог, чтобы тем самым ускорить подвоз предметов первой необходимости и освободить столь необходимый подвижной состав.

Через два часа исполнительный комитет крестьянских депутатов разослал по всей России следующую телеграмму:

«Самочинная большевистская организация, называющая себя «Организационным бюро по созыву Всероссийского крестьянского съезда», рассылает телеграммы всем крестьянским Советам о прибытии на съезд в Петроград.

Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов заявляет, что он по-прежнему считает отвлечение местных сил в данный момент вредным и опасным в связи с выборами в Учредительное собрание, в котором теперь единственное спасение крестьянства и страны. Подтверждаем созыв съезда 30 ноября».

В думе господствовало небывалое оживление. Приходили и уходили какие-то офицеры, городской голова совещался с вождями Комитета спасения. Вбежал член управы с экземпляром прокламации Керенского. Такие прокламации целыми сотнями сыпались с аэроплана, низко летавшего над Невским. Они грозили всем непокорным ужасным возмездием и приказывали солдатам сложить оружие и немедленно же собраться на Марсовом поле.

Министр-председатель, рассказали нам, уже взял Царское Село и находится всего в пяти милях от Петрограда. Он вступит в город завтра — через несколько часов. Советские войска, вошедшие в соприкосновение с казаками, переходят на сторону Временного правительства. Чернов вертится где-то посередине, пытаясь превратить «нейтральные» воинские части в силу, способную остановить гражданскую войну.

В городе, по словам думских деятелей, полки гарнизона отходят от большевиков. Смольный уже оставлен... Весь правительственный аппарат бастует. Служащие Государственного банка отказались работать под руководством комиссаров Смольного и выдавать им деньги. Все частные банки закрыты. Министерства бастуют. Думский комитет обходит все торговые помещения и собирает деньги в фонд поддержки забастовщиков [2].

Троцкий отправился в министерство иностранных дел и приказал чиновникам перевести декрет о мире на иностранные языки. Шестьсот чиновников швырнули ему в лицо прошения об отставке.

Комиссар труда Шляпников приказал всем служащим своего министерства возвратиться на свои места в двадцать четыре часа, угрожая в противном случае увольнением и лишением права на пенсию. Послушались только швейцары... Целый ряд отделов особого комитета снабжения оставил работу, чтобы не подчиняться большевикам... Несмотря на щедрые обещания повысить заработную плату и улучшить условия труда, телефонистки отказались обслуживать советские учреждения...

Партия социалистов-революционеров постановила исключить всех своих членов, оставшихся на съезде Советов или принявших участие в восстании...

Новости из провинции. Могилев выступил против большевиков. В Киеве казаки разогнали Советы и арестовали всех мятежных вождей. Совет и тридцатитысячный гарнизон Луги приняли резолюцию о верности Временному правительству, призывая всю Россию присоединиться к ним. Каледин разогнал все Советы и профессиональные союзы Донецкого бассейна. Его войска подвигаются на север...

Представитель железнодорожников заявлял: «Вчера мы разослали по всей России телеграмму с требованием немедленного прекращения войны между политическими партиями и создания коалиционного социалистического правительства. В противном случае мы завтра же ночью объявим забастовку... Утром состоится совещание всех фракций для обсуждения этого вопроса. Большевики, по-видимому, ищут соглашения...»

«Если только доживут до него!» — усмехнулся крепкий, краснощекий городской инженер...

Явившись в Смольный, мы застали его не только не покинутым, но и еще более оживленным и деловитым, чем когда бы то ни было. Толпы рабочих и солдат входили и выходили, повсюду стояла усиленная охрана. Здесь мы встретили репортеров буржуазных и «умеренно»-социалистических газет.

«Нас выгнали! — кричал репортер «Воли народа».— Бонч-Бруевич явился в пресс-бюро и велел нам уходить! Он сказал, что мы шпионы!» Тут все закричали в один голос: «Оскорбление! Насилие! Свобода печати!..»

В вестибюле стояли длинные столы, загроможденные связками призывов, воззваний и приказов Военно-революционного

комитета. Солдаты и рабочие таскали эти связки и укладывали на автомобили. Вот как начиналось одно из воззваний:

«К позорному столбу!

В трагический момент, переживаемый русским трудовым народом, меньшевики-соглашатели и правые эсеры изменили рабочему классу. Они оказались на стороне корниловцев, Керенского и Савинкова...

Они печатают приказы изменника Керенского и сеют панику в городе, распространяя самые вздорные слухи о мнимых победах этого ренегата...

Граждане! Не верьте этим нелепым слухам! Нет той силы, которая способна победить восставший народ. Керенского и его соратников ждет скорое и заслуженное ими наказание...

Мы пригвождаем их к позорному столбу. Мы предаем их презрению всех рабочих, солдат, матросов и крестьян, на которых они собираются надеть старые цепи. И никогда не смыть им со своего чела клейма народного презрения и негодования...

Стыд и позор предателям народа!»

Военно-революционный комитет перебрался в более обширное помещение, в комнату № 17 на верхнем этаже. У его дверей несли караул красногвардейцы. Внутри комнаты узкое пространство, отделенное барьером, было забито хорошо одетыми людьми, которые внешне держались очень почтительно, но внутренне кипели злобой. То были буржуа, хотевшие получить разрешение на автомобили или пропуск на выезд из города. Среди них было много иностранцев... Дежурства несли члены комитета Билль Шатов и Петерс. Они отложили дела и прочли нам последние бюллетени.

179-й запасной полк обещает единодушную поддержку. Пять тысяч портовых грузчиков путиловских верфей приветствуют новое правительство. Центральный комитет профессиональных союзов восторженно приветствуют Военно-революционный комитет. Ревельский гарнизон и эскадра избрали военно-революционный комитет и посылают войска. Псков и Минск управляются военно-революционными комитетами. Приветствия от Царицынского, Ростовского-на-Дону, Пятигорского, Севастопольского Советов... Финляндская дивизия и вновь избранные комитеты V и XII армий предлагают себя в распоряжение новой власти...

Из Москвы неопределенные новости. Войска Военно-революционного комитета занимают главнейшие стратегические пункты города, две роты, охранявшие Кремль, перешли на сто-

ропу Советов. Однако арсенал остался в руках полковника Рябцева и его юнкеров. Военно-революционный комитет потребовал у него оружия для рабочих, и Рябцев вплоть до сегодняшнего утра вел с ним переговоры. Но утром он неожиданно прислал комитету ультиматум, требующий сдачи советских войск и роспуска комитета. Начались бои...

В Петрограде штаб сразу подчинился комиссарам Смольного. Центрофлот отказался повиноваться, но был занят Дыбенко и ротой кронштадтских матросов. Создан новый Центрофлот, поддерживаемый балтийскими и черноморскими линейными кораблями...

Но сквозь всю эту уверенность пробивались какие-то мрачные предчувствия. В воздухе чувствовалось какое-то беспокойство. Казаки Керенского были уже близко; у них была артиллерия. Секретарь фабрично-заводских комитетов Скрыпник уверял меня, что с Керенским идет целый корпус, и тут же решительно добавлял: «Живыми они нас не возьмут!..» Лицо его пожелтело и вытянулось от бессонных ночей. Петровский устало усмехнулся: «Может быть, завтра мы уснем... и уснем надолго...» Худой рыжебородый Лозовский сказал: «Какие у нас шансы?.. Мы одиноки... Толпа — против обученных солдат!»

К югу и юго-западу от Петрограда Советы бежали от Керенского, а гатчинский, павловский и царскосельский гарнизоны раскололись: половина хотела оставаться нейтральной, а остальные без офицеров в хаотическом беспорядке отходили к столице.

В залах был развешен следующий бюллетень:

«Из Красного Села, 28 октября, в 6 час. утра.

Передать всем адресам Наштаверх, Главкосев, Начвосев, всюду и всем, всем, всем.

Бывшим министром Керенским по адресу всюду и всем дана заведомо ложная телеграмма о том, что войска революционного Петрограда добровольно сдали оружие и присоединились к войскам бывшего правительства, правительства измены, и что солдаты получили приказание от Военно-революционного комитета отступать. Не отступают и не сдаются войска свободного народа. Из Гатчины наши войска вышли ради избежания кровопролития между собою и своими заблуждающимися братьями, казаками, и для того, чтобы занять вне города более удобное положение, которое теперь настолько прочно, что если бы Керенский и его ближайшие соратники

удесятерили свои силы, то все равно тревожиться не приходится. В наших войсках настроение прекрасное. В Петрограде все спокойно.

Начальник обороны города Петрограда
и Петроградского района подполковник *Муравьев».*

Когда мы выходили из Военно-революционного комитета, в комнату вошел мертвенно-бледный Антонов. В руках его была какая-то бумага.

«Разошлите это!» — сказал он.

*«Всем районным Советам рабочих депутатов
и фабрично-заводским комитетам.*

Приказ

Корниловские банды Керенского угрожают подступам к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контрреволюционное покушение против народа и его завоеваний.

Армия и Красная гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным Советам и фабрично-заводским комитетам:

1) Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, воздвигания баррикад и укрепления проволочных заграждений.

2) Где для этого потребуется прекращение работ на фабриках и заводах, немедленно исполнить.

3) Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.

4) Все имеющееся оружие иметь при себе.

5) Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию революции всеми средствами.

Председатель Петроградского Совета раб. и солд.
депутатов народный комиссар *Лев Троцкий.*

Председатель Военно-революционного комитета
главнокомандующий округом *Николай Подвойский».*

Когда мы вышли из Смольного и очутились на темной и мрачной улице, со всех сторон неслись фабричные гудки, резкие, нервные, полные тревоги. Рабочий народ — мужчины и женщины — выходил на улицу десятками тысяч. Гудящие предместья выбрасывали наружу свои обтрепанные толпы.

Красный Петроград в опасности! Казаки!.. Мужчины, женщины и подростки с ружьями, ломами, заступами, мотками проволоки, патронташами поверх рабочей одежды тянулись по грязным улицам к югу и юго-западу, к Московской заставе... Город никогда не видал такого огромного и стихийного людского потока. Люди катились, как река, вперемежку с солдатскими ротами, пушками, грузовиками, повозками. Революционный пролетариат шел грудью на защиту столицы рабочей и крестьянской республики!

Перед дверью Смольного стоял автомобиль. К его крылу прислонился худой человек в толстых очках, под которыми его покрасневшие глаза казались еще больше. Засунув руки в карманы потертого пальто, он через силу произносил какие-то слова. Тут же беспокойно ходил взад и вперед рослый бородатый матрос с ясными, молодыми глазами. На ходу он рассеянно поигрывал огромным револьвером из вороненой стали. Это были Антонов и Дыбенко.

Несколько солдат пытались привязать к подножке автомобиля два велосипеда военного образца. Шофер резко протестовал. Он говорил, что велосипеды поцарапают эмаль. Конечно, он сам большевик, а автомобиль реквизирован у какого-то буржуя; конечно, на этих велосипедах поедут ординарцы, но всетаки его шоферская профессиональная гордость была возмущена... И велосипеды остались возле Смольного.

Народные комиссары по военным и морским делам отправлялись инспектировать революционный фронт, где бы он ни находился. «Нельзя ли нам будет поехать вместе с ними?» — «Разумеется, нет! В автомобиле всего пять мест — два для комиссаров, два для ординарцев и одно для шофера». Тем не менее один мой русский знакомый, которого я назову Трусишкой, преспокойно уселся в автомобиль и, несмотря ни на какие просьбы, не соглашался очистить место...

У меня нет никаких оснований не верить рассказу Трусишки об этом путешествии. Уже на Суворовском проспекте кто-то из ехавших вспомнил о еде. Объезд фронта мог затянуться на три-четыре дня, а достать продовольствие было в то время не так-то просто. Остановили машину. У кого есть деньги? Военный комиссар вывернул все свои карманы — в них не оказалось ни копейки. Комиссар по морским делам тоже оказался банкротом. Не было денег и у шофера. Трусишка купил провизии.

Когда они заворачивали на Невский, у автомобиля лопнула шина.

«Что делать?» — спросил Антонов.

«Реквизировать другой автомобиль!» — предложил Дыбенко, размахивая револьвером.

Антонов встал среди улицы и замахал проезжающей машине, у руля которой сидел какой-то солдат.

«Мне нужна эта машина»,— заявил Антонов.

«Не дам!» — ответил солдат.

«Да вы знаете, кто я такой?» И Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все обязаны повиноваться ему без всяких разговоров.

«Хоть бы вы были сам дьявол, мне все равно! — с жаром ответил солдат.— Эта машина принадлежит первому пулеметному полку, и мы везем в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины...»

К счастью, на улице появилось старое и разбитое такси под итальянским флагом. (Во время беспорядков владельцы частных автомобилей во избежание реквизиции регистрировали их в иностранных консульствах.) Из этого такси высадили толстого гражданина в роскошной шубе, и высшее командование поехало дальше.

Покрыв около десяти миль и добравшись до Нарвской заставы, Антонов спросил, где командир Красной гвардии. Его проводили до самой окраины, где несколько сот рабочих отрыли окопы и ждали казаков.

«Как у вас дела, товарищи?» — спросил Антонов.

«Все в полном порядке, товарищ,— ответил командир.— Войска в превосходном настроении... Одно только — боеприпасов нет...»

«В Смольном лежит два миллиарда обойм,— сказал ему Антонов.— Сейчас я дам вам ордер...— Он стал рыться в карманах.— Нет ли тут у кого-нибудь клочка бумаги?»

У Дыбенко не было. У ординарцев тоже. Трусишка предложил свой блокнот.

«А, черт! У меня нет карандаша! — воскликнул Антонов.— Кто даст карандаш?..» Нечего и говорить, что единственным, у кого был карандаш, оказался Трусишка...

Не попав в автомобиль верховного командования, мы отправились на Царскосельский вокзал. На Невском мы видели проходящих красногвардейцев с винтовками. Штыки были не у всех. Наступали ранние зимние сумерки. Высоко подняв головы, красногвардейцы шли сквозь холодное ненастье неровными рядами, без музыки, без барабанов. Над их головами раз-

вевался красный флаг, на котором корявыми золотыми буквами было написано: «Мира! Земли!» Все они были очень молоды. На лицах — выражение людей, сознательно идущих на смерть... Толпы прохожих полубоязливо, полупрезрительно провожали их взглядами, в которых были злоба и ненависть...

На вокзале никто не знал, где Керенский и где фронт. Впрочем, поезда ходили только до Царского...

Наш вагон был набит деревенскими жителями, возвращавшимися домой. Они везли с собой всякие покупки и вечерние газеты. Разговор шел о восстании большевиков. Но если бы не эти разговоры, то по виду нашего вагона никто не догадался бы, что вся Россия расколота гражданской войной на два непримиримых лагеря, что поезд идет к театру военных действий. Выглядывая в окна, мы видели в быстро сгущающихся сумерках толпы солдат, тянувшихся по грязным дорогам к городу. Они спорили между собой, размахивая винтовками. На боковой ветке стоял товарный поезд, набитый солдатами и освещенный кострами. Вот и все. Далеко позади, на плоском горизонте, темноту разгоняли отблески городских огней. По далекому предместью полз трамвай.

В Царском Селе на станции все было спокойно, но там и сям виднелись кучки солдат, тихо перешептывавшихся между собой и беспокойно поглядывавших на пустынную дорогу, ведущую в Гатчину. Я спрашивал их, за кого они. «Что ж,— сказал мне один солдат,— ведь мы дела не знаем... Конечно, Керенский провокатор, но, думается нам, нехорошо русским людям стрелять в русских людей».

В помещении начальника станции дежурил приветливый солдат, высокий и бородатый, с красной повязкой полкового комитета на рукаве. Наши удостоверения из Смольного внушили ему большое уважение. Он был, безусловно, за Советы, но находился в некотором смущении.

«Красногвардейцы были здесь два часа назад, но потом ушли. Утром явился комиссар, но, когда пришли казаки, он вернулся в Петроград».

«А казаки сейчас здесь?»

Он мрачно кивнул головой. «Здесь был бой. Казаки пришли рано утром. Они взяли в плен двести — триста человек наших и человек двадцать пять убили».

«А где же они теперь?»

«Да вряд ли далеко ушли. Точно не знаю. Где-нибудь там...» И он неопределенно махнул рукой на запад.

Мы пообедали в станционном буфете, пообедали прекрасно, гораздо дешевле и лучше, чем в Петрограде. По соседству с нами сидел французский офицер, только что вернувшийся пешком из Гатчины. Он говорил, что там все спокойно. Город в руках Керенского. «Ах, эти русские! — восклицал он.— Что за оригиналы!.. Хороша гражданская война! Все, что угодно, только не дерутся...»

Мы пошли в город. У выхода из вокзала стояло двое солдат с винтовками и примкнутыми штыками. Их окружало до сотни торговцев, чиновников и студентов. Вся эта толпа набрасывалась на них с криками и бранью. Солдаты чувствовали себя неловко, как несправедливо наказанные дети.

Атаку вел высокий молодой человек в студенческой форме, с очень высокомерным выражением лица.

«Я думаю, вам ясно,— вызывающе говорил он,— что, поднимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей».

«Нет, братишка,— серьезно отвечал солдат,— не понимаете вы. Ведь на свете есть два класса: пролетариат и буржуазия. Так, что ли? Мы...»

«Знаю я эту глупую болтовню! — грубо оборвал его студент.— Темные мужики вроде вот тебя наслушались лозунгов, а кто это говорит и что это значит — это вам невдомек. Повторяешь, как попугай!..» В толпе засмеялись... «Я сам марксист! Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь,— это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам».

«Ну да, я понимаю,— отвечал солдат. На лбу его выступил пот.— Вы, видно, человек ученый, а я ведь простой человек. Но только думается мне...»

«Ты, верно, думаешь,— презрительно перебил студент,— что Ленин — истинный друг пролетариата?»

«Да, думаю»,— отвечал солдат. Ему было очень тяжело.

«Хорошо, дружок! А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в запломбированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?»

«Ну, этого я не знаю,— упрямо отвечал солдат.— Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат...»

«Дурак! Я, брат, два года высидел в Шлиссельбурге за революцию, когда ты еще стрелял в революционеров да распевал «Боже, царя храни»! Меня зовут Василий Георгиевич Панин. Ты обо мне никогда не слыхал?»

«Не слыхал, извиняюсь...— смиренно отвечал солдат.— Я ведь человек неученый. Вы, должно быть, большой герой...»

«Вот именно,— уверенно заявил студент.— И я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?»

Солдат почесал затылок. «Ничего я не могу сказать! — Его лицо было искажено умственным напряжением.— По-моему, дело ясное, только вот неученый я человек!.. Выходит словно бы так: есть два класса — пролетариат и буржуазия...»

«Опять ты с этой глупой формулой!» — закричал студент.

«...только два класса,— упрямо продолжал солдат.— И кто не за один класс, тот, значит, за другой...»

Мы пошли по улицам. Редкие фонари давали мало света, прохожих почти не было. Над городом нависло угрожающее молчание, нечто вроде чистилища между раем и адом, политически ничейная земля. Только парикмахерские были ярко освещены и набиты посетителями да у бани стояла очередь: дело было в субботу вечером, когда вся Россия моется и чистится. Я нисколько не сомневаюсь, что в тот вечер и тут и там мирно встречались советские бойцы и казаки.

Чем ближе мы подходили к дворцовому парку, тем пустыннее становились улицы. Перепуганный священник показал нам, где помещается Совет, и торопливо скрылся. Совет находился во флигеле одного из великокняжеских дворцов, напротив парка. Двери были заперты, в окнах темно. Солдат, бродивший поблизости, с мрачной подозрительностью оглядел нас и, не вынимая рук из карманов брюк, заявил: «Совет уехал уже два дня назад». «Куда?» Он пожал плечами: «Не знаю...»

Пройдя немного дальше, мы наткнулись на большое и ярко освещенное здание. Изнутри доносился стук молотка. Мы стояли в нерешительности, но в это время к нам подошли, держась под руки, солдат и матрос. Я показал им свой мандат из Смольного. «Вы за Советы?» — спросил я их. Они испуганно переглянулись и ничего не ответили. «Что это там делается?» — спросил матрос, показывая на здание. «Не знаю...»

Солдат боязливо протянул руку и приоткрыл дверь. За дверью оказался огромный зал, увешанный кумачом и еловыми ветками. Там стояли ряды стульев, а перед ними возводились подмостки.

К нам вышла дородная женщина с молотком в руках. Рот ее был полон гвоздей. «Вам чего?» — спросила она.

«Будет вечером представление?» — нервно спросил матрос.

«В воскресенье вечером любители будут играть,— сурово ответила она.— Проваливайте!»

Мы пытались втянуть солдата и матроса в разговор, но они казались запуганными и расстроенными. Скоро они исчезли в темноте.

Мы направились к императорскому дворцу по огромному темному парку. Причудливые павильоны и орнаментальные мосты смутно маячили в ночном мраке; слышно было мягкое журчание фонтана. Вдруг, разглядывая смешного металлического лебедя, выплывавшего из искусственного грота, мы неожиданно заметили, что за нами следят. Человек шесть дюжих вооруженных солдат подозрительно и пристально приглядывались к нам с соседнего газона. Я двинулся к ним и спросил: «Кто вы такие?»

«Здешняя охрана»,— ответил один из солдат. Все они казались очень утомленными, да, конечно, так оно и было: долгие недели непрерывного митингования даром не проходят.

«Вы за Керенского или за Советы?»

Воцарилось короткое молчание. Солдаты неуверенно переглядывались. «Мы нейтральные»,— ответили они наконец.

Мы прошли под аркой огромного Екатерининского дворца, вошли за ограду и спросили, где здесь штаб. Часовой, стоявший у дверей изогнутого белого крыла здания, сказал нам, что комендант находится где-то внутри.

В красивом белом зале, разделенном на неравные части двусторонним камином, беспокойно переговаривались несколько офицеров. Все они были бледны и рассеянны и явно не спали ночь. Мы подошли к одному из них — седобородому старику в увешанном орденами мундире; нам сказали, что это сам полковник. Я показал ему наши большевистские удостоверения.

Он казался изумленным. «Как же вы добрались сюда живыми? — вежливо спросил он.— Сейчас на улицах очень опасно. В Царском Селе кипят политические страсти. Сегодня утром был бой, а завтра утром опять будут драться. Керенский войдет в город к восьми часам».

«А где же казаки?»

«Примерно в миле отсюда, вон там». Он взмахнул рукой.

«И вы будете защищать от них город?»

«О нет, дорогой мой! — Он усмехнулся.— Мы держим город для Керенского».

Мы немного струхнули, потому что в наших мандатах удостоверялась наша глубокая революционность. Полковник откашлялся.

«Кстати, о ваших пропусках,— продолжал он.— Если вас поймают, то вы окажетесь в большой опасности. Поэтому если вы хотите видеть бой, то я прикажу отвести вам комнату в офицерской гостинице. Приходите ко мне завтра в семь часов утра, я дам вам новые пропуска».

«Значит, вы за Керенского?» — спросили мы.

«Ну, не совсем *за* Керенского. (Полковник, видимо, колебался.) Видите ли, большинство солдат нашего гарнизона — большевики. Сегодня после боя они ушли в Петроград и увели артиллерию. Можно сказать, что ни один *солдат* за Керенского не встанет. Но многие из них вовсе не хотят драться. Что до *офицеров*, то почти все они уже перешли к Керенскому или просто ушли. А мы... гм... мы, как видите, находимся в самом затруднительном положении...»

Мы не поверили, что здесь будет бой... Полковник любезно послал своего ординарца проводить нас на станцию. Ординарец был южанин. Он родился в Бессарабии, в семье французских эмигрантов.

«Ах,— повторял он,— я не думаю ни об опасности, ни о лишениях. Но я так долго не видал моей бедной матери... Целых три года...»

Возвращаясь в Петроград сквозь холод и мрак, я видел через окно вагона кучки солдат, жестикулирующих вокруг костров. На перекрестках стояли группы броневиков. Их водители перекрикивались между собой, высовывая головы из башенок.

Всю эту тревожную ночь по холодным равнинам блуждали без командиров группы солдат и красногвардейцев. Они сталкивались и смешивались между собой, а комиссары Военно-революционного комитета торопились от одной группы к другой, пытаясь организовать оборону...

Вверх и вниз по Невскому, точно волны, двигались взволнованные толпы. Что-то висело в воздухе. Со стороны Варшавского вокзала доносилась отдаленная канонада. В юнкерских училищах царило оживление. Члены думы переходили из казармы в казарму, рассказывая солдатам ужасные истории о большевистских зверствах — об избиении юнкеров и насилиях над женщинами в Зимнем дворце, о расстреле девушки перед зданием думы, об убийстве князя Туманова... В Александровском зале думы шло чрезвычайное заседание Комитета спасения, взад и вперед бегали комиссары... Здесь собрались все журналисты, выгнанные из Смольного. Они были

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

в приподнятом настроении и не поверили нашему рассказу о положении в Царском. Помилуйте, всем известно, что Царское в руках Керенского, что казаки уже в Пулкове. Была избрана специальная комиссия для встречи Керенского на вокзале. Его ожидали к утру...

Один журналист под строжайшим секретом сообщил мне, что контрреволюционное выступление начнется в полночь. Он показал мне два воззвания; одно было подписано Гоцем и Полковниковым и приказывало всем юнкерским училищам, всем выздоравливающим солдатам, находящимся в госпиталях, и георгиевским кавалерам приготовиться к военным действиям и ждать приказов от Комитета спасения. Другое было подписано самим Комитетом спасения, и значилось в нем следующее:

«К населению Петрограда!

Товарищи рабочие, солдаты и граждане революционного Петрограда!

Большевики, призывая к миру на фронте, в то же время призывают к братоубийственной войне в тылу.

Не подчиняйтесь их провокационному призыву!

Не ройте окопов!

Долой оружие!

Долой предательские засады!

Солдаты, возвращайтесь в казармы!

Бойня, начатая в Петрограде,— подлинная гибель революции.

Во имя свободы, земли и мира сплачивайтесь вокруг Комитета спасения родины и революции!»

Когда мы выходили из думы, нам встретился отряд красногвардейцев. Вид у них был суровый и решительный. Они шли по темной и пустынной улице, ведя с собой дюжину пленников — членов местного отдела Совета казачьих войск, пойманных в помещении этого Совета в тот самый момент, когда они были заняты подготовкой контрреволюционного заговора.

Солдат, сопровождаемый мальчиком с ведерком клейстера, расклеивал огромные ослепительно-белые объявления:

«Настоящим гор. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения...

Председатель Военно-революционного комитета
Н. Подвойский».

Мы шли домой. Воздух был полон приглушенных звуков. Автомобильные рожки, чьи-то вскрики, отдаленная пальба... Город сердито и беспокойно шевелился...

Рано утром перед самой сменой караула на телефонную станцию явилась рота юнкеров, переодетых в форму Семеновского полка. Они знали большевистский пароль и совершенно беспрепятственно сменили караулы. Спустя несколько минут явился Антонов, проверяя посты. Юнкера схватили его и заперли в маленькую комнату. Когда пришли красногвардейцы, их встретили ружейным огнем. Несколько человек было убито.

Контрреволюция началась...

ГЛАВА VIII
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

На следующее утро, в воскресенье 11 ноября (29 октября), казаки под колокольный звон всех церквей вступили в Царское Село, причем сам Керенский ехал на белом коне. С вершины невысокого холма они могли видеть золотые шпили и разноцветные купола, огромную серую громаду столицы, раскинувшуюся на унылой равнине, а за ней — стальные воды Финского залива.

Боя не было. Но Керенский допустил роковую ошибку. В 7 часов утра он послал 2-му Царскосельскому стрелковому полку приказ сложить оружие. Солдаты ответили, что они соблюдают нейтралитет, но разоружаться не желают. Керенский дал им десять минут на размышление. Это озлобило солдат; вот уже восемь месяцев, как они сами управляли собой через свои полковые комитеты, а теперь запахло старым режимом... Через несколько минут казачья артиллерия открыла по казармам огонь и убила восемь человек. С этого момента в Царском не осталось ни одного «нейтрального» солдата...

Петроград был разбужен треском ружейной перестрелки и громким топотом марширующих людей. Под серым небом дул холодный ветер, предвещая снег. На рассвете сильные отряды юнкеров заняли военную гостиницу и телеграф, но после кровопролитного боя были выбиты. Телефонная станция была осаждена матросами, которые залегли за баррикадами, построенными из бочек, ящиков и листов жести посреди Морской, или укрылись на углу Гороховой и Исаакиевской площади, обстреливая всех проходящих и проезжающих. Время

от времени мимо них проезжал автомобиль под флагом Красного Креста. Матросы не трогали его...

Альберт Рис Вильямс был на телефонной станции. Он уехал оттуда в автомобиле Красного Креста, якобы наполненном ранеными. Покружив по городу, автомобиль боковыми улочками добрался до штаб-квартиры контрреволюции — Михайловского юнкерского училища. Во дворе училища находился французский офицер, который, по-видимому, распоряжался всем происходившим... Таким путем на телефонную станцию доставлялись боеприпасы и продовольствие. Десятки таких автомобилей якобы Красного Креста служили юнкерам для связи и снабжения...

В их руках было пять-шесть броневиков из расформированного английского броневого дивизиона. Когда Луиза Брайант шла вдоль Исаакиевской площади, ей встретился один из них, направлявшийся от Адмиралтейства к телефонной станции. На углу улицы Гоголя машина остановилась, как раз напротив Луизы Брайант. Несколько матросов, скрывавшихся за штабелями дров, открыли стрельбу. Пулемет в башенке броневика завертелся во все стороны, осыпая градом пуль штабели дров и толпу. Под аркой, где стояла мисс Брайант, было убито семь человек, в том числе два маленьких мальчика. Вдруг матросы с криком выскочили из своего прикрытия и кинулись вперед. Окружив огромную машину, они принялись тыкать штыками во все ее щели, не обращая внимания на стрельбу... Шофер броневика притворился раненым, и матросы оставили его в покое, а он помчался в думу рассказывать сказки о большевистских зверствах... В числе убитых был один английский офицер...

Позднее газеты сообщили, что на юнкерском броневике был пойман один французский офицер, которого отправили в Петропавловскую крепость. Французское посольство немедленно опровергло это сообщение, но один из членов думы говорил мне, что он сам добился освобождения этого офицера... Каково бы ни было официальное поведение союзных посольств, отдельные английские и французские офицеры вели себя в эти дни весьма активно, вплоть до участия в качестве экспертов на заседаниях Комитета спасения...

Целый день во всех частях города шли стычки между юнкерами и красногвардейцами, битвы между броневиками... Залпы, отдельные выстрелы, резкий треск пулеметов слышались издалека и вблизи. Железные ставни магазинов были опущены, но торговые дела шли своим чередом. Даже кинемато-

графы с потушенными наружными огнями работали и были набиты зрителями. Трамваи ходили, как всегда. Телефон действовал. Вызвав станцию, можно было ясно слышать перестрелку. Все аппараты Смольного были выключены, но дума и Комитет спасения находились в постоянной телефонной связи со всеми юнкерскими училищами, а также с Керенским в Царском Селе.

В 7 часов утра во Владимирское юнкерское училище явился отряд солдат, матросов и красногвардейцев. Он потребовал от юнкеров сдачи оружия не позднее чем через двадцать минут. Юнкера ответили отказом. Через час, подготовившись, они попытались выступить, но были отбиты сильным огнем с угла Гребецкой и Большого проспекта. Войска Советов окружили училище и начали обстрел, вдоль здания взад и вперед двигались два бронированных автомобиля, ведя огонь из пулеметов. Юнкера по телефону просили помощи. Казаки ответили, что не решаются выступить, так как перед их казармой расположился сильный матросский отряд с двумя орудиями. Павловское училище было окружено. Большинство юнкеров-михайловцев сражалось на улицах...

В половине двенадцатого прибыли три полевых орудия. Юнкерам снова предложили сдаться, но вместо ответа они открыли стрельбу и убили двух делегатов Советов, шедших под белым флагом. Тогда началась настоящая бомбардировка. В стенах училища были пробиты огромные бреши. Юнкера отчаянно защищались; шумные волны красногвардейцев, шедших в атаку, разбивались ожесточенным огнем... Керенский по телефону отдал из Царского приказ — не вступать ни в какие переговоры с Военно-революционным комитетом.

Отряд, взбешенный сопротивлением юнкеров, заливал разбитое здание морем стали и огня. Сами их командиры не могли остановить ужасной бомбардировки. Комиссар Смольного, по фамилии Кириллов, попытался сделать это, но ему пригрозили самосудом. Красногвардейцев ничто не могло остановить.

В половине третьего юнкера подняли белый флаг: они готовы сдаться, если им гарантируют безопасность. Обещание было дано. Тысячи солдат и красногвардейцев с криком и шумом ворвались в окна, двери и бреши в стенах. Прежде чем удалось остановить их, пять юнкеров были заколоты насмерть. Остальных, около двухсот человек, под конвоем отправили в Петропавловскую крепость небольшими группами, чтобы не привлекать внимания толпы. Однако по дороге толпа набросилась на одну из таких групп и растерзала еще восемь юнкеров... В бою пало свыше ста солдат и красногвардейцев...

Через два часа в думу сообщили по телефону, что победители двинулись к Инженерному замку. Дума немедленно послала двенадцать своих членов для распространения среди них последнего воззвания Комитета спасения. Некоторые из посланных не вернулись назад... Все другие училища сдались без сопротивления, и юнкера без всяких осложнений были в полной безопасности доставлены в Петропавловскую крепость и в Кронштадт...

Телефонная станция держалась до самого вечера, когда появился большевистский броневик, и матросы пошли на приступ. Перепуганные телефонистки с криком бегали по зданию. Юнкера срывали с себя все знаки различия, а один из них, решивший скрыться, предлагал Вильямсу за его пальто *все, что он захочет*... «Они нас перебьют! Они нас перебьют!» — кричали юнкера, ибо многие из них еще в Зимнем дворце обещали не подымать оружия против народа. Вильямс предложил им свое посредничество, если они выпустят Антонова. Это было немедленно исполнено. Антонов и Вильямс обратились с речью к победителям-морякам, озлобленным большими потерями, и юнкера снова были отпущены на свободу... Но некоторые из них, охваченные паникой, пытались бежать по крыше или спрятаться на чердаке. Их скоро поймали и выбросили на улицу.

Измученные, но торжествующие матросы и рабочие ворвались в аппаратный зал и, увидев сразу столько хорошеньких девушек, смутились и не знали, что им делать. Ни одна девушка не пострадала, ни одна не подверглась оскорблению. Перепуганные, они забились в угол, но затем, когда почувствовали себя в безопасности, дали волю своей злости. «У, грязные мужики, невежды! Дураки!..» Матросы и красногвардейцы совсем растерялись. «Звери! Свиньи!» — визжали девушки, с негодованием надевая пальто и шляпы. Как романтичны были их переживания, когда они передавали патроны и делали перевязки своим смелым молодым защитникам, юнкерам, из которых многие принадлежали к лучшим русским семьям и сражались за возвращение обожаемого царя! А тут все были рабочие да крестьяне — «темный народ»...

Комиссар Военно-революционного комитета, маленький Вишняк, пытался убедить девушек остаться. Он был необычайно вежлив. «С вами очень плохо обращались, — говорил он. — Телефонная сеть находилась в руках городской думы. Вам платили по шестьдесят рублей в месяц, заставляли работать по десять часов в сутки и больше... Отныне все будет по-

другому. Правительство передаст сеть министерству почт и телеграфов. Вам немедленно подымут жалованье до ста пятидесяти рублей и уменьшат рабочий день. Вы тоже принадлежите к рабочему классу и должны радоваться нашей победе...»

«Принадлежим к рабочему классу!» Уж не думает ли он, что между этими... этими животными и нами есть что-нибудь общее? Оставаться? Да хоть бы вы нам дали по тысяче рублей!..» И девушки с величайшим презрением покинули здание.

Остались только служащие, монтеры и рабочие. Но коммутаторы должны работать: телефон был жизненно необходим... Все же оставалось с полдюжины опытных телефонисток. Вызвали добровольцев. На призыв откликнулось около сотни матросов, солдат и рабочих. Шестеро девушек носились по всему залу, объясняя, помогая, возмущаясь... Дело пошло коекак, но все-таки пошло, и провода снова загудели. Прежде всего установили связь между Смольным, казармами и фабриками, затем отрезали сообщение с думой и юнкерскими училищами... Поздно вечером слух об этом распространился по всему городу, и сотни представителей буржуазии орали в телефонные трубки: «Дураки! Черти! Вы думаете, это надолго? Погодите, вот придут казаки!»

Наступала ночь. На Невском, где дул холодный ветер, не было почти ни души; только против Казанского собора собралась толпа и продолжала бесконечный спор; здесь было всего несколько рабочих и солдат, а остальные — торговцы, чиновники и им подобные.

«Ленин не заставит немцев заключить мир!» — кричал кто-то.

Молодой солдат с жаром возражал: «А кто виноват? Все Керенский ваш, проклятый буржуй! К черту Керенского! Не хотим его! Хотим Ленина!..»

Около думы офицер с белой повязкой на руке, громко ругаясь, срывал со стены плакаты. Один из них гласил:

«Гласные большевики — населению Петрограда.

В тревожный час, когда городская дума должна была бы направить все свои силы на успокоение населения, обеспечить его хлебом и самым необходимым, правые социал-революционеры и кадеты, забывая свой долг, превратили городскую думу в контрреволюционный митинг, стараясь натравить одну часть населения на другую и тем самым облегчить победу Корнилову — Керенскому. Вместо исполнения прямых своих обязан-

ностей правые социал-революционеры и кадеты превратили городскую думу в арену политической борьбы против Советов р., с. и кр. депутатов, против революционного правительства мира, хлеба и свободы.

Граждане Петрограда! Мы, гласные большевики, избранные вами, доводим до вашего сведения, что правые социал-революционеры и кадеты увлеклись контрреволюционной борьбой, забыли свои прямые обязанности и ведут население к голоду, к гражданской войне, к кровопролитию. Мы, избранники 183 000 населения, считаем своим долгом довести все происходящее в городской думе до сведения избирателей и заявляем, что мы слагаем с себя всякую ответственность за грядущие печальные последствия».

Издали доносились случайные выстрелы, но город был холоден и спокоен, словно обессилев от судорог, сотрясавших его.

В Николаевском зале подходило к концу заседание думы. Казалось, даже яростная дума несколько притихла. Комиссары один за другим сообщали: захвачена телефонная станция, на улицах идет бой, взято Владимирское училище... «Дума,— говорил Трупп,— на стороне демократии в ее борьбе против насилия и произвола; но, во всяком случае, какая бы сторона ни взяла верх, дума всегда будет против самосудов и пыток...»

Кадет Коновский, высокий старик с жестким лицом, заявил: «Когда войска законного правительства войдут в Петроград, они расстреляют бунтовщиков, и это не будет самосудом». Протестующие крики представителей всех партий, не исключая и кадетов.

Здесь царило явное сомнение и упадок сил. Контрреволюция шла на убыль. Центральный комитет партии социалистов-революционеров выразил недоверие своим вождям — собственным представителям. Левое крыло распоряжалось положением. Авксентьев подал в отставку. Курьер принес известие, что комиссия, посланная на вокзал встречать Керенского, арестована. На улицах был слышен глухой гул отдаленной канонады, доносившийся с юга и юго-востока. Керенского все еще не было...

В этот день вышло всего три газеты: «Правда», «Дело народа» и «Новая жизнь». Все они уделяли очень много места вопросу о новом, «коалиционном» правительстве. Эсеровская газета требовала создания кабинета, в котором не было бы ни кадетов, ни большевиков. Горький был исполнен надежд; Смольный шел на уступки. Оформлялось чисто социалистическое правительство, представляющее все элементы, кроме буржуазии. Но «Правда» иронизировала:

«Это не коалиция с «партиями», из которых значительная часть — маленькие кучки журналистов, за которыми нет ничего, кроме буржуазного сочувствия и полусгнившей репутации, за которыми не идут больше ни рабочие, ни крестьяне. Наша коалиция, та, которую заключили мы, это коалиция революционной партии пролетариата с революционной армией и крестьянской беднотой...»

По стенам были расклеены самонадеянные объявления Викжеля, грозившего, что если стороны не придут к соглашению, то он объявит забастовку.

«Из всех этих мятежей и смут, терзающих родину, победителями выйдут не большевики, не Комитет спасения и не войска Керенского,— победителями выйдем мы, союз железнодорожников».

Красногвардейцы не смогут управиться с таким сложным делом, как железные дороги; что до Временного правительства, то оно уже показало себя совершенно неспособным удержать власть...

«Мы отказываемся работать с какой бы то ни было партией, не уполномоченной... правительством, опирающимся на доверие всей демократии...»

Смольный весь дрожал от безграничной активности неисчерпаемых человеческих сил.

В главном штабе профессиональных союзов Лозовский познакомил меня с делегатом рабочих Николаевской железной дороги, рассказавшим, что у них состоялись массовые митинги, на которых вынесено порицание их руководителям.

«Вся власть Советам! — кричал он, стуча кулаком по столу.— Оборонцы в Центральном Комитете играют на руку Корнилову. Они пробовали послать делегацию в ставку, но мы арестовали ее в Минске... Наше отделение потребовало Всероссийского съезда, а они отказываются созвать его...»

И здесь то же самое, что и в Советах и армейских комитетах. Одна за другой различные демократические организации по всей России переживали глубокую и резкую ломку. Кооперативы были охвачены внутренней борьбой; собрания исполнительного комитета крестьянских депутатов проходили в отчаянных спорах; даже среди казаков начались волнения...

А на верхнем этаже Смольного полным ходом действовал, нанося удары, Военно-революционный комитет. Люди входили туда свежими и полными сил, дни и ночи крутились они в этой ужасной машине и выходили оттуда бледными, измученными, охрипшими и грязными, чтобы тут же свалиться на пол и

заснуть... Комитет спасения был объявлен вне закона. Пачки и связки новых прокламаций[1] загромоздили весь пол:

«Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости прапорщиком Благонравовым благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено. В центре заговора стоял так называемый Комитет спасения. Командование войсками было возложено на полковника Полковникова. Его ордера подписывались отпущенным на честное слово бывшим членом ЦИК Гоцем...

Извещая об этом население Петрограда, Военно-революционный комитет постановляет:

Арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду».

Из Москвы пришло известие, что юнкера и казаки окружили Кремль и потребовали от войск Советов сдачи оружия. Войска Советов исполнили требование, но, когда они выходили из Кремля, враги набросились на них и расстреляли. Слабые большевистские отряды выбиты с телефонной станции и телеграфа. Центр города находится в руках юнкеров... Но вокруг них уже собираются новые силы Советов. Постепенно разгораются уличные бои. Все попытки соглашения провалились... На стороне Советов десятитысячный солдатский гарнизон и красногвардейцы. На стороне правительства шесть тысяч юнкеров, двадцать пять сотен казаков и две тысячи белогвардейцев.

Шло заседание Петроградского Совета, а по соседству работал новый ЦИК, рассматривал декреты и постановления, непрерывно поступавшие к нему из Совета Народных Комиссаров[2], заседавшего этажом выше. Здесь были рассмотрены: порядок утверждения и опубликования законов, закон о восьмичасовом рабочем дне и «Основы системы народного просвещения», предложенные Луначарским. На обоих заседаниях присутствовало всего несколько сот человек, в большинстве вооруженных. В Смольном почти пусто. Только охрана работала у окон, устанавливая пулеметы, чтобы можно было держать под огнем боковые флигели.

В ЦИК выступал делегат Викжеля:

«Мы отказываемся перевозить войска как той, так и другой стороны. Мы послали к Керенскому делегацию с заявлением, что, если он продолжит свое движение на Петроград, мы прервем все его коммуникации...»

Затем он, по обыкновению, предложил созвать конференцию всех социалистических партий для сформирования нового правительства...

Каменев отвечал очень осторожно. Большевики были бы рады присутствовать на такой конференции. Однако центр тяжести вопроса лежит не в составлении правительства: все дело в том, примет ли оно программу съезда Советов... ЦИК обсудил декларацию левых эсеров и социал-демократов интернационалистов и принял предложение о пропорциональном представительстве на конференции, включая даже делегатов от армейских комитетов и крестьянских Советов...

В Большом зале Троцкий давал отчет о событиях дня.

«Мы предложили юнкерам-владимирцам сдаться,— говорил он.— Мы хотели избежать кровопролития. Но теперь, когда кровь уже пролита, есть только один путь — беспощадная борьба. Думать, что мы можем победить какими-либо другими средствами,— ребячество... Наступил решительный момент. Все должны помогать Военно-революционному комитету, сообщать ему обо всех запасах колючей проволоки, бензина и оружия... Мы завоевали власть, теперь надо удержать ее».

Меньшевик Иоффе хотел прочесть декларацию от имени своей партии, но Троцкий отказался допустить «спор о принципах».

«Наши споры теперь разрешаются на улицах,— воскликнул он.— Решительный шаг сделан. Мы все и, в частности, лично я берем на себя ответственность за все происходящее...»

Выступали солдаты, прибывшие с фронта, из Гатчины. Один из них — от ударного батальона 481-й артиллерийской бригады: «Когда об этом узнают в окопах, там скажут: вот это — *наше* правительство». Юнкер Петергофской школы прапорщиков рассказал, как он и двое других отказались идти против Советов и как товарищи, вернувшись после боя из Зимнего дворца, выбрали его своим комиссаром и послали в Смольный предложить услуги настоящей революции.

И снова на трибуне Троцкий, легко загорающийся, отдающий приказы, отвечающий на вопросы.

«Чтобы разбить рабочих, солдат и крестьян, мелкая буржуазия готова пойти на соглашение хотя бы с самим дьяволом»,— сказал он. За последние два дня было много случаев пьянства. «Не пить, товарищи! После восьми часов вечера никому не выходить на улицу, кроме тех, кто несет караульную службу. Необходимо обыскать все помещения, в которых могут

оказаться запасы крепких напитков, и уничтожить все спиртное[3]. Никакой пощады тем, кто продает вино...»[4]

Военно-революционный комитет послал за делегатами Выборгского района, затем за делегатами Путиловского завода. Они спешно собрались.

«За каждого убитого революционера,— заявил Троцкий,— мы убьем пять контрреволюционеров».

Мы снова пошли в город. Дума сверкала огнями, и целые толпы вливались туда. В нижнем этаже слышались рыдания и горестные крики; толпа сгрудилась вокруг бюллетеней со списком юнкеров, убитых в бою или, вернее, считавшихся убитыми в бою, потому что очень скоро многие из этих мертвецов оказались живы и здоровы... Наверху, в Александровском зале, заседал Комитет спасения. Здесь были видны золотые с красным офицерские погоны, знакомые лица интеллигентов из меньшевиков и эсеров, жесткие глаза и шикарные костюмы банкиров и дипломатов; попадались старорежимные чиновники и изящно одетые женщины...

Давали показания телефонистки. Одна за другой появлялись на трибуне крикливо одетые девушки, подражавшие светским манерам, но с истощенными лицами и в стоптанных ботинках... Они краснели от удовольствия, когда им аплодировала «благородная» петроградская публика — офицеры, богачи, известные политические деятели; одна за другой рассказывали они о том, как страдали в плену пролетариата, и клялись в своей верности всему старому, незыблемому и могущественному...

В Николаевском зале снова заседала дума. Городской голова в обнадеживающем тоне рассказывал, что петроградские полки начинают стыдиться своих действий; пропаганда делает свое дело... Вбегали и выбегали эмиссары. Они приносили новости о большевистских зверствах и убийствах, пытались спасать юнкеров, предпринимали расследования... «Большевики,— говорил Трупп,— будут побеждены нравственной силой, а не штыками...»

Между тем на революционном фронте не все было благополучно. Неприятель подтянул бронированные поезда, вооруженные пушками. Отряды Советов, состоявшие главным образом из необученных красногвардейцев, не имели ни офицеров, ни определенного плана действий. К ним присоединилось всего пять тысяч регулярных солдат. Остальные части гарнизона либо разделывались с мятежом юнкеров, либо охраняли порядок в столице, либо все еще не могли решить, на чью сто-

рону стать. В десять часов вечера Ленин выступил с речью перед собранием делегатов гарнизонных полков, и они подавляющим большинством голосов постановили вступить в борьбу. Был создан комитет из пяти солдат — нечто вроде генерального штаба, и рано утром полки в полном боевом порядке вышли из казарм... Я встретил их, когда шел домой. Мерным и твердым шагом боевых ветеранов шли они штык к штыку в отличном равнении по пустынным улицам завоеванного города...

В то же время на Садовой в помещении Викжеля происходила конференция всех социалистических партий, собравшаяся для сформирования нового правительства. Абрамович от имени меньшевиков центра заявил, что не должно быть ни побежденных, ни победителей, что о старом вспоминать нечего... Все левые группы и партии согласились с ним. Дан от имени правых меньшевиков предложил большевикам следующие условия перемирия: Красная гвардия должна сложить оружие, а петроградский гарнизон — подчиниться городской думе; войска Керенского не сделают ни одного выстрела и не арестуют ни одного человека; будет составлено министерство из представителей всех социалистических партий, кроме большевиков. Рязанов и Каменев заявили от имени Смольного, что коалиционное правительство всех социалистических партий приемлемо, но протестовали против предложения Дана. Эсеры раскололись. Но исполнительный комитет крестьянских депутатов и народные социалисты наотрез отказались работать с большевиками... После резких споров была избрана комиссия для выработки приемлемого плана...

В комиссии борьба шла всю ночь, весь следующий день и следующую ночь. Подобная попытка соглашения была уже сделана однажды, 9 ноября (27 октября), по инициативе Мартова и Горького. Однако тогда эта попытка провалилась: Керенский приближался, Комитет спасения проявлял огромную активность, и правые меньшевики, а также эсеры и народные социалисты неожиданно отказались от переговоров. Теперь они были испуганы подавлением юнкерского мятежа...

Понедельник 12 ноября (30 октября) прошел в неизвестности. Взоры всей России были устремлены к серой равнине у предместья Петрограда, где все силы старого порядка, какие только можно было собрать, стояли лицом к лицу с не организовавшейся еще властью нового, неизведанного. В Москве было объявлено перемирие; стороны вели переговоры и выжидали, чем кончится дело в столице. А между тем делегаты съезда Советов, поспешно разъехавшиеся по всем направлениям,

вплоть до отдаленнейших пределов Азии, возвращались к своим домам и везли с собой пылающие факелы революции. Вести о чудесных событиях расходились по всей стране, как волны расходятся по водной глади, и все города и дальние деревни шевелились и подымались. Советы и военно-революционные комитеты против дум, земств и правительственных комиссаров... Красногвардейцы против белогвардейцев... Уличные бои и страстные речи... Исход зависел от того, что скажет Петроград...

Смольный был почти пуст, но дума кишела народом. Престарелый городской голова с присущим ему достоинством протестовал против воззвания гласных большевиков.

«Дума вовсе не является центром контрреволюции,— горячо говорил он.— Дума не принимает никакого участия в происходящей борьбе партий. Но в тот момент, когда в стране нет никакой законной власти, единственным центром порядка является городское самоуправление. Этот факт признается мирным населением; иностранные посольства считаются только с теми официальными документами, которые подписаны городским головой. Европеец по самому своему складу не может допустить иного положения, чем то, при котором городское самоуправление является единственным органом, способным охранять интересы граждан. Город обязан оказать гостеприимство всем организациям, желающим воспользоваться этим гостеприимством, а потому дума не может препятствовать распространению в своем здании каких бы то ни было газет. Сфера нашей деятельности расширяется, мы должны получить полную свободу действий, наши права должны признаваться обеими сторонами...

Мы совершенно нейтральны. Когда телефонная станция была занята юнкерами, Полковников приказал выключить все телефоны Смольного, но я заявил протест, и эти телефоны продолжали работать...»

Иронический смех на большевистских скамьях и негодующие выкрики справа.

«И все же,— продолжал Шрейдер,— большевики считают нас контрреволюционерами и соответственно аттестуют нас населению. Они лишают нас наших транспортных средств, отнимая у нас последние автомобили. Не наша будет вина, если в результате в городе начнется голод. Никакие протесты не помогают...»

Большевик член городской управы Кобозев заявил, что он сомневается, чтобы Военно-революционный комитет реквизировал городские автомобили. Если даже допустить, что подоб-

ные случаи имели место, то это, вероятно, сделали неполномочные лица под влиянием крайней необходимости.

«Городской голова,— продолжал он,— говорит, что мы не имеем права превращать думу в политическое собрание. Но все, что говорит здесь любой меньшевик или эсер, есть не что иное, как партийная пропаганда, а у дверей они распространяют свои нелегальные газеты — «Искру», «Солдатский голос» и «Рабочую газету», подстрекающие к восстанию. Что, если бы мы, большевики, тоже начали распространять здесь свои газеты? Но мы этого не сделаем, потому что уважаем думу. Мы не нападаем и не собираемся нападать на городское самоуправление. Но, раз вы обратились к населению с призывом, мы имели право сделать то же самое...»

После этого выступил кадет Шингарев. Он заявил, что с людьми, которых надо просто отправить к прокурору и предать суду по обвинению в государственной измене, не может быть общего языка... Он снова предложил исключить из думы всех большевиков. Но это предложение было отвергнуто, потому что против гласных большевиков нельзя было выдвинуть никаких персональных обвинений, а между тем все они активно работали в городских учреждениях.

Тогда двое меньшевиков-интернационалистов заявили, что воззвание большевистских членов думы было прямым призывом к погрому. «Если всякий, кто против большевиков, есть контрреволюционер,— говорил Пинкевич,— то я не понимаю, в чем же разница между революцией и анархией... Большевики подчиняются всем страстям разнузданных масс, а у нас нет ничего, кроме нравственной силы. Мы протестуем против насилий и погромов как с той, так и с другой стороны. Наша цель — найти мирный выход из положения...»

«Прокламация под заглавием «К позорному столбу», расклеенная по улицам и призывающая народ уничтожить меньшевиков и эсеров,— заявил Назарьев,— есть преступление, которого вам, большевикам, никогда не смыть с себя. Вчерашние ужасы — это только пролог к тому, что подготавливается такими прокламациями... Я все время пытался примирить вас с другими партиями, но теперь я испытываю по отношению к вам только презрение!»

Большевики вскочили с мест, гневно крича. Им отвечали хриплые ненавидящие голоса, яростные жесты...

Выйдя из зала, я встретил городского инженера меньшевика Гомберга и трех-четырех репортеров. Все они были в очень радужном настроении.

«Ну, что? — говорили они.— Эти трусы боятся нас. Они не посмеют арестовать думу! Их Военно-революционный комитет не смеет послать сюда комиссара. Да что там! Сегодня я видел на углу Садовой, как красногвардеец пытался задержать мальчишку, продававшего «Солдатский голос»... Мальчишка только смеялся ему в лицо, а толпа чуть не расправилась с разбойником. Теперь все решится в течение нескольких часов. Пусть Керенский даже и не придет, все равно у них нет людей, которые могли бы руководить правительством. Абсурд!.. Я слышал, что они там дерутся между собой в Смольном!»

Один эсер, мой приятель, отвел меня в сторону. «Я знаю, где скрывается Комитет спасения,— сказал он мне.— Хотите пойти поговорить с ними?..»

Уже наступили сумерки. В городе снова шла обычная жизнь: торговали магазины, горели по улицам огни, и в обоих направлениях медленно двигались густые толпы народа, продолжая всегдашние споры.

Дойдя по Невскому до дома № 86, мы прошли во двор, окруженный высокими корпусами. Мой друг особенным образом постучал в дверь 229-й квартиры. Внутри послышалась возня, хлопнула внутренняя дверь. Затем наружная дверь слегка приоткрылась, и мы увидели женское лицо. Быстро оглядевшись, женщина впустила нас. То была женщина средних лет, со спокойным выражением лица. «Кирилл! — крикнула она.— Все в порядке!» В столовой кипел самовар, на столе стояли тарелки с хлебом и селедкой. Из-за оконной гардины вышел человек в офицерской форме, из чулана появился другой человек, переодетый рабочим. Оба были очень рады видеть американского корреспондента и не без удовольствия заявили мне, что их наверняка расстреляют, если они попадутся большевикам. Имен своих они не назвали, но оба были эсеры.

«Почему вы печатаете в своих газетах такую невероятную ложь?» — спросил я.

Офицер без всякой обиды ответил: «Да, знаю. Но что же нам делать? (Он пожал плечами.) Должны же вы понять, что нам необходимо создать в народе известное настроение...»

Второй перебил его. «Все это со стороны большевиков — сплошная авантюра! У них нет интеллигенции. Министерства не будут работать... Россия — это не город, а целая страна... Мы понимаем, что им не удержаться больше нескольких дней, потому мы и решились поддержать крупнейшую из выступающих против него сил — Керенского и помочь восстановить порядок».

«Все это прекрасно,— заметил я.— Но зачем же вы объединяетесь с кадетами?»

Джерабочий откровенно усмехнулся. «Говоря по правде, сейчас народные массы идут за большевиками. У нас пока что нет последователей. Мы не можем мобилизовать ни горсточки солдат. Настоящего оружия у нас нет... До известной степени большевики правы. В настоящий момент в России имеются всего две сколько-нибудь сильные партии — это большевики и реакционеры, прячущиеся под крылышком у кадетов. Кадеты думают, что они используют нас, но на самом-то деле мы используем их. Когда мы разгромим большевиков, то повернем против кадетов...»

«А будут ли большевики допущены в новое правительство?»

Он почесал в затылке. «Это сложный вопрос,— проговорил он.— Конечно, если их не пустить, они, наверно, опять начнут все сначала. Во всяком случае, тогда у них будут шансы на то, чтобы определять равновесие сил в Учредительном собрании, если только Учредительное собрание вообще будет собрано».

«И кроме того,— перебил офицер,— это вызывает вопрос о допущении в правительство кадетов. Основания те же самые. Вы ведь знаете, что кадеты фактически не хотят созыва Учредительного собрания, не хотят, поскольку большевики могут быть теперь же разбиты». Он покачал головой. «Нелегко дается нам, русским, политика! Вы, американцы, рождаетесь политиками, вы занимаетесь политикой всю жизнь, а у нас, сами знаете, всему этому нет еще и года...»

«Что вы думаете о Керенском?» — спросил я.

«О, Керенский виноват во всех грехах Временного правительства,— ответил другой собеседник.— Он заставил нас войти в коалицию с буржуазией. Если бы он исполнил свою угрозу и подал в отставку, то получился бы министерский кризис всего за шестнадцать недель до Учредительного собрания, а этого мы хотели избежать».

«Но ведь в конце концов все так и получилось?»

«Да, но как же мы могли это знать? Керенские и Авксентьевы обманули нас. Гоц тоже ненамного радикальнее их. Я стою за Чернова, ибо он настоящий революционер... Вы знаете, не далее как сегодня Ленин велел передать, что он не возражал бы против вхождения Чернова в правительство.

Конечно, мы тоже хотели отделаться от правительства Керенского, но нам казалось, что лучше дождаться Учредитель-

ного собрания... Когда все это началось, я стоял за большевиков, но Цека моей партии единогласно высказался против. Что же мне было делать? Партийная дисциплина...

Через неделю большевистское правительство развалится на куски. Если бы только эсеры могли стоять в стороне и ждать, то власть прямо упала бы им в руки. Но если мы будем ждать целую неделю, то в стране настанет такая разруха, что немецкие империалисты одержат полную победу. Вот почему мы начали восстание, имея за собой только два полка солдат, обещавших поддержать нас, но и те оказались против нас... Остались одни юнкера...»

«А как же казаки?»

Офицер вздохнул. «Не двинулись с места. Сначала они сказали, что выступят, если их поддержит пехота. Кроме того, они говорили, что у Керенского и так есть казаки, а стало быть, они уже сделали свое... Потом они стали говорить, что казаков всегда считают прирожденными врагами демократии... А в конце концов «большевики, говорят, обещали не отбирать у нас земли, нам бояться нечего, мы держим нейтралитет».

Пока шел этот разговор, все время входили и выходили какие-то люди — в основном офицеры со срезанными погонами. Мы могли видеть их в прихожей и слышать их тихие, но энергичные голоса. Сквозь отвернувшуюся портьеру я случайно увидел приоткрытую дверь в ванную комнату, где на стульчике сидел плотный офицер в полковничьей форме и что-то записывал в блокнот, лежавший у него на коленях. Я узнал бывшего петроградского коменданта полковника Полковникова, за арест которого Военно-революционный комитет не пожалел бы целого состояния.

«Наша программа? — говорил офицер.— Вот она. Передать землю земельным комитетам. Рабочим должна быть предоставлена полная возможность участвовать в управлении промышленностью. Энергичная мирная политика, но без такого ультиматума, с каким большевики обратились ко всем странам. Большевикам не удастся исполнить те обещания, которые они дали массам, не удастся даже внутри страны. Мы им не позволим... Они украли у нас программу по аграрному вопросу, чтобы добиться поддержки крестьянства. Это нечестно. Если бы они дождались Учредительного собрания...»

«Дело не в Учредительном собрании! — прервал его другой офицер.— Если большевики собираются разводить здесь социалистическое государство, то мы ни в коем случае не можем работать с ними! Керенский сделал огромную ошиб-

ку, когда заявил в Совете республики, что он уже отдал приказ арестовать большевиков. Он просто открыл им свои карты...»

«Но что же вы собираетесь делать теперь?» — спросил я.

Оба поглядели друг на друга. «Увидите через несколько дней... Если на нашей стороне будет достаточно фронтовых войск, то мы не станем входить с большевиками в какие-либо соглашения. А если нет, ну тогда, может быть, придется...»

Выйдя на Невский, мы вскочили на подножку переполненного трамвая, площадка которого осела под тяжестью людей и тащилась по земле. Трамвай медленно полз к Смольному.

По коридору шел маленький, хрупкий и изящный Мешковский. У него был очень озабоченный вид. Забастовка всех министерств, сообщил он нам, производит свое действие. Так, например, Совет Народных Комиссаров обещал опубликовать секретные договоры, но Нератов, который ведает делами, исчез и унес их с собой. Есть предположение, что они спрятаны в английском посольстве...

Но хуже всего то, что бастуют банки. «Без денег,— сказал Менжинский,— мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; Государственный банк тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу...

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Петроградский Совет работал полным ходом, зал был переполнен вооруженными людьми. Троцкий докладывал:

«Казаки отступают от Красного Села (громкие восторженные аплодисменты). Но сражение только еще начинается. В Пулкове идут ожесточенные бои. Туда нужно спешно бросить все имеющиеся силы...

Сведения из Москвы неутешительны. Кремль в руках юнкеров, а у рабочих очень мало оружия. Исход дела зависит от Петрограда.

На фронте декреты о мире и о земле вызвали огромный энтузиазм. Керенский засыпает окопы сказками о том, что Петроград в огне и крови, об избиении большевиками женщин и детей. Но ему никто не верит...

Крейсеры «Олег», «Аврора» и «Республика» стали на якорь на Неве и направили орудия на подступы к городу...»

«Почему вы не там, где дерутся красногвардейцы?» — крикнул чей-то резкий голос.

«Я отправляюсь сейчас же!» — ответил Троцкий, сходя с трибуны. Лицо его было несколько бледнее, чем обычно. Окруженный преданными друзьями, он вышел из комнаты по боковому проходу и поспешил к автомобилю.

Теперь говорил Каменев. Он изложил ход примирительной конференции. Условия перемирия, предложенные меньшевиками, сказал он, отвергнуты с презрением. Даже некоторые отделы союза железнодорожников голосовали против подобных предложений...

«Теперь, когда мы завоевали власть и подняли всю Россию,— продолжал Каменев,— они всего-навсего требуют от нас следующие пустяки: во-первых, отдать власть, во-вторых, заставить солдат продолжать войну и, в-третьих, заставить крестьян позабыть о земле...»

На минуту появился Ленин. Он дал ответ на обвинения со стороны эсеров:

«Они обвиняют нас в том, что мы украли у них аграрную программу... Ну что ж, если так, то мы можем их поблагодарить. С нас и этого довольно...»

Так шло это собрание. Руководители по очереди поднимались на трибуну, разъясняя, увещевая и доказывая. Солдат за солдатом, рабочий за рабочим вставали и высказывали все, что было у них на уме и на сердце... Аудитория была текучая: она все время менялась и обновлялась. Время от времени появлялись в зале люди, вызывая представителей того или иного отряда, чтобы ехать на фронт. Приходили их товарищи, те, кто был ранен или прибыл в Петроград за оружием и снаряжением...

Почти в 3 часа ночи, когда мы уже уходили, в вестибюль Смольного сбежал по лестнице Гольцман из Военно-революционного комитета. Лицо его сияло.

«Все прекрасно! — закричал он, сжимая мне руку.— Телеграмма с фронта! Керенский разбит! Вот, взгляните...»

И он протянул мне клочок бумаги, торопливо исписанный карандашом. Видя, что мы ничего не можем разобрать, он прочел вслух:

«Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 минут ночи.

Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную, свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы! Но путь открыт, и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета народный комиссар *Л. Троцкий*».

Возвращаясь домой по Знаменской площади, мы заметили необычную толпу, напиравшую на Николаевский вокзал. Здесь было несколько тысяч матросов, над которыми вздымалась щетина ружейных штыков.

Член Викжеля, стоя на ступеньке, молил:

«Товарищи, мы не можем везти вас в Москву. Мы нейтральны. Мы не перевозим никаких войск. Не можем мы везти вас в Москву, где идет ужасная гражданская война...»

Площадь кипела и гремела негодованием. Матросы начинали подвигаться вперед. Вдруг в здании вокзала широко открылась другая дверь. В ней стояли двое или трое кондукторов, кочегар или кто-то еще.

«Сюда, товарищи! — кричали они. — Мы повезем вас в Москву, во Владивосток — куда хотите! Да здравствует революция!»

ГЛАВА IX

ПОБЕДА

Приказ № 1

ЧАСТЯМ ПУЛКОВСКОГО ОТРЯДА

31 октября 1917 г., 9 ч. 38 м. пополуночи

«После ожесточенного боя части пулковского отряда одержали полную победу над силами контрреволюции, которые в беспорядке покинули свои позиции и под прикрытием Царского Села отступают к Павловскому 2-му и Гатчине.

Наши наступающие части заняли северо-восточную оконечность Царского Села и станцию Александровскую. На правом фланге у нас был колпинский отряд, на левом — красносельский.

Приказываю пулковскому отряду занять Царское Село и укрепить подступы к нему, особенно со стороны Гатчины.

Затем продвинуться дальше, занять Павловское, укрепить его с южной стороны и захватить линию железной дороги до станции Дно.

Отряд должен принимать все меры к укреплению занятых им позиций, возводя окопы и другие оборонительные сооружения.

Он обязан войти в тесную связь с колпинским и красносельским отрядами, а также со штабом начальника обороны г. Петрограда.

Главнокомандующий войсками, действующими против контрреволюционных отрядов Керенского, подполковник *Муравьев»*.

Вторник, утро. Что случилось? Всего два дня назад по окрестностям Петрограда бесцельно бродили беспорядочные, лишенные руководителей команды. У них не было ни продовольствия, ни артиллерии, ни какого бы то ни было плана действий. Что сплотило эти массы красногвардейцев и солдат, у которых не было ни организации, ни навыков воинской дисциплины, ни офицеров, в армию, подчиняющуюся своему выборному командованию, способную выдержать и отразить удар артиллерии и казачьей конницы? [1]

Восставший народ по-своему отбрасывает прочь военные шаблоны. Никогда не будут забыты одетые в лохмотья армии французской революции, победители при Вальми и Вейсембурге. Против Советов соединились юнкера, казаки, дворяне, помещики, черносотенцы, а за ними уже снова маячили царь,

охранка, сибирские рудники и, наконец, безграничная и страшная угроза со стороны немцев... Победа, выражаясь словами Карлейля, означала «торжество и Золотой век без конца».

В воскресенье вечером комиссары Военно-революционного комитета вернулись с фронта, и петроградский гарнизон выбрал свой Комитет пяти, свой боевой штаб, в составе трех солдат и двух офицеров, несомненно свободных от контрреволюционной заразы. Общее командование было возложено на бывшего оборонца полковника Муравьева — дельного человека, за которым, однако, было необходимо зорко следить. В Колпине, Обухове, Пулкове, в Красном Селе были сформированы временные отряды, постепенно увеличивавшиеся, по мере того как к ним присоединялись солдаты, матросы, красногвардейцы, отдельные подразделения разных полков; здесь были и пехота, и кавалерия, и артиллерия, а также несколько броневиков.

На рассвете показались казачьи разъезды Керенского. Началась беспорядочная ружейная перестрелка, обе стороны предлагали друг другу сдаться. Над холодной равниной ясный морозный воздух наполнился грохотом боя. Их услышали группы солдат, собравшиеся в ожидании у костров... Итак, началось! Они кинулись туда, где шел бой. Отряды рабочих, шедшие по главным дорогам, ускорили шаг... Ко всем атакованным пунктам сами собой стекались огромные массы охваченных гневом людей. Их встречали комиссары, указывавшие, какую позицию занять, что делать. Это была *их* битва за *их* собственный мир; командиры были избраны *ими самими.* В тот момент все многообразные и разнородные проявления воли многих слились в одну волю...

Участники этих боев рассказывали мне, как матросы, расстреляв все патроны, бросались в штыки, как необученные рабочие обрушивались на казачью лаву и сбрасывали казаков с лошадей, как в темноте толпы народа внезапно атаковали врага... В понедельник еще до полуночи казаки дрогнули и побежали, бросая артиллерию. Пролетарская армия двинулась вперед длинным, изломанным фронтом и ворвалась в Царское, не дав врагу времени разрушить правительственную радиостанцию. Теперь эта станция метала в мир торжествующие гимны победы...

«Всем Советам рабочих и солдатских депутатов.

Тридцатого октября, в ожесточенном бою под Царским Селом, революционная армия наголову разбила контрреволюционные войска Керенского и Корнилова.

Именем революционного правительства призываю все вверенные полки дать отпор врагам революционной демократии и принять все меры к захвату Керенского, а также к недопущению подобных авантюр, грозящих завоеваниям революции и торжеству пролетариата.

Да здравствует революционная армия!

Муравьев».

Новости из провинции...

В Севастополе власть захвачена местным Советом. Грандиозный митинг матросов боевых кораблей, стоящих на севастопольском рейде, заставил офицеров торжественно присягнуть новому правительству. Нижний Новгород управляется Советом. Из Казани сообщают об уличных боях, юнкера и артиллерийская бригада бьются с большевистским гарнизоном...

В Москве снова вспыхнули отчаянные бои. Юнкера и белогвардейцы удерживают Кремль и центр города, но их со всех сторон атакуют войска Военно-революционного комитета. Артиллерия Советов бомбардирует со Скобелевской площади городскую думу, комендатуру и гостиницу «Метрополь». На Тверской и Никитской разворочена вся мостовая; булыжник использован при постройке окопов и баррикад. Кварталы, в которых помещаются крупные банки и торговые дома, усиленно обстреливаются из пулеметов. Электрического освещения нет, телефон не работает; буржуазное население попряталось в подвалах... В последнем бюллетене сообщалось, что Военно-революционный комитет ультимативно потребовал от Комитета общественной безопасности немедленной сдачи Кремля, угрожая в противном случае бомбардировкой.

«Бомбардировать Кремль! — кричали обыватели.— Не посмеют!»

Гражданская война пылала от Вологды до Читы в далекой Сибири, от Пскова до Севастополя на Черном море, в огромных городах и в маленьких деревушках. От тысячи фабрик и заводов, крестьянских общин, полков и армий, кораблей в открытом море текли приветствия в Петроград — приветствия правительству народа.

Казачье правительство в Новочеркасске телеграфировало Керенскому: *«Войсковое правительство Донского войска приглашает Временное правительство и членов Совета Российской республики, если возможно, прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками...»*

В Финляндии тоже неспокойно. Гельсингфорсский совет и Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота) сообща ввели осадное положение и объявили, что все попытки помешать деятельности большевистских отрядов и оказывать вооруженное сопротивление постановлениям Советов будут сурово подавлены. Одновременно союз финских железнодорожников объявил по всей Финляндии всеобщую забастовку, чтобы добиться проведения в жизнь законов, установленных в июне 1917 года социалистическим сеймом, который был разогнан Керенским.

Рано утром я пошел в Смольный. Идя от внешних ворот по длинным деревянным мосткам, я заметил, что в сером безветренном воздухе порхают первые снежинки. «Снег! — весело улыбаясь, закричал часовой, стоявший у двери.— Здорово!» Внутри длинные мрачные коридоры и холодные залы казались пустынными. Громадное здание точно вымерло. Но тут до меня донеслись какие-то странные, глухие звуки. Я оглянулся. Вдоль стен на полу спали люди. Взлохмаченные, немытые люди — рабочие и солдаты, перепачканные и забрызганные грязью, лежали в одиночку и группами, погруженные в тяжелый сон и безразличные ко всему. На многих были разорванные и окровавленные повязки. Тут же рядом валялись винтовки и патронные ленты... То была победоносная армия пролетариата.

Наверху, в буфете, спало столько народу, что с трудом можно было пройти. Воздух был невероятно спертый. Сквозь запотевшие окна еле проникал бледный свет. На прилавке стоял холодный помятый самовар, а вокруг него — масса немытых стаканов. Тут же лежал экземпляр последнего бюллетеня Военно-революционного комитета лицевой стороной вниз, исписанный малограмотным почерком. Какой-то солдат писал эти слова в память о его товарищах, погибших в бою против Керенского,— писал, пока не свалился тут же на пол. Лист был закапан чем-то похожим на слезы...

Алексей Виноградов
Д. Москвин
С. Столбиков
А. Воскресенский
Д. Леонский
Д. Преображенский
В. Лайданский
М. Берчиков

Все эти люди поступили в армию 15 ноября 1916 года. Из них остались в живых трое:

Михаил Берчиков
Алексей Воскресенский
Дмитрий Леонский

* * *

Спите, орлы боевые,
Спите с спокойной душой!
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой...

Только Военно-революционный комитет все еще бодрствовал и работал. Из дальней комнаты вышел Скрыпник. Он рассказал мне, что Гоц арестован, но категорически заявляет, что не подписывал прокламации Комитета спасения, как это сделал Авксентьев. Сам Комитет спасения отказался от своего призыва к гарнизону. В полках, расположенных в городе, сообщил Скрыпник, наблюдается недовольство; Волынский полк отказался драться против Керенского.

В Гатчине было несколько «нейтральных» отрядов с Черновым во главе; он пытался убедить Керенского прекратить наступление на Петроград.

Скрыпник рассмеялся. «Теперь не может быть никаких «нейтральных»,— сказал он.— Мы победили!» Его резкое бородатое лицо пылало почти религиозным воодушевлением. «С фронта прибыло больше шестидесяти делегатов, привезших решения о поддержке от всех армий, за исключением частей Румынского фронта, от которых еще нет известий. Армейские комитеты не пропускают петроградских газет, но мы уже наладили регулярную связь через курьеров...»

В вестибюле появился Каменев, совершенно измученный заседанием конференции по созданию нового правительства, затянувшимся на всю ночь, но все-таки довольный. «Эсеры уже склонны допустить нас в новое правительство,— сказал он мне.— Правые группы запуганы революционными трибуналами. Они в какой-то панике и требуют, чтобы мы прежде всего распустили трибуналы... Мы согласились на предложение Викжеля сформировать однородное социалистическое министерство, и теперь там вырабатывают проект... А знаете, ведь все это только потому, что мы одержали победу. Когда наши дела были плохи, они ни за что не хотели пускать нас в правительство,

а теперь все стараются так или иначе столковаться с Советами... Нам нужна действительно окончательная победа. Керенский хочет перемирия, но мы заставим его сдаться...»[2]

Таково было настроение большевистских вождей. Один иностранный корреспондент спросил Троцкого, какое сообщение он хотел бы сделать миру. Троцкий ответил: «В настоящий момент возможно только то сообщение, которое мы уже делаем жерлами пушек».

Но сквозь все это победное воодушевление прорывалось явное беспокойство. Финансовый вопрос. Вместо того чтобы открыть банки, как приказал Военно-революционный комитет, Союз банковских служащих созвал собрание своих членов и формально объявил забастовку. Смольный затребовал от Государственного банка около тридцати пяти миллионов рублей, но кассир запер подвалы и выдавал деньги только представителям Временного правительства. Контрреволюционеры пользовались Государственным банком, как политическим орудием. Так, например, когда Викжель требовал денег на жалованье рабочим и служащим государственных железных дорог, ему отвечали: «Обратитесь в Смольный...»

Я отправился в Государственный банк, чтобы повидать нового комиссара, рыжеволосого украинского большевика, по имени Петрович. Он пытался навести хоть какой-нибудь порядок в делах банка, оставленных в хаотическом состоянии забастовавшими служащими. Во всех отделах огромного учреждения работали добровольцы: рабочие, солдаты, матросы. Высунув языки от напряжения, они тщетно старались разобраться в огромных бухгалтерских книгах...

Здание думы было переполнено людьми. Все еще наблюдались случаи вызывающего поведения по отношению к новому правительству, но они становились все реже. Центральный земельный комитет обратился к крестьянам с призывом не признавать декрета о земле, изданного съездом Советов, потому что этот декрет ведет к смуте и гражданской войне. Городской голова Шрейдер заявлял, что в результате большевистского восстания выборы в Учредительное собрание придется отложить на неопределенный срок.

В сознании большинства людей, потрясенном жестокостью гражданской войны, на первый план выдвигались два вопроса: во-первых, прекращение кровопролития[3] и, во-вторых, создание нового правительства. Никто уже не говорил об «уничтожении большевиков», и мало кто говорил даже об их исключении из правительства. Разве только народные социалисты и Совет

крестьянских депутатов еще носились с такой мыслью. Даже Центральный армейский комитет, работавший в ставке и всегда выступавший как заклятый враг Смольного, телефонировал из Могилева: «Если для создания нового министерства необходимо соглашение с большевиками, то мы согласны на предоставление им *меньшинства* в кабинете».

«Правда», иронически отзываясь о призывах Керенского к «чувству гуманности», перепечатала его обращение к Комитету спасения:

«Согласно предложению Комитета спасения и всех демократических организаций, объединившихся вокруг него, мною приостановлены действия против повстанческих войск и послан представитель — комиссар при Верховном главнокомандующем Станкевич для вступления в переговоры. Примите меры к прекращению возможности напрасного кровопролития...»

Викжель разослал по всей России телеграмму:

«Совещание Всероссийского жел.-дор. союза с представителями враждующих сторон и организаций, стоящих на почве соглашения, категорически отвергая применение политического террора в гражданской войне, особенно между отдельными частями революционной демократии, заявляет, что применение такого террора в какой-либо форме одной из сторон против другой в данный момент противоречит самой сущности и цели переговоров...»

Конференция посылала делегации на фронт, в Гатчину. На самой конференции дело, как казалось, шло к окончательному разрешению вопроса. Было даже решено избрать временный народный совет, в который должно было войти около четырехсот членов: семьдесят пять — от Смольного, столько же — от старого ЦИК, а остальные — от городских самоуправлений, профессиональных союзов, земельных комитетов и политических партий. В министры-председатели выдвигали Чернова. Ходили слухи, что Ленина и Троцкого исключат...

Около полудня я уже снова стоял перед Смольным и разговаривал с шофером санитарного автомобиля, который должен был отправиться на революционный фронт. Нельзя ли мне поехать вместе с ним? Разумеется, можно! Этот шофер был доброволец, студент, и по дороге он слегка повернулся ко мне и через плечо закричал на ужасном немецком языке: «Also, gut!

Wir nach die Kasernen zu essen gehen!»[1] Я так понял, что в какой-то казарме можно будет позавтракать.

На Кирочной мы завернули в огромный двор, окруженный казарменными строениями, и поднялись по темной лестнице в низкую комнату, освещенную одним окном. За длинным деревянным столом сидело десятка два солдат. Они ели деревянными ложками щи из большого жестяного бака, громко разговаривая, шутя и смеясь.

«Батальонному комитету шестого запасного саперного батальона здравия желаю!» — закричал мой спутник и тут же представил меня сидевшим как американского социалиста. Все встали и протянули мне руки, а один старый солдат заключил меня в объятия и сердечно расцеловал. Меня снабдили деревянной ложкой и усадили за стол. В комнату внесли новый бак, наполненный кашей, огромный каравай черного хлеба и, разумеется, неизбежный чайник. Все принялись задавать мне вопросы об Америке. Правда ли, что в вашей свободной стране голоса продают за *деньги?* Если правда, то каким же образом народ добивается исполнения своих требований? А что это за штука «Таммани»? Правда ли, что в вашей свободной стране группка из нескольких человек может как угодно вертеть целым городом и пользоваться им для своей личной выгоды? Как же народ терпит это? В России таких вещей не бывало даже при царе: правда, всегда было взяточничество, но покупать и продавать целые города, в которых живет масса народу!.. Да еще в свободной стране! Неужели в народе совсем нет революционного чувства? Я попробовал втолковать им, что у нас народ пытается изменить положение вещей законными путями.

«Конечно,— кивнул мне молодой унтер-офицер, по фамилии Бакланов, объяснявшийся по-французски.— Но ведь у вас имеется сильно развитый капиталистический класс? В таком случае капиталистический класс, безусловно, должен подчинить себе и законодательство и суд. Как же народ может изменить это положение? Может быть, вы бы убедили меня в своей правоте, поскольку я не знаю вашу страну, но для меня это совершенно невероятно...»

Я сказал, что еду в Царское Село. «Я тоже»,— неожиданно заявил Бакланов. «И я... И я...» Все, кто был в комнате, тут же решили ехать в Царское Село.

---

[1] Эта фраза может быть переведена приблизительно так: «Ну, хорошо! Мы пойдем кушать в казармы».

В этот момент кто-то постучал в дверь. Она открылась, и в ней появилась фигура полковника. Никто не встал, но все громко поздоровались с ним. «Можно войти?» — спросил полковник. «Просим, просим!» — радушно ответили солдаты.

Полковник вошел, улыбаясь,— высокая, представительная фигура в барашковой папахе с золотым галуном. «Кажется, вы говорили, что едете в Царское Село, товарищи,— сказал он.— Нельзя ли и мне с вами?»

Бакланов что-то прикинул в уме. «Не думаю, чтобы здесь сегодня были какие-нибудь особо важные дела,— ответил он.— Едемте, товарищ. Мы с удовольствием примем вас в свою компанию». Полковник поблагодарил его, уселся и налил себе стакан чаю.

Бакланов, понизив голос, чтобы не задеть полковника, объяснил мне положение. «Видите ли,— сказал он,— я председатель комитета. Мы всецело распоряжаемся батальоном, а полковник получает от нас права командира только во время боя, когда батальон подчинен ему и его приказы обязательны для всех. Но он отвечает перед нами за все. В казармах он ничего не может сделать без нашего разрешения... Можно считать его нашим служащим...»

Нам роздали револьверы и винтовки — «...знаете, ведь можно и на казаков наткнуться...» — и мы забрались в санитарный автомобиль, прихватив с собой три большие пачки газет для фронта. Автомобиль помчался прямо по Литейному, затем по Загородному проспекту. Рядом со мной сидел молодой поручик, который, по-видимому, с одинаковой легкостью говорил на всех европейских языках. Он был членом батальонного комитета.

«Я не большевик,— горячо уверял он меня.— Ведь я из старинного дворянского рода. Я, собственно, можно сказать, кадет...»

«Но как же...» — изумился я.

«Да, да, я член комитета! Я не скрываю своих политических взглядов, но никто не обращает на это внимания, потому что все знают, что я никогда не выступлю против воли большинства... Я отказался принимать какое бы то ни было участие в гражданской войне, потому что не считаю возможным подымать оружие против моих братьев, русских...»

«Провокатор! Корниловец!» — шутливо кричали наши спутники, похлопывая его по плечу.

Мы проскочили под огромной серой каменной аркой Московских ворот, покрытой золотой вязью надписей, тяжеловесными императорскими орлами и именами царей, и вылетели на широкую прямую дорогу, посеревшую от первого снега. Она была

забита красногвардейцами, которые с шумом и песнями двигались пешком на революционный фронт. Другие — бледные, грязные, возвращались оттуда в город. Большинство красногвардейцев казались совсем юнцами. Тут же проходили и женщины с лопатами, а иногда и с винтовками и патронташами или с повязками Красного Креста — согбенные, измученные трудом женщины трущоб. Группы солдат, шедших не в ногу, дружески подшучивали над красногвардейцами; попадались суровые матросы, дети, тащившие еду своим отцам и матерям, и все они, двигаясь туда и обратно, ожесточенно месили глубокую грязь, покрывавшую шоссе на несколько дюймов. Мы обгоняли пушки и зарядные ящики, с грохотом катившиеся на юг. Нам встречались грузовики, ощетинившиеся штыками бойцов; с фронта ехали санитарные автомобили, а однажды встретилась медленно подвигавшаяся со скрипом крестьянская телега, в которой корчился и громко стонал смертельно бледный юноша, тяжело раненный в живот. На полях по обе стороны дороги женщины и старики рыли окопы и строили проволочные заграждения.

Позади, на севере, сквозь разрыв туч выглянуло бледное солнце. На плоской болотистой равнине блестел Петроград. Справа вздымались белые, позолоченные и разноцветные купола и шпили; слева — высокие трубы, извергавшие черный дым, а за всем этим низко спускалось небо над Финляндией. Со всех сторон виднелись церкви и монастыри... Время от времени можно было заметить монаха, молча наблюдавшего, как проходят пролетарские армии, заполнившие дорогу.

В Пулкове дорога разделилась, здесь мы застряли в огромной толпе, куда с трех сторон стекались людские потоки и где встречались старые друзья, рассказывавшие друг другу о боях. Дома, стоявшие у перекрестка, были пробиты пулями, а земля затоптана и превращена в грязь на полмили кругом. В этом месте произошел жестокий бой... Поблизости кружили голодные казачьи кони без всадников в тщетных поисках корма: вся трава на равнине уже давно сошла. Прямо перед нами какой-то неловкий красногвардеец пытался сесть на одного из коней, но все время падал, что по-детски забавляло многотысячную толпу.

Дорога налево, по которой отступали остатки казаков, вела к деревушке на вершине невысокого холма, откуда открывался великолепный вид на огромную серую, как безветренное море, равнину с нависшими над ней тяжелыми тучами; все дороги были полны людскими толпами, направляющимися из столицы. Далеко слева виднелся невысокий холм Красного Села, где помещались гвардейские летние лагеря и находилась император-

ская ферма. Однообразие равнины нарушали два-три монастыря и фабрики, а также несколько приютов и убежищ — больших строений с запущенными садами...

«Вот здесь,— сказал шофер, когда мы поднялись на голый холм,— вот здесь приняла смерть Вера Слуцкая. Да, да, та самая большевичка и член думы. Это случилось сегодня, рано утром. Она находилась в автомобиле с Залкиндом и еще одним товарищем. Было перемирие, и они ехали на передовые позиции. Они разговаривали и смеялись, когда вдруг с бронепоезда, в котором ехал сам Керенский, кто-то увидел автомобиль и выстрелил из пушки. Снаряд попал в Слуцкую и убил ее...»

Так доехали мы до Царского, который заполнили герои — бойцы пролетарских отрядов. Теперь во дворце, где заседал Совет, была самая деловая обстановка. Во дворе толпились красногвардейцы и матросы, у дверей стояли часовые, беспрерывно входили и выходили курьеры и комиссары. В помещении Совета кипел самовар, более пятидесяти рабочих, солдат, матросов и офицеров стояли вокруг него, пили чай и громко разговаривали. В углу двое рабочих тщетно пытались пустить в ход ротатор. У стола, стоявшего в центре, огромный Дыбенко склонился над картой, отмечая красным и синим карандашами расположение войск. В свободной руке у него, как и всегда, был большущий револьвер вороненой стали. Потом он сел за пишущую машинку и стал стучать одним пальцем. Прекращая работу хотя бы на секунду, он снова брал револьвер и любовно вертел его барабан.

У стены стоял диван, на котором лежал молодой рабочий. Двое красногвардейцев склонились над ним, но прочие не обращали на него никакого внимания. Он был ранен в грудь; при каждом ударе сердца сквозь его одежду проступала свежая кровь. Глаза его были закрыты, молодое лицо, окаймленное бородкой, стало зеленовато-белым. Он дышал медленно и трудно и при каждом вздохе шептал: «Мир будет... Мир будет...»

Дыбенко взглянул на нас. «А! — сказал он, увидев Бакланова.— Не угодно ли вам, товарищ, отправиться в комендантское управление и принять там дела? Погодите, сейчас я напишу вам мандат».

Он подошел к машинке и принялся медленно выстукивать букву за буквой.

Вместе с новым комендантом Царского Села я отправился в Екатерининский дворец. Бакланов был очень возбужден и горд оказанным ему доверием. В этом самом белом зале, где я уже был в прошлый приезд, мы застали несколько красногвар-

дейцев, с любопытством оглядывавшихся кругом, в то время как мой старый знакомый полковник стоял у окна и нервно кусал усы. Он приветствовал меня, словно без вести пропавшего брата. За столом у двери сидел француз из Бессарабии. Большевики велели ему оставаться здесь и продолжать работу.

«Что мне было делать? — шептал он мне.— В такой войне, как эта, люди, подобные мне, не могут драться ни на той, ни на другой стороне, какое бы инстинктивное отвращение они ни чувствовали к диктатуре черни... Мне только жаль, что я нахожусь так далеко от моей матушки, оставшейся в Бессарабии!»

Бакланов официально принимал дела от старого коменданта. «Вот ключи от стола»,— нервно сказал полковник.

Один из красногвардейцев перебил его. «А где деньги?» — резко спросил он. Полковник казался удивленным. «Деньги? деньги?.. Ах, вы говорите о денежном ящике!.. Вот он, в том самом виде, как я получил его три дня назад. Ключи?..— Полковник пожал плечами.— Ключей у меня нет».

Красногвардеец улыбнулся хитрой улыбкой. «Ловко!» — сказал он.

«Откроем ящик! — сказал Бакланов.— Принесите топор! Вот здесь американский товарищ. Пусть он собьет замок и запишет, что окажется в ящике».

Я взмахнул топором, деревянный ящик оказался пустым.

«Арестовать его,— злобно сказал красногвардеец.— Он за Керенского. Он украл деньги и отдал их Керенскому».

Бакланов не соглашался. «Нет,— ответил он.— Ведь до него здесь были корниловцы. Он не виноват».

«Черт побери! — кричал красногвардеец.— Говорю вам, он за Керенского! Не арестуете его вы, так арестуем мы! Мы отвезем его в Петроград и посадим в Петропавловку. Туда ему и дорога!»

Остальные красногвардейцы поддержали его. Полковник печально взглянул на нас, и его увели...

Перед дворцом, где помещался Совет, стоял грузовик, отправлявшийся на фронт. Полдюжины красногвардейцев, несколько матросов и один или два солдата, которыми командовал рослый рабочий, забрались в кузов. Они крикнули мне, чтобы я ехал с ними. Из Совета выходили красногвардейцы, сгибаясь под грузом небольших бомб из рифленого железа, наполненных *грубитом*, который, как они говорили, в десять раз сильнее и впятеро чувствительнее динамита. Они взваливали все эти бомбы на грузовик. Потом зарядили трехдюймовку и прикрутили ее веревками и проволокой к грузовику.

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

Мы отправились при шумных криках, разумеется, полным ходом. Тяжелый грузовик мотался из стороны в сторону. Пушка переваливалась с колеса на колесо, а грубитные бомбы катались у нас под ногами, звонко стукаясь о боковые стенки автомобиля.

Рослый красногвардеец, которого звали Владимиром Николаевичем, закидал меня вопросами об Америке: «Зачем Америка вступила в войну? Готовы ли американские рабочие разделаться с капиталистами? В каком положении сейчас дело Муни? Будет ли Беркман выдан Сан-Франциско?» — и так далее. Нелегко было отвечать на все эти вопросы, выкрикивавшиеся под грохот машины, в то время как мы держались друг за друга и пританцовывали среди катавшихся бомб.

Время от времени патрули пытались остановить нас. Солдаты выбегали на дорогу и, вскидывая винтовки, кричали: «Стой!»

Но мы не обращали на них никакого внимания. «Черт вас дери! — кричали красногвардейцы.— Станем мы останавливаться для всякого! Мы Красная гвардия!..» И мы гордо, с шиком грохотали дальше, а Владимир Николаевич продолжал выкрикивать мне что-то об интернационализации Панамского канала и тому подобных материях...

Проехав около пяти миль, мы встретили группу матросов, шедших к Царскому. Мы замедлили ход.

«Братишки, где фронт?»

Передний матрос остановился и поскреб в затылке. «Утром был вон там, в полуверсте по дороге. А теперь — черт его знает где. Мы вот ходили, ходили, да так и не нашли».

Они влезли к нам на грузовик, и мы двинулись дальше. Мы, вероятно, проехали еще около мили, когда Владимир Николаевич вдруг прислушался и крикнул шоферу, чтобы остановил машину.

«Стреляют! — сказал он.— Слышите?» На мгновение наступило мертвое молчание, а затем впереди и слева от нас раздалось три быстрых, следовавших один за другим выстрела. По обе стороны дороги расстилался густой лес. Охваченные волнением, мы осторожно поехали дальше, разговаривая шепотом, и остановились только тогда, когда грузовик оказался почти напротив того места, откуда стреляли. Соскочив на землю, мы рассыпались в цепь и, крадучись, вошли в лес, сжимая винтовки.

Тем временем двое товарищей отвязали пушку и направили ее таким образом, что ствол уперся нам прямо в спину.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА
РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХ.
ДЕПУТАТОВЪ
Военный Отдель

21 Октября 1917 г.
№ 26/1495

УДОСТОВѢРЕНIЕ.

Настоящее удостовѣренiе дано представите Американской Социалъ — демократiи Интернацiоналисту товарищу ДЖОНУ РИДЪ въ томъ, Военно — Революцiонный Комитетъ Петербургская Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ предоставляетъ имъ права свободнаго проѣзда по всѣм Сѣверному фронту въ цѣляхъ освѣдомленiя нашихъ Американскихъ товарищей интернацiоналистовъ съ событiями въ Россiи.

Председатель: [подпись]

Секретарь: [подпись]

Удостоверение Джона Рида
на право проезда по Северному фронту.

В лесу царила тишина. Листья уже опали, и стволы деревьев тускло серели под лучами низкого и чахлого осеннего солнца. Все было неподвижно. Слышно было только, как под ногами хрустит лед, покрывавший мелкие лесные лужицы. Неужели засада?..

Мы беспрепятственно шли вперед, а когда деревья начали редеть и впереди открылся просвет, мы остановились. На маленькой полянке трое солдат беспечно болтали у небольшого костра.

Владимир Николаевич шагнул вперед. «Здравствуйте, товарищи!» — сказал он. Наша пушка, двадцать винтовок и целый грузовик грубитных бомб — все это, казалось, висело на волоске. Солдаты вскочили на ноги.

«Что у вас тут за стрельба?»

Один из солдат, облегченно вздохнув, ответил: «Да это мы, товарищ, пару зайцев подстрелили...»

Наш грузовик мчался к Романову, рассекая светлый и пустынный воздух. На первом же перекрестке навстречу нам, размахивая винтовками, выскочили двое солдат. Мы замедлили ход и остановились.

«Пропуска, товарищи!»

Красногвардейцы подняли крик. «Мы Красная гвардия. Не надо нам никаких пропусков... Валяй дальше, нечего разговаривать!..»

Но тут вмешался матрос: «Нельзя так, товарищи. Надо держать революционную дисциплину. Этак всякий контрреволюционер влезет на грузовик да скажет: «Не надо мне никаких пропусков!» Ведь эти товарищи нас не знают...»

Начался спор. Однако все согласились с мнением матроса. Красногвардейцы с ворчанием вытащили свои грязные бумажки. Все удостоверения были одинаковы, и только мое, выданное революционным штабом в Смольном, имело совсем особый вид. Часовые заявили, что мне придется идти с ними. Красногвардейцы яростно запротестовали, но тот матрос, который первым заговорил о дисциплине, вступился за часовых. «Мы знаем, что этот товарищ — человек верный,— говорил он,— но ведь есть комитетские приказы, и этим приказам надо подчиняться. Такова революционная дисциплина...»

Чтобы не вызывать дальнейших споров, я слез с грузовика, и он умчался, причем мои новые друзья долго махали мне руками на прощанье. Солдаты с минуту пошептались, потом подвели меня к стене и поставили. Вдруг я понял все: они хотели расстрелять меня.

Я оглянулся: кругом ни души. Только один признак жилья — дымок над трубой деревянной дачи примерно в миле от дороги. Солдаты отошли от меня на дорогу. Я в отчаянии подбежал к ним.

«Да поглядите же, товарищи! Ведь это печать Военно-революционного комитета!»

Они тупо уставились на мой пропуск, потом друг на друга.

«Он не такой, как у других,— мрачно сказал один из них.— Мы, брат, читать не умеем».

Я схватил его за руку. «Идем! — заявил я.— Идем к тому дому. Там, наверно, есть кто-нибудь грамотный». Солдаты заколебались. «Нет»,— сказал один. Но другой еще раз поглядел на меня. «Почему нет? — проговорил он.— Убить невинного тоже не шутка...»

Мы подошли к двери дачи и постучались. Невысокая полная женщина открыла дверь и отпрянула назад с криком: «Я ничего о них не знаю! Ничего не знаю!»

Один из моих конвоиров протянул ей пропуск. Она снова закричала. «Да вы только прочтите, товарищ»,— сказал солдат. Она неуверенно взяла бумажку и быстро прочла вслух:

«Настоящее удостоверение дано представителю американской социал-демократии интернационалисту товарищу Джону Риду...»

Вернувшись на дорогу, солдаты начали советоваться между собой. «Нам придется доставить вас в полковой комитет»,— сказали они. Мы шли по грязной дороге сквозь густые сумерки. Время от времени нам встречались группы солдат. Они останавливались, подозрительно оглядывали меня, передавали из рук в руки мой пропуск и ожесточенно спорили о том, следует ли расстрелять меня или нет.

Было уже совсем темно, когда мы дошли до казарм 2-го Царскосельского стрелкового полка — низкого и длинного здания, тянувшегося вдоль дороги. Несколько солдат, болтавшихся у ворот, засыпали моих провожатых нетерпеливыми вопросами: «Шпион? Провокатор?» Мы поднялись по винтовой лестнице и вошли в огромную комнату с голыми стенами. В самой середине стояла печь, вдоль стен тянулись нары, на которых играли в карты, разговаривали, пели или просто спали солдаты. Их было до тысячи человек. В потолке зияла брешь, пробитая артиллерией Керенского.

Когда я появился на пороге, сразу воцарилось молчание. Все уставились на меня. Потом началось движение, зазвучали сердитые голоса. «Товарищи! Товарищи! — кричал один из моих провожатых.— Комитет! Комитет!» Толпа остановилась и с ропотом сомкнулась вокруг меня. Сквозь нее проталкивался худощавый юноша с красной повязкой на рукаве.

«Кто это? — резко спросил он. Мои провожатые доложили.— Дайте его бумаги!» Он внимательно прочел и окинул меня пронизывающим взглядом. Затем улыбнулся и вернул мне пропуск.

«Товарищи, это американский товарищ. Я председатель комитета. Добро пожаловать в наш полк...» Настроение солдат сразу переменилось. Они бросились ко мне, стали пожимать мне руки.

«Вы еще не обедали? У нас обед уж кончился. Идите в офицерский клуб, там есть кому поговорить с вами на вашем языке...»

Председатель комитета проводил меня через двор к дверям другого здания. Как раз в это же время туда шел молодой человек с аристократической внешностью; на его мундире были погоны поручика. Председатель представил меня, пожал мне руку и ушел.

«Степан Георгиевич Моровский, к вашим услугам»,— сказал поручик на прекрасном французском языке.

Из красивого вестибюля вверх вела парадная лестница, освещенная люстрами. На втором этаже на площадку выходили бильярдная, комната для игры в карты и библиотека. Мы вошли в столовую, где в центре за длинным столом сидели человек двадцать офицеров в полной форме, с шашками, отделанными золотом и серебром, при крестах и ленточках императорских орденов. Когда я вошел, все вежливо встали и усадили меня рядом с полковником. Это был очень видный широкоплечий мужчина с седеющей бородой. Денщики бесшумно подавали обед. Атмосфера была точно такая же, как и в любом европейском офицерском собрании. Где же тут революция?..

«Вы не большевик?» — спросил я Моровского.

Вокруг стола заулыбались, но я заметил, что двое или трое боязливо взглянули на денщиков.

«Нет,— ответил мой новый друг.— В нашем полку всего один офицер — большевик. Но сейчас он в Петрограде. Полковник — меньшевик. Капитан Херлов — кадет. А я сам — правый эсер. Должен сказать вам, что большинство офицеров нашей армии не большевики. Но они, как и я, верят в демократию и считают своей обязанностью следовать за солдатской массой...»

Когда обед кончился, денщики принесли карту, и полковник разложил ее на столе. Остальные столпились вокруг него.

«Вот здесь,— сказал полковник, указывая на карандашные пометки на карте,— утром были наши позиции. Владимир Кириллович, где теперь наш отряд?»

Капитан Херлов указал. «Согласно приказу мы заняли позиции вдоль этой дороги. Карсавин сменил меня в пять часов...»

Тут дверь открылась, и в столовую вошел председатель полкового комитета с каким-то солдатом. Они присоединились к группе, окружавшей полковника, и склонились над картой.

«Отлично,— сказал полковник.— Казаки отошли в нашем секторе на десять километров. Я не считаю необходимым переносить позиции вперед. Господа, сегодня ночью вы будете удерживать вот эту линию, укрепляя позиции путем...»

«Виноват,— перебил председатель полкового комитета.— Имеется приказ двигаться вперед как можно скорее и гото-

виться наутро вступить в бой с казаками к северу от Гатчины. Необходимо окончательно разбить их. Будьте любезны сделать соответствующие распоряжения...»

Наступило короткое молчание. Полковник снова повернулся к карте. «Хорошо,— сказал он изменившимся голосом.— Степан Георгиевич, не угодно ли вам...» И, быстро проводя на карте линии синим карандашом, он отдал несколько приказаний, которые стоявший тут же унтер-офицер застенографировал. Затем унтер-офицер ушел и через десять минут вернулся с готовым приказом, переписанным на машинке в двух экземплярах. Председатель комитета взял копию приказа и сверил ее с картой.

«Все в порядке»,— сказал он, вставая. Он сложил копию и сунул ее в карман. Затем подписал основной экземпляр, приложил к нему круглую печать, которую вынул из кармана, и передал подписанный приказ полковнику...

Вот где была революция!

Я вернулся во дворец Совета в Царское в автомобиле полкового штаба. По-прежнему приходили и уходили толпы рабочих, солдат и матросов, вокруг все было запружено грузовиками, броневиками и пушками, в воздухе звучали крики и смех — все праздновали победу. Сквозь толпу проталкивалось с полдюжины красногвардейцев, которые вели священника. Это был отец Иван, говорили они, тот самый, который благословлял казаков, когда они входили в город. Позже я узнал, что этого священника расстреляли [4].

Из дверей Совета, коротко отдавая приказания, вышел Дыбенко. В руках у него был все тот же большой револьвер. У подъезда стояла машина. Дыбенко уселся один на заднее сиденье и умчался — умчался в Гатчину, разделываться с Керенским.

К ночи он доехал до предместья, вышел из автомобиля и дальше пошел пешком. Никому не известно, что говорил Дыбенко казакам, но генерал Краснов сдался со всем своим штабом и несколькими тысячами казаков, а Керенскому посоветовал сделать то же самое [5].

Что до Керенского, то я привожу здесь выписку из показаний генерала Краснова от 1 ноября:

«1 ноября 1917 г., Гатчина.

Около 15 час. сегодня меня к себе потребовал Верховный Главнокомандующий. Он был очень взволнован и нервничал.

«Генерал,— сказал он,— вы меня предали. Ваши казаки заявляют, что они арестуют меня и выдадут матросам».

«Да,— отвечал я,— разговоры об этом идут, и насколько мне известно, вам никто не сочувствует».

«Но и офицеры говорят то же».

«Да, офицеры особенно недовольны вами».

«Что же мне делать? Остается одно: покончить с собой!»

«Если вы честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в революционный комитет, где начнете переговоры как глава правительства».

«Да, я так и сделаю, генерал».

«Я дам вам охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос».

«Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?»

«Я не знаю, кто такой Дыбенко».

«Это мой враг».

«Ну что же делать? Раз ведете большую игру, то надо рисковать».

«Хорошо. Только я уеду ночью».

«Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите».

«Ладно. Но дайте мне надежный конвой».

«Хорошо».

Я пошел, вызвал казака 10-го Донского казачьего полка Русакова и приказал назначить восемь казаков для охраны Верховного Главнокомандующего. Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать, полагая, что он не мог убежать из Гатчины, но его не смогли отыскать».

Так бежал Керенский, один, переодетый матросом. Бежал и тем самым потерял последние остатки той популярности, которой когда-то пользовался у русских масс...

Я возвращался в Петроград, сидя вместе с шофером-рабочим в кабине грузовика, переполненного красногвардейцами. Керосина у нас не было, поэтому фонарей мы не зажигали. Дорога была забита пролетарской армией, возвращавшейся домой, и свежими резервами, двигавшимися на фронт, чтобы занять ее место. Во мраке смутно вырисовывались огромные грузовики вроде нашего, артиллерийские колонны, повозки — все это, подобно нам, без огней. Мы отчаянно неслись вперед, резко сворачивая вправо, то влево, чтобы избежать столкновения; вслед нам неслась брань пешеходов.

А на горизонте сверкали огни столицы, еще более прекрасные ночью, чем днем. Казалось, что по голой равнине была рассыпана целая груда брильянтов.

Старик рабочий, правивший нашей машиной, восторженно показал на озаренную светом столицу.

«Мой! — кричал он, и лицо его сияло.— Теперь весь мой! Мой Петроград!»

ГЛАВА X

МОСКВА

Военно-революционный комитет с неослабевающей энергией развивал свое победоносное наступление.

«Ноября 1-го:

Всем армейским, корпусным, дивизионным, полковым комитетам, всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Всем, всем, всем.

На основании соглашения казаков, юнкеров, солдат, матросов и рабочих решено было Александра Федоровича Керенского предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского, предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского и требовать от него от имени вышепоименованных организаций немедленно явиться в Петроград для передачи себя суду.

Подписи: казаки 1-й Донской казачьей Уссурийской конной дивизии, комитет юнкеров партизанского отряда Петроградского округа, представитель V армии.

Народный комиссар *Дыбенко*».

Комитет спасения, дума, Центральный комитет партии социалистов-революционеров, с гордостью считавший Керенского своим членом,— все горячо возражали против этого воззвания, утверждая, что Керенский несет ответственность только перед Учредительным собранием.

Вечером 16 (3) ноября я наблюдал, как по Загородному проспекту двигались две тысячи красногвардейцев с военным оркестром, игравшим «Марсельезу» (как верно попадала она в тон этому войску!), и кроваво-красными флагами, реявшими над густыми рядами рабочих, которые встречали своих братьев, защитников красного Петрограда. В холодных сумерках шагали они, мужчины и женщины, и над ними качались длинные

штыки их винтовок; они шли по еле освещенным и скользким от грязи улицам, и толпы буржуа молча глядели на них, презрительно, но боязливо.

Все были против них: дельцы, спекулянты, рантье, помещики, армейские офицеры, политические деятели, учителя, студенты, люди свободных профессий, лавочники, чиновники, служащие. Все остальные социалистические партии ненавидели большевиков самой черной ненавистью. На стороне Советов были простые рабочие, матросы, сохранившие верность революции солдаты, безземельные крестьяне да горсточка, крохотная горсточка интеллигенции.

Из отдаленнейших уголков необъятной России, по которой прокатилась волна ожесточенных уличных боев, весть о разгроме Керенского отозвалась громовым эхом пролетарской победы; Казань, Саратов, Новгород, Винница, где улицы были залиты кровью, Москва, где большевики направили артиллерию на последнюю цитадель буржуазии — на Кремль.

«Они обстреливают Кремль!» Эта новость передавалась на петроградских улицах из уст в уста, вызывая ужас. Те, кто приезжал из «матушки Москвы белокаменной», рассказывали страшные вещи. Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращен в дымящиеся развалины, Успенский собор в руинах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, дума сожжена дотла [1].

Ничто из того, что уже было совершено большевиками, не могло сравниться с этим ужасным святотатством, совершенным в самом сердце святой Руси. Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации.

15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого чудовищного уничтожения красоты и традиции...»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что еще будет? Куда идти дальше?

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилен.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...» [2]

В тот же день белогвардейцы и юнкера сдали Кремль. Их беспрепятственно отпустили на свободу. В мирном договоре значилось:

«1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются...»

Вот уже два дня, как большевики стали хозяевами положения в Москве. Перепуганные обитатели вылезли из подвалов и отправились на розыски своих родных и близких, которые могли погибнуть во время уличных боев. С улиц убрали баррикады. Однако россказни о разрушении Москвы распространялись все шире и шире... Именно эти ужасные слухи и побудили нас отправиться в Москву.

В сущности, Петроград, хоть он вот уже двести лет является резиденцией русского правительства, все же так и остался искусственным городом. Москва — настоящая Россия, Россия, какой она была в прошлом и какой станет в будущем; в Москве мы сможем почувствовать истинное отношение русского народа к революции. Там жизнь была более напряженной.

За минувшую неделю Петроградский Военно-революционный комитет при поддержке рядовых железнодорожных рабочих захватил Николаевский вокзал и гнал один за другим эшелоны матросов и красногвардейцев на юго-восток. В Смольном нам выдали пропуска, без которых никто не мог уехать из столицы... Как только подали состав, толпа оборванных солдат, нагруженных огромными мешками с продуктами, кинулась в вагоны, вышибая двери и разбивая оконные стекла, и забила все купе и проходы, а многие залезли даже на крыши вагонов. С грехом пополам трое из нас пробились в свое купе, но к нам сейчас же втиснулось около двадцати солдат... Здесь было всего четыре места; мы спорили и требовали, кондуктор поддерживал нас, но солдаты только смеялись. С какой стати им заботиться об удобствах кучки буржуев! Мы показали мандаты из Смольного. Солдаты немедленно переменили свое отношение к нам.

«Идем отсюда, товарищи! — закричал один из них. — Это американские товарищи! Они приехали посмотреть нашу революцию за тридцать тысяч верст... И наверное, здорово устали!..»

Вежливо и очень дружелюбно извинившись, солдаты ушли из нашего купе. Скоро мы услышали, как они выламывали дверь в соседнем купе, где заперлось двое толстых и хорошо одетых русских, давших взятку кондуктору.

Около семи часов вечера мы двинулись. Маленький и слабый паровоз, топившийся дровами, еле-еле тянул за собой длинный, перегруженный состав и часто останавливался. Солдаты, ехавшие на крыше, стучали каблуками и пели заунывные крестьянские песни. В коридоре, забитом так, что пройти было совершенно невозможно, всю ночь шли ожесточенные политические споры. Время от времени появлялся кондуктор и, по привычке, спрашивал билеты. Но, кроме нас, билетов почти ни у кого не было, и, поругавшись с полчаса, кондуктор в отчаянии воздевал руки к потолку и уходил. Воздух был спертый, прокуренный и зловонный. Если бы не разбитые окна, мы, наверное, задохнулись бы в ту ночь.

Утром, опоздав на много часов, мы увидели мир, весь засыпанный снегом. Стоял жестокий холод. Около 12 часов дня появилась какая-то крестьянка с корзинкой, полной ломтей хлеба, и большим чайником тепловатого суррогата кофе. С того самого часа и до самой ночи мы уже ничего не видели, кроме нашего тряского, переполненного народом и поминутно останавливающегося поезда да редких станций, на которых про-

жорливая толпа моментально врывалась в буфеты и опустошала их скудные запасы. На одной из таких станций я увидел Ногина и Рыкова, отколовшихся комиссаров, которые возвращались в Москву для того, чтобы изложить свои жалобы перед собственным Советом *. Тут же был и Бухарин, невысокий рыжебородый человек с глазами фанатика, о котором говорили, что он «более левый, чем сам Ленин».

Третий звонок, и мы кидаемся к поезду, прокладывая себе путь через проход, забитый шумной толпой. То была необычайно добродушная толпа, переносившая все неудобства с каким-то добродушным спокойствием; она без конца спорила обо всем на свете, от положения в Петрограде до организации английских тред-юнионов, и вступала в громкие пререкания с немногими «буржуями», какие были в поезде. Пока мы доехали до Москвы, почти в каждом вагоне организовался комитет по добыванию и распределению продовольствия, и эти комитеты также распались на политические фракции, не замедлившие начать спор об основных принципах...

В Москве вокзал был совершенно пуст. Мы зашли к комиссару, чтобы достать билеты на обратный проезд. Это был мрачный юноша с погонами поручика на мундире. Когда мы показали свои мандаты из Смольного, он вышел из себя и заявил, что он не большевик, а представитель Комитета общественной безопасности. Характерная черточка: в общей сумятице, поднявшейся при завоевании города, победители позабыли о главном вокзале...

Кругом ни одного извозчика. Впрочем, пройдя несколько кварталов, мы нашли то, что искали. До смешного закутанный извозчик дремал на козлах своих узеньких санок. «Сколько до центра города?»

Извозчик почесал в затылке.

«Вряд ли, барин, вы найдете комнату в гостинице,— сказал он.— Но за сотню, так и быть, свезу...» До революции это стоило всего два рубля! Мы стали торговаться, но он только пожимал плечами. «В такое время не всякий и поедет-то,— говорил он.— Тоже храбрость нужна». Больше пятидесяти рублей нам выторговать не удалось. Пока мы ехали по молчаливым, заснеженным, еле освещенным улицам, извозчик рассказывал нам о своих злоключениях за время шестидневных боев. «Едешь себе или стоишь у угла,— говорил он,— и вдруг — бац! — ядро. Бац! — другое. Та-та-та — пулемет... Я скорей в

* См. главу XI.— *Дж. Рид.*

сторону, нахлестываю, а кругом эти черти орут. Только найдешь спокойную улочку, станешь на месте да задремлешь — бац! — опять ядро. Та-та-та... Вот черти, право, черти!..»

В центре города занесенные снегом улицы затихли в безмолвии, точно отдыхая после болезни. Редкие фонари, редкие торопливые пешеходы. Ледяной ветер пробирает до костей. Мы бросились в первую попавшуюся гостиницу, где горели две свечи.

«Да, конечно, у нас есть очень удобные комнаты, но только все стекла выбиты. Если господа не возражают против свежего воздуха...»

На Тверской окна магазинов были разбиты, булыжная мостовая вся разворочена, часто попадались воронки от снарядов. Мы переходили из гостиницы в гостиницу, но одни были переполнены, а в других перепуганные хозяева упорно твердили одно и то же: «Комнат нет! Нет комнат...» На главных улицах, где сосредоточены банки и крупные торговые дома, были видны зияющие следы, оставленные большевистской артиллерией. Как сказал мне один из советских работников, «когда нам не удавалось в точности установить, где юнкера и белогвардейцы, мы прямо палили по их чековым книжкам».

Наконец нас приютили в огромном отеле «Националь» (как-никак мы были иностранцами, а Военно-революционный комитет обещал охранять жилища иностранных подданных). Хозяин гостиницы показал нам в верхнем этаже окна, выбитые шрапнелью. «Скоты! — кричал он, потрясая кулаками по адресу воображаемых большевиков.— Ну, погодите! Придет день расплаты! Через несколько дней ваше смехотворное правительство пойдет к черту! Вот когда мы вам покажем!..»

Мы пообедали в вегетарианской столовой с соблазнительным названием: «Я никого не ем». На стенах были развешаны портреты Толстого. После обеда мы вышли пройтись по улицам.

Московский Совет помещался в импозантном белом здании на Скобелевской площади — в бывшем дворце генерал-губернатора. Вход охранялся красногвардейцами. Поднявшись по широкой парадной лестнице, стены которой были заклеены объявлениями о комитетских собраниях и воззваниями политических партий, мы прошли через несколько величественных приемных залов, увешанных картинами в золотых рамах, и вошли в роскошный парадный зал с великолепными хрустальными люстрами и позолоченными карнизами. Тихий говор многих голосов и стрекот нескольких швейных машин заполняли помещение. На полу и на столах были разостланы длинные

полосы красной и черной материи, и около полсотни женщин кроили и сшивали ленты и знамена для похорон жертв революции. Лица этих женщин были покрыты морщинами и огрубели от нужды и лишений. Они работали, печальные и суровые, у многих были слезы на глазах... Красная Армия понесла тяжелые потери.

В углу за письменным столом сидел бородатый Рогов, одетый в черную рабочую блузу. У него было умное лицо, на носу — очки. Он пригласил нас принять участие вместе с членами исполнительного комитета в похоронной процессии, назначенной на следующее утро.

«Меньшевиков и эсеров ничему не выучишь! — воскликнул Рогов.— Они соглашательствуют просто по привычке... Представьте себе, они предложили нам организовать похороны совместно с юнкерами!..»

Через зал шел человек в потрепанной солдатской шинели и в шапке. Лицо его показалось мне знакомым: я узнал Мельничанского, с которым мне приходилось встречаться в Байоне (штат Нью-Джерси) во время знаменитой забастовки на предприятиях компании «Стандарт ойл». В те времена он был часовщиком и звался Джорджем Мельчером. Теперь из его слов я узнал, что он является секретарем Московского профессионального союза металлистов, а во время уличных боев был комиссаром Военно-революционного комитета.

«Вот полюбуйтесь! — кричал он, показывая на свои жалкие лохмотья.— Когда юнкера в первый раз явились в Кремль, я как раз был там с нашими хлопцами. Меня бросили в подвал, отняли у меня пальто, деньги, часы, даже кольцо с пальца сняли. Вот в чем теперь приходится ходить!..»

Он рассказал мне много подробностей о кровавом шестидневном сражении, которое разделило Москву на два лагеря. Московская дума, не в пример Петроградской, непосредственно руководила юнкерами и белогвардейцами. Городской голова Руднев и председатель думы Минор направляли действия Комитета общественной безопасности и войск. Комендант города Рябцев был настроен демократически и отнюдь не был уверен в том, что ему следует начинать борьбу с Военно-революционным комитетом. Вступить в эту борьбу заставила его именно дума. Захват Кремля был произведен по настоянию городского головы. «Если вы займете Кремль, большевики не посмеют обстрелять вас»,— говорил он.

Обе борющиеся стороны старались привлечь на свою сторону совершенно деморализованный долгим бездействием один

из полков гарнизона. Этот полк устроил собрание и на нем обсудил положение. В конце концов солдаты решили оставаться нейтральными и продолжать свою прежнюю деятельность, то есть торговать камушками для зажигалок и подсолнухами.

«Но хуже всего,— рассказывал Мельничанский,— было то, что нам приходилось организовывать свои силы уже во время боя. Враги прекрасно знали, чего хотели, а у нас солдаты создали свой Совет, а рабочие — свой... Страшная ссора произошла из-за того, что никак не могли решить, кому быть командующим. Некоторые полки, прежде чем определить свою позицию, митинговали по нескольку дней. А когда офицеры вдруг ушли от нас, мы оказались без штаба...»

Он набросал предо мной много живых картинок. Однажды в серый холодный день он стоял на углу Никитской, который обстреливался пулеметным огнем. Тут же скопилась кучка уличных сорванцов, обычно торговавших газетами. Они придумали себе новую игру: дождавшись момента, когда обстрел несколько стихал, они принимались бегать взад и вперед через улицу. Вся компания была очень увлечена новой игрой. Многие были убиты, но остальные продолжали перебегать с тротуара на тротуар, подзадоривая друг друга.

Поздно вечером я отправился в Дворянское собрание, где московские большевики собрались для обсуждения доклада Ногина, Рыкова и других, вышедших из Совета Народных Комиссаров.

Собрание происходило в театральном зале, где при старом режиме актеры-любители разыгрывали французские комедии перед публикой, состоявшей из офицеров и блестящих дам.

Сначала в зале сидели одни лишь интеллигенты: они жили ближе к центру города. Выступал Ногин, и бо́льшая часть присутствующих была на его стороне. Рабочие стали появляться гораздо позже: они жили на окраинах, а трамваи в те дни не ходили. Но около полуночи они уже поднимались по лестницам группами по десять — двенадцать человек. То были крупные, крепкие люди в грубой одежде, только что покинувшие места боев. Целую неделю отчаянно сражались они, видя, как умирают, сраженные пулями, их товарищи.

Как только собрание было открыто, Ногина стали осыпать насмешками и бранью. Напрасно пытался он оправдываться, его не хотели слушать. Он оставил Совет Народных Комиссаров, он дезертировал со своего поста в самом разгаре боя!.. Что до буржуазной печати, то здесь, в Москве, ее уже не было. Даже городская дума была распущена. На трибуну поднялся взбе-

шенный, неумолимо логичный Бухарин и разнес Ногина в пух и прах. Собравшиеся слушали его с горящими глазами. Резолюция о поддержке действий Совета Народных Комиссаров собрала подавляющее большинство голосов. Так сказала свое слово Москва...[3, 4]

Поздней ночью мы прошли по опустевшим улицам и через Иверские ворота вышли на огромную Красную площадь, к Кремлю. В темноте смутно вырисовывались фантастические очертания ярко расписанных, витых и резных куполов Василия Блаженного, но никаких признаков повреждений видно не было. На одной стороне площади вздымались ввысь темные башни и стены Кремля. На высокой стене вспыхивали красные отблески невидимых огней. Через всю огромную площадь до нас долетали чьи-то голоса, стук кирок и лопат. Мы перешли площадь.

У подножия стены были навалены горы земли и булыжника. Взобравшись повыше, мы заглянули вниз и увидели два огромных рва в десять — пятнадцать футов глубины и пятьдесят ярдов длины, где при свете больших костров копали землю сотни рабочих и солдат.

Молодой студент заговорил с нами по-немецки. «Это братская могила,— сказал он,— завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию».

Он свел нас в ров. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли все росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звездами, а древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь.

«Здесь, в этом священном месте,— сказал студент,— самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь — народ...» Рука у него была на перевязи, ее пробила пуля во время уличных боев. Студент глядел на нее. «Вы, иностранцы,— продолжал он,— смотрите на нас, русских, сверху вниз, потому что мы так долго терпели средневековую монархию. Но мы видели, что царь был не единственным тираном в мире; капитализм еще хуже, а ведь он повелевает всем миром, как настоящий император... Нет революционной тактики лучше русской...»

Когда мы уходили, рабочие, уже сильно уставшие и мокрые от пота, несмотря на мороз, стали медленно выбираться из рвов. Через Красную площадь уже торопилось им на смену множество людей. Они соскочили во рвы, схватили лопаты и молча принялись копать, копать, копать...

Всю эту долгую ночь добровольцы от народа сменяли друг друга, ни на минуту не прекращая своей работы, и вот холодный утренний свет уже озарил огромную, засыпанную снегом площадь и два зияющих темных рва, которые скоро станут братской могилой.

Мы поднялись еще до восхода солнца и поспешили по темным улицам к Скобелевской площади. Во всем огромном городе не было видно ни души. Но со всех сторон доносился глухой шум, словно начинался ветер. В бледных сумерках начинающегося утра перед зданием Совета собралась небольшая группа мужчин и женщин. Они держали красные знамена с золотыми надписями — знамена исполнительного комитета Московского Совета. Светало... Приглушенный шум крепчал, становился все громче, переходя в рокот. Город поднимался на ноги. Мы двинулись вниз по Тверской, неся над собой реющие знамена. Часовенки, мимо которых нам пришлось идти, были заперты. В них было темно. Заперта была и часовня Иверской божьей матери, которую посещал перед коронацией в Кремле каждый новый царь. Обычно она была открыта и наполнена толпой круглые сутки, а на золоте, серебре и драгоценных камнях икон сияли отблески свечей, зажженных набожной рукой. Теперь же, как уверяли, впервые со времени наполеоновского нашествия, свечи погасли.

Святая православная церковь лишила своего благословения Москву — это гнездо ядовитых ехидн, осмелившихся обстреливать Кремль. Церкви были погружены во мрак, безмолвие и холод, священники исчезли. Для красных похорон нет попов, не будет панихид по усопшим, над могилой святотатцев никто не вознесет молитв. А вскоре московский митрополит Тихон наложит на Советы отлучение.

Магазины были тоже закрыты, и представители имущих классов сидели дома по другим причинам. Этот день был днем народа, и молва о его пришествии гремела, как морской прибой.

Через Иверские ворота уже потекла людская река, и народ запрудил всю Красную площадь. Я заметил, что, проходя мимо Иверской, никто не крестился, как это делали раньше...

Мы протолкались сквозь густую толпу, сгрудившуюся у Кремлевской стены, и поднялись на огромную кучу земли. Здесь уже стояли несколько человек, в том числе солдат Муралов, избранный на пост коменданта Москвы, высокий, бородатый, с добродушным взглядом и благородным лицом.

Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощенных трудом и бедностью. Пришел военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разлившийся по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамена с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!»

Резкий ветер дул над площадью, развевая знамена. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов, которые находились в отдаленнейших районах города; они несли тела убитых. Было видно, как они идут через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесанных досок, покрашенных красной краской; их держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. За гробами шли женщины, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, и за ними отдельно несли крышки; иные были покрыты золотой или серебряной парчой, или к крышке была прикреплена солдатская фуражка. Было много венков из искусственных цветов...

Процессия медленно приближалась к нам по открывавшемуся перед нею и снова смыкавшемуся неровному проходу. Теперь через ворота лился бесконечный поток красных знамен с золотыми и серебряными надписями, с черным крепом на древках. Было здесь и несколько анархистских знамен, черных с белыми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и огромная толпа людей, стоявших с непокрытыми головами, вторила ему. Пение часто прерывалось рыданиями...

Между рабочими шли отряды солдат также с гробами, их сопровождал воинский эскорт — кавалерийские эскадроны и артиллерийские батареи, пушки которых были увиты красной и черной материей, увиты, казалось, навсегда. На знаменах воинских частей сверкали надписи: «Да здравствует III Интернационал!» или «Требуем всеобщего, справедливого, демократического мира!» Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нес гробы, спустили их в рвы. Многие из них были женщины — крепкие, коренастые пролетарки. А за гробами шли другие женщины — молодые, убитые горем, или морщинистые старухи, кричавшие нечеловеческим криком. Многие из них пытались броситься в могилу вслед за своими сыновьями и мужьями и страшно вскрикивали, когда жалостливые руки удерживали их. Так любят друг друга бедняки...

Весь день до самого вечера шла траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с нее по Никольской улице,— непрерывный поток красных знамен, на которых были написаны слова надежды и братства, удивительные пророчества. Эти знамена развевались на фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки, отныне и навеки...

Один за другим опущены в могилу пятьсот гробов. Уже сгущались сумерки, а знамена все еще развевались и шелестели в воздухе, оркестр играл похоронный марш, а огромная толпа пела. Над могилой, на обнаженных ветвях деревьев, словно странные многокрасочные цветы, повисли венки. Двести человек взялись за лопаты и стали засыпать могилу. Земля гулко стучала по гробам, и этот резкий звук был ясно слышен, несмотря на пение.

Зажглись фонари. Пронесли последние знамена, прошли, оглядываясь на могилу, последние плачущие женщины. Пролетарская волна медленно схлынула с Красной площади...

И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымаливать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть — счастье...

ГЛАВА XI

ЗАВОЕВАНИЕ ВЛАСТИ[1]

Декларация прав народов России[2]

...Съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

Второй съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей.

Именем Республики Российской
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Народный Комиссар по делам национальностей
Иосиф Джугашвили-Сталин».

Центральная рада в Киеве немедленно объявила Украину самостоятельной республикой. То же самое сделало и финское правительство в лице Гельсингфорсского сената. В Сибири и на Кавказе тоже появились независимые «правительства». Польский главный военный комитет немедленно выделил из русской армии все польские отряды, собрав их в единое целое, упразднил их комитеты и ввел железную дисциплину...

Все эти «правительства» и «движения» отличались двумя общими характерными чертами: ими заправляли имущие классы, и они боялись и ненавидели большевиков.

Среди всего этого хаоса ошеломляющих перемен Совет Народных Комиссаров неустанно продолжал строить социалистический порядок. Декрет за декретом: о социальном обеспечении, о рабочем контроле, правила для волостных земельных комитетов, отмена чинов и сословий, уничтожение старой судебной системы, создание народных трибуналов...[3]

Армия за армией, флот за флотом слали в Петроград депутации, «радостно приветствуя новое народное правительство».

Однажды я увидел против Смольного обтрепанный полк, только что вернувшийся из окопов. Солдаты выстроились перед большими воротами, исхудалые, с землистыми лицами, и смотрели на Смольный так, как будто бы ожидали увидеть в нем самого господа бога. Некоторые со смехом поглядывали на все еще красовавшихся над входом императорских орлов. В это время к Смольному подошел отряд красногвардейцев сменять караул. Все солдаты с большим любопытством повернулись поглядеть на них, потому что они много слышали о красногвардейцах, но никогда их не видали. Они добродушно посмеивались, выходили из рядов и хлопали красногвардейцев по плечу, подбадривая их шутливо и в то же время восторженно.

Временного правительства уже не было. 2 ноября священники всех петроградских церквей перестали поминать его на ектеньях. Но, как сказал во ВЦИК сам Ленин, «завоевание власти только еще начиналось». Лишенные оружия оппозиционные силы, все еще державшие в своих руках экономику страны, принялись за дезорганизацию хозяйственной жизни и изо всех сил старались мешать Советам в их работе, дискредитируя их в глазах народа.

Забастовка государственных служащих была хорошо организована и финансировалась банками и коммерческими предприятиями. Всякая попытка большевиков взять в свои руки правительственный аппарат встречала сопротивление.

Троцкий явился в министерство иностранных дел. Чиновники отказались признать его и заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Он потребовал ключи от архивов, ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ министра иностранных дел Нератов скрылся и унес с собой тайные договоры...

Шляпников пытался организовать работу в министерстве труда. Стояла жестокая стужа, а в министерстве некому было топить печи. Служащих было несколько сот, но ни один из них не захотел показать Шляпникову, где находится кабинет министра...

Александра Коллонтай, назначенная 13 ноября (31 октября) комиссаром социального обеспечения, была в министерстве встречена забастовкой; на работу вышло всего сорок служащих. Это крайне тяжело отразилось на всей бедноте крупных городских центров и на лицах, содержавшихся в приютах и благотворительных учреждениях,— все они попали в безвыходное положение. Здание министерства осаждали делегации голодающих калек и сирот с бледными, истощенными лицами. Коллонтай, вся в слезах, велела арестовать забастовщиков и не выпускала их до тех пор, пока они не отдали ключей от ее кабинета и сейфа. Но когда она получила эти ключи, выяснилось, что ее предшественница, графиня Панина, скрылась со всеми фондами. Графиня отказалась сдавать их кому бы то ни было, кроме Учредительного собрания [4].

То же самое творилось в министерстве земледелия, в министерстве продовольствия, в министерстве финансов. Чиновники, которым было приказано выйти на работу под страхом увольнения и лишения права на пенсию, либо продолжали

бастовать, либо возобновляли работу только для того, чтобы саботировать все мероприятия правительства. Так как почти вся интеллигенция была против большевиков, то набирать новые штаты Советскому правительству было не из кого.

Частные банки оставались закрытыми, но спекулянты отлично обделывали в них свои темные делишки с черного хода. Когда появлялись большевистские комиссары, служащие уходили, причем прятали книги и уносили с собой фонды. Бастовали и все чиновники Государственного банка, кроме служащих, которые ведали хранением и выпуском денег. Однако они всякий раз отвечали отказом на требования Смольного выдать деньги и в то же время частным образом выдавали большие суммы Комитету спасения и городской думе.

В банк два раза являлся комиссар с ротой красногвардейцев и официально требовал выдачи крупных сумм на нужды правительства. В первый раз его встретили члены думы, а также меньшевистские и эсеровские руководители. Их было так много и они так серьезно говорили о возможных последствиях, которые могут повлечь за собой насильственные действия, что комиссар испугался. Во второй раз он явился с официальным мандатом и прочитал его вслух. Но тут кто-то заметил ему, что на мандате не было ни даты, ни печати. И традиционное для России почтение к «бумаге» заставило комиссара снова уйти с пустыми руками.

Чиновники кредитной канцелярии уничтожили все документы, так что восстановить картину финансовых отношений России с другими государствами оказалось совершенно невозможным.

Продовольственные комитеты и администрация муниципальных предприятий либо не работали вовсе, либо занимались саботажем. А когда большевики, видя ужасную нужду городского населения, пытались помочь делу или взять его в свои руки, служащие немедленно бросали работу, а дума наводняла всю Россию телеграммами о том, что большевики «нарушают автономию городского самоуправления».

В военных штабах, в учреждениях военного и морского министерств, служащие которых согласились продолжать работать, ожесточенное сопротивление Советам оказывали армейские комитеты и высшее командование, даже если это пагубно отражалось на положении фронта. Викжель был настроен враждебно и отказывался перевозить советские войска. Каждый эшелон, отправляемый из Петрограда, буквально пробивал себе дорогу силой, приходилось постоянно арестовывать железнодо-

рожных служащих. Тут на сцену выступал Викжель и требовал освобождения арестованных, угрожая немедленно объявить всеобщую забастовку.

Смольный был явно бессилен. Газеты твердили, что через три недели все петроградские фабрики и заводы остановятся из-за отсутствия топлива. Викжель объявлял, что к первому декабря прекратится железнодорожное движение. В Петрограде оставалось хлеба всего на три дня, а новых запасов не подвозилось. Армия на фронте голодала... Комитет спасения и всевозможные центральные комитеты рассылали по всей стране призывы к населению не обращать никакого внимания на декреты правительства. Союзные посольства выказывали либо холодное безразличие, либо открытую враждебность.

Оппозиционные газеты, ежедневно закрываемые и на следующее же утро выходящие под новыми названиями, осыпали новый режим ядовитыми насмешками [5]. Даже «Новая жизнь» характеризовала его как «комбинацию из демагогии и бессилия».

«С каждым днем,— писала она,— правительство Народных Комиссаров запутывается все более и более в проклятой прозе обыденщины. Так легко захватив власть, большевики никак не могут вступить фактически во владение ею.

Бессильные овладеть существующим механизмом государства, они не могут в то же время создать новый, который легко и свободно работал бы по указке социалистов-экспериментаторов.

Ведь если еще так недавно большевикам не хватало людей для очередной работы в растущей партии,— работы прежде всего языком и пером, то откуда же могли бы появиться у них люди для выполнения многообразных и сложнейших специальных задач государственной жизни?

Новая власть рвет и мечет, засыпает страну декретами, один другого «радикальнее и социалистичнее». Но в этом бумажном социализме, предназначенном более на предмет ошеломления наших потомков, нет ни желания, ни умения разрешить очередные вопросы дня...»

А между тем созванная Викжелем конференция по сформированию нового правительства продолжала работать дни и ночи напролет. В принципе стороны уже приняли общие основы создания правительства, обсуждался состав Народного Совета. Был предположительно намечен новый кабинет министров с Черновым во главе, большевики получили в нем значительное меньшинство, но без Ленина и Троцкого. Центральные

комитеты меньшевистской и эсеровской партий, а также исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов решили непоколебимо продолжать свою оппозицию «преступной политике» большевиков, но «во избежание дальнейшего братоубийства» не сопротивляться их участию в Народном Совете.

Однако бегство Керенского и поразительные успехи Советов изменили положение. 16 (3) числа левые эсеры потребовали на заседании ЦИК, чтобы большевики сформировали коалиционное правительство с участием других социалистических партий; в противном случае они грозили выйти из состава Военно-революционного комитета и ЦИК. Малкин заявил: «Последние сведения из Москвы, где по обе стороны баррикад умирают наши товарищи, заставляют нас еще раз поставить вопрос об организации власти, и постановка этого вопроса является не только нашим правом, но и долгом... Мы завоевали право сидеть вместе с большевиками в стенах Смольного института и говорить с этой трибуны. Если вы откажетесь идти на соглашение, то после ожесточенной борьбы внутри партии мы будем вынуждены перейти к открытому бою вовне... Мы обязаны предложить демократии условия приемлемого соглашения...»

После перерыва, объявленного, чтобы дать возможность обсудить ультиматум на фракциях, большевики вернулись в зал и Каменев огласил следующий проект резолюции:

«Центральный Исполнительный Комитет считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий из Советов Раб., Солдат. и Крест. Депутатов, которые признают завоевания революции 24—25 октября, т. е. власть Советов, декреты о земле и о мире, рабочем контроле и вооружении рабочих. Центральный Исполнительный Комитет постановляет поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения:

Правительство ответственно перед Центральным Исполнительным Комитетом. Центральный Исполнительный Комитет расширяется до 150 чел. К этим 150 делегатам Сов. Раб. и Солд. Депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 — от войсковых частей и флота, 40 — от профессиональных союзов (25 — от всероссийских профессиональных объединений пропорционально количеству организаций, 10 — от Викжеля и 5 — от почтово-телеграфных служащих) и 50 делегатов — от социалистической Петроградской городской думы. В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерства труда, внут-

ренних дел и иностранных дел должны быть представлены большевистской партией во всяком случае. Распоряжение войсками Московского и Петроградского округов принадлежит уполномоченным Московского и Петроградского Советов Р. и С. Д. Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России. Постанавливается настаивать на кандидатурах тт. Ленина и Троцкого».

Каменев добавил:

«Так называемый «Народный Совет», предлагаемый нам конференцией, будет включать около 420 членов, в том числе около 150 большевиков. Кроме нас, в него войдут делегаты контрреволюционного старого ЦИК, 100 представителей городских самоуправлений — все корниловцы, 100 делегатов от крестьянских Советов, назначенных Авксентьевым, и 80 делегатов от старых армейских комитетов, уже не представляющих солдатских масс.

Мы отказываемся допустить сюда старый ЦИК и представителей городских дум. Делегаты крестьянских Советов должны быть избраны созванным нами Крестьянским съездом, который одновременно изберет и новый Исполнительный Комитет. Предложение исключить Ленина и Троцкого есть предложение обезглавить нашу партию, и на такое предложение мы не пойдем. И наконец, мы вообще не видим никакой надобности в «Народном Совете». Советы рабочих и солдатских депутатов открыты для всех социалистических партий, а ЦИК вполне точно отражает реальное соотношение их популярности в массах...»

Карелин заявил от имени левых эсеров, что они будут голосовать за большевистскую резолюцию, но оставляют за собой право видоизменить некоторые детали, так, например, порядок представительства от крестьян, и требуют сохранения за собой портфеля министерства земледелия. Эти требования были приняты...

Позднее, на заседании Петроградского Совета, Троцкому был задан вопрос относительно формирования нового правительства.

«Об этом я ничего не знаю,— ответил Троцкий.— Я в переговорах участия не принимаю... Впрочем, я не думаю, чтобы они имели большое значение...»

В эту ночь на конференции царила большая тревога. Делегаты городской думы вышли из ее состава...

Но и в самом Смольном в рядах большевистской партии нарастала сильная оппозиция политике Ленина. В ночь на

17 (4) ноября огромный зал ЦИК был набит битком. Атмосфера была зловещая.

Большевик Ларин заявил, что уже приближается срок выборов в Учредительное собрание и что пора покончить с «политическим террором».

«Необходимо смягчить мероприятия, принятые против свободы печати. Они были необходимы во время борьбы, но теперь не имеют никакого оправдания. Печать должна быть свободна, поскольку она не призывает к погромам и мятежам».

Под крик и свист своих же партийных товарищей Ларин предложил следующую резолюцию:

«Декрет Совета Народных Комиссаров о печати отменяется... Политические репрессии подчиняются предварительному разрешению трибунала, избираемого ЦИК (на основе пропорционального представительства) и имеющего право пересмотреть также все уже произведенные аресты, закрытие газет и т. д.».

Эта резолюция была встречена громом аплодисментов не только с левоэсеровских, но и с части большевистских скамей.

Аванесов поспешно предложил от имени сторонников Ленина отложить вопрос о печати до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение между политическими партиями. Это предложение было отвергнуто огромным большинством голосов.

«Революция, завершающаяся в настоящий момент,— говорил Аванесов,— не побоялась поднять руку на частную собственность, а вопрос о печати должен рассматриваться нами именно как вопрос о частной собственности...»

Затем он прочел следующую резолюцию, официально предлагаемую большевиками:

«1. Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги — не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания сообразно своей действительной идейной силе, т. е. пропорционально числу своих сторонников.

Восстановление так называемой «свободы печати», т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам — отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т. е. мерой безусловно контрреволюционного характера.

ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии».

Чтение этой резолюции прерывалось ироническими замечаниями левых эсеров и негодующими криками оппозиционных большевиков. Карелин вскочил со своего места и запротестовал: «Три недели назад большевики были самыми яростными защитниками свободы печати... Аргументы, приводимые в этой резолюции, странным образом напоминают точку зрения старых черносотенцев и царских цензоров: они ведь тоже говорили об «отравителях народного сознания».

Троцкий произнес большую речь в защиту резолюции. Он проводил различие между положением печати во время гражданской войны и ее положением после победы: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетенным...» (Крики: «Кто же теперь угнетенный? Каннибал!»)

«Наша победа над врагами еще не завершена,— продолжал Троцкий,— а газеты являются оружием в их руках. При таких условиях закрытие газет есть вполне законная мера самозащиты...» Затем Троцкий перешел к вопросу о положении печати после победы.

«Позиция социалистов в вопросе о свободе печати должна быть точным отражением соответствующей их позиции в вопросе о свободе торговли... Власть демократии, организуемая ныне в России, требует полного уничтожения господства частной собственности над печатью, точно так же как и над промышленностью... Советская власть должна конфисковать все типографии. (Крики: «Конфискуйте типографию «Правды»!») Буржуазная монополия печати должна быть разрушена. Иначе нам не стоило бы брать власть! Каждая группа граждан должна иметь доступ к бумаге и типографскому станку... Право собственности на типографии и бумагу принадле-

жит прежде всего рабочим и крестьянам и только после них буржуазным партиям, составляющим меньшинство... Переход власти в руки Советов влечет за собой коренное изменение всех основных условий существования, и это изменение не может не коснуться печати... Если мы не остановились перед национализацией банков, то с какой стати нам терпеть газеты финансистов? Старый строй должен умереть, и это должно быть понято раз навсегда...» Аплодисменты и злобные крики.

Карелин заявил, что ЦИК не может решить этот важный вопрос. Надо передать его в особую комиссию. Затем он произнес страстную речь в защиту свободы печати.

Затем выступил Ленин, спокойно, бесстрастно. Он морщил лоб, говорил медленно, подбирая слова; каждая его фраза падала, как молот.

«Гражданская война еще не закончена, перед нами все еще стоят враги, следовательно, отменить репрессивные меры по отношению к печати невозможно.

Мы, большевики, всегда говорили, что, добившись власти, мы закроем буржуазную печать. Терпеть буржуазные газеты — значит перестать быть социалистом. Когда делаешь революцию, стоять на месте нельзя: приходится идти либо вперед, либо назад. Тот, кто говорит теперь о «свободе печати», пятится назад и задерживает наше стремительное продвижение к социализму.

Мы сбросили иго капитализма, как первая революция сбросила иго царского самодержавия. *Если первая революция имела право воспретить монархические газеты,* то и мы имеем право закрывать буржуазные газеты. Нельзя отделять вопрос о свободе печати от других вопросов классовой борьбы. Мы обещали закрыть эти газеты и должны закрыть их. Огромное большинство народа идет за нами!

Теперь, когда восстание уже позади, мы не имеем ни малейшего намерения запрещать газеты других социалистических партий, поскольку они не призывают к вооруженному восстанию или к неповиновению Советскому правительству. Однако мы не позволим им под предлогом свободы социалистической печати захватить бумажную и типографскую монополию, пользуясь тайной поддержкой буржуазии... Технические средства печати должны стать собственностью Советского правительства и распределяться в первую голову между социалистическими партиями в строгом соответствии с относительной численностью их последователей...»

Перешли к голосованию. Резолюция Ларина и левых эсеров была отвергнута тридцатью одним голосом против двадцати двух. Точка зрения Ленина собрала тридцать четыре голоса против двадцати четырех. Большевики Рязанов и Лозовский голосовали с меньшинством; они заявили, что не могут подавать голос за какое бы то ни было ограничение свободы печати.

После этого левые эсеры заявили, что больше не могут принимать на себя ответственность за происходящее, и ушли из Военно-революционного комитета, а также со всех прочих ответственных постов.

Из Совета Народных Комиссаров вышли пять членов: Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович и Шляпников. При этом они сделали следующее заявление:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя пред ЦИК звание Народных Комиссаров».

Это заявление было подписано и некоторыми другими комиссарами, впрочем, не оставившими своих постов: Рязановым, Дербышевым из управления печати, Арбузовым из государственной типографии, Юреневым из Красной гвардии, Федоровым из комиссариата труда и секретарем отдела разработки законодательных предположений Лариным.

В то же время Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из Центрального Комитета большевистской партии, сделав публичное заявление о причинах этого шага:

«Мы считаем, что создание такого правительства (составленного из представителей всех советских партий) необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного собрания в назначенный срок и дейст-

вительного проведения программы мира, принятой II Всероссийским съездом Советов Р. и С. Депутатов...

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии.

Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат...

Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата...»

Рабочие и солдаты гарнизона волновались, посылали делегации в Смольный и на конференцию по формированию нового правительства, где раскол между большевиками вызвал живейшую радость.

Но ответ ленинцев был быстрым и беспощадным. Шляпников и Теодорович подчинились партийной дисциплине и вернулись на свои посты. Каменев был смещен с поста председателя ЦИК, и на его место выбрали Свердлова. Зиновьева устранили от председательствования в Петроградском Совете. Утром 20 (7) ноября «Правда» вышла с яростным обращением к русскому народу, написанным Лениным, размноженным в сотнях тысячах экземпляров, расклеенным на всех стенах и распространенным по всей России:

«Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством. И всем известно, что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров, товарищей Камкова, Спиро и Карелина, *и предложил им* участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства, но мы заявляем, что, как партия большинства на Втором Всероссийском съезде Советов, мы вправе *и обязаны* перед народом составить правительство...

Товарищи! Несколько членов ЦК нашей партии и Совета Народных Комиссаров, Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Ми-

лютин и немногие другие, вышли вчера, 4 ноября, из ЦК нашей партии и — три последних — из Совета Народных Комиссаров... Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений петроградской и московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров...

Припомните, товарищи, что двое из дезертиров, Каменев и Зиновьев, уже перед восстанием в Петрограде выступили, как дезертиры и как штрейкбрехеры, ибо они не только голосовали на решающем собрании ЦК 10 октября 1917 г. против восстания, но и *после* состоявшегося решения ЦК выступали перед партийными работниками с агитацией против восстания... и великий подъем масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян в Питере и Москве, на фронте, в окопах и в деревнях, отодвинул дезертиров с такой же легкостью, с какой железнодорожный поезд отбрасывает щепки.

Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени* колебаний *в массах* петроградских, московских и других рабочих и солдат *нет*... Но никаким ультиматумам интеллигентских группок, за коими массы не стоят, за коими *на деле* стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и пр., мы не подчинимся...»

Страна ответила громом негодования. Оппозиционерам так и не удалось «открыто высказать свое мнение перед рабочими и солдатскими массами». Народ был возмущен действиями «дезертиров», и это возмущение заливало ЦИК. Несколько дней Смольный буквально затопляли негодующие делегации и целые комитеты от фронта, от Поволжья, от петроградских заводов. «Как они смеют выходить из правительства? Или они продались буржуазии и хотят погубить революцию? Они обязаны вернуться и подчиниться решениям Центрального Комитета!»

Невыясненным оставалось только настроение петроградского гарнизона. 24 (11) ноября состоялся большой солдатский митинг, на котором выступали представители всех партий. Огромным большинством митинг одобрил позицию Ленина и

высказался за то, чтобы левые эсеры вступили «в состав народного правительства» [6].

Меньшевики предъявили решительный ультиматум, требуя освобождения всех министров и юнкеров, полной свободы для всех газет, разоружения Красной гвардии и подчинения гарнизона городской думе. Смольный ответил, что все социалистические министры и почти все, за очень редкими исключениями, юнкера уже отпущены, что все газеты, кроме буржуазных, совершенно свободны, но что во главе вооруженных сил останется Совет. 19 (6) ноября конференция по формированию нового правительства разошлась, и оппозиционеры друг за другом улизнули в Могилев, где и продолжали организовывать под крылышком ставки правительство за правительством, пока всем им не пришел конец...

Тем временем большевики начали борьбу с Викжелем. Петроградский Совет выпустил воззвание ко всем железнодорожным рабочим, призывая их заставить Викжель сложить свои полномочия. 15 (2) ноября ЦИК назначил на 1 декабря (18 ноября) Всероссийский съезд железнодорожников; в этом случае он в точности повторял свою политику по отношению к крестьянам. Викжель немедленно назначил свой особый съезд железнодорожников двумя неделями позже. 16 (3) ноября члены Викжеля заняли свои места в ЦИК. В ночь на 2 декабря (19 ноября) ЦИК при открытии Всероссийского съезда железнодорожников формально предложил Викжелю портфель комиссара путей сообщения. Предложение было принято.

Разрешив вопрос о власти, большевики обратились к задачам практического управления. Прежде всего надо было накормить город, страну и армию. Отряды матросов и красногвардейцев обыскивали торговые склады, железнодорожные вокзалы и даже баржи, стоявшие в каналах, отбирая тысячи пудов продовольствия, припрятанного спекулянтами. В провинции были посланы эмиссары, которые с помощью земельных комитетов реквизировали склады крупных хлеботорговцев. На юг и в Сибирь отправлялись хорошо вооруженные пятитысячные матросские отряды с поручением захватывать города, все еще находящиеся в руках белогвардейцев, устанавливать порядок и, главное, *добывать продовольствие.* На великой сибирской магистрали пассажирское сообщение было прервано на целые две недели. В это время из Петрограда двинулось на восток тринадцать поездов, груженных железом и мануфактурой, для товарообмена с сибирскими крестьянами. Эти товары были собраны фабрично-заводскими комитетами. С каждым поездом ехал

Десять дней, которые потрясли мир.
С линогравюры В. Шаранговича.

особый комиссар, прилагавший все усилия, чтобы выменять у сибирских крестьян как можно больше хлеба и картофеля...

Донецкий каменноугольный бассейн находился в руках Каледина, так что вопрос о топливе тоже становился все острее. Смольный прекратил подачу электрической энергии в театры, магазины и рестораны, сократил число трамваев и конфисковал у частных торговцев все запасы дров... А когда петроградские заводы уже совсем было прекратили работу из-за отсутствия топлива, матросы Балтийского флота передали рабочим двести тысяч пудов каменного угля из запасов боевых кораблей...

В конце ноября разразились «винные погромы» [7] (разграбление винных подвалов), начавшиеся с разграбления погребов Зимнего дворца. Улицы наполнялись пьяными солдатами... Во всем этом была видна рука контрреволюционеров, распространявших по всем полкам планы города, на которых были отмечены винные склады. Комиссары Смольного выбивались из сил, уговаривая и убеждая, но таким путем не удалось прекратить беспорядки, за которыми последовали ожесточенные схватки между солдатами и красногвардейцами... Наконец Военно-революционный комитет разослал несколько рот матросов с пулеметами. Матросы открывали безжалостную стрельбу по погромщикам и многих убили. После этого особые комиссии согласно приказу отправлялись к винным погребам, разбивали бутылки топорами или взрывали погреба динамитом...

В помещениях районных Советов днем и ночью дежурили роты дисциплинированных и хорошо оплачиваемых красногвардейцев, заменивших собой старую милицию. Для борьбы с мелкими преступлениями по всем кварталам города были созданы небольшие выборные революционные трибуналы...

Крупные гостиницы, в которых спекулянты все еще выгодно обделывали свои дела, были окружены красногвардейцами. Спекулянты попали в тюрьму... [8]

Бдительный петроградский пролетариат создал обширную систему разведки, которая через прислугу узнавала все, что творилось в буржуазных квартирах. Все добытые этим способом сведения сообщались Военно-революционному комитету, неутомимо наносившему удары железной рукой. Так был раскрыт монархический заговор, руководимый бывшим членом думы Пуришкевичем с группой дворян и офицеров, которые готовили офицерское восстание и написали Каледину письмо с приглашением в Петроград [9]. Точно так же была раскрыта и подпольная деятельность петроградских кадетов, поддерживавших Каледина деньгами и людьми...

Нератов, испуганный взрывом негодования, которым народ ответил на его бегство, вернулся и передал Троцкому тайные договоры. Троцкий немедленно же начал публиковать их в «Правде», что вызвало потрясение во всем мире...

Мероприятия, направленные против буржуазной печати, были подкреплены декретом [10], отдавшим монополию на объявления официальным правительственным газетам. Все прочие газеты в знак протеста перестали выходить или не подчинились декрету и были закрыты... Только через три недели они наконец сдались.

Министерства все еще бастовали, старые чиновники все еще проводили саботаж и не давали возможности наладить экономическую жизнь. За Смольным стояла только воля широких неорганизованных масс, и Совет Народных Комиссаров опирался на нее, направляя революционные действия масс против своих врагов [11]. В ярко и просто написанных и распространенных по всей России обращениях [12] Ленин разъяснял цели революции и призывал народ взять власть в свои руки, силой сломить сопротивление имущих классов, силой овладеть государственными учреждениями. Революционный порядок! Революционная дисциплина! Строгая отчетность и контроль! Никаких стачек! Никакого разгильдяйства!

20 (7) ноября Военно-революционный комитет опубликовал следующее предостережение:

«Богатые классы оказывают сопротивление новому, Советскому правительству, правительству рабочих, солдат и крестьян. Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т. п.

Мы предостерегаем их — они играют с огнем. Стране и армии грозит голод. Для борьбы с голодом самое тщательное исполнение всех работ в продовольственных учреждениях, на железных дорогах, на почте, в банках,— безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимает все необходимые меры для обеспечения страны всем необходимым.

Сопротивление этим мерам — преступление против народа. Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоз продовольствия, *первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут*

лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы, имущество главных виновников будет конфисковано.

Мы выполнили свой долг — мы предостерегли играющих с огнем.

Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех рабочих [13], солдат и крестьян».

22 (9) ноября по всем стенам города было расклеено *«Экстренное извещение»:*

«Советом Народных Комиссаров получена срочная военная телеграмма вне очереди от штаба Северного фронта, в которой сообщается следующее: «Медлить больше нельзя, не дайте умереть с голоду. Армия Северного фронта уже несколько дней не имеет ни крошки хлеба, а через два-три дня не будет иметь и сухарей, которые выдаются из неприкосновенных доселе запасов. Эти запасы подходят к концу. Уже делегаты, приезжающие из армии, говорят о необходимости планомерного отвода частей армии в тыл, предвидя, что на днях начнется повальное бегство умирающих с голода, истерзанных трехлетней борьбой в окопах, больных, раздетых, разутых, обезумевших от нечеловеческих лишений людей...»

Военно-революционный комитет доводит о сем до сведения петроградского гарнизона и петроградских рабочих. Положение на фронте требует самых неотложных и решительных мер... Между тем верхи чиновничества правительственных учреждений, банков, казначейств, дорог, почт и телеграфов саботируют и подрывают работу правительства, направленную на обеспечение фронта продовольствием... Каждый час промедления может стоить жизни тысячам солдат.

Контрреволюционные чиновники являются самыми бесчестными преступниками по отношению к голодающим и умирающим братьям на фронте.

Военно-революционный комитет делает этим преступникам последнее предостережение. В случае малейшего сопротивления или противодействия с их стороны по отношению к ним будут приняты меры, суровость которых будет отвечать размерам совершенного ими преступления».

Рабочие и солдатские массы ответили на это бешеным взрывом негодования, прокатившимся по всей России. В столице государственные и банковские служащие выпускали сотни прокламаций и воззваний [14], протестовали и оправдывались. Вот одна из таких прокламаций:

«Вниманию всех граждан.
Государственный банк закрыт.
Почему?

Потому что насилия, чинимые большевиками над Государственным банком, не дали возможности дальше работать. Первые шаги народных комиссаров выразились в требовании 10 миллионов рублей, а 14 ноября они потребовали уже 25 миллионов без указания, на что пойдут эти деньги...

Мы, чиновники Государственного банка, не можем принять участия в разграблении народного достояния. Мы прекратили работу.

Граждане, деньги Государственного банка — это ваши народные деньги, добытые вашим трудом, потом и кровью.

Граждане, оградите народное достояние от разграбления, а нас — от насилия, и мы сейчас же встанем на работу.

Служащие Государственного банка».

Министерство продовольствия, министерство финансов, особый комитет по снабжению — все заявляли, что Военно-революционный комитет не дает служащим возможности работать, и умоляли население поддержать их в борьбе против Смольного... Но рядовые рабочие и солдаты не верили им; народ был твердо уверен в том, что чиновники занимаются саботажем, морят голодом армию и народ... В длинных хлебных очередях, по-прежнему стоявших на холодных улицах, бранили не *правительство*, как это было при Керенском, а саботажников-*чиновников*. Ибо все эти люди знали, что правительство — это *их* правительство, правительство *их* Советов, и что служащие министерств — против него...

В центре всей этой оппозиции стояла дума и ее боевой орган — Комитет спасения, протестовавший против каждого декрета Совета Народных Комиссаров, вновь и вновь выносивший резолюции о непризнании Советского правительства, открыто сотрудничавший с новыми контрреволюционными «правительствами», создававшимися в Могилеве... Так, например, 17 (4) ноября Комитет спасения обратился «ко всем городским самоуправлениям и земствам, ко всем демократическим и революционным организациям крестьян, рабочих, солдат и прочих граждан» со следующими словами:

«1) Не признавать большевистского правительства и бороться с ним; 2) образовать местные комитеты спасения родины и революции, которые должны объединить все демократические

силы для содействия Всероссийскому комитету спасения в его задачах...»

А между тем выборы в Учредительное Собрание дали в Петрограде [15] огромное преобладание большевикам. После этого даже меньшевики-интернационалисты заявили, что дума должна быть переизбрана, так как она уже не выражает интересов населения Петрограда... В то же время думу затоплял поток резолюций рабочих организаций, воинских частей и даже окрестных крестьян, и все они называли думу «контрреволюционной и корниловской» и требовали, чтобы она сложила с себя полномочия. Последние дни думы были особенно бурными, потому что рабочие городских учреждений требовали введения хотя бы сносных ставок и грозили забастовкой...

23 (10) ноября Военно-революционный комитет официальным постановлением объявил Комитет спасения распущенным. 29 (16) числа Совет Народных Комиссаров постановил распустить и переизбрать Петроградскую городскую думу:

«Ввиду того, что избранная 20 августа... Центральная городская дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями... ввиду того, что наличный состав думского большинства, утратившего всякое политическое доверие, продолжает пользоваться своими формальными правами для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы, Совет Народных Комиссаров считает необходимым призвать население столицы вынести свое решение по поводу политики городского самоуправления.

С этой целью Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Петроградскую городскую думу распустить; днем роспуска считать 17 ноября 1917 года.

2. Всем должностным лицам, избранным думой настоящего состава, оставаться на своих местах и исполнять все лежащие на них обязанности, впредь до вступления в отправление этих обязанностей должностных лиц, избранных думой нового состава.

3. Всем служащим петроградского городского самоуправления оставаться при исполнении своих прямых обязанностей, самовольно оставивших службу считать немедленно уволенными.

4. Новые выборы в Петроградскую думу произвести 26 ноября 1917 года, на основании одновременно с этим издаваемого

«Положения о выборах гласных Петроградской городской думы 26 ноября 1917 года».

5. Петроградской городской думе нового состава собраться 28 ноября 1917 года, в 2 часа вечера.

6. Виновные в неподчинении настоящему декрету, а также в умышленной порче или уничтожении городского имущества подвергаются немедленному аресту, для предания их Военно-Революционному Суду...»

Несмотря на этот декрет, дума продолжала собираться, выносить резолюции о «защите своих позиций до последней капли крови» и отчаянно взывать к населению, чтобы оно спасло «свое выборное городское самоуправление». Но население оставалось безразличным или враждебным. 30 (17) ноября городской голова Шрейдер и еще несколько членов думы были арестованы, допрошены и выпущены. В этот и на следующий день дума все еще собиралась, причем ее заседания часто прерывались красногвардейцами и матросами: они вежливо приглашали собрание разойтись. 2 декабря (20 ноября) во время речи одного из членов думы в Николаевский зал вошел офицер с несколькими матросами и приказал собранию разойтись, угрожая в противном случае применить силу. Дума вынесла последнюю резолюцию протеста, но в конце концов «уступила насилию».

Новая дума, избранная через десять дней, оказалась почти поголовно большевистской [16]. «Умеренные» социалисты отказались принять участие в выборах.

Но еще оставалось несколько центров опасной оппозиции. Таковы были Украинская и Финляндская «республики», совершенно не скрывавшие своих антисоветских тенденций. Гельсингфорсское и Киевское правительства собирали вокруг себя надежные воинские части и принимались за искоренение большевизма, за разоружение и высылку русских войск. Украинская рада захватила власть над всей Южной Россией и поддерживала Каледина людьми и снаряжением. Финляндия и Украина вступили в тайные переговоры с немцами и, кроме того, были немедленно признаны правительствами союзников, которые предоставили им крупные займы, поддерживая их имущие классы в создании контрреволюционных центров для нападения на Советскую Россию. В конце концов, когда большевизм победил в обеих этих странах, разбитая буржуазия призвала немцев, которые и восстановили ее власть...

Но главная опасность грозила Советскому правительству со стороны внутреннего врага о двух головах: это были кале-

динское движение и ставка в Могилеве, где командование было в руках генерала Духонина.

Вездесущий Муравьев был назначен командующим войсками, сражавшимися против казаков. Среди рабочих фабрик и заводов производился набор в Красную Армию. На Дон отправились сотни пропагандистов. Совет Народных Комиссаров выпустил воззвание к казакам [17], в котором разъяснялось, что́ такое Советское правительство, почему имущие классы — чиновники, помещики, банкиры и их союзники, казачья знать и генералы — пытались задушить революцию, желая не допустить перехода своих богатств в народные руки.

27 (14) ноября в Смольный, к Ленину и Троцкому, явилась казачья делегация. Делегаты спросили, правда ли, что Советское правительство собирается разделить казачьи земли между крестьянами Великороссии. «Нет»,— отвечал Троцкий. Казаки пошептались между собой. «А не собирается ли Советское правительство,— спросили они,— отобрать имения у наших помещиков и разделить их между трудящимися казаками?» Им ответил Ленин. «Это,— сказал он,— уже *ваше* дело. Мы поддержим трудовых казаков во всех их действиях... Начинать лучше всего с создания казачьих Советов. Тогда вы получите представительство в ЦИК, и тогда он станет и *вашим* правительством».

Казаки ушли в глубоком раздумье. Через две недели к генералу Каледину явилась делегация от его войск. «Обещаете ли вы,— спросили делегаты,— разделить помещичьи имения между трудовыми казаками?» «Только перешагнув через мой труп»,— ответил Каледин. Через месяц, видя, что его армия тает на глазах, он застрелился. Казачье движение прекратилось...

В это же время в Могилеве собрался старый ЦИК — «умеренно»-социалистические вожди от Авксентьева до Чернова, активные руководители старых армейских комитетов, реакционное офицерство. Штаб упорно отказывался признать Совет Народных Комиссаров. Он стянул вокруг себя батальоны смерти, георгиевских кавалеров и фронтовых казаков и тайно завязал тесные связи с союзными военными атташе, с калединским движением и с Украинской радой...

Союзные правительства не дали никакого ответа на декрет о мире от 8 ноября (26 октября), в котором съезд Советов предлагал всеобщее перемирие.

20 (7) ноября Троцкий обратился к союзным послам со следующей нотой : [18]

«Сим честь имею известить вас, господин посол, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской республики в виде Совета Народных Комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин, руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара по иностранным делам.

Обращая ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить вас смотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров,— предложение, с которым полномочное правительство Российской республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам.

Примите уверение, господин посол, в глубоком уважении Советского Правительства к Народу Франции, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощенные и обескровленные этой беспримерной бойней...»

В ту же ночь Совет Народных Комиссаров телеграфировал генералу Духонину:

«Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Соответственное извещение послано народным комиссаром по иностранным делам всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Вам, гражданин верховный главнокомандующий, Совет Народных Комиссаров поручает... обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров.

Возлагая на вас ведение этих предварительных переговоров, Совет Народных Комиссаров приказывает вам: 1) непрерывно докладывать Совету по прямому проводу о ходе ваших переговоров с представителями неприятельских армий; 2) подписать акт перемирия только с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров...»

Союзные послы встретили ноту Троцкого презрительным молчанием и дали в газеты анонимные интервью, полные пренебрежительных насмешек. Приказ, отправленный Духонину, открыто характеризовался как акт измены...

Что до Духонина, то он не подавал никаких признаков жизни. В ночь на 22 (9) ноября его вызвали по прямому проводу и спросили, намерен ли он подчиниться приказу. Духонин ответил, что он может подчиниться только приказам, исходящим от «правительства, поддерживаемого армией и страной».

Немедленно, по телеграфу, он был смещен с поста верховного главнокомандующего, и на его место назначили Крыленко. Следуя своей тактике обращения к массам, Ленин разослал радиограмму по всем полковым, дивизионным и корпусным комитетам, ко всем солдатам и матросам армии и флота, сообщая об отказе Духонина и приказывая: «Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем...»

23 (10) ноября военные атташе союзных держав, действуя на основании инструкций своих правительств, адресовали Духонину ноту, в которой официально предупреждали его, чтобы он «не нарушал договоров, заключенных между державами Антанты». Дальше в ноте говорилось, что заключение сепаратного перемирия с Германией «повлечет за собою самые серьезные последствия» для России. Духонин немедленно разослал эту ноту по всем солдатским комитетам...

На следующее утро Троцкий обратился к войскам с новым призывом, в котором охарактеризовал ноту союзных представителей как явное вмешательство во внутренние дела России и как дерзкую попытку «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем...».

Из Смольного непрерывным потоком неслись прокламации [19], которые разоблачали Духонина и сгруппировавшееся вокруг него контрреволюционное офицерство, разоблачали реакционных политиканов, собравшихся в Могилеве, подымали по всему тысячеверстному фронту миллионы возмущенных солдат. И в то же время Крыленко в сопровождении трех отрядов беззаветно преданных матросов отправился в ставку, грозя Духонину возмездием [20]. Солдаты повсюду принимали его восторженными овациями — сплошной триумф. Центральный армейский комитет выпустил декларацию, в которой заступался за Духонина, и тотчас же на Могилев двинулось десятитысячное войско...

2 декабря (19 ноября) могилевский гарнизон восстал, захватил город, арестовал Духонина и армейский комитет и с

победными красными знаменами вышел навстречу новому верховному главнокомандующему. На следующее утро Крыленко прибыл в Могилев и застал у вагона, в котором содержался арестованный Духонин, ревущую, беснующуюся толпу. Крыленко произнес речь, в которой умолял солдат не трогать Духонина, поскольку его следовало везти в Петроград, где он должен был предстать перед судом революционного трибунала. Когда он кончил, Духонин неожиданно появился у окна вагона, как бы собираясь тоже обратиться к толпе. Народ с диким воплем кинулся к вагону, вытащил старого генерала и тут же, на платформе, растерзал его.

Так кончился мятеж ставки...

Советское правительство, невероятно усилившееся в результате падения этой последней цитадели враждебных ему сил, уверенно принялось за организацию нового государства. Многие старые чиновники стали под его знамена, многие члены других партий поступили на советскую службу. Впрочем, те из них, которые рассчитывали на большое жалованье, были разочарованы декретом о ставках советских служащих, который установил оклад народного комиссара, то есть самый высший оклад,— в 500 рублей (около 50 долларов) в месяц... Забастовка государственных служащих, руководимая Союзом союзов, провалилась, финансовые и коммерческие группы, стоявшие за ней, перестали поддерживать ее. Банковские служащие тоже вернулись на работу...

Декрет о национализации банков, создание Высшего Совета Народного Хозяйства, проведение в жизнь декрета о земле, демократическая реорганизация армии, стремительные изменения во всех отраслях государственного управления и жизни — все эти мероприятия, выражая волю рабочих, солдатских и крестьянских масс, начинали постепенно, со многими ошибками, создавать новую пролетарскую Россию.

Не компромиссами с господствующими классами или с другими политическими лидерами, не примирением со старым правительственным аппаратом завоевали большевики власть. Они добились этого и не путем организованного насилия маленькой клики. Если бы широкие массы российского населения не были готовы к восстанию, оно потерпело бы неудачу. Единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили великие и в то же время простые чаяния широчайших слоев населения, призвали их разрушить и искоренить все старое, чтобы потом вместе с ними возвести на развалинах прошлого остов нового мира...

ГЛАВА XII
КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД

18 (5) ноября выпал снег. Проснувшись утром, мы увидели, что карнизы окон совсем побелели. Снег был такой густой, что в десяти шагах ничего не было видно. Грязь исчезла. Хмурый город вдруг стал ослепительно-белым. Дрожки сменились санками, с головокружительной быстротой несущимися по неровным улицам. Бороды до смешного закутанных извозчиков замерзли и превратились в ледяные сосульки... Несмотря на революцию, с ошеломляющей быстротой увлекавшую Россию в неизвестное и грозное будущее, город встретил первый снег общей радостью. На всех устах была улыбка, люди выбегали на улицу и со смехом ловили мягкие, кружащиеся в воздухе снежинки. Все серые тона пропали, только золотые и разноцветные шпили и купола просвечивали из-под белоснежного покрова. Снег только еще более возвеличил их своеобразную первобытную красоту.

В полдень даже выглянуло солнце, бледное и немощное, но все-таки солнце. Исчезли простуды и ревматизмы, одолевавшие город в дождливые месяцы. Жизнь пошла веселей, и даже революция стала развертываться ускоренным ходом...

Однажды вечером я сидел в трактире напротив ворот Смольного. Трактир назывался «Хижина дяди Тома», и красногвардейцы часто заходили в это шумное заведение с низкими потолками. Теперь они тоже толпились здесь вокруг покрытых грязными скатертями столиков с огромными фарфоровыми чайниками, наполняя комнаты густым табачным дымом. Половые летали во все стороны, выкрикивая: «Сейчас! Сейчас!»

В одном углу сидел человек в форме капитана и пытался произнести речь, но присутствующие прерывали его через каждые несколько слов.

«Вы не лучше убийц! — шумел он. — Расстреливаете на улицах своих же русских братьев!»

«Когда мы это делали?» — спросил рабочий.

«В прошлое воскресенье, когда юнкера...»

«А они разве не стреляли в нас? (Один из присутствующих приподнял руку, висевшую на перевязи.) Они мне оставили памятку, дьяволы!»

Капитан напрягал голос изо всех сил. «Вам надо было держать нейтралитет! — кричал он. — Вам надо было держать

нейтралитет! Кто вы такие, что смеете низвергать законное правительство? Кто такой ваш Ленин? Германский...»

«А ты кто такой?! Контрреволюционер! Провокатор!» — кричали ему со всех сторон.

Когда шум несколько стих, капитан встал.

«Ладно,— сказал он,— вы называете себя русским народом, но русский народ — это *не вы!* Русский народ — это крестьяне! Вот погодите, крестьяне...»

«И погодим,— кричали ему спорщики,— и посмотрим, что скажут крестьяне! Мы-то знаем, что они скажут!.. Разве они не такие же трудящиеся, как и мы?..»

В конечном счете все зависело именно от крестьян. Хотя крестьяне были политически плохо развиты, но все-таки у них были свои собственные взгляды, а кроме того, они составляли больше 80% населения России. Среди крестьянства у большевиков было сравнительно мало последователей, а прочная диктатура одних промышленных рабочих в России была невозможна... Традиционным представителем крестьянства была партия эсеров. Поэтому руководство им, естественно, отходило к левым эсерам, а не к какой-либо другой из партий, поддерживавших Советское правительство. И левые эсеры, зависевшие от милости организованного городского пролетариата, бесконечно нуждались в крестьянской поддержке...

Но Смольный вовсе не забывал о крестьянах. Издав декрет о земле, новый ЦИК первым делом созвал Всероссийский крестьянский съезд, действуя через голову исполнительного комитета крестьянских Советов. Спустя несколько дней были опубликованы подробно разработанные правила для волостных земельных комитетов, а за ними последовали ленинские письма к крестьянам[1], просто и понятно рассказывавшие о большевистской революции и о новом правительстве. Наконец, 16 (3) ноября Ленин и Милютин опубликовали «Инструкцию эмиссарам, посылаемым в провинцию». Тысячи таких эмиссаров Советское правительство разослало по деревням.

«1. Эмиссар по прибытии в указанную губернию созывает совещание Исполнительного Комитета Советов Р., С. и Кр. Депутатов, где докладывает о земельном законе, ставит вопрос о созыве совещания уездных и губернских Советов Р., С. и Кр. Д.

2. Выясняет положение земельного вопроса в губернии:

а) были или нет взяты помещичьи земли на учет и где и в каких уездах;

б) кто распоряжается помещичьими землями: земельные комитеты или по-прежнему помещики;

в) как поступали с инвентарем.

3. Увеличивался ли посев у крестьян.

4. Сколько грузится из того наряда, который назначен на губернию.

5. Указывать, что раз крестьяне получили землю, то необходимо как можно больше усилить погрузку и ускорить доставку хлеба по городам, и только таким увеличением доставки хлеба можно устранить угрозу голода.

6. Какие меры намечаются и принимались для перехода помещичьей земли в руки волостных и земельных комитетов и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

7. Имения хорошо устроенные и оборудованные желательно передать в распоряжение Советов батрацких депутатов под соответствующим руководством агрономов...»

В деревне началось брожение, чреватое переменами, и причиной его было не только мощное действие декрета о земле, но и тысячи революционно настроенных солдат-крестьян, возвращавшихся с фронта... Именно эти люди с особенной радостью приветствовали созыв Крестьянского съезда.

Как старый ЦИК пытался не допустить II съезда рабочих и солдатских депутатов, так и исполнительный комитет крестьянских Советов пытался предотвратить Крестьянский съезд, созванный Смольным. А увидя, что сорвать этот съезд не удается, исполнительный комитет, тоже подобно старому ЦИК, принялся с лихорадочной поспешностью рассылать телеграммы, предписывая избирать консервативных делегатов. Среди крестьян даже распространили слух, будто съезд соберется в Могилеве, и некоторые из делегатов действительно туда и направились. Но к 23 (10) ноября в Петрограде собралось около четырехсот делегатов, и начались фракционные совещания...

Первое заседание съезда состоялось в Александровском зале городской думы, и первое же голосование показало, что больше половины делегатов съезда были левыми эсерами, тогда как большевиков оказалось около одной пятой, правых эсеров — четверть, а остальные делегаты объединялись только оппозицией к старому исполнительному комитету, возглавляемому Авксентьевым, Чайковским и Пешехоновым...

Огромный зал был набит шумной толпой. Глубокая, упорная вражда разделила делегатов на непримиримые группы. На правой стороне сверкали офицерские погоны, были видны патриархальные бородатые лица пожилых, более зажиточных крестьян, в центре было немного крестьян, унтер-офицеров и несколько солдат, слева же сидели почти исключительно рядо-

вые солдаты. То было молодое поколение, служившее в армии... Галереи были переполнены рабочими, которые в России еще помнят о своем крестьянском происхождении...

Открывая заседание, исполнительный комитет не в пример старому ЦИК отказал съезду в официальном признании: официальный съезд был назначен на 13 декабря (30 ноября). Под гром аплодисментов и яростных криков представитель исполнительного комитета заявил, что настоящее собрание является не более как Чрезвычайной конференцией... Но Чрезвычайная конференция очень скоро показала свое отношение к исполнительному комитету, избрав в председатели вождя левых эсеров Марию Спиридонову.

Почти весь первый день ушел на ожесточенные споры о том, допускать ли к участию в съезде представителей волостных Советов или только делегатов от губернских организаций. Но в конце концов, как было и на съезде рабочих и солдат, подавляющее большинство высказалось за самое широкое представительство. После этого старый исполнительный комитет покинул зал заседания...

Почти непосредственно после этого стало очевидным, что большинство делегатов настроено враждебно к правительству народных комиссаров. Зиновьев пытался говорить от имени большевиков, но его освистали, и, когда он, под смех делегатов, уходил с трибуны, раздались выкрики: «Сел в лужу народный комиссар!»

«Мы, левые социалисты-революционеры,— кричал провинциальный делегат Назарьев,— отказываемся признать это так называемое рабоче-крестьянское правительство, пока в нем не будут представлены крестьяне. В настоящее время это есть не что иное, как диктатура рабочих... Мы настаиваем на создании нового правительства, которое представляло бы всю демократию!»

Реакционные делегаты изо всех сил поддерживали такое настроение и, несмотря на громкие протесты с большевистских скамей, утверждали, что Совет Народных Комиссаров намерен либо подчинить себе съезд, либо распустить его вооруженной силой. Крестьяне встретили это заявление бурей негодования...

На третий день на трибуне неожиданно появился Ленин. Зал бесновался не меньше десяти минут. «Долой его! — ревел зал.— Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаем вашего правительства!»

Ленин стоял совершенно спокойно, охватив пюпитр обеими руками, и вдумчиво оглядывал беснующуюся толпу своими

прищуренными глазами. Наконец шум в зале как бы иссяк, за исключением правых скамей, где все еще продолжали кричать и свистеть.

«Я пришел сюда не как член Совета Народных Комиссаров,— сказал Ленин и снова подождал, пока спадет шум,— а как член большевистской фракции, надлежащим образом избранный на настоящий Съезд». И он высоко поднял над головой мандат, так, чтобы все могли его видеть.

«Впрочем,— продолжал он совершенно спокойным голосом,— никто не станет отрицать, что теперешнее русское правительство сформировано большевистской партией...— он подождал еще секунду —... так что, в сущности, это одно и то же...» Тут на правых скамьях раздались оглушительные крики, но центр и левая часть аудитории потребовали тишины.

Аргументация Ленина была проста. «Скажите откровенно, вы, крестьяне, которым мы отдали помещичьи земли: неужели вы теперь хотите помешать рабочим захватить контроль над производством? Ведь это классовая борьба. Помещики, разумеется, борются с крестьянами, а фабриканты борются с рабочими. Неужели вы хотите довести до раскола в рядах пролетариата? На какой стороне вы хотите быть?

Мы, большевики, являемся партией пролетариата,— точно так же крестьянского пролетариата, как и пролетариата промышленного. Мы, большевики, стоим за Советы,— точно так же за крестьянские Советы, как и за Советы рабочих и солдат. Нынешнее правительство есть правительство советское,— и мы не только предложили крестьянским Советам принять участие в этом правительстве, но и пригласили представителей левых эсеров войти в Совет Народных Комиссаров...

Советы являются наиболее совершенным представительством народа,— как того, который работает на заводах и в рудниках, так и того, который работает на полях. Всякий, кто пытается подорвать Советы, повинен в антидемократических контрреволюционных действиях. И я позволю себе заметить вам, товарищи правые эсеры, и вам, господа кадеты, что если Учредительное собрание попытается разрушить Советы, то мы этого Учредительному собранию не позволим!»

К вечеру 25 (12) ноября спешно прибыл из Могилева Чернов, вызванный исполнительным комитетом. Всего два месяца назад он считался крайним революционером и пользовался очень большой популярностью среди крестьянства, а теперь его вызывали, чтобы он удержал съезд от опасного уклона влево.

По прибытии в Петроград Чернов был арестован и доставлен в Смольный, где его быстро допросили и выпустили.

Первым его делом было жестоко разнести исполнительный комитет за уход со съезда. Исполнительный комитет согласился вернуться. При входе в зал Чернов был встречен громкими аплодисментами большинства, свистками и насмешками большевиков.

«Товарищи, я был в отсутствии. Я принимал участие в конференции Двенадцатой армии по вопросу о созыве съезда всех крестьянских делегатов армий Западного фронта и очень мало знаю о происшедшем здесь восстании...»

Зиновьев вскочил с места и закричал: «Да, вас не было — несколько минут!» Страшный шум, крики: «Долой большевиков!»

Чернов продолжал: «Выдвигаемое против меня обвинение в том, что я будто помогал вести целую армию на Петроград, лишено всякого основания и является сплошной ложью. Откуда исходит подобное обвинение? Укажите мне источники!»

Зиновьев: «Оно исходит из ваших собственных газет, из «Известий» и «Дела народа»!»

Широкое лицо Чернова, окаймленное седеющей бородой и вьющимися волосами, побагровело от гнева. Его маленькие глазки сверкали. Но он сдержался и продолжал: «Повторяю, я фактически ничего не знаю о том, что здесь произошло. Я не вел никакой армии, кроме вот этой. (Он жестом указал на крестьянских депутатов.) И я полностью беру на себя ответственность за то, что довел ее до этого зала!» Смех, крики «браво!».

«Вернувшись в Петроград, я посетил Смольный. Там мне таких обвинений не предъявляли... После очень короткого разговора меня отпустили — вот и все! Пусть кто-нибудь из присутствующих повторит это обвинение!»

Поднялся страшный шум. Большевики и некоторые из левых эсеров вскочили с мест и принялись кричать, потрясая кулаками, а остальные делегаты пытались перекричать их.

«Это не заседание, а сплошное безобразие!» — воскликнул Чернов. С этими словами он ушел из зала. Из-за шума и беспорядка пришлось прервать заседание...

Между тем всех очень волновал вопрос о положении исполнительного комитета. Объявляя собрание Чрезвычайной конференцией, он имел в виду не допустить переизбрания исполнительного комитета, но это оказалось палкой о двух концах:

левые эсеры решили, что если съезд не имеет власти над исполнительным комитетом, то и исполнительный комитет не имеет власти над съездом. 25 (12) ноября собрание постановило, что полномочия исполнительного комитета переходят к Чрезвычайной конференции и что право голоса имеют только те члены исполкома, которые избраны в качестве делегатов...

На следующий день, несмотря на отчаянное противодействие большевиков, была принята поправка к этой резолюции, давшая право совещательного и решающего голоса всем членам исполнительного комитета, независимо от того, были ли они избраны делегатами, или нет.

27 (14) состоялись прения по земельному вопросу, вскрывшие различие аграрных программ большевиков и левых эсеров.

Качинский, выступавший от имени левых эсеров, сделал краткий обзор истории земельного вопроса за время революции. Первый съезд крестьянских Советов, сказал он, совершенно точно и формально высказался за немедленную передачу помещичьих имений земельным комитетам. Но руководители революции и представители буржуазии во Временном правительстве настояли на том, что вопрос не может быть решен до открытия Учредительного собрания... Второй период революции, период «соглашательский», отмечен вхождением Чернова в министерство. Крестьяне были уверены, что теперь немедленно начнется практическое разрешение земельного вопроса. Но, несмотря на недвусмысленно выраженную волю Первого Крестьянского съезда, реакционеры и соглашатели из исполнительного комитета не допускали никаких действий. Такого рода политика повела к целому ряду аграрных волнений, явившихся вполне естественным выражением нетерпения и подавленной энергии крестьянства. Крестьяне поняли истинную сущность революции и пытались перейти от слов к делу...

«Последние события,— продолжал оратор,— это не простой мятеж и не «большевистская авантюра», а, наоборот, настоящее народное восстание, сочувственно встреченное всей страной...

В общем, большевики заняли в земельном вопросе правильную позицию; но, советуя крестьянам захватывать землю силой, они совершили очень серьезную ошибку... Большевики с первых же дней заявили, что крестьяне должны захватить землю «путем массового революционного действия». Это не что иное, как анархия. Земля может быть взята организованно... Для большевиков было важно как можно скорее разрешить все

проблемы революции, но тем, *как* будут разрешены эти проблемы, большевики не интересовались...

Декрет о земле, изданный съездом Советов, в основном вполне соответствует решениям Первого Крестьянского съезда. Почему же новое правительство не хочет следовать и тактике, намеченной этим съездом? Потому что Совет Народных Комиссаров хотел ускорить разрешение вопроса о земле так, чтобы Учредительному собранию нечего было делать...

Но правительство видело, что необходимы и практические меры. Поэтому оно без дальнейших размышлений утвердило «Правила для земельных комитетов» и тем самым создало очень странное положение: ведь Совет Народных Комиссаров отменил частную собственность на землю, а правила, созданные земельными комитетами, основаны на принципе частной собственности... Однако это не беда, потому что земельные комитеты не обращают на советские декреты никакого внимания и проводят в жизнь свои собственные практические решения — решения, опирающиеся на волю огромного большинства крестьян...

Земельные комитеты не пытаются разрешать земельный вопрос законодательным путем, что является прерогативой одного лишь Учредительного собрания... Но захочет ли Учредительное собрание исполнить волю русского крестьянства? В этом мы не можем быть уверены... Мы можем быть уверены только в том, что революционная решимость крестьянства сильно возросла и что Учредительное собрание будет *вынуждено* разрешить вопрос о земле так, как того хотят крестьяне... Учредительное собрание не осмелится пойти на разрыв с ясно выраженной волей народа...»

После Качинского выступил Ленин, которого на этот раз слушали с огромным вниманием.

«В настоящий момент мы пытаемся разрешить не только вопрос о земле, но и вопрос о социальной революции,— и притом не только здесь, в России, но и во всем мире. Вопрос о земле не может быть разрешен вне зависимости от прочих вопросов социальной революции... Так, например, конфискация крупных имений вызовет сопротивление не только со стороны русских помещиков, но и со стороны иностранного капитала, с которым крупная земельная собственность связана через посредство банков...

В России частная собственность на землю представляет собой основу громадного гнета, и конфискация земли крестьянами есть один из важнейших шагов нашей революции. Но

он не может быть отделен от других шагов, что совершенно ясно видно во всех стадиях, через которые прошла наша революция... Ошибка левых эсеров состояла в том, что в то время они не боролись с соглашательской политикой, ибо они придерживались теории, что сознание масс еще недостаточно развито...

Если социализм может быть осуществлен только тогда, когда это позволит умственное развитие всего народа, тогда мы не увидим социализма даже и через пятьсот лет... Социалистическая политическая партия — авангард рабочего класса; она не должна позволить, чтобы ее останавливал низкий уровень развития масс, а должна вести массы за собой, пользуясь Советами, как органами революционной инициативы... Но для того, чтобы вести за собой колеблющихся, товарищи левые эсеры должны сами перестать колебаться...

Народные массы начали отходить от соглашателей еще в июле,— а теперь, в ноябре, левые эсеры все еще протягивают руку Авксентьеву, цепляющемуся за жалкие остатки своей популярности... Если будет продолжаться соглашательство, то революция погибнет. Не может быть никакого соглашения с буржуазией; ее власть должна быть окончательно свергнута.

Мы, большевики, не меняли своей земельной программы, мы не отказывались и не собираемся отказываться от уничтожения частной собственности на землю. Мы приняли «Правила для земельных комитетов»,— которые вовсе *не* основаны на принципе частной собственности,— потому что хотели исполнить волю народа тем самым путем, который избрал для этого сам народ, и, таким образом, еще теснее сплотить союз всех элементов, борющихся за социалистическую революцию.

Мы приглашаем левых эсеров войти в этот союз, но при этом настаиваем, чтобы они перестали оглядываться назад и порвали с соглашательским крылом своей партии...

Что же касается Учредительного собрания, то совершенно верно, что, как сказал предыдущий оратор, работа Учредительного собрания будет определяться революционной решимостью масс. На революционную решимость надейся,— говорю я,— а винтовку из рук не выпускай!»

После этого Ленин огласил резолюцию большевиков:

«Крестьянский съезд всецело и всемерно поддерживает закон (декрет) о земле от 26 октября 1917 г., утвержденный Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и изданный Советом Народных Комиссаров, как временным рабочим и крестьянским правительством Российской

республики. Крестьянский съезд выражает свою твердую и непреклонную решимость отстоять грудью осуществление этого закона, призывает всех крестьян к единодушной поддержке его и к немедленному проведению в жизнь на местах самими крестьянами, а равно призывает крестьян выбирать на все и всякие ответственные посты и должности исключительно таких людей, которые не словами, а делами доказали свою полнейшую преданность интересам трудящихся и эксплуатируемых крестьян, свою готовность и способность отстаивать эти интересы вопреки какому бы то ни было сопротивлению помещиков, капиталистов и их сторонников или пособников.

Крестьянский съезд заявляет вместе с тем свое убеждение в том, что осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить и безвозмездный переход земли к трудящемуся крестьянству, и конфискацию помещичьего инвентаря, и полную охрану интересов наемных рабочих в земледелии, наряду с немедленными началами безусловного уничтожения всей системы наемного капиталистического рабства, и правильное и планомерное распределение между областями и жителями государства продуктов земледелия и продуктов промышленности, и господство над банками (без какового господства невозможно господство народа над землей при отмене и частной собственности на землю), и всестороннюю помощь именно трудящимся и эксплуатируемым со стороны государства и т. д.

Поэтому Крестьянский съезд, всецело поддерживая революцию 25 октября, и поддерживая ее именно как революцию социалистическую, выражает свою непреклонную решимость в должной постепенности, но без всяких колебаний, проводить в жизнь меры социалистического преобразования Российской республики.

Необходимым условием победы социалистической революции, которая одна лишь обеспечивает прочный успех и полное осуществление закона о земле, является полный союз трудового, эксплуатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом — пролетариатом — во всех передовых странах. В Российской республике отныне все устройство и управление государством сверху донизу должно быть построено на таком союзе. Такой союз, отметая все и всяческие, прямые и косвенные, открытые и прикрытые попытки вернуться к осужденному жизнью соглашательству с буржуазией и с проводниками бур-

жуазной политики, один лишь обеспечит победу социализма во всем мире».

Реакционеры из исполнительного комитета уже не решались на открытые выступления. Однако Чернов несколько раз выходил на трибуну и говорил со скромной и подкупающей беспристрастностью. Ему предложили место в президиуме... На вторую ночь съезда председателю была подана анонимная записка с предложением избрать Чернова почетным председателем. Устинов огласил эту записку, но тут Зиновьев вскочил с места и закричал, что это уловка старого исполнительного комитета, желающего овладеть собранием. Зал заседания немедленно превратился в ревущую массу искаженных яростью лиц и размахивающих кулаков, обе стороны буквально выходили из себя... Однако Чернов все еще сохранял большую популярность.

Во время бурных споров по земельному вопросу и о ленинской резолюции большевики дважды собирались уходить со съезда, но руководители все-таки удержали их... Мне казалось, что съезд безнадежно раскололся.

Но никто не знал, что в Смольном уже ведутся секретные переговоры между левыми эсерами и большевиками. Сначала левые эсеры требовали, чтобы было создано правительство из представителей всех социалистических партий, как входящих, так и не входящих в Советы. Они требовали, чтобы это правительство было ответственно перед Народным Советом, состоящим из равного числа делегатов от рабочих и солдатских организаций и организаций крестьян, пополненным представителями городских дум и земств. Они требовали исключения Ленина и Троцкого из правительства, а также роспуска Военно-революционного комитета и других репрессивных органов.

Соглашение было достигнуто утром в среду, 28 (15) ноября, после ожесточенной борьбы, длившейся всю ночь. В ЦИК, состоявший из 108 членов, было решено ввести еще 108 членов, избранных пропорционально от Крестьянского съезда, 100 делегатов, избираемых непосредственно армией и флотом, и 50 представителей от профессиональных союзов (35 от всероссийских союзов, 10 от железнодорожников и 5 от почтово-телеграфных служащих). Думы и земства были отведены, Ленин и Троцкий остались в правительстве, и Военно-революционный комитет продолжал свою работу.

Заседания съезда были перенесены в императорское училище правоведения, на Фонтанку, 6, где помещался испол-

ком крестьянских Советов. Здесь, в огромном зале заседаний, в среду вечером собрались делегаты. Старый исполнительный комитет ушел и открыл свое особое заседание в другой комнате того же дома, при участии отколовшихся делегатов и представителей армейских комитетов.

Чернов переходил из собрания в собрание, зорко следя за всем происходящим. Он знал, что соглашение с большевиками уже обсуждалось, но не знал, что оно уже достигнуто.

«Теперь, когда все стоят за создание общесоциалистического правительства,— говорил он на собрании отколовшихся,— многие забывают о первом министерстве, которое *не было* коалиционным и в котором был только один социалист — именно Керенский. В свое время это правительство было ведь очень популярно. Теперь все обвиняют Керенского, все забывают, что он был поставлен у власти не только Советами, но и народными массами...

Почему же общественное мнение повернулось против Керенского? Дикари делают себе богов и молятся им, но если боги не исполняют их молитв, то дикари их наказывают. То же самое происходит и сейчас... Вчера Керенский, сегодня Ленин и Троцкий, а завтра еще кто-нибудь...

Мы предложили уйти от власти и Керенскому и большевикам. Керенский согласился,— сегодня он заявил из своего убежища, что отказывается от поста министра-председателя. Большевики же хотят удержать власть, но не знают, что с ней делать...

Удержатся ли большевики или нет, судьбы России от этого не изменятся. Русская деревня великолепно знает, чего она хочет, и принимает свои собственные меры. И в конце концов спасет нас та же деревня...»

Между тем в большом зале Устинов сообщил о соглашении между Крестьянским съездом и Смольным. Делегаты приняли это сообщение с бурной и необузданной радостью. Вдруг в зале появился Чернов и потребовал слова.

«Я вижу,— начал он,— что между Крестьянским съездом и Смольным заключается соглашение. Такого рода соглашение будет незаконно, потому что настоящий съезд крестьянских Советов соберется только на той неделе...

Кроме того, я должен предупредить вас, что большевики никогда не исполнят ваших требований...»

Его речь была прервана взрывом хохота. Он быстро учел положение, сошел с трибуны, вышел из зала заседания — и унес с собой всю свою популярность...

Поздно вечером в четверг, 29 (16) ноября, было открыто чрезвычайное заседание съезда. Настроение было праздничное, у всех на устах были улыбки. Последние деловые вопросы, еще остававшиеся не решенными съездом, были быстро решены, и тогда выступил седобородый старейшина левых эсеров — старик Натансон. Дрожащим голосом, со слезами на глазах, огласил он отчет о «брачном союзе» крестьянских и рабоче-солдатских Советов. Каждый раз, как ему приходилось произносить слово «союз», зал разражался громовыми аплодисментами... Когда Натансон кончил, Устинов возвестил о прибытии делегации Смольного в сопровождении представителей Красной гвардии. Их встретили грандиозной овацией. Рабочий, солдат и матрос по очереди поднимались на трибуну, приветствуя съезд.

Затем выступил представитель Американской социалистической рабочей партии Борис Рейнштейн. «День заключения союза между Крестьянским съездом и Советами рабочих и солдатских депутатов есть один из величайших дней революции. Весть о нем громким эхом облетит весь мир, она раздастся и в Париже, и в Лондоне, и за океаном — в далеком Нью-Йорке. Этот союз наполнит радостью сердца всех трудящихся!

Великая идея восторжествовала. Запад и Америка давно ожидали от России, от русского пролетариата, чего-то необычайного и потрясающего... Мировой пролетариат давно ждал русской революции, давно ждал великих дел, ныне осуществляемых ею...»

После приветствия председателя ЦИК Свердлова огромная крестьянская толпа устремилась на улицу с криками: «Конец гражданской войне! Да здравствует объединенная демократия!»

Ночь уже наступила, и на обледенелом снегу отражались бледные блики луны и звезд. На набережной выстроился в полном походном порядке Павловский полк. Его оркестр играл «Марсельезу». Под громкие приветственные крики солдат крестьяне выстроились в колонну и развернули огромное красное знамя Исполнительного комитета всероссийских Советов крестьянских депутатов, на котором было заново вышито золотом: «Да здравствует союз революционных трудящихся масс!» Затем следовали другие знамена, знамена районных Советов. На знамени Путиловского завода было написано: «Мы преклоняемся перед этим знаменем, чтобы создать братство всех народов!»

Откуда-то появились факелы, осветившие ночь темно-багровым светом. Тысячекратно отражаясь на гранях льда, дыми-

лись они над толпой, с пением двигавшейся по набережной Фонтанки под взглядами молчаливых и изумленных зрителей.

«Да здравствует революционная армия! Да здравствует Красная гвардия! Да здравствует крестьянство!»

Так шла через весь город эта огромная процессия. К ней беспрестанно примыкали люди, над ней развертывались все новые красные знамена, шитые золотом. Двое согбенных трудом старых крестьян шли рука об руку, и на их лицах сияла детская радость.

«Ну,— сказал один из них,— теперь посмотрим, как у нас отымут землю!..»

Около Смольного по обеим сторонам улицы выстроились восторженные красногвардейцы.

«Я совсем не устал,— сказал своему спутнику второй старик крестьянин.— Я всю дорогу летел, как на крыльях...»

На ступенях Смольного столпилось около ста рабочих и крестьянских депутатов со знаменами, черневшими на фоне яркого света, бившего из дома. Как волна в бурю, бросились они вниз по лестнице, обнимая крестьян и целуя их. И вся процессия хлынула в двери и с громким шумом стала подниматься по лестнице...

В огромном белом зале заседаний ее ждал весь ЦИК, весь Петроградский Совет и тысячи зрителей. Обстановка была торжественная: все сознавали величие переживаемого исторического момента.

Зиновьев огласил соглашение с Крестьянским съездом. Его сообщение было встречено громом восторга, который превратился в настоящую бурю, когда в коридоре зазвучала музыка и в зал вошли передние ряды шествия. Президиум встал, дал место крестьянскому президиуму и встретил его объятиями. За возвышением, на белой стене, над пустой рамой, из которой был вырезан царский портрет, красовалось два знамени...

И вот открылось торжественное заседание. После нескольких приветственных слов, произнесенных Свердловым, на трибуну взошла худая, бледная женщина в очках, с гладко причесанными волосами, похожая на учительницу из Новой Англии,— самая популярная и влиятельная женщина в России, Мария Спиридонова.

«Перед русскими рабочими открываются еще невиданные в истории горизонты... До сих пор все рабочие движения неизменно кончались разгромом. Но теперешнее движение интернационально и потому непобедимо! Нет в мире той силы, кото-

рая могла бы погасить огонь революции! Старый мир гибнет. Нарождается новый мир...»

Потом выступил Троцкий: «Добро пожаловать, товарищи крестьяне! Вы приходите сюда не как гости, а как хозяева этого дома, в котором бьется сердце русской революции! В этом зале ныне сконцентрирована воля миллионов рабочих... Отныне русская земля знает только одного хозяина — союз рабочих, солдат и крестьян...»

Он с едким сарказмом заговорил о дипломатах союзных стран (Антанты), все еще пренебрегавших русским предложением перемирия, уже принятым центральными державами.

В этой войне родится новое человечество... «Здесь, в этом зале, мы клянемся перед трудящимися всех стран оставаться на своем революционном посту. Если мы будем разбиты, то мы умрем, защищая свое знамя...»

За ним выступил Крыленко, рассказавший о положении на фронте, где Духонин готовил сопротивление Совету Народных Комиссаров. «Пусть Духонин и иже с ним хорошенько поймут, что мы не станем миндальничать с теми, кто загораживает нам дорогу к миру!»

Дыбенко приветствовал собрание от имени флота, а член Викжеля Крушинский сказал:

«С этого момента, с момента, когда осуществился союз всех истинных социалистов,— вся армия железнодорожников всецело отдается в распоряжение революционной демократии!»

Потом выступали еле удерживавший слезы Луначарский, Прошьян от левых эсеров и, наконец, Сахарашвили, который заявил от объединенных социал-демократов интернационалистов, состоящих из групп Мартова и Горького:

«Мы ушли из ЦИК в виде протеста против непримиримой политики большевиков и с целью заставить их сделать уступки для осуществления союза всей революционной демократии. Теперь, когда этот союз осуществлен, мы считаем своим священным долгом снова занять места в ЦИК. Мы заявляем, что все ушедшие из ЦИК теперь должны вернуться!..»

Сташков, почтенный старик крестьянин из президиума Крестьянского съезда, взошел на трибуну и поклонился собранию на все четыре стороны. «Поздравляю вас, товарищи, с крещением новой русской жизни и свободы!»

Потом выступали Бронский — от имени польской социал-демократии, Скрыпник — от фабрично-заводских комитетов, Трифонов — от русских солдат, сражавшихся в Салониках, и другие ораторы, изливавшие сердца с радостным воодушевле-

нием людей, видящих исполнение самых заветных своих надежд.

Стояла поздняя ночь, когда была предложена и единогласно принята следующая резолюция:

«Всероссийский ЦИК Советов Кр. Раб. и Сол. Депутатов совместно с чрезвычайным Всероссийским крестьянским съездом и исп. Советов подтверждает законы о мире и земле, принятые II Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а равно закон о рабочем контроле, принятый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

Соединенное заседание ЦИК и Всероссийского крестьянского Съезда, выражая твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян — этот братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепив завоеванную ими государственную власть, примет со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс других более передовых стран и обеспечит, таким образом, прочную победу делу справедливого мира и делу социализма...»

ПРИЛОЖЕНИЯ К КНИГЕ «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР»

К ГЛАВЕ I

1

Оборонцы — так называли себя все умеренно-социалистические партии и так называли их все прочие: дело в том, что эти партии и группы стояли на точке зрения продолжения войны под руководством союзников, считая ее войною национальной обороны.

2

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЦЕНЫ НА ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ ДО И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

Нижеследующие таблицы по заработной плате и ценам на предметы первой необходимости, опубликованные в «Новой жизни» от 26 (13) октября 1917 года, составлены комитетом из представителей Московской торговой палаты и Московского отделения министерства труда.

Дневной заработок
(в рублях и копейках)

Специальность	Июль 1914 г.	Июль 1916 г.	Август 1917 г.
Плотники, столяры	1.60—2.—	4.——6.—	8.50
Землекопы	1.30—1.50	3.——3.50	—
Каменщики и штукатуры	1.70—2.35	4.——6.—	8.—
Маляры, обойщики	1.80—2.20	3.——5.50	8.—
Кузнецы	1.——2.25	4.——5.—	8.50
Печники и трубочисты	1.50—2.—	4.——5.50	7.50
Слесари	0.90—2.—	3.50—6.—	9.—
Чернорабочие	1.——1.50	2.50—4.50	8.—

Постоянно приходится слышать, что сейчас же после Февральской революции заработки русских рабочих стали расти огромными скачками. Однако приведенные цифры, опубликованные министерством труда, как характерные для положения во всей России, показывают, насколько далеки эти россказни от истины. На самом деле заработная плата рабочих росла медленно и постепенно и в среднем поднялась всего на 500% с небольшим.

А между тем покупательная сила рубля уменьшилась более чем втрое, а цены на предметы первой необходимости возросли совершенно непомерно.

Следующая таблица составлена городской думой Москвы, где продовольствия было больше, чем в Петрограде, и соответственно оно было дешевле.

Цены на продукты
(в рублях и копейках)

	Август 1914 г.	Август 1917 г.	% повышения
Черный хлеб (за фунт)	—02½	— .12	330
Белый хлеб » »	—05	— .20	300
Говядина » »	—22	—1.10	400
Телятина » »	—26	—2.15	727
Свинина » »	—23	—2.—	770
Селедка » »	—06	—52	767
Сыр » »	—40	—3.50	754
Масло » »	—48	—3.20	557
Яйца (за десяток)	—30	—1.60	443
Молоко (за кружку)	—07	—40	471

Итак, в среднем пищевые продукты вздорожали на 556%, то есть на 51% больше, чем заработная плата.

Что до прочих предметов первой необходимости, то они дорожали с потрясающей быстротой.

Нижеследующая таблица составлена Экономическим отделом Московского Совета рабочих депутатов, а затем исправлена и утверждена министерством продовольствия Временного правительства.

Цены на предметы первой необходимости
(в рублях и копейках)

	Август 1914 г.	Август 1917 г.	% повышения
Ситец (за аршин)	—11	1.40	1173
Бумажные материи » »	—15	2.—	1233
Сукно » »	2.—	40.—	1900
Кастор » »	6.—	80.—	1233
Мужская обувь (за пару)	12.—	144.—	1097
Подметки (за аршин)	20.—	400.—	1900
Галоши (за пару)	2.50	15.—	500
Мужской костюм	40.—	400.—455.—	900—1109
Чай (за фунт)	4.50	18.—	300
Спички (за пачку)	—10	—50	400
Мыло (за пуд)	4.50	40.—	780
Керосин (за ведро)	1.70	11.—	547
Конфеты (за пуд)	8.50	100.—	1076
Карамель (за фунт)	—30	4.50	1400
Дрова (за воз)	10.—	120.—	1100
Древесный уголь	—80	13.—	1525
Различные металлические изделия	1.—	20.—	1900

В среднем перечисленные категории предметов первой необходимости вздорожали на 1109%, то есть более чем вдвое против заработной платы. Разница между этими процентами вздорожания, разумеется, попадала в карманы торговцев и спекулянтов.

В сентябре 1917 года, когда я приехал в Петроград, средний дневной заработок квалифицированного рабочего — например, металлиста на Путиловском заводе — составлял около восьми рублей. Прибыли же предпринимателей были колоссальны. Один из владельцев Торнтонской мануфактуры — английского предприятия, находившегося на окраине Петрограда,— говорил мне, что на его фабрике заработная плата возросла процентов на 300, а его прибыли — на *900 с лишком процентов*.

3

министры-социалисты

История социалистов, входивших в июльское Временное правительство и пытавшихся провести свою программу в коалиции с буржуазными министрами, являет нам необычайно

резкий пример классовой борьбы в политике. Вот что говорит об этом Ленин: «Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием — так называемое «коалиционное», т. е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия наряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эсеры и меньшевики сразу дали себя одурачить, и 6 мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и К⁰ стало фактом».

4

СЕНТЯБРЬСКИЕ ВЫБОРЫ В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

В конце сентября 1917 года «Новая жизнь» опубликовала сравнительную таблицу результатов московских муниципальных выборов и, комментируя ее, указала, что результаты эти являются несомненным выражением банкротства политики коалиции с имущими классами. «Если мы сможем избежать гражданской войны,— говорила газета,— то только путем единого фронта всей революционой демократии».

Вот эта таблица.

Выборы в центральную и районные думы в Москве

	Июнь 1917 г.	Сентябрь 1917 г.
Эсеры	58 мест	14 мест
Кадеты	17 »	30 »
Меньшевики	12 »	4 »
Большевики	11 »	47 »

5
РОСТ САМОУВЕРЕННОСТИ РЕАКЦИОНЕРОВ

18 (5) сентября. В киевской газете кадет Шульгин пишет, что, объявив Россию республикой, Временное правительство превысило свои полномочия. «Мы не можем допустить ни республики, ни современного республиканского правительства... И мы вовсе не уверены, что нам хочется, чтобы Россия была республикой».

23 (10) октября. В Рязани, на собрании кадетской партии, М. Духонин заявил: «К первому марта мы должны установить конституционную монархию. Нам не следует отвергать законного наследника престола, Михаила Александровича...»

27 (14) октября. Резолюция, принятая совещанием общественных деятелей в Москве:

«Московское совещание общественных деятелей поручает своим членам, находящимся во Временном Совете государства Российского, настоять перед Временным правительством на немедленном проведении в жизнь армии следующих начал:

Упразднение в армии всякой политической пропаганды и провозглашение армии, стоящей вне партий и партийных влияний.

Пропаганда противогосударственных и противонациональных идей, а равно и учений, отрицающих необходимость существования самой армии и воинской дисциплины, должна не допускаться и решительно преследоваться.

Признавая принципиально существование комитетов несоответствующим нормальному воинскому правопорядку, что подтверждается опытом всех армий мира, временно считать допустимым их существование при условии ограничения их деятельности исключительно хозяйственными и продовольственными вопросами, причем все постановления представляются на утверждение начальнику, при котором комитет состоит и до утверждения которого не проводятся в жизнь, а при несогласии его с постановлениями таковые окончательно разрешаются следующим прямым начальником.

При явном нарушении комитетом своих прав и обязанностей ближайший прямой начальник, пользующийся правами не ниже командира отдельной части, имеет право распустить такой комитет и назначить новые выборы.

Немедленно восстановить отдание воинской чести как взаимного приветствия равными равных и младшими старших.

Восстановить дисциплинарную власть начальников всех степеней в точно определенных границах, с введением строгой

ответственности. В случае превышения власти предоставить подчиненным всемерное обеспечение возможности принесения жалоб на нарушение начальником их прав.

Действительное охранение всех гражданских прав офицеров и офицерских организаций от всяких на них посягательств.

Считать недопустимыми все виды надзора, политического контроля и розыска, осуществляемых в настоящее время войсковыми комиссарами и организациями.

Введение последовательного прохождения воинской должности офицерами сообразно с их боевыми и служебными качествами и в зависимости от оценки исключительно соответствующими коллегиями начальствующих лиц ближайшей высшей инстанции.

Необходимо произвести очистку корпуса офицеров от позорящего его элемента, который в последнее время участвует во всех движениях солдатских масс, направленных к неповиновению и неисполнению служебного долга, что возможно сделать путем восстановления деятельности судов чести.

Восстановление союза офицеров армии и флота во всем его объеме, как учреждения, существенно необходимого для воссоздания боеспособности вооруженных сил России, и признание за ним прав государственного учреждения.

Осуществление Временным правительством таких мероприятий, при наличии которых оказалось бы возможным возвращение в армию всех генералов и офицеров, несправедливо устраненных из ее рядов под влиянием безответственных и самочинных организаций».

К ГЛАВЕ II

1

История корниловского мятежа подробно излагается в моей следующей книге: «От Корнилова до Бреста». Степень ответственности Керенского за то положение, которое сделало возможным выступление Корнилова, установлена еще не вполне точно. Многие защитники Керенского утверждают, что он знал планы Корнилова и нарочно хитростью вызвал преждевременное выступление, а затем сорвал его. В то же время А.-Дж. Сак говорит в своей книге «Рождение российской демократии»:

«Некоторые обстоятельства... почти ясны. Первое — это то, что Керенский знал о движении нескольких отрядов с фронта на Петроград, и весьма возможно, что он, учитывая рост большевистской опасности, сам вызвал их в качестве председателя совета министров и военного министра...»

Единственной ошибкой в этом рассуждении является то, что в это время никакой «большевистской опасности» не было: большевики составляли в Советах ничтожное меньшинство, а их вожди сидели по тюрьмам или скрывались.

2

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Когда Керенскому впервые предложили собрать Демократическое совещание, то он выдвинул идею собрания всех элементов нации — «всех живых сил страны», как он выражался,— включая сюда и банкиров, и заводчиков, и помещиков, и представителей кадетской партии. Однако Совет на это не пошел и выработал следующую норму представительства, принятую Керенским:

100	делегатов от	Всероссийских Советов рабочих и солдатских депутатов,
100	» »	Всероссийского Совета крестьянских депутатов,
50	» »	губернских Советов рабочих и солдатских депутатов,
50	» »	крестьянских земельных комитетов,
100	» »	профессиональных союзов,
84	» »	фронтовых армейских комитетов,
150	» »	рабочих и крестьянских кооперативов,
20	» »	союза железнодорожников,
10	» »	союза почтовых и телеграфных служащих,
20	» »	союза торговых и промышленных служащих,
15	» »	свободных профессий (врачей, адвокатов, журналистов и т. д.),
50	» »	провинциальных земств,
59	» »	национальных организаций (польских, украинских и т. д.).

Этот проект пересматривался и переделывался два или три раза. Окончательное распределение мест было таково:

300	делегатов от	Всероссийских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,
300	» »	кооперативов,
300	» »	городских самоуправлений,
150	» »	фронтовых армейских комитетов,
150	» »	провинциальных земств,
200	» »	профессиональных союзов,
100	» »	национальных организаций,
200	» »	различных мелких групп.

3
МИССИЯ СОВЕТОВ ЗАКОНЧЕНА

28 (15) сентября 1917 года орган ЦИК, «Известия», опубликовал статью, в которой о последнем министерстве говорилось следующее:

«Наконец-то создано истинно демократическое правительство, рожденное волею всех классов русского народа,— первая, еще сырая форма будущего свободного парламентского режима. Впереди у нее — Учредительное собрание, которое разрешит все вопросы, связанные с основными законами, и составит эти законы в максимально демократическом духе. Миссия Советов близка к концу, и уже приближается время, когда они должны будут вместе с прочими органами революционного аппарата уйти с политической арены свободного и победоносного народа, который отныне будет пользоваться лишь мирными орудиями».

Передовая «Известий» от 25 (12) октября была озаглавлена: «Кризис советской организации». Начиналась она заявлением, что «все приезжающие из провинции, в особенности из более отдаленной...» сообщают о повсеместном ослаблении деятельности Советов. «Это и естественно,— продолжает автор,— ибо народ заинтересовывается законодательными учреждениями более постоянного характера — городскими думами и земствами».

«Но и в самых крупных центрах Петрограда и Москвы, где организация Советов наилучшая, Советы далеко не объединяют всей демократии. В них не участвует многочисленный класс интеллигенции, не участвуют даже все рабочие: некоторые — по своей политической отсталости, другие, наоборот, потому, что центр тяжести переносят на чисто профессиональные организации. Нельзя отрицать того, что эти организации теснее связаны с массой и в повседневных ее нуждах лучше удовлетворяют ее потребностям.

Чрезвычайно большое значение имеет то обстоятельство, что мало-помалу устанавливаются прочные демократические формы местного управления. Городские управления, избранные на основе общего избирательного права, в чисто местных делах имеют больший авторитет, чем Советы, и ни один демократ не будет видеть в этом явлении нежелательного, хотя бы уже по тому одному, что выборы в городские думы производятся по лучшему, более совершенному и — главное — более демократическому избирательному закону, чем выборы в Советы. По мере того как органы местного самоуправления врабатываются в

свое дело и налаживают жизнь на местах, роль местных Советов, естественно, падает...

В упадке советской организации повинны двоякого рода явления: к первым относится понижение политического интереса, ко вторым — все государственное и общественное строительство новой, свободной России.

Чем быстрее пойдет оно, тем быстрее будет, естественно, падать и значение Советов... Мы сами являемся могильщиками своей организации. Мы являемся деятельными участниками в создании нового государственного строя. Когда пало самодержавие и с ним весь бюрократический порядок, мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия. Теперь на место бараков строится постоянное каменное здание нового строя, и, естественно, люди постепенно уходят из бараков в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом».

4

«ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ, ОГЛАШЕННАЯ ПЕРЕД УХОДОМ НА ВЧЕРАШНЕМ ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ

Официально заявлявшиеся цели Демократического Совещания, созванного ЦИК Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, состояли в упразднении безответственного личного режима, питавшего корниловщину, и в создании подотчетной власти, способной ликвидировать войну и обеспечить созыв Учредительного собрания в означенный срок.

Между тем за спиной Демократического Совещания путем закулисных сделок г. Керенского, кадетов и вождей эсеров и меньшевиков достигнуты результаты, прямо противоположные официально заявленным целям.

Создана власть, в которой и вокруг которой явные и тайные корниловцы играют руководящую роль. Безответственность этой власти отныне закреплена и провозглашена формально.

«Совет Российской республики» объявлен совещательным учреждением; на восьмом месяце революции безответственная власть создала для себя прикрытие из нового издания булыгинской Думы.

Цензовые элементы вошли во Временный Совет в таком числе, на которое, как показывают все выборы в стране, они не

имеют никакого права. Несмотря на это, именно кадетская партия добивалась и добилась безответственности власти даже перед искаженным в угоду цензовой буржуазии предпарламентом.

Та самая кадетская партия, которая настаивала до вчерашнего дня на зависимости Временного Правительства от Думы г. Родзянко, добилась независимости Временного Правительства от Совета Республики.

В Учредительном Собрании цензовые элементы будут занимать несравненно менее благоприятное положение, чем во Временном Совете. Перед Учредительным Собранием власть не сможет не быть ответственной. Если бы цензовые элементы действительно готовились к Учредительному Собранию через $1^1/_2$ месяца, у них не было бы никаких мотивов отстаивать безответственность власти сейчас. Вся суть в том, что буржуазные классы, направляющие политику Временного Правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя.

В промышленности, аграрной и продовольственной областях политика правительства и имущих классов усугубляет естественную разруху, порожденную войной. Цензовые классы, провоцировавшие крестьянское восстание, теперь приступают к его подавлению и открыто держат курс на «костлявую руку голода», которая должна задушить революцию и в первую очередь Учредительное Собрание.

Не менее преступной является внешняя политика буржуазии и ее правительства.

После сорока месяцев войны столице грозит смертельная опасность. В ответ на это выдвигается план переселения правительства в Москву. Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам нимало не вызывает возмущения буржуазных классов, наоборот, приемлется ими как естественное звено общей политики, которое должно облегчить им их контрреволюционный заговор.

Вместо того чтобы признать, что спасение страны в заключении мира; вместо того чтобы через головы всех империалистических правительств и дипломатических канцелярий открыто бросить предложение немедленного мира всем истощенным народам и сделать таким образом фактически невозможным дальнейшее ведение войны,— Временное Правительство, по указке кадетских контрреволюционеров и союзных империалистов, без смысла, без силы и без плана тянет убийственную

лямку войны, обрекая бесцельной гибели все новые сотни тысяч солдат и матросов и подготовляя сдачу Петрограда и удушение революции. В то время как солдаты и матросы — большевики гибнут вместе с другими матросами и солдатами в результате чужих ошибок и преступлений, так называемый Верховный главнокомандующий продолжает громить большевистскую прессу...

Руководящие партии Временного Совета служат для всей этой политики добровольным прикрытием.

Мы, фракция социал-демократов большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и *с этим Советом контрреволюционного попустительства* мы не имеем ничего общего. Той убийственной для народа работы, которая совершается за официальными кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрывать ни одного дня.

Революция в опасности! В то время как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского — Коновалова готовится бежать из Петрограда, чтобы превратить Москву в оплот контрреволюции.

Мы взываем к бдительности московских рабочих и солдат!

Покидая Временный Совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России.

Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!

Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии помогают ему.

Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу.

Вся власть Советам!

Вся земля народу!

Да здравствует немедленный, честный, демократический мир!

Да здравствует Учредительное Собрание!»

5

«НАКАЗ» СКОБЕЛЕВУ
(Выдержки)

Этот «Наказ» был одобрен ЦИК и вручен в качестве инструкции Скобелеву, как представителю российской революционной демократии на Парижской конференции.

Новый договор должен быть гласным в вопросе о целях войны. Договор должен быть построен на принципе «Мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение».

Территориальные вопросы

1. Непременным условием мира является вывод немецких войск из занятых областей России. Россия предоставляет полное самоопределение Польше, Литве и Латвии.

2. Турецкая Армения получает полную автономию, а затем и право самоопределения, после того как там будут введены местные власти и созданы международные гарантии.

3. Эльзас-лотарингский вопрос должен быть разрешен на основе опроса эльзас-лотарингского населения, при условии полной свободы голосования. Опрос должен быть организован местным самоуправлением после вывода войск обеих коалиций из провинции.

4. Бельгия должна быть восстановлена в прежних границах. Возмещение убытков должно быть произведено из международного фонда.

5. Сербия и Черногория должны быть восстановлены и получить материальную помощь из интернационального фонда помощи. Сербия должна иметь доступ к Адриатическому морю. Автономия Боснии и Герцеговины.

6. Спорные области на Балканах получают временную автономию с последующим плебисцитом.

7. Румыния восстанавливается в прежних границах, с обязательством дать полное самоопределение Добрудже, которая получает немедленно временную автономию. Румыния обязывается немедленно привести в исполнение постановление Берлинского трактата о евреях и признать их равноправными румынскими гражданами.

8. В итальянских областях Австрии вводится автономия с последующим плебисцитом по вопросу о государственной принадлежности.

9. Германские колонии возвращаются обратно.

10. Греция и Персия восстанавливаются.

Свобода морей

Нейтрализуются все проливы, служащие подступом к внутренним морям, а также Суэцкий и Панамский каналы. Торго-

вое пароходство объявляется свободным. Право каперства отменяется. Воспрещается торпедирование торговых судов.

Контрибуции

Все воюющие отказываются от требований возмещения всяких издержек в прямом или скрытом виде (содержание пленных). Все взысканные во время войны контрибуции возвращаются обратно.

Экономические условия

Торговые договоры не являются составной частью условий мира. Каждая сторона автономна в своей торговой политике, в договоре о мире ей не может быть навязано обязательство заключить тот или иной договор или не заключить его. Однако все государства должны мирным договором обязаться не вести экономической блокады после войны; не заключать сепаратных таможенных союзов и предоставлять права наиболее благоприятствуемой нации всем государствам без различия.

Гарантии мира

Мир заключается на мирном конгрессе через уполномоченных, выбранных органами народного представительства. Условия мира утверждаются парламентами.

Отменяется тайная дипломатия: все обязуются не заключать тайных договоров. Такие договоры объявляются противоречащими международному праву и недействительными. Недействительными остаются и все договоры до утверждения их парламентами.

Постепенное разоружение на суше и на море и переход к системе милиции.

Предложенная Вильсоном «лига мира» может быть ценным завоеванием международного права только при условии 1) обязательного участия в ней всех государств с равными правами; 2) при демократизации внешней политики, как указано выше.

Пути к миру

Как бы конкретно ни были формулированы цели войны, в договоре должно быть указано и опубликовано, что союзники готовы начать мирные переговоры, как только противная сторона заявит свое согласие на мирные переговоры при условии отказа всех сторон от всяких насильственных захватов.

Союзники обязываются не начинать тайных переговоров о мире и не заключать мира иначе, как на конгрессе с участием всех нейтральных стран.

Кроме того, делегату даются следующие указания:

Должны быть устранены все препятствия к созыву Стокгольмской социалистической конференции, и, в частности, должны быть немедленно выданы паспорта делегатам партий и фракций, согласившихся принять в ней участие».

(Исполнительный комитет крестьянских Советов тоже составил свой наказ, отличающийся от вышеприведенного лишь в мелочах.)

6

МИР ЗА СЧЕТ РОССИИ

Разоблачения Рибо относительно мирных предложений, сделанных Франции Австрией; так называемая «Мирная конференция» в Берне, Швейцария, летом 1917 года при участии делегатов от всех воюющих стран, представлявших все крупные финансовые интересы этих стран; и попытки одного английского агента войти в сношения с иерархами болгарской церкви — все это указывало на тот факт, что в обеих воюющих коалициях имелось сильное течение, стремившееся к заключению мира за счет России. В следующей моей книге — «От Корнилова до Бреста» — я надеюсь изложить этот вопрос довольно подробно и опубликовать несколько относящихся сюда секретных документов, найденных в министерстве иностранных дел в Петрограде.

7

РУССКИЕ СОЛДАТЫ ВО ФРАНЦИИ

«Правительственное сообщение

С получением известия о происшедшей революции в Париже возник ряд русских газет самого крайнего направления. Газеты эти, а также отдельные лица, получив свободу проникать в солдатскую массу, начали в ней большевистскую пропаганду, давая зачастую неверные информации, почерпнутые из отрывочных телеграмм французских газет. При отсутствии официальных известий и указаний все это вызвало брожение среди солдат. Последнее выразилось в желании немедленного отправления в Россию и огульной враждебности к офицерам.

По поручению военного министра Керенского эмигрант Рапп 18 мая выехал к войскам, где обошел отдельные части, вводя в них новые организации в согласии с приказом № 213. Однако брожение не прекращалось. Им руководил 1-й полковой исполнительный комитет, который начал выпускать бюллетени ленинского направления. 18 июня по желанию солдат войска были собраны из разных деревень в лагерь Лакуртин. Здесь начались митинги, на которых 1-й полк и его вожаки стремились захватить главную роль. Только что созданный отрядный комитет, составленный из наиболее развитых и сознательных солдат, парировал, насколько мог, разрушительную работу 1-го полка, успокаивая брожение и призывая солдат к нормальной жизни на основе ныне введенных в армии демократических начал. Опасаясь возрастающего влияния отрядного комитета, руководители 1-го полка в ночь с 23-го на 24-е собрали митинг, на коем, кроме 1-го полка, присутствовали почти весь 2-й и небольшие части 5-го и 6-го полков. На этом митинге отрядный комитет был объявлен низложенным, хотя он был избран всего две недели назад. Одновременно с этим приказания начальника дивизии о выходе не были исполнены солдатами 1-й бригады. Воззвание, выпущенное ими, выяснило, что заниматься не имеет смысла, так как решено более не воевать. Тем временем враждебные отношения между 1-й и 2-й бригадами начали угрожать острым конфликтом. Сами солдаты 2-й бригады настоятельно просили отделить их от мятежной 1-й, грозя в противном случае самовольно покинуть лагерь.

Поэтому ген. Занкевичем, прибывшим в лагерь вместе с уполномоченным военного министра Раппом, по соглашению с последним отдано приказание, чтобы солдаты, безусловно подчиняющиеся Временному правительству, покинули лагерь Лакуртин, захватив с собой все снаряжение. 25 июня приказание это было исполнено, и в лагере остались солдаты, подчинившиеся Временному правительству «лишь условно». Крайне враждебное отношение солдат к офицерам, дошедшее до насилия над ними, принудило ген. Занкевича удалить офицеров из Лакуртина, оставив лишь несколько человек для обеспечения хозяйственной части. По инициативе уполномоченного военного министра гражданина Раппа к солдатам лагеря Лакуртин неоднократно выезжали с ним вместе политические эмигранты, чтобы повлиять на солдат, однако все эти попытки оказались безуспешными. Назначенный комиссаром гражданин Рапп издал приказ, в котором настаивал на немедленном безуслов-

ном подчинении Временному правительству. 22 июля комиссар Рапп выехал в Лакуртин в сопровождении проезжавших через Париж делегатов Исполнительного комитета Совета Р. и С. Д. Русанова, Гольденберга, Эрлиха и Смирнова с целью сделать новую попытку повлиять на мятежников. Однако эта попытка не привела ни к каким результатам, а делегаты Совета Р. и С. Д. были встречены явно враждебно. Столь же безрезультатна была поездка в Лакуртин временно находящегося во Франции комиссара Временного правительства Сватикова. Получив от Временного правительства разъяснение, что русских войск во Франции не предполагается возвращать в Россию, а также категорическое требование привести к повиновению мятежных солдат, не останавливаясь перед применением вооруженной силы, после неоднократных и бесплодных попыток комиссара и наших политических эмигрантов убедить мятежников подчиниться, ген. Занкевич потребовал от мятежников-солдат положить оружие и в знак повиновения выйти в походном порядке в местечко Клораво. Однако требование это не было выполнено во всей полноте: вначале вышло около 500 человек, среди которых было арестовано 22 солдата, затем через 24 часа — еще около 6000 человек, остальные — около 2000 — были преднамеренно оставлены для охранения оружия, которое они сдать не пожелали.

На отданное тогда же генералом приказание — сдать оружие по возвращении в лагерь — мятежники ответили согласием. Однако это приказание исполнено ими не было. Оставление оружия в руках дезорганизованной толпы, среди которой скрывались, несомненно, провокационные элементы, представлялось явно опасным. Сложение оружия являлось основным условием для приведения этой толпы в порядок. При этих обстоятельствах и имея в виду некоторую неустойчивость состояния духа части войск, оставшейся верной Временному правительству, вследствие чего явилось сомнение в возможности применения их в качестве вооруженной силы для приведения к порядку мятежников, решено было прибегнуть к давлению длительного характера: мятежники были переведены на уменьшенное довольствие, денежное довольствие было прекращено, выход из лагеря в соседний город Оккуртин был загражден французскими постами. Меры эти вызвали подавленность духа мятежников в массе, но в то же время усилилось на нее влияние вожаков, стремившихся спрятаться за массу и растворить в ней свою ответственность. В то же время мятежные солдаты стали позволять себе насилия над чинами

французских войск. Так, ими был арестован и продержан 6 часов французский офицер с двумя французскими унтер-офицерами, которые по приказанию французского коменданта расклеивали в лагере телеграмму главнокомандующего. 9 августа ген. Занкевич ездил в лагерь Лакуртин, чтобы в последний раз попытаться убедить мятежников-солдат сложить оружие. Однако на его приказ вызвать представителей от рот комитет от лагеря ответил отказом исполнить это требование. Получив сведение о проезде через Францию артиллерийской бригады, находившейся в отличном порядке, ген. Занкевич по соглашению с комиссаром Раппом решил воспользоваться этой частью для приведения силой оружия мятежных солдат в покорность; командиру было поручено сформирование и командование сводным отрядом, составленным из частей вышеупомянутой артиллерийской бригады и пехотной дивизии.

27 августа солдатам лагеря Лакуртин было объявлено распоряжение Временного правительства об отозвании наших войск из Франции, однако и после этого мятежники упорно отказывались сдать оружие. По просьбе артиллеристов из их состава была послана к мятежным солдатам выборная депутация, которая вернулась через несколько дней, придя к убеждению в бесполезности переговоров. Такие же отрицательные результаты дали уговоры мятежников выборными от пехотной дивизии. К вечеру 1 сентября была прекращена доставка пищевых продуктов в бунтующий лагерь, однако эта мера могла иметь только моральный характер, так как в распоряжении бунтовщиков имелись значительные запасы продовольствия; войска заняли назначенные позиции. В тот же день был передан членам комитета лагеря Лакуртин и в толпу мятежников-солдат ультимативный приказ ген. Занкевича о сложении оружия бунтовщиками с угрозою открыть артиллерийский огонь в случае неисполнения этого приказания к 10 часам утра 1 сентября. После неоднократных предупреждений в 10 часов утра 3 сентября был открыт по лагерю редкий артиллерийский огонь, всего 18 снарядов, и мятежники были оповещены, что огонь станет интенсивным. Ввиду того, что в ночь с 3-го на 4-е сдалось около 160 человек, 4 сентября вновь начался обстрел лагеря, и в 11 часов утра после выпуска 30 снарядов мятежники выкинули два белых флага и начали выходить без оружия из лагеря. К вечеру вышедших оказалось около 8300 человек. Они были приняты французскими войсками. В этот день артиллерийская стрельба более не производилась. Оставшиеся в лагере — 150 — с вечера открыли сильный пулеметный огонь.

Вечером был отправлен в лагерь врач с 4 фельдшерами для оказания медицинской помощи раненым. 5 сентября с целью ликвидирования дела был открыт интенсивный огонь по лагерю, и наши части постепенно занимали лагерь. Мятежники упорно отвечали стрельбой из пулемета. К 9 часам 6-го лагерь был занят целиком. Всего зарегистрировано вышедших из лагеря 8515 солдат. Потери наших частей: 1 убитый, 5 раненых. Мятежников — 8 убитых, 44 раненых. Среди французов были лишь две случайные жертвы: один убитый и один раненый; оба — почтальоны, сбившиеся с дороги и попавшие в полосу попадания пуль мятежников. Таким образом, куртинский мятеж был ликвидирован нашими войсками без какого-либо активного участия французских войск. По обезоружении среди мятежников был произведен 81 арест. По выделении арестованных из остальной массы мятежников были сформированы особые безоружные маршевые роты, из коих две, составленные из особенно беспокойных элементов, выделены и отправлены в Бурд-Лаотне, другая — на Ильд-Экс, остальные оставлены в лагере Куртин для выяснения виновных и степени их ответственности. Распоряжением представителя Временного правительства военным комиссаром образована особая следственная комиссия».

После этого победители хладнокровно расстреляли свыше 200 восставших.

8
РЕЧЬ ТЕРЕЩЕНКО
(Выдержки)

«Вопросы обороны и внешней политики тесно связаны между собой... Таким образом, если вопросы национальной обороны вы считаете необходимым обсуждать при закрытых дверях, то иногда нам приходится соблюдать такую же тайну и в вопросах внешней политики...

Работа германской дипломатии определенно идет в направлении воздействия на общественное мнение... Поэтому заявления руководителей крупных демократических организаций, которые говорят о возможности или близости революционного конвента и о невозможности зимней кампании, представляют собою величайшую опасность... Всякие такие заявления оплачиваются человеческими жизнями.

Я хочу говорить исключительно с точки зрения государственной целесообразности, т. е. совершенно оставляя в сто-

роне вопросы о чести и достоинстве нашего государства. С точки зрения целесообразности международная политика России должна руководиться правильно понятыми государственными интересами России... Эти интересы говорят, что нельзя нашей родине оставаться одинокой и что та группировка сил, которая в настоящее время создалась, для нас целесообразна... Все человечество жаждет мира, но в России никто не допустит такого мира, который был бы унизителен для нее и нарушил бы государственные интересы нашей родины...»

Оратор указывает, что подобный мир на долгие годы, если не на столетия, задержал бы торжество демократических принципов во всем мире и неизбежно вызвал бы новые войны.

«Все помнят апрельские и майские дни, когда братание на нашем фронте грозило прервать войну путем простого прекращения боевых действий и довести страну до позорного сепаратного мира... Какие усилия потребовались тогда для того, чтобы заставить фронтовые солдатские массы понять, что не этим путем должно Российское государство закончить войну и обеспечить свои интересы...»

Далее Терещенко говорит об изумительном действии июньского наступления, о том, какой вес оно придало за границей всякому слову русских послов, о том, какое отчаяние распространили в Германии русские победы. Затем он рассказывает о разочаровании, каким сопровождалось в союзных странах поражение русской армии.

«Что до российского правительства, то оно твердо держится апрельской формулы: «Мир без аннексий и контрибуций». Мы считаем необходимым не только провозгласить принцип самоопределения народов, но и отказаться от империалистических целей...»

Германия беспрерывно делает попытки заключить мир. В Германии говорят только о мире. Немцы знают, что добиться победы они не могут.

«Я отвергаю все упреки, делаемые правительству в том, что российская внешняя политика недостаточно ясно говорит о целях войны...

Если возникает вопрос о том, какие цели преследуют союзники, то прежде необходимо спросить, на каких целях сошлись центральные державы...

Часто приходится слышать требования, чтобы мы опубликовали все подробности договоров между союзниками; но все забывают, что мы до сих пор не знаем тех договоров, которыми связаны центральные державы...»

Терещенко утверждает, что Германия явно стремится отделить Россию от Запада рядом мелких буферных государств.

«Мы должны обратить самое напряженное внимание на эту тенденцию, пытающуюся нанести удар самым жизненным интересам России...

И неужели российская демократия, начертавшая на своем знамени право народов на распоряжение своей судьбой,— неужели она и впредь допустит угнетение самых культурных народов, совершаемое Австро-Венгрией?!

Тот, кто боится, что союзники попытаются воспользоваться нашим затруднительным положением, чтобы заставить нас взять на себя слишком большую часть военных тягот и чтобы разрешить вопросы мира за наш счет, находится в глубочайшем заблуждении... Наш враг смотрит на Россию, как на рынок для сбыта своих продуктов. С прекращением войны мы оказались бы в очень слабом положении; границы наши оказались бы открытыми для потока германских товаров, которые на долгие годы задержали бы развитие нашей промышленности. Против такого положения дел необходимо принять решительные меры...

Я заявляю прямо и открыто: соотношение сил, связывающее нас с союзниками, *благоприятно для интересов России.* Поэтому очень важно, чтобы наши взгляды по вопросам войны и мира находились в возможно точном и ясном соответствии с точкой зрения союзников по тем же вопросам... Во избежание всяких недоразумений я должен прямо заявить, что на Парижской конференции Россия должна выражать *единую точку зрения...»*

Оратор не стал комментировать скобелевского «Наказа», но зато он сослался на только что опубликованный в Стокгольме манифест германо-скандинавского комитета. Этот манифест требовал автономии для Литвы и Латвии. «Но,— заявил Терещенко,— это явно невозможно, ибо Россия не может обойтись без незамерзающих портов на Балтийском море...

В этом пункте вопросы внешней политики тесно связываются с вопросами политики внутренней, ибо если бы у нас существовало сильное чувство единства всей великой России, то мы не были бы свидетелями повсеместных и повторяющихся манифестаций, говорящих о желании различных народов отложиться от центрального правительства... Подобный сепаратизм противоречит интересам России, и русские делегаты не могут поддерживать его...»

9

БРИТАНСКИЙ ФЛОТ (и т. д.)

Во время морской битвы в Рижском заливе не только большевики, но и сами министры Временного правительства считали, что британский флот покинул Балтийское море с определенным умыслом и что этот его поступок был выражением позиции, часто и открыто излагавшейся в английской прессе и полуофициально высказывавшейся английскими представителями в России: «С Россией кончено, с ней больше не стоит возиться...»

См. интервью с Керенским (приложение 13, стр. 538).

Генерал Гурко был при царской власти начальником штаба русской армии. Он занимал выдающееся положение при разложившемся императорском дворе. После революции он был одним из немногих деятелей, высланных по политическим и личным мотивам. Поражение русского флота в Рижском заливе совпало по времени с аудиенцией, данной в Лондоне королем Георгом этому генералу, человеку, которого русское Временное правительство считало опасным германофилом, а также реакционером!

10

ПРИЗЫВЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ВОССТАНИЯ

«Рабочим и солдатам.

Товарищи! Темные силы усиленно работают над тем, чтобы вызвать в Петрограде и в других городах в ближайшие дни *беспорядки и погромы*. Они нужны, чтобы получить возможность потопить в крови все революционное движение. Под предлогом восстановления нарушенного порядка и охраны жизни обывателей они надеются водворить ту самую корниловщину, которую революционному народу удалось раздавить недавно. Горе народу, если эти расчеты удадутся! Торжествующая контрреволюция уничтожит Советы и войсковые комитеты, сорвет Учредительное собрание, приостановит переход земли к крестьянам, покончит со всеми надеждами народа на скорый мир и заполнит тюрьмы революционными солдатами и рабочими.

В своих расчетах контрреволюционеры и черносотенцы опираются на стихийное недовольство темной части народа

продовольственной разрухой, продолжающейся войной и общим настроением жизни. Они надеются всякое выступление солдат и рабочих превратить в погром, который запугает мирное население и бросит его в объятия водворителей порядка.

При этих обстоятельствах будет преступным легкомыслием всякая попытка организовать в эти дни выступление или демонстрацию хотя бы с самыми революционными целями. Сознательные рабочие и солдаты, недовольные политикой правительства, нанесли бы выступлением вред не кому-либо иному, а лишь собственному делу и революции. Они сыграли бы в руку контрреволюции.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет требует от всех рабочих и солдат не повиноваться призывам к выступлению.

Рабочие и солдаты! Не поддавайтесь провокации! Помните о вашем долге перед страной и революцией! Не нарушайте единства революционного фронта обреченными на неудачу выступлениями!

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов».

«РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ. ОПАСНОСТЬ БЛИЗКА.

Всем рабочим и солдатам.

(Прочтите и передайте другим.)

Товарищи рабочие и солдаты! Родина в опасности. Наша свобода и наша революция вступили в труднейшие свои дни. Враг стоит на подступах к Петрограду. Разруха растет с каждым часом. Получать хлеб для Петрограда становится все труднее и труднее. Все, все от мала до велика, должны удвоить усилия, должны всячески стараться уладить положение... Спасем нашу родину, спасем нашу свободу... Оружия и припасов — для армии! Хлеба — большим городам! Порядок и организация — всей стране!

И в эти грозные, решительные дни распространяются слухи, что где-то подготовляется выступление, что кто-то призывает рабочих и солдат сорвать революционный мир и порядок... Большевистская газета «Рабочий путь» подливает масла в огонь; она льстит темным и несознательным элементам, вкра-

дывается в их доверие, обольщает рабочих и солдат, поднимает их против правительства, суля им золотые горы... Доверчивые, темные люди не рассуждают, а верят... А с другой стороны, идут слухи — слухи о том, что темные силы, царские прислужники, германские агенты радостно потирают руки. Они готовятся соединиться с большевиками и вместе с ними раздуть беспорядки в гражданскую войну.

Большевики и сбитые ими с толку невежественные рабочие и солдаты бессмысленно кричат: «Долой правительство! Вся власть Советам!» — а темные царские прислужники и вильгельмовские шпионы будут вторить им: «Бей евреев, бей лавочников, грабь рынки, громи заводы и магазины, разбивай винные погреба! Бей, жги, грабь!»

И тогда начнется страшная смута, междоусобная война в народе. Еще больше увеличится разруха, и, быть может, снова польется кровь по улицам столицы. А тогда — что тогда?

Тогда дорога на Петроград будет открыта Вильгельму. Тогда в Петроград вовсе не будет приходить хлеб, и дети будут умирать с голоду. Тогда армия на фронте останется без поддержки, и наши братья в окопах будут выданы немцам на расстрел. Тогда Россия потеряет всякое уважение у иностранных государств, наши деньги потеряют ценность, все станет так дорого, что невозможно будет жить. Тогда долгожданное Учредительное собрание будет отложено, ибо собрать его в срок будет невозможно. И тогда — смерть революции, смерть нашей свободе...

Этого ли хотите вы, рабочие и солдаты? Нет! Но если нет, то идите, идите к темным людям, сбитым с толку обманщиками, и скажите им всю ту истину, которую мы уже сказали вам!

Пусть все знают, что *каждый, кто в эти грозные дни призывает вас выйти на улицу против правительства, есть либо тайный царский прислужник, провокатор, либо бессознательный помощник врагов народа, либо подкупленный шпион Вильгельма.*

Все сознательные рабочие-революционеры, все сознательные крестьяне, все революционные солдаты, все те, кто понимает, в какое несчастье может вовлечь наш народ выступление или бунт против правительства, должны объединиться и не позволить врагам народа погубить нашу свободу!

Петроградский избирательный комитет меньшевиков-оборонцев».

11
«ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ» ЛЕНИНА

Это ряд статей, последовательно помещавшихся в «Рабочем пути» во второй половине октября 1917 года. Привожу только отрывки из двух статей.

«...«У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно»...

Люди, которые способны говорить это, либо исказители правды, либо педанты, которые желают, во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос...

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание*... Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Недаром вся запуганная восстанием эсеровская шваль вплоть до «Дела Народа» *вопит* теперь о необходимости передачи земель крестьянам!..

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания... это — подвоз хлеба к станциям железных дорог Тамбовской губ...

И прекрасные плоды *такого* (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать *буржуазная* пресса, даже «Русская Воля», напечатавшая сообщение, что станции железных дорог Тамбовской губернии оказались завалены хлебом... *После того как крестьяне восстали!!..*

...«Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учредительное собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предыдущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается этот своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?..

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила...

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учредительного собрания?

Если буржуазия *не в силах* свергнуть Советы, то, *значит,* она достаточно сильна для срыва Учредительного собрания, ибо больше помешать некому. Верить обещаниям Керенского и К⁰, верить резолюциям лакейского предпарламента — неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только *в силах* сорвать Учредительное собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и косвенно достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба...

...«Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного собрания и отказа от корниловских попыток»... Отказ от восстания *есть* отказ от лозунга вся власть Советам... С сентября в партии обсуждается вопрос о восстании...

Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учредительное собрание... *При власти* в руках Советов Учредительное собрание *обеспечено* и его успех обеспечен...

[Отказ от восстания] — это прямой переход к Либерданам...

Либо переход к Либерданам и *открытый* отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Середины нет.

...«Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»... Ставка не реформирована.. командный состав корниловский...

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) *захотят* сдать Питер, они могут сделать это двояко и даже «трояко».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный Северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который *сильнее* нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистами. Кроме того «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам и *планы*.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до *полного* отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все эти три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть... Мы не вправе *ждать*, пока буржуазия задушит революцию... Родзянко — человек дела... Политику капитала Родзянко верой и правдой проводил *десятилетия*.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстании, как единственном средстве спасти революцию, значит впадать в ту наполовину либердановскую, эсеровски-меньшевистскую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

...«Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учредительное собрание, к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учредительное собрание созывается, и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лояльнейшем, конституционном пути.

Жаль только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера *ожиданиями* Учредительного собрания решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные, или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет. Скрывшиеся адмиралы не ждали...

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

...«Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать»?. История не повторяется, но если мы повернемся к ней *задом* и будем, созерцая корниловщину первую, твердить: «Вот кабы корниловцы

начали»; если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия!.. Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы... *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок!

Забудем все, что сотни раз доказывали и *доказали* большевики, что доказала полугодовая история нашей революции, именно, что выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать чего? Ждать чуда...»

12

РЕЧЬ МИЛЮКОВА
(Выдержки)

«Кажется, становится общепризнанным, что оборона государства — главнейшая задача момента и что для ее успеха необходима дисциплина в армии и порядок в стране. Чтобы создать эти условия, у нас должна быть власть, способная действовать не только убеждением, но и силой... Основою всех наших несчастий является оригинальная, чисто русская точка зрения по вопросам внешней политики, именуемая обычно интернационалистической точкой зрения.

Когда г. Ленин полагает, что в России родится новый мир, через который обновится и старый Запад, что этот новый мир заменит старое знамя доктринерского социализма новым прямым действием голодающих масс, когда он полагает, что таким образом человечество будет сразу двинуто вперед и разобьет двери, отделяющие нас от социалистического рая, то в этом он только подражает Керенскому...

Эти люди искренне верили, что распад в России приведет к распаду всего буржуазного мира. Исходя из этой точки зрения, они способны бессознательно совершать государственную измену в военное время или с полным хладнокровием внушать солдатам, что солдаты должны уйти из окопов и, вместо того чтобы бороться с неприятелем, создавать внутреннюю гражданскую войну, нападать на помещиков и капиталистов...»

Здесь речь Милюкова была прервана бешеными криками слева. Депутаты требовали, чтобы он указал, кто из социалистов призывал к такого рода действиям.

«Мартов говорит, что только революционное давление пролетариата может подавить и победить злую волю империалистических клик и уничтожить их диктатуру... Это может быть сделано не путем соглашения между правительствами об ограничении вооружений, но лишь путем обезоружения этих правительств и радикальной демократизации всего военного устройства...»

После ряда злобных и несправедливых нападок на Мартова Милюков перешел к меньшевикам и эсерам, обвиняя их в том, что они вошли в правительство только для того, чтобы вести в нем классовую борьбу.

«Социалисты Германии и союзных стран смотрят на этих господ с еле скрываемым презрением; но они решили, что это дело России, и прислали нам несколько проповедников всемирного пожара.

Формула нашей революционной демократии весьма проста: ни внешней политики, ни дипломатического искусства, немедленный демократический мир, декларация к союзникам: «Нам ничего не надо, нам не за что сражаться». Тогда наши противники немедленно выпустят такую же декларацию, и братство народов станет совершившимся фактом».

Милюков осмеял Циммервальдский манифест и заявил, что даже Керенский не смог ускользнуть от влияния «этого злополучного документа, который навсегда останется обвинительным актом против вас». Затем он напал на Скобелева, утверждая, что положение его на Парижской конференции, где он явится среди иностранных дипломатов в качестве правительственного делегата, состоящего в оппозиции к иностранной политике своего же правительства, окажется настолько странным, что все будут говорит: «Чего добивается этот господин и о чем, собственно, нам говорить с ним?» Что до наказа, то Милюков заявил, что он и сам пацифист, что он тоже верит в создание международного арбитражного бюро, в необходимость ограничения вооружений и парламентского контроля над тайной дипломатией, откуда, впрочем, не следует, чтобы эту тайную дипломатию надо было вовсе уничтожить.

Перейдя же к социалистическим идеям наказа, к тем идеям, которые он называл «стокгольмскими идеями» (мир без победы, самоопределение народов, прекращение экономической войны), Милюков заявил:

«Успехи Германии прямо пропорциональны успехам тех людей, которые называют себя революционной демократией. Я не говорю, что они прямо пропорциональны «успехам революции», ибо полагаю, что поражения революционной демократии это и есть победы революции...

Влияние советских деятелей на все окружающее вовсе не так слабо. Достаточно было прослушать речь министра иностранных дел, чтобы убедиться, что в этом зале влияние революционной демократии на внешнюю политику настолько сильно, что лицом к лицу с этой революционной демократией министр отказывается говорить вслух о чести и о достоинстве России.

Из наказа Советов мы можем видеть, что идеи Стокгольмского манифеста вырабатывались в двух направлениях: в направлении утопизма и в духе германских интересов».

Яростные выкрики слева прерывают оратора, и председатель делает ему замечание. Милюков настаивает, что мирное предложение, вырабатываемое не дипломатами, а народными собраниями, предложение начать мирные переговоры, как только враг откажется от аннексий, играет в руку немцам. Недавно Кульман сказал, что личное заявление связывает только того человека, который выступил с ним... «Во всяком случае, скорее мы будем подражать немцам, чем Совету рабочих и солдатских депутатов»...

«Параграфы, говорящие о независимости Литвы и Латвии, являются симптомами националистической агитации, ведущейся в разных частях страны и, по словам Милюкова, поддерживаемой немецкими деньгами...»

Несмотря на дикие крики и шум на левых скамьях, оратор сопоставляет те статьи наказа, которые касаются Эльзаса-Лотарингии, Румынии и Сербии, со статьями того же наказа, говорящими о разных национальностях Германии и Австрии. Наказ защищает австро-германскую точку зрения, утверждает Милюков.

Переходя к речи Терещенко, оратор с презрением обвиняет этого последнего в том, что он не посмел открыто высказать то, что думал, и даже не посмел думать в тех терминах, которые соответствуют величию России. Дарданеллы должны быть русскими...

«Вы постоянно говорите, что солдат не знает, за что он сражается, и что если бы он знал, он сражался бы... Совершенно верно, что солдат не знает, за что он сражается, но теперь вы сказали ему, что драться ему не за что, что у нас

никаких национальных интересов нет, что сражаемся мы за чужие цели...»

Воздавая должное союзникам, которые, по его словам, с помощью Америки «спасают ныне общее дело человечества», Милюков закончил:

«Да здравствует свет человечества — передовые демократии Запада, давно прошедшие значительную часть того пути, на который мы теперь только что вступаем еще неверными, нетвердыми шагами! Да здравствуют наши доблестные союзники!»

13

ИНТЕРВЬЮ С КЕРЕНСКИМ

Представитель «Associated Press» решил попытать счастья. «Г. Керенский,— начал он,— в Англии и Франции все разочарованы революцией...»

«Да, знаю,— насмешливо прервал Керенский,— за границей революция уже вышла из моды».

«Чем вы объясняете то, что русские перестали сражаться?»

«Глупый вопрос! — досадливо отвечал Керенский.— Россия вступила в войну прежде всех прочих союзников и долгое время несла на себе всю ее тяжесть. Ее потери гораздо больше, чем потери всех прочих народов вместе. Теперь Россия имеет право требовать от союзников, чтобы они пустили в дело все свои силы». Он замолк на секунду и взглянул на собеседника: «Вы спрашиваете, почему русские перестали сражаться, а русские спрашивают: где находится британский флот, когда по Рижскому заливу ходят германские броненосцы?» Он снова помолчал и вдруг выпалил: «Русская революция не побеждена, и революционная армия тоже не побеждена. Развал армии создан не революцией, развал совершился гораздо раньше, еще при старом режиме. Почему русские перестали сражаться? Я вам скажу почему. Потому, что народ разорен экономически и изверился в союзниках!»

Интервью, из которого мы только что привели выдержки, было передано по телеграфу в Соединенные Штаты и через несколько дней возвращено государственным департаментом с требованием внести «изменения». Это Керенский сделать отказался, но это сделал его секретарь, д-р Давид Соскис. Из интервью были выкинуты все неприятные для союзников выражения, и в таком виде оно было сообщено всему миру.

К ГЛАВЕ III

1

«РЕЗОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ, ПРИНЯТАЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ПО ДОКЛАДУ тов. ЛАРИНА

I

1. Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производительной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйственного развала, созданного преступной политикой господствующих классов.

2. Организация рабочего контроля является таким же здоровым проявлением рабочей самодеятельности в области производства, как организация партийной деятельности в области политики, организация профессиональных союзов в области отношения найма, организация кооперативов в области потребления, организация клубов в области культуры.

3. Рабочие более владельцев заинтересованы в правильной и непрерывной работе предприятий. Наличность рабочего контроля более обеспечивает в этом отношении интересы всего современного общества, всего народа, чем одно только самодержавное усмотрение владельцев, руководящих соображениями своекорыстной материальной или политической выгоды. Поэтому рабочий контроль является не только требованием пролетариата, но лежит и в интересах всей страны и должен быть поддержан революционным крестьянством и революционной армией.

II

4. Ввиду отрицательного отношения большинства капиталистов к революции правильное распределение материалов и топлива и нормальное руководство работами, как это достаточно показал опыт, невозможны без рабочего контроля.

5. Только рабочий контроль над капиталистическими предприятиями, закрепляя осмысленное отношение к делу и уясняя его общественное значение, создаст благоприятные условия для наличности твердой рабочей самодисциплины и для развития возможной производительности труда.

6. Предстоящий переход хозяйства на мирное положение и в связи с этим новое перераспределение рабочих сил по стране между предприятиями мыслимы без самых тяжелых потрясений, только в случае демократического самоуправления самих рабочих в деле распоряжения их личностями в процессе перераспределения рабочих сил. Поэтому осуществление рабочего контроля является одним из обязательнейших предварительных условий для демобилизации промышленности.

III

7. Согласно выставленному политической партией русского пролетариата — Российской Социал-Демократической Рабочей Партией (большевиков) лозунгу «рабочий контроль в общегосударственном масштабе» рабочий контроль, чтобы принести все плодотворные результаты, должен быть обнимающим все капиталистические предприятия, а не случайным, организованным, а не бессистемным, планомерным, а не оторванным от хозяйственной жизни страны в целом.

8. Экономическая жизнь страны, как сельское хозяйство, так и промышленность, торговля и транспорт, должна быть подчинена одному плану, составленному в интересах удовлетворения личных и хозяйственных нужд широких масс народа, утвержденному их выборными представителями и исполняемому под руководством этих представителей в лице соответственных государственных и местных учреждений по проведению хозяйственного плана.

9. Та часть плана, которая относится к сельскому хозяйству, осуществляется под контролем крестьянских и батрацких организаций, а та часть, которая относится к предприятиям, ведущимся наемным трудом в промышленности, торговле и транспорте,— под рабочим контролем, причем естественными органами рабочего контроля внутри предприятия являются фабрично-заводские и соответствующие им комитеты, а на рынке труда — профессиональные союзы.

IV

10. Коллективные тарифные соглашения, заключаемые профессиональными союзами для большей половины рабочих какой-либо отрасли труда, должны соблюдаться всеми хозяевами предприятий этой отрасли в соответственной местности.

11. Биржи труда должны перейти в управление профессиональных союзов как классовые пролетарские организации,

действующие в рамках общего хозяйственного плана, согласованно с ним.

12. Профессиональные союзы должны получить право возбуждать судебные дела по своему усмотрению по поводу всяких нарушений договора найма или рабочего законодательства в применении к какому бы то ни было рабочему соответственной отрасли труда.

13. По всем делам, имеющим отношение к рабочему контролю над производством, распределением и рынком труда, профессиональные союзы должны сноситься с рабочими отдельного предприятия через его фабрично-заводской комитет.

14. Внутренний распорядок, прием, увольнение, отпуска, расценки, браковка, степень работоспособности и умелости, наличность оснований для расторжения договора найма, споры с администрацией и подобные вопросы внутренней жизни предприятия после введения рабочего контроля должны разрешаться только с согласия и утверждения фабрично-заводского комитета, которому должно принадлежать также право отвода всех лиц администрации предприятия.

15. Фабрично-заводский комитет образует контрольную комиссию в целях контроля над правильностью и обеспеченностью как снабжения предприятия материалами, топливом, заказами, рабочими и техническими силами (в том числе оборудованием) и всякими потребными предметами и мероприятиями, так и в целях контроля над согласованностью всей деятельности предприятия с общим хозяйственным планом. Управление предприятием обязано сообщать контролерам от рабочих с целью контроля и осведомления все данные, представлять возможность их проверки и открывать им все деловые книги предприятия.

16. При обнаружении рабочим контролем каких-либо сомнений или неправильностей, которые не могут быть устранены или выяснены средствами и силами рабочих отдельного предприятия, фабрично-заводский комитет обращается за содействием к собранию всех фабрично-заводских комитетов соответственной отрасли производства данной местности, которое в подлежащих учреждениях по проведению хозяйственного плана возбуждает вопрос о принятии всех нужных мер, вплоть до полного секвестра предприятия включительно.

17. Объединение фабрично-заводских комитетов отдельных предприятий должно совершаться по производствам для облегчения контроля за всею отраслью промышленности в целом в смысле согласованности работы ее с общим хозяйственным

планом и в смысле деловой целесообразности распределения между предприятиями заказов, материалов, топлива, технических и рабочих сил, а также для облегчения совместной деятельности с профессиональными союзами, организуемыми по производствам.

18. Общегородские советы профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов представительствуют пролетариат в государственных и местных учреждениях по выработке и проведению хозяйственного плана и по организации обмена между городом и деревней, осуществляют высшее руководство фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами в деле рабочего контроля в данной местности и издают обязательные правила рабочей дисциплины в деле производства работ, утверждаемые всеобщим голосованием рабочих.

19. Требуя рабочего контроля в общегосударственном размере, конференция приглашает товарищей уже теперь осуществлять его в той степени, в какой это возможно по соотношению сил на местах, и объявляет несоединимым с целями рабочего контроля захват рабочими отдельных предприятий в свою пользу».

2

БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА О БОЛЬШЕВИКАХ

«Русская воля» от 28 (15) октября: «Критический момент приближается. Это критический момент для большевиков. Либо они дадут нам... второе издание событий 3—5 июля, либо им придется признать, что они со своими планами и стремлениями, со своей наглой политикой разрыва со всеми сознательными национальными элементами потерпели полное поражение.

Каковы шансы большевиков на успех?

На этот вопрос ответить трудно, ибо основным ресурсом большевиков является... невежество народных масс. Они спекулируют на этом невежестве, они пользуются им для беспрерывной демагогии...

Правительство должно вмешаться в это дело. Пользуясь моральной поддержкой Совета республики, оно должно открыто занять антибольшевистскую позицию...

Если же большевики спровоцируют выступление против законной власти, создавая тем самым возможность германского нашествия, то с ними надо будет поступить, как с бунтовщиками и изменниками...»

«Биржевые ведомости» от 28 (15) октября: «Теперь, когда большевики сами откололись от всей прочей демократии, бороться с ними стало гораздо легче, и теперь уже не имеет смысла ждать для этой борьбы их выступления. Наоборот, правительство не должно такого выступления допустить...

Призывы большевиков к восстанию и анархии суть уголовно наказуемые действия, и даже в самой свободной стране авторы подобных призывов понесли бы строгую кару. Ибо то, что делают большевики, есть не политическая борьба против правительства или даже за власть, это — пропаганда анархии, погромов и гражданской войны. Подобная пропаганда должна быть уничтожена в корне; чтобы начать борьбу против погромной агитации, странно было бы ждать, пока фактически начнутся погромы...»

«Новое время» от 1 ноября (19 октября): «Почему правительство тревожит только дата 20 октября, а не тревожили 20 сентября и 30 августа. Россия горит и разрушается уже не первый день, и дым от страшного пожарища давно ест глаза наших союзников.

Было ли за это время хоть одно распоряжение правительства, направленное к тому, чтобы остановить анархию, и пытался ли кто-нибудь потушить всероссийский пожар?

До того ли бы[ло]?!

Правительство изобрело себе более неотложную задачу. Оно усмиряло тот мятеж (корниловский), о котором со всех сторон недоумевающе спрашивают: «Был ли он?»...»

3

УМЕРЕННАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА О БОЛЬШЕВИКАХ

«Дело народа» (газета социалистов-революционеров) от 28 (15) октября: «Тягчайшее преступление большевиков против революции состоит в том, что все несчастья, от которых так жестоко страдают массы, они объясняют исключительно злыми намерениями революционного правительства, между тем как на самом деле эти несчастья вызываются объективными причинами.

Они обещают массам золотые горы, зная вперед, что ни одного из своих обещаний они не смогут исполнить; они ведут массы по ложному пути, они обманывают их в вопросе о причинах всех затруднений...

Большевики — это опаснейшие враги революции...»

«День» (газета меньшевиков) от 30 (17) октября: «В этом ли состоит «свобода печати»? «Новая Русь» и «Рабочий путь» ежедневно и открыто призывают к восстанию. Каждый день эти две газеты совершают на своих столбцах настоящие преступления. Каждый день они призывают к погромам... Это ли «свобода печати»?

Правительство должно защитить себя и нас. Мы имеем право требовать, чтобы правительственная машина не оставалась бездейственной, когда над жизнью граждан нависла угроза кровавых погромов».

4

«ЕДИНСТВО»

Плехановская газета «Единство» перестала выходить через несколько недель после захвата власти большевиками. В противоположность очень распространенной версии «Единство» не было закрыто Советским правительством: в последнем его номере было напечатано извещение о том, что выпуск газеты прекращается за слишком малым числом подписчиков...

5

БЫЛИ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ЗАГОВОРЩИКАМИ?

В петроградской французской газете «Entente» от 15 (2) ноября была напечатана статья, в которой говорилось:

«Правительство Керенского рассуждает и колеблется. Правительство Ленина и Троцкого действует и нападает.

Его называют правительством заговорщиков, но на деле это неверно. Конечно, это, как и всякое революционное правительство, восторжествовавшее над своими противниками, правительство узурпаторов. Но правительство заговорщиков — нет!

Нет! Эти люди — не заговорщики. Они не конспирируют. Наоборот, они действуют смело, открыто, без смягчающих слов, без маскировки намерений; они всеми силами ведут открытую агитацию, усиливаемую пропагандой па заводах, в казармах, на фронте, в стране — повсюду. Они вперед открыто назначают день вооруженного восстания, день захвата власти...

Они — заговорщики? Никогда!»

6

ПРИЗЫВ ПРОТИВ ВОССТАНИЯ

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРМЕЙСКОГО КОМИТЕТА

«Прежде всего мы настаиваем на неуклонном исполнении организованной воли большинства народа, выражаемой органом народной власти — Временным правительством в согласии с Советом республики и ЦИК...

Всякая попытка низложить эту власть путем насилия в тот момент, когда правительственный кризис неизбежно создаст дезорганизацию, разруху в стране и гражданскую войну, будет рассматриваться армией как контрреволюционное дело и будет подавлена силою оружия...

Интересы всех отдельных групп и классов должны подчиниться единому общему интересу — делу повышения производительности нашей промышленности и делу справедливого распределения всех предметов первой необходимости.

Всех людей, способных на саботаж, дезорганизацию и беспорядки, всех дезертиров, всех грабителей и разгильдяев надо заставить нести черную работу в тылу армии...

Мы предлагаем Временному правительству создать из этих нарушителей народной воли, из этих врагов революции особые рабочие отряды и заставить их работать в тылу, на фронте, в окопах, под неприятельским огнем...»

7

СОБЫТИЯ В НОЧЬ НА 7 НОЯБРЯ (25 ОКТЯБРЯ)

Вечером отряды красногвардейцев стали занимать типографии буржуазных газет и печатать сотни тысяч экземпляров «Рабочего пути», «Солдата» и различных прокламаций. Городской милиции был отдан приказ очистить типографии от красногвардейцев, но она наткнулась на забаррикадированные двери и вооруженную охрану. Солдаты, которым было поручено атаковать типографии, не подчинились приказу.

Около 12 часов ночи в клуб «Свободомыслящих» явился полковник с ротой юнкеров и приказом арестовать редактора «Рабочего пути». На улице немедленно собралась огромная

толпа народа, угрожавшая юнкерам расправой. Тогда полковник стал просить, чтобы его арестовали вместе с юнкерами и отправили для безопасности в Петропавловскую крепость. Эта просьба была исполнена.

В час пополуночи отряд солдат и матросов из Смольного занял телеграф. В 35 минут второго был занят почтамт. Под утро была взята военная гостиница, а в пять часов утра — телефонная станция. В 10 часов Зимний дворец был оцеплен войсками.

К ГЛАВЕ IV

1

СОБЫТИЯ 7 НОЯБРЯ (25 ОКТЯБРЯ)

С 4 часов ночи до утра Керенский оставался в Петрограде, в помещении главного штаба, откуда рассылал приказы по казачьим частям и по юнкерским училищам, находящимся в городе и окрестностях. Все эти части и училища отвечали, что выступить не могут.

Комендант города полковник Полковников метался между штабом и Зимним дворцом, очевидно не имея никакого плана. Керенский приказал развести мосты; в течение трех часов ничего не предпринималось, а затем один офицер при пяти солдатах по собственной инициативе отправился к Николаевскому мосту, сбил охранявший его красногвардейский пикет и развел мост. Однако, как только он двинулся дальше, какие-то матросы навели мост снова.

Керенский приказал занять типографию «Рабочего пути». Офицеру, назначенному на это дело, был обещан взвод солдат; два часа спустя ему обещали дать отряд юнкеров, а затем и вовсе забыли о приказе.

Имела место попытка отбить у большевиков почтамт и телеграф; после нескольких выстрелов правительственный отряд заявил, что не желает более противиться Советам.

Делегации юнкеров Керенский заявил: «Как глава Временного правительства и верховный главнокомандующий, я ничего не знаю и ничего не могу вам посоветовать. Но в качестве ветерана революции я призываю вас, юные революционеры, оставаться на своих постах и защищать завоевания революции».

ПРИКАЗ КИШКИНА ОТ 7 НОЯБРЯ (25 ОКТЯБРЯ)

«Указом Временного правительства постановлено: возложить на члена Временного правительства Н. М. Кишкина исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей».

«На основании полномочий, данных мне Временным правительством, освобождаю главнокомандующего Петроградским военным округом полковника Георгия Полковникова от исполнения возложенных на него обязанностей».

ПРИЗЫВ К НАСЕЛЕНИЮ ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА,— ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КОНОВАЛОВА ОТ 25 ОКТЯБРЯ (7 НОЯБРЯ)

«Граждане, спасайте родину, республику и свободу! Безумцы подняли восстание против единственной государственной власти, установленной народом впредь до Учредительного собрания,— против Временного правительства. Члены Временного правительства исполняют свой долг, остаются на своих местах и будут продолжать свою работу на благо родины, для восстановления порядка и для созыва в назначенный срок Учредительного собрания — будущего полномочного хозяина земли русской и всех народов, ее населяющих.

Граждане, вы должны помочь Временному правительству. Вы должны укрепить его власть. Вы должны помешать безумцам, к которым присоединились все враги свободы и порядка, сторонники старого строя, сорвать Учредительное собрание, уничтожить все завоевания революции, все будущее нашей дорогой родины.

Граждане, организуйтесь вокруг Временного правительства для защиты временной власти его во имя порядка и счастья всех народов нашей великой родины.

25 октября 1917 г.».

РАДИОГРАММА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов объявил Временное правительство низложенным, потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зим-

него дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве.

Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а посему постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послало телеграмму ставке. Ставка ответила о посылке отряда.

Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии.

25 октября, 9 час. веч.».

Около 9 часов утра Керенский выехал на фронт...

Под вечер в помещение главного штаба явились два солдата на велосипедах, объявившие себя делегатами от гарнизона Петропавловской крепости. Войдя в конференц-зал, где совещались Кишкин, Рутенберг, Пальчинский, генерал Багратуни, полковник Параделов и граф Толстой, они потребовали немедленной сдачи штаба, угрожая в противном случае бомбардировкой... После двух совещаний совершенно панического характера штаб перебрался в Зимний дворец, а помещение было занято красногвардейцами...

В конце дня по Дворцовой площади разъезжали большевистские броневики, и советски настроенные солдаты безуспешно пытались войти в переговоры с юнкерами...

Обстрел дворца начался около 7 часов вечера...

Около 10 часов вечера началась артиллерийская бомбардировка. Впрочем, почти все снаряды были холостые, и фасад дворца только слегка был поврежден тремя небольшими шрапнелями.

2

ГРАБЕЖИ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Я не намерен утверждать, что никакого грабежа в Зимнем дворце не было. Однако следует сказать, что очень много вещей было украдено из него не только после, но и до взятия. Тем не менее заявления эсеровской газеты «Народ» и некоторых членов городской думы, гласящие, что из дворца было похищено на 500 миллионов рублей ценных предметов, являются большим преувеличением.

Важнейшие произведения искусства, хранившиеся во дворце,— картины, статуи, ковры и гобелены, редкий фарфор, старинное оружие — были вывезены в Москву еще в сентябре

месяце, и через десять дней после занятия Кремля большевиками я лично видел их там, в подвале Большого кремлевского дворца. Могу засвидетельствовать, что все это было в полном порядке и сохранности...

Однако те, кому на протяжении последних нескольких дней разрешалось беспрепятственно бродить по его комнатам, крали и уносили с собою столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней ценности. Всего было расхищено, таким образом, на сумму около 50 тысяч рублей.

Для возвращения похищенных вещей Советское правительство создало особую комиссию из художников и археологов. 14 (1) ноября эта комиссия выпустила следующие два воззвания:

«Граждане Петрограда!

Мы убедительно просим всех граждан приложить все усилия к разысканию по возможности всех предметов, похищенных из Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября), и к возвращению их коменданту Зимнего дворца.

Скупщики краденых вещей, а также антиквари, у которых будут найдены похищенные предметы, будут привлечены к законной ответственности и понесут строгое наказание.

Комиссары по охране музеев и художественных ценностей
Г. Ятманов, Б. Мандельбаум».

«Всем полковым и флотским комитетам

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) из Зимнего дворца, представляющего собою неотъемлемое достояние русского народа, был похищен ряд ценных предметов искусства.

Настойчиво призываем всех приложить все усилия к возвращению похищенных вещей в Зимний дворец.

Комиссары — *Г. Ятманов, Б. Мандельбаум».*

Около половины пропавших вещей удалось разыскать, причем кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России.

На совещании художников и археологов, собранном по инициативе Смольного, была выбрана комиссия для инвентариза-

ции вещей Зимнего дворца, на которую и были возложены все функции, связанные с петроградскими художественными собраниями и государственными музеями.

(16) 3 ноября Зимний дворец был закрыт для публики, так как комиссия приступила к составлению инвентаря.

В середине ноября Советом Народных Комиссаров был издан особый декрет, которым Зимний дворец переименовывался в «Народный музей». Тем же самым декретом дворец был передан в полное распоряжение художественно-археологической комиссии, и всякая правительственная или политическая деятельность в его стенах была запрещена.

3

НАСИЛИЯ НАД ЖЕНСКИМ БАТАЛЬОНОМ

Непосредственно после взятия Зимнего дворца в антибольшевистской прессе и на заседаниях городской думы распространились самые сенсационные истории об участи женского батальона, защищавшего дворец. Говорилось, что некоторые женщины-солдаты были выброшены на мостовую из окон, почти все остальные были изнасилованы, а многие сами покончили с собою, не будучи в состоянии пережить все эти ужасы.

Городская дума назначила для расследования дела особую комиссию. 16 (3) ноября эта комиссия вернулась из Левашова, где был расквартирован женский батальон. Г-жа Тыркова сообщила, что женщины были сначала отправлены в Павловские казармы, где с некоторыми из них действительно обращались дурно, но теперь бо́льшая их часть находится в Левашове, а остальные рассеяны по частным домам в Петрограде. Другой член комиссии — д-р Мандельбаум — сухо засвидетельствовал, что из окон Зимнего дворца не было выброшено *ни одной* женщины, что изнасилованы были трое и что самоубийством покончила одна, причем она оставила записку, в которой пишет, что «разочаровалась в своих идеалах».

В ноябре женский батальон был официально расформирован Военно-революционным комитетом, расформирован по просьбе самих женщин, которые с тех пор снова стали носить обыкновенное платье.

Любопытное описание этих женщин-солдат читатель найдет в книге Луизы Брайант «Шесть красных месяцев в России».

К ГЛАВЕ V.

1

ОБРАЩЕНИЯ И ВОЗЗВАНИЯ

От Военно-революционного комитета 26 октября

«Всем армейским комитетам действующей армии. Всем Советам солдатских депутатов.

Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского, восставшее против революции и народа...

Оповещая об этом армию на фронте и в тылу, Военно-революционный комитет призывает революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы, как враги.

Программу новой власти Петроградский Совет видит в немедленном предложении демократического мира, в немедленной передаче помещичьих земель крестьянам, в передаче всей власти Советам и в честном созыве Учредительного собрания. Народная революционная армия должна не допустить отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград. Действовать словом и убеждением, а где не помогает — препятствовать отправке беспощадным *применением силы.*

Настоящий приказ немедленно огласить перед воинскими частями всех родов оружия. Утайка армейскими организациями этого приказа от солдатских масс будет равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и будет караться по всей строгости революционного закона.

Солдаты! За мир, за хлеб, за землю, за народную власть!

Военно-революционный комитет».

«Всем фронтовым и тыловым армейским, корпусным, дивизионным, полковым и ротным комитетам и Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Солдаты и революционные офицеры!

Военно-революционный комитет в согласии с общим голосом солдат, рабочих и крестьян постановил немедленно доста-

вить ген. Корнилова и всех изобличенных участников его заговора, как врагов народа и революции, в Петроград для заключения в Петропавловской крепости и для немедленного предания строгому военно-революционному суду. Сопротивляющихся этому постановлению комитет объявляет изменниками революции и распоряжения их объявляет недействительными и не подлежащими исполнению.

Военно-революционный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

«Всем губернским и уездным Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Постановлением Всероссийского съезда Советов все арестованные члены земельных комитетов немедленно освобождаются. Арестовавшие их комиссары подлежат аресту. Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством».

2

ПРОТЕСТ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

На заседании 8 ноября (26 октября) городская дума постановила опубликовать следующее обращение:

«Избранная на самых демократических основах Центральная петроградская городская дума приняла на себя в момент *величайшей* хозяйственной разрухи всю тяжесть ведения городского хозяйства и продовольствия населения. В настоящий момент партия большевиков за три недели до выборов в Учредительное собрание и перед лицом внешнего врага, вооруженной силой устранившая единственно законную, революционно-преемственную власть, посягает на полномочия и самостоятельность городского самоуправления, требуя от него подчинения назначенным комиссарам и новой незаконной власти.

В этот грозный трагический момент Петроградская городская дума перед лицом своих избирателей и всей России громко заявляет, что она не подчинится никаким посягательствам на ее права и независимость и останется на своем ответственном посту, на который она поставлена волей населения столицы.

Петроградская центральная городская дума обращается ко всем городским и земским самоуправлениям Российской республики с призывом присоединиться к ней и выступить на защиту одного из величайших завоеваний русской революции — свободы и независимости общественного самоуправления».

3

«КРЕСТЬЯНСКИЙ НАКАЗ О ЗЕМЛЕ

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) *Право частной собственности на землю отменяется навсегда;* земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: *государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно,* обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с *высоко-культурными* хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под. *не подлежат разделу, а превращаются в показательные* и передаются в исключительное пользование *государства или общин,* в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во

всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение двух лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности на этот срок, прийти к нему на помощь, путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности, утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков

выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов».

4

ДЕЗЕРТИРЫ И ЗЕМЛЯ

По вопросу о дезертирах и земле правительству не пришлось принимать никаких решений. Эта проблема была автоматически разрешена окончанием войны и демобилизацией армии.

5

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Сначала Совет Народных Комиссаров был составлен из одних большевиков. Однако ответственность за это несут не они одни: 8 ноября (26 октября) они предлагали левым эсерам ряд портфелей, но левые эсеры отказались.

1

ПРИЗЫВЫ И ПРОКЛАМАЦИИ

«Всем гражданским и военным организациям партии с.-р.

Безумная попытка большевиков — накануне краха. Среди гарнизона — раскол, подавленность. Министерства не работают. Хлеб — на исходе. Все фракции, кроме кучки максималистов, покинули съезд. Партия большевиков изолирована. Репрессии против типографии Центрального комитета, аресты товарищей Маслова, Циона и других членов партии, грабежи и насилия, сопровождавшие взятие Зимнего дворца, еще более раздражают значительную часть матросов и солдат. Центрофлот призывает к неповиновению большевикам!

Предлагаем: во-первых, оказать полнейшее содействие войсковым организациям, комиссарам и командному составу в деле окончательной ликвидации безумной затеи и объединения вокруг Комитета Спасения Родины и Революции, долженствующего создать однородную революционную, демократическую власть на основе программы немедленной передачи земли в ведение земельных комитетов, немедленного предложения всеобщего демократического мира всем воюющим странам;

во-вторых, принять самостоятельные меры для охраны партийных учреждений; в-третьих, быть наготове, дабы в нужный момент по призыву Центрального комитета оказать активное противодействие стремлениям контрреволюционных элементов использовать большевистскую авантюру для уничтожения завоеваний революции, и, в-четвертых, проявить сугубую бдительность для противодействия врагу, пожелающему использовать ослабление фронта.

Центральный Комитет и Военная комиссия
Центрального Комитета партии
социалистов-революционеров.

27 октября 1917 г.».

Из «Правды»

«Кто же Керенский? *Самозванец*, которому место в Петропавловке вместе с Корниловым и Кишкиным. *Преступник* — против доверившихся ему солдат, крестьян и рабочих.

Керенский — убийца солдат.
Керенский — палач крестьян.
Керенский — усмиритель рабочих.

Вот кто этот Корнилов-второй, тщетно надеющийся покуситься на завоеванную рабочими, солдатами и крестьянами свободу!»

К ГЛАВЕ VII

1
ДВА ДЕКРЕТА

Декрет о печати

«В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая, социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественных оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть — власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.

Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.

Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Закрытию подлежат лишь органы прессы: 1. Призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству. 2. Сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов. 3. Призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно-наказуемого, характера.

2. Запрещение органов прессы, временное или постоянное, проводится лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ульянов (Ленин)».

О рабочей милиции

«1. Все Советы Рабочих и Солдатских Депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами, вплоть до снабжения ее казенным оружием.

4. Настоящий закон вводится в действие по телеграфу.

Народный комиссар по внутренним делам
А. И. Рыков.

Петроград, 28 октября 1917 года».

В результате этого декрета по всей стране началось формирование красногвардейских отрядов, ставших впоследствии основной силой Советской власти в гражданской войне.

2

ЗАБАСТОВОЧНЫЙ ФОНД

Забастовочный фонд чиновников и банковских служащих образовался из пожертвований петроградских и иногородних банков и торговых фирм, а также иностранных предприятий,

ведших дела в России. Все лица, отказывавшиеся работать с большевиками, получали полное, а иногда и повышенное жалованье. Стоило вкладчикам фонда понять, что большевики укрепились во власти, и прекратить взнос денег, чтобы забастовка немедленно прекратилась.

К ГЛАВЕ VIII

1

ПРОКЛАМАЦИИ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

«Всероссийский Съезд Советов постановил:

Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым «политическим» преступлениям, освобождаются немедленно».

«Ко всему населению

Бывший министр Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского Съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским Съездом — Совету Народных Комиссаров. Фронт отказал Керенскому в поддержке. Москва присоединилась к новому правительству. В целом ряде других городов (Минск, Могилев, Харьков) власть перешла к Советам. Ни одна пехотная часть не идет против рабочего и крестьянского правительства, которое в согласии с твердой волей армии и народа приступило к мирным переговорам и передало землю крестьянам...

Мы заявляем во всеобщее сведение: если казаки не арестуют обманувшего их Керенского и будут двигаться к Петрограду, войска революции всей силой своего оружия выступят на защиту драгоценных завоеваний революции — мира и земли.

Граждане Петрограда! Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина — сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Рутенберга — черносотенца, саботировавшего продовольствие города, на попечение Пальчинского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии. Керен-

ский бежал, обрекая вас на сдачу немцам, на голод, на кровавую баню. Восставший народ арестовал министров Керенского, и вы видели, что порядок и продовольствие Петрограда только выиграли от этого. Керенский по требованию дворян-помещиков, капиталистов, спекулянтов идет на вас, чтобы вернуть земли помещикам, чтобы вновь продолжать губительную, ненавистную войну.

Граждане Петрограда! Мы знаем, что огромное большинство вас за власть революционного народа, против корниловцев, руководимых Керенским. Не давайте обманывать себя ложными заявлениями бессильных буржуазных заговорщиков, которые будут раздавлены беспощадно.

Рабочие, солдаты, крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины.

Многомиллионное крестьянство, многомиллионная армия с нами.

Победа народной революции незыблема.

Военно-Революционный Комитет
Петроградского Совета
Рабочих и Солдатских Депутатов.

Петроград, 28 октября 1917 г.».

2

ДЕКРЕТЫ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В этой книге я привожу только те декреты, которые, по моему мнению, непосредственно связаны с захватом власти большевиками. Что до дальнейшей законодательной работы, связанной со строительством Советского государства, то ее я в этой книге не касаюсь по соображениям места. О ней подробно рассказывается в следующей моей работе — «От Корнилова до Бреста».

О передаче жилищ в ведение городов

«1. Городские самоуправления имеют право секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья.

2. Городские самоуправления имеют право на основании утверждаемых ими правил и норм вселять в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах.

3. Городские самоуправления имеют право учреждать жилищную инспекцию, определять круг ее ведения и устройство.

4. Городские самоуправления имеют право издавать обязательные постановления об учреждении домовых комитетов, об их устройстве и круге ведения и о предоставлении им прав юридического лица.

5. Городские самоуправления имеют право учреждать жилищные суды, определять круг их ведения, устройство и полномочия.

6. Настоящее постановление вводится в действие по телеграфу.

Народный комиссар по внутренним делам
А. И. Рыков».

Правительственное сообщение о социальном страховании

«Пролетариат России поставил на своем знамени полное социальное страхование наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты. Царское правительство помещиков и капиталистов, равно как и коалиционно-соглашательское правительство, не осуществило рабочих страховых требований.

Рабочее и крестьянское правительство, опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, оповещает рабочий класс России, а также городскую и сельскую бедноту, что оно немедленно приступает к изданию декретов о полном социальном страховании на основе рабочих страховых лозунгов:

1. Распространение страхования на всех без исключения наемных рабочих, а также городскую и сельскую бедноту.

2. Распространение страхования на все виды потери трудоспособности, именно: на случай болезни, увечья, инвалидности, старости, материнства, вдовства и сиротства, а также и безработицы.

3. Возложение всех расходов по страхованию целиком на предпринимателей.

4. Возмещение по меньшей мере полного заработка в случае утраты трудоспособности и безработицы.

5. Полное самоуправление застрахованных во всех страховых организациях.

Именем правительства Российской республики
народный комиссар труда *Александр Шляпников».*

От народного комиссара по просвещению

«Граждане России!

Восстанием 25 октября трудящиеся массы впервые достигли подлинной власти.

Всероссийский Съезд Советов временно передал эту власть Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров.

Волею революционного народа я назначен народным комиссаром по просвещению.

Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается впредь до Учредительного Собрания государственной комиссии по народному просвещению, председателем и исполнителем которой является народный комиссар.

На какие же основные положения будет опираться государственная комиссия? Как определяется круг ее компетенции?

Общее направление просветительной деятельности

Всякая истинно демократическая власть в области просвещения в стране, где царит безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок *всеобщей грамотности* путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения необъятной России...

Обучение и образование

Следует подчеркнуть разницу между обучением и образованием.

Обучение есть передача готовых знаний учителем ученику. Образование есть творческий процесс. Всю жизнь «образуется» личность человека, ширится, обогащается, усиливается и совершенствуется.

Трудовые народные массы — рабочие, солдаты, крестьяне — жаждут обучения грамоте и всяким наукам. Но они жаждут также и *образования*. Его не может дать им ни государство, ни интеллигенция, ни какая бы то ни была сила вне их самих. Школа, книга, театр, музей и т. д. могут быть здесь лишь помощниками. Народные массы будут сами вырабатывать свою культуру сознательно или бессознательно. У них

имеются свои идеи, созданные их общественным положением, столь отличным от положения творивших до сих пор культуру господствующих классов и интеллигенции, свои идеи, свои чувства, свои подходы ко всем задачам личности и общества. Городской рабочий по-своему, сельский труженик по-своему будут строить свое светлое, проникнутое классовой трудовой мыслью миросозерцание. Нет явления более величественного и прекрасного, чем то, свидетелями которого и участниками будут ближайшие поколения,—построение трудовыми коллективами своей общей богатой и свободной души.

Обучение явится тут важным, но не решающим моментом. Здесь важнее критика и творчество самих масс, ибо наука и искусство лишь в некоторых своих частях имеют общечеловеческое значение: они претерпевают существенные изменения при каждом глубоком классовом перевороте.

Повсюду в России, среди городских рабочих в особенности, а также и среди крестьян, поднялась кипучая волна культурно-просветительного движения, множатся без числа рабочие и солдатские организации этого рода: идти им навстречу, всемерно поддерживать их, расчищать путь перед ними — первейшая задача революционного и народного правительства в области народного просвещения.

Децентрализация

Государственная комиссия по народному просвещению отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления. Самостоятельная работа самочинных классов — рабочих, солдатских, крестьянских, культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономией как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным.

Дело государственной комиссии — служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном общенародном масштабе.

Государственный комитет по народному образованию

Целый ряд ценных законопроектов был разработан с начала революции Государственным комитетом по народному просвещению, довольно демократическим по своему составу и

богатым опытными специалистами. Государственная комиссия искренно желает планомерного сотрудничества с этим Комитетом.

Она обратится в бюро Комитета с просьбой немедленно созвать экстренную сессию Комитета для выполнения следующей программы:

1. Просмотр норм представительства в Комитете в духе еще большей его демократизации.

2. Пересмотр прав Комитета в духе их расширения и превращения его в основной государственный институт по выработке законопроектов для полной реорганизации народного обучения и образования в России на демократических началах.

3. Пересмотр уже созданных Комитетом законопроектов совместно с новой государственной комиссией, требуемый тем обстоятельством, что при редактировании их Комитет считался с буржуазным духом предшествовавших министерств, тормозивших их, впрочем, и в этом обуженном виде.

После такого пересмотра законопроекты будут проведены в жизнь без всякой канцелярской волокиты, в революционном порядке.

Педагоги и общество

Государственная комиссия приветствует педагогов на арене светлого и почетного труда просвещения народа — хозяина страны.

Ни одна мера в области народного просвещения не должна приниматься какой бы то ни было властью без внимательного извещения голоса представителей педагогического мира.

С другой стороны, решения отнюдь не могут приниматься исключительно корпорацией специалистов. Это относится также к реформам учреждений общего образования.

Сотрудничество педагогов и сил общественных — вот что будет преследоваться комиссией и при составлении ее, и в Государственном комитете, и во всей ее деятельности.

Первейшей задачей своей комиссия считает улучшение положения учителей, и прежде всего самых обездоленных, едва ли не самых важных работников культурного дела — народных учителей начальных школ. Их справедливые требования должны быть удовлетворены немедленно и во что бы то ни стало. Пролетариат школ тщетно требует повышения заработка до 100 руб. в месяц. Было бы позором держать дольше в нищете учителей огромного большинства российских детей.

Учредительное собрание

Несомненно, что Учредительное собрание начнет свои работы вскоре. Лишь оно длительно установит порядок государственной и общественной жизни в нашей стране, в том числе и общий характер организации народного просвещения.

Но теперь, с переходом власти к Советам, истинно народный характер Учредительного собрания обеспечен. Линия, которую поведет Государственная комиссия, опираясь на Государственный комитет, вряд ли может существенно изогнуться под влиянием воли Учредительного собрания. Не предрешая ее, новое, народное правительство считает себя вправе и в этой области проводить в жизнь ряд мероприятий, имеющих целью обогатить и осветить как можно скорее духовную жизнь страны.

Министерство

Текущие дела должны пока идти своим чередом через министерство народного просвещения. О всех непосредственно необходимых изменениях в его составе и конструкции будет иметь суждение Государственная комиссия, избранная Исполнительным комитетом Советов, и Государственный комитет. Окончательно порядок государственного руководства в области народного просвещения будет, разумеется, установлен Учредительным собранием. До тех пор министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению и Государственном комитете по народному образованию.

Залог спасения страны — в сотрудничестве живых и подлинных демократических сил ее.

Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма и братства народов.

Народный комиссар по просвещению *А. В. Луначарский*,

Петроград, 29 октября 1917 г.».

«О порядке утверждения и опубликования законов

1. Впредь до созыва Учредительного Собрания составление и опубликование законов производится в порядке настоящего постановления Временным рабочим и крестьянским пра-

вительством, избранным Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

2. Каждый законопроект поступает на рассмотрение правительства из соответственного министерства за подписью надлежащего народного комиссара или из учрежденного при правительстве стола законодательных предположений непосредственно за подписью заведующих отделом.

3. После утверждения правительством состоявшееся постановление в окончательной редакции подписывается именем Российской республики председателем Совета Народных Комиссаров или за него внесшим его на рассмотрение правительства народным комиссаром и публикуется во всеобщее сведение.

4. Днем вступления постановления в законную силу считается день опубликования его в официальной «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства».

5. В постановлении может быть также указан иной срок вступления его в законную силу, а равно оно может быть введено в действие по телеграфу, в каковом случае считается в каждой местности вступившим в законную силу по опубликовании там соответственной телеграммы.

6. Распубликование законодательных постановлений правительства через правительствующий сенат отменяется. Отдел законодательных предположений при Совете Народных Комиссаров издает периодически сборники узаконений и распоряжений правительства, имеющих силу закона.

7. Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов во всякое время имеет право приостановить, изменить или отменить всякое постановление правительства.

Именем Российской республики председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов-Ленин*».

3

«ПРИКАЗ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

1. Впредь до особого распоряжения воспрещается производство алкоголя и всяких алкогольных напитков.

2. Предписывается всем владельцам спиртовых и винных складов, всем фабрикантам алкоголя и алкогольных напитков

не позже 27-го сего месяца довести до сведения о точном местонахождении склада.

3. Виновные в неисполнении приказа будут преданы Военно-революционному суду.

Военно-Революционный Комитет».

4

«ПРИКАЗ № 2

От комитета гвардейского Финляндского резервного полка всем домовым комитетам и гражданам Васильевского острова

Буржуазия избрала подлый способ борьбы с пролетариатом, она в разных частях города устроила огромные винные склады и наталкивает на них солдат, стараясь вином внести раскол в ряды революционной армии.

Приказывается всем домовым комитетам в 3-часовой срок по расклейке этого приказа сообщить лично и секретно об имеющихся у них запасах вина председателю полкового комитета гвардейского Финляндского полка.

Лица, не исполнившие этого приказа, будут *арестованы и преданы самому беспощадному суду, а имущество их будет конфисковано,* обнаруженные же запасы вина будут *взрываться динамитом* через 2 часа после предупреждения, ибо менее решительные меры, как нам показал опыт, не приводят к желанной цели.

Объявляем, что особых предупреждений перед началом взрыва не будет.

Полковой Комитет гвардейского Финляндского полка».

К ГЛАВЕ IX

1

«БЮЛЛЕТЕНЬ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА № 2

30 октября (12 ноября) вечером Керенский прислал предложение революционным войскам «сложить оружие». Банда Керенского открыла артиллерийский огонь. Наша артиллерия

отвечала и заставила противника замолчать. Казаки перешли в наступление. Убийственный огонь матросов, красногвардейцев и солдат заставил казаков отхлынуть назад. Наши броневые машины врезались в ряды противника. Противник бежит. Наши войска преследуют его. Дан приказ арестовать Керенского. Царское Село взято революционными войсками.

Латышские стрелки.— Военно-революционным комитетом получены точные сведения о том, что доблестные латышские стрелки прибыли с фронта и заняли позицию в тылу у банд Керенского».

От штаба Военно-революционного комитета

«Захват отрядами Керенского Гатчины и Царского Села объяснялся почти полным отсутствием в этих пунктах артиллерии и пулеметов, тогда как при кавалерии Керенского имелась с самого начала артиллерия.

Последние два дня были для нашего штаба днями усиленной работы по обеспечению революционных войск необходимым количеством орудий, пулеметов, полевых телефонов и пр. Когда эта работа при энергичнейшем содействии районных Советов и заводов (Путиловский, Обуховский и др.) была совершена, исход предстоящего столкновения не мог более оставлять места сомнениям; на стороне революционных войск имелся не только численный перевес, не только такая могучая материальная база, как Петроград, но и огромный моральный перевес. Все петроградские полки выступили на позиции с огромным воодушевлением. Гарнизонное совещание избрало контрольную комиссию из пяти солдат и этим обеспечило полное единство главнокомандующего и гарнизона. На гарнизонном совещании решено было единогласно начать решительные действия.

Артиллерийская пальба 30 октября развернулась с исключительной силой в 3 часа дня. Казаки были совершенно деморализованы. От них явился в штаб Красносельского отряда парламентер, который предлагал прекратить пальбу, угрожая в противном случае «решительными» мерами. Ему было отвечено, что пальба будет немедленно прекращена после того, как Керенский сложит оружие.

В развернувшейся борьбе все части войск: моряки, солдаты и красногвардейцы — обнаружили беззаветную храбрость. Матросы продвигались вперед, пока не расстреляли всех патронов. Количество жертв еще не установлено, но их, во вся-

ком случае, больше на стороне контрреволюционных войск, которым большой урон был нанесен одним из наших броневиков.

Штаб Керенского, боясь полного окружения, отдал приказ об отступлении, которое приняло беспорядочный характер. К 12 часам ночи Царское Село, включая и радиотелеграфную станцию, было целиком занято войсками Советов, казаки отступали на Гатчину и Колпино.

Настроение наших войск выше всякой похвалы. Отдан приказ преследовать отступающих казаков. С Царскосельской станции немедленно разослана была радиотелеграмма на фронт и в местные Советы.

(Дальнейшие события будут немедленно опубликовываться.)».

2

СОБЫТИЯ 13 НОЯБРЯ (31 ОКТЯБРЯ) В ПЕТРОГРАДЕ

На заседании Петроградского Совета Зиновьев говорил:

«Противник может быть сломлен только борьбой. Опасность в том, что мы себя усыпим иллюзией, что борьба кончена. Было бы преступлением отказаться хотя бы от общей попытки склонить казаков на нашу сторону. Все попытки будут сделаны, но, с другой стороны, было бы преступлением усыпить красногвардейцев и солдат мыслью, что делегациями все будет сделано. Если вчера было спокойно в городе, то это результат военной победы, результат того, что в городе было разбито восстание юнкеров...

Сообщение о том, что заключено перемирие, неверно.

Штаб революции вполне будет готов к перемирию, когда враги будут обезврежены. Сейчас под впечатлением победы революционных войск выдвигаются другие условия, чем вчера, когда Дан предлагал нам разоружить и впустить Керенского в город. Эсер Ракитников от лица ЦК эсеров великодушно соглашался допустить некоторых большевиков, которые им понравятся, в правительство. Это отзвук ночных побед. Есть группы выжидающие: Керенский ли одолеет или революция, и в зависимости от колебания весов шатающиеся туда и сюда. Пока не будет известно, что Керенский сломлен, эти группы будут колебаться».

В городской думе всеобщее внимание было целиком сосредоточено на формировании нового правительства.

Кадет Шингарев заявил, что городское управление не должно входить с большевиками ни в какие соглашения... «Никакие соглашения с этими маньяками невозможны, пока они не сложат оружия и не признают авторитета независимых судебных учреждений».

Ярцев заявил от имени группы «Единство», что соглашение с большевиками было бы равносильно победе большевиков.

Городской голова Шрейдер, выступавший от имени социалистов-революционеров, заявил, что он против соглашения с большевиками... «Что до правительства, то оно должно иметь своим началом народную волю, а поскольку народная воля была выражена в городских выборах, то вся воля народа, способная создать правительство, в настоящее время сосредоточена в городской думе».

Заслушав еще ряд ораторов, из которых только представители меньшевиков-интернационалистов были склонны рассматривать вопрос о допущении большевиков в новое правительство, дума постановила продолжать свое представительство на совещании Викжеля, но при этом прежде всего настаивать на восстановлении Временного правительства и на недопущении большевиков в новый кабинет.

3

ОТВЕТ КРАСНОВА КОМИТЕТУ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

«В ответ на вашу телеграмму об установлении немедленного перемирия верховный главнокомандующий, не желая проливать братской крови, согласился на переговоры и установление естественных отношений между войсками правительства и мятежниками, почему предлагает штабу отряда мятежников отозвать свои войска в Петроград, установив линию Лигово — Пулково — Колпино нейтральной, и допустить беспрепятственно для обеспечения спокойствия в Царском Селе конные авангарды правительственных войск. Ответ на это предложение передать с посланными парламентерами не позже восьми часов утра завтра.

Командующий 3-м конным корпусом
генерал-майор *Краснов*».

4

СОБЫТИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Вечером, когда войска Керенского отступили из Царского Села, несколько священников организовали крестный ход по улицам, причем обращались к гражданам с речами и уговаривали их поддерживать законную власть, т. е. Временное правительство. Когда казаки очистили город и на улицах появились первые красногвардейцы, то, по рассказам очевидцев, священники стали возбуждать народ против Советов, произнося соответствующие речи на могиле Распутина, находящейся за императорским дворцом. Один из этих священников, о. Иван Кучуров, был арестован и расстрелян раздраженными красногвардейцами.

В самый момент вступления Красной гвардии в город кто-то перерезал провода электрического освещения, так что улицы сразу погрузились в полный мрак. Директор электрической станции Любович был арестован советскими войсками. Его спросили, не он ли перерезал провода. Через некоторое время он был найден в той самой комнате, где был арестован. В руке у него был револьвер, а в виске — пулевая рана.

На следующий день петроградские антибольшевистские газеты вышли с заголовком: «У Плеханова температура 39°». Плеханов жил в Царском Селе и лежал в постели больной. Красногвардейцы вошли в его дом, сделали обыск (искали оружия) и допросили старика.

— К какому классу общества вы принадлежите? — спросили они его.

— Я революционер и еще сорок лет тому назад посвятил всю свою жизнь борьбе за свободу,— отвечал Плеханов.

— Все равно,— заявил рабочий,— теперь вы продались буржуазии.

Рабочие уже не знали пионера российской социал-демократии Плеханова!

5

ВОЗЗВАНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«Гатчинские отряды, обманутые Керенским, сложили оружие и постановили арестовать Керенского. Вождь контрреволюционного похода Керенский бежал. Армия в ее подавляющем большинстве высказалась за решение II Всероссийского

съезда Советов и за поддержку созданной им власти. Десятки делегатов с фронта поспешили в Петроград, чтобы засвидетельствовать верность армии Советской власти. Никакие извращения фактов, никакие клеветы на революционность рабочих, солдат и матросов не помогли врагам народа. Рабочая и солдатская революция победила.

Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов обращается к тем отдельным военным отрядам, которые идут за контрреволюционными мятежниками: сложите немедленно оружие, не проливайте братской крови за интересы кучки помещиков и капиталистов. Каждая новая капля народной крови ляжет на вас. Рабочая, солдатская, крестьянская Россия проклянет тех, которые еще хоть одну минуту останутся под знаменами врагов народа.

Казаки! Переходите на сторону победившего народа! Железнодорожники, почтово-телеграфные служащие — все, как один человек, поддержите новую, народную власть».

К ГЛАВЕ X

1

ПОВРЕЖДЕНИЯ КРЕМЛЯ

В Кремле я был лично непосредственно после его бомбардировки и сам осматривал все повреждения. Малый Николаевский дворец — здание, не имеющее особой ценности, которым лишь иногда пользовались для приемов одной великой княгини, — служил казармой юнкерам. Он был обстрелян артиллерийским огнем и действительно очень сильно пострадал. Но, к счастью, в нем нет ничего такого, что представляло бы собою особую историческую ценность.

В Успенском соборе пробита брешь в одном из куполов, но снаряд повредил лишь несколько квадратных футов мозаики, покрывающей потолок. Значительно повреждены снарядами фрески на портале Благовещенского собора. Другим снарядом отбит угол колокольни Ивана Великого. В Чудов монастырь попало до тридцати снарядов, но только один из них пролетел через окно внутрь помещения, все же прочие разорвались, ударившись о прочные кирпичные стены или карнизы крыши.

Испорчены часы на Спасской башне. Троицкие ворота повреждены обстрелом, но их ремонтировать. С одной из угловых башен сорвана остроконечная крыша.

Церковь Василия Блаженного осталась нетронутой, точно так же, как и Большой Кремлевский дворец, в подвалах которого хранятся все сокровища Москвы и Петрограда, и Грановитая палата, где находятся коронные драгоценности. В эти места никто даже не входил.

2

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

«Товарищи!

...Вы — молодой хозяин страны, и, хотя о многом вам сейчас нужно подумать и позаботиться, вы сумеете защитить и это ваше художественное и научное имущество.

Товарищи! Стряслась в Москве страшная, непоправимая беда. Гражданская война привела к бомбардировке многих частей города. Возникли пожары. Имели место разрушения. Непередаваемо страшно быть комиссаром просвещения в дни свирепой, беспощадной, уничтожающей войны и стихийного разрушения. В эти тяжелые дни только надежда на победу социализма, источника новой, высшей культуры, которая за все вознаградит нас, даст утешение. Но на мне лежит ответственность за охрану художественного имущества народа...

Нельзя оставаться на посту, где ты бессилен. Поэтому я подал в отставку.

Но я умоляю вас, товарищи, поддержите меня, помогите мне. Храните для себя и потомства красы нашей земли. Будьте стражами народного достояния.

Скоро и самые темные, которых гнет так долго держал в невежестве, просветятся и поймут, каким источником радости, силы, мудрости являются художественные произведения.

Русский трудовой народ, будь хозяином рачительным, бережливым!

Граждане, все, все граждане, берегите наше общее богатство.

Народный комиссар по просвещению *А. Луначарский.*

3 ноября 1917 г.».

3

«ВОПРОСНИК ДЛЯ БУРЖУАЗИИ»

Район
№______

Фамилия______________ Домовой к-т
Имя__________ Отчество__________ №__________

Адрес______________ д. №__________ кв. №__________

улица или переулок______________

Пол——	Возраст
Средний месячный	
Доход	Расход
Месячная плата	
За квартиру	За комнату

Имеются запасы			
Тканей	Арш.	Готовых вещей	Шт.
Бельевых		Пальто (зимних, летних и осенних)	
Легк. платьевых (для костюмов)		Платье и костюм	
Тяж. платьевых (для пальто)		Смен белья . . .	
		Пар обуви	
Прочих сортов		Пар галош	

Даю подписку в том, что показанные сведения правильны и что карточек в другом месте не получал.

Москва__________ дня 191____г.

*Подпись*______________

Печать домового комитета

Подпись квартиронанимателя

4

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕРЫ В ФИНАНСОВОЙ ОБЛАСТИ

Приказ

«В силу предоставленных мне Военно-Революционным Комитетом при Московских Советах Р. и С. Д. полномочий постановляю:

1) Все банки с отделениями, Центральная государственная сберегательная касса с отделениями и сберегательные кассы при почтово-телеграфных отделениях открываются с 9 ноября с 11 до 1 часа дня — впредь до особого приказа.

2) По текущим счетам и книжкам сберегательных касс выдача производится названными учреждениями совершенно свободно не более 150 рублей на одного вкладчика в течение ближайшей недели.

3) Выдача свыше 150 рублей в неделю по текущим счетам и книжкам сберегательных касс, а равно выдачи с других счетов всяких наименований разрешаются в ближайшие 3 дня — 9, 10 и 11 ноября только:

а) Со счетов воинских частей для удовлетворения их нужд; б) для уплаты жалованья служащим и заработной платы рабочим по спискам и табелям, заверенным фабрично-заводскими комитетами или советами служащих и удостоверенными подписью комиссаров или представителей Военно-революционного комитета и районных военно-революционных комитетов.

4) По переводам выдается не более 150 рублей, остальные суммы записываются на текущий счет, выдачи с которого происходят общим установленным настоящим декретом порядком.

5) Всякие другие активные операции в эти три дня воспрещаются.

6) Прием денег на всякие счета разрешается в полном объеме.

7) Представители Финансового совета для удостоверения указанных в п. 3 разрешений заседают с 10 часов утра до 2 часов дня в здании Биржи, на Ильинке.

8) Банки и сберегательные кассы присылают итог дневного кассового листа по окончании операций к 5 часам дня в здание Совета на Скобелевской пл., по адресу Военно-революционного комитета для Финансового совета.

9) Отказывающиеся исполнить этот декрет служащие и управляющие кредитных учреждений всяких наименований, как враги революции и широких народных масс, подвергают-

ся ответственности по всей строгости революционного воздействия. Списки их публикуются во всеобщее сведение.

10) Для контроля в пределах этого декрета операций отделений сберегательных касс и банков районные военно-революционные комитеты избирают по три своих представителя и объявляют о месте их заседаний.

Полномочный комиссар Военно-революционного комитета
С. Шевердин-Максименко».

К ГЛАВЕ XI.

1

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ГЛАВЫ

Настоящая глава охватывает период около двух месяцев. Это время переговоров с союзниками, переговоров и перемирия с немцами и начала Брестских мирных переговоров. В этот же период были заложены и первые основы строительства Советского государства.

Однако описание и освещение этих бесконечно важных исторических событий требует много места и не входит в задачу настоящей книги. Поэтому они отнесены в следующую мою работу: «От Корнилова до Бреста».

Таким образом, в настоящей главе я ограничиваюсь только работою Советского правительства по укреплению политической власти внутри страны и набрасываю общий ход его победоносной борьбы с враждебными элементами, продвижение которой было временно приостановлено тяжелым Брестским миром.

2

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ РОССИИ
(Введение)

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и

сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после Февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрывающейся словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии...

15 (2) ноября 1917 г.».

3

ДЕКРЕТЫ

Декрет о национализации банков

«В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам

народа и беднейших классов — одного народного банка Российской республики, ЦИК постановляет:

1. Банковое дело объявляется государственной монополией.

2. Все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком.

3. Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.

4. Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом.

5. Временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка.

6. Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены».

Декрет об уравнении в правах всех военнослужащих

«Осуществляя волю революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства в армии, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почтное звание солдат революционной армии.

2. Все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, отменяются.

3. Все титулования отменяются.

4. Все ордена и прочие знаки отличия отменяются.

5. С уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации.

6. Существующий в действующей армии институт вестовых уничтожается.

Примечание. Вестовые остаются лишь при канцеляриях полка, комитетах и пр. войсковых организациях.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по военным и морским делам
Н. Крыленко.

Народный комиссар по военным делам
Н. Подвойский.

Тов. народного комиссара по военным делам:
Кедров, Склянский, Легрань, Механошин.

Секретарь Совета *Н. Горбунов.*

16 декабря 1917 г.».

Декрет о выборном начале и об организации власти в армии

«1. Армия, служащая воле трудового народа, подчиняется воле верховного выразителя этой воли — Совету Народных Комиссаров.

2. Вся полнота власти в пределах каждой войсковой части и их соединений принадлежит соответствующим солдатским комитетам и советам.

3. Отрасли жизни и деятельности войск, уже стоящие в ведении комитетов, ныне подлежат непосредственному их руководству. Над теми отраслями деятельности, которые не могут принять на себя комитеты, устанавливается контроль комитетов или советов.

4. Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры, до полкового включительно, избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры выше полкового, до Верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах.

Примечание. Под совещанием разуметь собрание соответствующего комитета совместно с делегатами от комитетов, в одну ступень ниже стоящих.

5. Избранных командиров, выше полкового, утверждает ближайший Высший комитет.

Примечание. В случае мотивированного отказа Высшим комитетом в утверждении выборного начальника вторично избранный соответствующим низшим комитетом начальник подлежит обязательному утверждению.

6. Командующие армиями избираются армейскими съездами. Командующие фронтами избираются фронтовыми съездами.

7. На должности технического характера, требующие специального образования, специальных знаний или другой практической подготовки, как-то: врачей, инженеров, техников, телеграфистов, радиотелеграфистов, воздухоплавателей, автомобилистов и т. п., назначаются соответствующими комитетами специальных частей только те лица, кои имеют соответствующие специальные знания.

8. Начальники штабов избираются съездами из лиц со специальной подготовкой.

9. Все остальные чины штаба назначаются начальниками штабов и утверждаются соответствующими съездами.

Примечание. Все лица со специальным образованием подлежат особому учету.

10. Начальствующим лицам, выше призывного возраста солдат, состоящим на службе, кои не избраны на те или другие должности и тем самым ставшим па положение рядового, предоставляется право уходить в отставку.

11. Все остальные должности некомандного состава за исключением должностей по хозяйственной части замещаются соответствующим выборным начальником по его назначению.

12. Подробная инструкция о выборах командного состава будет издана особо.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Народный комиссар по военным и морским делам
Н. Крыленко.
Народный комиссар по военным делам
Подвойский.
Тов. народного комиссара по военным делам:
Кедров, Склянский, Легрань, Механошин.
Секретарь Совета *Н. Горбунов».*

Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов

«Ст. 1. Все существовавшие допыне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр. титулы — княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование — граждан Российской республики.

Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям.

Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений.

Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений.

Ст. 6. Все соответствующие статьи доныне действующих законов отменяются.

Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня опубликования и немедленно проводится в исполнение местными Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Настоящий декрет утвержден Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в заседании 10 ноября 1917 года.

Подписали:

Председатель ЦИК *Свердлов.*
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич.
Секретарь Совета *Н. Горбунов*».

3 декабря (20 ноября) Совет Народных Комиссаров постановил: «Понизить жалованье всем без исключения должностным лицам и служащим всех государственных учреждений как общего, так и особого характера».

Для начала Совнарком установил цифру жалованья самих народных комиссаров — 500 рублей в месяц плюс по 100 рублей добавочных на каждого взрослого нетрудоспособного члена семьи.

Таков был высший оклад жалованья на правительственной службе.

4

Графиня Панина была арестована и допрошена в Верховном революционном трибунале. Допрос излагается в моей следующей книге: «От Корнилова до Бреста» (в главе «Революционная законность»). Суд приговорил обвиняемую к возвращению денег и общественному порицанию. Иными словами, ее просто выпустили на свободу.

5

ИЗ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «ДРУГ НАРОДА»
от 5 (18) ноября

«История с большевистским «немедленным миром» напоминает комическую картину в кинематографе. Нератов убегает — Троцкий преследует. Нератов лезет на стену — Троцкий

за ним. Нератов ныряет в воду — Троцкий за ним. Нератов взбирается на крышу — Троцкий гонится по следам. Нератов лезет под кровать — Троцкий ловит его и там. Поймал! Разумеется, немедленно же подписывается мир.

Пусто и тихо в министерстве иностранных дел. Курьеры почтительны, но на их лицах едкое выражение.

А что, если арестовать посланника и подписать с ним переговор о перемирии или даже о мире? Но эти посланники — удивительный народ. Молчат себе и молчат, словно ничего не слышат. Эй, вы — Англия, Франция, Германия! Мы подписали с вами перемирие. Может ли быть, чтоб вы об этом ничего не знали? Но ведь это напечатано во всех газетах и расклеено по всем стенам. Честное большевистское слово, мир уже подписан! Мы от вас ничего не просим — только написать два словца...

Посланники молчат. Державы молчат. Тихо и пусто в министерстве внутренних дел.

— Послушайте,— говорит Робеспьер-Троцкий своему помощнику Марату-Урицкому,— поезжайте к английскому посланнику, скажите ему, что мы предлагаем мир.

— Ступайте сами,— отвечает Марат-Урицкий.— Он не принимает.

— Так позвоните ему по телефону.

— Пробовал. Трубка снята.

— Пошлите телеграмму.

— Посылал.

— Ну и что же?

Марат-Урицкий улыбается и не отвечает. Робеспьер-Троцкий яростно плюет в угол.

— Слушайте, Марат,— снова начинает Троцкий через минуту.— Нам обязательно надо показать миру, что мы ведем активную внешнюю политику. Как бы это сделать?..

— Издать еще один приказ об аресте Нератова,— глубокомысленно отвечает Урицкий.

— Марат, вы болван! — восклицает Троцкий.

И вдруг он встает, грозный и величественный, в самом деле похожий в эту минуту на Робеспьера.

— Пишите, Урицкий! — говорит он сурово.— Пишите письмо к британскому посланнику,— заказное письмо с оплаченным ответом. Пишите! Я тоже буду писать. Народы всего мира ждут немедленного мира.

В огромном и пустом министерстве иностранных дел слышен только стук двух пишущих машинок. Своей собственной рукой ведет Троцкий активную внешнюю политику».

6

«К ВОПРОСУ О СОГЛАШЕНИИ

Вниманию всех рабочих и всех солдат.

11 ноября в клубе Преображенского полка состоялось чрезвычайное собрание представителей всех частей петроградского гарнизона.

Собрание это было созвано по инициативе Преображенского и Семеновского полков для обсуждения вопросов о том, какие социалистические партии стоят за Советскую власть, какие против Советской власти, какие стоят за народ, какие против него и возможно ли соглашение.

На собрание были приглашены представители Центрального Исполнительного Комитета Советов, городской думы, авксентьевского крестьянского Совета и всех политических партий, от большевиков до народных социалистов включительно.

После долгого обсуждения, заслушав речи всех партий и организаций, собрание подавляющим большинством голосов признало, что только большевики и левые эсеры стоят за народ, а все остальные партии только прикрываются лозунгом соглашения, для того чтобы лишить народ тех завоеваний, которые были сделаны в дни Великой Октябрьской рабочей и солдатской революции.

Вот текст резолюции, принятой на этом собрании петроградского гарнизона 61 голосом против 1, при 12 воздержавшихся:

«Гарнизонное собрание, созванное по инициативе Преображенского и Семеновского полков, выслушав представителей всех социалистических партий и общественных организаций по вопросу о соглашении, находит, что: 1) представители Центрального Исполнительного Комитета Советов (2-го созыва), представители партии большевиков и левых эсеров определенно заявили, что они за власть Советов, за декреты о земле, мире и контроле над производством и что на этой платформе они допускают соглашение социалистических партий; 2) в то же время представители других партий (с.-р. и меньшевиков) или не дали ответа, или прямо заявили, что они против Советской власти и против декретов о земле, мире и контроле.

Ввиду этого совещание постановляет: во-первых, вынести резкое порицание тем партиям, которые, прикрываясь лозунгом соглашения, на самом деле хотят сорвать завоевания, добытые народом в дни Октябрьской революции; во-вторых,

выразить полное доверие ЦИК и Совету Народных Комиссаров и обещать им полную поддержку.

В то же время собрание находит необходимым, чтобы товарищи левые эсеры вступили в состав народного правительства.

Совещание представителей воинских частей Петроградского гарнизона»

7

ВИННЫЕ ПОГРОМЫ

Впоследствии оказалось, что беспорядки среди солдат провоцировала особая организация, содержавшаяся кадетами. В казармы звонили по телефону и сообщали, что в таком-то месте выдают вино или водку, причем указывали точный адрес. Когда солдаты прибегали в указанное место, то их встречал человек, который и показывал им погреб.

Совет Народных Комиссаров назначил особого комиссара по борьбе с пьянством, который не только беспощадно подавлял все винные погромы, но и уничтожал запасы вина; при этом было разбито много сотен тысяч бутылок. Погреба Зимнего дворца, где хранилось множество редких вин на сумму свыше 5 миллионов долларов, подверглись той же участи. Сначала бутылки просто били, а потом отвезли оставшееся вино в Кронштадт, где бутылки и бочки были разбиты, а вино вылито.

В этой работе кронштадтские матросы — «краса и гордость революции», как называл их Троцкий, — проявили железную выдержку и дисциплину...

8

СПЕКУЛЯНТЫ

ДВА ДЕКРЕТА

«Совет Народных комиссаров военно-революционному комитету

Продовольственная разруха, порожденная войной, бесхозяйственностью, обостряется до последней степени спекулянтами, мародерами и их пособниками на железных дорогах, в пароходствах, транспортных конторах и пр.

В условиях величайших народных бедствий преступные хищники ради наживы играют здоровьем и жизнью миллионов солдат и рабочих.

Такое положение не может быть более терпимо ни одного дня.

Совет Народных Комиссаров предлагает Военно-революционному комитету принять самые решительные меры к искоренению спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр.

Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета *немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта,* впредь до предания военно-революционному суду.

Все народные организации должны быть привлечены к борьбе с продовольственными хищниками.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

«Всем честным гражданам.

Военно-революционный комитет постановляет:

Хищники, мародеры, спекулянты объявляются врагами народа...

Всем общественным организациям, всем честным гражданам Военно-революционный комитет предлагает: обо всех известных случаях хищения, мародерства, спекуляции немедленно доводить до сведения Военно-революционного комитета.

Борьба с этим злом — общее дело всех честных людей. Военно-революционный комитет ждет поддержки от тех, кому дороги интересы народа.

В преследовании спекулянтов и мародеров Военно-революционный комитет будет беспощаден.

Военно-Революционный Комитет.

Петроград 10 ноября 1917 г.».

9

ПИСЬМО ПУРИШКЕВИЧА КАЛЕДИНУ

«Положение Петрограда отчаянное. Город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков. Людей хватают на улицах, сбрасывают в Неву, топят и без суда заключают в тюрьмы. Даже Бурцев находится в Петропавловской крепости под суровым режимом.

Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и

над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части; но сразу без этого условия ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрознены и терроризованы сволочью во всех решительно полках. Казаки же в значительной части распропагандированы благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоров и увещаний дала свои плоды: все порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицами.

Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам надо установить с вами связь и прежде всего узнать о следующем:

1. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые смогли бы участвовать в предстоящей борьбе, здесь предлагается покинуть Петроград, с тем якобы чтобы к вам присоединиться.

2. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду. Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия.

При всей преступной неподвижности здешнего сознательного общества, которое позволяет налагать себе на шею большевистское ярмо, при всей поразительной вялости значительной части офицерства, которое тяжело и трудно организовать, мы верим, что правда за нами и мы одержим верх над порочными и темными силами, действуя во имя любви к родине и ради ее спасения. Что бы ни случилось, мы не падаем духом и останемся стойкими до конца».

Пуришкевич был привлечен к суду Революционного трибунала и приговорен к непродолжительному тюремному заключению.

10

«Декрет о введении государственной монополии на объявления

1. Печатание за плату объявлений в периодических изданиях печати, равно в сборниках и афишах, а также сдачи объявлений в киоски, конторы и т. п. учреждения объявляются монополией государства.

2. Печатать таковые объявления могут только издания Временного рабочего и крестьянского правительства в Петрограде и издания местных Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. За напечатание объявлений не имеющие на это право издания закрываются.

3. Владельцы газет, контор для помещений объявлений, а равно все служащие в конторах, экспедициях и каких бы то ни было предприятиях подобного рода обязаны оставаться при своем деле впредь до сдачи его государству в лице вышеуказанных органов, отвечая за полный порядок его, за соблюдение непрерывности в ходе предприятий и за сдачу в издания Советов как всех частных объявлений, так и всех денежных сумм за принятые объявления, а равно и полнейшей отчетности с приложением документов.

4. Все заведующие изданиями и предприятиями, помещающими объявления за плату, а равно все служащие и рабочие этих предприятий обязуются немедленно собраться в городские собрания и объединиться сначала в городские союзы, а затем во Всероссийский союз для более успешной и правильной организации дела предприятия и помещения в советских изданиях частных объявлений, равно для выработки правил более удобного для населения приема и печатания этих объявлений.

5. Виновные в сокрытии документов или сумм, а равно в саботаже указанной в параграфах 3 и 4 меры караются конфискацией всего имущества и тюремным заключением до 3 лет.

6. Платное помещение объявлений в частных изданиях, в виде отчетов, рекламных статей или в других замаскированных формах, влечет за собой то же наказание.

7. Предприятия по приему и сдаче объявлений конфискуются государством, с уплатой, в случае нужды, временного государственного пособия владельцам их. Мелким собственникам, вкладчикам и акционерам конфискуемых предприятий возвращаются полностью их вклады.

8. Все издания, конторы, экспедиции и вообще предприятия, помещающие платные объявления, обязаны немедленно дать в Советы Рабочих и Солдатских Депутатов точные сведения о своем местонахождении и приступить к сдаче дел и объявлений под страхом наказаний, указанных в параграфе 5.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Народный комиссар по просвещению *А. В. Луначарский.*
Скрепил секретарь *Н. Горбунов*».

11

«Обязательное постановление

1. Город Петроград объявлен на осадном положении.

2. Всякие собрания, митинги, сборища и т. п. на улицах и площадях воспрещаются.

3. Попытки разгромов винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов, частных квартир и пр. и т. п. *будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения.*

4. Домовым комитетам, швейцарам, дворникам и милиции вменяется в безусловную обязанность поддерживать самый строжайший порядок в домах, дворах и на улицах, причем ворота и подъезды домов должны запираться в 9 час. вечера и открываться в 7 час. утра. После 9 час. вечера выпускать только жильцов под контролем домовых комитетов.

5. Виновные в раздаче, продаже или приобретении всяких спиртных напитков, а также в нарушении пунктов 2-го и 4-го будут немедленно арестованы и подвергнуты самому тяжкому наказанию.

Комитет по борьбе с погромами
при исполнительном комитете
Совета рабочих и солдатских депутатов.

Петроград, 6 декабря, 3 часа ночи».

12

«К населению

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся!

Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде и в Москве...

С фронта и из деревень притекают ежедневно и ежечасно сообщения о поддержке нового правительства... Победа революции рабочих и крестьян обеспечена, ибо за нее встало уже большинство народа.

Вполне понятно, что помещики и капиталисты, служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых, встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением

деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно. Всякий сознательный рабочий прекрасно понимает, что такое сопротивление мы встретим неизбежно, ибо высшие служащие подбирались против народа и без сопротивления не хотят сдавать свои позиции народу. Трудящиеся классы ни на минуту не испугаются этого сопротивления...

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена.

Сопротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человек не лишается нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон подготовляется. Ни один работник и трудящийся не потеряет ни копейки, напротив, ему будет оказана помощь. Не устанавливая сейчас новых налогов, правительство в первую очередь ставит своей задачей строжайший учет и контроль в деле взимания установленных ранее налогов, без всякой утайки...

Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы отныне — органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяных, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев.

Вводите строжайший контроль над производством и учетом продуктов. Арестуйте и передавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства, или в скрывании запасов хлеба и продуктов, или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите на местах всю власть в руки своих Советов... Посте-

пенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям практического опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Петроград, 5 ноября 1917 г.».

13

«Ко всем рабочим Петрограда

Товарищи! Революция побеждает — революция победила. Вся власть перешла к нашим Советам. Первые недели — самые трудные. Надо раздавить до конца сломленную уже реакцию, надо обеспечить полное торжество нашим стремлениям. Рабочий класс должен, обязан проявить в эти дни *величайшую выдержку и выносливость*, чтобы облегчить новому, народному правительству Советов выполнение всех задач. На этих же днях будут изданы новые законы по рабочему вопросу и в том числе один из самых первых законов о рабочем контроле над производством и о регулировании промышленности.

Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде теперь только вредят.

Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем стать на работу и производить ее в полном порядке. Работа на заводах и во всех предприятиях необходима новому правительству Советов, потому что всякое расстройство работ создает для нас новые затруднения, которых и без того довольно. Все к своему месту.

Лучшее средство поддержать новое правительство Советов в эти дни — исполнять свое дело.

Да здравствует твердая выдержка пролетариата! Да здравствует революция!

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.
Петроградский Совет профессиональных союзов.
Центральный Совет фабрично-заводских комитетов».

«К населению Петрограда от служащих государственных и частных банков

Товарищи рабочие, солдаты и граждане!

Военно-Революционный Комитет в «экстренном извещении» обвиняет тружеников государственных и частных банковых и других учреждений в том, что они «подрывают» работу правительства, направленную на обеспечение фронта продовольствием.

Товарищи и граждане, не верьте этой клевете, возводимой на нас, составляющих часть общей армии труда.

Как ни тяжело нам работать под вечной угрозой вмешательства насилия в нашу трудовую жизнь, как ни тяжело сознавать, что родина и революция на краю гибели, мы все же от мала до велика, служащие, артельщики, счетчики, рабочие, курьеры и т. д., продолжаем исполнять те наши обязанности, которые связаны с обеспечением фронта и страны продовольствием и снаряжением.

Рассчитывая на вашу неосведомленность, товарищи рабочие и солдаты, в вопросах денежных и банковых, вас науськивают на таких же тружеников, как и вы, желая таким образом взвалить ответственность за голодающих и умирающих на фронте братьев солдат с себя на ни в чем не повинных тружеников, исполняющих свой долг под гнетом всеобщей нищеты и разрухи.

Помните, рабочие и солдаты! Служащие всегда отстаивали и будут отстаивать интересы трудового народа, часть которого они составляют, и ни одна копейка, необходимая фронту и рабочим, не задерживалась и не будет задержана служащими.

С 24 октября сего года по 10 ноября, т. е. за 17 дней, отправлено на фронт *500 миллионов* рублей, в Москву *120 миллионов,* кроме отправок в другие города.

Охраняя народное достояние, полновластным хозяином которого может быть лишь весь русский народ в лице Учредительного собрания, служащие лишь отказываются содействовать выдаче денег, идущих на неизвестные цели.

Не верьте клеветникам, зовущим вас к расправам.

Центральное правление Всероссийского союза служащих Государственного банка.

Центральное правление Всероссийского профессионального союза служащих кредитных учреждений».

«К населению Петрограда

Граждане! Не верьте клевете, которую пытаются внушить вам безответственные лица, распространяющие ужасную ложь обо всех служащих министерства продовольствия, а также о работниках других продовольственных организаций, не покладая рук работающих в эти темные дни для спасения России. Граждане! В расклеенных прокламациях вас призывают к самосуду над нами, на нас возводят ложные обвинения в саботаже и забастовке, нас обвиняют во всех бедах и несчастьях, какие только приходится переносить народу, хотя мы неутомимо и беспрерывно боролись и боремся, чтобы спасти русский народ от ужасов голода. Невзирая на все то, что нам приходится переносить в качестве граждан многострадальной России, мы ни на один час не покидаем своей тяжкой и ответственной работы снабжения армии и населения продовольствием.

Образ голодной и холодной армии, кровью и муками отстаивающей нашу жизнь, не покидает нас ни на минуту.

Граждане! Если нам удалось пережить самые черные дни, какие только были в жизни и истории нашего народа, если нам удалось не допустить голода в Петрограде, если нам удалось путем невероятных, почти сверхчеловеческих усилий хоть как-нибудь снабдить страдающую армию хлебом и фуражом, то это только потому, что мы честно продолжали и продолжаем работу.

На «последнее предостережение» захватчиков власти мы отвечаем: не вам, ведущим страну к развалу, осыпать угрозами нас, делающих все, что в наших силах, чтобы не дать ей погибнуть! Мы не боимся ваших угроз: перед нами стоит священный образ истерзанной России. Мы будем продолжать работу по снабжению армии и народа хлебом, мы будем напрягать последние усилия, если только вы окончательно не отнимете у нас возможность выполнять наш долг перед родиной. В противном случае армия и народ окажутся стоящими перед всеми ужасами голода, но ответственность за это падет на голову насильников.

Исполнительный комитет служащих министерства продовольствия».

«Всем чиновникам

Настоящим сообщается, что все чиновники и должностные лица, покинувшие правительственную службу и общественные учреждения, а также уволенные за саботаж или за несдачу дел

в назначенный срок и получившие жалованье вперед, но не отработавшие его, обязаны не позже 14 (27) ноября 1917 года возвратить это жалованье тем учреждениям, в которых они служили.

Виновные в неисполнении сего будут отвечать за кражу государственного достояния перед Военно-революционным трибуналом.

Военно-Революционный Комитет.

24 (11) ноября 1917 года».

«От особого присутствия по продовольствию

Граждане! Условия нашей работы по продовольствию Петрограда с каждым днем становятся все более тяжелыми.

Губительное для дела вмешательство в нашу работу комиссаров Военно-Революционного Комитета продолжается.

Их самочинные действия, отмена наших распоряжений *могут привести к катастрофе.*

Вновь опечатан один из холодильников, где хранятся предназначенные для населения мясо и масло, и мы не можем регулировать температуру, *чтобы продукты не гнили.*

Один вагон картофеля и один вагон капусты захвачены и увезены, неизвестно куда.

Груз, не подлежащий реквизиции (халва), реквизируется комиссарами, и, как это было на днях, пять ящиков халвы были отобраны комиссаром в свою пользу.

Мы не можем распоряжаться нашими холодильниками, где самочинные комиссары не выпускают грузов и терроризируют наших служащих, угрожая им арестами.

Все, что творится в Петрограде, доходит до провинции, из Дона, из Сибири, из Воронежа и других мест поступают отказы в отправках хлеба.

Долго так продолжаться не может.

Работа начинает валиться из наших рук.

Наш долг — довести об этом до сведения населения.

До последней возможности мы будем стоять на страже интересов граждан.

Мы все сделаем, чтобы предотвратить надвигающийся голод, но если при этих тяжелых условиях работа наша может неизбежно прекратиться, пусть знает население — не мы тому виной...»

15

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

В Петрограде было выставлено 19 списков. Приводим результаты, опубликованные 30 ноября.

Партия	*Число голосов*
Народные социалисты	19 109
Кадеты	245 006
Крестьянские демократы	3707
Большевики	424 027
Социалисты-универсалисты	158
Украинские и еврейские рабочие с.-д. и с.-р.	4219
Лига равноправия женщин	5310
Социалисты-революционеры (оборонцы)	4696
Левые эсеры	152 230
Союз народного развития	385
Радикальные демократы	413
Православные приходы	24 139
Женский союз спасения родины	318
Независимый союз рабочих, солдат и крестьян	4942
Христианские демократы (католики)	14 382
Объединенные социал-демократы	11 740
Меньшевики	17 427
Группа «Единство»	1823
Союз казачьих войск	6712

16

«От комиссии по народному образованию при центральной городской думе

Товарищи рабочие и работницы!

За несколько дней до праздника была объявлена забастовка учащими городских училищ. Учащие оказались на стороне буржуазии против рабочего и крестьянского правительства.

Товарищи, организуйте родительские комитеты и выносите резолюции против забастовки учащих. Обращайтесь в районные Советы рабочих и солдатских депутатов, профессиональные союзы, фабрично-заводские и партийные комитеты с предложением устраивать митинги протеста. Устраивайте собственными силами елки и развлечения для детей, требуйте

возобновления занятий после праздника в срок, который укажет Центральная дума.

Товарищи, укрепляйте свои позиции в деле народного образования, настаивайте на контроле пролетарских организаций над школой.

Комиссия по народному образованию
при Центральной городской думе».

17

ОТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТРУДОВЫМ КАЗАКАМ

«Братья казаки! Вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность». Не верьте, казаки! Вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале. Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом. Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, а где — злой обман.

Жизнь и служба казака были всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные, трудовые средства. Казак в походах — хозяйство расстраивается и падает. Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. *Казачество должно быть освобождено от кабалы.* Новая, народная, Советская власть готова прийти к трудовому казачеству на помощь. Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам-офицерам, помещикам, богачам, скинуть с своей шеи проклятое ярмо. Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь! Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.

В октябре и ноябре происходили в Петрограде Всероссийские съезды Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов. Эти съезды передали всю власть на местах в руки Советов, т. е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у сол-

дата. Все равны. Рассудите, казаки, — дурно это или хорошо. Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому, народному порядку и создавать ваши собственные *Советы казацких депутатов*. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям.

Всероссийские Съезды Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов постановили все помещичьи земли передать в пользование трудового народа. Разве же это не справедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты? Сколько есть казаков, у которых не больше 4—5 десятин на двор. А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые сверх того прибирают к рукам войсковые земли и угодья. По новому, советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты. Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что *Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки*. Выбирайте же, казаки, за кого вам встать: за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей или же за Советы Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

Избранный Всероссийским Съездом *Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный, демократический мир, без обиды и ущерба для какого-либо народа*. Все капиталисты, помещики, генералы-корниловцы восстали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыши, власть, чины. А что несла она вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям — солдатам и матросам. Вот уже скоро три с половиной года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и для трудового казачества в частности — это скорый и честный мир. Совет Народных Комиссаров заявил всем правительствам и всем народам: мы не хотим чужого и не хотим отдавать свое. Мир без аннексий и без контрибуций! Каждый народ должен

сам решать свою судьбу. Не должно быть никакого притеснения одной нации другой. Такой именно честный, демократический, т. е. народный, мир предлагает Совет Народных Комиссаров всем правительствам, всем народам, союзным и враждебным. И первый результат налицо: *на русском фронте уже установлено перемирие.* Там уже не льется солдатская и казацкая кровь. Теперь, казаки, решайте сами: если вы хотите дальше вести эту пагубную, бессмысленную, преступную бойню, тогда поддержите кадет — врагов народных, поддержите Чернова, Церетели, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18 июня, поддержите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь для солдат и казаков. *А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров.*

Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги: помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры, буржуазные газетчики — обманывают вас и толкают вас на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин угрожает Советам на Дону. Он объявил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель: задушить народные Советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину в армии и увековечить рабство трудового казачества.

Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие переговоры с мятежными генералами не входить, действовать решительно и беспощадно.

Казаки! От вас зависит теперь, будет ли дальше еще литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединитесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки Советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом.

Казаки! Объединяйтесь в Советы казацких депутатов. Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли ваших собственных помещиков-богачей. Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войною.

Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело!
Да здравствует трудовое казачество!
Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!
Да здравствует власть Советов Казацких, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов!
Долой войну! Долой помещиков и генералов-корниловцев!
Да здравствует мир и братство народов!

Совет Народных Комиссаров».

18

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ноты Троцкого к союзным и нейтральным державам, а также ноты союзных военных атташе генералу Духонину слишком длинны, чтобы приводить их здесь. К тому же они относятся к особой области истории Советской республики, к ее внешней политике, которая не входит в задачи настоящей книги. Об этом подробно говорится в моей следующей работе: «От Корнилова до Бреста».

19

ВОЗЗВАНИЕ К ФРОНТУ ПРОТИВ ДУХОНИНА

«Борьба за мир натолкнулась на сопротивление буржуазии и контрреволюционных генералов...

По сообщению газет, в ставке бывшего главнокомандующего Духонина собираются соглашатели и агенты буржуазии: Верховский, Авксентьев, Чернов, Гоц, Церетели и др. Они будто бы собираются даже образовать новую власть против Советов.

Товарищи солдаты! Все названные выше лица уже были министрами. Они все действовали заодно с буржуазией и Керенским. Они ответственны за наступление 18 июня и за затягивание войны. Они обещали крестьянам землю, на деле арестовывали крестьянские земельные комитеты. Они ввели смертную казнь для солдат. Они подчинялись английским, американским и французским биржевикам...

За отказ повиноваться приказам Совета Народных Комиссаров генерал Духонин отставлен от должности Верховного главнокомандующего... В ответ на это он распространяет в вой-

сках ноту от военных атташе союзных империалистических держав и пытается спровоцировать контрреволюцию...

Не подчиняйтесь Духонину! Не поддавайтесь на его провокацию! Бдительно следите за ним и за его группой контрреволюционных генералов!..»

20

ИЗ ПРИКАЗА ПО АРМИИ И ФЛОТУ № 2

«...Бывшего Верховного главнокомандующего генерала Духонина за упорное противодействие исполнению приказа о смещении и преступные действия, ведущие к новому взрыву гражданской войны, объявляю врагом народа.

Подлежат аресту все лица, поддерживающие Духонина, независимо от их общественного и партийного положения и прошлого. Производство ареста поручено будет особо уполномоченным на то лицам. Генералу Маниковскому поручаю сделать соответствующее распоряжение о перемещениях в движениях вышеуказанных лиц с соответствующим занесением указанных изменений в их послужные списки.

Верховный главнокомандующий *Крыленко*».

К ГЛАВЕ XII

1

«К населению

...В ответ на многочисленные запросы крестьян разъясняется, что власть в государстве перешла отныне всецело в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Рабочая революция, победив в Петрограде и в Москве, побеждает во всех остальных местах России. Рабочее и крестьянское правительство обеспечивает союз массы крестьян, беднейших крестьян, большинства крестьян с рабочими против помещиков, против капиталистов.

Поэтому Советы Крестьянских Депутатов, в первую голову уездные, затем губернские, являются отныне и впредь до Учредительного Собрания полномочными органами государственной власти на местах. Помещичья собственность на землю II Всероссийским Съездом Советов отменена. Указ о земле издан уже

теперешним Временным рабочим и крестьянским правительством. На основании этого указа все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки Советов Крестьянских Депутатов. Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, сохраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять.

Все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия уездных Советов Крестьянских Депутатов во исполнение декретов революционной власти, являются совершенно законными и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь.

Рабочее и крестьянское правительство, II Всероссийским Съездом Советов назначенное, названо Советом Народных Комиссаров.

Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки.

Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий и с своей стороны просят крестьян помочь подвозом хлеба.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Петроград, 5 ноября 1917 г.».

АМЕРИКА 1918

ПЕРЕВОД Б. СЛУЦКОГО

АМЕРИКА 1918

(Отрывки из поэмы)

За морем — мой край, моя Америка,
Стянутая сталью, жестокоблещущая мощью,
Победительно, громкоголосо трубящая
Высокие слова: «За свободу... Демократия...»
В ответ шевелится что-то глубинное
(Ведь страна — моя, моя — Америка!) —
Словно в пустынной и глубокой ночи
Позвала меня моя утраченная, моя первая любимая,
Уже не любимая, не любимая, не любимая...
Тень от облачка старой нежности,
Мираж прекрасного безумия — много смертей
И легкодоступное бессмертие...

1

По моему вольному детству на широком Западе,
По мощной прекрасной реке, сетям, плотам,
Кораблям с индейскими командами, плывущими с заката,
По китайским кварталам, волнуемым таинственными гонгами,
По голубому гремучему Тихому океану, трубящему вечернюю
зорю,
По черным дымам лесов на исхлестанных прибоем мысах,
По затерянным, бивачным кострам, воплям охотящихся пум...
По волнам хребтов и глади покаранной солнцем пустыни,
По ночам со вспышками звезд под куполом неба,
со скулежом койотов,

По серому гурту, бредущему на Восток, созидая замки пыли,
По свистящим, медлительным кольцам лассо, колышущимся шляпам,
по крикам...
По милям желтой пшеницы, бурлящей в Чинуке,
По бескрайним фруктовым садам в разгаре расцвета,
По золото-зеленым апельсиновым рощам
и нависшим над ними снежным вершинам...
По недожаренным наглым городам, выскочившим из ничего,
Хвастая и скандаля, смолоду и сдуру...
Я узнаю тебя, Америка!

Рыбаки, на туманном рассвете
выходящие в море из Астории,
Тощие пастухи, трусящие из Бернса на юг,
молчаливые, с дублеными лицами,
Жилистые пожилые старатели, бредущие по солончакам Невады,
Вслед за упирающимися вьючными лошадьми,
Охотники, выходящие в сумерках из зарослей,
к обрыву Льюиса и каньону Кларка,
С ворчаньем выскальзывающие из пятидесятифунтовых тюков
и высматривающие место для привала,
Лесные объездчики с лысой горы,
ищущие в чащобе дымки пожара,
Сцепщики в больших рукавицах, шагающие по крышам вагонов
с гаечными ключами в руках,
Сплавщики в подкованных сапогах, с баграми,
скачущие на заторах в водоворотах,
Индейцы на углу в Покателло, выщипывающие растительность на лице
с помощью зеркальца и пинцета,
Или же в поселках Сиу,
слушающие Карузо на двухсотдолларовом фонографе,
сидя на корточках у вигвама,
Горланящие рудокопы с Аляски,
крушащие зеркала,
бросающие лакею золотой за рюмку виски,
говоря: — Сдачи не надо!
Хозяева танцулек в поселках строителей,
бармены, проститутки,
Бродяги, оседлавшие буфера,
Уоббли, бесстрашно поющие свои дерзкие песни,

Шулеры и агенты по продаже недвижимости,
короли леса, короли хлеба, короли мяса...
Я узнаю вас, американцы!

2

По моей светлой юности в золотых городах Востока...
Гарвард... мука мужанья, экстаз расцветанья,
Трепет от книг, трепет дружбы, культ героев,
Яд танцев, ураган высокой музыки,
Восторг расточенья, первое осознанье своей силы...
Буйные ночи в Бостоне, битвы с полисменами,
Подцепишь девушку и — в ночь сомнительных приключений...
Зимние купанья на «Л» стрит, когда разбиваешь лед,
Просто чтобы встряхнуть крепкое тело...
И огромный стадион, вздымающий свои тысячи,
Скандируя похвалы или грохоча песни,
Когда Гарвард забил Йелю... И по этому, по этому
Я узнаю тебя, Америка!
По надменному Нью-Йорку и его завалившим людей
Маттергорнам,
По холодному синему небу и свистящему западному ветру,
По плюмажам дыма над блестящими от солнца шпилями,
По глубоким улицам, лихорадочно мчащимся в реку
миллионов,—
Манхэттен, окружают корабли.
Он младше всех столиц — суровый, дерзкий.
Его корсаж в брильянтовой пыли.
Увенчан он короною имперской.
Кто раз в нем был, тот навсегда палим
Изгнанием и возвратиться жаждет.
Он, как луна, влачит людей прилив,
всех, кто в его жестокой воле страждет.
Парящая Пятая авеню, улица фазанов, улица штандартов,
Вечно обновляющаяся выставка блистательных куртизанок,
Фантастика красок, блеск шелков и серебра, комнатные
собачки,
Шествие автомобилей, похожих на футляры для брильянтов,
Величественный полисмен, поднявший руку в желтой перчатке,
Дворцы, гигантские отели, старики в окнах клубов,
Потогонные фабрики изрыгают свои бурые армии в полдень,
Парады, волны мундиров захлестнули целые мили,
Оркестры гремят среди темных безмолвных толп...

Бродвей вспорол город, как поток лавы,
Он увенчан снопами искр, как разметываемый костер.
Сверкающие театры, бесстыдные рестораны, запах пудры,
Кинодворцы, ломбарды, искусственные бриллианты,
Хористки, обходящие бюро по найму,
Заводы музыки, блеющие двадцатью пятью пианолами сразу,
И весь распаленный мир румян и манишек...
Старый Гринвич Вилледж, оплот дилетантов,
Поле битвы всех несовершеннолетних утопий,
Наполовину — мир псевдобогемы,
любимый трущобными жителями,
Наполовину — убежище для париев и недовольных...
Вольное братство художников, моряков, поэтов,
Легкомысленных женщин, астрологов, бродяг и стачечных
лидеров,
Актрис, натурщиц, анонимов или псевдонимов,
Скульпторов, зарабатывающих на жизнь в качестве лифтеров,
Музыкантов, которым приходится
колотить по клавишам в киношке...
В большинстве — юные, в большинстве — бедные,
Работают, распутничают,
Играя в искусство, играя в любовь, играя в революцию
В заколдованных границах этой невероятной республики...
По непостижимым причинам этот мир простерся
До одиноких хижин в горах Виргинии,
До поселков лесорубов в лесах Мэна,
до уединенных ранчо,
До ферм, утонувших в безбрежности дакотской пшеницы...
Во всей холодной необъятности Америки
Юные мечтатели, жаждущие прекрасного,
Не находят другого угла, чтобы создавать красоту,
И товарищей для бесстыжего разговора о любви
и о влюбленности.
Все они, конечно, здесь —
оперлись локтями на деревянный стол у Полли
Или стреляют пятерку на бургунское,
Споря о Жизни, и Сексе, и Революции...
Ист-Сайд, миры внутри мира, хаос наций,
Клоака кочевых племен,
последний и жалчайший
Из портов назначения Западной Одиссеи человечества...
На рассвете он извергает колоссальный поток фуража
для машин,

Вечером — всасывает его с ужасным грубым треском
В логово квартиренок, в грошовые киношки, в салуны...
Ребята слоняются у салуна,
          затягиваются дешевыми сигаретами,
Поглядывая на девчонок в коротких юбках,
          проходящих хихикающими парочками,
Лавируя между детьми,
          кишащими на грязной панели...
Дети — в грубых дерзких играх
          под копытами ломовых лошадей,
Изможденные женщины, кричащие на них и друг на друга
          на гнусавых иностранных наречиях,
Старики, теснящиеся на верандах,
          в жилетах, с вечерними трубками в зубах,
Блеск огней тележки, окруженной чужеземными
                                        физиономиями...

Я желанный гость во тьме румынских погребков,
Пульсирующих жаркими ритмами
          насмешливых цыганских скрипачей...
В кофейнях Грэнд-стрит,
          пристанище еврейских философов,
Романистов, читающих новые главы,
          по десяти центов со слушателя,
Драматургов, инсценирующих газетные шапки,
          поэтов — немых, в глухой Америке...

Экзотический негритянский город, верх Амстердам-авеню,
И его черный, чувственный, задешево счастливый люд,
          которого все сторонятся,
Кабачки темного города и европейские джазы...
Центральный парк, элегантные автомобили, мурлычащие
                                        на аллеях,
Элегантные всадники, фланирующая элита,
На скамьях беспокойно обжимаются влюбленные,
          поглядывая, не видно ли полисмена,
А жаркими ночами сюда льются задыхающиеся трущобы,
          чтобы поспать на лужайке...
Гарлем, подержанный и слегка уцененный Нью-Йорк,
Бронкс, усовершенствованное гетто,
          паршивая поросль коммерческих домов,
Большие зеленеющие парки и обтерханная кромка природы...

Пропущу ли я вас, грохочущая грузовиками Вест-стрит,
темная Авеню смерти,
Изящная старая церковь Моря и Земли,
Инвуд, набалдашник Манхэттена,
Старьевщики Минетта-лейн и вопящий водоворот Брод-стрит,
Аллею Макдугала, позолоченную нищету модных художников,
Кэнтиз Слип, старую метку моря в нижних кварталах?
Нет, и в другом полушарии, в трех тысячах миль отсюда,
без путеводителя или карты,
Я опишу — только скажите —
и вас, и ваших обитателей,
Пьяных и трезвых, под луной и под солнцем,
в любую погоду...
Я наблюдал, как летний день поднимался
из-за быка Вильямсбургского моста,
Я спал в устричной корзине на Фултонском рынке,
Я толковал о боге со старухой кокни,
продающей сосиски у надземки на Саус Ферри,
Я слушал рассказы итальянских воришек в семейных номерах
Хелл-Холла
И слушал с галерки Метрополитен-Опера,
как Дидур поет «Бориса Годунова»...
Я играл в кости с гангстерами
в округе Гэс-Хауз
И видел, что произошло с неопытным шпиком
на Санхуанском холме...
Я могу рассказать вам, где нанять убийцу,
чтобы пришить стукача,
И где покупают и продают девчонок,
и как добыть марафет на 125-й улице,
И о чем говорят люди в отдельных кабинетах Лафайетовых
бань
Или позади Стив-Броди...
Мил, и дорог, и всегда нов для меня этот город,
Словно тело моей любимой...

Все звуки — резкий лязг надземки,
грохот подземки,
Стук полицейских дубинок по полуночным панелям,
Болезненная и монотонная шарманка,
протесты автосирен,
Пулеметный треск пневматических молотков,

Глухие взрывы где-то глубоко под землей,
Однообразные крики газетчиков,
частые звонки «неотложек»,
Низкие неровные гудки вечернего порта
И гремучее шарканье миллионов ног...
Все запахи — дешевой обуви, подержанной одежи,
Голландских пекарен, воскресных яств, кошерной стряпни,
Свежий запах газетных тонн
вдоль Парк-Роу,
Метро, пахнущее, как усыпальница Рамзеса Великого,
Усталый запах человеческой пыли
И кислое зловоние трущоб...
Люди — менялы с каменными глазами,
жонглирующие империями,
Смуглые, наглые чистильщики,
раболепные лотошники,
Итальянцы в белых колпаках,
шлепающие на сковороды оладьи
в окнах закусочной Чайлдса,
Желтолицые швейники, кашляющие на скамейках бульваров
под чахлым весенним солнцем,
завтракающие горстью арахиса
и вяло наблюдающие за прыжками фонтанной струи,
Верхолаз на шпиле Вулворта, — бесконечно малая величина,
Благотворители, просящие с запросом,
в связи с тем, что бедняки все беднеют,
Вымотанные, рычащие кондукторы,
чувствительные профессиональные боксеры,
Подметальщики грохочущих улиц,
сквернословы-ломовики,
Испанцы-докеры, громоздящие горы груза,
шелкопрядильщицы со впалыми глазами,
Сварщики, хватающие раскаленные заклепки
на высокой паутине балок,
Кессонщики в шипящих кессонах под Норс-Ривер,
разнорабочие метро,
подрывники, бурящие скалы под Бродвеем,
Боссы, планирующие тайные махинации,
стряхнув пепел с сигары,
Хриплые ораторы в Юнион-Сквер,
проповедующие с ящиков из-под мыла
непрерывные крестовые походы,

Бледные полуголодные кассирши универмагов,
худые дети, клеящие бумажные цветы
на темных чердаках,
Принцессы-стенографистки и принцессы-маникюрши,
жующие резинку с царственной улыбкой,
Сутенеры, бандерши, шлюхи, зазывалы, вышибалы, филеры...
Все профессии, расы, темпераменты, философии,
Вся история, все перспективы, вся романтика,
Америка... целый мир!

ПРИМЕЧАНИЯ

ДЖОН РИД О ВЕЛИКОМ ОКТЯБРЕ

С того часа, когда 25 октября (7 ноября) 1917 года в столице России — Петрограде — великий Ленин провозгласил Советскую власть, в мировой истории не было события, которое с такой неодолимой силой приковывало бы внимание людей всех стран и народов на Земле.

Идут годы. Растет слава Октября и его влияние на судьбы человечества. Политические деятели, историки, философы, писатели, искусствоведы, журналисты все с более пристальным вниманием обращаются к дням, «которые потрясли мир», пытаясь разгадать «тайну» социального взрыва, произошедшего в октябре 1917 года и возвестившего «новую эпоху всемирной истории».

За минувшие полвека создана обширная литература, посвященная Великой Октябрьской социалистической революции. И среди множества книг произведение американского писателя Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» занимает особое место. Оно переведено на многие языки. Его читают и перечитывают люди, жаждущие узнать, как и почему совершилась на Земле первая победоносная социалистическая революция.

Сбылись предсказания вождя Октября — В. И. Ленина, приветствовавшего выход книги Джона Рида и напутствовавшего ее словами: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».

В этих немногих словах раскрывается и секрет триумфального успеха книги: эпохальность темы, талант и высокое мастерство автора, покоряющая правдивость воспроизведения сложного и многогранного

процесса революции в ее наивысшей и решающей фазе. Надо было «видеть революцию», стать ее участником, «дышать ее озоном», понять механизм действия сил, ее совершающих, чтобы затем с такой достоверностью создать картину победоносного развития революции, поведать людям правду об Октябре.

Джон Рид прибыл в Петроград в тот момент, когда девятый вал революции неотвратимо надвигался на отживший свой век российский капитализм. Попав в атмосферу высокого накала классовой борьбы, кипения политических страстей, он весь, без остатка, отдался страстному желанию понять смысл и логику происходящих событий. Эта страсть порождала необыкновенную энергию, остроту восприятия и глубокое проникновение в сущность явлений. «Я старался рассматривать события,— позднее писал Рид,— оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину».

«Общий фон» — назвал первую главу своей книги Джон Рид. Скупыми, но выразительными штрихами рисует он обстановку в России, из которой вырастал победоносный Октябрь. За бесконечным множеством фактов и событий, за позициями политических партий, групп и течений, за декларациями и речами политических деятелей, за резолюциями массовых митингов и собраний рабочих, солдат и крестьян автор «Десяти дней...» пытается увидеть общую тенденцию с огромным динамизмом развивавшихся исторических событий. Россию затоплял «поток живого слова...— пишет Рид.— Лекции, дискуссии, речи — в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах...

В течение многих месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах и в трамваях — повсюду...»

И повсюду обсуждались коренные вопросы бытия народа: о мире, земле, о предотвращении национальной катастрофы, перед которой поставили страну царизм и буржуазия.

С мандатом журналиста Рид за день успевал посетить Зимний дворец — резиденцию Временного правительства, Смольный — ставший в Октябрьские дни штабом революции, побывать на многотысячном митинге в цирке Модерн, а вечером — в салоне «русского Рокфеллера» С. Г. Лианозова. Он выслушивал политические прогнозы «власть имущих» о судьбе России. И далеко за полночь добравшись до своего номера в гостинице, он с жадностью перечитывал собранные за день газеты и листовки, заносил в блокнот все, что услышал и наблюдал, чтобы утром снова начать «поход в революцию». Так, изо дня в день, накапливались знания о жизни и борьбе рабочих, солдатских и крестьянских масс России, которые по собственному выбору пошли за большевистской партией во главе с В. И. Лениным на штурм старого мира. Пошли потому,

что на своем опыте убедились в преданности этой партии делу народа, убедились в том, что программа ее соответствовала их жизненным интересам. Рид воочию видел, как лозунги ленинской партии: власть — Советам, мир — народам, фабрики и заводы — рабочим, землю — крестьянам, свободу — угнетенным народам, овладевали умами и сердцами многих миллионов людей, сплачивали их в могучую политическую силу, делали социалистическую революцию в России неизбежной и непобедимой.

По дням, а в ряде случаев и по часам, прослеживает автор процесс нарастания и приближения победного акта революции. Показывая всю несостоятельность тех, кто пророчил близкую и неминуемую гибель ее, Рид с восхищением восклицает: «Какую изумительную жизнеспособность проявила русская революция...» Эту убежденность автору давало глубокое проникновение в сущность исторических явлений, отчетливое видение беспримерного в мировой истории размаха борющихся социальных сил и гигантского перевеса революционных масс над кучкой обанкротившихся политиков из лагеря буржуазии, помещиков и их прислужников.

По мере того как приближался решающий акт великой социальной драмы, Рид все пристальнее всматривался в кипучую деятельность партии большевиков. Он фиксирует, что миллионы людей в городах, селах и окопах со все бо́льшим нетерпением ждут, что скажет партия Ленина, когда она даст клич: «На штурм!» Он покупает большевистские газеты и в первую очередь «Рабочий путь» (под таким названием в сентябре — октябре 1917 года выходил центральный орган большевиков газета «Правда»); с жадностью он читает ленинские статьи и письма тех дней («Кризис назрел», «Письмо к товарищам» и др.), в которых излагался конкретный, научно обоснованный план подготовки и проведения вооруженного восстания. В них Рид видит одно «из самых дерзновенно смелых выступлений, какие когда-либо видел мир».

Его интересует личность вождя партии и революции В. И. Ленина, который в то время находился на нелегальном положении. Через все доступные журналисту каналы Рид собирает факты о жизни и деятельности Ленина, и наконец в его сознании складывается образ «необыкновенного народного вождя». «Вождь исключительно благодаря своему интеллекту,— пишет Рид,— чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

И все конкретно-историческое описание событий в книге Д. Рида как бы подчинено одной линии: раскрытию того, как революционным

творчеством народных масс дерзновенно-смелые ленинские идеи и планы воплощались в действительность. Великий Октябрь автор «Десяти дней...» показывает как синтез объективных и субъективных начал, воплощенных в жизнь усилиями миллионов рабочих, солдат и крестьян под руководством большевистской партии.

Наряду с Лениным в центре своего внимания Рид все время держит деятельность большевистской партии и ее Центрального Комитета, описывает исторические заседания ЦК, на которых обсуждался и принимался ленинский план вооруженного восстания, велась борьба против оппортунистических выступлений Зиновьева и Каменева. Но эти заседания ЦК проходили в строгой конспирации, и Рид не мог тогда получить сколько-нибудь точной информации об их решениях. В этих случаях им были допущены некоторые неточности. Например, описывая заседание ЦК 10 (23) октября, автор утверждает, что на нем присутствовал «весь интеллектуальный цвет партии, а также делегаты от петроградских рабочих и гарнизона». Это собрание якобы в большинстве своем высказалось против восстания. И только под влиянием выступления одного рабочего ЦК пересмотрел свое решение и проголосовал за восстание. В действительности на этом строго конспиративном заседании ЦК присутствовали только двенадцать членов ЦК, которые по докладу В. И. Ленина приняли десятью голосами предложенную им резолюцию. Голосовали против только Зиновьев и Каменев.

Неточно передается и заседание ЦК 21 октября (3 ноября), где будто бы о сроке восстания В. И. Ленин говорил: «24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны «действовать 25 октября». Автор не знал, что В. И. Ленин не присутствовал на этом заседании. В его работах также нет утверждения, которое Рид вложил в его уста. Более того, в письме членам ЦК, написанном вечером 24 октября, Ленин призвал к самым решительным и неотложным действиям. «Нельзя ждать!..— писал он.— Можно потерять все!! Промедление смерти подобно» (Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 435—436). Но Рид не знал и не мог знать содержания этого письма. Оно было опубликовано только в 1924 году. Весь же пафос ленинского письма был направлен против Троцкого, который, будучи председателем Петроградского Совета накануне восстания и в момент, когда оно уже 24 октября началось, все еще призывал ждать открытия съезда Советов. Об этом он сам позднее заявлял: «Я настаивал, чтобы было поручено Военно-революционному комитету подготовить момент восстания к съезду Советов».

В. И. Ленин считал тактику пассивного ожидания съезда Советов пагубной для дела революции. Он настаивал на необходимости проведения восстания под лозунгом «Вся власть Советам!» с тем, чтобы передать власть съезду, который от имени победившего народа должен законодательно закрепить всемирно-историческое свершение.

В книге Джона Рида ярко и убедительно описаны дни победоносного восстания 24 и 25 октября, работа и решения Второго Всероссийского съезда Советов, принявшего знаменитые декреты Октября о Мире, о Земле, о создании Советского правительства во главе с В. И. Лениным.

Джон Рид не ограничился описанием событий в столице. Он дал общие зарисовки необыкновенно быстрого ее развития по всей стране. Он утверждает, что «все происшедшее в Петрограде,— в разное время, с разной напряженностью,— почти в точности повторилось по всей России». А в итоге он приходит к выводу: «Русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения».

Г. Голиков

«ВОССТАВШАЯ МЕКСИКА»

В октябре 1913 года радикальный журнал «Метрополитен» и нью-йоркская газета «Уорлд» отправили Рида в качестве специального корреспондента в Мексику: события в этой стране привлекали все большее внимание американского общественного мнения.

В 1910 году в Мексике началась буржуазно-демократическая революция, свергнувшая кровавую диктатуру Порфирио Диаса, превратившего страну в вотчину американских монополий. К власти пришло буржуазно-либеральное правительство Франсиско Мадеро, которое начало проводить первые, весьма робкие мероприятия, несколько облегчившие участь безземельных крестьян — пеонов. В 1912 году генерал Ороско поднял на севере Мексики контрреволюционный мятеж, который был подавлен правительством. В феврале 1913 года другой контрреволюционный генерал — Уэрта осуществил путч в столице, убил Мадеро и его сторонников и установил военную диктатуру.

В ответ против Уэрты развернулось массовое движение, весьма широкое по своему социальному составу. Во главе буржуазного крыла стоял Венустиано Карранса, вожаками крестьянских масс были Эмилиано Сапата и Франсиско Вилья. Вилья еще в период диктатуры Диаса ушел в горы и возглавил партизанское движение; объявленный вне закона, он некоторое время находился в эмиграции в США. Летом 1913 года Вилья вернулся на родину, включился в борьбу против диктатуры Уэрты, под его руководством повстанцы одержали ряд блистательных побед у американо-мексиканской границы.

В Мексике Рид провел около четырех месяцев, до конца марта 1914 года. Пробыв весь декабрь в Чиуауа, главном городе Северной Мексики, он совершил короткую поездку в Санта-Марио-дель-Оро, где

наблюдал представление старинного миракля, а через несколько дней принял боевое крещение в бою под Ла-Каденой. Вернувшись в Чиуауа, он отправил оттуда первые корреспонденции в «Метрополитен», затем побывал в штаб-квартире Каррансы в Ногалесе и принял участие в походе Вильи на опорный пункт контрреволюционеров — Торреон. Через несколько дней после начала штурма Торреона Рид вернулся в США (в книге «Восставшая Мексика» события располагаются в иной последовательности, хронологический принцип нарушается).

В Мексике Рид тщательно собирал живые свидетельства событий — листовки с воззваниями Вильи, планы операций, приказы, тексты народных баллад, которые он переводил, и даже ноты к ним.

Первая статья Рида «Вместе с Ла Тропой» опубликованная в «Метрополитене» в апреле 1914 года, была снабжена следующей выразительной «шапкой»: «Джон Рид в Мексике. Картины войны, нарисованные американским Киплингом. Овеянная дыханием фронта первая корреспонденция Джона Рида из Мексики... Это — истинная литература». За ней с мая по сентябрь последовало еще девять статей. Кроме того, в течение марта 1914 года на страницах «Уорлда» Рид напечатал несколько корреспонденций, присланных непосредственно с театра военных действий.

Живой интерес Рида к мексиканской революции, но не только к внешней экзотической стороне, а к самой ее сущности, понимание ее движущих сил, позволили ему встать в оценке событий на голову выше его многочисленных коллег, писавших о Мексике. Он увидел, например, какой замечательной фигурой является крестьянский вожак Сапата, которого просто не замечали американские журналисты. Не будучи знаком с Сапатой лично, Рид так писал о нем редактору «Метрополитена» Карлу Хови: «Он радикал, логично мыслящий и идеально последовательный... Если говорить о будущем Мексики, то, по-моему, с Сапатой нельзя не считаться...»

В то время как американская пресса делала ставку на Каррансу (даже Линкольн Стеффенс, побывавший в 1916 г. в Мексике, отдал ему явное предпочтение перед Вильей), Рид давал ему такую точную оценку: «Карранса — не радикал. Во всяком случае, не такой, каким был Мадеро. Он, скорее, реформатор».

Рид увидел также, что «американцы в Мексике — это главный бич для страны» (из письма к Карлу Хови от 7 февраля 1914 г.). В его записной книжке рассказано о встрече с одним из его соотечественников, богатым владельцем рудников, который прочел Риду целую лекцию относительно неблагодарности, нечестности и прочих пороков, якобы присущих мексиканцам, и о том, как полезна была бы для этой страны американская интервенция.

Словно отвечая на антимексиканскую клевету своих коллег — журналистов, Рид сделал в дневнике запись: «Самый забитый пеон обладает

таким изысканным тактом и острым умом, которых не сыщешь у представителей всех известных мне классов и наций. Я не знаю людей, которые были бы так, как они, близки к природе. Они неотделимы от своих скромных хижин, от своих крошечных полей».

Когда в апреле 1914 года, использовав ничтожный повод, выразившийся в «оскорблении» американского флага, США высадили десант в порту Вера-Крус, Джон Рид выступил с энергичным протестом против интервенции, обвинив нефтяные и иные компании в том, что они разжигают гражданскую войну. В специальной брошюре Рид с сарказмом писал: «США хотят навязать Мексике свои так называемые великие демократические установления: правление трестов, безработицу и наемное рабство...» Когда осенью 1916 года американо-мексиканские отношения снова обострились, а херстовская пресса начала кампанию клеветы против Вильи, идеологически «обосновывая» карательную акцию генерала Першинга, Рид в статье «Легендарный Вилья» писал о мексиканском вожде как о человеке, «верно служащем народу», «чуждом методам американского бизнеса». Он призывал американских солдат, посланных в Мексику по указке «патриотов доллара», вернуться на родину и обратить штыки против своих истинных недругов — магнатов Уолл-стрита.

Мексика стала важнейшей вехой на пути Рида к «Десяти дням, которые потрясли мир». В своей автобиографии «Почти тридцать» Рид вспоминал: «Эти четыре месяца, когда мы скакали по палимой солнцем пустыне, оставляя позади сотни миль, спали вповалку на голой земле, пили и плясали до рассвета на разоренных асиендах, когда я жил бок о бок с моими новыми друзьями, не отставая от них ни в потехах, ни в бою, это время, пожалуй, было лучшим в моей жизни. Я поладил с этими яростно сражавшимися людьми и с самим собой. Я жил полной жизнью. Я открыл себя заново. Я писал так, как мне уже никогда не писать».

Книга Рида «Восставшая Мексика» вышла в США осенью 1914 года. На русский язык книга впервые была переведена в 1925 году (под названием «Революционная Мексика»), предисловие к ней написал друг и соратник Рида — Альберт Рис Вильямс. Затем она была переиздана в 1959 году. Известны ее переводы на испанский язык в Мексике (1956) и итальянский (1958).

Книга Рида с ее живой народной основой, своеобразной «кинематографичностью», чередованием разных изобразительных планов и драматизмом привлекла внимание С. Эйзенштейна, работавшего в начале тридцатых годов над оставшимся неоконченным фильмом «Да здравствует Мексика!». Используя в своем киноповествовании «контрасты и гротески», изображая «накал человеческих страстей», передавая «не только отражение фактов, но и динамику процессов — этот величественный и великолепный путь к новой жизни, новым мыслям и идеям», Эйзенштейн опирался на художественный опыт Рида.

В 1934 году в США вышел фильм «Вива, Вилья» по сценарию Бена Хекта, бесспорно отталкивавшегося от «Восставшей Мексики»; в образе одного из главных героев — американского журналиста Джонни, друга Вильи, есть черты Джона Рида.

В качестве иллюстраций к «Восставшей Мексике» использованы линогравюры мексиканского художника А. Бустоса.

Стр. 37. *Федеральная армия.*— Федералистами называли сторонников контрреволюционного правительства генерала Уэрты, против которого развернулось народное крестьянское восстание.

Конституционалисты — сторонники Вильи и попранной генералом Уэртой конституции.

Стр. 41. *Гринго* — презрительная кличка американцев в странах Латинской Америки.

...к Большой Канаве.— Имеется в виду Панамский канал.

«Девушка с Золотого Запада» — пьеса Дэвида Беласко; в 1910 году на ее сюжет написал оперу Д. Пуччини. Действие происходит в Калифорнии, в среде золотоискателей. Героиня — Минни, содержательница кабачка — дает убежище объявленному вне закона Джонсону, который влюбляется в нее. Минни спасает его от суда.

Стр. 44. *Эль-Пасо* — американский город на границе с Мексикой.

Стр. 45. *Мадеристы* — сторонники погибшего президента Франсиско Мадеро.

Стр. 47. *Пеон* — бедный крестьянин, батрак.

Стр. 54. *Рыцари Пифии* — члены тайного американского масонского ордена, основанного в Вашингтоне в 1864 году.

Стр. 56. *Вакеро* — мексиканские ковбои.

...намекнул нам, что обладает неким феодальным правом...— Имеется в виду позорное «право первой ночи».

Стр. 59. *Порфирист* — сторонник Порфирио Диаса.

Стр. 69. *«Веселая вдова»* — оперетта Ф. Легара, поставлена впервые в 1905 году.

Стр. 74. *Илия* — библейский пророк, грозный обличитель идолопоклонства и бесчестия; ему приписывались различные чудеса: низвержение с неба грома и молнии и др.

Стр. 76. *Новая Англия.*— Так называется северо-восточное побережье США, где в XVII веке высадились и обосновались первые поселенцы из Англии; считается очагом североамериканской культуры.

Стр. 80. *Турень* — историческая провинция на западе Франции; в средневековый период была сначала графством, потом, с XIV века,— герцогством, более двухсот лет являлась уделом младших сыновей французских королей. Оплот клерикального духовенства.

Стр. 112. *...как Цицерон, изобличающий Катилину...*— Имеются в виду знаменитые речи, произнесенные в сенате и народном собрании выдающимся оратором, писателем и политическим деятелем Древнего Рима Цицероном; в них он разоблачал заговор против республики своего политического противника Катилины.

Стр. 129. *Гваделупский план* — был обнародован в марте 1913 года сторонниками Каррансы, ставил целью низложение диктатуры Уэрты и восстановление конституционного правительства.

План Сан-Луис-Потоси.— Так называлась разработанная Мадеро политическая программа борьбы против диктатуры Диаса; была опубликована 5 октября 1910 года. В ней содержались обещания улучшить положение безземельного крестьянства; однако, в основном, они не были выполнены. Примерно через месяц после ее опубликования начались выступления масс, вылившиеся вскоре в народную революцию.

Стр. 131. *Гаагская конференция* — происходила в 1907 году, на ней представители двадцати семи государств приняли ряд конвенций, в том числе конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, в основу которой был положен русский проект 1874 года.

Стр. 142. *«Сатердей ивнинг пост»* — массовый американский еженедельный журнал.

Стр. 172. *Ороскист* — сторонник генерала Ороско.

Стр. 207. *Когда в Хуаресе был подписан мирный договор...*— Речь идет о соглашении в Сьюдад-Хуаресе 21 мая 1911 года о прекращении военных действий между революционерами, руководимыми Мадеро, и сторонниками правительства Порфирио Диаса, которое после его подписания подало в отставку.

Стр. 237. *Миракль* — букв.: «чудо», жанр средневековой религиозной драмы, возникшей в XIII веке во Франции. Представлял драматическую инсценировку католических легенд. По мере развития из мираклей выветривались сугубо религиозные мотивы за счет усиления бытового реалистического колорита. В Европе миракли сошли на нет уже к концу XV века.

«ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР»

В конце января 1918 года, за две недели до отъезда в США, Джон Рид, выступая на III Всероссийском съезде Советов, заявил: «Я пришел сюда дать клятву великой русской революции... Я обещаю вам, что расскажу американскому пролетариату обо всем, что происходит в революционной России». Вся его последующая деятельность — литератора, лектора, пропагандиста — была исполнением этой клятвы.

В течение лета 1918 года он совершает не менее двух десятков агитационных турне по Америке, произнося речи о новой России, о сущности и задачах Советской власти; против него мобилизуется весь аппарат буржуазной прессы, его не раз арестовывают, одних залогов он вносит на сумму в двенадцать тысяч долларов. Одновременно он регулярно выступает со статьями в левой прессе. Но главной его задачей было написание книги об Октябре. Он смог приступить к ней лишь осенью 1918 года, после того как ему удалось получить из госдепартамента те бесценные для него материалы, которые были конфискованы у Рида при въезде в США в мае месяце. «Я помню тот день,— вспоминал радикальный писатель Флойд Делл,— когда бумаги Рида появились наконец в его доме: кипы «Известий», «Правды», «Новой жизни», связки распоряжений и прокламаций, содранных им со стен, коллекции фотографий; один уже их вид делал удивительно зримой ту историю, которая была уже мне известна к тому времени в основных контурах». Для работы над книгой Рид снял маленький домик в Кротоне, на лесистом высоком берегу Гудзона; вместе с ним был его друг и соратник Альберт Рис Вильямс, писавший свою книгу о Ленине.

В работе над «Десятью днями...» Рид опирался на собранные им документы и на свои блокноты, которые он, как и в Мексике, вел в России ежедневно: они содержат краткие наброски отдельных эпизодов, разговоров, конспекты выступлений и речей, вошедших впоследствии в его книгу — иногда в сжатом, иногда в расширенном виде, а также каллиграфические опыты писателя, настойчиво овладевавшего русским языком.

Книга писалась на одном дыхании, стремительно и легко. Казалось, сам материал подсказывал Риду смелую, синтетическую форму этого ставшего классическим произведения художественно-документальной литературы. В нем три стилистических плана — «изобразительный», то есть живые картины «с натуры», написанные пером наблюдательного очеркиста; «документальный», то есть вводимые в текст отрывки из речей, воззваний, газетных статей и т. д.; и, наконец, «публицистический», то есть отступления в область истории, политические анализы событий, а также итоговые выводы, как бы разъясняющие читателю смысл изображаемого. Эгон Эрвин Киш определил метод Рида афористической формулой: «Правда, преломленная через революционный темперамент».

Рид закончил свою книгу примерно за три месяца. Уже в январе он передал ее в типографию, откуда агенты реакции шесть раз пытались выкрасть рукопись. Правда, издатель Горэс Ливрайт предусмотрительно снял с нее несколько копий. «Десять дней...» увидели свет 19 марта 1919 года. На одном из экземпляров Рид написал: «Моему издателю Горэсу Ливрайту, едва не разорившемуся при печатании этой книги».

Буржуазная пресса пыталась умалить силу «Десяти дней...», представить произведение вещью «пропагандистской», лишенной художест-

венной ценности. «Вы правы,— отвечал Рид своим критикам в письме, посланном в редакцию «Нью-Йорк таймс»,— когда называете информацию о России большевистской пропагандой, потому что большинство тех, кто узнает правду о России, становятся убежденными большевиками». Зато передовая общественность США горячо одобрила книгу. Большой радостью для Рида было письмо от группы революционных рабочих, членов ИРМ, писавших ему из тюрьмы, что «Десять дней...» — «отличная книга». Из Колорадо, где когда-то в крови было подавлено стачечное выступление рабочих, описанное Ридом в очерке «Война в Колорадо» (1914), пришло сообщение, что горняки скупили все экземпляры «Десяти дней...». Выход книги приветствовал Горэс Траубел, старейший социалист, друживший еще с Уолтом Уитменом.

В одной из первых рецензий, появившейся 12 апреля 1919 года в левом еженедельнике «Революшнери эйдж» («Революционный век»), Эдмонд Мак Альфин подчеркивал, что на долю Рида выпало «счастье засвидетельствовать величайшее событие в истории человечества — и сделать это удивительно ярко и красочно». «Он не скрывает своих симпатий,— добавляет рецензент,— он чувствует величие их борьбы, он признает, что является свидетелем рождения новой эры, он терпим к ошибкам масс и рад, что их не так уж много... Он заставляет события говорить за себя, подкрепляя свой рассказ массой документального материала».

Уже упоминавшийся Флойд Делл в рецензии в журнале «Либерейтор» (май 1919 г.) так характеризовал мастерство Рида в создании образа вождя революции. «Через всю книгу,— писал он,— проходит, вырастая с каждой страницей и все более овладевая нашими умами, образ Николая Ленина; по мере того как мы читаем эту книгу, он затмевает всех известных великих деятелей истории своим необычайным, я бы сказал, сверхчеловеческим пониманием экономических факторов, движущих людской борьбой. Не силой красноречия, но силой своего знания становится он главным двигателем революционных событий».

В 1921 году в интервью, данном Луизе Брайант, жене Рида, Н. К. Крупская так отозвалась об этом произведении: «Кажется почти чудом, что иностранец мог написать книгу, которая с поистине волшебной силой передала самый дух революции».

В 1919 году в США вышло три издания книги; на ее фронтисписе был воспроизведен портрет В. И. Ленина. 9 апреля 1919 года Рид подарил экземпляр произведения первому представителю РСФСР в США Л. К. Мартенсу со следующей надписью: «Товарищу Мартенсу, представителю страны моего сердца». Приехав в Россию осенью 1919 года по делам американского коммунистического движения, Рид привез свою книгу В. И. Ленину. Тогда же В. И. Ленин и написал свое знаменитое предисловие, автограф которого Рид взял с собой. Весной 1920 года при попытке нелегально выехать в США, Рид был арестован в Финляндии и

провел около трех месяцев в одиночной камере в Або. Известно, что Рид гордился отзывом вождя на свое произведение, и в письме к Луизе Брайант, отправленном из тюрьмы, просил передать своему нью-йоркскому издателю Горэсу Ливрайту, что «большой шеф считает книгу лучшей». Возможно, что автограф ленинского предисловия либо был конфискован в Финляндии, либо находится в архиве Рида в США. Впервые порусски предисловие было опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 году (№ 4), но без двух последних фраз. По-английски целиком оно было опубликовано в американском прогрессивном журнале «Либерейтор» в феврале 1922 года, в качестве предисловия оно было напечатано в нью-йоркском издании 1926 года.

Полный русский текст предисловия впервые был опубликован в первом русском издании «Десяти дней...» в 1923 году, там же было напечатано и предисловие Н. К. Крупской. Текст предисловия В. И. Ленина воспроизводится в его Собраниях сочинений.

В 1924 году в СССР вышло сразу четыре издания книги Рида, всего же в 20-е годы она издавалась по-русски одиннадцать раз. В 1957 году, после долгого перерыва, она снова увидела свет и с тех пор издается ежегодно, в том числе на языках народов СССР.

Высокие художественные достоинства книги Рида привлекли к нему внимание деятелей искусства и писателей. С. Эйзенштейн, работая над фильмом «Октябрь», обращался к книге Рида как важному источнику. На Западе этот фильм шел под названием «Десять дней, которые потрясли мир». В «Октябрьской» поэме В. Маяковского «Хорошо!», особенно в сценах подготовки и проведения штурма Зимнего дворца, есть отдельные реминисценции из «Десяти дней...». Кстати, Маяковский виделся зимой 1919/20 года с Ридом, который приходил в мастерские РОСТА.

Сбылось пожелание В. И. Ленина, мечтавшего увидеть книгу Рида «распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки». Французское издание 1924 года увидело свет с предисловиями В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Несколько ранее, в 1922 году, книга Рида, снабженная фотографиями Октябрьских событий в России, вышла в Германии с послесловием Б. Рейнштейна. К новому немецкому изданию 1927 года вступительную статью «Джон Рид — журналист на баррикадах» написал «неистовый репортер» Эгон Эрвин Киш. Предисловие Киша было воспроизведено в изданиях на испанском языке, вышедших одновременно в Буэнос-Айресе (Аргентина) и Мехико (Мексика). Со второй половины 50-х годов увидели свет новые издания «Десяти дней...» в Дании (1957), Румынии (1959), Албании (1958), КНР (1957), Японии (1962), ГДР (1958), Греции (1961), Польше (1956), Италии (1961), Франции (1961), Демократической Республике Вьетнам (1958).

Для настоящего издания перевод «Десяти дней, которые потрясли мир» был заново сверен с английским оригиналом и отредактирован.

Нами используются некоторые из подстрочных примечаний, относящихся к неточностям исторического характера, по изданию: Д. Рид, Десять дней, которые потрясли мир, Госполитиздат, М. 1958.

Стр. 254. *...отчетом о Ноябрьской революции...* — Все даты в книге Д. Рида приводятся по новому стилю. В настоящем издании везде указываются в скобках также даты старого стиля.

Стр. 255. *...я прослеживаю в другой книге — «От Корнилова до Брест-Литовска»* — [«Kornilov to Brest-Litovsk»].— Эта книга не была написана. Есть основания предполагать, что она должна была стать следующей за «Десятью днями...» частью большого эпического замысла, в которой Рид собирался запечатлеть основные события после Октябрьского восстания в Петрограде до начала Брестских мирных переговоров. Как видно из примечаний Рида к главе XI, он намеревался показать в этой книге, как «были заложены первые основы строительства Советского государства». Некоторые статьи Рида, опубликованные им в 1918—1919 годах в «Либерейторе» и газете «Революшнери эйдж», такие, как «Русская революция в действии», «Об интервенции против России», «Структура Советского государства», «Происхождение рабочего контроля в России», «Учредительное собрание в России», «Как Советская Россия победила кайзеровскую Германию» и др. были своеобразным подступом к этому большому произведению, которое Рид не успел написать.

Мартовская революция — то есть Февральская.

Стр. 260. *...замечания и пояснения.*— Хотя во «Вступительных замечаниях и пояснениях», составленных Ридом, имеются некоторые неточности, они свидетельствуют о той подлинно научной обстоятельности, с которой он изучал сложную политическую обстановку в России.

Стр. 269. *...кроме того, мною собраны почти все воззвания, декреты и объявления...*— Интерес к документам эпохи, впервые проявившийся еще в Мексике, стал у Рида, прибывшего в Петроград, еще более активным и целенаправленным. Альберт Рис Вильямс вспоминает: «Он собирал материал повсюду, переходя с места на место. Он собрал полные комплекты «Правды», «Известий», всех прокламаций, брошюр, плакатов и афиш. К плакатам он питал особую страсть. Каждый раз, когда появлялся новый плакат, он не задумывался сорвать его со стены, если не мог добыть его иным способом. В те дни плакаты печатались в таком множестве и с такой быстротой, что трудно было найти для них место на заборах. Кадетские, социал-революционные, меньшевистские, левоэсеровские и большевистские плакаты наклеивались один на другой такими густыми слоями, что однажды Рид отодрал пласт в шестнадцать плакатов один под другим. Ворвавшись в мою комнату и размахивая огромной бумажной плитой, он воскликнул: «Смотри! Одним махом я сцапал всю революцию и контрреволюцию».

Стр. 270. *...орган «умеренных» социалистов...*— Рид имел в виду газету «Известия ЦИК», находившуюся в руках меньшевиков и эсеров.

Стр. 272. *Указом социалистического министра труда...*— Имеется в виду один из так называемых «ограничительных циркуляров», изданных министром труда, «умеренным» социалистом Скобелевым 28 августа 1917 года. В нем Скобелев запрещал деятельность рабочих организаций в производственное время и предлагал заводской администрации производить денежные вычеты за пропуск часов работы.

Стр. 273. *...небольшая политическая секта...*— Рид употребляет слово «секта», стремясь, видимо, подчеркнуть, что после Февральской революции большевики вышли из подполья, будучи сравнительно малочисленной, хотя и закаленной партией.

Сент-Антуанское предместье...— Сент-Антуанское предместье — название одного из пригородов Парижа, население которого известно своими боевыми традициями — участием в революционных событиях XVIII—XIX веков.

...оказались подложными...— Херстовский журналист Э. Сиссон, заместитель председателя иностранного отдела Комитета общественной информации США, занимался в Петрограде разведывательной деятельностью, в частности, следил за Ридом и его связями с большевиками (о чем доносил американскому послу Д.-Р. Фрэнсису), а также собирал фальшивые лжесвидетельства и «документы», с помощью которых пытался доказать, что большевики — «платные агенты Германии» и что существует тайный «немецко-большевистский заговор». Даже враждебно настроенные к Октябрю буржуазные журналисты отвернулись от Сиссона, однако государственный департамент взял его материалы на вооружение. Осенью 1918 года Джон Рид выпустил специальную брошюру — «Документы Сиссона», в которой с фактами в руках доказал подложность этих фальшивок и добился их окончательной дискредитации в глазах общественности.

Стр. 274. *Сентябрьские муниципальные выборы* — августовские (по ст. ст.). В Петрограде выборы состоялись 20 августа 1917 года.

Стр. 275. *15 октября у меня был разговор...*— Впервые несколько строк из беседы, которую Рид считал «исключительно важной»,— с «русским Рокфеллером» Лианозовым, он привел в корреспонденции «Победа большевиков», напечатанной в марте 1918 года в «Либерейторе». Значительно подробней, чем в «Десяти днях...», она воспроизводится в его «русских блокнотах». Лианозов, будучи весьма откровенным, развернул перед Ридом целую программу контрреволюционных мер, рассчитанную на развал экономики и наступление немцев, а также на помощь и даже возможную интервенцию иностранных держав. Политическая программа Лианозова изложена Ридом в такой записи: «Гражданская война. Большевистское восстание (назначено) на 20 октября. Будет подавлено

силой оружия... Республика? Его личное мнение, что она долго не продержится. Монархия! Народ не созрел еще, чтобы подчиняться равным. Никаких компромиссов до разгрома большевиков». Во время разговора с Лианозовым Рид, как обычно, занес выразительные штрихи, характеризующие внешность собеседника: «Короткие пухлые руки. Суставы пальцев заплыли жиром». На следующий день после этой встречи Рид писал в короткой корреспонденции, отправленной в социалистическую газету «Нью-Йорк колл»: «Одну истину я здесь усвоил. Рабочий класс и класс капиталистов не имеют между собой ничего общего».

Стр. 277. *Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция...*— Вскоре после прибытия в Петроград Д. Рид писал своему другу Б. Робинсону, с которым в 1915 году совершил поездку по Восточному фронту и побывал в России: «Старый город переменился. Там, где было отчаяние, царит радость, там, где царила радость, господствует отчаяние. Мы в гуще событий, и это, поверь мне, потрясает. Кругом столько драматичного, о чем нужно писать, что я не знаю, с чего начать. По яркости, насыщенности действием и величию эти события заставляют бледнеть Мексику».

Стр. 278. *...и Максим Горький, очутились на правом крыле...*— В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции Горький допустил ряд ошибок, выразившихся в недооценке сил большевиков и роли пролетариата, в преувеличении опасности частнособственнической стихии русского крестьянства (сб. статей «Несвоевременные мысли», 1917—1918). Позиция Горького в канун и период Октября вызвала резкую критику В. И. Ленина, справедливость которой писатель впоследствии признал полностью. В дальнейшем Горький стал активно участвовать в развитии новой, социалистической культуры. В письме к Эптону Синклеру летом 1918 года Джон Рид дал глубокий разбор ошибок, допущенных Горьким в период его сотрудничества в полуменьшевистской газете «Новая жизнь». Полемизируя с ошибочными суждениями писателя о «терроре» и «жестокостях» народа, Рид решительно возражал: «Большевистская революция была самой бескровной революцией в истории... Большевики были тверды и эффективны, решив создать диктатуру пролетариата, но они не были ни жестокими, ни кровожадными. Во время революции русские — с точки зрения западного человека — оказались удивительно снисходительны и мягки». По мысли Рида, эти ошибочные представления Горького были результатом того, что случайные, частные факты служили для него основой для общих выводов. Что касается Рида, то он — за отдельными проявлениями насилия, неизбежными во всякой революции,— видел «красоту и величие происходящего в целом».

Стр. 279. *Мариинский театр* — ныне Театр оперы и балета имени С. М. Кирова.

Александринский театр — ныне Академический театр драмы имени А. С. Пушкина.

«Кривое зеркало» — театр, организованный в 1908 году в Петербурге; его репертуар состоял главным образом из сатир и пародий на театральные темы. После революции прекратил свое существование.

Теософы — разделяли религиозно-мистическое учение, признающее источником «богопознания» некую таинственную интуицию и откровение. Теософские теории были весьма распространены в декадентской среде.

Армия спасения — филантропическая и религиозная организация, построенная по военному образцу.

Стр. 280. *На фабриках приобретали опыт и силу... фабрично-заводские комитеты.*— Состоявшаяся 30 мая (12 июня) — 3(16) июня Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов в своем подавляющем большинстве (три четверти делегатов) пошла за большевиками. По прибытии в Петроград Рид сближается с большевистским рабочим активом и 10(23) сентября присутствует на конференции фабзавкомов, происходившей в помещении электромеханического завода «Динамо». В блокнотах Рида имеются подробные записи, касающиеся хода конференции, выступлений большевистских делегатов, а также заметки относительно происхождения, функций и задач фабзавкомов. В них Рид видел новые, отличные от обычных профсоюзов формы организации рабочих, против которых яростно ополчились предприниматели. В блокнотах Рида есть такая заметка: «Боссы сейчас заявляют, что они не против профессиональных союзов. С фабзавкомами же ведут смертельную борьбу... Но там, где завкомы крепки, победа за нами. На казенных заводах мы — полные хозяева». Видимо, Рид получил приглашение на конференцию через Шатова, входившего в президиум Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда. Известно, что на I Всероссийской конференции фабзавкомов, происходившей в Смольном 17(30) октября — 22 октября (4 ноября), Д. Рид и Л. Брайант числились в списках присутствующих на конференции по гостевым билетам.

Стр. 281. *Демократическое совещание.*— Было созвано в сентябре 1917 года после провала корниловского мятежа по инициативе меньшевистского ЦИК, напуганного ростом влияния большевиков. На нем меньшевики имели непропорционально большое представительство: совещание приняло решение о выделении из своего состава Временного Совета Российской республики (предпарламента). В это время большевики, уверенно добившиеся перевеса в Советах, требовали немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов и передачи ему всей полноты власти. Трусливая политика меньшевиков, вступивших в открытый сговор с буржуазией, вызвала широкое недовольство масс, которые «левели» и отдавали свои симпатии большевикам.

Московское Государственное совещание — проходило 12—15 (25—28) августа 1917 года в Москве по решению Временного правительства для мобилизации реакционных буржуазно-помещичьих сил с целью разгрома революции. На этом совещании произошло фактическое сплочение военщины (Корнилов), крупной буржуазии (Рябушинский) с правительством Керенского. Выступивший на совещании генерал Корнилов призывал «уничтожить большевизм». Совещание вызвало митинги протеста и забастовки, организованные большевиками.

Совет Российской республики — совещательный орган при Временном правительстве, был выделен эсеро-меньшевистским Демократическим совещанием. Именовался также предпарламентом, ставил целью направить страну на путь буржуазного парламентаризма. Большевики, объявив свою декларацию, покинули его; Совет Российской республики был распущен после победы Октябрьского восстания в Петрограде.

Мы приехали на фронт в XII армию... — 27 сентября Д. Рид вместе с Альбертом Рисом Вильямсом и Борисом Рейнштейном выехал на фронт под Ригу. Подробно этот эпизод, «сгущенный» до одного абзаца в «Десяти днях...», освещен Ридом в очерке «Поездка в русскую армию», опубликованном в журнале «Либерейтор» в мае 1918 года. В нем Рид рисует исполненную подлинного трагизма картину тяжелого положения под Ригой русской армии, которая разуверилась в «войне до победного конца»; он изображает рост антивоенных настроений в солдатской среде, ярко проявившийся на грандиозном митинге против войны, организованном большевиками в Вендене в начале октября 1917 года. Альберт Рис Вильямс так вспоминает один из эпизодов поездки: «Наш автомобиль направлялся к югу, в сторону Вендена, когда германская артиллерия стала засыпать гранатами деревушку на восточной стороне. И эта деревушка вдруг стала для Рида самым интересным местом в мире. Он настоял на том, чтобы поехали туда. Мы осторожно ползли вперед, как вдруг позади нас разорвался огромный снаряд, и участок дороги, который мы только что проехали, взлетел на воздух черным фонтаном дыма и пыли. Мы в испуге ухватились друг за друга, но спустя минуту Джон Рид уже сиял восторгом. По-видимому, какая-то внутренняя потребность его натуры была удовлетворена».

Стр. 283. *Была образована временная директория...* — В нее входили: Керенский, Никитин, Терещенко, Верховский и Вердеревский.

Стр. 285. *...была назначена на 10 ноября (28 октября).* — Конференция не состоялась в связи с падением Временного правительства.

Стр. 286. *...длиною в тысячи миль.* — Миля — 1,6 км.

Я отправился за реку в цирк Модерн на один из огромных народных митингов... — 17(30) сентября 1917 года в цирке Модерн происходил митинг протеста против смертной казни, угрожавшей американскому анархо-синдикалисту Александру Беркману, обвиненному в анти-

военной пропаганде. На митинге выступило несколько американцев и была принята резолюция, осуждающая правительство США, а также оглашено приветствие «всем тем, кто в «свободной» Америке борется за социальную справедливость». В числе инициаторов резолюции был Д. Рид, за которым американское посольство к этому времени уже установило слежку. Один из шпиков выкрал у Рида бумажник и рекомендательные письма от видных европейских и американских социалистов. Посол США в Петрограде Д. Фрэнсис сообщал в госдепартамент: «Из надежных источников стало известно, что Джон Рид, имеющий американский паспорт за номером... сердечно принят большевиками, с которыми, очевидно, заранее согласовал свой приезд... Полагаю, что сведения большевиков о Беркмане получены через Рида и Уильяма Шатова».

Стр. 287. *...из Европы приходили слухи о мире за счет России...*— Осенью 1917 года в кругах Антанты вынашивались различные планы сговора с Германией, при этом предполагалось «платить» уступками со стороны России.

Стр. 292. *Многие местные Советы уже стали большевистскими...*— В канун Октябрьского восстания Рид записывал в своем блокноте: «На фоне бурь и быстрой смены событий... звезда большевиков неуклонно поднимается. Совет рабочих и солдатских депутатов, который после разгрома Корнилова приобрел огромное значение, снова является подлинным правительством России, а влияние большевиков в Совете быстро растет».

Однажды в воскресенье мы отправились...— В блокнотах Рида имеется подробное описание митинга на Обуховском заводе, который состоялся 8(21) октября 1917 года; он продолжался более пяти часов, и все это время многотысячная толпа напряженно слушала ораторов. «Огромный голый недостроенный корпус,— записывал Рид в блокнотах,— сумрак и тени, в вышине горстки людей, забравшихся на столбы и стропила; море открытых, доброжелательных и сосредоточенных лиц; предзакатное солнце бросает красные лучи. Оглушительные аплодисменты. Ропот приближающейся бури». Из записей Рида можно заключить, что он и Альберт Рис Вильямс также выступали на митинге; кроме того, Рид завязал на нем знакомства, беседовал с людьми. «Человек, с которым я разговорился по-французски на Обуховском заводе,— пишет Рид в блокноте,— сказал, что они не намерены больше ждать, что скоро начнут действовать. И не только Красная гвардия, а весь народ, вся армия. Армия категорически требует немедленных действий: надо заставить державы заключить мир». Рид был также на Путиловском и Ижорском заводах; это общение с большевистски настроенной рабочей массой было чрезвычайно важно для автора «Десяти дней...». В то время большинство иностранных корреспондентов, находившихся в Петрограде, были крайне далеки от настроений народных масс, вращались, как

правило, в среде буржуазных политиков, черпали свои сведения из меньшевистских, антибольшевистских источников.

Стр. 294. *Сам Керенский дважды выступал со страстными речами...*— Во время заседаний Временного Совета Российской республики (предпарламента) большевики разоблачили маневры правых сил и покинули Мариинский дворец. На заседании 7(20) октября Рид сделал в блокноте ряд записей о Керенском, дополняющих его портрет «главковерха», данный в книге. Вот первая запись: «Керенский сидит в президиуме слева, лицо серое, глаза закрыты. Подходит адъютант, что-то шепчет на ухо. Вздрагивает, встает, выходит». И далее: «Керенский сидит, подперев лицо руками. Ему подают бумаги. Икает. Читает, не отрывая руки ото лба. Поворачивает лицо к оратору. Глаза закрыты». И наконец, запись о речи Керенского: «Доводит себя до исступления. Теряет силы. Рыдает. Выбегает вон». В статье «Керенский», входящей в цикл «Красная Россия», который Рид печатал в «Либерейторе» весной 1918 года, он показывал историческую обреченность Временного правительства, возглавленного жалким, склонным к истерическим решениям «главковерхом».

Стр. 299. *...и вопрос о восстании был решен...*— Ход обсуждения вопроса о вооруженном восстании на исторических заседаниях ЦК партии большевиков в октябре 1917 года изложен Ридом неправильно. Решение о вооруженном восстании было принято на закрытом заседании ЦК партии 23(10) октября 1917 года, на котором присутствовали Ленин, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Ломов, Свердлов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий. Против предложенной Лениным резолюции голосовали Зиновьев и Каменев. Через шесть дней, 29(16) октября, состоялось расширенное заседание ЦК партии, на котором присутствовали представители исполнительной комиссии Петроградского комитета партии, военной организации, Петроградского Совета, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников, Петроградского окружного комитета партии. На этом заседании Ленин огласил резолюцию, принятую предыдущим заседанием ЦК. В своем выступлении Ленин подчеркнул, что объективная политическая обстановка как в России, так и в Европе диктует необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием. Ленин предложил собранию резолюцию, приветствующую и поддерживающую решение ЦК о восстании. Резолюция была принята девятнадцатью голосами против двух при четырех воздержавшихся. Зиновьев и Каменев вновь голосовали против резолюции. Хотя Рид не имел доступа на закрытые заседания большевиков, он, как добросовестный летописец событий, предпринимал огромные усилия для их правильного освещения,— он, в частности, первым написал о штрейкбрехерстве Зиновьева и Каменева в Октябрьские дни. Так, в той же II главе, упоминая работу Ленина «Письмо к товарищам», он пишет: «В нем Ленин основательно дока-

зывает необходимость восстания, подробно разбирая все возражения Каменева и Рязанова». В главе XI Рид резко говорит об уходе Каменева и Зиновьева и группы народных комиссаров — Ногина, Рыкова, Милютина и других со своих постов в результате решения ЦК не создавать коалиционное «общесоциалистическое» правительство.

Утром 31(18) октября в «Рабочем пути» появился первый отрывок ленинского «Письма к товарищам»... — Дата у Рида указана неточно. «Письмо к товарищам» начало печататься в «Рабочем пути» 19 октября (ст. ст.) и продолжалось 20-го и 21-го. В блокнотах Рида имеется на одиннадцати страницах конспект этой ленинской работы. Не очень хорошо зная русский язык, Рид, видимо, при конспектировании прибег к помощи кого-либо из своих друзей-большевиков. Он строит свой конспект в соответствии с композицией ленинской работы — в форме диалога, излагая аргументы Каменева и Рязанова и противополагая им точку зрения Ленина. Варианты конспекта свидетельствуют о большой работе Рида, стремившегося максимально точно передать ленинскую мысль.

Стр. 302. *В Харькове...* — Видимо, Рид имеет в виду Донецкий каменноугольный бассейн.

«Индустриальные рабочие мира» — революционная организация американского пролетариата, сыгравшая важную роль в истории профсоюзного движения в США. Была основана в 1905 году, противостояла реформистским профсоюзам — Американской федерации труда, объединяла в основном неквалифицированных рабочих. ИРМ стояла на позициях классовой борьбы, несмотря на ошибки анархо-синдикалистского толка. Члены ИРМ (или «уоббли», как их называли) организовывали забастовки, в годы войны вели антимилитаристскую пропаганду, за что подвергались жестоким преследованиям. В 1918 году более двух тысяч «уоббли» были брошены в тюрьмы; после образования Коммунистической партии США часть членов ИРМ влилась в ее ряды. В 30-е годы, утратив связь с массами, прекратила свое существование. В пору расцвета ИРМ Рид был связан с ее деятельностью; в своем очерке «Война в Патерсоне» (1913) он описал забастовку, организованную ИРМ. В июле 1918 года вместе с прогрессивным художником Артом Янгом Рид присутствовал в Чикаго на процессе против ИРМ, о котором он рассказал в очерке «Социальная революция перед судом» («Либерейтор», сентябрь 1918 г.). Рид был близок с руководителем ИРМ Биллом Хейвудом, видным ирмовцем Биллом Шатовым, упомянутым в «Десяти днях...».

Стр. 305. *...с другой стороны, громовый голос Ленина: «Восстание!.. Больше ждать нельзя!»* — Рид внимательно прислушивался к голосу вождя, доносившемуся из подполья, указания которого воплощались в конкретной политике большевиков. Еще до выхода «Десяти дней...» Рид писал в одной из статей в еженедельнике «Революшнери эйдж» (январь 1919 г.), вспоминая предоктябрьское время: «День за днем из

своего тайного укрытия Ленин поднимал голос, подобный звону металла: «Восстание! Восстание!»

Стр. 307. *Карахан, член большевистского ЦК.*— Ошибка, Карахан не был членом ЦК.

Стр. 311. *30 (17) октября собрание...*— Это собрание состоялось 31(18) октября.

Стр. 316. *Внизу... сидел Сератов.*— Здесь у Рида описка, речь идет о В. С. Шатове.

Стр. 320. *В этот момент Керенскому передали какой-то листок.*— Листок был передан Керенскому А. И. Коноваловым.

Стр. 322. *...что значили в Париже 1792 года слова «Марсельцы идут!»* — Речь идет о марсельских волонтерах, которые в период Французской революции 1789—1794 годов стяжали себе славу смелостью и преданностью делу народа.

Стр. 328. *Передовая статья была подписана Зиновьевым...*— Здесь у Рида неточность. Упомянутая статья была опубликована в «Рабочем пути» 7 ноября (25 октября) 1917 года без подписи. Автор ее не установлен.

Стр. 340. *Слово берет Гарра...*— По отчету «Правды», это слова Я. А. Харраша.

Выступает Хинчук...— Последующая речь приписывается Ридом Хинчуку, но, по всем газетным отчетам, это продолжение речи Кучина.

Стр. 341. *Искосол* — Исполнительный комитет солдатских депутатов; революционная организация, возникшая в армии накануне Октября; Джон Рид имел возможность познакомиться с его работой во время поездки в XII армию в сентябре 1917 года. В ту пору Искосол еще находился под влиянием эсеров и меньшевиков-оборонцев, но уже довольно быстро шел процесс большевизации солдатской массы. Особенно сильны были большевики в латышских частях, героически сражавшихся под Ригой в чрезвычайно трудных условиях. Там была создана своя организация Исколастрел (Исполнительный комитет латышских стрелковых полков); одним из его руководителей был большевик, военный врач, делегат VI съезда РСДРП С. М. Нахимсон.

Стр. 342. *«События, происходящие в настоящий момент...»* — Здесь, видимо, Рид соединяет две речи — Абрамовича и Эрлиха.

Стр. 344. *...нелепый памятник работы Трубецкого...*— Имеется в виду памятник Александру III.

Стр. 345. *«Russian Daily News»* — «Русские ежедневные новости», газета, выходившая в 1917 году в Петрограде на английском языке.

Стр. 347. *Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров...*— Вместе с Джоном Ридом первыми в Зимний дворец вошли Альберт Рис Вильямс, Луиза Брайант, Бесси Битти, корреспондентка сан-францисского «Бюллетеня» (в 1919 г. она выпустила проникнутую симпатией

к русскому народу книгу «Красное сердце России»), и Александр Гомберг, переводчик при полковнике Реймонде Робинсе, главе американской миссии Красного Креста в России, впоследствии прозванном в США «миллионером, который любил Ленина».

Стр. 354. *Делегаты от крестьянских Советов.*— Эта подпись была внесена после соответствующего заявления представителя от крестьян.

Стр. 356. *Во все министерства назначили временных комиссаров...*— Приведенные в книге сведения о назначении комиссаров в министерства неточны. Так, в министерство иностранных дел был назначен один Урицкий, а руководство морским министерством взял на себя избранный представителями всех флотов на Всероссийском съезде Советов Военно-Морской революционный комитет.

Стр. 357. *...и крестьянами всей России!»* — Под этим воззванием стояла подпись: «Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.».

Стр. 362. *...рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца.*— Весь этот эпизод Рид впервые приводит в своей статье «Послание нашим читателям от Джона Рида, только что вернувшегося из Петрограда», опубликованной в «Либерейторе» в июне 1918 года.

Стр. 366. *Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая...*— Данный писателем проникновенный образ Ленина отражает первое непосредственное знакомство Рида с вождем, о котором он много слышал от большевиков, статьи которого он читал; здесь мы находим мастерское соединение портрета с политической характеристикой. Рид не был на первом заседании Петроградского Совета днем 7 ноября, когда впервые после выхода из подполья Ленин выступил. Зато, оказавшись на заседании II Всероссийского съезда Советов в ночь с 8 на 9 ноября, Рид заносит в свои блокноты все детали того исторического события. Начало заседания отмечено следующей записью: «8.40. Появление президиума. Ленин. Лысая голова, короткий мясистый нос, сильный подбородок». Альберт Рис Вильямс, находившийся рядом с Д. Ридом в ложе прессы, так вспоминает об этом моменте: «Я впервые увидел Ленина в огромном зале Смольного, переполненном толпами солдат, рабочих, матросов. Это было в ту ночь, когда загрохотали пушки «Авроры». Зал клокотал, гудел... Но тут председатель произнес: «Слово предоставляется товарищу Ленину...» На мгновение все стихло, а потом разразились такие аплодисменты и приветствия, что, казалось, задрожали сами массивные колонны... Наконец мы увидели Ленина и были поражены. Мы представляли, что перед нами появится мужчина огромного роста, сама внешность которого сразу же приковывает внимание, а на сцене стоял невысокий, коренастый лысый человек с рыжеватой бородкой. Зал, казалось, был готов развалиться от грома приветствий, а он стоял, слегка улыбался, делал нетерпеливые жесты, показывал на часы — дескать, время идет, не надо терять его попусту...»

Стр. 367. *«Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»* — Очевидно, здесь неточность Рида, который вписал известные слова Ленина: «В России мы должны сейчас заняться строительством пролетарского социалистического государства» — из «Доклада о задачах власти Советов», сделанного им за день до этого, 7 ноября 1917 года, на дневном заседании Петроградского Совета (см. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 3). Этого доклада Рид не слышал, он мог быть ему известен из чьего-либо пересказа, но, видимо, сила пророческих слов Ленина произвела на него очень сильное впечатление. В его блокноте имеются две записи: «7 ноября Ленин сказал: «Теперь соц[иалистическое] государство» и «Ленин 7 ноября на съезде Советов, когда на улицах [еще] шел бой»: «Мы приступаем теперь к созданию социалистического государства». Во второй записи содержится ошибочное указание на то, что эти слова были произнесены на II Всероссийском съезде Советов. В статье «Идея, время которой пришло» (1959) Альберт Рис Вильямс еще раз подтверждает силу воздействия этих слов на Рида, хотя и допускает ту же ошибку, относя слова Ленина ко II съезду. Вильямс говорит об этой фразе Ленина как о самой замечательной фразе нашего столетия, в которой был выражен смысл и значение происшедшей в России революции. «Сидевший со мной Джон Рид,— писал Вильямс,— всегда чутко улавливавший самое основное, решающее, быстро занес слова Ленина в блокнот, жирно подчеркнув их. Он сразу понял, что взрывная сила этих слов способна потрясти мир, и мы можем добавить, продолжает потрясать его по сей день».

Первым нашим делом... — В записной книжке Рида имеется краткий, сделанный на съезде конспект ленинского доклада о мире: «Ленин. Практические шаги для осуществления мира. Великий месяц. Решения, к которым пришли. Предложить мир в советской формулировке. Отказаться от тайных договоров...»

Ленин говорил... — Видимо, первоосновой для портретной зарисовки Ильича в этом абзаце послужила следующая запись Рида: «Маленькие прищуренные глаза, хриплый голос. Лица, поднятые вверх с обожанием». Вообще, образ Ленина, человека и политического вождя, неизменно притягивал к себе внимание Рида-художника. Позднее, во время третьего приезда в нашу страну в 1919/20 году, он не раз встречался с Ильичем, что приводило к обогащению ридовской Ленинианы. В блокноте Рида имеется запись, относящаяся к выступлению Ленина на одном из заседаний в Москве зимой 1919/20 года. «ЛЕНИН. Веселый. Облокачивался на трибуну. Закладывал ногу за ногу. Руки в карманах. Несколько раз посмеивался во время речи. Шутил. Жестикулировал более обычного». Эта запись сопровождается рисунком Рида, изображающим руки Ленина, его жесты, и пояснением: «Одна рука в кармане, другая сжата в кулак». Писательница и старая большевичка Е. Я. Драб-

кина, лично знавшая Рида, приводит ему записи о Ленине, сделанные на II Конгрессе Коминтерна летом 1920 года: «Очень разный и в то же время всегда именно он»; «быстрые движения, но не суетливы; быстрота создается экономной точностью жеста»; «весь обращен ко «всем, всем, всем!»; «удивительные глаза: проницательные, добродушно-лукавые, прежде всего умные, на солнце кажутся золотыми»; «интеллектуальная многогранность и полнота»; «всегда в массе и с массами»; «не говорит, а действует... Нет, не так! Правильнее так: когда он говорит, он действует!» И, как бы подытоживая эти впечатления, Рид записывает в альбоме делегатов II Конгресса Коминтерна следующую афористическую формулу — в духе ленинского портрета из «Десяти дней...»: «Ленин — такой простой, такой гуманный и в то же время такой проницательный и непоколебимый. Ленин — локомотив истории».

Стр. 371. *Какой-то делегат заявил...*— Речь идет о выступлении делегата II съезда Еремеева, который требовал, чтобы призыв к миру носил ультимативный характер. В блокноте Рида имеется следующая запись, относящаяся к выступлению делегата и ответу Ленина: «Сказал: предлагают мир в советской формулировке, но (готовы) рассмотреть любые предложения. Ленин возражает: рассмотреть—не значит принять».

Стр. 376. *...против той статьи наказа...*— Имеется в виду наказ, принятый съездом одновременно с декретом о земле.

Стр. 379. *...вела за собой революционное крестьянство.*— За левыми эсерами шла только часть революционно настроенных крестьян.

Стр. 386. *...однородным социалистическим правительством...*— Имеется в виду эсеро-меньшевистское правительство Керенского.

«De l'audace, encore de l'audace, et toujours de l'audace!» — «Смелость, смелость и всегда смелость», знаменитые слова французского революционера Дантона, произнесенные в речи в Законодательном собрании 2 сентября 1792 года. В ней он говорил о военной опасности, нависшей над революцией в результате интервенции Пруссии и Австрии. Эти слова приводятся в брошюре В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?», которую Рид, как об этом говорится в III главе, «купил на углу Невского». Возможно, что он с ней ознакомился, но, может быть, этот лозунг, столь актуально прозвучавший в новой обстановке и подхваченный соратниками Ленина, был услышан Ридом от его друзей-большевиков.

Пятая авеню — улица в одном из наиболее богатых кварталов Нью-Йорка.

Стр. 390. [*Ваше правительство еще существует...*] — Слова, заключенные в скобках, в газетах отсутствуют.

Стр. 399. *...играли «Боже, царя храни»...*— Куранты Петропавловского собора играли «Коль славен...».

Стр. 408. *Из Красного Села. 28 октября...*— 10 ноября по новому стилю.

Стр. 419. *Когда Луиза Брайант шла вдоль Исаакиевской площади...*— Детали этого эпизода даны в книге Л. Брайант «Шесть месяцев в красной России».

Стр. 435. *На минуту появился Ленин.*— Книга Рида — единственный источник, содержащий сведения о речи Ленина на заседании Петроградского Совета 30 октября (12 ноября) 1917 года. В Собрании сочинений эта речь Ленина числится в «Списке работ В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных» с указанием на «Десять дней...» Рида.

Стр. 437. *...победители при Вальми и Вейсембурге.*— В сражении при Вальми 20 сентября 1792 года французская революционная армия, использовав новую тактику, нанесла сокрушительное поражение пруссакам, наступавшим на Париж. В сражении при Вейсембурге в 1794 году французы взяли верх над австрийцами и отбросили их за пределы Франции.

Стр. 438. *...за которым, однако, было необходимо зорко следить.*— Муравьев был человеком без твердых политических убеждений. Сначала он поддерживал лозунг «Война до победного конца», затем, после корниловского мятежа, примкнул к левым эсерам. Впоследствии изменил Советской власти.

Стр. 439. *Комитет общественной безопасности* — был главным центром контрреволюции в Москве.

Стр. 442. *Таково было настроение большевистских вождей.*— 29 октября (11 ноября) Викжелем, который после Октября занимал антисоветскую позицию, была принята резолюция, требующая создания правительства из представителей всех «социалистических» партий, то есть с участием эсеров и меньшевиков. Согласно директиве Ленина и ЦК партии переговоры с Викжелем должны были служить «дипломатическим прикрытием военных действий». Однако, вопреки ленинской линии, Каменев и Сокольников согласились с требованием Викжеля. 2(15) ноября ЦК партии, по предложению Ленина, была принята резолюция, отклоняющая соглашение с меньшевиками и эсерами, на включении которых в правительство настаивал Викжель. В резолюции говорилось, что «без измены лозунгу Советской власти нельзя отказываться» от большевистского правительства, поскольку Всероссийский съезд Советов вручил власть этому правительству. Приведенное высказывание Каменева не отражало точку зрения большевистского руководства, а лишь мнение кучки капитулянтов, не веривших в победу социалистической революции.

Стр. 443. *Конференция посылала...*— Речь идет о так называемой «конференции примирения».

Стр. 444. *«Таммани».*— Так называется штаб демократической партии в Нью-Йорке. Слово это приобрело нарицательный смысл как сино-

ним продажности, взяточничества и злоупотреблений, в которых часто бывали замешаны местные партийные боссы.

Стр. 472. *16 (3) числа...*— Имеется в виду ноябрь 1917 года.

Стр. 477. *Точка зрения Ленина собрала...*— У Рида неточность: резолюция Ларина была отклонена 25 голосами против 24.

Стр. 478. *...распространенным по всей России.*— Имеется в виду обращение «От Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России». Обращение было написано Лениным 18—19 (5—6) ноября и напечатано в «Правде» 20 (7) ноября 1917 года.

Стр. 491. *Крестьянский съезд.*— Чрезвычайный всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов происходил в ноябре 1917 года; на нем большинство было за левыми эсерами, имевшими сильное влияние в отсталых по преимуществу крестьянских массах. На съезде трижды выступал Ленин, показавший — в противовес утверждениям эсеров, пытавшихся противопоставить деревню городу,— что большевики отнюдь не ущемляют крестьянских интересов, что, являясь партией рабочего класса, они выражают интересы всего трудового народа России. Именно это подтвердил обнародованный сразу же после победы Октября закон о земле. На Крестьянском съезде было принято решение о введении в первое Советское правительство представителей левых эсеров: они находились там до июля 1918 года, когда партия левых эсеров переродилась в открыто контрреволюционную силу. На съезде восторжествовала ленинская линия, направленная на союз пролетариата с трудовым крестьянством.

Стр. 494. *Ленин стоял совершенно спокойно...*— Приведенная далее Ридом речь Ленина отсутствует в Полном собрании сочинений, а также не упоминается в списке неразысканных работ. Отчета о заседаниях Крестьянского съезда не существует, неизвестны записи Рида, сделанные на нем.

Стр. 498. *После Качинского выступил Ленин...*— Эта речь Ленина, о которой Рид говорит как о втором его выступлении на съезде, приводится в Полном собрании сочинений (т. 35, стр. 94).

Стр. 507. Приложения Джона Рида являются составной частью его книги, дополняя и уточняя отдельные факты, приведенные писателем. Документы и материалы, опубликованные Ридом в английском переводе, даны по русским подлинникам.

Стр. 512. *Чернова, Церетели...*— У Д. Рида далее следует: «Скобелева, Авксентьева, Савинкова, Зарудного и Никитина...»

Стр. 513. *...проведении в жизнь армии следующих начал...*— Все последующие пункты даны у Рида в сокращенном виде и неточной записи. Кроме того, вся резолюция приписывается Совещанию торгово-промышленных деятелей.

Стр. 517. *Декларация фракции большевиков...*— У Д. Рида эта декларация озаглавлена: «Речь Троцкого на Совете республики». Декларация была оглашена Л. Д. Троцким 7(20) октября 1917 года.

Стр. 519. *...с этим Советом контрреволюционного попустительства...*— Слова, набранные курсивом, отсутствуют у Рида.

Стр. 520. *Новый договор должен быть гласным в вопросе о целях войны.*— Слова, набранные курсивом, отсутствуют у Рида.

Стр. 522. *Правительственное сообщение* — приведенное у Рида с купюрами и отступлениями от текста, дается полностью.

Стр. 542. *...в свою пользу.*— У Рида пункт 19 не приводится.

Стр. 546. *...занял телеграф.*— Телеграф был занят вечером 24 октября.

...телефонная станция.— Телефонная станция была занята в семь часов утра.

Стр. 548. *...Керенский выехал на фронт...*— Керенский выехал из Петрограда на фронт «встречать» вызванные им войска в одиннадцать часов тридцать минут утра.

Стр. 573. *...я подал в отставку.*— А. В. Луначарский остался на своем посту народного комиссара.

Стр. 574. *Подпись квартиронанимателя.*— Печатается по фотографии, приводимой Д. Ридом. Рид, приводя этот документ, указывает, что по приказу Московского Военно-революционного комитета отбираемые у буржуазии запасы должны были служить фондом для распределения среди беднейших рабочих и солдат.

«АМЕРИКА 1918»

В начале февраля 1918 года Рид покинул Петроград и выехал на родину. Однако в норвежском порту Христиания американский консул, оповещенный госдепартаментом о контактах Рида с большевиками, задержал выдачу ему визы на целых два месяца. Во время вынужденной остановки Рид, впервые за последние полгода выключенный из бурного темпа петроградской жизни, получил возможность привести в порядок материалы, собранные им в России, и сделал первые записи к «Десяти дням...». В это время его снова захватил давний замысел — рассказать «о времени и о себе», создать автобиографическую, «исповедальную» по духу вещь. Еще весной 1917 года он начал писать прозаическую автобиографию, названную «Почти тридцать», но оставшуюся незавершенной. Во время остановки в Христиании он снова мысленно воскресил пору своей юности, и, что было столь для него естественно, воспоминания вылились у него в поэтическую форму. Со стихов он начал свою литературную карьеру и, хотя в последние годы отдавал свои силы очерку и публицистике, не уставал мечтать о поэзии, считая себя поэтом и по призванию, и по складу характера. Поэма «Америка 1918»,

оставшаяся недописанной, оборванная на полуслове, с ее свободным стихом, широким, построенным как бы по принципу ораторских периодов, говорит о плодотворном усвоении Ридом традиции Уолта Уитмена, который был в ту пору чрезвычайно популярен в американских радикальных кругах. Любопытно, что весной 1920 года во время ареста в Финляндии и пребывания в одиночной камере в Або, Рид еще раз начал писать автобиографическое произведение — на этот раз в жанре романа,— но успел сделать лишь первые наброски. Поэма «Америка 1918» при жизни Рида не была напечатана и впервые увидела свет в прогрессивном журнале «Нью мэссиз» в номере от 15 октября 1935 года.

Стр. 604. *Чинук* — одно из просторечных названий штата Вашингтон, пограничного со штатом Орегон, родиной Д. Рида.

Астория — небольшой городок на реке Колумбия в штате Орегон.

Бернс — городок в штате Орегон, названный в честь великого шотландского поэта.

Покателло — город в штате Айдахо, где в начале века сохранились резервации индейцев.

Сиу — одно из индейских племен.

Стр. 605. *...городах Востока.*— Под Востоком подразумевают обычно северо-восток США, так называемую Новую Англию, которая является колыбелью американской культуры, более близкой к традиционным европейским образцам по сравнению с культурой Запада, то есть областей, освоенных значительно позднее. Типичными городами Востока считаются Бостон, Филадельфия, Хартфорд.

...ураган высокой музыки...— Ко времени учебы в Гарварде относится зарождение музыкальных интересов Рида, который в университете стал дирижером огромного двухтысячного хора, писал тексты песен и подтекстовку к сочинениям друзей-композиторов, состоял членом музыкального «Клуба рисового пудинга». В Гарварде же Рид создал сонет «Чайковский», исполненный восторженного преклонения перед гением русского композитора. В 1910 году вышла книжка стихов Рида «Дебют Дианы», положенных на музыку Уолтером Лэнгшоу. В дальнейшем идейное развитие Рида направляет его интересы в область народной и революционной песни. Тексты песен вводятся им в повествовательную ткань таких его очерков, как «Война в Патерсоне», «Дочь революции» и «Социальная революция перед судом», мексиканские народные песни и баллады встречаются в «Восставшей Мексике», русские революционные песни — в «Десяти днях, которые потрясли мир».

Когда Гарвард забил Йелю...— Речь идет о популярных соревнованиях между соперничающими в спорте Йельским и Гарвардским университетами; в бытность свою студентом Гарварда Рид играл в футбольной команде.

Стр. 605. *По надменному Нью-Йорку...*— Нью-Йорк, где Рид обосновался с 1910 года после окончания Гарварда и путешествия по Европе, сыграл важнейшую роль в его становлении как писателя и человека. Все последующие строки поэмы — это как бы развернутая, обогащенная новыми подробностями поэтическая параллель к автобиографии Рида «Почти тридцать», в которой говорится: «Я любил шагать по улицам от горящих в вышине башен деловой части города, вдоль доков Ист-Ривер, вдыхая здесь запах пряностей и любуясь парусными судами, напоминавшими о далеком прошлом, через кипящий людьми Ист-Сайд, в границах которого разместилось множество чужеземных городков... С глубочайшим волнением наблюдал я отлив и прилив людского потока, стремящегося на работу и с работы, на запад и восток, юг и север...» И далее: «В Нью-Йорке я впервые полюбил, впервые написал о том, что видел, испытал буйную радость творчества,— и узнал, наконец, что могу писать. Там я получил первое представление о современной мне жизни. Город и его жители были для меня открытой книгой; все имело свою историю, драматическую, полную трагической иронии и страшного комизма. Там я впервые понял, что действительность может превзойти все самые пылкие поэтические фантазии романистов средневековья».

Маттергорн — одна из альпийских вершин; здесь речь идет о нью-йоркских небоскребах.

Манхэттен — один из главных районов Нью-Йорка, в нем расположен порт, сосредоточены музеи, театры, крупнейшие небоскребы. В 1913 году в журнале «Америкэн магэзин» Рид опубликовал стихотворение «Гимн Манхэттену».

Стр. 606. *Гринвич Вилледж* — один из кварталов Нью-Йорка, населенный по преимуществу художниками, актерами, писателями; был одним из центров интеллектуального брожения в канун первой мировой войны. В это время Рид поселился в Гринвич Вилледже, был близок с его обитателями, среди которых находились драматург Юджин О'Нил, радикальный критик Рэндольф Буорн, поэт Карл Сэндберг. Там в обстановке бурных споров, в атмосфере бунтарства, правда, не всегда серьезного, против духовного застоя и подчинения искусства доллару, формировался радикализм Рида, на первых порах еще незрелый, но с годами становившийся все более опасным для буржуазной Америки.

Стр. 609. *Вулворт.*— Речь идет о самом высоком в ту пору здании в мире (ок. 240 м.), построенном в 1913 году на средства крупнейшего американского миллионера Френка Вулворта.

...проповедующие с ящиков из-под мыла...— В США в 10-е годы уличные ораторы обычно использовали ящики из-под мыла в качестве импровизированной трибуны.

Б. Гиленсон

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

партию большевиков. В Октябрьские дни 1917 г.— член Петроградского Военно-революционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совнаркома в качестве члена Комитета по военным и морским делам. В последующие годы был на советской, военной и дипломатической работе — 313, 316, 320, 377, 409—411, 418, 421.

Багратуни А. К. (род. в 1879)— генерал, начальник штаба Петроградского военного округа — 548.

Бардижи Л. К.— комиссар Временного правительства, входил в Кубанское краевое правительство в 1917 г., вел борьбу с большевиками, опираясь на контрреволюционные казачьи части, в частности, на «Дикую дивизию» — 289, 596.

Беркман Александр (1870—1936) — американский анархист, с 1892 по 1906 г. находился в заключении за покушение на стального магната Генри Фрика, в 1917 г. вторично осужден за антивоенную деятельность. В 1919 г. был выслан из США — 449, *630*, *631*.

Богданов Б. О. (род. в 1884) — меньшевик-ликвидатор, после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.— член Исполкома Петроградского Совета, один из лидеров меньшевистского ЦИК первого созыва — 283, 338.

Бонар Лоу Эндрю (1858—1923)— английский государственный деятель, глава консерваторов, в 1917 г.— министр финансов в коалиционном правительстве Ллойд-Джорджа — 285.

Бонч-Бруевич В. Д. (1873—1955) — советский государственный деятель. В революционном движении участвовал с конца 80-х годов. После Февральской буржуазно-демократической революции — член редакции «Известий Петроградского Совета» (до мая 1917 г.), позднее редактировал большевистскую газету «Рабочий и солдат». Активно участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. После Октябрьской социалистической революции — управляющий делами Совнаркома (до октября 1920 г.), затем главный редактор издательства «Жизнь и знание». В дальнейшем — на литературной и научной работе — 406, 581.

Брайант Луиза (1890—1936) — американская журналистка, жена Джона Рида; вместе с ним прибыла в Петроград в августе 1917 г. и пробыла там до конца января 1918 г. Ее впечатления нашли отражение в книге «Шесть месяцев в Красной России» (1918), написанной с сочувствием к нашей революции. В это время Луиза Брайант была близка взглядам Джона Рида, она мужественно держалась во время допроса в «антибольшевистской» сенатской комиссии Овермена. В 1920—1921 гг. Брайант вторично приезжала в Россию, встречалась с В. И. Лениным и руководителями Советского государства и партии, совершила поездку в Среднюю Азию. В ее книге «Зеркала Москвы» (1923) содержатся воспоминания о В. И. Ленине, М. И. Калинине, Г. В. Чичерине, Ф. Э. Дзержинском и других деятелях революции — *23*, 419, 550, *624*, *625*, *629*, *634*.

Брешко-Брешковская Е. К. (1844—1934) — один из организаторов и руководителей партии эсеров, много лет провела в тюрьмах и ссылках; ее называли «бабушкой русской революции». После Октябрьской социалистической революции боролась против Советской власти, в 1919 г. эмигрировала в США, затем жила во Франции, продолжала враждебную антисоветскую деятельность — 263.

Бройдо М. И. (род. в 1877) — меньшевик-оборонец, член меньшевистской фракции Петроградского Совета. После Октябрьской социалистической революции белоэмигрант — 338.

Бронский М. Г. (1882—1941) — польский социал-демократ, затем

Дыбенко П. Е. (1889—1938) — советский государственный и военный деятель, большевик с 1912 г. После Февральской буржуазно-демократической революции был председателем Центрального комитета Балтийского Флота (Центробалта), принимал активное участие в подготовке и проведении вооруженного восстания в октябре 1917 г. в Петрограде. Видный участник гражданской войны, в дальнейшем — на командных военных должностях — 316, 377, 408, 410, 411, 447, 454—456, 505.

Дэвис Р.-Х. (1864—1916)—популярный американский журналист, приобрел известность своими военными корреспонденциями об испано-американской, русско-японской, первой мировой войнах — 95.

Залкинд И. А.— активный участник Октябрьского восстания, старый большевик, работник Василеостровского райкома партии; близкий знакомый Рида. Свободно владея английским языком, оказывал большую помощь американскому журналисту — 313, 400, 401, 447.

Занкевич — генерал царской армии — 523—525.

Зарудный А. С. (1863—1934) — адвокат, член партии «народных социалистов», министр юстиции во Временном правительстве (июль — август 1917 г.). После Октябрьской социалистической революции отошел от политической деятельности — 272, *639*.

Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883—1936)—член РСДРП с 1901 г. В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции вместе с Каменевым выступил против вооруженного восстания. После Октябрьской социалистической революции — председатель Петроградского Совета, был членом Политбюро ЦК, председателем Исполкома Коминтерна. Неоднократно выступал против ленинской политики партии. В 20-е годы вместе с Троцким возглавлял оппозицию курсу на построение социализма в СССР. Был исключен из партии в 1927 г., добился восстановления, но продолжал свою фракционную деятельность и в 1934 г. был снова исключен — 273, 299, 328, 337, 477—479, 494, 496, 501, 504, 569, *616*, *632—634*.

Зорин С. С.— участник Октябрьского восстания, большевик, работал на Сестрорецком заводе — 326.

Иозефов-Духвинский— сотрудник Военно-революционного комитета — 343.

Каледин А. М. (1861—1918) — генерал царской армии, донской казачий атаман, участник корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции — один из руководителей казачьей контрреволюции на Дону; в связи с поражениями застрелился — 288—290, 312, 354, 362, 367, 383, 389, 395, 406, 481, 486, 487, 585, 596, 597.

Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г. В октябре 1917 г. опубликовал в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» от своего имени и от имени Зиновьева заявление о несогласии с решением ЦК большевиков о проведении вооруженного восстания. Эта позиция получила решительное осуждение В. И. Ленина. После Октябрьской социалистической революции — председатель Моссовета, заместитель председателя СНК, был членом Политбюро ЦК. Неоднократно выступал против ленинской политики партии. В 1927 г. исключен из партии, добился восстановления, но продолжал свою фракционную деятельность и в 1934 г. был снова исключен — 273, 298, 299, 323, 335, 336, 339, 343, 352, 353, 365, 366, 372, 376, 377, 381, 382, 426, 428, 435, 441, 472, 473, 477—479, *616*, *632*, *633*, *638*.

Камков (Кац) Б. Д. (1885—1938) — один из лидеров партии левых эсеров и организаторов лево-

по профессии — врач. Министр государственного призрения в последнем составе Временного правительства. Накануне Октябрьской социалистической революции был назначен «диктатором» Петрограда. В 1919 г.— один из активных участников контрреволюционной белогвардейской организации в Москве («Тактического центра»). Последние годы жизни работал в Наркомздраве — 313, 348, 356, 547, 548, 556, 559.

Кобозев П. А.— большевик, в 1917 г.— член Петроградской городской управы, затем активный участник гражданской войны, чрезвычайный комиссар Советского правительства по борьбе с дутовщиной — 429.

Колегаев А. Л. (1887—1937) — член партии эсеров с 1906 г. После Февральской буржуазно-демократической революции примкнул к левому крылу эсеров; с декабря 1917 по март 1918 г. был наркомом земледелия. После левоэсеровского мятежа порвал с партией эсеров и в ноябре 1918 г. вступил в партию большевиков. С 1921 г.— на хозяйственной работе — 264.

Коллонтай А. М. (1872—1952) — в социал-демократическом движении с 90-х годов. Член партии большевиков с 1915 г. На VI съезде РСДРП была избрана членом ЦК партии, после Октябрьской социалистической революции — нарком государственного призрения; с 1923 г.— на дипломатической работе. Рид познакомился с Коллонтай в ложе прессы Александринского театра в дни работы Демократического совещания в сентябре 1917 г. Видимо, вместе с Коллонтай Рид совершил поездку на большевистский митинг на Петроградском патронном заводе в канун Октября. Часто встречалась с Коллонтай и жена Рида — Луиза Брайант, посвятившая ей немало интересных страниц в своей книге «Шесть месяцев в Красной России» (1918) — 273, 339, 356, 372, 374, 469, *632*.

Коновалов А. И. (род. в 1875) — лидер партии прогрессистов, министр торговли и промышленности, затем заместитель Керенского, после Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант — 261, 303, 349, 356, 519, 547, *634*.

Корбир — матрос-большевик — 357.

Корнилов Л. Г. (1870—1918) — генерал царской армии. С июля 1917 г.— верховный главнокомандующий, в августе возглавил контрреволюционный мятеж. После его подавления был арестован, бежал из тюрьмы на Дон, стал одним из организаторов, затем командующим «добровольческой армией» — 268, 272, 276, 282, 283, 288—290, 304, 310, 356, 362, 395, 422, 424, 438, 514, 552, 556, 596, 597, *630*, *631*.

Крамаров —представитель группы социал-демократов-интернационалистов, группировавшихся вокруг газеты «Новая жизнь» — 263.

Краснов П. Н. (1869—1947) — генерал царской армии, участник корниловского мятежа в августе 1917 г. В конце октября 1917 г. командовал казачьими отрядами, двинутыми Керенским на Петроград. В 1918 г. стоял во главе белоказачьей армии на Дону, в 1919 г.— эмигрировал. В 1941—1945 гг. сотрудничал с гитлеровцами, был взят в плен советскими войсками, судим и приговорен к смертной казни — 390, 454, 570.

Кропоткин П. А. (1842—1921) вождь и теоретик русского анархизма — 366.

Крупская Н. К. (1869—1939) — *29*, 253, *624*, *625*.

Крушинский М. Ф.— левый эсер, представитель Викжеля — 505.

Крыленко Н. В. (1885—1938) — член большевистской партии с 1904 г., видный советский государственный деятель. Активный участник Октябрьской социалистической революции, на II Всероссийском съезде Советов вошел в Совнарком в качестве члена Комитета по военным и морским делам, позднее

комитета. После Октябрьской социалистической революции — член Комитета по военным и морским делам, командующий Петроградским военным округом. Последние годы жизни вел пропагандистскую и литературную работу — 316, 320, 409, 417, 578, 580.

Позерн Б. П. (1882—1940) — большевик с 1902 г., делегат VI съезда РСДРП, после Октябрьской социалистической революции — на военной и партийной работе — 357.

Полковников Г. П. (1883—1918)— полковник. Накануне Октябрьской социалистической революции командовал войсками Петроградского военного округа, после победы революции в Петрограде — командующий войсками Комитета спасения родины и революции — 305, 313, 317, 417, 425, 429, 433, 546, 547.

Половцев П. А. (род. в 1874) — генерал, командующий войсками Петроградского военного округа летом 1917 года. В июльские дни руководил расстрелом мирной демонстрации в Петрограде. После Октябрьской социалистической революции белоэмигрант — 272.

Потресов А. Н. (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. редактировал газету «День», занимавшую резко антибольшевистскую позицию. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал, выступал с нападками на Советскую Россию — 297.

Прокопович С. Н. (1871—1955) — буржуазный экономист, в 1917 г.— министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции вел борьбу против Советской власти, за антисоветскую деятельность выслан из СССР — 345, 346, 351.

Прошьян П. П. (1883—1918) — член партии эсеров, после образования партии левых эсеров — член ее ЦК. Член ВЦИК 2-го созыва, в декабре 1917 г. вошел в Совнарком в качестве наркома почт и телеграфов. В марте 1918 г. в связи с подписанием Брестского мира вышел из состава Совнаркома. Принял участие в левоэсеровском мятеже 1918 г. в Москве, затем отошел от политической деятельности — 505.

Пуришкевич В. М. (1870—1920) крупный помещик, монархист, один из организаторов черносотенного «Союза русского народа». После Октябрьской социалистической революции вел борьбу против Советской власти — 290, 481, 585, 586.

Ракитников Н. И. (род. в 1864)— народник, затем эсер, журналист. В 1917 г. был товарищем министра земледелия во Временном правительстве, после Октябрьской социалистической революции боролся против большевиков, но в 1919 г. вышел из ЦК партии эсеров и признал Советскую власть. В дальнейшем отошел от политической деятельности — 569.

Рапп — уполномоченный военного министра Временного правительства во Франции в 1917 г.— 523—525.

Распутин (Новых) Г. Е. (1872—1916) — крестьянин Тобольской деревни, пользовался неограниченным доверием царской семьи, оказывал влияние на решение важнейших государственных дел. В «распутинщине» нашли наиболее яркое выражение мракобесие, изуверство, моральный распад, характерные для правящей верхушки царской России. В 1916 г. был убит группой монархистов — 571.

Рейнштейн Б. И. (1866—1947)— в революционном движении принимал участие с 1884 г. В 1901 г. эмигрировал в США, был представителем американской социалистической партии во II Интернационале. В 1917 г. вернулся в Россию, примкнул к меньшевикам-интернационалистам. Когда после Октябрьской социалистической революции при Федерации иностранных групп РКП было создано Бюро революционной пропаганды, подчиненное

наркомату иностранных дел, Рейнштейн начал работать в нем и привлек к его деятельности Рида и Альберта Риса Вильямса. Бюро занималось в основном работой среди военнопленных и распространением пропагандистской литературы — газет, листовок, плакатов в немецко-австрийских окопах. В январе 1918 г. Рейнштейн вместе с Ридом и Альбертом Рисом Вильямсом выступал на III Всероссийском съезде Советов. В апреле 1918 г. был принят в партию большевиков, в дальнейшем работал в Коминтерне и Профинтерне — 503, *625*, *630*.

Рибо Александр (1842—1923) — французский политический деятель. С весны до сентября 1917 г.— премьер-министр, затем — до ноября 1917 г.— министр иностранных дел — 522.

Родзянко М. В. (1859—1924) — крупный помещик, один из лидеров партии октябристов, монархист. В 1917 г.— один из главарей корниловщины, после Октябрьской социалистической революции бежал к Деникину, пытался объединить контрреволюционные силы в борьбе против Советской власти; позднее эмигрировал — 260, 261, 291, 518, 533, 534.

Рутенберг П. М. — в 1917 г. был назначен Временным правительством (вместе с П. И. Пальчинским) помощником «уполномоченного по водворению порядка» — 313, 348, 352, 548, 559.

Русанов — делегат Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — 524.

Рыков А. И. (1881—1938) — в большевистской партии состоял с 1899 г. После Октябрьской социалистической революции — на руководящей партийной и советской работе. Неоднократно выступал против ленинской политики партии: в ноябре 1917 г. был сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. В 1918 г. в числе «левых коммунистов» выступал против заключения Брестского мира; в 1928 г. один из лидеров правооппортунистического уклона. В 1937 г. за антипартийную деятельность был исключен из партии — 356, 377, 460, 463, 477, 478, 558, 561, *633*.

Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (1870—1938) — в социал-демократическом движении с 90-х годов. В годы первой мировой войны — центрист. На VI съезде был принят в ряды РСДРП(б). После Октябрьской социалистической революции работал в профсоюзах, с 1921 г. был директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1931 г. был исключен из ВКП(б) за содействие контрреволюционной деятельности меньшевиков — 299, 336, 343, 356, 364, 365, 387, 392, 428, 477, *633*.

Савинков Б. В. (1879—1925) — видный деятель партии эсеров, один из руководителей ее «боевой организации». После Февральской революции — товарищ военного министра, затем военный генерал-губернатор Петрограда. После Октябрьской социалистической революции — организатор ряда контрреволюционных мятежей, ярый враг Советской власти; в 1924 г. нелегально приехал в СССР, был арестован; покончил с собой в тюрьме — 272, 282, 407, *639*.

Сак А.-Дж. — американский публицист — 256, 514.

Салазкин С. С.— представитель группы «земцев», министр народного просвещения в последнем составе Временного правительства — 374, 375.

Сахарашвили Д.А.—представитель группы объединенных социал-демократов-интернационалистов — 505.

Сватиков— комиссар Временного правительства во Франции — 524.

Свердлов Я. М. (1885—1919) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства. Принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции, член Петроградского воен-

ного движения, на VI съезде РСДРП(б) был избран в члены ЦК, входил в Военно-революционный центр по руководству восстанием. В 1918 г. был назначен председателем Петроградской ЧК. Убит эсером — 356, 361, 582, *632*, *635*.

Уэрта Викториано (1854—1916) — мексиканский реакционный генерал, служил при Диасе, затем поддержал Мадеро, а в 1912 г. помог ему подавить мятеж Ороско. В феврале 1913 г. совершил контрреволюционный переворот, сверг Мадеро, который затем был убит уэртистами. В ответ развернулось широкое народное движение в защиту попранной Уэртой конституции. Летом 1914 г. Уэрта потерпел поражение; умер в тюрьме — 41, 43, 64, 116, 122, 207, *618*, *621*, *622*.

Филипповский В. Н.— эсер, в 1917 г.— заместитель председателя ЦИК первого созыва, один из руководителей эсеровского мятежа 1918 г.— 338, 387.

Ханжонов—председатель Всероссийского съезда броневых частей — 393—395.

Харраш Я. А. — меньшевик, участник II Всероссийского съезда Советов, представитель комитета XII армии — 340, 342, *634*.

Хинчук Л. М. (1868—1944) — до 1919 г. меньшевик, член ЦК меньшевиков; с 1920 г. в большевистской партии, на руководящей советской работе — 338, 340—342, 345. *634*.

Хуарес Бенито (1806—1872) — президент Мексики с 1858 по 1872 г., индеец по происхождению. В 1859 г. издал закон об отделении церкви от государства и национализации церковного имущества, в 1867 г. одержал победу над французскими интервентами. Его индейское происхождение, борьба с засилием католической церкви и интервенцией, осуществление ряда прогрессивных реформ сделали его популярным национальным мексиканским героем — 62.

Церетели И. Г. (1882—1959) — один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции — член Исполкома Петроградского Совета и член ЦИК первого созыва, в мае 1917 г. вошел во Временное правительство в качестве министра почт и телеграфов, после июльских событий — министр внутренних дел, боролся с большевиками. После Октябрьской социалистической революции — один из руководителей контрреволюционного меньшевистского правительства в Грузии, затем белоэмигрант — 262, 272, 278, 283, 338, 388, 512, 597, 598, *640*.

Чайковский Н. В. (1850—1926) — народник, впоследствии эсер. После Октябрьской социалистической революции — организатор антисоветских мятежей, содействовал вооруженной интервенции против Советской России. В 1919 г. эмигрировал, активно поддерживал Деникина и Врангеля — 261, 294, 493.

Черемисов В. А. (род. в 1871) — генерал, в 1917 г. командовал XII корпусом, после корниловского мятежа — главнокомандующий армиями Северного фронта; белоэмигрант — 311, 355.

Чернов В. М. (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В мае—августе 1917 г.— министр земледелия во Временном правительстве, после Октябрьской социалистической революции — один из организаторов антисоветских мятежей. В 1920 г. эмигрировал и продолжал активную борьбу против Советского государства — 263, 272, 278, 283, 362, 373, 405, 432, 441, 443, 471, 487, 495—497, 501, 502, 512, 597, 598, *640*.

Чудновский Г. И. (1894—1918) — социал-демократ; на VI съезде РСДРП(б) был принят в партию большевиков. Активный участник Октябрьского восстания в Петрограде, один из руководителей штур-

Б. Гиленсон

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

Том 174

Джон Рид

ВОССТАВШАЯ МЕКСИКА

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР

АМЕРИКА 1918

*

Редактор Б. Грибанов

Оформление «Библиотеки» Д. Бисти

Суперобложка и портрет Д. Рида В. Шаранговича

Художественный редактор Л. Калитовская

Технический редактор Л. Платонова

Корректор Г. Сурис

*

Сдано в набор 10/VII 1967 г. Подписано к печати 28/XI 1967 г. Бумага типогр. № 1, форм. $60\times84^{1}/_{16}$—41,5 печ. л. = 38,72 усл. печ. л. 38,899 + 5 накидок + 1 вкл. = 38,559 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1818. Цена 2 р. 49 к.

Издательство «Художественная литература» Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, Ж-54, Валовая, 28